

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ
ИСТОРИИ

А.И.СОЛЖЕНИЦЫН

ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ

(1795–1995)

А.И.Солженицын ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ (1795–1995)

1

ИН
РИ

ИССЛЕДОВАНИЯ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Под общей редакцией
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

7

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ

(1795–1995)

ЧАСТЬ I

МОСКВА
РУССКИЙ ПУТЬ
2001

ББК 63.3 (2)
С 60

ISBN 5-85887-110-0

Серия: Исследования новейшей русской истории 7

Редактор тома
Н.Д.Солженицына

ВХОД В ТЕМУ

Сквозь полвека работы над историей российской революции я множество раз соприкасался с вопросом русско-еврейских взаимоотношений. Они то и дело клином входили в события, в людскую психологию и вызывали накалённые страсти.

Я не терял надежды, что найдётся прежде меня автор, кто объёмно и равновесно, обоесторонне осветит нам этот калёный клин. Но чаще встречаем укоры односторонние: либо о вине русских перед евреями, даже об извечной испорченности русского народа, — этого с избытком. Либо, с другой стороны: кто из русских об этой взаимной проблеме писал — то большей частью запальчиво, переклонно, не желая и видеть, что́ бы зачесть другой стороне в заслугу.

Не скажешь, что не хватает публицистов, — особенно у российских евреев их намного, намного больше, чем у русских. Однако при всём блистательном наборе умов и перьев — до сих пор не появился такой показ или освещение взаимной нашей истории, который встретил бы понимание с обеих сторон.

Но надо научиться не натягивать до звона напряжённых нитей переплетения.

Рад бы я был не пытать своих сил ещё на такой остроте́. Но я верю, что эта история — попытка вникнуть в неё — не должна оставаться «запрещённой».

История «еврейского вопроса» в России (и только ли в России?) в первую очередь *богата*. Писать о ней — значит услышать самому новые голоса и донести их до читателя. (В этой книге еврейские голоса прозвучат много обильнее, нежели русские.)

Но, по порывам общественного воздуха, — получается чаще: как идти по лезвию ножа. С *двух* сторон ощущаешь на себе возможные, невозможные и ещё нарастающие упрёки и обвинения.

Чувство же, которое ведёт меня сквозь книгу о 200-летней совместной жизни русского и еврейского народов, — это поиск всех точек единого понимания и всех возможных путей в будущее, очищенных от горечи прошлого.

Как и все другие народы, как и все мы, — еврейский народ и активный субъект истории и страдательный объект её, а нередко выполнял, даже и неосознанно, крупные задачи, навязанные Историей. «Еврейский вопрос» трактовался с многоположных точек зрения всегда страстно, но часто и самообманно. А ведь события, происходившие с любым народом в ходе Истории, — далеко не всегда определялись им одним, но и народами окружающими.

Слишком повышенная горячность сторон — унизительна для обеих. Однако не может существовать земного вопроса, негодного к раздумчивому обсуждению людьми. Увы, накоплялись в народной памяти взаимные обиды. Однако если замалчивать происшедшее — то когда излечим память? Пока народное мнение не найдёт себе ясного пера — оно бывает гул неразборчивый, и хуже угрозно.

От минувших двух столетий уже не отвернуться наглухо. И — планета же стала мала, и в любом разделении — мы опять соседи.

Я долго откладывал эту книгу и рад бы не брать на себя тяжесть её писать, но сроки моей жизни на исчерпе, и приходится взяться.

Никогда я не признавал ни за кем права на сокрытие того, что было. Не могу звать и к такому согласию, которое основывалось бы на неправедном освещении прошлого. Я призываю обе стороны — и русскую, и еврейскую — к терпеливому взаимопониманию и признанию своей доли греха, — а так легко от него отвернуться: да это же не *мы*...

Искренно стараюсь понять обе стороны. Для этого — погружаюсь в события, а не в полемику. Стремлюсь *показать*. Вступаю в споры лишь в тех неотклонимых случаях, где справедливость покрыта наслоениями неправды. Смею

ожидать, что книга не будет встречена гневом крайних и непримиримых, а наоборот, сослужит взаимному согласию. Я надеюсь найти доброжелательных собеседников и в евреях, и в русских.

Автор понимает свою конечную задачу так: посильно разглядеть для будущего взаимодоступные и добрые пути русско-еврейских отношений.

1995

Эту книгу я писал, исходя лишь из велений исторического материала и поиска доброжелательных решений на будущее. Но надо и не упускать из виду: за последние годы состояние России столь крушительно изменилось, что исследуемая проблема сильно отодвинулась и померкла сравнительно с другими нынешними российскими.

2000

КРУГ РАССМОТРЕНИЯ

Какие могут быть границы у этой книги?

Я отдаю себе отчёт во всей сложности и огромности предмета. Понимаю, что у него есть и метафизическая сторона. Говорят даже, еврейскую проблему можно понять только и исключительно в религиозном и мистическом плане. Наличие такого плана я несомненно признаю́, но, хотя о том написаны уже многие книги, — думаю, он скрыт от людей и принципиально недоступен даже знатокам.

Однако и *все* основные судьбы человеческой истории конечно имеют мистические связи и влияния — но это не мешает нам рассматривать их в плане историко-бытийном. И вряд ли верховое освещение всегда обязательно для рассмотрения осязаемых, близких к нам явлений. В пределах нашего земного существования мы можем судить и о русских, и о евреях — земными мерками. А небесные оставим Богу.

Я хочу осветить вопрос — в исторических, политических, бытовых и культурных отношениях только, — и почти только в пределах совместной двухвековой жизни русских и евреев в одном государстве. Я и думать не смею касаться четырёх-трёхтысячелетней глубины еврейской истории, уже внушительно наслоенной в стольких книгах и в бережных энциклопедиях. Не берусь я рассматривать историю евреев и в самых близких к нам странах — Польше, Германии, Австро-Венгрии. Я сосредоточиваюсь на русско-еврейских отношениях, притом с перевесом на XX век, знаменательный и катастрофичный в жизни обоих наших народов. На трудном взаимном опыте нашего сосуществования, и с попыткой рассеять непонимание ошибочное и обвинения ложные, а напомнить и об обвинениях справед-

ливых. Книги, напечатанные в первые десятилетия этого века, уже и сильно не поспели в охвате этого опыта.

Конечно, современный автор не может при том упустить из виду уже полувековое существование государства Израиль и огромное влияние его на еврейскую, и не только еврейскую, жизнь во всём мире. Не может, хотя бы для объёмности собственного понимания, не попытаться для себя самого сколько-то вникнуть и во внутреннюю жизнь Израиля и духовные направления в нём, — а тогда невольно, боковыми отблесками, это может отразиться и в книге. Было бы непомерной претензией со стороны автора включать сюда основательное рассмотрение принципиальных вопросов сионизма и жизни Израиля. Однако я большое внимание придаю публикациям современных культурных российских евреев, проживших десятилетия в СССР, затем переехавших в Израиль и, таким образом, имевших случай переобмыслить на своём опыте многие еврейские проблемы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Глава 1 — ВКЛЮЧАЯ XVIII ВЕК

В этой книге не рассматривается пребывание евреев в России прежде 1772 года. Мы ограничимся здесь лишь несколькими страницами напоминания о более древнем периоде.

Первым русско-еврейским пересечением можно было бы счесть войны Киевской Руси с хазарами — но это не вполне точно, ибо хазары имели только верхушку из иудейского племени, а сами были тюрки, принявшие иудейское вероисповедание.

Если следовать изложению солидного еврейского автора уже середины нашего века Ю.Д. Бруцкуса, какая-то часть евреев из Персии через Дербентский проход переместилась на нижнюю Волгу, где с 724 после Р.Х. выросла Итиль — столица хазарского каганата[1]. Племенные вожди тюрко-хазаров (ещё тогда идолопоклонников[2]) не желали мусульманства, чтобы не подчиняться багдадскому халифу, ни христианства — чтоб избежать опеки и византийского императора; и оттого около 732 племя перешло в иудейскую религию. — Само собой была еврейская колония и в Боспорском царстве (Крым, Таманский полуостров), куда император Адриан переселил еврейских пленников в 137, после подавления Бар-Кохбы. Впоследствии еврейское население в Крыму устойчиво держалось и под готами, и под гуннами, и особенно Кафа (Керчь) сохранялась еврейской. — В 933 князь Игорь брал, на время, Керчь, Святослав же Игоревич отвоевал от хазаров Придонье. В 969 руссы уже владели всем Поволжьем, с Итилем, и русские корабли появлялись у Семендера (дербентское побережье). — Остатки хазаров — это кумыки на Кавказе, а в Крыму они

---

[1] *Ю. Бруцкус.* Истоки русского еврейства // [Сб.] Еврейский мир: Ежегодник на 1939 г. (далее — ЕМ-1). Париж: Объединение русско-еврейской интеллигенции, с. 17–23.

[2] Еврейская Энциклопедия (далее — ЕЭ): В 16-ти т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1906–1913. Т. 15, с. 648.

вместе с половцами составили крымо-татар. (Караимы и евреи-крымчаки, однако, не перешли в магометанство.) — Добил хазаров Тамерлан.

Впрочем, ряд исследователей полагает (точных доказательств нет), что в каком-то объёме евреи переместились в западном и северо-западном направлении через южнорусское пространство. Так, востоковед и семитолог Авраам Гаркави пишет, что еврейская община в будущей России «была образована евреями, переселившимися с берегов Чёрного моря и с Кавказа, где жили их предки после ассирийского и вавилонского пленений»[3]. К этому взгляду близок и Ю.Д. Бруцкус. (Есть мнение и: что это — остатки тех «пропавших» десяти колен Израиля.) Такое движение, может быть, доканчивалось ещё и после падения Тмутаракани (1097) от половцев. — По мнению Гаркави, разговорным языком этих евреев, по крайней мере с IX века, был славянский, и только в XVII веке, когда украинские евреи бежали от погромов Хмельницкого в Польшу, языком их стал идиш, каким говорили евреи в Польше.

Разными путями евреи попадали и в Киев и оседали там. Уже при Игоре нижняя часть города называлась Козары; сюда Игорь добавил в 933 пленных евреев из Керчи. Потом прибывали пленные евреи в 965 из Крыма, в 969 — *козары* из Итиля и Семендера, в 989 — из Корсуни (Херсонеса), в 1017 из Тмутаракани. Появлялись в Киеве и западные евреи: в связи с караванной торговлей Запад — Восток, а может быть, с конца XI в., и от преследований в Европе при первом крестовом походе[4].

Также и более поздние исследователи подтверждают хазарское происхождение «иудейского элемента» в Киеве XI в. Даже ранее: на рубеже IX–X вв. в Киеве отмечено наличие «хазарской администрации и хазарского гарнизона». А уж «в первой половине XI в. еврейский и хазарский элемент в Киеве... играл значительную роль»[5]. Киев IX–X веков был многонационален и этнически терпим.

---

[3] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ): 1976 — ... [продолж. изд.]. Т. 2, Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1982, с. 40.

[4] ЕЭ, т. 9, с. 516.

[5] *В.Н. Топоров.* Святость и святые в русской духовной культуре: В 2-х т. Т. I, М.: Гнозис: Школа «Языки русской культуры», 1995, с. 283–286, 340.

Таким образом, в конце X века, к моменту выбора Владимиром новой веры для руссов — не было недостатка евреев в Киеве, и нашлись из них учёные мужи, предлагавшие иудейскую веру. Но выбор произошёл иначе, чем в Хазарии за 250 лет до того. Карамзин перелагает так: «Выслушав иудеев, [Владимир] спросил: где их отечество? — "В Иерусалиме", — ответствовали проповедники, — "но Бог во гневе своём расточил нас по землям чуждым". — "И вы, наказываемые Богом, дерзаете учить других?" — сказал Владимир. — "Мы не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества"»[6]. — После крещения Руси, добавляет Бруцкус, приняла христианство и часть козарских евреев в Киеве; и даже: из них? — был затем, в Новгороде, один из первых на Руси христианский епископ и духовный писатель — Лука Жидята[7].

Сосуществование христианской и иудейской религии в Киеве не могло не привести учёных мужей к напряжённому сопоставлению их. В частности, это родило знаменательное в русской литературе «Слово о Законе и Благодати» (сред. XI в.): утверждение христианского самосознания у русских на века вперёд. «Полемика здесь так свежа и жива, как она представляется в посланиях апостольских»[8]. Ведь это был всего лишь первый век христианства на Руси. Тогдашних русских неофитов иудеи остро интересовали именно по размышлениям религиозным — а в Киеве как раз и были возможности контактов. Этот интерес был выше, чем при новом потом соседстве с XVIII века.

Затем больше столетия евреи интенсивно участвовали в обширной торговой деятельности Киева. «В новых городских стенах (закончены в 1037) имелись Жидовские ворота, к которым примыкал еврейский квартал»[9]. Евреи Киева не встречали ограничений или враждебности от князей и даже имели покровительство их, особенно Святополка Изяславича, так как торговля и предпринимательство евреев были выгодны для казны.

---

[6] *Н.М. Карамзин.* История государства Российского: В 12-ти т. 5-е изд., СПб.: Эйнерлинг, 1842–1844. Т. I, с. 127; см. также: *С.М. Соловьёв.* История России с древнейших времён: В 15-ти кн. М.: Изд-во соц.-эконом. литературы, 1962 –1966. Кн. I, с.181.

[7] *Ю. Бруцкус* // ЕМ-1, с. 21–22; ЕЭ, т. 7, с. 588.

[8] *Топоров*, т. I, с. 280.

[9] КЕЭ, т. 4, с. 253.

В 1113, когда, после смерти Святополка, Владимир (будущий Мономах) всё ещё, из совести, колебался занять киевский престол ранее Святославичей, — «мятежники, пользуясь безначалием, ограбили дом Тысячского... и всех Жидов, бывших в столице под особенным покровительством корыстолюбивого Святополка... Причиною Киевского мятежа было, кажется, лихоимство Евреев: вероятно, что они, пользуясь тогдашнею редкостию денег, угнетали должников неумеренными ро́стами»[10]. (Есть указания, например в «Уставе» Мономаха, что киевские ростовщики брали до 50% годовых.) При том Карамзин ссылается и на летописи, и на добавление В.Н. Татищева. У Татищева же находим: «Потом Жидов многих побили и домы их разграбили за то, что сии многии обиды и в торгах христианом вред чинили. Множество же их, собрався к их Синагоге, огородясь, оборонялись, елико могли, прося времяни до прихода Владимирова». А после его прихода киевляне «просили его всенародно о управе на Жидов, что отняли все промыслы христианом и при Святополке имели великую свободу и власть... Они же многих прельстили в их закон»[11].

По мнению М.Н. Покровского, киевский погром 1113 носил социальный, а не национальный характер. (Правда, приверженность к социальным толкованиям этого «классового» историка хорошо известна.)

Владимир, заняв киевский престол, так отвечал жалобщикам: «Понеже их [Жидов] всюду в разных княжениях вошло и населилось много и мне не пристойно без совета князей, паче же и противо правости... на убивство и грабление их позволить, где могут многие невинные погинуть. Для того немедленно созову князей на совет»[12]. На совете принят был закон об ограничении ро́стов, который Владимир включил в Устав Ярославов. А Карамзин, следуя Татищеву, сообщает, что по решению совета Владимир «выслал всех Жидов; что с того времени *не было* их в нашем отечестве». Но тут же оговаривается: «В летописях напротив того сказано, что в 1124 году [в большой пожар] *погорели*

---

[10] *Карамзин*, т. II, с. 87, 89.

[11] *В.Н. Татищев.* История Российская: В 7-ми т. (1962–1966). Т. 2. М.; Л.: АН СССР, 1963, с. 129.

[12] Там же*, с. 129. (В дальнейшем, если цитата приводится по данному изданию, а не по оригиналу, ссылка снабжается знаком *.)

Жиды в Киеве: следственно их не выгнали»[13]. (Бруцкус поясняет, что это был «в лучшей части города целый квартал... у Жидовских ворот рядом с Золотыми Воротами»[14].)

По крайней мере один еврей был в доверии у Андрея Боголюбского во Владимире. «В числе приближённых к Андрею находился также какой-то Ефрем Моизич, которого отчество — Моизич, или Моисеевич, указывает на жидовское происхождение», и он, по словам летописца, был среди зачинщиков заговора, которым был убит Андрей[15]. Но есть и такая запись, что при Андрее Боголюбском «приходили из Волжских областей много Болгар и Жидов и принимали крещение», а после убийства Андрея сын его Георгий сбежал в Дагестан к еврейскому князю[16].

Вообще же по периоду Суздальской Руси сведения о евреях скудны, как, очевидно, и их численность там.

Еврейская энциклопедия отмечает, что в русском былевом эпосе «“Иудейский Царь” является... излюбленным общим термином для выражения врага христианской веры», как и Богатырь-Жидовин в былинах об Илье и Добрыне[17]. Здесь могут быть и остатки воспоминаний о борьбе с Хазарией. И тут же проступает религиозная основа той враждебности и отгораживания, с какою евреев не допускали в Московскую Русь.

С нашествия татар прекратилась оживлённая торговая деятельность в Киевской Руси, и многие евреи, видимо, ушли в Польшу. (Впрочем, еврейские поселения на Волыни и в Галиции сохранились, мало пострадав от татарского нашествия.) Энциклопедия сообщает: «Во время нашествия татар (1239), разрушивших Киев, пострадали также евреи, но во второй половине 13 в. они приглашались великими князьями селиться в Киеве, находившемся под верховным владычеством татар. Пользуясь вольностями, предоставленными евреям и в других татарских владениях, киевские евреи вызвали этим ненависть к себе со стороны мещан»[18]. Подобное происходило не только в Киеве, но и в городах Се-

---

[13] *Карамзин*, т. II, Примечания, с. 89.

[14] *Ю.Бруцкус* // ЕМ-1, с. 23.

[15] *С.М.Соловьёв*, кн. I, с. 546.

[16] *Ю.Бруцкус* // ЕМ-1, с. 26.

[17] ЕЭ, т. 9, с. 5.

[18] Там же, с. 517.

верной России, куда при татарском господстве открылся «путь многим купцам Бесерменским, Харазским или Хивинским, издревле опытным в торговле и хитростях корыстолюбия: сии люди откупали у Татар дань наших Княжений, брали неумеренные рóсты с бедных людей, и в случае неплатежа объявляя должников своими рабами, отводили их в неволю. Жители Владимира, Суздаля, Ростова вышли наконец из терпения и единодушно восстали, при звуке Вечевых колоколов, на сих злых лихоимцев: некоторых убили, а прочих выгнали»[19]. В наказание восставшим грозил приход карательной армии от хана, предотвращённый посредничеством Александра Невского. — «В документах 15 в. упоминаются киевские евреи — сборщики податей, владевшие значительным имуществом»[20].

«Движение евреев из Польши на Восток», в том числе и в Белоруссию, «замечается и в 15 в.: встречаются откупщики таможенных и других сборов в Минске, Полоцке», Смоленске, но ещё не создаётся там их оседлая общинная жизнь. А после короткого изгнания евреев из Литвы (1495) «движение на Восток возобновилось с особой энергией в начале 16 в.»[21].

Проникновение же евреев в Московскую Русь было самым незначительным, хотя приезду извне «влиятельных евреев в Москву не чинили тогда препятствий»[22]. Но в конце XV в. у самого центра духовной и административной власти на Руси происходят как будто и негромкие события, однако могшие повлечь за собой грозные волнения или глубокие последствия в духовной области. Это так называемая «ересь жидовствующих». По выражению противоборца ей Иосифа Волоцкого: «Благочестивая земля Русская не видала подобного соблазна от века Ольгина и Владимирова»[23].

Началось это, по Карамзину, так: приехавший в 1470 в Новгород из Киева еврей Схариа «умел обольстить там двух Священников, Дионисия и Алексия; уверил их, что закон Моисеев есть единый Божественный; что История

[19] *Карамзин*, т. IV, с. 54–55.

[20] КЕЭ, т. 4, с. 254.

[21] ЕЭ, т. 5, с. 165.

[22] ЕЭ, т. 13, с. 610.

[23] *Карамзин**, т. VI, с. 121.

Спасителя выдумана; что Христос ещё не родился; что не должно поклоняться иконам, и проч. Завелась Жидовская ересь»[24]. С. Соловьёв добавляет, что Схариа достиг этого «с помощью пятерых сообщников, также Жидов», и что эта ересь была, «как видно, смесь иудейства с христианским рационализмом, отвергавшая таинство Св. Троицы, божество Иисуса Христа»[25]. После этого «поп Алексий назвал себя Авраамом, жену свою Саррою, и развратил, вместе с Дионисием, многих Духовных и мирян... Но трудно понять, чтобы Схариа мог столь легко размножить число своих учеников Новогородских, если бы мудрость его состояла единственно в отвержении Христианства и в прославлении Жидовства... вероятно, что Схариа обольщал Россиян Иудейскою Каббалою, наукою пленительною для невежд любопытных и славною в XV веке, когда многие из самых ученых людей... искали в ней разрешения всех важнейших загадок для ума человеческого. Каббалисты хвалились... что они знают все тайны Природы, могут изъяснять сновидения, угадывать будущее, повелевать Духами...»[26].

Напротив, Ю.И. Гессен, еврейский историк XX века, считает, правда не указывая никаких источников: «вполне установлено, что ни в насаждении ереси... ни в её дальнейшем распространении евреи не принимали никакого участия»[27]. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона утверждает, что «собственно еврейский элемент не играл, кажется, в этом учении особенно видной роли и сводился к некоторым обрядам»[28]. Современная же ему Еврейская энциклопедия пишет: «спорный вопрос о еврейском влиянии на секту ныне, после опубликования “Псалтири жидовствующих” и других памятников... следует считать решённым в утвердительном смысле»[29].

«Новогородские еретики соблюдали наружную пристойность, казались смиренными постниками, ревностны-

---

[24] Там же, с. 121.

[25] *С.М. Соловьёв*, кн. III, с. 185.

[26] *Карамзин*, т. VI, с. 121–122.

[27] *Ю. Гессен*. История еврейского народа в России: В 2-х т. Т. 1, Л., 1925, с. 8.

[28] Энциклопедический словарь: В 82-х т. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1890–1904. Т. 22, 1894, с. 943.

[29] ЕЭ, т. 7, с. 577.

ми в исполнении всех обязанностей благочестия»[30], и это «обратило на них внимание народа и содействовало быстрому распространению ереси»[31]. И когда, после падения Новгорода, Иоанн III посетил его, то обоих начальных еретиков, Алексия и Дионисия, за все достоинства их благочестия в 1480 взял с собой в Москву и возвысил в протоиереев Успенского и Архангельского соборов в Кремле. «С ними перешёл туда и раскол, оставив корень в Новегороде. Алексий снискал особенную милость Государя, имел к нему свободный доступ, и тайным своим учением прельстил» не только нескольких крупных духовных и государственных чинов, но убедил великого князя возвести в митрополиты — то есть во главу всей русской Церкви — из своих обращённых в ересь архимандрита Зосиму. А кроме того обратил в ересь и Елену, невестку великого князя, вдову Иоанна Младого и мать возможного наследника престола, «внука благословенного» Дмитрия[32].

Поразителен быстрый успех и лёгкость этого движения. Они объясняются, очевидно, взаимным интересом. «Когда переводилась на русский язык с еврейского "Псалтырь жидовствующих" и другие произведения, имеющие целью обольщение неискушённого русского читателя и иногда отчётливо антихристианские, можно было бы думать о заинтересованности в них только евреев и иудаизма». Однако и «русский читатель был заинтересован... в переводах еврейских религиозных текстов», отсюда и — «какой успех имела пропаганда "жидовствующих" в разных слоях общества»[33]. Острота и живость этого контакта напоминает ту, что возникла в Киеве в XI веке.

Однако архиепископ новгородский Геннадий около 1487 раскрыл ересь, прислал в Москву несомненные её доказательства и продолжал розыск и обличение ереси до тех пор, пока для её разбора не был собран в 1490 Церковный Собор (под вождением только что поставленного митрополитом Зосимы). «С ужасом слушали Геннадиеву обвинительную грамоту... что сии отступники злословят Христа и Богоматерь, плюют на кресты, называют иконы болвана-

---

30 *Карамзин*, т. VI, с. 122.

31 *С.М. Соловьёв*, кн. III, с. 185.

32 *Карамзин*, т. VI, с. 120–123.

33 *Топоров*, т. I, с. 357.

ми, *грызут оныя зубами*, повергают в места нечистые, не верят ни Царству Небесному, ни воскресению мертвых и, безмолвствуя при усердных Христианах, дерзостно развращают слабых»[34]. «Из [соборного] приговора видно, что жидовствующие не признавали Иисуса Христа Сыном Божиим... учили, что Мессия ещё не явился... почитали ветхозаветную субботу "паче Воскресения Христова"»[35]. На Соборе предлагали казнить еретиков — но волею Иоанна III их осудили на заточение, а ересь прокляли. «Такое наказание по суровости века и по важности разврата было весьма человеколюбиво»[36]. Историки единодушно объясняют эту сдержанность Иоанна тем, что ересь уже завелась под его собственной крышей, её приняли «люд[и] известны[е], могущественны[е] по своему влиянию», в том числе «славный своею грамотностию и способностями» Иоаннов всесильный дьяк (как бы иностранных дел министр) Фёдор Курицын[37]. «Странный либерализм Москвы проистекал от временной "диктатуры сердца" Ф. Курицына. Чарами его секретного салона увлекался сам великий князь и его невестка... Ересь не только не замирала, но... пышно цвела и распространялась... При московском дворе... в моде были астрология и магия, вместе с соблазнами псевдо-научной ревизии всего старого, средневекового мировоззрения», это было широкое «вольнодумство, соблазны просветительства и власть моды»[38].

Еврейская энциклопедия ещё предполагает, что Иоанн III «из политических соображений не выступал против ереси. С помощью [С]харии он надеялся усилить своё влияние в Литве», а кроме того хотел сохранить расположение влиятельных крымских евреев: «князя и владетеля Таманьского полуострова Захарии де Гвизольфи» и крымского еврея Хози Кокоса, близкого к хану Менгли-Гирею[39].

После Собора 1490 Зосима ещё несколько лет гнездил тайное общество, но был раскрыт и он, и в 1494 великий

[34] *Карамзин*, т. VI, с.123.

[35] ЕЭ, т.7, с. 580.

[36] *Карамзин*, т. VI, с.123.

[37] *С.М.Соловьёв*, кн. III, с.186.

[38] *А.В.Карташев*. Очерки по истории Русской Церкви: В 2-х т. Т. I, Париж: YMCA-Press, 1959, с. 495, 497.

[39] ЕЭ, т. 13, с. 610.

князь повелел ему, без суда и шума, как бы добровольно удалиться в монастырь. «Ересь, однако, не ослабела: одно время (1498) последователи её едва не захватили в Москве всей власти и ставленник их Димитрий, сын княгини Елены, был венчан на царство»[40]. Но вскоре Иван III помирился с женой Софьей Палеолог, и с 1502 трон наследовал её сын Василий. (А Курицын к тому времени умер.) И еретики после Собора 1504 одни были сожжены, другие заточены, третьи бежали в Литву, «где формально приняли иудаизм»[41].

Отметим, что преодоление ереси «жидовствующих» дало толчок духовной жизни Московской Руси конца XV — начала XVI века, осознанию необходимости духовного просвещения, школ для духовенства, а с именем еп. Геннадия связано собирание и издание на Руси первой церковно-славянской Библии, ещё не существовавшей как единое собрание на Православном Востоке. С изобретением книгопечатания, «через 80 лет эта самая Геннадиева Библия... напечатана была в Остроге (1580–82 г.), как первопечатная церковно-славянская Библия, и тогда ещё опередившая этим своим появлением весь православный Восток»[42]. Широко обобщает это явление и акад. С.Ф. Платонов: «Движение “жидовствующих” несомненно заключало в себе элементы западно-европейского рационализма... Ересь была осуждена; её проповедники пострадали, но созданное ими настроение критики и скепсиса в отношении догмы и церковного строя не умерло»[43].

Современная Еврейская энциклопедия напоминает «предположение, что резко отрицательное отношение к иудаизму и евреям в Московской Руси, неизвестное там до начала 16 в.», повелось от этой борьбы с «жидовствующими»[44]. По духовным и государственным масштабам события это вполне правдоподобно. Но Ю.И. Гессен оспаривает такое мнение: «знаменательно, что столь специфическая окраска ереси, как “жидовская”, не помешала успеху секты

---

40 ЕЭ, т. 7, с. 579.

41 КЕЭ, т. 2, с. 509.

42 *Карташев*, т. I, с. 505.

43 *Акад. С.Ф. Платонов.* Москва и Запад. Берлин: Обелиск, 1926, с. 37–38.

44 КЕЭ, т. 2, с. 509.

и вообще не возбудила в ту пору враждебного отношения к евреям»[45].

В эти века, с XIII по XVIII, в соседней Польше создавалась, росла и укреплялась в своём устойчивом быте крупнейшая еврейская община, которой предстояло основать массив будущего российского еврейства, к XX веку главной части еврейства мирового. С XVI века происходило «значительное переселение польских и чешских евреев» на Украину, в Белоруссию и в Литву[46]. В XV в. еврейские купцы из польско-литовского государства ещё свободно приезжали и в Москву. Но это изменилось при Иоанне Грозном: въезд еврейским купцам был запрещён. А когда в 1550 польский король Сигизмунд-Август потребовал, чтоб им был дозволен свободный въезд в Россию, Иоанн отказал в таких словах: «в свои государства Жидом никак ездити не велети, занеже в своих государствах лиха никакого видети не хотим, а хотим того, чтобы Бог дал в моих государствах люди мои были в тишине безо всякого смущенья. И ты бы, брат наш, вперёд о Жидех к нам не писал»[47], они русских людей «от христианства отводили, и отравные зелья в наши земли привозили и пакости многие людям нашим делали»[48].

Есть легенда, что при взятии Полоцка в 1563, по жалобам русских жителей «на лихие дела и притеснения» от евреев, арендаторов и доверенных у польских магнатов, Иоанн IV приказал всем евреям тут же креститься, а отказавшихся, и будто ровно 300 человек, тут же, при себе, велел утопить в Двине. Но историки тщательные, как например Ю.И.Гессен, не только не подтверждают эту версию, хотя бы в ослабленном виде, но даже не упоминают о ней.

Зато он пишет, что при Лжедмитрии I (1605–06) евреи появились в Москве «в большом, сравнительно, числе», как и другие иностранцы. А после конца Смуты было объявлено, что Лжедмитрий II («Тушинский Вор») — «родом Жидовин»[49]. (О происхождении «Тушинского Вора» источ-

---

[45] *Ю.Гессен*, т. 1, с. 8.

[46] *Ю.Бруцкус* // ЕМ-1, с. 28.

[47] ЕЭ*, т. 8, с. 749.

[48] *Ю.Гессен**, т. 1, с. 8–9.

[49] Там же*, с. 9. (Если хотя бы одна из цитат, покрываемых ссылкой, приводится по данному изданию, а не по оригиналу, ссылка снабжается знаком *.)

ники разноречат. Одни утверждают, что это — поповский сын с Украйны Матвей Верёвкин; «или Жид... как сказано в современных бумагах государственных», он «разумел, если верить одному чужеземному историку, и язык Еврейский, читал Талмуд, книги Раввинов», «Сигизмунд послал Жида, который назвался Димитрием Царевичем»[50].) Из Еврейской энциклопедии: «Евреи входили в свиту самозванца и пострадали при его низложении. По некоторым сообщениям... Лжедмитрий II был выкрестом из евреев и служил в свите Лжедмитрия I»[51].

После Смуты нахлынувшие за её время польско-литовские люди были в России ограничены в правах, и «польско-литовские евреи должны были в этом отношении разделять судьбу своих сограждан», которым запретили ездить с товарами в Москву и замоскворецкие города[52]. (В договоре московитян с поляками о воцарении Владислава было оговорено: «Не склонять никого в Римскую, ни в другие Веры, и Жидам не въезжать для торговли в Московское Государство»[53]. А по другим сведениям, евреям — торговым людям после Смуты оставался свободен доступ и в Москву[54].) «Противоречивые распоряжения указывают на то, что правительство Михаила Фёдоровича не преследовало принципиальной политики по отношению к евреям... относилось более терпимо к евреям»[55].

«В годы правления Алексея Михайловича встречаются многие данные о пребывании евреев в России — в Уложении не содержится каких-либо ограничений относительно евреев... они имели тогда доступ во все русские города, включая Москву»[56]. По словам Гессена, среди населения, захваченного при русском наступлении на Литву в 30-е годы XVII в., было немало евреев, и «к ним применялись те же правила, какие были установлены для других». После воен-

[50] *Карамзин**, т. XII, с. 35, 36; Примечания, с. 33.

[51] КЕЭ, т. 7, с. 290.

[52] *Ю.Гессен*, т. 1, с. 9.

[53] *Карамзин*, т. XII, с. 141.

[54] *И.М.Дижур*. Евреи в экономической жизни России // [Сб.] Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до Революции 1917 г. (далее — КРЕ-1). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960, с. 156.

[55] ЕЭ, т. 13, с. 611.

[56] Там же.

ных действий 50–60-х «в московском государстве вновь появились пленные евреи, к ним отнеслись отнюдь не хуже, чем к прочим пленным». А после Андрусовского мира 1667 евреям «предложили остаться в стране. И многие, как видно, этим воспользовались». Иные приняли христианство и «некоторые из пленных явились родоначальниками русских дворянских фамилий»[57]. (Небольшое число крестившихся поселилось в XVII веке и на Дону, в станице Старочеркасской, и около десяти казачьих фамилий произошло от них.) Около того же 1667 англичанин Коллинз писал, что «евреи с недавнего времени размножились в Москве и при дворе», по-видимому при покровительстве придворного врача-еврея[58].

При Фёдоре Алексеевиче была попытка приказать: «Которые Евреяны впредь приедут с товары утайкою к Москве» — товаров их на таможне не принимать, ибо «Евреян с товары и без товаров из Смоленска пропускать не велено»[59]. Однако «практика не соответствовала... этому теоретическому правилу»[60].

К ранним годам (1702) царствования Петра, в связи с его манифестом, призывающим в Россию искусных иностранцев, относится его при том оговорка о евреях: «Я хочу... видеть у себя лучше народов Магометанской и языческой веры, нежели Жидов. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложаю; не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о том ни стараются, и как ближних ко мне ни подкупают»[61].

Однако за всё царствование Петра I нет никаких сведений о стеснениях евреев, не издано ни одного закона, ограничивающего их. Напротив, при общей благожелательности ко всяким иностранцам была широко открыта деятельность и для евреев, а по их возникающей незаменимости находим евреев и в ближайшем доверенном окружении императора: вице-канцлер барон Пётр Шафиров (крупный и плодотворный деятель, но и̍ склонный к мошенничеству, в чём его наказывал при жизни сам Пётр, а

[57] *Ю.Гессен*, т. 1, с. 9–10.

[58] ЕЭ*, т. 11, с. 330.

[59] Там же*.

[60] ЕЭ, т. 13, с. 612.

[61] *С.М. Соловьёв**, кн. VIII, с. 76.

после смерти Петра вёл расследование и Сенат[62]); его двоюродные племянники Абрам Веселовский, весьма приближенный к Петру, Исаак Веселовский; Антон Дивьер, первый генерал-полицеймейстер Петербурга; Вивьер, начальник тайного розыска; шут Акоста и др. В письме к А. Веселовскому Пётр выразил так: «Для меня совершенно безразлично, крещён ли человек или обрезан, чтобы он только знал своё дело и отличался порядочностью»[63]. Еврейские торговые дома из Германии запрашивали, чтобы русское правительство гарантировало им безопасность торговли с Персией через Россию, но этой гарантии не получили[64].

В начале XVIII в. развили евреи торговую деятельность и в Малороссии, за год до того, как это право получили великороссийские купцы. Гетман Скоропадский несколько раз объявлял указы о выселении евреев, но они не выполнялись, а, напротив, число евреев в Малороссии возрастало[65].

Екатерина I в 1727, незадолго до смерти, уступая настоянию Меншикова, распорядилась выселить евреев из Украйны (тут «могло иметь значение участие евреев в винных промыслах») и из российских городов. Но это распоряжение если и начало в какой-то мере осуществляться, то не продержалось и года[66].

В 1728, при Петре II, было разрешено «допущение евреев в Малороссию, как людей полезных для торговли края», сперва как «временное посещение», но «конечно, временное посещение стало превращаться в постоянное пребывание», нашлись доводы. При Анне это право было распространено в 1731 на Смоленскую губернию, в 1734 — и на Слободскую Украйну (северо-восточнее Полтавы). Вместе с тем дозволены были евреи к аренде у помещиков, к виноторговле, а в 1736 допустили и поставку евреями водки из Польши также и в казённые кабаки Великороссии[67].

---

[62] *С. М. Соловьёв*, кн. X, 1963, с. 477.

[63] ЕЭ*, т. 5, с. 519.

[64] ЕЭ, т. 11, с. 330.

[65] *Ю. Гессен*, т. 1, с. 11–12.

[66] Там же, с. 13; ЕЭ, т. 2, с. 592.

[67] *Ю. Гессен*, т. 1, с. 13–15; ЕЭ, т. 2, с. 592.

Следует упомянуть и фигуру финансиста Леви Липмана из Прибалтики. Когда будущая императрица Анна Иоанновна ещё жила в Курляндии, она сильно нуждалась в деньгах, «и возможно, что уже тогда Липман имел случай быть ей полезным». Ещё при Петре он переехал в Петербург. При Петре II он «становится финансовым агентом или ювелиром при русском дворе». При воцарении Анны Иоанновны он получает «крупны[е] связ[и] при дворе» и чин обергофкомиссара. «Имея непосредственные сношения с императрицей, Липман находился в особенно тесной связи с её фаворитом Бироном... Современники утверждали, что... Бирон обращался к нему за советами по вопросам русской государственной жизни. Один из послов при русском дворе писал... можно сказать... что "именно Липман управляет Россией"». Позже эти оценки современников подвергнуты некоторому умалению[68]. Однако Бирон «передал ему [Липману] почти всё управление финансами и различные торговые монополии»[69]. («Липман продолжал исполнять свои функции при дворе и тогда, когда Анна Леопольдовна... сослала Бирона»[70].)

Не без влияния же остался Липман и на общее отношение Анны Иоанновны к евреям. Хотя в 1730, при вступлении на престол, она в письме к своему послу при гетмане Малороссии и выражала тревогу: «Мы слышим, что малороссийского народа в купечестве обращается самое малое число, но более торгуют Греки, Турки и Жиды»[71] (отсюда ещё раз можно заключить, что высылка 1727 не была реальной), — но так же остались невыполненными и указы Анны — 1739, о запрете евреям аренды земли в Малороссии, и 1740, о высылке оттуда за рубеж около 600 евреев[72]. (Тому, конечно, препятствовали ещё и интересы помещиков.)

Елизавета же, через год по воцарении, издала указ (декабрь 1742): «Во всей нашей империи Жидам жить запрещено; но ныне нам известно учинилось, что оные Жиды ещё в нашей империи, а наипаче в Малороссии под разны-

---

[68] ЕЭ, т. 10, с. 224–225.

[69] ЕЭ, т. 4, с. 591.

[70] ЕЭ, т. 10, с. 225.

[71] *С.М. Соловьёв*, кн. X, с. 256–257.

[72] *Ю.Гессен*, т. 1, с. 15.

ми видами жительство своё продолжают, от чего не иного какого плода, но токмо яко от таковых имени Христа Спасителя ненавистников нашим верноподданным крайнего вреда ожидать должно, того для повелеваем: из всей нашей империи всех мужеска и женска пола Жидов со всем их имением немедленно выслать за границу и впредь ни для чего не впускать, разве кто из них захочет быть в христианской вере греческого исповедания»[73].

Это была та самая религиозная нетерпимость, которая сотрясала Европу несколько веков подряд. В образе мыслей того времени в ней не заключалась никакая особо русская или исключительно к евреям враждебность. Внутри христиан религиозная нетерпимость проводилась никак не с меньшей жестокостью, — как и в самой России железо-огненное преследование старообрядцев, то есть и вовсе же единоверцев, православных.

Этому указу Елизаветы «была придана широкая огласка. Однако тотчас же были сделаны попытки склонить государыню к уступке». Войсковая канцелярия доносила из Малороссии в Сенат, что вот уже выслано 140 человек, но «запрещение евреям привозить товары повлечёт за собою уменьшение государственных доходов»[74]. И Сенат подал доклад императрице, что «от прошлогоднего указа о недопущении Жидов в империю торговля как в Малороссии, так и в Остзейских областях потерпела большой ущерб, а вместе с тем потерпит и казна от уменьшения пошлин». Императрица положила в ответ резолюцию: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли»[75].

Гессен заключает, что, таким образом, «Россия осталась при Елизавете без евреев»[76]. Еврейский же историк С. Дубнов сообщает, что при Елизавете, как «подсчитал один историк-современник... к 1753 году из России было изгнано 35 000 евреев»[77]. Цифра очень уж разнится от неисполненного распоряжения Анны Иоанновны только что, за 3 года перед тем, — выслать со всей Украины около

[73] *С.М. Соловьёв**, кн. XI, с. 155–156.

[74] *Ю. Гессен*, т. 1, с. 16.

[75] *С.М. Соловьёв**, кн. XI, с. 204.

[76] *Ю. Гессен*, т. 1, с. 18.

[77] *S.M. Dubnow*. History of the Jews in Russia and Poland, from the Earliest Times until the Present Day. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1916, vol. I, p. 258.

600 евреев, и от донесения Сената Елизавете, как о существенной, высылке 142 евреев[78]. В.И.Тельников высказывает[79] догадку, что историка-*современника* того деяния не было, а тем «историком-современником», которого, ни его труда, Дубнов почему-то не назвал точнее, был Э.Геррман, опубликовавший эту цифру вовсе не привременно, а спустя ровно сто лет, в 1853, и опять-таки безо всякой ссылки на источники, да ещё со странным прибавлением, что «евреям было приказано покинуть страну под страхом смертной казни»[80], выказывающим незнакомство историка (того и другого) даже с тем, что именно Елизавета при всхождении на трон отменила всякую смертную казнь в России (и опять-таки — из чувства религиозного). При том Тельников отмечает, что крупнейший еврейский историк Генрих Грец (Graetz) ничего не пишет об *исполнении* этих указов Елизаветы. Сравним, что и по Г.Слиозбергу в царствование Елизаветы лишь «делались попытки к выселению евреев из Украины»[81].

Скорей надо признать вероятным, что, встретив многочисленные сопротивления и у евреев, и у помещиков, и в государственном аппарате, указ Елизаветы так же остался неисполненным или мало исполненным, как и предыдущие подобные.

Да и при самой Елизавете на видных постах служили евреи. Был возвращён к государственным делам и «осыпан царскими милостями» дипломат Исаак Веселовский, — и он тоже присоединялся к ходатайствам канцлера А.Бестужева-Рюмина о неизгнании евреев. (Позже он преподавал русский язык наследнику, будущему Петру III; а брат его Фёдор к концу царствования Елизаветы стал куратором Московского университета.)[82] Стоит отметить ещё и воз-

---

[78] ЕЭ, т. 7, с. 513.

[79] В его неоконченной неопубликованной работе о политике царского правительства по отношению к евреям. Тельниковым указаны многие немаловажные источники к Части I данной книги, использованные нами с благодарностью.

[80] *Dr. Ernst Herrmann.* Geschichte des russischen Staats. Fünfter Band: Von der Thronbesteigung der Kaiserin Elisabeth bis zur Feier des Friedens von Kainardsche (1742–1775). Hamburg, 1853, S. 171.

[81] *Г.Б.Слиозберг.* Дореволюционный строй России. Париж, 1933, с. 264.

[82] ЕЭ, т. 5, с. 519–520.

вышение саксонского купца Грюнштейна, лютеранина, принявшего православие после неудачной торговли с Персией и плена там. Он поступил в Преображенский полк, был среди деятельных участников елизаветинского переворота, получил в награду звание адъютанта, потомственное дворянство и, ни много ни мало, — 927 душ крепостных. (Как же разбрасывались этими душами и наиправославнейшие цари!) Однако в дальнейшем «успех дела отуманил голову Грюнштейна». Он то грозил убить генерального прокурора, то на ночной дороге разнёс и избил родственника (не зная того) фаворита Алексея Разумовского. «Забойство» на дороге уже не сошло ему с рук, и он был сослан в Устюг[83].

Пётр III за свои полгода царствования не успел никак проявиться в еврейском вопросе. (Хотя, может быть, оставался у него на сердце рубец от некоего «Жид[а] Мусафи[и], посредством которого делались займы» в юность Петра в Голштинии, приведшие голштинскую казну в разорение, и который «скрылся, как скоро было объявлено о совершеннолетии великого князя»[84].

Но так произошло (и было ли это случайно?), что при первом же появлении в Сенате только что воцарившейся Екатерины II — там на очереди стоял вопрос о дозволении евреям въезжать в Россию. (И большинство Сената уже склонилось именно к тому.) Сама Екатерина, явно оправдываясь перед европейским мнением, оставила запись, как это происходило. Ей тут же один из сенаторов прочёл к сведению отрешительную резолюцию Елизаветы. Екатерина вполне сочувствовала проекту о допуске евреев, но ещё шатко себя чувствовала после переворота и настаивала же на своём православном неофитстве. «Начать царствование указом о свободном въезде евреев было бы плохим средством к успокоению умов; признать же свободный въезд евреев вредным было невозможно»[85]. Екатерина повелела отложить рассмотрение проекта. И ещё через несколько месяцев в манифесте о дозволении иностранцам селиться в России оговорила: «кроме Жидов». (Десятью го-

[83] *С.М.Соловьёв*, кн. XI, с. 134, 319–322.

[84] Там же, с. 383.

[85] *С.М.Соловьёв**, кн. XIII, с. 112.

дами позже объяснила Дидро: вопрос о евреях был поднят тогда некстати.)[86]

Однако — момент был почувствован верно, евреи из-за границы настойчиво хлопотали о допуске их в Россию и были поддержаны ходатайствами из самого Петербурга, из Риги, из Малороссии: что местная торговля «тем не мало подкрепляемая была, что как всему прочему иностранному купечеству, так и Жидам свободное в Малой России торгов отправление дозволяемо было»[87].

Вполне склонясь к этим ходатайствам, но всё ещё опасаясь за свою православную репутацию, императрица была вынуждена... прибегнуть к конспирации! Она придумала, в обход своих же законов, поручить нескольким еврейским купцам колонизацию недавно завоёванной и всё ещё пустынной Новороссии, а сосредоточить руководство делом в Риге, однако тщательно скрывая их национальность, во всех документах называть этих евреев «новороссийскими купцами». На самом же деле приглашённые евреи, осевши в Риге, «занимались здесь своим обычным торговым промыслом». Кроме того и действительно «Екатерина пользовалась каждым случаем, чтобы водворить евреев в Новороссию, лишь бы это не сопровождалось чрезмерной официальной оглаской», принимала туда евреев из Литвы, Польши, из числа турецких пленных и беженцев от гайдамаков[88].

А тем временем подошёл 1772 год, первый раздел Польши, в который Россия возвратила себе Белоруссию — и с массовым 100-тысячным еврейским населением. От этого года надо датировать первое значительное историческое скрещение еврейской и русской судьбы.

Въезд евреев в польские земли стал более заметен с XI века; князья, затем короли брали под своё покровительство «всяких деятельных предприимчивых выходцев» из Западной Европы. Евреи брались под королевскую защиту и получали привилегии не раз (в XIII в. от Болеслава Благочестивого, в XIV от Казимира Великого, в XVI от Сигизмунда I и от Стефана Батория), хотя это иногда перемежалось с притеснениями (в XV при Владиславе

---

[86] ЕЭ, т. 7, с. 494.

[87] *Ю.Гессен**, т. 1, с. 19.

[88] Там же, с. 20–21.

Ягелло и при Александре Казимировиче, в том веке было и два еврейских погрома в Кракове). В XVI веке в ряде польских городов было введено гетто, отчасти и для безопасности самих евреев. Постоянную враждебность еврейство испытывало от католического духовенства. Но общий баланс жизни в Польше был, очевидно, евреям благоприятен, ибо «в первой половине 16-го века еврейское население в Польше значительно возросло благодаря иммиграции». Теперь евреи «приняли широкое участие в сельском хозяйстве помещиков, развив занятия арендою... между прочим, винных промыслов»[89].

Поскольку остатки Киевского княжества после разорения татарами вошли с XIV в. в Литовское княжество, затем стало быть и в объединённое Польско-литовское государство, — «из Подолии и Волыни евреи стали медленно проникать и на Украину» — Киевщину, Полтавщину и Черниговщину. Этот процесс ускорился, когда по Люблинской унии (1569) обширная часть Украины перешла непосредственно к Польше. Основное население там было — православное крестьянство, долго имевшее вольности и свободное от податей. Теперь началась интенсивная колонизация Украины польскою шляхтой, и при содействии евреев. «Казаков прикрепили к земле и обязали к барщине и даням... Католики-помещики обременяли православных хлопов разнообразными налогами и повинностями, и в этой эксплуатации на долю евреев выпала печальная роль», они «брали у панов на откуп "пропинацию", то есть право выделки и продажи водки», и другие отрасли хозяйства. «Арендатор-еврей, становясь на место пана, получал, — конечно, лишь в известной мере, — ту власть над крестьянином, которая принадлежала землевладельцу, и так как еврей-арендатор... старался извлечь из крестьянина возможно больший доход, то злоба крестьянина... направлялась и на католика-пана, и на еврея-арендатора. И вот почему, когда в 1648 г. разразилось страшное восстание казаков под предводительством Хмельницкого, евреи, наравне с поляками, пали жертвой», погибли десятки тысяч евреев[90].

Евреи, «привлекаемые в Украину естественными её богатствами и польскими магнатами, колонизовавшими страну, заняли видное место в хозяйственной её жизни... Служа интересам землевладельцев и правительства... евреи навлекли на себя ненависть населения»[91]. Н.И. Костомаров добавляет к этому, что евреи «арендовали не только различные отрасли помещичьего хозяйства (поляков), но также и православные церкви, налагали пошлины на крещение младенцев»[92].

---

[89] *Ю.Гессен*, т. 1, с. 22–27.

[90] Там же, с. 32–34.

[91] ЕЭ, т. 15, с. 645.

[92] ЕЭ, т. 9, с.788.

После восстания, по Белоцерковскому договору (1651) «евреям было возвращено право водворяться по всей Украине... "Жиды, как прежде, были обывателями и арендаторами в имениях его королевской милости и в имениях шляхты, так и теперь должны быть"»[93].

«К восемнадцатому столетию винное дело стало почти главным занятием евреев». — «Этот промысел часто создавал столкновения между евреем и мужиком, этим бесправным "хлопом", который шёл в шинок не от достатка, а от крайней бедности и горя»[94].

Среди ограничений, которые временами накладывались на польское еврейство настояниями католической церкви, был запрет иметь христианскую прислугу. Но если по отношению к полякам это выполнялось, то из соседней России от рекрутских наборов и казённых податей текло немало русских беглецов, в Польше они были бесправны. И можно было слышать в прениях екатерининской Комиссии об Уложении (1767-68), что в Польше «Жиды по нескольку русских беглецов имеют у себя в услужении»[95].

Однако, экономически живо общаясь с окружающим населением, еврейство Польши за пять веков пребывания там не впустило в себя внешнего влияния. Ступали и ступали века послесредневекового развития Европы — польское еврейство оставалось комом в себе, всё более несовременным образованием. Польское еврейство состояло не разрозненным, но с прочной внутренней организацией. (А как тут не сказать, что эти условия — ещё и до середины XIX века сохранённые потом в России — были, от самого начала еврейской диаспоры, наиблагоприятнейшими для религиозного и национального сохранения евреев.) Всей еврейской жизнью управляли местные кагалы, выросшие из самых недр еврейской жизни, и раввины. В Польше кагал был посредником между еврейством с одной стороны и властями и магистратами с другой, собирал подати для короны и за то поддерживался властями. Кагал и вёл сборы на еврейские общественные нужды, устанавливал правила для торговли и ремёсел: перекупка имущества, взятие откупа или аренды могли происходить только с разрешения кагала. Кагальные старшины имели и карательную власть над еврейским населением. Суд еврея с евреем мог вершиться только в системе кагальной, а проигравший в кагальном суде не мог подать апелляцию в государственный суд, иначе подвергался *херему* (религиозному проклятию и отчуждению от общины). «Демократические принципы, лежавшие в основе кагала, были рано попраны олигархией...», — однако пишет либеральный историк Ю.И. Гессен. — «Кагал нередко становился даже поперёк пути народного развития». «Про-

---

93 *Ю.Гессен*, т. 1, с. 35.

94 *S.M.Dubnow*, p. 265; *Джеймс Паркс.* Евреи среди народов: Обзор причин антисемитизма. Париж: YMCA-Press, 1932, с.154.

95 *С.М.Соловьёв*, кн. XIV, с.108.

2—5080

столюдины не имели фактически доступа в органы общественного самоуправления. Кагальные старшины и раввины, ревниво оберегая свою власть... держали народную массу вдали от себя». «Раввин, пользуясь самостоятельностью при разрешении религиозных вопросов, находился в прочих делах в зависимости от кагала, бравшего его на службу». С другой стороны, «без подписи раввина кагальные постановления не имели силы». — «Кагалы, не пользуясь авторитетом в народе, поддержива[ли] своё господство благодаря именно содействию правительства»[96].

К концу XVII и в XVIII веке вся Польша раздиралась внутренними неурядицами, разрушалась хозяйственная жизнь и усилялось ничем не ограниченное своеволие магнатов. «Во время продолжительной, двухвековой агонии Польши... еврейство обнищало, морально опустилось и, застыв в средневековом обличье, далеко отстало от Европы»[97]. Г. Грец пишет об этом так: «Ни в какое время не представляли евреи столь печального зрелища, как в период от конца Семнадцатого до середины Восемнадцатого веков, как будто это было задумано, чтоб их подъём из нижайших глубин выглядел как чудо. В трагическом течении столетий бывшие учителя Европы были унижены до детского состояния или, ещё хуже, старческого слабоумия»[98].

«В 16 веке духовное главенство над еврейским миром сосредоточивается в немецко-польском еврействе... Чтобы предотвратить возможность растворения еврейского народа среди окружающего населения, духовные руководители издавна вводили установления с целью изолировать народ от тесного общения с соседями. Пользуясь авторитетом Талмуда... раввины опутали общественную жизнь и частный быт еврея сложной сетью предписаний религиозно-обрядового характера, которые... препятствовали сближению с иноверцами». Реальные и духовные потребности «приносились в жертву устаревшим формам народного быта», «слепое исполнение обрядности превратилось для народа как бы в цель существования еврейства... Раввинизм, застывший в безжизненной форме, продолжал держать скованными и мысль, и волю народа»[99].

Более чем двухтысячелетнее сохранение еврейского народа в рассеяньи вызывает изумление и уважение. Но ес-

---

[96] *Ю.Гессен*, т. 1, с. 30–31, 37, 43.

[97] *И.М.Бикерман.* Россия и русское еврейство // Россия и евреи: Сб. 1 (далее — РиЕ) / Отечественное объединение русских евреев заграницей. Париж: YMCA-Press, 1978 [переизд. Берлин: Основа, 1924], с. 85.

[98] *H. Graetz.* Popular History of the Jews. New York: Hebrew Publishing Company, 1919, vol. V, p. 212.

[99] *Ю.Гессен*, т. 1, с. 40, 42.

ли присмотреться: в какие-то периоды, вот в польско-русский с XVI в. и даже до середины XIX, это единство достигалось давящими методами кагалов, и уж не знаешь, надо ли эти методы уважать за то одно, что они вытекали из религиозной традиции. Во всяком случае нам, русским, — даже малую долю такого изоляционизма ставят в отвратительную вину.

При переходе еврейства под власть российского государства вся эта внутренняя система, в которой кагальная иерархия была заинтересована, сохранилась и, предполагает Ю.И. Гессен, со всем тем раздражением, какое к середине XIX века наросло у просвещённых евреев против окаменелой талмудистской традиции: «представители господствовавшего в еврействе класса приложили все старания, чтоб убедить [российское] правительство в необходимости сохранить вековой институт, соответствовавший интересам и русской власти, и еврейского господствовавшего класса»; «кагал в союзе с раввинатом обладал полнотою власти, и этой властью он нередко злоупотреблял: расхищал общественные средства, попирал права бедных людей, неправильно налагал подати, мстил личным недругам»[100]. В конце XVIII в. один из губернаторов присоединённого к России края писал в докладной записке: «раввин, духовный суд и кагал, “сопряжённые между собою тесными узами, имея всё в своей силе и располагая даже самою совестью евреев, владычествуют над ними совсем отделённо, без всякого отношения к гражданскому начальству”»[101].

А когда как раз в XVIII веке в восточно-европейском еврействе развилось, с одной стороны, сильное религиозное движение *хасидов*, а с другой стороны, началось просветительное движение Моисея Мендельсона к светскому образованию, — кагалы энергично подавляли и тех и других. В 1781 виленский раввинат объявил на хасидов «херем», в 1784 съезд раввинов в Могилёве объявил хасидов «вне закона, а их имущество “выморочным”. Вслед за этим чернь в некоторых городах учинила разгром хасидских домов»[102], то есть внутриеврейский погром. Хасидов преследовали

---

[100] Там же, с. 51, 55.

[101] Записка литовского губернатора Фризеля // *Ю.Гессен* *, т. 1, с. 83.

[102] *Ю.Гессен*, т. 1, с. 68–69.

самым жестоким и даже нечестным образом, не стесняясь и ложными политическими доносами на них российским властям. Впрочем, в 1799 и по доносу хасидов власти арестовали членов виленского кагала за утайку собранных податей. Хасидизм продолжал распространяться, в некоторых губерниях особенно успешно. Раввинат предавал хасидские книги публичному сожжению, а хасиды выступали как защитники народа против кагальных злоупотреблений. «В ту пору религиозная борьба заслонила, кажется, остальные вопросы еврейской жизни»[103].

Присоединённая к России в 1772 часть Белоруссии составила Полоцкую (впоследствии Витебскую) и Могилёвскую губернии. В обращении к ним было объявлено от имени Екатерины, что жители этого края, «"какого бы рода и звания ни были", отныне будут [сохранять] право на публичное отправление веры и на владение собственностью», а ещё будут награждены «всеми теми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древние её подданные пользуются». Таким образом, евреи уравнивались в правах с христианами, чего в Польше они были лишены. При том было добавлено особо о евреях, что их общества «будут оставлены и сохранены при всех тех свободах, какими они ныне... пользуются»[104] — то есть ничего не отнималось и от польского. Правда, этим самым как бы и сохранялась прежняя власть кагалов, и евреи своей кагальной организацией ещё оставались оторваны от прочего населения, ещё не вошли прямо в то торгово-промышленное сословие, которое и соответствовало их преимущественным занятиям.

На первых порах Екатерина остерегалась как враждебной реакции польской знати, упускающей властвование, так и неблагоприятного впечатления на православных подданных. Но, сочувственно относясь к евреям и ожидая от них экономической пользы для страны, Екатерина готовила им бóльшие права. Уже в 1778 на Белорусский край было простёрто недавнее российское всеобщее постановление: владеющие капиталом до 500 руб. составляют отныне сословие мещан, а бóльшею суммой — сословие купцов,

---

103 *Ю. Гессен*, т. 1, с. 103–108.

104 Там же*, с. 47.

трёх гильдий, по своему достоянию, и освобождаются от поголовной подати, а платят 1% с капитала, ими «объявленного по совести»[105].

Это постановление имело особенное, большое значение: оно разрушало еврейскую до сей поры национальную изолированность (Екатерина и хотела нарушить её). Оно подрывало и традиционный польский взгляд на евреев как на элемент внегосударственный. Подрывало и кагальный строй, принудительную силу кагала. «С указанного момента начинается процесс внедрения евреев в русский государственный организм... Евреи широко воспользовались правом записываться в купечество» — так что, например, по Могилёвской губернии купцами объявилось 10% от еврейского населения (а от христианского — только 5,5%)[106]. Евреи-купцы освобождались теперь от податного отношения к кагалу и уже не должны были, в частности, обращаться к кагалу за разрешением на всякую отлучку, как раньше: они имели теперь дело лишь с общим магистратом, на общих основаниях. (В 1780 приехавшую Екатерину евреи могилёвские и шкловские встречали одами.)

С отходом евреев-купцов переставала существовать и государственная рубрика «евреи». Остальные все евреи теперь тоже должны были быть отнесены в какое-то сословие и, очевидно, только в мещан. Но желающих переходить сперва было мало — из-за того что годичный поголовный сбор с мещан в то время был 60 коп., а с евреев — 50 коп. Однако и другого пути не оставалось. А с 1783 и евреи-мещане, как и евреи-купцы, должны были вносить сборы не в кагал, а в магистрат, на общих основаниях, и паспорт на выезд получать от него же.

Это движение закрепилось всеобщим новым Городовым положением 1785, которое рассматривало лишь сословия, а никак не нации. По этому положению все мещане (а стало быть — и все евреи) получали право участия в местном сословном управлении и занятия общественных должностей. «По условиям того времени, это означало, что евреи стали равноправными гражданами... Вступление в купечество и мещанство в качестве равноправных членов явилось событием крупного социального значения», долж-

[105] Там же, с. 56.
[106] Там же, с. 57.

но было превратить евреев в «общественную силу, с которой нельзя было не считаться, а тем самым поднять их нравственное самочувствие»[107]. Это облегчало и практическую защиту их жизненных интересов. «В то время торгово-промышленный класс, равно как и городские общества пользовались широким самоуправлением... Таким образом, в руки евреев, наравне с христианами, была передана известная административная и судебная власть, благодаря чему еврейское население приобрело силу и значение в общественно-государственной жизни»[108]. Из евреев бывали теперь и бургомистры, и ратманы, и судьи. Сперва в крупных городах применялось ограничение: чтобы евреев на выборных должностях не было больше, чем христиан. Однако в 1786 «Екатерина послала белорусскому генерал-губернатору собственноручно подписанный приказ»: чтобы равенство прав евреев «в сословно-городском самоуправлении... “непременно и без всякого отлагательства приведено было в действие”, а с неисполнителей его “учинено было [бы] законное взыскание”»[109].

Отметим, что таким образом евреи получали гражданское равноправие не только в отличие от Польши, но раньше, чем во Франции и в германских землях. (При Фридрихе II были и сильнейшие стеснения евреев.) И, что ещё существенней: евреи в России от начала имели ту *личную* свободу, которой предстояло ещё 80 лет не иметь российским крестьянам. И, парадоксально: евреи получили даже бо́льшую свободу, чем русские купцы и мещане: те — жили непременно в городах, а еврейское население, не в пример им, «могло проживать в уездных селениях, занимаясь, в частности, винными промыслами»[110]. «Хотя евреи массами проживали не только в городах, но также в сёлах и деревнях, они были приписаны к городским обществам... включены в сословия мещан и купцов»[111]. «По роду своей деятельности, окружённые несвободным крестьянством, они играли важную экономическую роль — в их руках сосредоточивалась [сельская] торговля, они брали в аренду различ-

---

107 *Ю.Гессен*, т. 1, с. 59.

108 ЕЭ, т. 2, с. 731.

109 *Ю.Гессен*, т. 1, с. 76–77.

110 Там же, с. 76.

111 ЕЭ, т. 13, с. 613.

ные статьи помещичьих доходов, продажу водки в шинках» — и тем «способствовали распространению пьянства». Белорусская администрация указывала, что «присутствие евреев в деревнях вредно отражается на экономическом и нравственном состоянии крестьянского населения, так как евреи... развивают пьянство среди местного населения». «В отзывах администрации было, между прочим, отмечено, что евреи дачею крестьянам водки в долг и проч. [приём вещей в заклад за водку] приводят их к пьянству, безделию и нищете»[112]. Но «винные промыслы являлись заманчивой статьёй доходов»[113] — и для польских помещиков, и для еврейских посредников.

Естественно, что полученный евреями гражданский дар не мог не понести в себе и обратную угрозу: очевидно, что и евреи должны бы были подчиниться общему правилу, прекратить винный промысел в деревнях и уйти оттуда. В 1783 было опубликовано, что «“прямое правило предлежит каждому гражданину определить себя к торговле и ремеслу, состоянию его приличному, а не курению вина, яко промыслу совсем для него не свойственному”, и если помещик сдаст... в деревне курение водки “купцу, мещанину или Жиду”, то он сочтён будет нарушителем закона»[114]. И вот — «евреев стали подвергать выселению из деревень и сёл в города, дабы отвлечь их от вековых занятий... аренды винокуренных заводов и шинков»[115].

Разумеется, для евреев угроза поголовного выселения из деревень выглядела не как мера государственного единообразия — а как специальная мера против их национально-вероисповедной группы. Явно лишаясь столь выгодного промысла в сельской местности, переселяемые в город евреи-мещане попадали там в густое стеснение внутригородской и внутриеврейской конкуренции. Среди евреев возникло сильное возбуждение, — и в 1784 поехала в Петербург депутация от кагалов — хлопотать об отмене сей меры. (Одновременно кагалы рассчитывали: при помощи правительства вернуть полноту своей теряемой над еврейским населением власти.) Но ответ от имени императрицы

---

[112] *Ю.Гессен*, т. 1, с. 72–73.

[113] Там же, с. 64.

[114] Там же, с. 65.

[115] ЕЭ, т. 13, с. 614.

был: «Когда означенные еврейского закона люди вошли уже... в состояние, равное с другими, то и надлежит при всяком случае наблюдать правило, Ея Величеством установленное, что всяк по званию и состоянию своему долженствует пользоваться выгодами и правами без различия закона и народа»[116].

Однако пришлось посчитаться со сплочённой силой весьма заинтересованных польских помещиков. Хотя в 1783 администрация Белорусского края запретила им отдавать винокурение на откуп или в аренду «лицам не имеющим на то права, "особливо Жидам"... помещики продолжали отдавать евреям на откуп винные промыслы. Это было их право»[117], устойчивое наследие вековых польских порядков.

И Сенат — помещиков не посмел принудить. И в 1786 отменил выселение евреев в города. Для этого изыскан был такой компромисс: евреи пусть считаются переселёнными в города, но сохраняют право на *временную* отлучку в деревни. То есть и остаются жить в деревнях, кто где жил. Сенатский указ 1786 разрешал евреям жить в деревнях, и «евреям было позволено брать на откуп у помещиков производство и продажу спиртных напитков, в то время как купцы и мещане-христиане не получали этих прав»[118].

Да и хлопоты кагальной делегации в Петербурге остались тоже не вовсе без успеха. Она не добилась, как просила, учреждения отдельных еврейских судов для всех тяжб между евреями, но (1786) кагалам была возвращена значительная часть административных прав и надзора за еврейским мещанством, то есть большинством еврейского населения: раскладка не только общественных повинностей, но и сбор подушной подати, и снова — усмотрение о праве отлучки из общины. Значит, правительство увидело свой практический интерес в том, чтобы не ослаблять власти кагала.

Вообще по России всё торгово-промышленное сословие (купцы и мещане) не пользовалось свободой передвижения, было прикреплено к месту приписки (чтобы отъездом своим не понижать платежеспособность своих городских обществ). Но для Белоруссии в 1782 Сенат сделал исключе-

[116] ЕЭ*, т. 7, с. 496.

[117] *Ю.Гессен*, т. 1, с. 72.

[118] КЕЭ, т.7, с. 298.

ние: купцы могут переходить из города в город «смотря по удобности их коммерции». Этот порядок опять дал преимущество еврейским купцам.

Однако они стали пользоваться этим правом шире, чем оно было определено: «еврейские купцы стали записываться в Москве и в Смоленске»[119]. «Евреи стали водворяться в Москве вскоре по присоединении в 1772 г. белорусского края... В конце 18 в. число евреев в Москве было значительно... Некоторые евреи, записавшись в здешнее купечество, завели крупную торговлю... Другие же евреи занимались продажей заграничных товаров на своих квартирах или постоялых дворах, а также в разнос по домам, что в ту пору было вообще запрещено»[120].

И в 1790 «московское купеческое общество составило приговор», что «в Москве появилось из-за границы и из Белоруссии "Жидов число весьма немалое"», иные и прямо записываются в московское купечество и пользуются запрещёнными приёмами торговли, чем наносят ей «весьма чувствительный вред и помешательство», а дешевизна их товаров указывает на то, что они контрабандные, а ещё «евреи обрезают, как известно, монеты; возможно, что они будут то же делать и в Москве». И в ответ на «хитрые их во всём вымыслы» московские купцы требовали удаления еврейских из Москвы. А еврейские купцы в свою очередь представили наверх «жалобу... что их более не принимают в смоленское и московское купечество»[121].

Рассмотрением жалоб занялся «Совет государыни». В соответствии с единым российским правилом он нашёл, что евреи не имеют права «записываться в купеческие российские города и порты», а только в Белоруссии[122]. Что «от допущения евреев в Москву "не усматривается никакой пользы"». И в декабре 1791 был издан высочайший указ «о недозволении евреям записываться в купечество внутренних губерний», а в Москву могут приезжать «лишь на известные сроки по торговым делам»[123]. Евреи могут пользоваться правами купечества и мещанства только в Бело-

---

[119] *Ю.Гессен*, т. 1, с. 77.

[120] ЕЭ, т. 11, с. 331.

[121] *Ю.Гессен**, т. 1, с. 77–78.

[122] Там же*, с. 78.

[123] ЕЭ, т. 11, с. 331.

руссии. Но при том Екатерина добавила помягчение: предоставить евреям право жительства и мещанства ещё и в осваиваемой Новороссии — Екатеринославском наместничестве и Таврической области (вскоре это — Екатеринославская, Таврическая и Херсонская губернии), — то есть открывала евреям новые обширные области, в которые купцы и мещане из христиан, согласно общему правилу, переселяться из внутренних губерний никак не могли. (В 1796, когда «стало известно, что группы евреев [уже] поселились в... Киевской, Черниговской и Новгород-Северской» губерниях, — в тех губерниях также разрешено было евреям «пользоваться правом купечества и мещанства»[124].)

Дореволюционная Еврейская энциклопедия пишет: указом 1791 «было положено начало черты оседлости, хотя и не преднамеренно. При условиях тогдашнего общественно-государственного строя вообще и еврейской жизни в частности, правительство не могло иметь в виду создать для евреев особое стеснительное положение, ввести для них исключительные законы, в смысле ограничения права жительства. По обстоятельствам того времени, этот указ не заключал в себе ничего такого, что ставило бы евреев в этом отношении в менее благоприятное положение сравнительно с христианами... указ 1791 года не внёс какого-либо ограничения в права евреев в отношении жительства, не создавал специально "черты"», и даже «пред евреями были открыты новые области, в которые по общему правилу нельзя было переселяться»; «центр тяжести указа 1791 г. не в том, что то были евреи, а в том, что то были торговые люди; вопрос рассматривался не с точки зрения национальной или религиозной, а лишь с точки зрения полезности»[125].

И вот этот указ 1791, для купцов еврейских сравнительно с купцами христианскими даже льготный, с годами и превратился в основание будущей «черты оседлости», легшей мрачной тенью на еврейское существование в России почти до самой революции.

Но в своё время указ 1791 не помешал и тому, что «к концу царствования Екатерины II в Санкт-Петербурге уже образовалась небольшая [еврейская] колония»: «известный

---

[124] *Ю. Гессен*, т. 1, с. 79.

[125] ЕЭ, т. 7, с. 591–592.

откупщик Абрам Перетц» и близкие к нему, сколько-то купцов, а «во время разгара религиозной борьбы здесь проживал раввин Авигдор Хаимович и его противник, известный хасидский цадик р. Залман Борухович»[126].

А в 1793 и 1795 состоялись 2-й и 3-й разделы Польши — и в состав России вошло уже почти миллионное еврейство Литвы, Подолии и Волыни. И этот вход его в объём России был — нескоро осознанным — крупнейшим историческим событием, много затем повлиявшим и на судьбу России, и на судьбу восточно-европейского еврейства.

Вот оно было собрано «после многовековых странствий под один кров, в одну великую общину»[127].

В сильно теперь расширенном крае еврейского проживания поднялись всё те же вопросы. Евреи получили права купечества и мещанства, каких не имели в Польше, получили права равного участия в сословно-городском самоуправлении, — но должны были разделить и ограничения тех сословий: не переселяться в города внутренних губерний России и быть выселенными из деревень?

При огромном теперь объёме еврейского населения — российской администрации уже не представлялось выходом прикрыть оставление евреев в деревнях — правом «временного посещения» их. «Жгучий вопрос... Экономическая обстановка не мирилась с пребыванием чрезмерного числа торгово-промышленных людей среди крестьян»[128].

Для облегчения проблемы многие малые местечки были приравнены к городам — и так открывалась легальная возможность евреям оставаться жить там. Но при многочислии еврейского населения в сельской местности и сгущённости в городах это не было решением.

Казалось: евреям естественно теперь переселяться в обширную и малонаселённую Новороссию, которую Екатерина вот открыла им? И новопоселенцам предоставлялись льготы. Однако эти льготы «не были способны вызвать сре-

---

126 ЕЭ, т. 13, с. 939.

127 *Бикерман* // РиЕ, с. 90.

128 *Ю.Гессен*, т. 1, с. 83.

ди евреев колонизационное движение. Освобождение поселенцев от подати не казалось заманчивым» для такого переезда, даже оно[129].

Тогда в 1794 Екатерина решилась побудить евреев к переселению мерами противоположными: приступить к выселению евреев из деревень в города. В то же время она решила обложить всё еврейское население *двойной* податью по сравнению с той, которую платили христиане. (Такую подать уже давно платили старообрядцы; но в отношении евреев тот закон оказался и не эффективным и не длительным.)

То были — из последних распоряжений Екатерины. С конца 1796 воцарился Павел I. О нём Еврейская энциклопедия заключает: «Гневное царствование Павла I прошло для евреев благополучно... Все акты Павла I о евреях свидетельствуют, что государь относился к еврейскому населению с терпимостью и расположением»; «когда сталкивались интересы евреев и христиан, Павел I отнюдь не брал христиан под свою защиту против евреев». И если он в 1797 и приказал «принять меры к ограничению власти евреев и духовенства над крестьянами», то это «в сущности не было обращено против евреев, — оно было направлено в защиту крестьянства». Павел же «признал за хасидизмом право на открытое существование»[130]. Павел распространил еврейское право купечества и мещанства также и на Курляндскую губернию (не-польское наследие, и не входившее затем в «черту оседлости»). Одно за другим он последовательно отклонил ходатайства христианских общин Ковны, Каменец-Подольска, Киева, Вильны («евреям дана воля возрастать над христианами») о выселении евреев из их городов[131].

В наследие Павлу досталось упрямое сопротивление польских помещиков всякому изменению их прав, в том числе и над евреями, и права суда над ними, какие они имели в Польше, и ещё злоупотребляли ими без границ. Так, в жалобе бердичевских евреев на князя Радзивила писалось: «Чтобы иметь своё богослужение, долженствуем платить деньги тем, коим князь отдаёт в аренду нашу веру»;

---

129 *Ю.Гессен*, т. 1, с. 86.

130 ЕЭ, т. 12, с. 182.

131 ЕЭ*, т. 2, с. 732.

а о бывшем фаворите Екатерины Зориче, что он «оставил без платежа один только воздух»[132]. (При Польше иные местечки и города были *владельческие* — и владелец устанавливал свои дополнительные произвольные поборы с жителей.)

С первых же годов Павла разразились сильные голоды в Белоруссии, особенно в Минской губернии. Гавриил Романович Державин, тогда сенатор, был уполномочен поехать на место, выяснить причины голода и устранить его — притом не было ему дано средств на закупку хлеба, но дано право отбирать имения у нерадивых помещиков и использовать их запасы для раздачи.

Державин, не только наш выдающийся поэт, но и незаурядный государственный деятель, оставил свидетельства уникальные и ярко изложенные. Рассмотрим их.

Голод, обнаруженный Державиным, оказался — крайний. Как он пишет: «приехав в Белоруссию, самолично дознал великий недостаток у поселян в хлебе... самый сильный голод, что питались почти все пареною травою, с пересыпкою самым малым количеством муки или круп»; крестьяне «тощи и бледны, как мёртвые». «В отвращение чего, разведав у кого у богатых владельцев в запасных магазейнах есть хлеб», — взял заимообразно и раздал бедным, а имение одного польского графа, «усмотря таковое немилосердое сдирство», приказал взять в опеку. «Услыша таковую строгость, дворянство возбудилось от дремучки или, лучше сказать, от жестокого равнодушия к человечеству: употребило все способы к прокормлению крестьян, достав хлеба от соседственных губерний. А как... чрез два месяца поспевала жатва, то... пресек голод». Разъезжая по губернии, Державин «привёл в такой страх» предводителей, исправников, что дворянство «сделало комплот или стачку и послало на Державина оклеветание к Императору»[133].

Державин нашёл, что пьянством крестьян пользовались еврейские винокуры: «Также сведав, что Жиды, из своего корыстолюбия, выманивая у крестьян хлеб попойками, обращают оный паки в вино и тем оголожают, прика-

---

[132] *Ю.Гессен**, т. 1, с. 92–93.

[133] *[Г.Р.] Державин.* Соч.: В 9-ти т. / С объяснительными примечаниями Я.Грота. 2-е Академическое изд. СПб., 1864–1883. Т. VI, 1876, с. 690–691, 693.

зал винокуренные заводы их в деревне Лёзне [Лиозно] запретить». Одновременно «собрал сведения от благоразумнейших обывателей» и от дворян, купечества и поселян «относительно образа жизни Жидов, их промыслов, обманов и всех ухищрений и уловок, коими... оголожают глупых и бедных поселян, и какими средствами можно оборонить от них несмысленную чернь, а им доставить честное и не зазорное пропитание... учинить полезными гражданами»[134].

Многие злоупотребления польских помещиков и еврейских арендаторов Державин в следующие за тем осенние месяцы описал во «Мнении об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта Евреев», которое и подал ко вниманию императора и высших сановников государства. «Мнение» это, весьма широкое по охвату, вбирающее и оценку наследованных от Польши порядков, и возможные способы преодоления крестьянской нищеты, и особенности тогдашнего еврейского быта, и проект преобразования его при сравнениях с Пруссией и Цесарией (Австрией), и далее с весьма подробной практической разработкой предполагаемых мер, — представляет собой интерес как первое по времени свидетельство просвещённого и государственного русского человека о состоянии еврейской жизни в России — ещё в те ранние годы, когда Россия только что включила евреев в массе.

«Мнение» состоит из двух частей — 1-я: Вообще о белорусских обитателях (в отзывах на «Мнение» мы почти и не встречаем упоминаний этой существенной части); и 2-я: О Евреях.

Державин начал с того, что земледелие в Белоруссии вообще допоследне запущено. Тамошние крестьяне «ленивы в работах, не проворны, чужды от всех промыслов и нерадетельны в земледелии.» Из года в год они «едят хлеб не веянный, весною колотуху или из ржаной муки болтушку», летом «довольствуются, с небольшою пересыпкою какого-нибудь жита, изрубленными и сваренными травами... так бывают истощены, что с нуждою шатаются»[135].

А здешние польские помещики «не суть домостроительны, управляют имениями... не сами, но через арендаторов», польский обычай, а в аренде «нет общих правил, коими бы

[134] *Державин*, т. VI, с. 691-692.

[135] *Державин*, т. VII, 1378, с. 263.

охранялись как крестьяне от отягощения, так и хозяйственная часть от расстройки», и «многие любостяжательные арендаторы... крестьян изнурительными работами и налогами приводят в беднейшее состояние и превращают... в бобыли», и аренда эта тем разрушительней, что она кратковременна, на год-на три, и арендатор спешит «извлечь свою корысть... не сожалея о истощении» имения[136].

А ещё изнурение крестьян оттого, что некоторые «помещики, отдавая на откуп Жидам в своих деревнях винную продажу, делают с ними постановления, чтоб их крестьяне ничего для себя нужного нигде ни у кого не покупали и в долг не брали, как только у сих откупщиков [втрое дороже], и никому из своих продуктов ничего не продавали, как токмо сим Жидам же откупщикам... дешевле истинных цен». И так «доводят поселян до нищеты, а особливо при возвращении от них взаймы взятого хлеба... уже конечно должны отдать вдвое; кто ж из них того не исполнит, бывают наказаны... отняты все способы у поселян быть зажиточными и сытыми»[137].

Далее: большое развитие винокурения, курят вино владельцы, окольная шляхта, попы, монахи и Жиды. (Изо всего еврейского близ-миллионного населения, «двести-триста тысяч людей» жили в деревнях[138], проживая в основном виноторговлей.) Крестьяне же «по собрании жатвы неумеренны и неосторожны в расходах; пьют, едят, веселятся и отдают Жидам за старые долги и за попойки всё то, что они ни потребуют; оттого зимою обыкновенно уже показывается у них недостаток... Не токмо в каждом селении, но в иных и по нескольку построено владельцами корчем, где для их и арендаторских жидовских прибытков продаётся по дням и по ночам вино... Там выманивают у них Жиды не токмо насущный хлеб, но и в земле посеянный, хлебопашенные орудия, имущество, время, здоровье и самую жизнь». И это усугубляется обычаем *коледы:* «Жиды, ездя по деревням, а особливо осенью при собрании жатвы, и напоив крестьян со всеми их семействами, собирают с них долги свои и похищают последнее нужное их пропитание»; «пьяных обсчитывая, обирают с ног до головы, и тем погру-

---

136 Там же, с. 263–264, 269.

137 Там же, с. 264.

138 *Ю. Гессен*, т. 1, с. 153.

жают поселян в совершенную бедность и нищету»[139]. Перечисляет и иные причины оскудения крестьян.

Несомненно, за этим губительным винным промыслом стояли польские помещики: шинкари и арендаторы действовали по полномочию помещиков и к наживе их; и, как утверждает Гессен, «в их числе были не одни евреи, но и христиане», особенно священники[140]. Но: евреи стали незаменимым, деятельным и находчивым звеном в этой эксплуатации бесправных, неграмотных и изнурённых крестьян. Не прослоись белорусские селения евреями-шинкарями и евреями-арендаторами — без них не наладить бы этой обширной выкачивающей системы, выемка еврейского звена обещала бы расстроить её.

Затем Державин предложил энергичные меры, как искоренить эти пороки крестьянской жизни. Исправлением её должны озаботиться помещики. *Только им одним*, ответственным за крестьян, и разрешить винокурение «под собственным... присмотром, а не в других где отдалённых местах, и с тем обязательством», чтобы помещик «ежегодно оставлял у себя и у крестьян своих в зерне запасного хлеба» сколько нужно для прокормления. «Под опасением за неисполнение сего подвергнуть имение своё описи в казну» — открывать винокурение не раньше середины сентября и закрывать в середине апреля, то есть освободить от винопития весь земледельческий сезон. Также — чтобы не было продажи вина во время церковной службы и по ночам. Корчмы дозволить держать только: у «больших дорог, ярмонок, мельниц и пристаней, где сбор посторонних людей бывает». А все излишние и вновь выстроенные, кроме тех мест, корчмы, «с забрания края [Белоруссии] по сие время слишком их размножилось», — «тотчас уничтожить, и продажу вина в них запретить». «А в деревнях и в пустых отдалённых местах отнюдь их не иметь, для того чтоб крестьяне не спивались». Евреям же «продажи вина ни вёдрами, ни чарками производить не дозволять, ни винокурами при заводах винных... не быть» — и не арендовать корчем. И запретить «коледы» — также и: запретить краткосрочную аренду имений и точными контрактами «обузд[ать арендатора] от расстройки имения». И — под угрозой — воспре-

---

139 *Державин*, т. VII, с. 263, 265, 287.

140 *Ю.Гессен*, т. 1, с. 126–127.

тить «вкравшееся... злоупотребление», что помещики «не позволяют своим крестьянам покупать на стороне им нужное и продавать свои избытки иному кому, кроме их корчмарей». — Ещё и другие хозяйственные предложения — и «таковым образом может отвратиться от Белорусской губернии на предбудущие времена недостаток в прокормлении» [141].

Во 2-й части того же «Мнения» Державин, выйдя за пределы полученного им сенатского задания, представил и проект общего преобразования жизни евреев в Российском государстве — но не сам по себе, а именно в связи с обнищанием Белоруссии и в целях поправить его. Он тут не уклонился сделать и кратчайший обзор всей еврейской истории, и особенно в польский период, дабы из неё объяснить нынешние нравы евреев. Использует он и свои беседы с еврейским просветителем (берлинского образования) врачом Ильёю Франком, изложившим свои мысли и письменно: что «еврейские народные учители исказили истинный дух вероучения путём "мистико-талмудических лжетолкований" Библии... ввели строгие законы, с целью обособить евреев от остальных народов, внушили евреям глубокую ненависть ко всякой другой религии»; «вместо культивирования общежительной добродетели, они установили... пустой обряд богомоления»; «нравственный характер евреев в последние века изменился к худшему, и вследствие этого они стали вредными подданными»; «чтобы нравственно и политически возродить евреев, их нужно вернуть к первоначальной чистоте их религии»; «еврейская реформа в России должна начаться с открытия общественных школ, в которых преподавались бы русский, немецкий и еврейский языки». Что это предрассудок, будто усвоение светских знаний равносильно измене религии и народу, а земледельческий труд якобы не приличествует еврею [142]. — В своём «Мнении» заимствовал Державин и проект Ноты Хаимовича Ноткина, крупного купца из Шклова, с которым он тоже сознакомился. Хотя Ноткин отвергал основные выводы и предложения Державина о евреях — но поддерживал и устранение евреев, по возможности, от винных промыслов, и необходимость образования для них, и необходимость

[141] *Державин*, т. VII, с. 267–275.

[142] См.: *Ю.Гессен*, т. 1, с. 129–130; ЭЭ, т. 15, с. 358–359.

производительного, преимущественно промышленного труда, допуская и переселение «на плодородные степи для размножения там овец, земледелия»[143].

Идя по стопам объяснений Франка, противника власти кагалов, Державин исходил из того же общего заключения, что «начальные основания их [евреев] чистого богослужения и нравственности» ныне превращены «в ложные понятия», а через то еврейский простой народ «так... ослепили и непрестанно ослепляют, что возвысилась и утвердилась между ими и прочими неединоверными с ними так сказать неразрушимая стена, которая, окружая их мраком, содержит в твёрдом единстве и отделении от всех обитающих с ними». Так воспитывают и детей, «за научение талмудов платят они дорого и ничего не жалея... Доколе школы будут существовать в настоящем их положении, ни малой не предвидится надежды к перемене их нравов... Укореняется суеверное учение, что они почитают себя единственно истинными богочтителями, а о всех других не единоверных с ними думают уничижительно... Там вперяется в народ беспрестанное ожидание Мессии... что их Мессия, покорением под свою державу вещественно всех земнородных, будет над ними плотски владычествовать, возвратит им прежнее их царство, славу, великолепие». Ещё о той молодёжи — что «женятся весьма рано, иногда прежде 10 лет, отчего хотя плодущи, но слабы». — Затем и о кагальном устройстве: что внутриеврейский сбор «составляет кагалам ежегодно знатную сумму доходов, несравненно превосходнейшую, нежели с их ревизских душ государственные подати. Кагальные старейшины в ней никому никакого отчёта не дают. Бедная их чернь от сего находится в крайнем изнурении и нищете, каковых суть большая часть... Напротив, кагальные богаты и живут в изобилии; управляя двоякою пружиною власти, то есть духовною и гражданскою... имеют великую силу над их народом. Сим средством содержат они его... в великом порабощении и страхе». От кагалов «истекают по их народу всякие приказания... которые исполняются с такою точностию и скоростию, что удивляться должно»[144].

---

143 ЕЭ, т. 11, с. 801; *Державин*, т. VII, с. 353–355; *Ю.Гессен*, т. 1, с. 131–132.

144 *Державин*, т. VII, с. 280–283, 287.

Суть проблемы Державин видел так: «Многочисленность же их [евреев] в Белоруссии... по единой только уже несоразмерности с хлебопашцами совершенно для страны сей тягостна... она есть единственно из главнейших, которая производит в сем краю недостаток в хлебе и в прочих съестных припасах». «Никогда никто не был из них хлебопашцем, а всякий имел и переводил более хлеба, нежели семьянистый крестьянин, в поте лица своего достающий оный». «Всего же более упражняются в деревнях... в раздаче в долги всего нужного крестьянам, с приобретением чрезвычайного росту; и потому, попав крестьянин единожды в их обязанность, не может уже выпутаться из долгу». А ещё ж — «легковерные помещики, предавшие в руки жидовские не токмо временно, но и безсрочно деревни свои...». А помещики — и рады валить всё на евреев: «единственною причиною истощения их крестьян по своим оборотам признают они Жидов», и редкий помещик признается, «что ежели их выслать из его владений, то он понесёт немалый убыток, по той причине, что получает с них знатные за аренды доходы»[145].

Так — Державин не упустил взглянуть на дело разносторонне. И: «должно однако ж справедливость отдать и сим последним [евреям], что при нынешнем недостатке хлеба они немало голодных поселян снабжали кормом; впрочем, всяк знает, что не без расчёта, ибо при снятии жатвы, данное им сторицею они возвратят»[146]. А в частной при том записке генерал-прокурору Державин написал: «Трудно без погрешения и по справедливости кого-либо строго обвинять. Крестьяне пропивают хлеб Жидам и оттого терпят недостаток в оном. Владельцы не могут воспретить пьянства для того, что они от продажи вина почти весь свой доход имеют. А и Жидов в полной мере обвинять также не можно, что они для пропитания своего извлекают последний от крестьян корм»[147].

И. Франку Державин сказал однажды: «Раз Промысл сохранил до сих пор этот маленький рассеянный народ, то

[145] Там же, с. 279, 287–291, 326.

[146] Там же, с. 288.

[147] Дело министерства юстиции, 1800 г., № 251 // *Ю. Гессен**, т. 1, с. 133.

и мы должны позаботиться об его сохранении»[148]. А в докладе своём, с простодушной грубой прямотой того времени, написал: «Ежели Всевысочайший Промысл, для исполнения каких своих недоведомых намерений, сей по нравам своим опасный народ оставляет на поверхности земной и его не истребляет; то должны его терпеть и правительства, под скиптр коих он прибегнул... обязаны простирать и о Жидах своё попечение таким образом, чтобы они и себе и обществу, между которым водворились, были полезными»[149].

За все свои наблюдения в Белоруссии, выводы, за всё его «Мнение», и даже особенно за эти строки, ещё, вероятно, за похвалу «прозорливости великих российских монархов... которые строго воспрещали иметь приход и въезд сим искусным грабителям в пределы империи»[150], — Державину припечатано «имя фанатического юдофоба» и тяжёлого антисемита. Ему (как мы видели, неверно) ставится в обвинение, что он «приписс[ал] в официальных документах пьянство и бедность белорусских крестьян всецело евреям», а его «положительные меры» — без всякой доказательности объясняются лишь личными амбициями[151].

А между тем — никакой исконной предвзятости к евреям у него не было, всё его «Мнение» сформировалось в 1800 на фактах разорения и голода крестьян, и направлено оно было к тому, чтобы сделать добро и белорусскому крестьянству и самому еврейству — *расцепив* их экономически и направив еврейство к прямой производительности, — первейше расселением части их на неосвоенные земли, что предполагала ещё Екатерина.

Пороговую трудность тут Державин видел в постоянной переходчивости и неучтённости еврейского населения, вряд ли и шестая часть его учтена по ревизиям. «Без особливого чрезвычайного средства трудно им сделать справедливую перепись: ибо, живя по городам, местечкам, дворам господским, деревням и корчмам, беспрестанно почти перебегая друг к другу, называют себя не туточными жителями, а гостьми, из другого уезда или селения пришедшими», да к

[148] ЕЭ, т. 15, с. 358.

[149] *Державин*, т. VII, с. 277.

[150] Там же, с. 280.

[151] ЕЭ, т. 7, с. 112–113.

тому же все «единообразны... единоимянны», без фамилий, «да к тому же все одеты в одинакое чёрное платье, то и теряется память и смешивается понятие при случае их счёта и различия, а особливо по делам исковым и следственным». При том и кагалы опасаются показывать их всех, дабы слишком не отяготить зажиточных податьми за прописных»[152].

Общее же решение Державин искал: как «без нанесения кому-либо вреда в интересах... уменьшить [число евреев в белорусских деревнях] и облегчить тем продовольствие коренных её обитателей, а оставшимся из них дать лучшие и безобиднейшие для других способы к их содержанию». А кроме того: «ослабить их фанатизм и нечувствительным образом приближить к прямому просвещению, не отступая однако ни в чём от правил терпимости различных вер; вообще, истребив в них ненависть к иноверным народам, уничтожить коварные вымыслы к похищению чужого добра»[153]. Таким образом, отделить свободу религиозной совести от «безнаказанности злодейств».

И затем он дал — поэтапную, подробную разработку предлагаемых мер, привлекая хозяйственный и государственный смысл. Сперва, «чтоб не произвесть какого в них [евреях] волнования, побегов и малейшего даже ропоту», — императорским манифестом объявить им покровительство и попечение, с подтверждением терпимости к их вере и сохранением данных Екатериною привилегий, «с некоторою только отменою древних их установлений». (А кто «не похочет подвергнуться сему установлению, дать тем свободу выйти за границу», — далеко опережая в свободе советский XX век.) — Сразу за тем, по точным календарным периодам, временно запретив всякие новые кредиты, — разобрать, документировать и разрешить все взаимные долговые претензии между христианами и евреями, «восстановить прежнюю взаимную доверенность, с тем однако, чтобы не была она впредь ни малейшею уже связью или преградою к преобразованию Евреев в другой образ жизни» — «к переселению их в другие области, или» на старых местах «к восприятию нового рода жизни». «Поскорее Евреев от долгов очистить и учинить их свободными к реформе». От

[152] *Державин*, т. VII, с. 302.
[153] Там же, с. 291.

момента манифеста все сборы, делаемые с евреев, — направить «на платёж за бедных людей», то есть на бедных евреев, на покрытие кагальных долгов и на обзаведение переселенцев. С кого три, с кого шесть лет не взимать определённую с них подать — а направить на заведение для них фабрик и рукоделий. Помещики должны дать обязательства за евреев в своих местечках, что те в три года заведут мануфактуры, фабрики и рукоделия, а на усадьбах действительное хлебопашество, «дабы они доставали хлеб свой собственно своими руками», но «ни под каким видом не продавали они нигде ни тайно, ни явно горячего вина», — иначе сами те помещики лишатся права винокурения. Неупускаемо произвести и всеобщую точную перепись населения под ответственность кагальных старейшин. Кто не может объявить состоятельности как купец или городовой мещанин — для тех открыть новые классы, с меньшим достатком: сельских мещан либо «поселян-хозяев» (затем, что «наименование крестьянина по сходству со словом Христианина они терпеть не могут»). При том должны еврейские поселенцы «почитаемы быть людьми вольными, а не крепостными»; однако «ни под каким видом и поводом да не дерзнут употреблять в свои услуги Христиан и Христианок», ни владеть христианскими деревнями, ни одной душою, и не допускать заседать в магистратах и ратушах, дабы не дать им прав над христианами. А «по объявлении желаний записаться в какой род жизни», направить «потребное число молодых людей» в Петербург, Москву, Ригу — кого «для научения купеческой бухгалтерии», кого — ремёсел, третьих — в школы «для хлебопашества и созидания земляных строений». Тем временем избрать «несколько расторопных и тщательных Евреев депутатами... во все те места, где земли для заселения» отведут. (И дальше — подробности составления планов, землемерия, домостроительства, порядка следования переселенческих партий, их права на пути, льготные годы от податей для переселенцев — всю подробную детализацию, терпеливо разработанную Державиным, мы оставляем в стороне.) Для внутреннего же устройства еврейских общин, дабы «наравне с прочими России подвластными народами... подвергнуть [евреев] единственному государственному правлению... не должны более ни под каким видом существовать кагалы». А с отменой кагалов «все лихоимственные с народа еврейского прежние кагальные сборы сим... отменяются, а государственные подати собирать с них так же... как с про-

чих подданных» (т.е. не двойную), и должны «школы и синагоги покровительствуемы быть законами». В брак не вступать «мужеского полу моложе 17-ти, а женского 15-ти лет». И следует раздел об образовании и просвещении евреев. Школы еврейские — до 12 лет, а потом — общие школы, сближать с иноверными; «высоких же наук достигших позволить принимать в академии, университеты, в почётные члены, доктора, профессоры», — но «не присвояя им... офицерских и штаб-офицерских чинов», ибо «хотя и могли бы они принимаемы быть в военную службу», но, например, «в субботу пред неприятелем не примутся за оружие, что несколько раз на самом деле случалось». Завести типографии для еврейских книг. При синагогах учредить еврейские больницы, богадельни, сиротские домы [154].

Итак, самоуверенно заключал Державин, «Евреев род строптивый... в сем своём печальном состоянии [рассеяньи] получ[и]т образ благоустройства». А особенно — от просвещения: «Сей один пункт, ежели не ныне и не вдруг, то в последующие времена, по крайней мере чрез несколько поколений, неприметным образом даст плоды», и тогда евреи станут «российского престола прямыми подданными» [155].

Составляя своё «Мнение», Державин запрашивал и мнения кагалов — и уж никак не обрадовал их своими предложениями. В официальных ему ответах их отрицание было сдержанным: что «евреи способности и привычки к хлебопашеству не имеют и в законе своём находят к тому препятствие» [156], «сверх нынешних их упражнений, никаких других способов, служащих к их продовольствию, не предвидят, и не имеют в том надобности, а желают остаться на прежнем положении» [157]. Однако кагалы видели, что в этом докладе речь идёт о подрыве всей кагальной системы, о наложении контроля на доходы кагалов, — и стали оказывать всему в целом проекту Державина негласное, но сильное и долгое сопротивление.

Державин считал одним из проявлений того скорую жалобу на государево имя одной еврейки из Лиозно, что,

---

[154] *Державин*, т. VII, с. 292–330.

[155] Там же, с. 331.

[156] *Ю.Гессен**, т. 1, с. 131.

[157] *Державин*, т. VII, с. 289.

якобы, на тамошнем винокуренном заводе он «смертельно бил её палкою, от чего она, будучи чревата, выкинула мёртвого младенца». И о том — началось расследование через Сенат. Державин же отвечал: «быв на том заводе с четверть часа, не токмо никакой жидовки не бил, но ниже в глаза не видал», — и дорывался быть принятым самим императором: «Пусть меня посадят в крепость, а я докажу глупость объявителя таких указов... Как вы могли... поверить такой сумасбродной и неистовой жалобе?» (Еврея, писавшего за женщину ту ложную жалобу, приговорили на год в смирительный дом, но через 2-3 месяца, уже при Александре, Державин, как он пишет, «исходатайствовал ему свободу из оного».) [158]

Убитый в марте 1801, Павел не успел принять по «Мнению» Державина никакого решения. Доклад этот «привёл в то время к меньшим практическим результатам, чем можно было ожидать, так как, благодаря перемене царствования, Державин потерял своё значение» [159].

Лишь в конце 1802 был составлен «Комитет о благоустроении евреев» — для рассмотрения «Мнения» Державина и выработки решений по нему. В комитет вошли два близких Александру польских магната, кн. Адам Чарторыжский и гр. Северин Потоцкий, гр. Валерьян Зубов (обо всех трёх Державин примечает, что как раз они владели большими имениями в Польше и при выселении евреев из деревень «была бы знатная потеря их доходам», «частная польза помянутых вельмож перемогла государственную» [160]), министр внутренних дел гр. Кочубей и только что назначенный министром юстиции (первым в русской истории) Державин; близкое участие принимал Михаил Сперанский. В комитет велено было пригласить еврейских депутатов ото всех губернских кагалов — и они были присланы, большей частью купцы 1-й гильдии. «Кроме того, членам комитета дано право избрать несколько лиц из известных им просвещённых и благонамеренных Евреев» [161]. В качестве таковых были приглашены уже известный Нота Ноткин, переселившийся из Белоруссии в Москву, затем в

---

158 *Державин*, т. VI, с. 715–717.

159 ЕЭ, т. 2, с. 733.

160 *Державин*, т. VI, с. 766–767.

161 Там же, с. 761.

Петербург; петербургский откупщик Абрам Перетц, тесно дружививший со Сперанским; близкие к Перетцу Лейба Невахович, Мендель Сатановер и ещё другие, — не все они бывали прямые участники заседаний, но значительно влияли на членов комитета. (Интересно тут отметить, не будет другого места: сын Абрама Перетца Григорий был осуждён и сослан по делу декабристов — возможно лишь за то, что обсуждал с Пестелем еврейский вопрос, не подозревая об их заговоре[162], а внук был — российским государственным секретарём, весьма высокая должность. Невахович, из просветителей-гуманистов, но не космополит, а привязанный к русской культурной жизни, исключительное тогда явление среди евреев, издал в 1803 на русском «Вопль дщери иудейской», призывая русское общество помнить, что евреи стеснены в правах, внушая русским людям взгляд на евреев как на «соотчичей», чтобы русское общество приняло в свою среду евреев[163].)

Комитет соглашался с тем, чтобы «приобщить [евреев] к общей гражданской жизни и общему образованию», «направить их... к производительному труду»[164], облегчить им торгово-промышленную деятельность; смягчить стеснения в праве передвижения и жительства; приучить перейти на немецкое платье, ибо «привычка к одежде, обречённой на презрение, усугубляет привычку к самому презрению»[165]. Но острее всего встал вопрос о проживании евреев в деревнях с целью виноторговли. Ноткин «убеждал комитет оставить евреев на местах, приняв лишь меры против возможных злоупотреблений с их стороны»[166].

«Учреждение Комитета вызвало переполох в кагалах», — пишет Гессен. Чрезвычайное собрание их депутатов в Минске в 1802 постановило: «просить Государя нашего, да возвысится слава его, чтобы они [сановники] не делали у нас никаких нововведений». Решили послать особых ходатаев в Петербург, объявили для того сбор средств и даже трёхдневный общий еврейский пост, «тревога разли-

162 *Л. Дейч.* Роль евреев в русском революционном движении. Т. 1, 2-е изд., М.; Л.: ГИЗ, 1925, с. 8.

163 ЕЭ, т. 11, с. 622–623.

164 ЕЭ, т. 1, с. 798.

165 *Ю. Гессен**, т. 1, с. 148.

166 Там же, с. 153.

лась... по всей черте оседлости». Не говоря уже о грозящей высылке евреев из деревень, «кагалы, оберегая неприкосновенность внутреннего быта... отрицательно относились к вопросам культуры». И в ответ на главные статьи проекта «кагалы заявили, что вообще реформу нужно отложить на пятнадцать-двадцать лет»[167].

А по свидетельству Державина: «Тут пошли с их стороны, чтоб оставить их по-прежнему, разные происки. Между прочим г. Гурко, белорусский помещик, доставил Державину перехваченное им от кого-то в Белоруссии письмо, писанное от одного еврея к поверенному их в Петербурге, в котором сказано, что они на Державина, яко на гонителя, по всем кагалам в свете наложили херем или проклятие, что они на подарки по сему делу собрали 1.000.000 и послали в Петербург, и просят приложить всевозможное старание о смене генерал-прокурора Державина, а ежели того не можно, то хотя покуситься на его жизнь... Польза же их состояла в том, чтоб не было им воспрещено по корчмам в деревнях продавать вино... А чтоб удобнее было продолжать дело», то будут доставлять «из чужих краёв от разных мест и людей мнения, каким образом лучше учредить Евреев», — и действительно, такие мнения, то на французском, то на немецком языке, стали в Комитет доставлять[168].

Между тем Нота Ноткин «стал центральной личностью организовавшейся тогда небольшой еврейской общины» Петербурга. В 1803 он «представил... в комитет записку, которой пытался парализовать влияние державинского проекта»[169]. По словам же Державина, Ноткин «пришёл в один день к нему, и под видом доброжелательства, что ему одному, Державину, не перемочь всех его товарищей [по Комитету], которые все на стороне еврейской, — принял бы сто, а ежели мало, то и двести тысяч рублей, чтобы только был с прочими его сочленами согласен». Державин «решился о сем подкупе сказать Государю и подкрепить сию истину Гуркиным письмом», он «думал, что возымеют действие такие сильные доказательства, и Государь остережётся от людей, его окружающих и покровительствующих Жидов». Но после императора стало известно Сперанскому, а «Сперанский

---

[167] *Ю.Гессен**, т. 1, с. 139–140, 144–145.

[168] *Державин*, т. VI, с. 762–763.

[169] ЕЭ, т. 11, с. 801.

совсем был предан Жидам», и — «при первом собрании Еврейского комитета открылось мнение всех членов, чтоб оставить винную продажу... по-прежнему у Евреев»[170].

Державин — противился. Александр становился к нему всё холодней, вскоре (1803) и уволил с министра юстиции.

Впрочем, по «Запискам» Державина видно, что служил он — хоть на военной службе, хоть на светской — всегда слишком порывисто, пылко, и повсюду получал скорые отставки.

Надо признать, Державин предвидел многое из того, что подымется в российско-еврейской проблеме ещё и во весь XIX век, хотя и не в тех неожиданных формах, как оно на самом деле произошло. Выражения его грубы, согласно его времени, но в плане его не было замысла угнетать евреев, напротив: открыть евреям пути более свободной и производительной жизни.

---

170 *Державин*, т. VI, с. 763–764.

Глава 2 — ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I

К концу 1804 Комитет о благоустроении евреев закончил свою работу выработкой «Положения о евреях» (известно как «Положение 1804 г.») — первый в России законодательный свод о евреях. Комитет объяснял, что видит целью своей перевести евреев в лучшее состояние и к путям полезной деятельности, «отворяя только путь к собственной их пользе... и удаляя всё, что с дороги сей совратить их может, не употребляя, впрочем, никакой власти»[1]. — Положение устанавливало принцип гражданского равноправия евреев (статья 42): «Все евреи, в России обитающие, вновь поселяющиеся или по коммерческим делам из других стран прибывающие, суть свободны и состоят под точным покровительством законов наравне с другими российскими подданными». (По комментарию проф. Градовского, в этой статье «нельзя не видеть стремления... слить этот народ со всем населением России».)[2]

«Положение» открывало евреям больше возможностей, нежели первоначальные предложения Державина; так, при заведении текстильных и кожевенных фабрик, при переходе к сельскому хозяйству на неосвоенных землях предлагалась и государственная прямая помощь. Евреи получали право и приобретать землю — без крепостных крестьян на ней, но с правом использования наёмных рабочих-христиан. Давалось право евреям-фабрикантам, купцам и ремесленникам выезжать за пределы черты оседлости «на время по делам», чем ослаблялась недавно установившаяся «черта». (Отмена двойной подати в этом году ещё только обещалась, — но она и отпала вскоре затем.) Подтверждались все права евреев на неприкосновенность их собственности, личную свободу, свою особенную веру и свободу общинного устройства, — то есть кагальная орга-

---

[1] *Ю. Гессен**. История еврейского народа в России: В 2-х т. Т. 1, Л., 1925, с. 149.

[2] *М. Ковалевский*. Равноправие евреев и его враги // Щит*: Литературный сборник / Под ред. Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. 3-е изд., доп., М.: Русское Общество для изучения еврейской жизни, 1916, с. 117.

низация была оставлена без значительных изменений (хотя это уже подрывало замысел влития еврейства во всероссийскую гражданственность), с прежним правом собирания податей, дающим кагалам столь неограниченную власть, — но без права увеличения своих сборов; и с запретом религиозных наказаний и проклятия (херема), — тем была дана свобода хасидам. В согласии с настойчивым желанием кагалов не был принят план учреждения общеобразовательных еврейских школ, но «все дети евреев могут быть принимаемы и обучаемы, без всякого различия от других детей, во всех российских училищах, гимназиях и университетах», причём никто из детей в тех школах не будет «ни под каким видом отвлекаем от своей религии, ни принуждаем учиться тому, что ей противно и даже несогласно с нею быть может». А евреи, «кои способностями своими достигнут в университетах известных степеней отличия в медицине, хирургии, физике, математике и других знаниях, будут в оных признаваемы и производимы в университетские степени». Считалось необходимым усвоение евреями языка окружающей местности, перемена внешнего вида и присвоение фамильных имён. — Комитет заключал, что в других странах «нигде не было употреблено к сему средств более умеренных, более снисходительных и с пользами их [евреев] теснее соединённых». И Ю.И.Гессен соглашается, что российское Положение 1804 г. накладывало на евреев меньше ограничений, чем, например, прусский Регламент 1797 г. И особенно ещё при том, что евреи имели и сохраняли личную свободу, которой не имел многомиллионный массив крепостного крестьянства России[3]. — «Положение 1804 г. относится к числу актов, проникнутых терпимостью»[4].

Тогдашний распространённый журнал «Вестник Европы» писал: «"Александр знает, что пороки, еврейской нации приписываемые, суть необходимые следствия сего закоренелого угнетения, которое давит их в продолжение многих столетий". Цель нового закона — дать государству полезных граждан, а евреям — отечество»[5].

---

[3] *Ю.Гессен**, т. 1, с. 148–158; Еврейская Энциклопедия (далее — ЕЭ): В 16-ти т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1906–1913. Т. 1, с. 799–800.

[4] ЕЭ, т. 13, с. 615.

[5] *Ю.Гессен**, т. 1, с. 158–159.

Однако самый острый вопрос разрешался Положением не так, как соединённо хотели все евреи — и еврейское население, и депутаты кагалов, и еврейские сотрудники Комитета. В Положении стояло: «Никто из евреев... ни в какой деревне и селе не может содержать никаких аренд, шинков, кабаков и постоялых дворов, ни под своим, ни под чужим именем, ни продавать в них вина и даже жить в них»[6] — и предстояло совершенно удалить еврейское население из деревень в течение трёх лет, то есть к началу 1808. (Мы помним, что такая мера намечалась ещё при Павле в 1797, и прежде, чем возник проект Державина: не поголовное удаление евреев из деревень, но «чтобы численность еврейского населения в деревнях не превышала экономических сил крестьян, как производительного класса, было предложено лишь разредить евреев в уездных селениях»[7].) Теперь предполагалось обратить большинство евреев к земледельческому труду на пустующих землях черты оседлости, Новороссии, ещё губерний Астраханской и Кавказской, — с освобождением на 10 лет от платимой ныне подати, с правом «получать от казны на заведение заимообразную ссуду», начав возвращать её тоже через 10 льготных лет; а более состоятельным — предлагалось приобретать землю в личную и потомственную собственность с правом обработки её наёмными работниками[8].

Об отказе от виноторговли аргументировал Комитет: «Доколе отверст будет Евреям сей промысел... который, наконец, столь общему подвергает их самих нареканию, презрению и даже ненависти обывателей, дотоле общее негодование к ним не прекратится»[9]. А между тем «“можно ли назвать меру сию [выселение из деревень] для них стеснительною, когда, вместе с тем, открывается евреям множество других способов не только содержать себя в безбедном состоянии, но делать приобретение — в земледелии, фабриках, ремёслах, когда вместе с сим открывается им способ даже владеть землёю в собственность. Каким обра-

---

[6] ЕЭ*, т. 3, с. 79.

[7] *Ю.Гессен*, т. 1, с. 128.

[8] *В.Н.Никитин*. Евреи земледельцы: Историческое, законодательное, административное и бытовое положение колоний со времени их возникновения до наших дней. 1807–1887.* СПб., 1887, с. 6–7.

[9] *Кн. Н.Н.Голицын*. История русского законодательства о евреях. СПб., 1886. Т. 1: 1649–1825, с. 430.

зом ограничением одной ветви промышленности может быть стеснён сей народ в таком государстве, где тысячи других для него отверсты", где удобные к хлебопашеству и разным заведениям земли в губерниях плодородных и малонаселённых...?»[10].

Аргументы, кажется, весомые. Однако Гессен находит у Комитета «наивн[ый] взгляд... на природу экономической жизни народа... что экономические явления можно видоизменять чисто механическим способом, путём приказов»[11]. С еврейской стороны оценили намеченную высылку из деревень и запрет корчемного промысла, этого «векового занятия» евреев[12], — как ужасное и жестокое решение. (И таким же — осуждала его и полвека и век спустя еврейская историография.)

По либеральным взглядам Александра I, его доброжелательному отношению к евреям, его изломчивому характеру, его ненастойчивой воле (вероятно, на всю жизнь подорванной вступлением на престол через насильственную смерть отца) — вряд ли провозглашённое выселение евреев из деревень состоялось бы энергично, не было бы растянуто даже и при спокойной государственной обстановке. А тут, почти сразу за Положением 1804 года, — замаячила война с Наполеоном, началась на полях Европы, а тут и последовали благожелательные к евреям меры Наполеона, создавшего в Париже Синедрион из еврейских депутатов. «Всё еврейское дело приняло вдруг неожиданный оборот. Бонапарте учредил в Париже собрание Евреев, имевшее главною целью предоставить еврейской нации разные преимущества и образовать связи между Евреями, рассеянными по Европе». И в 1806 Александр I повелел составить новый комитет «для соображения, не нужно ли принять каких-нибудь особенных мер и отсрочить переселение Евреев»[13]. Требовалось и от русского правительства никак не выставиться притеснителем евреев.

Назначенное в 1804 выселение евреев из деревень должно было начаться с 1808. Но выступили ещё и практи-

---

10 *Голицын*, т. 1, с. 439–440.

11 Там же.

12 ЕЭ, т. 3, с. 79.

13 *[Г.Р.] Державин*. Соч.: В 9-ти т. / С объяснительными примечаниями Я. Грота. 2-е Академическое изд. СПб., 1864–1883. Т. VI, 1876, с. 761–762.

ческие затруднения, и по ним в 1807 Александру I подавались докладные о необходимости отсрочить выселение. Тогда же был издан высочайший указ: «дозволить всем еврейским обществам... избрать депутатов и представить, посредством их... о способах, кои сами они признают более удобными к успешнейшему исполнению мер, в Положении 9 декабря 1804 г. изображённых». Выборы таких еврейских депутатов по западным губерниям состоялись, и их отзывы были представлены в Петербург. «Депутаты, конечно, высказались за то, чтобы выселение было отложено на долгий срок». (Тут ещё то́ было соображение, что в деревнях шинкари имели бесплатные квартиры от помещиков, а в местечках и городах за них придётся платить.) А министр внутренних дел докладывал, что для переселения евреев из нынешнего деревенского жительства на казённые земли «потребно несколько десятков лет, по чрезмерному их [евреев] количеству»[14]. И к концу 1808 Император распорядился приостановить статью, запретившую евреям аренды и винные промыслы, и оставить евреев на местах «до дальнейшего впредь повеления»[15]. Тут же (1809) был учреждён новый «Комитет сенатора Попова» для изучения круга еврейских вопросов с рассмотрением ходатайств еврейских депутатов. Этот комитет «признал необходимым "решительным образом" прекратить предпринятое выселение, сохранив за евреями право на аренды и на торговлю водкой»[16]. Комитет работал три года, представил свой доклад Государю в марте 1812. Александр I не утвердил доклада: он и не хотел подрывать значение прежнего решения и не утерял побуждение действовать в защиту крестьян: «он готов был бы смягчить меру выселения, но никак не отказаться от неё»[17]. — Однако вот уже грянула и большая война с Наполеоном, затем европейская, интересы Александра перенеслись — и уже никогда «выселение более не предпринималось в виде общей меры для всей черты оседлости, а лишь как частные распоряжения в отдельных местностях»[18].

Во время войны, согласно одному источнику: евреи были единственными жителями, которые не бежали от

[14] *Ю.Гессен**, т. 1, с. 163–165.

[15] ЕЭ*, т. 1, с. 801.

[16] Там же.

[17] *Ю.Гессен*, т. 1, с. 163, 167.

[18] ЕЭ, т. 5, с. 859.

французской армии ни в леса, ни вовсе прочь; вокруг Вильны: отказались подчиниться наполеоновскому приказу вступать в их армию, но фураж и провиант поставляли им беспрекословно; однако местами потребовались и насильственные поборы[19]. Другой источник, сообщая, что «еврейское население сильно пострадало от бесчинств солдат Наполеона», «было сожжено много синагог», говорит и шире: «Большую помощь оказывала русским войскам во время войны так называемая "еврейская почта", созданная еврейскими торговцами и передававшая информацию с невиданной в то время быстротой ("почтовыми станциями" служили корчмы)»; даже «евреев использовали в качестве курьеров для связи между отрядами русской армии». Когда же возвращалась русская армия, «евреи восторженно встречали русские войска, выносили солдатам хлеб и вино». Тогда ещё великий князь, будущий Николай I записал в дневнике: «Удивительно, что они [евреи] в 1812 отменно верны нам были и даже помогали, где только могли, с опасностью для жизни»[20].

Известен эпизод, как в ключевой момент французского отступления через Березину местные евреи сообщили русскому командованию ожидаемое место переправы. Но это была удавшаяся уловка генерала Лорансэ: он уверен был, что евреи донесут это сведение русским (а французы переправились, разумеется, в другом месте)[21].

С присоединением к России после 1814 и центральной Польши — присоединилось ещё и более 400 тысяч евреев, и еврейская проблема становилась для российского правительства только ещё настоятельней и сложней. В 1816 Государственный совет Царства Польского, жившего во многом как бы отдельной государственной жизнью, постановил начать выселение евреев из деревень, разрешая евреям оставаться *лишь* для прямого земледельческого труда и *без* помощи христиан. Но (по ходатайству варшавского кагала, мгновенно достигшему Государя) Александр распоря-

---

[19] *С. Познер*. Евреи Литвы и Белоруссии 125 лет тому назад // [Сб.] Еврейский мир: Ежегодник на 1939 г. (далее — ЕМ-1). Париж: Объединение русско-еврейской интеллигенции, с. 60, 65-66.

[20] Краткая Еврейская Энциклопедия* (далее — КЕЭ): 1976 — ... [продолж. изд.]. Т. 7, Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1994, с. 309-311.

[21] См.: Русская воля, Пд., 1917, 22 апр., с. 3.

3—5080

дился оставить евреев на местах и в Польше, — разрешив торговать и водкой, лишь с единственным запрещением: торговать ею *в долг* [22].

Правда, в сенатских Правилах 1818 г. снова были такие параграфы: «Уничтожить разорительную для крестьян экзекуцию со стороны владельцев, за неотдачу еврейских долгов, отчего крестьяне принуждены бывают продавать последнее своё достояние... Евреям, арендующим корчмы, не позволять давать крестьянам в рост деньги, на веру вино и забирать у них за сие скот или что другое, необходимое крестьянину» [23].

Как характерно для всего царствования Александра, последовательности в принимаемых мерах не бывало; правила возглашались, а не возникало действенного контроля за их исполнением. Также, например: «уставом 1817 года о питейном сборе в великорусских губерниях евреям было запрещено там винокурение, однако, уже в 1819 г. запрет был отменён», — «впредь до усовершенствования русских мастеров в винокурении» [24].

Разумеется, искоренение еврейских винных промыслов из сельской местности Западного края упиралось в противодействие польских помещиков, корыстно заинтересованных, — а российское правительство тогда ещё не смело действовать против помещиков. Однако в Черниговской губернии, где не было векового укоренения помещичье-еврейского винного промысла, — его удалось прекратить в 1821, когда губернию постиг неурожай и губернатор донёс, что «"евреи содержат в тяжком порабощении" казённых крестьян и казаков» [25]. В 1822 осуществили эту меру и в Полтавской губернии; в 1823 — частично расширили запрет на Могилёвскую и Витебскую. Но дальше эти меры были остановлены усиленными ходатайствами кагалов.

Итак, борьба с винными промыслами путём выселения евреев из деревень — по сути за всё четвертьвековое царствование Александра I не сдвинулась.

Однако винокурение было не единственным видом аренды у помещиков в черте оседлости. Арендаторы бра-

22 *Ю.Гессен*, т. 1, с. 222–223.
23 ЭЕ*, т. 3, с. 80–81.
24 ЕЭ, т. 5, с. 609, 621.
25 Там же, с. 612.

ли на откуп и отдельные отрасли хозяйства, отдельные угодья, где мельницу, где рыбную ловлю, где мосты, а то и целиком имения — и тогда под аренду попадали не только сами крепостные крестьяне (такие случаи с конца XVIII в. участились [26]), но даже и «хлопские церкви», то есть православные храмы, как сообщает ряд авторов — Н.И. Костомаров, М.Н. Катков, В.В. Шульгин. Те храмы, входя в состав имения, считались личной собственностью католиков-помещиков, и «в качестве арендаторов евреи считали себя вправе взимать деньги с посещающих храм и с совершающих требы. Чтобы окрестить, обвенчаться или похоронить, надо было получить разрешение "жида" за соответственную мзду»; «малорусские исторические песни наполнены горькими жалобами на "жидів-орендарів", угнетавших население» [27].

Российские правительства уже давно имели в виду эту опасность: чтобы права арендаторов не распростирались на личность крестьянина и прямо на его труд, «чтобы евреи не пользовались личным трудом крестьян и чтобы путём аренды они, как не-христиане, не владели вообще крепостными христианами». И это запрещалось последовательно: указом 1784, сенатскими постановлениями 1801 и 1813: чтобы «евреи деревнями и помещичьими крестьянами ни под каким названием и наименованием отнюдь не владели, не распоряжались» [28].

Однако изобретательность и евреев и помещиков на том не отказала. К 1816 году Сенат обнаружил, что «евреи изыскали способ владения под названием крестенций», то есть по условиям с помещиками снимать «с полей посеянный крестьянами их... хлеб и сено, который те же крестьяне должны вымолотить, свозить к винокурням, у евреев же на аренде состоящим, и смотреть за волами, на корм [к крестьянам] поставленными, притом давать евреям рабочих и подводы... евреи вполне таковыми имениями распоряжаются... вместе с тем и помещики, получая от них выгодную за имения аренду, под названием крестенций, запродают евреям весь будущий урожай, в полях их засеян-

---

26 ЕЭ, т. 11, с. 492.

27 *В.В. Шульгин.* «Что нам в них не нравится...»: Об Антисемитизме в России. Париж, 1929, с. 129.

28 ЕЭ*, т. 3, с. 81.

ный: почему заключить можно, что упомянутым средством подвергают крестьян своих голоду»[29].

Сдаются в аренду как будто не сами крестьяне, а только «крестенция» — а результат тот же самый.

Но и, несмотря на все запреты, практика «крестенций» гибко продолжалась. Запутанная сложность была и в том, что многие помещики и сами попадали в долги к своим арендаторам-евреям, получали от них деньги под залог своего имения, — вот евреи и распоряжались тем имением и трудом крепостных. Но когда в 1816 Сенат «постановил отобрать у евреев имения», он предоставил им же самим заботиться о возврате одолженных сумм. Кагальные депутаты тут же принесли всеподданнейшую просьбу об отмене этого распоряжения — и главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий кн. А.Н. Голицын убедил Государя, что «несправедливо повергать один класс виновных наказанию, изъемля из оного» помещиков и чиновников. Помещики «могут ещё выиграть, если откажутся возвратить данные им за крестенции капиталы и самую крестенцию удержат в свою пользу»; отдав земли евреям вопреки закону, теперь обязаны вернуть им деньги[30].

Служивший в те годы в армии в западных губерниях будущий декабрист П.И. Пестель, уж никак не защитник самодержавия, а пламенный республиканец, записал некоторые свои наблюдения о тамошних евреях. Наблюдения эти Пестель включил частично в исходные положения своей государственной программы ("наказ для временного Верховного правления"). «Ожидая Мессию, считают себя евреи временными обывателями края, где находятся, и потому никак не хотят земледелием заниматься, ремесленников даже отчасти презирают и большею частью одною торговлею занимаются». — «Еврейские духовные лица, называемые раввинами, содержат свой народ в неимоверной от себя зависимости, запрещая именем веры всякое чтение каких бы то ни было книг, кроме Талмуда... Народ, не ищущий просветиться, останется всегда под властью предрассудков»; «Зависимость евреев от раввинов идёт так далеко, что всякое приказание, сими данное, исполняется свято и беспрекословно». — «Тесная между евреями связь даёт им

[29] ЕЭ*, т. 3, с. 81.

[30] Там же*, с. 82; см. также: *Ю.Гессен*, т. 1, с. 185, 187.

средства большие суммы накоплять... для общих их потребностей, особенно для склонения разных начальств к лихоимству и ко всякого рода злоупотреблениям, для них, евреев, полезны[м]». Как они легко становятся владетельными, «ясно видеть можно в тех губерниях, где жительство своё они имеют. Вся торговля там в их руках и мало там крестьян, которые бы посредством долгов не в их власти состояли; отчего и разоряют они ужасным образом край, где жительствуют». — «Прежнее правительство [Екатерины] даровало им много отличных прав и преимуществ, усиливающих зло, которое они делают», — например, право не давать рекрутов, право не объявлять об умерших, право судиться между собой по приговорам раввинов, а «сверх того они всеми теми же правами пользуются, как и прочие народы христианские». И «ясным образом усмотреть можно, что евреи составляют в государстве, так сказать, своё особенное совсем отдельное государство и при том ныне в России пользуются бо́льшими правами, нежели сами христиане». Так «не может далее длиться такой порядок вещей, утвердивший неприязненные отношения евреев к христианам и поставивший их в положение, противное общественному порядку в государстве»[31].

В последние годы царствования Александра I состоялось общее устрожение экономических и прочих запретов против еврейской деятельности. В 1818 сенатский указ: впредь «христиан евреям ни по какому случаю в выслугу за долги не отдавать»[32]. — В 1819 указ о прекращении «работ и услуг, отправляемых крестьянами и дворовыми людьми для евреев»[33]. Тот же Голицын докладывал комитету министров, что «христиане, живущие в домах у евреев, "не только забывают и оставляют без исполнения обязанности христианской веры, но принимают обычаи и обряды еврейские"»[34]. И состоялось решение о «недержании евреями в домашнем услужении христиан"»[35]. При этом считалось, что «это было бы полезно и для бедных евреев, кото-

---

[31] *П.И.Пестель*. Русская правда. СПб.: Культура, 1906, гл. 2, § 14, с. 50–52.

[32] ЕЭ*, т. 11, с. 493.

[33] ЕЭ*, т. 1, с. 804.

[34] ЕЭ, т. 11, с. 493.

[35] ЕЭ*, т. 1, с. 804.

рые могли бы заместить христианскую прислугу»[36]. Однако такого не произошло. (И как не удивиться: в еврейской городской массе были бедность и нищета, «большей частью бедные, едва снискивающие себе пропитание»[37], — но вовсе никогда не наблюдалось обратное: евреи не шли в домашнее услужение к христианам. Значит — были и удерживающие соображения, но и средства к жизни от сплочённых общин.)

Однако уже с 1823 использовать наём христиан разрешено евреям-откупщикам. Да «строгое соблюдение запрета», например христианам не обрабатывать землю евреев, «с... трудом осуществля[лось] на практике»[38].

В те же годы, в ответ на быстрое развитие секты субботников в Воронежской, Самарской, Тульской и других губерниях, приняты были меры к устрожению и черты оседлости. Так, «в 1821 евреи, обвинённые в "тяжком порабощении" крестьян и казаков, были изгнаны из сельских местностей Черниговской губернии, в 1822 — из деревень Полтавской»[39].

В 1824 Александр I, заметив, при поездке по Уральскому хребту, на горных заводах «значительное число евреев, которые, "занимаясь тайной закупкой драгоценных металлов, развращают тамошних жителей ко вреду казны и частных заводчиков"», повелел, «чтобы евреи "отнюдь не были терпимы как на казённых, так и на частных заводах в горном ведомстве"»[40].

Сходно подрывала казну и контрабанда вдоль всей западной границы России, бестаможенный провоз товаров и продуктов в обе столицы и торговля ими. Губернаторы доносили, что контрабандой занимаются преимущественно евреи, как раз и заселяющие густо пограничную полосу. В 1816 было распоряжение по Волынской губернии полностью выселить евреев из 50-вёрстной приграничной полосы, даже в течение трёх недель. Выселение по этой губернии продолжалось 5 лет, и произведено лишь частично, а с 1821 новый губернатор разрешил евреям возвращаться на

---

[36] ЕЭ, т. 11, с. 493.

[37] *Ю.Гессен**, т. 1, с. 206–207.

[38] ЕЭ, т. 11, с. 493.

[39] КЕЭ, т. 7, с. 313; *Ковалевский* // Щит, с. 117.

[40] ЕЭ, т. 1, с. 805.

свои места. — В 1825 состоялось постановление общée, но гораздо осторожнее: выселению подлежали лишь те евреи, кто не был приписан к местным кагалам, либо не имел в приграничной полосе своей недвижимости[41]. То есть теперь выселять намеревались лишь явно нахожих. Впрочем, мера не проводилась последовательно.

Одновременно с Положением 1804 г., его пунктом о выселении евреев из деревень западных губерний, перед государственными властями естественно стал вопрос: куда же переселять? Города и местечки уже были густо населены, и густота эта усугублялась жестокой конкуренцией в мелкой торговле при крайне слабом развитии производительного труда. Между тем — южнее Украины пустовала обширная, малонаселённая и плодородная Новороссия. Самый очевидный поворот государственного смысла и был: побудить выселяемую из деревень непроизводительную еврейскую массу — к земледелию в Новороссии. Десятью годами раньше Екатерина пыталась осуществить это побуждение тем, что ввела на евреев двойную подать, но открыла им полностью освободиться от неё переселением в Новороссию на сельское хозяйство. Однако эта двойная подать (о ней много упоминаний у еврейских историков) не была реальна уже потому, что не было учёта еврейского населения, знал его только кагал и скрывал от властей едва ли не половину численности. (К 1808 году она и перестала спрашиваться.) Та екатерининская льгота никого из евреев к переселению не побудила.

Ныне, специально и только для евреев, было выделено в Новороссии 30 тыс. десятин земли «на первый раз», то есть с возможными затем добавками, по потребности. Правительство предлагало для переселенцев крупные льготы: получение в Новороссии в потомственное владение (не в собственность) на семью по 40 десятин казённой земли (средний по России крестьянский земельный надел был — несколько десятин, редко за десять), денежные ссуды на переезд и устройство хозяйства (покупку скота, инвентаря и пр., ссуды возвращать только после 10 лет и ещё в течение

---

[41] ЕЭ, т. 12, с. 599.

10 лет), также предварительную постройку рубленых изб для переселенцев (в этой местности не только у всех мужиков, но даже у некоторых помещиков были дома глинобитные) — и освобождение от податей на 10 лет, и это при сохранении личной свободы (в то крепостное время) и покровительстве властей[42]. (А рекрутской повинности по Положению 1804 евреи и так тогда не несли, денежная компенсация её входила в подать.)

Просвещённые еврейские деятели, тогда ещё очень немногочисленные (Ноткин, Левинзон), тоже поддерживали эту государственную инициативу — «это должно быть достигнуто мерами поощрения, а отнюдь не принуждения», — разумно понимая необходимость для своего народа переходить к производительному труду.

Вся 80-летняя — и мучительная — эпопея еврейского земледелия в России представлена в объёмном кропотливом труде еврея В.Н. Никитина, ребёнком взятого в кантонисты (там получившего и это имя), затем посвятившего немало лет изучению архивов обширнейшей — неопубликованной — официальной переписки по Петербургу и Новороссии. Всё это обильно представлено в его книге, наслоем множества документов и статистики, с многократной повторительностью, иногда противоречивостью донесений разнонастроенных инспекторов в далёкие друг от друга годы, с детальными таблицами, не всегда полными, это никем потом не приведено в стройность, — и составляет, для нашего тут весьма краткого обзора, материал чрезмерно богатый. Всё же попытаемся, плотно цитируя, извлечь из него картину объёмную и наглядную.

Цель правительства была, признаёт Никитин, кроме государственной задачи освоения обширных ненаселённых земель, — расселить евреев просторнее, чем они живут, привлечь их к производительному физическому труду и удалить от «вредных промыслов», при которых они «массами, волей-неволей отягощали и без того незавидный быт крепостных крестьян». «Правительство... предлага[ло] им обратиться к земледелию», имея «в виду улучшение их же быта... Правительство... нисколько не завлекало евреев обещаниями, а напротив, всячески воздерживало от переправки более 300 семейств в год»[43], переселение тормозили

[42] *Никитин*, с. 6–7.

[43] Там же, с. 7, 58, 154.

до постройки домов на местах, приглашали евреев слать пока в Новороссию ходоков для разведки.

Идея-то была отначала благая, но не соразмерявшая настроения евреев-переселенцев и малых организационных способностей российской администрации. Замысел был уже потому безнадёжен, что земледелие — это большое искусство, воспитываемое лишь в поколениях, а против желания, или при безучастности, людей на землю не посадить успешно.

Как было отведено для евреев в Новороссии 30 тыс. десятин, так потом десятилетиями неприкосновенно держалось только для них. (Публицист И.Г. Оршанский позже высказывал суждение, что еврейское земледелие могло бы быть успешным только передачей евреям казённых земель тут же, поблизости, в Белоруссии, где сельский быт был у них на виду[44]. Но этих земель там и не было, например в Гродненской губ. всего 200 десятин — и это при бедных неплодородных почвах, «где всё население страдало от неурожая»[45].)

Однако «евреи далеко не спешили в земледельцы». Желающих переселяться сперва оказалось лишь три дюжины семейств. Надежда евреев была, что, может быть, ещё отменится, не состоится их выселение из деревень Западного края, на которое в 1804 был отпущен трёхлетний срок, однако оно всё не начиналось. Но роковой предельный срок — 1 января 1808 — вот приближался, уже и под конвоем перегоняли из деревень в местечки, и с 1806 началось-таки движение евреев к переселению, тем более что распространились слухи о выгодности его. Теперь стали подавать заявления массами, «рвались... как в обетованную землю... точно их предки из земли халдейской в землю ханаанскую», и даже «тайно уходили туда группами, без позволения и даже без паспортов». (А то — уже полученный паспорт продавали лицам другой этапной партии, а себе — требовали новый как вместо утерянного.) Желающих «день ото дня числом преумножается», и все «настойчиво просят землю, жилья и пищи»[46].

---

[44] *И. Оршанский.* Евреи в России: Очерки и исследования. Вып. 1, СПб., 1872, с. 174–175.

[45] *Никитин,* с. 3, 128.

[46] Там же*, с. 7, 13, 16, 19, 58.

Напор был больше, чем основанная в Херсонской губернии Попечительная контора для евреев-переселенцев готова была принять: не успевали строить дома, рыть колодцы, устройству мешали и степные расстояния и недостаток мастеров, врачей и ветеринаров. Правительство «не скупилось ни на деньги, ни на разумные распоряжения, ни на симпатии к переселенцам», но губернатор Ришелье в 1807 просил ограничить темп вселения до 200–300 семей в год, и только тех принимать неограниченно, кто хочет переселяться за свой счёт. «В случае неурожая придётся кормить этот народ несколько лет сряду». (Беднейшие поселенцы получали ежедневные кормовые.) — Однако губернаторы Западного края стали произвольно отпускать просящихся вне партий — и был потерян точный учёт, сколько же переселенцев пошло. Это вызывало их бедствия в пути, нищету, болезни и смерти[47]. А некоторые — просто исчезали по пути.

Степные расстояния (где сто, а где и до трёхсот вёрст от колонии до конторы) и неготовность администрации к точному учёту и правильному распределению приводили к тому, что одни поселенцы получали больше, другие меньше; жаловались на неполучение кормовых и ссудных. Малочисленные смотрители колоний не успевали доглядывать. (Смотрителям выплачивалось жалкое содержание, они часто не имели своих лошадей и обходили земли пешком.) Были поселенцы, кто и после двух лет на новом месте не имели ни хозяйства, ни посевов, ни хлеба. Из таких бедующих — отпускали кто куда хочет. Поступали «просьбы евреев об исключении их из земледельческого звания», тогда увольняли из поселенцев в их прежнее состояние мещан, но «из уволенных и пятая доля не вернулась назад, а пустилась в праздношатательство». (А вместе с отчисленными пропадали и выданные им ссуды.) Некоторые поселенцы «то появлялись в колониях, то исчезали без спроса и бесследно», некоторые слонялись по ближайшим городам — «торговать по старой привычке»[48].

Многие донесения конторы и инспекторов отражают, как новые поселенцы вели хозяйство. К поселенцам, «не знаю[щим], как что начать и кончать», наняты для обуче-

[47] *Никитин**, с. 14, 15, 17, 19, 24, 50.

[48] Там же, с. 26, 28, 41, 43–44, 47, 50, 52, 62–63, 142.

ния их — государственные крестьяне; так, распашку «производят большею частью наймом русских». Усвоена привычка: «исправлять недостатки наёмными рабочими». Засевают лишь незначительную часть отведенной земли и используют для посева не лучшие семена, а некоторые, хотя и получили особые семена на посев, вообще не пашут землю и не сеют, или впустую теряют семена при посеве и теряют при уборке. По неопытности ломают инструмент, а то и прямо продают земледельческие орудия. Не умеют пастушествовать. «Режут скот на пищу, а после жалуются на неимение скота», другие — продают полученный скот и на него покупают хлеб. Не заготовляют кизяков, и избы стали сыры от недостатка топлива; а домов, приходящих в упадок, не поправляют. Не сажают огородов. Соломой, заготовленной кормить скот, топят избы. По неумению жать, косить и молотить поселенцы не могут и наняться на работу в соседние селения, их не берут. От нечистого содержания жилищ — болезни. Они «отнюдь не ожидали, что их самих будут принуждать непременно заниматься сельскими работами», очевидно, они понимали — хлебопашество наёмными рабочими, а когда скот размножится — торговать и по ярмаркам. Поселенцы и дальше «всё надеются на вспоможение казны». Жалуются, что «доведены до самого жалкого положения», — и это действительно так; что они — износились до лохмотьев, и это тоже так, — но, возражает инспекция: «не имели одежды по лености, ибо не держали овец, не сеяли льна [и] конопли», и женщины не пряли, не ткали. (Да, конечно, заключал своё донесение один из инспекторов, евреи не справлялись с хозяйством по «привычке к беззаботной жизни, малой старательности и неопытности к сельским работам». Однако считает справедливым прибавить: «к земледелию надобно *подготовляться с юных лет*; евреи, до 45 и 50 лет дожившие в изнеженной жизни, — не в силах скоро сделаться земледельцами»[49].) Расходы казны на поселенцев требовались вдвое и втрое намеченных, всё время испрашивались добавки. Ришелье утверждал, что жалобы «происход[ят] от одних празднолюбивых, а не от добрых хозяев», хотя, отмечает другой доклад, «к вящему же их несчастию, они, с самого их поселения, "ни одного года не были ободрены порядочным урожаем"»[50].

---

[49] Там же*, с. 72.

[50] Там же, с. 24, 37–40, 47–50, 53–54, 61, 65, 72–73, 97.

Из Петербурга так отзывались на «дошедши[е] до министерства многи[е] факт[ы]... что евреи преднамеренно уклонялись от землепашества»: «Правительство пожертвовало для них казённым пособием с надеждою, чтобы были земледельцами не по одному названию, а на *самом деле*». «Некоторые из поселенцев, без побуждения их к трудолюбию, могут надолго остаться в убыток казне»[51].

Наплыв еврейских переселенцев на казённый счёт в Новороссию, не управляемый и не обеспечиваемый успешностью строительства, был в 1810 временно приостановлен. А в 1811 Сенат восстановил право евреев содержать винные откупа в казённых селениях губерний черты оседлости, а когда это узналось в Новороссии, то «поколебало во многих желание остаться земледельцами и, не взирая на запрет выпускать их, — иные уходят без письменных видов и поступают в шинкари в помещичьи и казённые селения». — К 1812 открылось, что из вышедших уже на поселение 848 семейств осталось налицо 538, в отлучках 88 семейств (уходили на промысел в Херсон, Николаев, Одессу, даже в Польшу), а остальных — вовсе нет, исчезли. — Да весь этот опыт, само такое «водворение было совершенно *новое*, не только в России, но, кажется, во всей Европе»[52].

Правительство находило теперь, что, «по узнанному их [евреев] отвращению к земледелию, по незнанию как за него приняться и по упущениям смотрителей», переселение это «произвело немалое расстройство и потому евреи могут быть признаны *заслуживающими снисхождения*». Но и: «как обеспечить возврат казённого долга с тех, коим бы дозволилось выключиться из земледельцев; как исправить, без обременения казны, недостатки тех, кои останутся земледельцами, и как облегчить участь сих людей, претерпевших многие бедствия и доведенных до крайности»?[53] — Впрочем, у смотрителей был не только недостаток в числе, в средствах, и не только упущения — были и небрежение, отсутствие, опоздания в выдаче зерна или средств; равнодушно глядели, как евреи распродают имущество; а также и злоупотребляли: за мзду давали разрешение на долгую отлучку, и даже главных работников в семье, что вызывало сразу разрушение хозяйства.

[51] *Никитин*, с. 29, 37–38.

[52] Там же, с. 29, 49, 67, 73, 89, 189.

[53] Там же*, с. 87–88.

В состоянии еврейских колоний и после 1810–1812 трудно усмотреть улучшения. «Орудия были растеряны, переломаны или заложены евреями», «волы опять были перерезаны, раскрадены и перепроданы», «засевали поля поздно» (выжидали тепла), сеяли «худыми семенами» и как можно ближе к своим домам, на одном и том же месте, не поднимали целины, а «иные сеяли по 5 и более лет сряду на выпаханных нивах» и в посеве не заменяли хлеба картофелем. И который год «урожай недостаточный» и даже снова «семян не собрали». (Но именно неурожаи поселенцам и благоприятствовали: они получат право на отлучку.) Не берегут и скота. Волов своих отдавали напрокат, с волами «нанимались... в извоз, изнуряли их, не кормили, или меняли и резали на пищу, потом объявляя, что пали», — а начальство или выдаст новых или отпустит на заработки. «Не заботились завести прочные скотские загоны, из которых уводить скот по ночам было бы трудно; в ночное время предавались бесконечному сну; пастухами держали детей или ленивцев, плохо надзиравших за целостью стад», а в праздники и в субботы выгоняли и вовсе без пастухов (в субботу — и догонять воров нельзя). — И роптали на редких своих единоверцев, кто трудился и получал отменный урожай; таким могло достаться и старозаветное проклятие херем: что «покажут начальству способность евреев к земледелию, и их принудят им заниматься». Они же «не прилегали к земледелию... вознамерились скрытно слабо упражняться в хлебопашестве, дабы не переставаемыми их нуждами дать вид своей неспособности», они хотели вернуться «особливо к винной продаже, опять позволенной их единоверцам». — Скот, орудия и семена им покупали по несколько раз, всё снова и снова давали ссуды на прокорм. «Весьма многие, получив ссуду и считаясь хозяевами, — являлись в селения только ко времени денежных раздач, а потом... уходили... с деньгами в окружные города и селения для промыслов», «наделенною... землёю торговали», пускались в бродяжничество, жили «в русских селеньях по нескольку месяцев, иногда и в нужнейшее рабочее время», «питались... обманами... крестьян». Отчётные таблицы неоднократно показывают, что в отлучке самовольной или по паспортам — половина семейств, и многие — без вести. (Вот — совершенно неустроенная Израилевка Херсонской губернии, «её поселенцы были своекоштные, считали себя вправе заниматься лёгкими промыслами, а поселились лишь для того, чтобы

пользоваться льготами», из 32 семей жило на месте 13, эти сеяли только для вида, остальные «шинкарили в соседних уездах».)[54]

Особо и снова отмечают многочисленные инспекции, что «отвращение еврейского женского пола от земледельческих работ особенно препятствовало... благосостояни[ю]» еврейских поселенцев. «Еврейские женщины, начавшие было приучаться к полеводству, — уклонились потом от этого занятия». — «При замужестве евреек, — их родители заключали с будущими зятьями условия, чтобы не принуждали их ни к тяжёлым полевым работам, ни даже носить воду, обмазывать избы, а нанимали бы для этого работников; заготовляли бы им, для праздничных дней, "наряды, лисьи и заячьи шубы, запястья, головные уборы и даже жемчуг". Условия эти заставляли молодых людей "удовлетворять прихотям их жён — разорением хозяйств"»; есть «у них вещи, к роскоши и мотовству служащие», шёлковые, серебряные и золотые, — тогда как у других поселенцев вовсе нет зимней одежды. Чрезмерно ранними женитьбами, происходило «скоро[е] и значительнейше[е] размножени[е] евреев, нежели других поселенцев». А затем отделением молодых семьи становятся малочисленны и неспособны к работе. Сгущением же нескольких семей в немногих домах создаётся неопрятность быта и цинга. (А иные женщины выходят замуж за мещан — и так вовсе уходят с поселений.)[55]

Как доносила Попечительная контора, от евреев-поселенцев из разных колоний звучали повторные жалобы — и что степная земля «столь твёрдая, что её приходилось пахать четырьмя парами волов», и на неурожаи, и на недостаток воды, отсутствие топлива, плохой губительный климат, ведущий к болезням, на град, саранчу. Поступали и преувеличенные жалобы на смотрителей, которые при рассмотрении оказывались вздорными. Поселенцы о «малейших своих неудовольствиях безотлагательно жаловались», «всегда увеличивали свои претензии», но «когда были правы — получали, через контору, удовлетворение». Только не приходилось жаловаться на стеснения в богомолии и на заведенные в посёлках школы (на 8 колоний содержалось к 1829 г. 40 учителей.)[56]

[54] *Никитин**, с. 64, 78–81, 85, 92–97, 112, 116–117, 142–145.

[55] Там же, с. 79, 92, 131, 142, 146–149.

[56] Там же*, с. 36, 106, 145.

Однако, пишет Никитин, в той же самой степи, в те же самые годы, ту же самую целину, и под той же саранчой, осваивали и немецкие колонисты, и мениониты, и болгары, — перебедствовали те же неурожайные годы, и те же болезни, — но всегда были и с хлебом, и со скотом, жили в прекрасных домах, со многими хозяйственными постройками, обильными огородами, и дома в зелени. (Разница особенно бросалась в глаза, когда отдельных немецких колонистов приглашали жить в еврейских колониях, чтоб они тут передавали опыт и показывали пример, — немецкие усадьбы выделялись с дальнего первого взгляда.) Были и соседние русские поселения, и у них — лучшие жатвы, чем у евреев. (Впрочем, иные — уже успели задолжать более зажиточным из евреев и отрабатывали тем на полевых работах.) Русские крестьяне, замечает Никитин в объяснение, «от тяготевшего над ними гнёта крепостного права... ко всему притерпелись и стоически сносили всякие невзгоды». И вот евреев-колонистов, при перенесенных ими потерях от разных невзгод, «степное приволье несколько выручило... оно отовсюду привлекало к себе беглых крепостных людей, которые платили оседлым колонистам: за преследование — грабежом, воровством скота и "красными петухами", а за гостеприимство — прилежным, привычным физическим своим трудом. Земледельцы-евреи, как люди смышлёные и практичные, из самосохранения встречали бродяг ласкою и приветом, за что бродяги охотно помогали им пахать, сеять и жать»; а некоторые, чтобы лучше скрыться, даже присоединялись к еврейской религии. «Случаи эти обнаруживались» — и в 1820 правительство воспретило евреям принимать христиан в услужение[57].

Между тем, к 1817 году кончался срок 10-летних податных льгот еврейским переселенцам, и теперь предстояло сравнять их в податях с государственными крестьянами. Началось движение — от поселенцев коллективными прошениями, но и среди чиновников: просить продлить льготы ещё на 15 лет. Тот же кн. Голицын, личный друг Александра I, министр просвещения и духовных дел, занимавшийся также и всеми вопросами о евреях, провёл решение: отсрочить евреям подати ещё на 5 лет, а уплаты

[57] Там же, с. xiii, 95, 109, 144, 505.

долга за ссуды — на 30 лет. «К чести петербургских властей надо отметить, что и прежде никакие прошения евреев не оставлялись без внимания»[58].

Среди тех прошений от еврейских колонистов Никитин нашёл «чрезвычайно характерное, по своему содержанию, прошение»:

«Опытом доказано, что сколько хлебопашество необходимо для человечества, столько же оно почитается самым простым занятием, требующим более телесных сил, нежели изощрённости ума, и потому к этому занятию на всём земном шаре всегда отделялись такие только люди, кои, по простоте своей, не способны к важнейшим упражнениям, составляющим класс промышленников, или купцов; сим же последним, как требующим способностей и образования, как служащим главным предметом обогащения держав, — во все времена отдаваемо было предпочтение и особенное уважение перед хлебопашцами... Но клеветнические представления на евреев пред русским правительством предуспели лишить евреев свободы упражняться в преимущественнейших их, по торговым оборотам, занятиях и заставил[и] их перейти в звание носящих на себе имя *чёрного народа* — хлебопашцев. Выгнанные в 1807–1809 гг. из деревень более 200.000 чел.» (и это большей частью — виноторговля), «принуждены были идти на поселение и на местах... не обитаемых». И потому просили: наименовать их снова «*мещанами*, с правом по паспортам беспрепятственно отлучаться куда кто пожелает»[59].

Весьма отчётливые, осознанные формулировки.

С 1814 по 1823 хозяйства евреев вовсе не процвели. Статистические таблицы показывали, что на каждую ревизскую душу ими обрабатывалось меньше 2/3 десятины. А при «уклончивости их от тяжких работ» (в оценке смотрителей), они навёрстывали торговлей и промыслами[60].

Полвека спустя еврейский публицист И.Г Оршанский объяснил: «Очень естественно, что евреи, переселявшиеся сюда для занятия земледелием, увидев пред собой такое широкое и необработанное поле промышленной деятельности, бросились на сродные и любезные им занятия, обещавшие более обильную жатву в городе, чем ту, на которую они

---

[58] *Никитин*, с. 99–102, 105, 146.

[59] Там же*, с. 103–104.

[60] Там же, с. 141.

могли рассчитывать в качестве земледельцев... Так зачем же требовать от них, чтоб они непременно занялись земледелием, которое наверно пойдёт у них плохо»? — «при сильно манящей его [еврея] кипучей деятельности зарождающихся городов»[61].

Привременным российским властям это представлялось иначе: евреи впоследствии «"могут сделаться полезными хлебопашцами", тогда как "перечислившись в мещане, — они умножат собою число городских тунеядцев"»[62]. И вот, на 9 еврейских колоний было уже истрачено 300 тысяч рублей — огромная сумма при тогдашних копеечных ценах.

Вот в 1822 миновала и новая 5-летняя отсрочка податей — но состояние еврейских хозяйств требовало дальнейших льгот и субсидий: отмечалось «*самое бедственнейше[е] положени[е] поселенцев*» при «закоренелост[и] их в тунеядстве, болезнях, смертности, неурожа[ях] и незнани[и] ими работ земледельческих»[63].

А между тем — были весьма успешные урожаи 1816, 1817, 1822 годов, успешные также и для евреев. Да ведь постепенно в молодом еврейском поколении усваивались же земледельческие навыки. Увидев, что урожаи вообще всё-таки достижимы, поселенцы стали звать земляков из Белоруссии и Литвы, где прошла как раз полоса неурожаев, — и еврейские семьи оттуда стали напирать — и легальными просьбами и самовольным отъездом, да главное: к 1824 грозило окончательное, до тех пор не происшедшее, выселение из сёл Западного края, а в 1821, как уже упомянуто, были приняты меры к пресечению еврейского винокурения в Черниговской губ., затем ещё в трёх. И губернаторы Западного Края отпускали просящихся, не смечаясь с тем, сколько в Новороссии осталось ещё запасной земли, отведенной для евреев. Из Новороссии сообщали, что могут принять не больше 200 семей в год, — а уже двинулось 1800 семей (где-то рассеивались и поселялись также и по дороге). Теперь отказано было переселенцам в казённой помощи (хотя сохранялась ещё 10-летняя льгота в податях), — однако и сами кагалы были заинтересованы отпра-

[61] *Оршанский*, с. 170, 173–174.
[62] *Никитин*, с. 114.
[63] Там же*, с. 135.

вить бедноту, чтоб уменьшить впредь собственные подати, — и отчасти снабжали переселенцев из средств общин. (Отсылали и больных, и старых, и с малым числом работоспособных многодетные семьи, каких вовсе не спрашивало земледелие; а когда власти потребовали письменного согласия отправляемых — то составлялись и листы ничего не значащих подписей [64].) Но из 435 семей, прибывших в район Екатеринослава к 1823, только две семьи могли водвориться собственным иждивением. А двигала ими «бесконечн[ая] надежд[а] евреев на казённую помощь, которою легко было отвлечь от труда новоприбывших». Из Белоруссии в течение 1822 прибыло в Новороссию 1016 семей, колонии быстро наполнялись временно приютившимися поселенцами; от чрезмерной тесноты и нечистоты возникали болезни [65].

И в 1823 Александр I запретил переселение евреев. А в 1824 и 1825 — новые неурожаи, и еврейских поселенцев снова подкрепляли ссудами (но, чтобы не разжигать надежд, маскировали от самих поселенцев: якобы самовольная выдача от смотрителя или плата за какую-то работу). И — снова выдавали паспорта, идти в город. О начале уплаты податей, даже поселившимися 18 лет назад, — и речи не могло быть [66].

И одновременно же с этим, в 1823, «последовал высочайший указ... чтобы в Белорусских губерниях евреи прекратили к 1824 г. винные промыслы и содержание аренд и почт, а к 1825» переселились бы окончательно «в города и местечки». И вот — переселение началось. И к январю 1824 переселили «около двадцати тысяч». К тому Государь потребовал «обратить внимание на “способы промышленности и прокормления”» евреев при этом переселении, «дабы они, оставаясь без пристанища, не подверглись в сём положении тягостнейшим нуждам в своём пропитании» [67]. — Но, хотя был при том создан комитет из четырёх министров

---

[64] *Никитин*, с. 118.

[65] Там же*, с. 110, 120–129, 132, 144, 471.

[66] Там же, с. 138, 156.

[67] *Ю. Гессен*, т. 1, с. 205–206.

(«министерский комитет» — уже 4-й по еврейскому вопросу), — не возвиделся в том успех ни по средствам казны, ни по оборотливости администрации, ни — по социальной структуре еврейского общества, перестроить которое извне было задачей непосильной.

И в этом, как во многом прежде, мы видим императора Александра I в ненастоятельности порывов и недостатке последовательной воли (как и в его бездействии к зреющим тайным обществам, готовящим свержение трона). Но никак не надо приписывать его решения недостатку благожелательности к евреям. Напротив, он искренно был прислушлив к нуждам их, даже в войну 1812–1814 при главной квартире армии держал еврейских депутатов — Зунделя Зонненберга и Лейзера Диллона, которые и «предстательствовали за евреев». (Диллон, впрочем, вскоре был привлечён к суду за присвоение четверти миллиона рублей казённых денег и вымогательство у помещиков. А Зонненберг, напротив, долго сохранял близость к Государю.) В Петербурге ряд лет по повелению Александра (1814) действовала постоянная еврейская депутация, для которой производился среди евреев сбор денег, ибо «предстояли большие секретные расходы в правительственных учреждениях». Депутаты ходатайствовали дозволить евреям повсеместно по России «торговлю, откуп и курение вина», «даровать льготу в податях», «простить недоимки», снять ограничения в числе евреев-членов магистратов, — Государь выслушивал благосклонно и обещал — однако это не было проведено [68].

В 1817 от лондонского миссионерского общества приезжал в Россию адвокат Льюис Вей, поборник равноправия евреев, со специальной целью ознакомиться с положением евреев в России, имел беседу с Александром I, представил ему записку. «Проникнутый убеждением, что евреи представляют собою царственную нацию, Вей говорил, что все христианские народы, как получившие спасение через евреев, должны оказывать им величайшие почести и благодеяния». — Такая аргументация была весьма внятна Александру I в его последний период жизни, с мистическим настроением. Он и его правительство испытывали опасение «прикоснуться неосторожной рукой к религиозным предписаниям» евреев. Александр весьма уважал древний народ

[68] Там же, с. 176–181; ЕЭ, т. 7, с. 103–104.

Ветхого Завета, его религию, сочувствовал его нынешнему положению. Но отсюда утопически искал: как этот народ мирно перевести в Новый Завет. — Для того при участии императора в 1817 же году было учреждено «Общество израильских христиан», то есть евреев, обратившихся в христианство (не обязательно в православие); они получали ряд весомых преимуществ: могли повсюду в России свободно «торговать и заниматься ремёслами, не записываясь в гильдии и цехи; освобождались со всем потомством навсегда от гражданской и военной службы». — Однако «Общество» это не испытало притока обращённых евреев и провалилось [69].

При благожелательности Александра I к евреям — он с тем большей уверенностью останавливал возникавшие обвинения против них в ритуальных убийствах. (Обвинения эти вообще не были известны никогда в России до раздела Польши, передались оттуда. В самой Польше они возникли с XVI века — и тоже передались туда из Европы, где впервые возникли в Англии, в 1144, затем повторялись в XII–XIII веках в Испании, Франции, Англии, Германии. С ними боролись и папы, и короли, но обвинения не прекращались и в XIV–XV вв.) Первый такой процесс в России был в Сенно, под Витебском, в 1799, и обвиняемые были освобождены за недостаточностью улик. Гродненский же (1816) был не только прекращён «по высочайшему повелению», но побудил министра духовных дел Голицына разослать всем губернским властям приказ: впредь не обвинять евреев «в умерщвлении христианских детей “без всяких улик, по единому предрассудку”» [70]. — В 1822–23 возникло ещё одно такое дело в Велиже, тоже Витебской губернии. Но витебский суд в 1824 постановил: евреев, «на коих вообще показанием многого числа христиан *гадательно* возводилось подозрение в убийстве сего мальчика, будто для доставания крови его, оставить без всякого подозрения» [71].

Однако, процарствовав четверть века, Александр I так никогда и не сосредоточился найти и осуществить последовательное и целебное для всех сторон решение еврейского вопроса в России.

---

[69] *Ю. Гессен*, т. 1, с. 180, 192–194.

[70] КЕЭ, т. 4, с. 582–586; *Ю. Гессен*, т. 1, с. 183.

[71] *Ю. Гессен**, т. 1, с. 211–212.

Как же быть, что делать с этим обособленным, всё ещё не приращённым к России и всё растущим численно народом? — задумывался и оппонент императора декабрист Пестель, ища решения для будущей России, которую намеревался возглавлять. И в «Русской Правде» он предложил два выхода. Либо — реально слить евреев с христианским населением России: «Паче же всего надлежит иметь целью устранение вредного для христиан влияния тесной связи, евреями между собою содержимой или противу христиан направленной и от всех прочих граждан их совершенно отделяющей... Учёнейших раввинов и умнейших евреев созвать, выслушать их представления и потом мероприятия распорядить... Ежели Россия не выгоняет евреев, то тем более не должны они ставить себя в неприязненное отношение к христианам». Второй же выход «состоит в содействии евреям к учреждению особенного отдельного государства в какой-либо части Малой Азии. Для сего нужно назначить сборный пункт для еврейского народа и дать несколько войск им в подкрепление». (Очень недалеко до будущей сионистской идеи?) Все русские и польские евреи вместе составят свыше двух миллионов. «Таковому числу людей, ищущих отечество, не трудно будет преодолеть все препоны, какие турки могут им противопоставить, и, пройдя всю Европейскую Турцию, перейти в Азиатскую и там, заняв достаточные места и земли, устроить особенное еврейское государство». Однако, трезво оговаривается Пестель: «Сие исполинское предприятие требует особенных обстоятельств и истинно гениальной предприимчивости»[72].

Другой декабрист, Никита Муравьёв, в своём проекте конституции оговаривал, что «евреи могут пользоваться правами граждан в местах, ныне ими заселенных, но свобода им селиться в других местах будет зависеть от особых постановлений Верховного народного веча»[73].

Между тем внутренняя кагальная организация еврейского населения в России многими способами и усилиями сопротивлялась вторжению государственной власти и всяких внешних веяний. И — как на это взглянуть. С точки зрения ортодоксально-религиозной, как объясняют некоторые еврейские авторы: пребывание в рассеяньи есть историческое наказание Израиля за прошлые грехи. И надо

---

[72] *Пестель*, с. 52–53.

[73] *Ю.Гессен**, т. 2, 1927, с. 18.

пережить это рассеянье так, чтобы заслужить от Господа прощение и возврат в Палестину. А для этого — надо неукоснительно жить по Закону и никак не смешиваться с окружающими народами, в этом и испытание.

А для либерального еврейского историка начала XX века: «Господствовавший класс, не способный на созидательную работу, чуждый духу эпохи, направил свою энергию на то, чтобы оградить окаменелую религиозно-национальную жизнь от ударов времени — извне и изнутри». Кагал сурово подавлял даже самые слабые голоса протеста. «Культурно-просветительная реформа, намеченная Положением 1804 года, сводилась к тому, чтобы внешне несколько сгладить религиозно-национальную отчуждённость евреев, не прибегая к принуждению и даже "щадя самые предрассудки" их»; «эти постановления сильно встревожили кагал... в них гнездилась угроза для его господства над народом», а особенно чувствительным для кагала изо всех пунктов Положения было «запрещение предавать ослушников херему»; да строже того: «чтобы держать народ в рабском подчинении веками сложившемуся общественному укладу, нельзя было допустить даже перемены одежды»[74]. Но нельзя отрицать, что кагалы имели и разумные для еврейской жизни регулирующие права, как например правило хазáки — дозволять или запрещать отдельным членам общины брать данную аренду, избирать данное занятие, чем пресекалась чрезмерная внутриеврейская конкуренция[75]. «Не нарушай межи ближнего твоего» (Втор. 19-14).

В 1808 неизвестный еврей анонимно (опасаясь расправы от кагала) передал министру внутренних дел записку «Некоторые замечания касательно благоустройства евреев». В ней он писал: «Многие не почитают священными бесчисленные обряды и правила... отвлекающие внимание от всего полезного, отдающие народ в рабство предрассудкам, отнимающие по своей многочисленности бóльшую часть времени, лишающие евреев "удобности быть хорошими гражданами"». Он указывал, что «раввины, в своих интересах, опутали жизнь сетью постановлений», в их руках сосредоточились и духовная, и законодательная, и полицейская власти, и вот «именно изучение Талмуда и ис-

---

[74] *Ю. Гессен*, т. 1, с. 169-170.

[75] Там же, с. 51; ЕЭ, т. 15, с. 491.

полнение обрядов, как единственное средство отличиться и приобрести благосостояние, стали "главнейшей мечтою стремлений евреев"»; и хотя Положением «правительство и ограничило права раввинов и кагалов, но "дух в народе остался прежний"». Автор записки считал «раввинов и кагал виновниками народного невежества и нищеты» [76].

Другой еврейский общественный деятель, Гиллер Маркевич, выходец из Пруссии, писал, что члены виленского кагала при содействии местной администрации подвергали суровым преследованиям каждого, кто раскрывал их противозаконные действия; лишённые теперь права херема, они своих разоблачителей держали «"долгое время в тюрьме... Буде же кто... находил способ из тюрьмы... писать вышнему правительству, того уже посредством служителей отправляли без дальних околичностей на тот свет"; когда ж подобные преступления обнаруживались, члены кагала тратили крупные денежные суммы, чтобы затушить дело». И Ю.И.Гессен считает, что это сообщение «не голословное, справедливо в той или иной степени и по отношению к другим кагалам»[77]. Примеры прямых убийств по велению кагала мы находим и у других еврейских историков.

А оттого что кагалы, в противостоянии мерам правительства, более всего опирались на религиозный смысл своих действий, «кагально-раввинский союз, стремясь удержать в своих руках власть над массой, заверял правительство... будто всякое деяние еврея подчинено тому или иному религиозному требованию; роль религии преувеличивалась», — от этого «в бюрократических кругах господствовал взгляд на евреев не как на членов различных социальных групп, а как на крепко спаянную... единицу», отчего и пороки и проступки отдельных евреев объяснялись не частными в каждом случае причинами, а «якобы противонравственною основою еврейского вероучения»[78].

«Кагально-раввинский союз не хотел ничего ни видеть, ни слышать. Тяжёлою завесою распростёр он над массою свою власть... Власть кагала расширилась, несмотря на то, что права кагальных старшин и раввинов были урезаны» Положением 1804. «Утрата была компенсирована тем, что кагал приобрёл, — правда, только в известной мере, — ту роль представительного учреждения, которою он пользо-

---

[76] См.: *Ю.Гессен*, т. 1, с. 171–173.

[77] *Ю.Гессен**, т. 2, с. 11–13.

вался в Польше. Усилением своего значения кагал был обязан институту *депутатов*». Такая депутация от еврейских общин западных губерний и для постоянного обсуждения с правительством вопросов еврейской жизни была избрана в 1807 и периодически действовала 18 лет. Депутаты прежде всего старались вернуть раввинам право херема; они «заявили, что лишение раввинов права карать ослушников противно тому "духовному уважению", которое евреи "по закону обязаны иметь к раввинам"». Депутатам удалось внушить членам Комитета (сенатора Попова, 1809), что власть раввинов и есть опора российской правительственной власти. «Члены Комитета не устояли перед угрозой, что, выйдя из повиновения раввинам, евреи впадут в "разврат"», и Комитет «готов был сохранить в неприкосновенности весь этот архаический строй, лишь бы избегнуть ужасных последствий, о которых говорили депутаты... Комитет не уяснил себе, кого депутаты считали "преступниками духовного закона"; не подозревал, что таковыми являлись и те, кто стремился к образованию»; «депутаты направили усилия к тому, чтобы укрепить власть кагала, остановить в самом начале культурное движение»[79]. Добились депутаты и отмены введенных ранее ограничений и мер против традиционной еврейской средневековой одежды, так резко отграничивавшей евреев от всего окружающего мира. Даже и в Риге «закон о употреблении евреями немецкого платья нигде не исполня[л]ся», — и закон был отложен самим Государем — до будущего нового законодательства[80].

Но далеко не все ходатайства депутатов удовлетворялись. Нужны были деньги, и, «чтобы добиться денег, депутаты застращивали [свои] общества, сообщая им в мрачных красках о намерениях правительства и передавая им в преувеличенном виде столичные слухи». Маркевич в 1820 и обличал депутатов «в преднамеренном распространении неверных сведений... дабы таким путём заставить население вносить в кагал требуемые суммы»[81].

В 1825 институт еврейских депутатов — был упразднён.

---

[78] *Ю. Гессен*, т. 1, с. 195.

[79] Там же, с. 173–175.

[80] Там же*, с. 191–192.

[81] Там же, с. 209.

Ещё то вызывало напряжение между властями и кагалами, что кагалы, единственно уполномоченные собирать подушную подать с еврейского населения, «скрывали "души" при ревизиях», утаивая их в большом размере. «Правительство хотело знать точную численность еврейского населения, чтобы взыскивать соответствующую податную сумму», большая забота была узнать эту численность[82]. Например в Бердичеве «незаписанно[е] еврейско[е] населени[е]... всегда было около половины всего числа действительных еврейских его обывателей»[83]. (По официальным данным, какие правительство могло установить к 1818, — евреев было 677 тысяч, это уже возросшая цифра: например, в сравнении с 1812 число мужчин вдруг удвоилось, — но всё ещё цифра сильно заниженная, и к ней ещё же следует присоединить около 400 тысяч евреев в Царстве Польском.) Однако и при этих докладываемых кагалами уменьшенных цифрах имели место каждый год недоборы податей и не только не покрывались, но нарастали год от году. Недовольство столь несомненной утайкой и недоимками (вместе ещё с контрабандным промыслом) высказывал еврейским представителям сам Александр I. В 1817 был издан указ о снятии наросших штрафов, пеней и всех прежних недоимок, прощены все, подвергнутые взысканиям за неверную прописку душ, — но с тем условием, что отныне кагалы будут подавать всё честно[84]. Однако и это «не принесло никакого облегчения. В 1820 г. министр финансов заявил, что все меры, направленные к экономическому оздоровлению еврейского народа, остаются безрезультатными... Многие из евреев скитаются без документов; новая перепись установила такое число душ, которое вдвое, втрое и даже более превысило цифры, раньше указывавшиеся еврейскими обществами»[85].

А еврейское население — продолжало и продолжало крупно возрастать. Едва ль не главной причиной того многие исследователи считают утверждённые в то время среди евреев ранние браки: мальчиков с 13 лет, девочек с 12. В упомянутом анонимном докладе 1808 года тот неизвестный еврей писал, что этот обычай ранних браков «есть корень

---

[82] Там же, с. 178.

[83] *Оршанский*, с. 32.

[84] *Ю.Гессен*, т. 1, с. 178–179, 184, 186.

[85] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 62 – 63.

бесчисленных зол» и мешает евреям отвлечься «от тех закоренелых обычаев и дел, коими они навлекают на себя общее негодование и бывают вредны себе и другим». Установилось так, что «неженившиеся в ранние годы презираемы среди евреев» и «даже беднейшие напрягают последние усилия к тому, чтобы возможно раньше женить детей, хотя этих новобрачных ожидают муки нищенского существования. Ранние браки были введены раввинами, извлекавшими из этого доходы. Кто ревностно изучает Талмуд и строго исполняет обряды, тот скорее найдёт выгодное супружество... Люди, рано женившиеся, занимаются лишь изучением Талмуда, и когда наступает наконец время самостоятельного существования, эти отцы семейств, совершенно не подготовленные к труду, вовсе не знающие жизни, обращаются к винным промыслам и мелкой торговле». Так же и в ремесле: «женившись, пятнадцатилетний ученик уже не обучается своему ремеслу, но делается сам хозяином и "портит только работу"»[86]. (В середине 20-х годов «в Гродненской и Виленской губерниях распространился слух, что будет запрещено вступать в брак до зрелого возраста, и потому поспешно стали заключаться браки между детьми даже девятилетнего возраста»[87].)

Ранние браки — обессиливали народную жизнь евреев. При такой роевой жизни, при таком сгущении населённости и конкуренции в однообразных занятиях — как было не возникнуть и нищете? Политика кагалов сама способствовала «ухудшению их [евреев] материального положения»[88].

Менаше Илиер, выдающийся талмудист, но и поборник просвещения, в 1807 напечатал и разослал раввинам свою книгу (вскоре изъятую раввинатом из обращения, а следующая его книга подвержена массовому сожжению), в которой «отмечал тёмные стороны еврейской жизни. Нищета, — говорил он, — необычайно велика, но может ли быть иначе, когда у евреев ртов более, нежели рабочих рук? Надо внушить массе, что средства к жизни следует добывать собственным трудом... Молодые люди, не имеющие никаких заработков, вступают в брак, надеясь на милосер-

---

[86] *Ю.Гессен**, т. 1, с. 171–172.

[87] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 56.

[88] *Ю.Гессен*, т. 1, с. 210.

дие Божие и на кошелёк тестя, а когда эта поддержка рушится, они, обременённые уже семьями, бросаются на первое попавшееся занятие, хотя бы и не честное. Толпами берутся за торговлю, но она не может всех прокормить, а потому прибегают к обману. Вот почему желательно, чтобы евреи обратились к земледелию. Армия бездельников, под личиною "учёных", живёт на средства благотворительности и за счёт общины. Некому заботиться о народе: богачи заняты мыслями о наживе, а раввины — распрей между хасидами и митнагдами» (ортодоксальными иудеями), и единственная забота еврейских деятелей — предотвращать «несчастье в виде правительственных распоряжений, хотя бы они несли с собою благо для народа»[89].

И вот, «источником существования значительнейшей части еврейского населения служила мелкая торгово-промышленная и посредническая деятельность», «евреи чрезмерно наполнили города факторством и мелочной торговлей»[90].

И как же могла быть здоровой — экономика еврейского народа в таких обстоятельствах?

Впрочем, более поздний еврейский автор, уже середины XX в., пишет о том времени: «Правда, еврейская масса жила в тесноте и бедности. Но еврейский коллектив в целом не был нищ»[91].

И тут небезынтересны придутся свидетельства с неожиданной стороны: как увидели жизнь евреев западных губерний участники наполеоновской армии 1812 года, как раз и проходившей через эти места. Под Докшицами евреи «богаты и зажиточны, они ведут крупную торговлю со всей русской Польшей и посещают даже Лейпцигскую ярмарку». В Глубоком «евреи имели право гнать спирт и изготовлять водку и мёд», они были «арендаторами или владельцами расположенных на больших дорогах кабаков, корчем и заезжих дворов». — Евреи Могилёва «зажиточны и вели обширную торговлю» (хотя «наряду с ними была ужасающая беднота»). «Почти все местные евреи имели патенты на тор-

89 Там же, с. 170–171; ЕЭ, т. 10, с. 855–857.

90 *Ю.Гессен*, т. 1, с. 190, 208.

91 *Б.-Ц.Динур*. Религиозно-национальный облик русского еврейства // [Сб.] Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до Революции 1917 г. (далее — КРЕ-1). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960, с. 318.

говлю спиртом. Сильно развиты среди них были денежные операции». Ещё от одного стороннего свидетеля: «В Киеве... бесчисленное количество евреев». — Общая черта еврейской жизни — довольство, хотя и не всеобщее[92].

С точки же психологически-бытовой наблюдатели находили «характерны[е] особенност[и]» русского еврейства: «постоянн[ая] настороженность... к своей судьбе и своеобразие... путей в его борьбе и самозащите». Многое держал *уклад* — наличие «властной и авторитетной общественной формы [для] сохранения... своеобразного быта»; «приспособление народа к новым условиям было в значительной мере коллективным приспособлением», а не индивидуальным[93].

И надо по достоинству оценить органическую слитость и единство, которые в первой половине XIX в. «придали русскому еврейству характер своеобразного мира. Мир этот был тесен, ограничен, подвержен притеснениям, связан со страданиями, лишениями, но всё же это был целый мир. Человек в нём не задыхался. Можно было в этом мире чувствовать и радость жизни, можно было найти в нём... и материальную, и духовную пищу, и можно было построить в нём жизнь на свой вкус и лад... Значение тут имел и тот факт, что духовный облик коллектива был связан с традиционной учёностью и еврейским языком»[94].

Хотя другой автор того же сборника о русском еврействе отмечает и: что «бесправие, материальная нужда и социальная приниженность мешали росту самоуважения в народе»[95].

Как почти каждый вопрос, связанный с еврейством, сложна и представленная здесь картина тех лет. Надо во всём движении и впредь не упускать этой сложности, всё время иметь её в виду, не смущаясь кажущимися противоречиями между разными авторами.

«Некогда, до изгнания из Испании, шествовавшее впереди других народов по пути прогресса, еврейство [восточ-

---

[92] *Познер* // ЕМ-1, с. 61, 63-64.

[93] *Динур* // КРЕ-1, с. 311-313.

[94] Там же, с. 318.

[95] *Ю.Марк.* Литература на идиш в России // КРЕ-1, с. 520.

но-европейское] дошло теперь [к первой половине XVIII в.] до полного культурного оскудения. Бесправное и изолированное от окружающего мира, оно замкнулось в самоё себя. Мимо, не затрагивая его, прошла эпоха Возрождения, миновало его также умственное движение XVIII в. в Европе. Но это еврейство было крепко внутри себя. Скованный бесчисленными религиозными предписаниями и запретами, еврей не только не тяготился ими, но и видел в них источник бесконечных радостей. Ум его находил удовлетворение в тонкой диалектике Талмуда, чувство же в мистицизме Каббалы. Даже изучение Библии отошло на задний план, и знание грамматики считалось чуть ли не преступлением»[96].

Сильное движение евреев к современному просвещению началось со 2-й половины XVIII в. в Пруссии и получило название Гаскала (Просвещение). Это было движение умственного пробуждения, стремление усвоить европейское образование, поднять престиж еврейства, униженного в глазах других народов. Вместе с критическим исследованием исторического прошлого евреев, деятели Гаскалы — «маскилим» («прозревшие, просвещённые») хотели гармонически сочетать с еврейской культурой европейское знание[97]. Первоначально они намеревались остаться в традиционном иудаизме, но, увлекшись, стали жертвовать иудейской традицией и склоняться к ассимиляции, при том выказывая «презрительн[ое] отношение... к народному языку»[98] (т.е. идишу). В Пруссии это движение длилось всего одно поколение, но быстро перебросилось на славянские провинции Австрийской империи — Богемию, Галицию. В Галиции поборники Гаскалы, с ещё большим ассимиляционным уклоном, уже готовы были и насильно внедрить просвещение в еврейскую массу, и даже «нередко прибегали к помощи властей» для этого[99]. — Граница же Галиции с западными губерниями России довольно легко просачивалась и людьми и влияниями. Так, с опозданием почти на столетие, это движение проникло и в Россию.

---

[96] ЕЭ, т. 6, с. 192.

[97] Там же, с. 191–192.

[98] *И. Кисин.* Размышления о русском еврействе и его литературе // Еврейский мир: Сб. II. Нью-Йорк: Союз русских евреев в Нью-Йорке, 1944, с. 171.

[99] ЕЭ, т. 6, с. 192–193.

В России уже с начала XIX в. правительство как раз и «стремил[о]сь побороть... еврейскую "обособленность" за пределами религии и культа», — эвфемистически выражается еврейский автор[100], тем не менее подтвердив, что правительство ни в чём не нарушало религию евреев и их религиозную жизнь. — Мы уже видели, что Положение 1804 распахивало, без ограничения и без оговорок, всем еврейским детям дорогу в училища, гимназии и университеты. Но! — «в зародыше погубить намеченную культурно-просветительную реформу — к этому направились старания господствовавшего еврейского класса»[101], «кагал напрягал усилия, чтобы погасить малейшие проблески просвещения»[102]. Чтобы «сохранить в неприкосновенности исстари сложившийся религиозно-общественный быт... раввинизм и хасидизм в одинаковой мере силились в корне затоптать молодые побеги светского образования»[103].

И вот, «широкие массы "черты" взирали "с ужасом и подозрением" на русскую школу, не желая и слышать о ней»[104]. — В 1817, затем в 1821 отмечены случаи в разных губерниях, когда кагалы не допускали еврейских детей до обучения русскому языку и в каких-либо общих училищах. Еврейские депутаты в Петербурге настаивали, что «не считают за нужное учреждение [таких] еврейских школ», где преподавались бы какие-либо языки, кроме еврейского[105]. Они признавали только хедер (начальную школу на еврейском языке) и ешибот (повышенную, для углубления знаний по Талмуду); существовал свой ешибот «почти в каждой крупной общине»[106].

Еврейская масса в России находилась как бы в состоянии заколоженном, из которого не могла выйти сама.

Но вот из её среды выступали и первые просветители, однако бессильные что-либо сдвинуть без поддержки российских властей. Это, во-первых, Исаак-Бер Левинзон, учёный, поживший и в Галиции, в соприкосновении там с дея-

---

[100] *Динур* // КРЕ-1, с. 314.

[101] *Ю.Гессен*, т. 1, с. 160.

[102] Там же, с. 190.

[103] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 1.

[104] *И.М.Троцкий*. Евреи в русской школе // КРЕ-1, с. 350.

[105] *Ю.Гессен**, т. 1, с. 188–189.

[106] *Динур* // КРЕ-1, с. 315.

телями Гаскалы, считавший не только раввинат, но и хасидов виновниками многих народных бед. Опираясь на Талмуд же и раввинскую литературу, он доказывал в своей книге «Поучение Израилю», что никак не запрещено еврею знать иноплеменные языки, а особенно государственный где живут, столь необходимый в личной и общественной жизни; что знакомство со светскими науками тоже не угрожает опасностью религиозно-национальному чувству; и что преобладание торговых занятий противоречит и Торе, и разуму, а необходимо развивать производительный труд. — Но для издания этой книги Левинзону пришлось использовать субсидию от министерства просвещения, да он и убеждён был, что культурная реформа в еврействе не может осуществиться без поддержки высших властей [107].

Это, затем, варшавский учитель Гезеановский, который в докладной записке властям, наоборот, не опирался на Талмуд, а решительно выступил против него, приписывая кагалу и раввинату тот «духовн[ый] засто[й], в котором народ словно окаменел»; что только умалением их власти может быть введена светская школа; меламедов (учителей в хедерах) проверять и допускать к преподаванию только пригодных педагогически и морально; устранить кагал от финансового управления; и повысить допустимый брачный возраст.

Ещё ранее их обоих уже упомянутый Гиллер Маркевич в докладной записке министру финансов также писал, что для спасения еврейского народа от духовного и экономического упадка надо уничтожить кагалы; надо обучать евреев языкам, организовать их фабричный труд, но и — разрешить свободно торговать по всей стране и пользоваться услугами христиан.

А позже, уже в 30-х годах, во многом то же повторил и Литман Фейгин, черниговский купец, крупный поставщик, повторил более настойчиво, через Бенкендорфа и в руки Николая I (Фейгин пользовался поддержкой в бюрократических кругах). Он — защищал Талмуд, но винил меламедов, что они «“последние невежды”... преподают богословие, “основанное на фанатизме”», и «внушают детям презрение к прочим наукам, а также ненависть к иноверцам». Он тоже считал необходимым упразднить кагалы. (Гессен, последо-

---

107 *Ю. Гессен*, т. 2, с. 4–7.

вательный враг кагальной системы, выражает, что кагал «своим деспотизмом» вызывал «туп[ое] озлобление» в еврейском народе[108].)

Однако ещё долог и долог был путь для прорыва светского образования в еврейскую среду. Исключением были пока только Вильна, где под влиянием связей с Германией укрепилась группа интеллигентов-«маскилим», да Одесса — молодая столица Новороссии, со многими еврейскими выходцами из Галиции (проницаемость границ), но населённая и пестротой национальностей, полная торговым движением, — здесь кагал не чувствовал себя сильным, а интеллигенция, напротив, ощущала себя независимой и культурно (и в одежде, во внешнем виде) сливалась с окружающим населением[109]. Хотя даже «большинство одесских евреев противилось учреждению школы» общеобразовательной[110], — во многом усилиями местной администрации в 30-х годах и в Одессе и в Кишинёве возникли светские частные еврейские школы и имели успех[111].

А дальше, через XIX век, этот порыв и прорыв российского еврейства к образованию всё нарастал и имел исторические последствия и для России и для всего человечества в XX веке. Российское еврейство большой концентрацией воли сумело выбраться из этого опасно-закоснелого состояния, подняться в рост к живой и многообразной жизни. Уже к середине XIX века зримо проступили близкое возрождение и расцвет российского еврейства — движение всеисторического масштаба, ещё никем тогда не прозреваемого.

108 *Ю. Гессен*, т. 2, с. 8–10; ЕЭ, т. 15, с. 198.

109 *Ю. Гессен*, т. 2, с. 2–3.

110 ЕЭ, т. 11, с. 713.

111 *И. Троцкий* // КРЕ-1, с. 351.

Глава 3 — ПРИ НИКОЛАЕ I

Николай I был по отношению к российским евреям весьма энергичен. Источники отмечают, что при нём была издана *половина* всех законодательных актов о евреях, совершённых от Алексея Михайловича и до смерти Александра II, притом Государь сам вникал в это законодательство и руководил им[1].

В еврейской историографии устойчиво утвердилось, что его политика была исключительно жестокой и мрачной. Однако личное вмешательство Николая I сказывалось далеко не всегда вредно для евреев. Так, одно из ближайших дел по доставшемуся ему наследству было возобновлённое Александром I перед самой его смертью (уже по пути в Таганрог) «Велижское дело» — обвинение местных евреев в ритуальном убийстве христианского мальчика. Оно затем потянулось 10 лет. И, пишет Еврейская энциклопедия, «несомненно, что оправдательн[ым] приговор[ом]... евреи были обязаны в значительной степени Государю, добивавшемуся правды, несмотря на противодействие со стороны лиц, которым он доверял». И ещё в другом известном деле, связанном с обвинением евреев («мстиславльское буйство»), «Государь охотно шёл навстречу правде; в минуту гнева наложивший кару на местное еврейское население, он не отказался от признания своей ошибки»[2]. Постановляя оправдательный вердикт по велижскому делу, Николай написал, что делает это «по неясности законных доводов, другого решения последовать не может», но прибавил: «внутреннего убеждения, что убийство евреями произведено не было, не имею и иметь не могу. Неоднократные примеры подобных умерщвлений с теми же признаками», но всегда недостатком доказательств, наводят его на подозрение, что существует среди евреев какая-то изуверская секта, «к несчастью и среди нас, христиан, существуют

---

[1] Еврейская Энциклопедия (далее — ЕЭ): В 16-ти т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1906-1913. Т. 11, с. 709.

[2] Там же, с. 709-710.

иногда такие секты, которые не менее ужасны и непонятны»[3]. «Николай I и многие его приближённые продолжали считать, что некоторые группы евреев практикуют ритуальные убийства»[4]. И «благодаря тому, что в течение ряда лет Государь находился под тяжёлым впечатлением кровавого навета... в нём утвердилось предубеждение, будто еврейское вероучение представляет опасность для христианского населения»[5].

Опасность Николай видел в том, что евреи будут обращать христиан в иудейскую веру. С XVIII в. ещё сохранялась память о громком случае обращения в еврейство капитана императорской службы Возницына. В России «со 2-й половины 18 в. группы "жидовствующих" получают весьма широкое распространение». В 1823 министр внутренних дел докладывал о «широко[м] распространени[и] ереси "жидовствующих" в России, оценивая число её приверженцев в 20 тыс. чел». Начались преследования, под которыми «многие сектанты формально возвратились в лоно православной церкви, продолжая, однако, тайно соблюдать обычаи своих сект»[6].

«Всё это привело к тому, что законодательство о евреях в эпоху Николая I получило... религиозную окраску»[7], и это наложило отпечаток на решения и действия Николая I относительно евреев, как и на настойчивый его мотив в запрете евреям пользоваться христианской прислугой, в частности христианками-кормилицами, ибо «служба у евреев оскорбляет и ослабляет в женщинах христианскую веру». (Но несмотря и на повторные запреты — эти распоряжения никогда «не осуществлялись полностью... услужение продолжалось».)[8]

И первая энергичная мера относительно евреев, которою Николай занялся от начала царствования, — уравнять евреев с русским населением в несении всех государст-

[3] *Ю. Гессен.* История еврейского народа в России*: В 2-х т. Т. 2, Л., 1927, с. 27.

[4] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ): 1976 — ... [продолж. изд.] Т.7, Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1994, с. 322.

[5] ЕЭ, т. 11, с. 709–710.

[6] КЕЭ, т. 2, с. 509.

[7] ЕЭ, т. 11, с. 710.

[8] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 30–31.

венных повинностей, а именно: привлечь их и ко всеобщей личной рекрутской повинности, которой они не знали от самого присоединения к России, евреи-мещане заменяли рекрута уплатой 500 рублей[9], — эта мера движима была не одним государственным соображением уравнения тягот населения (подати всё равно затяжно не уплачивались еврейскими общинами, а ещё перетекали в Россию евреи из Галиции, где они подлежали воинской повинности). Не только тем, что рекрутская повинность «уменьшит число евреев, не занимавшихся производительным трудом» (а в солдаты брали тогда на 25 лет), но и мыслью, что оторванность рекрута от густой еврейской среды будет способствовать приобщению его к общегосударственному порядку жизни, а то и к православию[10]. — Именно развитие этих соображений и привело к значительному утягощению для евреев вводимой повинности — постепенно расширяя и численность призываемых, и их возраст к более раннему.

Нельзя сказать, чтобы указ о еврейском рекрутстве Николаю удалось ввести без сопротивления. Напротив, сразу обнаружилась медлительность во всех звеньях исполнения. В совете министров шли споры, этично ли принять такую меру «к ограничению многолюдства евреев», «по признанному неприличию брать людьми за деньги», как выразился министр финансов Е.Ф. Канкрин. Кагалы прилагали все возможные старания, чтоб оградить еврейское население от этой грозящей меры или как-то отсрочить её. И когда раздражённый медлительностью Николай повелел в кратчайший срок представить ему окончательный доклад — «это распоряжение побудило, как видно, кагалы напрячь свою закулисную работу, чтобы задержать ход дела. И, как кажется, им удалось склонить кое-кого из чиновников на свою сторону». И... — «доклад не дошёл по назначению». В самой верхушке имперского аппарата «этот таинственный эпизод», заключает Ю.И. Гессен, «вряд ли [произошёл] без участия кагала». Доклад так не нашёлся и позже, и Николай, не дождавшись его, своим указом ввёл рекрутчину для

---

9 *В.Н. Никитин.* Евреи земледельцы: Историческое, законодательное, административное и бытовое положение колоний со времени их возникновения до наших дней. 1807–1887. СПб., 1887, с. 2–3.

10 ЕЭ, т. 13, с. 371.

евреев в 1827[11]. (А с 1836 — равенство в получении орденов отличившимися евреями-солдатами[12].)

От рекрутства полностью освобождались «купцы всех гильдий, жители сельскохозяйственных колоний, цеховые мастера, механики на фабриках, раввины и все евреи, имевшие среднее или высшее образование»[13]. От того последовало стремление многих евреев-мещан постараться перевестись в купцы — а мещанское общество препятствовало уходу своих сочленов, «ибо это истощало податные и рекрутские силы общины». Купцы же старались уменьшить свою материальную ответственность за податные уплаты мещан. Это обострило отношения между еврейским купечеством и еврейским мещанством — а «в ту пору купечество, размножившееся и разбогатевшее, имело уже прочные связи в столичных кругах». Гродненский кагал возбудил ходатайство в Петербург о разделении еврейского народа на 4 «класса» — купцов, мещан, ремесленников и земледельцев, и чтобы каждый класс не отвечал за другой[14]. (В этой идее, поданной в начале 30-х годов от самих же кагалов, можно увидеть толчок к будущему николаевскому «разбору» 1840 года, столь угрозно воспринятому евреями.)

Проведение рекрутского набора в этой, для правительства безучётной и бесконтурной, еврейской массе было поручено — кагалам же. А кагал «обруши[л] всю тяжесть рекрутчины на спины неимущих», так как «уход из общины беднейших членов представлялся желательным, напротив, убыль состоятельных лиц — грозила общим разорением». И многие кагалы ходатайствовали перед губернскими властями (но получали отказы) о праве «не считаться с правилами об очередях», чтобы можно было сдавать «“праздношатающихся”, не платящих податей, нетерпимых за производимые беспорядки», с тем, чтобы «хозяева... несущие по обществу все тягости, [не] отдавали рекрут[ов] из своих семейств», — но и тем самым кагалы получали бы средство против членов общины[15].

11 *Ю.Гессен**, т. 2, с. 32–34.

12 ЕЭ, т. 11, с. 468–469.

13 КЕЭ, т. 7, с. 318.

14 *Ю.Гессен*, т. 2, с. 68–71.

15 Там же, с. 59–61.

Однако при введении среди евреев регулярной рекрутской повинности — подлежащие призыву мужчины стали утекать и не давались в полном числе. А тут ещё обнаружилось, что даже со значительным снижением требуемой с еврейских обществ денежной подати она всё равно продолжала поступать с большими недоимками. И в 1829 Николай I согласился с гродненским ходатайством, чтобы в некоторых губерниях брали еврейских рекрутов сверх развёрстки, в покрытие податных недоимок. («В 1830 был принят сенатский указ, по которому при призыве дополнительного рекрута-взрослого с кагала списывалась 1 тыс. рублей, ребёнка — 500 рублей»[16].) Правда, по причине чрезмерной в том ретивости губернаторов, мера была вскоре остановлена, — хотя и сами «еврейские общества стали просить правительство брать рекрут[ов] в погашение недоимок». В правительственных кругах «это предложение было встречено несочувственно, так как легко было предвидеть, что [оно] откроет перед кагалами новое поле для злоупотреблений»[17]. — Однако идея как бы зрела с обеих сторон.

Об усилении рекрутской повинности для евреев сравнительно с остальным населением Гессен пишет, что это было «кричащ[ей] аномали[ей]» в российском законодательстве, ибо вообще в России «законодательство о евреях было чуждо тенденции возлагать на них бóльшие повинности, чем на остальных подданных»[18].

А прямолинейный ум Николая I, склонный к начертанию легко проглядываемых перспектив (как, по легенде, и железная дорога Петербург—Москва проведена линейкою), всё в том же настоянии преобразовывать обособленных евреев в обычных российских подданных, а если удалось бы — то и в православных, — продолжил идею еврейского рекрутства в идею еврейских кантонистов. «Кантонисты» (название с 1805) был институт содержания несовершеннолетних солдатских сыновей (в облегчение 25-летней службы отцов), он продолжал «военно-сиротские отделения», созданные при Петре, — своего рода школы, содержимые государством и дающие воспитанникам знания для дальнейшей технической службы в армии (что теперь показалось чиновному мышлению вполне пригодным и для

[16] КЕЭ, т. 7, с. 317.

[17] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 64–66.

[18] Там же, с. 141.

еврейских мальчиков, желательным — для раннего и долгого их отрыва от еврейского окружения). Имея в виду путь через кантонисты, указом 1827 года «еврейским обществам было предоставлено по своему усмотрению сдавать вместо одного взрослого — одного малолетнего», с 12 лет[19] (то есть ещё не брачного еврейского возраста). Новая Еврейская энциклопедия называет эту меру «самым тяжёлым ударом». Но разрешено — вовсе не значило обязательного призыва с 12-летнего возраста, это именно не было «введение[м] рекрутской повинности для еврейских мальчиков»[20], как неверно пишет Энциклопедия и как утвердилось в литературе о евреях в России, затем и в общественной памяти. Кагалы нашли такую замену удобной для себя и пользовались ею, широко сдавая — «сирот, детей вдов (порой в обход закона — единственных сыновей), бедняков» — часто «в счёт семьи богача»[21].

Дальше, с 18 лет, кантонисты переходили в обычную солдатскую службу, столь долголетнюю тогда, — но не следует забывать, что она не была чисто-казарменной, солдаты женились, жили с семьями, приобретали и иные занятия, а по окончании воинской службы, где оно застанет, получали право на оседлость во внутренних губерниях Империи. Однако, несомненно, для солдат-евреев, сохраняющих верность иудейскому вероисповеданию, его обрядам, мучительно было нарушение субботы и законов о пище.

Евреям же малолетним, попавшим в кантонисты, оторванным от родной среды, разумеется, нелегко было устоять под давлением воспитателей (ещё и наградами заинтересованных в успешном обращении воспитанников), при уроках, кроме русской грамоты и счёта, — «закона Божьего», при наградах и самим обратившимся, и при обиде подростков на свою общину, сдавшую их в рекруты. Но в противовес выстаивали упорство еврейского характера и природная верность своей религии с малолетства. — Нечего и говорить, что такие меры обращения в христианство были не-христианскими, да и не вели к цели. Однако и рассказы о жестоко насильственных обращениях в православие, с угрозами смерти кантонисту, и даже с массовым потоплением в реке отказавшихся креститься, — рассказы, полу-

---

[19] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 34.

[20] КЕЭ, т. 7, с. 317.

[21] КЕЭ, т. 4, с. 75–76.

чившие хождение в публичности последующих десятилетий, — принадлежат к числу выдумок. Как пишет старая Еврейская энциклопедия, эта «народная легенда» о якобы потоплении нескольких сотен евреев-кантонистов родилась из сообщения немецкой газеты, «что когда однажды 800 кантонистов были погнаны в воду для крещения, двое из них утопились»[22].

По статистическим данным военно-учётного архива Главного штаба[23], в 1847–1854, годах *наибольшего* набора евреев-кантонистов, они составляли в среднем 2,4% ото всех кантонистов в России, то есть доля их не превышала пропорциональной доли еврейского населения в стране, даже по заниженным кагалами данным для тогдашних переписей.

Очевидно, был расчёт и самим крестившимся, позже, в оправдание перед соплеменниками, преувеличить степень испытанного ими насилия при обращении в христианство, тем более, что после перехода они получали некоторые льготы по службе. Впрочем, «многие из обращённых кантонистов [оставались] втайне верными прежней религии, а некоторые позже вновь перешли в еврейство»[24].

В последние годы Александра I, после новой волны белорусского голода (1822), послан был туда в командировку ещё один сенатор, и он вернулся с тем же выводом, что и Державин за четверть века перед ним. Тогда учреждённый в 1823 из четырёх министров «Еврейский комитет» предложил заняться вопросом: «на каком основании удобнее и полезнее было бы учредить пребывание [евреев] в государстве» и «начертать вообще всё, что может принадлежать к лучшему устройству гражданского положения сего народа». Затем они убедились, что поставленная задача им не по силам, и в 1825 «Еврейский комитет» из министров был заменён «директорским комитетом» (пятым по счёту) —

[22] ЕЭ, т. 9, с. 243.

[23] *Х. Коробков.* Еврейская рекрутчина в царствование Николая I // Еврейская старина. СПб., 1913, т. VI, с. 79–80.

[24] ЕЭ, т. 9, с. 242–243.

из директоров департаментов, которые и занялись разработкой проблемы в течение ещё 8 лет[25].

Николай I в нетерпении обгонял работы комитета своими решениями. Так ввёл он рекрутскую повинность для евреев. Так — назначил новый трёхгодичный срок выселения евреев из деревень западных губерний, дабы пресечь их винный промысел, — но мера тормозилась, останавливалась, затем отменялась, как и у его предшественника. — Позже был запрет евреям, содержащим корчмы и харчевни, самим в них проживать и лично заниматься распивочной продажей спиртных напитков, — однако не состоялось и это[26].

Была попытка запретить евреям и другой значительный промысел их — содержание почтовых станций (а при них — постоялые дворы с шинками), но отменилось и это, ибо без евреев не находилось достаточно претендентов[27].

А в 1827 была введена повсеместно в Империи откупная система на винные промыслы — и тоже обнаружилось «значительное падение цен на торгах при устранении евреев, а иногда и полное отсутствие желающих взять откуп», — и пришлось допустить евреев к винным откупам и в городах, и в сельской местности, и даже вне черты оседлости. Так правительство складывало организационные заботы с себя на евреев-откупщиков питейных сборов и получало устойчивый доход[28]. — «Задолго до получения купцами первой гильдии права повсеместного жительства в Империи все откупщики практически пользовались свободой передвижения и подолгу живали беспрепятственно в столицах и других городах вне черты оседлости... Из среды откупщиков вышли и некоторые видные общественные еврейские деятели», как уже упоминавшийся Литман Фейгин и Евзель Гинцбург («держал винный откуп в осаждённом Севастополе»; «в 1859 основал в Петербурге банкирский дом... крупнейший в России»; позже «участвовал в размещении российских и иностранных государственных займов»; основатель династии баронов[29]). — С 1848 разрешено было и всем «ев-

[25] ЭЭ*, т. 7, с. 443–444.

[26] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 39.

[27] ЕЭ, т. 12, с. 787; *Ю.Гессен*, т. 2, с. 39.

[28] ЕЭ, т. 5, с. 613.

[29] Российская Еврейская Энциклопедия: 1994 — ... [2-е продолж. изд., испр. и доп.]. Т. 1, М., 1994, с. 317.

реям купцам первой гильдии содержать питейные откупа также и в местах, где евреям не дозволено постоянное жительство»[30].

Расширялось для евреев и право самого винокурения. Как мы помним, ещё с 1819 разрешено было допускать евреев к винокурению в великорусских губерниях «до усовершенствования в он[ом] русских мастеров». В 1826 Николай распорядился выселять таковых назад в черту оседлости, но уже с 1827 стал уступать частным просьбам оставить еврейских винокуров на местах, например на иркутских казённых заводах[31].

В.С. Соловьёв приводит размышления М.Н. Каткова: «В Западном крае кабацким делом занимается еврей, но разве оно лучше в других местах России?... Разве жиды-шинкари, спаивающие народ и разоряющие и губящие крестьян, — повсеместное в России явление? [А] в наших местах, куда евреев не пускают и где кабаком орудует православный целовальник или кулак?»[32] — Услышим и Лескова, знатока русской народной жизни: «В великорусских губерниях, где евреи не живут, число судимых за пьянство, равно как и число преступлений, совершённых в пьяном виде, постоянно гораздо более, чем число таких же случаев в черте еврейской оседлости. То же самое представляют и цифры смертных случаев от опойства... И так стало это не теперь, а точно так исстари было»[33].

Правда, статистика говорит, что если в Западной и Южной полосах Империи одно питейное заведение приходилось на 297 человек, то в Восточной всё же на 585. Влиятельная в те годы газета «Голос» назвала еврейское шинкарство «язв[ой] края», именно Западного, «и притом язв[ой] неисцелим[ой]». И.Г. Оршанский отвлечённо теоретически берётся доказать: что чем чаще и гуще расставлены питейные пункты, тем меньше пьянства. (Так понять, что крестьянин не соблазнится, если питейный пункт у него под носом и круглосуточно зазывает, — вспомним Держа-

---

30 ЕЭ, т. 12, с. 163.

31 ЕЭ*, т. 11, с. 710.

32 Письмо В.С. Соловьёва к Ф. Гецу // *В.С. Соловьёв**. Еврейский вопрос — Христианский вопрос: Собрание статей. Варшава: Правда, 1906, с. 25.

33 *Н.С. Лесков*. Евреи в России: Несколько замечаний по еврейскому вопросу. Пд., 1919 [репринт с изд. 1884], с. 31.

вина: корчмари торгуют и ночью, — а польстится на дальний, куда ещё через поле грязь месить? Нет, известно: алкоголизм поддерживается не только спросом на водку, но и предложением её.) — Оршанский и такое доказывает: что когда между помещиком-винокуром и пьяницей-крестьянином становится еврей, он объективно действует *в пользу* крестьянина, ибо продаёт водку дешевле, хотя и использует залог за вещи. Да, пишет он, существует мнение, что евреи-корчмари всё же «имеют дурное влияние на благосостояние крестьян», но потому что и в шинкарстве «отлича[ются]... как во всех своих занятиях, особым искусством, ловкостью и энергией»[34]. — Правда в другом месте, в другой статье того же сборника он признаёт: «лихвенны[е] сдел[ки] евреев с крестьянами»; «справедливо, что в ней [еврейской торговле] много обманов и что еврей барышник, шинкарь и ростовщик эксплуатирует бедное население, особенно сельское»; «относительно помещика крестьянин необыкновенно упрям [в цене], но он до смешного податлив и доверчив, имея дело с евреем, особенно если еврей имеет за пазухой водку»; бедность крестьян, «потребность уплаты податей, страсть к водке... часто заставляют крестьян продать еврею хлеб по низкой цене»[35]. Но и к этой оголённой, стонущей, вопиющей правде — Оршанский ищет и смягчительные доводы. А болезнь крестьянской воли — кто ж и оправдывает?...

При всей настойчивой энергии Николая I неуспехи в преобразовании еврейской жизни сопутствовали ему во многих направлениях и во всё его царствование.

Так было и с еврейским земледелием.

В «Уставе рекрутской повинности и военной службы евреев» 1827 г. было оговорено для евреев-земледельцев, «переселенны[х]... на особые земли», — освобождение их и их детей от рекрутской повинности на 50 лет (исчисляя срок льготы — от реального начала «упражнения в хлебопашестве»). И как только этот устав огласился — в колонии

[34] *И. Оршанский*. Евреи в России: Очерки и исследования. Вып. 1, СПб., 1872, с. 192-195, 200-207.

[35] Там же, с. 114-116, 124-125.

вернулись из самовольных отлучек больше евреев, чем считалось в отлучках[36].

К 1829 были разработаны и более подробные «правила [для] евреев-земледельцев»: и отпуск в мещане при уплате всех долгов; и разрешение отлучек до 3-х месяцев для заработков в сроки, свободные от полевых работ; и наказания для самовольных отлучников; и награды для отличившихся хозяев. В.Н. Никитин признаёт: при сопоставлении строгих обязанностей, налагаемых на евреев-земледельцев, «с правами и преимуществами, данными исключительно евреям, [и] с теми, какими пользовались прочие податные сословия, — нельзя не признать, что правительство очень благоволило к ним [евреям]»[37].

И вот, с 1829 по 1833 «евреи усердствовали в качестве землепашцев, судьба награждала их урожаями, они были довольны начальством, оно — ими, и общее благополучие нарушалось лишь мелкими случайными явлениями». (После турецкой войны 1829 года — еврейским поселенцам, как и всем колонистам, «простили *всю* недоимку в податях... за "тягост[и], какие они несли от следования... войск"»). Но вот, по донесению Попечительного комитета, «неурожай 1833 г., сделав невозможным удерживать их [евреев] в колониях, открыл многим из них, не имевшим доброй воли и желания упражняться в сельских занятиях, — средство не сеять ничего, или весьма мало, сбывать скот, бродяжничать, домогаться пособия и не платить податей». В 1834 они, случалось, «выданный им хлеб — продавали, а скот — резали, и так поступали даже и те, которые не имели в том существенной необходимости», а местное начальство, по затруднениям в надзоре, не в состоянии было предупредить «множеств[о] пронырливых изворотов со стороны поселенцев». — Неурожаи же у евреев «случались чаще, нежели у прочих поселян, потому что, кроме незначительных посевов, они обрабатывали землю беспорядочно и несвоевременно», действовал «переход[ящий] от одного поколения к другому навык... евреев к лёгким промыслам, беззаботливости и небрежности в надзоре за скотом»[38].

Кажется: 30-летнего злосчастного опыта с еврейским хлебопашеством (ещё и на фоне опыта мирового) было уже

[36] *Никитин**, с. 168–169, 171.

[37] Там же, с. 179–181.

[38] Там же*, с. 185–186, 190–191.

достаточно для российского правительства, чтобы откинуть эти пустые попытки и траты? Нет! Не доходили до Николая I эти унылые донесения? скрашивались министрами? или неутомимая энергия и неспадающая надежда толкали императора на новые попытки?...

И вот в новом, 1835 года, высочайше утверждённом Положении о евреях (результат работы «директорского комитета») — еврейское земледелие было не только не откинуто, но ещё расширено, поставлено на первое место в устроении еврейской жизни: «Устроить евреев на таких правилах, кои, открывая им свободный путь к снисканию безбедного содержания упражнением в земледелии и промышленности и к постепенному образованию их юношества, — в то же время преграждали бы им поводы к праздности и к промыслам незаконным». Если раньше требовался предварительный взнос 400 р. за семью от еврейского общества, то теперь без всякого условия «каждому еврею дозволялось, "во всякое время"... переходить в земледельцы» и вся его недоимка в податях тут же складывалась и с него, и с общества; дозволялось получать не только казённые земли в бессрочное пользование, но и, в пределах черты оседлости, покупать земли, продавать и арендовать. Переходящие в земледельцы освобождались от подушной подати на 25 лет, от земской — на 10, от рекрутской повинности — на 50. Напротив, никто из евреев «к переходу в земледельцы... не мог быть принуждён». Ещё и — узаконялись «промыслы и ремёсла в деревенском их быту»[39].

(Прошло полтораста лет. И за забытою давностью даже просвещённый учёный физик формулирует тогдашнюю еврейскую жизнь так: «Черта оседлости в сочетании с запретом [!] на крестьянскую деятельность»[40]. А вот историк-публицист М.О. Гершензон судит шире: «Земледелие запрещено еврею его народным духом, ибо, внедряясь в землю, человек всего легче прирастает к месту»[41].)

---

[39] *Никитин**, с. 193–197.

[40] *Э. Глинер.* Стихия с человеческим лицом? // Время и мы: Международный журнал литературы и общественных проблем. Нью-Йорк, 1993, № 122, с. 133.

[41] *М. Гершензон.* Судьбы еврейского народа // "22": Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1981, № 19, с. 111.

Влиятельный министр финансов Канкрин предложил для еврейского земледелия ещё и пустующие земли Сибири — и Николай I утвердил к концу того же 1835. Предполагалось отпускать там еврейским переселенцам «по 15 дес. удобной земли на мужского пола душу», земледельческое орудие и рабочий скот за счёт казны, готовые рубленые избы, оплату переезда и питания в пути. — И как будто открылось побуждение к переезду в Сибирь евреев бедных и отягощённых многочисленными семьями. Однако теперь раздвоился расчёт кагалов: частью эти бедные нужны были для отдачи в рекруты (взамен богатых семей), — и от них скрывали, что им прощаются все недоимки, требовали сперва выплаты. Но спохватилось и правительство (трудности дальнего переселения; и что в Сибири евреи «не будут иметь добрых примеров трудолюбия и хозяйства», но и продолжат там «тот же бесплодный, одними обманами поддерживаемый торг, который сделал столько вреда Западному краю Империи — корчемствовать, разорять жителей лёгким удовлетворением склонностей к пьянству» и др.). К 1837 переселение в Сибирь было остановлено без обнародования мотивов [42].

Между тем того же года ревизия в Новороссии заключила, что «земли, отмежёванные к [еврейским] колониям и предназначенные для новых поселений, "содержат в себе чернозём самого хорошего свойства, весьма годный для хлебопашества, степи превосходны для сенокосов и разведения скотоводства"» (местное начальство оспаривало такой вывод) [43].

В том же 1837 году было учреждено министерство государственных имуществ (граф П.Д. Киселёв), которому поручалось (как переходная мера к отмене крепостного права) «попечительство над свободными хлебопашцами» (государственными крестьянами), коих было 7½ миллионов ревизских душ, а стало быть и над евреями-земледельцами, коих было всего 3–5 тысяч семейств, «капл[я] в море, в сравнении с численностью государственных крестьян. Тем не менее с первых же дней существования Министерства — в него стали поступать просьбы евреев», жалобы самого разнообразного свойства, и во множестве. «В полгода

---

[42] *Никитин*, с. 197–199, 202–205, 209, 216.

[43] Там же, с. 229–230.

выяснилось, что исключительно евреям надо посвятить столько времени, что это неблагоприятно отразилось бы на главном труде Министерства»[44]. Но в 1840 Киселёв был назначен и председателем новообразованного «Комитета для определения мер коренного преобразования евреев в России» (шестого по счёту)[45] — так что еврейский вопрос втягивал его.

В 1839 Киселёв провёл через Государственный Совет закон, дозволяющий вступать в земледельцы (но в полном составе семьи) также и тем евреям, кто стоит на рекрутской очереди, тем освобождая от неё, — новую сильную льготу. — В 1844 — более подробное «положение о евреях-земледельцах», также и в черте оседлости, с правом на первые три года нанимать христиан для обучения хозяйству. — А когда в Новороссию в 1840 евреи «многие явились как бы на свои средства» («переселяющиеся за свой счёт» на местах исхода дали расписки, что состоятельны и не будут просить пособия), в действительности же ничего не имели, уже в пути объявляли, что средства их истощены, «и домогались поселения на казённый счёт»; и таких «набралось более 1800 семейств, а из них целые сотни не располагали ни документами, ни сколько-нибудь основательными доказательствами: откуда они и по каким причинам очутились в Новороссии», — и ещё «беспрерывно продолжали прибывать и умолять не оставить их в бедственном положении», — Киселёв распорядился принять их всех за счёт сумм, ассигнованных «вообще на переселенцев, без различия их племени». То есть ещё помог — сверх смет. В 1847 изданы и «дополнительные правила», облегчавшие евреям переход в земледельцы[46].

Киселёв вознамерился своим министерством учинить *образцовые* еврейские колонии и тем самым положить «начало, может быть, огромного поселения сего народа», для чего основывал, одну за другой, колонии в Екатеринославской губернии на хороших почвах, при изобилии воды, при реках и речках, с отличными пастбищами и сенокосами, — и очень надеялся, что новым колонистам передадут свой превосходный опыт немецкие колонисты (хотя трудно бы-

---

[44] *Никитин*, с. 232–234.

[45] ЕЭ, т. 9, с. 488–489.

[46] *Никитин*, с. 239, 260–263, 267, 355, 358.

ло находить из них желающих приселяться к еврейским колониям, решили держать их на жаловании). Новые и новые ассигнования текли на эти будущие образцовые колонии, и прощались им все виды недоимок. На второй год поселения от еврейской семьи требовалось: огород и одна засеянная десятина, и с медленным наращением десятин по годам. Да у них же не было и опыта выбора скота, это поручалось попечителям. Киселёв облегчал условия переселения (семьям с малым числом работников), изыскивал способы специального агрономического обучения известного числа колонистов. Да в иных семействах ещё где там до агрономии, если в сильный холод не выходят кормить скот, — и вот каждому семейству выдаётся тёплый армяк с капюшоном[47].

Между тем поток еврейского переселения в земледельцы не иссякал, да ещё при неурожаях в Западном крае. Посылались нередко семейства и без необходимого числа мужчин-работников, «кагалы силою гнали на поселение нищих и дряхлых, а обеспеченных и здоровых — удерживали, чтобы иметь возможность исправнее собирать и платить подати и содержать свои общественные заведения». «В предупреждение наплыва массы изнурённых нищих» министерство требовало от западных губернаторов строгого контроля на выпуске, — но с мест, напротив, торопили уходить партии переселенцев, не ожидая сигнала о готовности домов на новых местах, однако и задерживая перевод денег на переселенцев в нужный срок, отчего пропадал порой и целый сельскохозяйственный год. В Екатеринославской губернии не успевали отводить землю для желающих, а 250 семей самовольно зашли в Одессу и остались там[48].

Но донесения самых разных инспекторов, из разных мест — и в эти годы сливаются в ту же одноголосицу. «Повинуясь крайности, — [евреи] могли сделаться земледельцами, и даже хорошими, но с первою благоприятною переменою обстоятельств — они всегда бросали плуг, жертвовали хозяйством, чтобы вновь обратиться к барышничеству и другим любимым своим занятиям». — «Для еврея "первый труд — промышленность, самая мелкая, изумительная своим ничтожеством, но доставляющая большие выгоды...

[47] Там же, с. 269, 277, 282, 300, 309, 329–330, 346, 358, 367, 389–391, 436–443, 467.

[48] Там же, с. 309, 314, 354–359, 364–369.

Состояние духа, по природе промышленного, не находящего удовлетворения в спокойной жизни земледельца"», «не составляло истинного их желания заниматься хлебопашеством; их "манило туда: сначала — изобилие края, незначительность еврейского народонаселения, близость границ, торговля и выгодная промышленность, а потом — льготы от податей, и главное от рекрутской повинности". Они думали, что обязаны будут только обзавестись домами», а землю надеялись «отдавать в наём за значительную прибыль; сами же, по-прежнему, будут заниматься промышленностью и торговлею». (Наивно говорили всё это ревизору.) И «с совершенным отвращением принимались за хлебопашество». К тому же и «самые правила религии... были "невыгодны для евреев-земледельцев"», заставляли бездействовать подолгу, например, в весенний посев — долгая Пасха, в сентябре кущи 14 дней сряду, когда нужны «самые усиленные полевые работы — приготовление полей и посевы», хотя «по отзывам образованных евреев, заслуживающих всякого доверия, Писание строго требует празднования только первых и последних двух дней». К тому же духовные лица в еврейских поселениях (в них бывало и по два молитвенных дома — один для ортодоксов, «митнагдов», другой для хасидов), «поддерживали своих единоверцев в мысли, что они, как народ избранный, — не предназначены судьбой на тяжкий труд земледельца, ибо это горький удел гоя». «Поздно вставали, употребляли час на утреннюю молитву и выходили на работу, когда солнце было высоко уже на небе», потом шабаш с вечера пятницы до утра в воскресение[49].

Да и с еврейской точки зрения И.Г. Оршанский заключает по сути то же, что и инспекторы: «Арендное хозяйство с наёмным рабочим трудом... находит более сочувствия у евреев, чем трудный во всех отношениях переход от барышничества к труду хлебопашца... Заметно постоянно увеличивающееся стремление евреев к занятию сельскими промыслами, преимущественно в форме арендования земель и обработки их наёмными рабочими». В Новороссии неудачи от еврейского земледелия — от «непривычки евреев к тяжёлому физическому труду и выгодности городских промыслов на Юге». И выделяет, как в одном поселении евреи

---

[49] *Никитин**, с. 280–285, 307, 420–421, 434, 451, 548.

«выстроили *своими руками* синагогу», в других — «своими руками» занимались огородничеством[50].

Но текли инспекторские и губернские отчёты, что и в эти 40-е годы, и в этих новых «образцовых» колониях, как и в прежних, «самый быт колонистов, их занятия и хозяйство — далеко отста[вали] от соседних с ними казённых и помещичьих крестьян». В Херсонской губернии и в 1845 у колонистов-евреев «хозяйство в весьма неудовлетворительном состоянии; большая часть этих колонистов очень бедна: чуждаясь всякой земляной работы — не многие из них порядочно обрабатывают землю, а потому и при хороших урожаях получают очень скудные результаты», «земл[я] в огородах — не тронут[а]», женщины и дети не заняты на земле, «30-десятинный участок "едва обеспечивал дневное пропитание"». «Примеру немецких колонистов» следовало «самое незначительное число еврейских поселенцев; бóльшая же часть их показывала "явное отвращение к земледелию и старалась исполнить требования начальства для того только, чтобы получить потом паспорт на отлучку"... Много земли они оставляли в залежи, возделывали землю по клочкам, где кому вздумается... Слишком небрежно обходились со скотиной... лошадей заганивали в езде и мало кормили, особенно в шабашные дни», нежных коров немецкой породы доили в разное время, отчего они переставали давать молоко. «Отпускались евреям безденежно» садовые деревья, «но садоводства они не развели». Построенные для них заранее дома — одни «красивы, сухи, теплы, прочны», в других местах были возведены дурно и дорого обошлись, но и где «возведены с надлежащей прочностью и употреблением материалов хорошего качества... по беспечности евреев и их неумению содержать в исправности дома... действительно доведены были до такого расстройства, что жить в них невозможно без скорого исправления», в них стояла сырость, приводившая постройки в дальнейшее разрушение, она вела и к болезням, многие дома стояли пустыми, в другие собиралось по несколько семейств, «не состоявших между собою в родстве, а "при беспокойном характере этого народа и его расположении к ссорам" — это соединение породило бесконечные жалобы».)[51]

[50] *Оршанский*, с. 176, 182, 185, 191–192.

[51] *Никитин**, с. 259, 280, 283, 286, 301, 304–305, 321, 402–403, 416–419, 610.

Разумеется, вина неготовности к великому переселению была взаимная: тут — и несогласованные и опаздывающие действия администрации, местами некачественное изготовление домов при плохом наблюдении, вплоть до злоупотреблений и растрат. (Что повело и к смещениям начальников и отдаче некоторых под суд.) Тут — и нежелание еврейских сельских старшин осуществлять реальный надзор за нерадивыми, чьё обзаведение и хозяйство неудовлетворительны; оттого — назначение смотрителей из отставных унтер-офицеров, а евреи спаивали их и задобряли взятками. Тут — и невозможность взыскивать с поселенцев подати — либо по несостоянию, «в каждом из обществ оставалось не более 10 хозяев, которые в состоянии были заплатить едва лишь за себя», либо по «свойственн[ой] евреям уклончивост[и] от платежа повинностей»; за годы недоимки с них увеличивались и увеличивались, их снова и снова прощали без возврата. А за самовольную отлучку поселенец платил 1 копейку за день, что было вовсе ему нечувствительно и легко нагонялось городскими заработками. (Для сравнения: меламеды в селениях получали от 3 до 10 тысяч рублей в год; в посёлках держали хедер домов на 30; наряду с меламедами были попытки внедрить в колонии начатки общего образования — кроме еврейского языка — русский и арифметику, но «простой класс евреев весьма недоверчиво смотрел на учебные заведения, учреждаемые правительством».)[52]

«Становилось всё бесспорнее, что столь желанные Киселёвым "образцовые" колонии ничто иное, как мечта». Но, хотя и тормозя (1849) присылку новых семей, он не терял надежды, и даже в 1852 писал резолюцию: «Чем дело труднее, — тем более иметь должно настойчивости и не обезохочиваться первыми неудачными приёмами». — До тех пор смотритель над колонией не был подлинным начальником поселения, «подвергался... случалось, насмешкам и дерзостям со стороны поселенцев, весьма хорошо понимавших, что он не имеет никакой над ними власти», он мог только подавать колонистам советы. В рассерженности ли на неуспех, уже не раз предлагались проекты давать поселенцу обязательные *уроки* с выполнением в два или три дня и проверять исполнение; лишать права свобод-

---

[52] *Никитин**, с. 290, 301, 321–325, 349, 399, 408, 420–421, 475, 596.

ного распоряжения собственностью; вовсе лишать отлучек; и даже ввести наказания: 1-й раз — до 30 розог, 2-й раз — вдвое, 3-й раз — тюрьма, а по важности обстоятельств и отдача в рекруты. (Никитин передаёт, как, став известной, эта проектируемая инструкция «произвела на евреев-земледельцев такой страх, что они напрягли все свои силы... сразу обзавелись скотом, земледельческими орудиями... проявили... удивительное прилежание к земледелию и домоводству».) Но Киселёв утвердил смягчённый проект (1853) : «уроки должны вполне соответствовать силам и опытности тех, кому назначаются»; от руководства по каждому виду работы, разработанному Попечительным комитетом, сельский начальник мог отступать только в сторону облегчения; за 1-е нарушение наказание не назначалось, а за 2-е и 3-е — 10 и 20 розог, не свыше. (Отдача в рекруты нерадивых не применялась никогда, «никто... не был отдан в солдаты за нерадение к хозяйству», а в 1860 закон вовсе отменён.)[53]

Конечно, это было ещё — время крепостного права. Но после полувека добросовестных правительственных попыток привести евреев к производительному труду на неосвоенной земле — вот, проступали как бы контуры аракчеевских поселений.

Поразительно, что императорская власть и до тех пор не пронялась бесплодностью всех мер, безнадёжностью всей земледельческой затеи.

И — ещё на том она не кончилась.

После введения рекрутской повинности среди еврейского населения росли тревожные слухи об ужасном новом законодательстве, которое готовит специальный «Еврейский комитет». — Но в 1835 вышло наконец общее сводное Положение о евреях (заменившее Положение 1804) — и оно «не наложило на евреев новых ограничений», как сдержанно выражается Еврейская энциклопедия[54]. А если подробнее, то по новому Положению было «за евреями

[53] Там же*, с. 350–351, 382–385, 390, 425, 547, 679.

[54] ЕЭ, т. 12, с. 695.

удержано право приобретать всякого рода недвижимую собственность, исключая населённых имений, и вести всякого рода торговлю на правах, одинаковых с прочими русскими подданными», хотя только в пределах черты оседлости[55]. Положение 1835 г. утверждало защиту всех прав еврейской религии, вводило для раввинов награды и присвоение прав купечества 1-й гильдии. Устанавливало разумный брачный возраст (18 и 16 лет). Принимало меры, чтобы еврейская одежда не так рознилась, отделяя евреев от окружающего населения. Направляло евреев на производительные способы заработков (запрещая торговлю вином в долг и под залог домашних вещей), разрешало все роды фабричной деятельности (также откуп винокуренных заводов). Держать христиан в услужении запрещалось только для постоянных услуг, но разрешалось «для работ кратковременных», без указания точного срока, и «для работ на фабриках и заводах» а также — «для пособия в хлебопашестве, садоводстве и огородных работах»[56], что было насмешкой над самой идеей «еврейского земледелия». — Положение 1835 звало еврейское юношество к образованию. Нисколько не было стеснено поступление евреев в средние и высшие учебные заведения[57]. Евреям, получившим в любой области науки степень доктора, и по засвидетельствовании отличных способностей (ещё с формальностями), предоставлялось право на государственную службу. (Евреи-врачи имели то право и раньше.) — А касательно местного самоуправления — Положение снимало с евреев прежние ограничения: теперь они могли занимать должности в думах, магистратах и ратушах «на том же основании, как избираются на сии должности лица других исповеданий». (Правда, против этого выдвинулись возражения некоторых местных властей, особенно из Литвы: городской голова должен в иные дни вести обывателей в церковь, и как это может быть еврей? или еврей в судьях, раз присяга произносится на кресте? Сопротивление оказалось сильное, и указом 1836 г. устанавливалось для западных губерний, что в магистра-

[55] *М. Ковалевский.* Равноправие евреев и его враги // Щит*: Литературный сборник / Под ред. Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. 3-е изд., доп., М.: Русское Общество для изучения еврейской жизни, 1916, с. 117.

[56] ЕЭ, т. 11, с. 494.

[57] *Ковалевский* // Щит, с. 117.

тах и ратушах евреи могут занимать только одну треть должностей.)[58] — Наконец и в экономически остром вопросе, связанным с приграничной контрабандой, подрывающей государственный интерес, Положение оставляло в пограничной полосе живущих там евреев, но воспрещало новое водворение[59].

Для государства, держащего миллионы своего населения в крепостном праве, — всё названное не выделяется как система жестокостей.

При обсуждении Положения в Государственном Совете происходили прения с обильными разнообразными мнениями — о возможном беспрепятственном допуске евреев в великорусские губернии. Говорили и так, что «только при наличии известных нравственных качеств и определённого уровня образования евреи могли быть допущены к водворению во внутренних губерниях». Возражали и так, что «евреи могут принести значительную пользу своей торгово-промышленной деятельностью и что конкуренцию нельзя предотвращать запрещением кому ни будь жить и торговать»; и «надо поставить ребром... вопрос: Могут ли евреи быть терпимы в государстве? Если признать, что евреев нельзя терпеть, тогда надо изгнать их всех», нежели «оставить "сие сословие внутри государства в таком положении, которое возбуждало бы в них беспрерывно неудовольствие и ропот". А если приходится терпеть их присутствие в стране, тогда надо освободить их от правовых ограничений»[60].

Между тем «архаические польские привилегии, предоставлявшие городским обществам устанавливать в отношении жительства евреев ограничения» и ещё со времени Екатерины отвергнутые русской государственностью, — вдруг с новой силой проступили в Вильне, затем в Киеве. В Вильне это привело теперь к запрету части кварталов для поселения евреев. В Киеве же протесты местного купечества, что «евреи к общему соблазну производят торги и сделки в стенах Печерских монастырей... захватили на Печерске все торговые заведения» и христиан «вытесняют из круга торговли», — подвигли генерал-губернатора добиться запрещения (1827) «евреям жить оседло в Киеве — лишь неко-

[58] *Ю.Гессен**, т. 2, с. 50–52, 105–106.

[59] ЕЭ, т. 12, с. 599.

[60] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 47–48.

торые категории [смогут] приезжать на определённое время». «Как всегда в таких случаях, правительству пришлось несколько раз откладывать срок, назначенный для выселения». Споры дошли до «директорского» комитета, раскололи пополам Государственный Совет — но Положением 1835 Николай I утвердил выселение из Киева. Однако же вскоре снова «некоторым категориям евреев было разрешено срочное пребывание в городе». (А почему евреи были так успешливы в торговой конкуренции? они зачастую торговали дешевле христиан — довольствуясь «меньшим барышом, чем тот, которого требуют христиане», хотя, может быть, и не без контрабандности происхождения самих товаров. И защищавший евреев губернатор Киева указывал, что «если бы христиане хотели трудиться, то они вытеснили бы евреев без всяких принудительных мер».)[61] — Таким образом, «в Белоруссии евреям разрешалось проживать только в городах, в Малороссии — везде, кроме Киева и сёл, принадлежащих государственной казне, в Новороссии — во всех населённых пунктах, за исключением Николаева и Севастополя»[62], военных портов, откуда евреи были в эти годы выселены по соображениям государственной безопасности.

«Положение 1835 г. допустило купцов и фабрикантов [евреев] на главнейшие ярмарки внутренних губерний для производства там временной торговли, предоставило им некоторые права и по продаже товаров вне черты оседлости»[63]. Также и ремесленники не вовсе лишены были доступа во внутренние губернии, хотя и на ограниченное время. Так, по правилам 1827 «губернское начальство вне черты оседлости имело право разрешать евреям шестимесячное пребывание»[64]. — Как пишет Гессен, Положение 1835, «затем и другие законы, несколько облегчили условия для временного пребывания евреев за пределами черты оседлости», да и местные власти нередко смотрели «сквозь пальцы на нарушение евреями запретов»[65]. — Это же подтверждает и Лесков в записке, составленной по запросу правительственной комиссии: «В сороковых годах» евреи «появились в

[61] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 40–42.
[62] КЕЭ, т. 7, с. 318.
[63] ЕЭ, т. 14, с. 944.
[64] ЕЭ, т. 11, с. 332.
[65] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 46, 48.

великорусских помещичьих деревнях с предложением своих услуг... Круглый год они совершали правильное течение "по знакомым господам"» в ближайших великорусских губерниях, и везде торговали и работали. «Еврея отсюда не только не гнали, а удерживали». — «Местные обыватели постоянно привечали и укрывали евреев-ремесленников... Местные власти тоже везде им мирволили, ибо и для них, как и для прочих обывателей, евреи представляли значительные удобства»[66]. — «Евреи, при содействии заинтересованных христиан, нарушали ограничительные постановления. И сами власти вынуждались делать отступления от законов... Дело дошло до того, что пришлось, например, установить штрафы с помещиков Великороссийских губерний за проживательство у них евреев»[67].

Так российские государственные власти, отчасти ведо́мые охранными (особенно религиозными) доводами о несмешении христиан с евреями, — перед экономическим напором, тянущим евреев вне черты оседлости, не могли ни принять ясного решения, ни провести его ясно в жизнь. А предприимчивый динамичный еврейский характер страдал от территориального сгущения и острой внутренней конкуренции в нём; для него естественно: разлиться как можно шире. Как и писал И.Г. Оршанский: «Чем более евреи рассеяны между христианским населением... тем выше уровень их благосостояния»[68].

Но даже и в своём формальном объёме, трудно оспорить, что черта оседлости евреев в России была обширна: к тому, что было получено в наследие от еврейской густоты в Польше, — к Виленской, Гродненской, Ковенской, Витебской, Минской, Могилёвской, Волынской, Подольской и Киевской губерниям (это — сверх Царства Польского и Курляндии), — были добавлены просторные и плодоносные Полтавская, Екатеринославская, Черниговская, Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии, — все вместе больше любого европейского государства или даже группы их. (Немало лет, с 1804 и до середины 30-х, к ним добавлялись ещё и богатые Астраханская и Кавказская, — но евреи сами почти не переселялись туда, в Астраханской и в 1824

---

[66] *Лесков*, с. 45–48.

[67] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 49.

[68] *Оршанский*, с. 30.

«не записан в оклад ни один еврей»[69].) Это составляло 15 губерний «черты» — при всего 31 губернии «внутренней России». Притом редкие из них были более многолюдны, чем губернии среднерусские. И по еврейской доле в населении они не превосходили магометанскую долю в уральских и волжских губерниях. Поэтому стеснённость евреев в черте оседлости шла не от численности их, но от единообразия занятий в ней. Только в необъятной России такая *черта* могла выглядеть как тесная.

Возражают, что обширность *черты* — мнимая: из неё исключены пространства вне городов и местечек. Однако ведь те пространства — земледельческие и для земледелия, оно и было открыто евреям, но они не прельщались им, а весь спор шёл: как приспособить те пространства для виноторговли. Это — искривление.

А если бы значительный еврейский массив не перешёл бы из тесной Польши в обширную Россию — то и вообще не возникло бы понятие «черты оседлости». В тесной Польше — жили бы густо, скученно, беднее, быстро множась и почти без производительного труда, 80% населения занято мелкой торговлей и посредничеством.

И уж во всяком случае в российских городах не устанавливались принудительные для евреев *гетто*, какие знала вся Европа. (Хотя в Москве, для приезжих, — московское глебовское подворье.)

Если ещё раз напомнить, что эта *черта* две трети века существовала одновременно с крепостным правом, которому было подвластно большинство русского населения, а еврейское — нет, то, в сравнении, гнёт этого стеснения в передвижении выглядит не столь мрачно. В Российской Империи и многие народы, и в миллионах, жили кучно в своих краях. В пределах многонационального государства народы и часто живут обособленно и густо. В том числе и караимы, и горские евреи, у которых была свобода переселяться, однако они не пользовались ею. — И несравнимо это было с территориальными ограничениями, «резервациями», какие устанавливали пришлые колонизаторы (англо-саксы, испанцы) для коренного населения завоёванных земель.

Но именно отсутствие у евреев своей национальной территории, и при их динамичном движении, при их высо-

---

[69] ЕЭ, т. 3, с. 359.

ком экономическом практицизме и активности, — обещало вот-вот превратиться в важнейший фактор влияния на всю жизнь России. Можно сказать, что потребность еврейской диаспоры: чтоб ей были доступны все существующие места, и опасения перед прорывом этой активности — питали оградительные меры российского правительства.

Да, от земледелия евреи в России в основном уклонились. Ремесленниками евреи были чаще всего — портными, сапожниками, часовщиками, ювелирами. Однако и не одними мелкими ремёслами ограничилась их производительная деятельность, даже и при стеснениях от *черты*.

Дореволюционная Еврейская энциклопедия пишет, что для евреев, до развития крупной промышленности, «наибольшее значение... имеет денежная торговля, всё равно, выступает ли еврей в качестве ростовщика-заимодавца или менялы, откупщика казённых и помещичьих доходов или банкира, шинкаря или арендатора, занятого больше всего денежными операциями». Даже и при ещё натуральном хозяйстве в России «спрос на деньги уже существовал во всё растущих размерах»[70]. И отсюда — переход еврейских капиталов в промышленность, для дальнейшего роста там. Уже при Александре I были приняты энергичные меры к поощрению еврейского участия в промышленности, в частности в суконделии. Оно «в дальнейшем сыграло большую роль в накоплении капиталов в руках евреев», а «впоследствии евреи не преминули применить эти капиталы в крупной фабрично-заводской, а затем и в добывающей промышленности, в транспорте и банковском деле. Так начался процесс образования еврейской средней и крупной буржуазии»[71]. — Положение 1835 «также содержит льготы для евреев-фабрикантов»[72].

К 40-м годам XIX в. в Юго-Западном крае получила большое развитие сахарная промышленность. Еврейские капиталисты сперва субсидировали помещичьи сахарные заводы, затем перенимали управление ими, затем и владение, затем строили и свои заводы. Так на Украине и в Новороссии вырастали мощные «сахарные короли», напри-

---

[70] ЕЭ, т. 13, с. 646.

[71] *И.М.Дижур.* Евреи в экономической жизни России // [Сб.] Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до Революции 1917 г. (далее — КРЕ-1). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960, с. 164–165.

[72] ЕЭ, т. 15, с. 153.

мер, Лазарь и Лев Бродские. Притом «большинство еврейских сахарозаводчиков начало свою карьеру в качестве [винных] откупщиков... и содержателей питейных домов». — Сходная картина создалась и в мукомольной промышленности [73].

Никто из современников тогда не понимал, никто не видел в даль, какая здесь вырастала материальная, затем и духовная сила. И, конечно же, не понимал, не видел и сам Николай I. Он превышающе представлял себе и всесилие российской императорской власти, и успешность военно-административных методов.

Но он настойчиво желал и успехов в образовании евреев — для преодоления еврейской отчуждённости от основного населения, в которой и видел главную опасность. Ещё в 1831 он указывал «директорскому» комитету, что «в числе мер, могущих улучшить положение евреев, нужно обратить внимание на исправление их обучением... заведением фабрик, запрещением ранних браков, лучшим устройством кагалов... переменою одеяния» [74]. — А в 1840, при учреждении «Комитета для определения мер коренного преобразования евреев в России», одной из первых целей комитет видел: «Действовать на нравственное образование нового поколения евреев учреждением еврейских училищ в духе, противном нынешнему талмудическому учению» [75].

Общеобразовательных школ хотели и все тогдашние еврейские прогрессисты (расходясь только: исключать ли Талмуд вовсе из плана преподавания — или в высших классах тех школ должен изучаться Талмуд «научно-освещённый и тем самым освобождённый от вредных наростов») [76]. — Тут как раз такую новосозданную в Риге еврейскую школу с общеобразовательной программой возглавил молодой выпускник мюнхенского университета Макс Лилиенталь. Он и жаждал деятельности по «насаждени[ю] просвещения среди русского еврейства». Он был в 1840 радушно принят в Петербурге министрами просвещения и внутренних дел, и для «Комитета преобразования евреев»

---

73 *Дижур* // КРЕ-1, с. 165–168.

74 *Ю.Гессен**, т. 2, с. 77.

75 ЕЭ, т. 9, с. 689–690; *Ю.Гессен*, т. 2, с. 81.

76 *Ю.Гессен*, т. 2, с. 83.

составил проекты еврейской консистории и духовной семинарии — для подготовки раввинов и учителей «по общим, очищенным нравственным основаниям» в противность «закоснелым талмудистам»; однако, «прежде утверждения в главных началах веры, не дозволяется обучаться предметам светским». И министерский проект был изменён: увеличить число часов, назначенных для преподавания еврейских учебных предметов[77]. — Склонял Лилиенталь правительство и принять предупредительные меры против хасидов, но не нашёл поддержки: правительство «желало внешнего объединения враждебных между собою общественных элементов» в еврействе[78]. — Между тем Лилиенталю, с «изумительн[ым] успех[ом]» поставившему школу в Риге, было поручено министерством объехать губернии черты оседлости и через публичные собрания и встречи с еврейскими общественными деятелями содействовать целям просвещения. И поездка его внешне весьма удалась, как правило, он не встретил открытой враждебности и как будто успешно убеждал влиятельные слои еврейства. «Противники... реформы должны были... выказывать внешн[ее]» одобрение. Но скрытое сопротивление было, конечно, огромно. А когда сама школьная реформа началась-таки, Лилиенталь отказался от своей миссии. В 1844 он внезапно уехал в Соединённые Штаты, и навсегда. «Его отъезд из России... — если не бегство — окутан тайной»[79].

Таким образом, при Николае I власти не только не мешали ассимиляции евреев, но звали в неё — однако массы, оставаясь под кагальным влиянием, опасаясь принудительных мер в области религии, — не шли.

Впрочем, школьная реформа своим чередом началась, с того же 1844, несмотря на крайний отпор руководящих кругов кагалов. (Хотя «при учреждении еврейских школ отнюдь не имелось в виду уменьшить число евреев в общеучебных заведениях; напротив, неоднократно указывалось, что общие школы должны быть, по-прежнему, открыты для евреев»[80].) — Были учреждены два вида казённых еврейских училищ («по образцу австрийских элементарных

[77] Там же, с. 84; ЕЭ, т. 13, с. 47.

[78] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 85–86.

[79] Там же, с. 84, 86–87.

[80] ЕЭ, т. 13, с. 47–48.

училищ для евреев»[81]): двухлетние, соответственные русским приходским, и четырёхлетние, соответственные уездным училищам. В них — только еврейские предметы преподавались педагогами еврейскими (и на иврите), а общие — русскими. (Как оценивает неистовый революционер Лев Дейч: «Венценосный изверг приказал обучать их [евреев] русской грамоте»[82].) — Во главе этих школ долгие годы ставились христиане, лишь много спустя — и евреи.

«Большинство еврейского населения, верное традиционному еврейству, узнав или угадывая тайную цель Уварова [министра просвещения], смотрело на просветительные меры правительства, как на один из видов гонений»[83]. (Уваров же, ища возможные пути сближения евреев с христианским населением через искоренение «предрассудков, внушаемых учениями Талмуда», хотел вовсе исключить его из образования, считая его кодексом антихристианским[84].) — При неизменном недоверии к российской власти, ещё немало лет еврейское население отвращалось от этих школ, испытывало «школобоязнь»: «Подобно тому, как население уклонялось от рекрутчины, оно спасалось от школ, боясь отдавать детей в эти рассадники “свободомыслия”». Зажиточные еврейские семьи зачастую посылали в казённые училища вместо своих детей — чужих, из бедноты[85]. (Именно таким образом был сдан в казённую школу П.Б. Аксельрод; затем перешёл в гимназию, затем в политическую всеизвестность — как соратник Плеханова и Дейча по «Освобождению труда»[86].) И если к 1855 только в «зарегистрированных» хедерах училось 70 тысяч еврейских детей — то в казённых училищах обоих разрядов всего 3 тысячи 200[87].

Этот испуг перед гражданским образованием ещё долго сохранялся в еврействе. Так же Л. Дейч вспоминает, что и в 60-х годах, и не в каком захолустьи, а в Киеве: «Хо-

---

[81] ЕЭ, т. 3, с. 334.

[82] *Л. Дейч.* Роль евреев в русском революционном движении. Т. 1, 2-е изд., М.; Л.: ГИЗ, 1925, с. 11.

[83] ЕЭ, т. 9, с. 111.

[84] *Ю. Гессен,* т. 2, с. 85.

[85] Там же, с. 120.

[86] *Дейч,* с. 12–13.

[87] *И.М. Троцкий.* Евреи в русской школе // КРЕ-1, с. 351–354.

рошо помню то время, когда мои соплеменники считали грехом учиться русскому языку» и лишь по необходимости допускали его «только в сношениях с... “гоями”»[88]. — А.Г. Слиозберг вспоминает, что даже и в 70-е годы поступление в гимназию считалось предательством еврейской сущности, гимназический мундир был знак богоотступничества. — «Между евреями и христианами лежала пропасть, переступить которую могли только единичные евреи, и то лишь в крупных городах, где еврейское общественное мнение не сковывало личной воли в [такой] степени»[89]. — Учиться в русских университетах еврейская молодёжь не устремилась, хотя окончание их давало евреям, по рекрутскому закону 1827, пожизненное освобождение от воинской повинности. — Впрочем, Гессен оговаривается, что в «более состоятельных крут[ах]» русского еврейства возрастало «добровольное устремление... в общие учебные заведения»[90].

А ещё же: в казённых еврейских училищах «не только смотрители-христиане, но в большинстве случаев и учителя-евреи, преподававшие еврейские предметы на немецком языке, отнюдь не были на должной высоте». Поэтому «одновременно с учреждением казённых училищ было решено устроить высшую школу для подготовки учителей... создать кадры более образованных раввинов, которые и действовали бы в прогрессивном направлении на народную массу. Такие “раввинские училища” были учреждены в Вильне и Житомире (1847 г.)». — «При всех своих недостатках школы принесли известную пользу», — свидетельствует либерал Ю.И. Гессен, — «подрастающее поколение стало знакомиться с русской речью и с русской грамотой»[91]. — И революционер М. Кроль того же мнения, хотя и с непременным круговым осуждением правительства: «Как реакционны и враждебны евреям ни были законы Николая I-го о еврейских казённых начальных и раввинских училищах, — эти училища волей-неволей приобщали какую-то небольшую часть еврейских детей к светскому образованию». А «прозревшим» («маскилим») и презирающим теперь «суеверие масс» — «уходить [было] некуда», и они оста-

---

[88] *Дейч*, с. 10.

[89] ЕЭ, т. 11, с. 713.

[90] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 122.

[91] Там же, с. 121.

вались среди своих чужаками. «И всё же это движение сыграло огромную роль в духовном пробуждении русского еврейства во второй половине XIX века». Но кто из маскилим и хотел просвещать еврейские массы — наталкивался на «озлобленное сопротивление фанатически верующих евреев, смотревших на светское просвещение, как на дьявольское наваждение»[92].

В 1850 была создана ещё такая надстройка: институт «учёных евреев», инспекторов-консультантов при попечителях учебных округов.

А из выпускников новозаведенных раввинских училищ с 1857 создалась должность «казённых раввинов», неохотно выбираемых своею общиной и подлежащих утверждению губернской властью. Однако их обязанности свелись к административным: еврейские общины считали их невеждами в еврейских науках, традиционные же раввины сохранились как «духовные раввины», истинные[93]. (И многие из выпускников раввинских училищ, «не находя ни раввинских должностей, ни учительских», шли дальше учиться в университеты[94], — уходили во врачи и адвокаты.)

Николай I всё не терял своего напора регулировать внутреннюю жизнь еврейской общины. Кагал, который и раньше обладал огромной властью над общиной, ещё усилился от момента введения рекрутской повинности, получив право «отдавать в рекруты всякого еврея во всякое время за неисправность в податях, бродяжничество и другие беспорядки, нетерпимые в еврейском обществе», и этим правом он пользовался пристрастно, в пользу богатых. «Всё это приводило к возмущению масс заправилами кагала, создавало напряжённые отношения внутри общины, и стало одной из причин окончательного упадка кагала». — И вот в 1844 кагалы «были повсеместно упразднены и их функции переданы городским управам и ратушам»[95], — то есть положение в еврейских городских общинах как бы подчинялось всегосударственному единообразию. Но и эта реформа не

---

92 *М. Кроль.* Национализм и ассимиляция в еврейской истории // [Сб.] Еврейский мир: Ежегодник на 1939 г. Париж: Объединение русско-еврейской интеллигенции, с. 188.

93 КЕЭ, т. 4, с. 34; *Б.-Ц. Динур.* Религиозно-национальный облик русского еврейства // КРЕ-1, с. 314.

94 *Ю. Гессен,* т. 2, с. 179.

95 КЕЭ*, т. 4, с. 20–21.

была докончена: сбор вечно-недоимочных, ускользающих податей и поставка рекрутов — переданы были опять же еврейской общине, чьи теперь «рекрутские старосты» и «сборщики» наследовали прежним кагальным старшинам. А метрические книги, а значит и учёт населения, остались в руках раввинов.

Дальше правительство Николая I вмешалось в запутанный вопрос еврейских внутриобщинных сборов, главным образом «коробочного» (косвенный налог за употребление кошерного мяса). Распоряжением 1844 указывалось частично использовать коробочный сбор на покрытие казённых недоимок общины, на устройство еврейских школ и на пособия евреям, переходящим в земледелие[96]. — Но и тут возникла непредвиденная неуловимость: хотя евреи «облагались личной податью, наравне с мещанами-христианами», то есть налогом прямым, «еврейское население, благодаря коробочному сбору, оказалось как бы в льготных условиях в отношении способа уплаты подати». Теперь «евреи, не исключая зажиточных кругов, часто погашали путём раскладки, то есть личными взносами, лишь незначительную часть казённых сборов, остальную же часть подати обращали в недоимку» — и недоимки всё накоплялись, к середине 50-х годов превысили 8 миллионов рублей. И тогда последовало новое нервное высочайшее повеление: «за каждые две тысячи рублей» ещё новых недоимок брать «по одному взрослому рекруту»[97].

В 1844 была предпринята ещё одна, энергичная и снова неудавшаяся, попытка выселения евреев из деревень.

Гессен образно пишет, что в российских «законах, долженствовавших нормировать жизнь евреев, слышится как бы крик отчаяния, что при всей своей власти правительство не может выкорчевать еврейское существование из недр русской жизни»[98].

Нет, правителями России ещё никак не была осознана вся тяжесть и как будто даже нерешаемость огромного еврейского наследства, полученного в награду от разделов Польши: что же делать с этим стремительно растущим и самоупорным организмом в российском государственном теле? Они не находили уверенных решений и тем более не

96 *Ю.Гессен*, т. 2, с. 89–90.

97 ЕЭ, т. 12, с. 640.

98 *Ю.Гессен*, т. 2, с. 19.

могли провидеть вдаль. Накатывались одна за другой энергичнейшие меры Николая I — а положение как будто только осложнялось.

Подобный же нарастающий неуспех преследовал Николая I и в борьбе с еврейской пограничной контрабандой. В 1843 он категорически распорядился выселить всех вообще евреев из 50-вёрстной приграничной с Австрией и Пруссией полосы, невзирая на то, что «в некоторых пограничных таможнях торгующее купечество почти сплошь состояло из евреев»[99]. Задуманная мера поправлялась сразу широкими изъятиями из правила: сперва — предоставлением двухгодичного срока для продажи недвижимости, затем — продлением этого срока. Переселенцам предлагалась материальная помощь для устройства на новых местах, и ещё они вперёд на 5 лет освобождались от податей. Несколько лет переселение не начиналось, а вскоре «правительство Николая I перестало настаивать на выселении евреев из 50-вёрстной приграничной полосы, и часть из них смогла остаться на прежних местах»[100].

И тут Николай получил ещё одно предупреждение, объём и последствия которого для всей России вряд ли осознал: эта угроженная и далеко не осуществлённая мера приграничного выселения, вызванная контрабандой, разросшейся до опасных для государства размеров, — откликнулась в Европе таким негодованием, что как бы именно не она резко поссорила европейское общественное мнение с Россией. То есть, может быть, этим частным указом 1843 года и следует датировать первую грань эры воздействия европейского еврейства в защиту своих единоверцев в России, — активного влияния, уже затем не прекращавшегося.

Проявлением этого нового внимания, несомненно, был и приезд в 1846 в Россию сэра Мозеса Монтефиоре с рекомендательным письмом к Николаю от королевы Виктории, и с задачей добиться «улучшения участи еврейского населения» в России. Он совершил поездку по некоторым городам, густо населённым евреями; затем из Англии прислал, для представления Государю, обширное письмо с предложением вообще освободить евреев от ограничительного

99 *Ю. Гессен*, т. 1, с. 203.

100 КЕЭ, т. 7, с. 321.

законодательства, дать «равноправие со всеми прочими подданными» (исключая, разумеется, крепостных крестьян), «а до того возможно скорее: уничтожить ограничения в праве жительства и передвижения в пределах черты оседлости», купцам и ремесленникам дозволить поездки во внутренние губернии, «разрешить услужение христиан... восстановить кагал...»[101].

Напротив, напротив: Николай не терял напора навести свой порядок в еврейской жизни. Он походил на Петра I в решимости властно формовать всё государство и общество по своему плану, а сложность общества сводить к простым, ясно понятным разрядам, — как и Пётр когда-то «прочищал» всё, что нарушало ясную группировку податных сословий.

Теперь такой мерой стал *разбор* еврейского мещанского населения. Проект этот возник в 1840 при обдумывании общей задачи, как преодолеть религиозно-национальную отчуждённость евреев (рассматривались при том и соображения Левинзона, Фейгина, Гезеановского), «исследовать корень их упорного отчуждения от "общего гражданского быта"», а также «отсутствие между евреями всякого полезного труда и вредные занятия их мелочной промышленностью, сопровождаемые всякого рода обманами и хитростями». Эту «"праздность" множества евреев» правительственные круги приписывали их «закоренелым привычкам», считали, что еврейская «масса могла бы найти заработки, но отказывается от некоторых видов труда в силу традиций»[102].

И министр граф Киселёв предложил Государю такую меру: не касаясь вполне устроенных евреев-купцов, заняться евреями-мещанами, а именно — разобрать их на два *разряда*: в первом числить тех, кто имеет прочную оседлость и имущество, во второй же включить тех, кто их не имеет, и предоставить им 5-летний срок, дабы стать либо цеховыми ремесленниками, либо земледельцами. (Ремесленником считался тот, кто записался в цех навсегда; мещанином оседлым — кто записался в цех на время[103].) Тех же, кто не выполнит этого за 5 лет и останется в преж-

---

101 *Ю.Гессен*, т. 2, с. 107–108.

102 Там же*, с. 79–80.

103 ЕЭ, т. 13, с. 439.

5—5080

нем состоянии, считать «бесполезными» и применить к ним особую военно-трудовую повинность: брать из них в рекруты (с 20-летнего возраста) по разнарядке втрое больше обычной, однако брать не на обычные 25 лет солдатской службы, а лишь на 10 лет, и в этот срок «употребляя их в армии и флоте преимущественно в разных мастерствах, обращать потом, согласно с желанием их, в цеховые ремесленники или в состояние земледельцев» — то есть дать им принудительное производственное обучение. Но средств для того правительство не имело, и не видело иного, как использовать коробочный сбор, ибо еврейское общество не может не быть заинтересовано в трудовом устройстве своих членов[104].

В 1840 Николай I утвердил этот проект. (Термин «бесполезные евреи» был заменён на «неимеющие производительного труда».) Все меры о преобразовании еврейской жизни сводились при этом в единое постановление и была предусмотрена такая последовательность их: 1) «упорядочение коробочного сбора [и] уничтожение кагала»; 2) устройство общеобразовательных школ для евреев; 3) учреждение «губернских раввинов»; 4) «поселение евреев на казённых землях» для земледелия; 5) разбор; 6) запрет носить еврейскую долгополую одежду. — Киселёв мыслил «разбор» в ещё не ближайшем будущем, Николай же передвинул его раньше земледелия, которое уже треть века не получалось[105].

Однако «разбор» предусматривал 5-летний предварительный срок выбора занятий, и само оглашение меры произошло только в 1846, так что сам «разбор» должен был начаться лишь с января 1852. (В 1843 против «разбора» протестовал генерал-губернатор Новороссии граф М. Воронцов, писавший, что занятие этого «многочисленн[ого] класс[а] мелких торговцев и посредников... "оклеветано"», а «к числу бесполезных отнесены [80%] еврейского населения» — то есть 80% евреев занимались преимущественно торговлей. Но, по просторным экономическим условиям Новороссийского края, надеялся Воронцов, что обойдётся безо всякой принудительной меры, не следует и выселять евреев из сёл, а надо лишь усилить средь них образование.

104 *Ю. Гессен**, т. 2, с. 81–82.
105 Там же, с. 82–83, 101.

Предупреждал он и о вероятном негодовании Европы от «разбора»[106].)

Да, уже обожжась, как воспринята в Европе попытка выселения евреев из приграничной полосы, российское правительство теперь, в 1846, составило аргументированное оповещение о новой мере: что евреи не имели в Польше ни гражданства, ни права на недвижимое имущество, и вынужденно ограничивали свою деятельность мелочной торговлей и шинкарством; а при переходе в Россию расширены границы оседлости евреев, они получили и гражданские права, и вступление в городское торговое состояние, право недвижимой собственности, право вступать в земледельческое состояние и право образования, включая университеты и академии[107].

И надо признать, что действительно евреи получили всё это уже за первые десятилетия пребывания в пресловутой «тюрьме народов». Однако столетие спустя, в обзорном сборнике еврейских авторов, это будет оценено так: «При присоединении к России польских районов и их еврейского населения, были даны *обещания* прав и сделаны *попытки* осуществить эти обещания [курсив мой — *А.С.*; обещания исполнялись; попытки были успешными]. Но в то же время — начались массовые изгнания из деревень [действительно начинались, да никогда не осуществились], двойное налоговое обложение [последовательно не взималось и вскоре отменено], установление черты оседлости»[108] — мы видели, что, по обстоятельствам конца XVIII в., границы оседлости были сперва географическим наследством. Если такое изложение истории считать объективным — то до истины не договориться.

Но, к сожалению, гласило дальше правительственное оповещение 1846 г., — евреи не воспользовались многим из этого: «Постоянно чуждаясь слияния с гражданским обществом, среди которого живут, они большей частию остались при прежних способах существования за счёт труда других, и от того со всех сторон возникают справедливые жалобы местных жителей». «Поэтому, с целью [поднять благосостояние евреев]... необходимо изъять их из зависимости» от старшин общины, наследовавших прежней

106 Там же, с. 100–103.

107 Там же, с. 103.

108 *Динур* // КРЕ-1, с. 319.

кагальной верхушке, распространить в еврейском населении просвещение и практические познания, учредить особые еврейские общеобразовательные училища, дать средства для перехода к земледелию, устранить «неприятное для многих евреев» отличие в одежде. И «правительство считает себя в праве надеяться, что евреи прекратят всякие предосудительные способы жизни и обратятся к труду истинно производительному и полезному». Лишь уклоняющиеся от того будут подвергнуты «мерам побудительным, как тунеядцы и как тягостные и вредные для общества члены»[109].

В ближайшем на то ответе Монтефиоре осудил предполагаемую меру «разбора», настаивая, что вся беда — в ограничении передвижения евреев и их торговли. — Николай же возражал, что если обращение евреев к производительному труду увенчается успехом, то время «само собою приведёт к постепенному уменьшению ограничений»[110]. Он рассчитывал — на перевоспитание трудом... Терпя поражение в преобразовании еврейской жизни и так, и этак, и по-третьему, — он вознамерился отомкнуть еврейскую замкнутость и решить проблему слияния еврейского населения с прочим — через труд, а к труду — через рекрутство, причём энергически усиленное.

И сокращённый при том именно для евреев срок воинской службы (с 25 лет до 10), и цели производственного обучения — не были видны, а реально ощущался, вот, рекрутский набор, теперь утроенный по сравнению с христианами — «10 рекрутов с 1 тыс. мужчин ежегодно (для христиан — 7 с 1 тыс. через год)»[111].

В сопротивление усиленному рекрутскому набору — тотчас усилились и рекрутские недоимки. Назначенные к набору скрывались из своих обществ. В ответ (конец 1850) последовало распоряжение: за каждого не доставленного к сроку рекрута брать новых трёх рекрутов сверх недоимочного! Теперь еврейские общины и рекрутские старосты стали весьма заинтересованы *ловить* беглецов, либо, вместо них, каких-либо других безответных. (В 1853 «были изданы правила о дозволении еврейским обществам и частным лицам представлять за своих рекрутов всякого пой-

109 *Ю. Гессен**, т. 2, 103–104.

110 Там же, с. 107–110.

111 КЕЭ, т. 4, с. 75.

манного беспаспортного».) В еврейских обществах появились наёмные «ловчики», или «хапуны», которые и захватывали «пойманников»[112] — и кто действительно уклонился от призыва, или кто с просроченным паспортом, хотя бы даже и из другой губернии, или бессемейный подросток, — и за них получали зачётную квитанцию в пользу нанявшего их общества.

Но всё это — не восполняло недостачи рекрутов. И в 1852 добавилось ещё два распоряжения: одно — что за каждого *лишнего* сданного рекрута с общины списывается 300 руб. недоимки[113]; второе — «о "пресечении укрывательства евреев от воинской повинности", требовавшее сурово наказывать тех, кто бежал от рекрутчины, штрафовать те общины, в которых они укрываются, а вместо недостающих рекрутов брать на службу их родственников или руководителей общин, ответственных за своевременную поставку рекрутов. Пытаясь всеми способами избежать рекрутчины, многие евреи бежали за границу, уходили в другие губернии»[114].

Тут началась рекрутская вакханалия: ещё более ожесточились ловчики, а, напротив, здоровые и способные к труду бежали, укрывались, — и недоимка общин только росла. — Возникли и протесты-ходатайства от оседлой, производительной части: что если набор установится в одинаковом размере для «полезных» и для не имеющих производительного труда, то неоседлые всегда будут иметь возможность укрываться, а вся тягость падёт на полезных, и они будут приведены в расстройство и разорение[115].

Административные докручивания приводили к очевидной нелепости, уж не говоря о растущем напряжённом состоянии всего еврейского населения — да ещё перед предстоящим разбором.

Сам разбор, однако, — всё не начинался, из-за возникших затруднений, например — сомнений о ряде отраслей труда: «полезны» они или нет. Это вызвало напряжение петербургских канцелярий[116]. Государственный Совет

112 ЕЭ, т. 9, с. 243.
113 *Ю.Гессен*, т. 2, с. 115.
114 КЕЭ, т. 7, с. 323.
115 *Ю.Гессен*, т. 2, с. 114–118.
116 Там же, с. 112.

просил отсрочить разбор, пока не будут разработаны правила о цехах, Государь на отсрочку не соглашался. В 1851 опубликовали «Временные правила о разборе евреев», в 1852 — «особые правила о еврейских ремесленных цехах», в защиту их. — Еврейское население жило в большой тревоге, но, по свидетельству ген.-губернатора Юго-Западного края, уже и не верило, что разбор состоится [117].

И действительно: «разбор... не был осуществлён; еврейское население фактически не было разбито на разряды» [118]. — В феврале 1855 Николай I внезапно умер, и «разбор» навсегда прекратился.

Николай I в 50-е годы вообще занёсся в закрайней самоуверенности, наделал грубых промахов, нелепо втянувших нас в Крымскую войну против коалиции держав, — и в разгар её скоропостижно умер.

И вот, внезапная смерть Императора так же вызволила евреев в тяжёлую пору, как через столетие — смерть Сталина.

Тем завершилось первое 60-летие массового пребывания евреев в России. И надо признать, что такая древняя, пророщенная и сложно-переплетенная проблема — пришлась не по подготовке, не по уровню и прозорливости российских властей того времени. Но и: приписывать российским правителям ярлык «гонителей евреев» — это искривление их намерений и преувеличение их способностей.

---

[117] ЕЭ, т. 13, с. 274.

[118] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 118.

Глава 4 — В ЭПОХУ РЕФОРМ

К моменту вступления на престол Александра II уже столетие, как перезрел и неотклонно требовал своего разрешения в России — крестьянский вопрос. Но вдруг выступило, что с не меньшей настойчивостью требовал себе решения и вопрос еврейский — не столь давний в России, как застарелое и дикое крепостное право, и до сих пор не казавшийся столь масштабным для страны. (А отныне — весь XIX век насквозь, и в Государственной Думе до самого 1917 года, — вопросы еврейский и крестьянский будут то и дело оказываться смежны, состязаться, так они и переплетутся в соревновательной судьбе.)

А ещё принял трон Александр II в тяжёлой невылазности Крымской войны против соединённой Европы, в перекачливости трудного решения — выстаивать или сдаваться.

По новом воцарении «тотчас же раздались голоса в защиту еврейского населения» — и через несколько недель Государь распорядился: «уравнять евреев в отношении рекрутской повинности с прочим населением [и] прекратить приём малолетних рекрутов». (Вскоре затем отменён был и проект «разбора» евреев-мещан, значит и «все классы еврейского населения были уравнены в отношении рекрутской повинности».)[1] Это решение подтверждалось в коронационном манифесте 1856 года: «Рекрут из евреев принимать тех же лет и качеств, кои определены для рекрут из других состояний, и затем приём в рекруты малолетних евреев отменить»[2]. Тут же был вообще упразднён институт военных кантонистов, так что еврейские кантонисты моложе 20 лет, хотя бы и перешедшие в солдаты, возвращались к своим родителям. Отслужившие же полный срок нижние чины и их потомки получали право жить на всей

---

[1] Еврейская Энциклопедия (далее — ЕЭ): В 16-ти т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз–Ефрон, 1906–1913. Т.13, с. 373–374.

[2] ЕЭ*, т. 3, с. 163.

территории Российской Империи. (Они обосновывались там, где заставал их конец службы, и обычно прочными поселенцами, часто становились в новых местах основателями еврейских общин[3]. По усмешке истории и в форме исторического наказания: из тех осевших потомков кантонистов Россия и романовская династия получили и Якова Свердлова[4].)

В 1856, тем же манифестом, еврейскому населению «были прощены все [немалые] податные недоимки» прошлых лет. «Но уже в течение ближайших пяти лет» накопились новые недоимки в 22% от полагаемой подати[5].)

Шире того, Александр II выразил намерение решить еврейский вопрос — и в самом общем виде благоприятно. Для этого кардинально менялась вся постановка его. Если при Николае I правительство ставило задачу — сперва реформировать еврейский внутренний быт, постепенно разряжая его через производительный труд и образование и так ведя к снятию административных ограничений; то при Александре II, напротив, правительство, начало с быстрого снятия внешних стеснений и ограничений, не доискиваясь до возможных внутренних причин еврейской замкнутости и болезненности, надеясь, что тогда сами собой решатся и все остальные проблемы; начало «с намерением слияния сего народа с коренными жителями страны», как сказано было в высочайшем повелении 1856[6].

Для того в 1856 был учреждён ещё новый «Комитет по устройству быта евреев» (уже седьмой по счёту комитет по еврейским делам, но никак не последний). Председатель его, всё тот же граф Киселёв, докладывал Государю, что «цели слияния евреев с общим населением» — «препятствуют разные ограничения, временно установленные, которые в соединении с общими законами содержат в себе многие противоречия и порождают недоумения», на что Госу-

---

[3] ЕЭ, т. 11, с. 698; *Ю. Гессен*. История еврейского народа в России*: В 2-х т. Т. 2, Л., 1927, с. 160.

[4] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ): 1976 — ... [продолж. изд.]. Т. 4, Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1988, с. 79.

[5] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 183.

[6] *М. Ковалевский*. Равноправие евреев и его враги // Щит*: Литературный сборник / Под ред. Л Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. 3-е изд., доп., М.: Русское Общество для изучения еврейской жизни, 1916, с. 117–118.

дарь и повелел: «Пересмотреть все существующие о евреях постановления для соглашения с общими видами слияния сего народа с коренными жителями, поколику нравственное состояние евреев может сие дозволить», то есть «приписываемые им фанатизм и экономическая вредоносность»[7].

Нет, не впустую прошли в России ни Герцен с «Колоколом», ни Белинский с Грановским, ни Гоголь (ибо и он, хотя не имея такой цели, действовал в том же направлении, что и они). Под корою сурового николаевского царствования накоплялась потребность решающих реформ, и силы к ним, и люди к ним, и, поразительно: просвещённых высоких государственных сановников свежие проекты коснулись даже действеннее, чем нечиновных членов образованного общества. Немедленно сказалось это и на вопросе еврейском. И министры внутренних дел (поочерёдно Ланской, Валуев), и генерал-губернаторы Западного и Юго-Западного краёв то и дело представляли Государю соображения, которыми он весьма интересовался. «Частичные улучшения в правовом положении евреев проводились правительством, по его собственной инициативе, под непосредственным наблюдением Государя»[8], — и прикладывались к общим освободительным реформам, касавшимся и евреев наряду с остальным населением.

В 1858 новороссийский генерал-губернатор Строганов предложил и безотлагательное, единовременное и полное уравнение евреев во всех правах, — но Комитет, теперь под председательством Блудова, замялся, оказался не готов к такой мере и (1859) указывал для сравнения, что «в то время как западно-европейские евреи по первому приглашению правительства стали посылать своих детей в общие школы и сами более или менее обратились к полезным занятиям, русскому правительству приходится бороться с предрассудками и с фанатизмом евреев», а поэтому «уравнение евреев в правах с коренными жителями не может иначе последовать, как постепенно, по мере распространения между ними истинного просвещения, изменения их внутренней жизни и обращения их деятельности на полезные занятия»[9].

---

[7] ЕЭ, т. 1, с. 812–813.

[8] Там же, с. 808.

[9] Там же, с. 814–815; *Ю. Гессен**, т. 2, с. 147–148.

В Комитете получили развитие и доводы против равноправия: что рассматриваемый вопрос — не столько еврейский, сколько русский; что опрометчиво было бы открывать полное равноправие евреям прежде, чем будет поднят образовательный и культурный уровень населения русского, чья тёмная масса не сможет отстоять себя перед экономическим напором еврейской сплочённости; что евреи стремятся совсем не к слиянию с гражданами страны, а к получению всех гражданских прав при сохранении своей обособленности и спаянности, какой нет между русскими.

Однако эти голоса не получили влияния. Ограничения с евреев снимались одно за другим. В 1859 был снят запрет 1835 года: евреям брать в аренду или в управление населённые помещичьи земли. (А тем самым — и право распоряжаться крестьянами, правда и раньше «в отдельных случаях запрет... втайне наруша[л]ся». Впрочем, после 1861 оставшиеся у помещиков земли уже не могли считаться «населёнными».) Нынешнее изменение имело целью и «облегчить помещикам возможность открыто обращаться за помощью к евреям» в связи с упадком помещичьего хозяйства, но и «чтобы несколько расширить пред евреями ограниченное поле экономической деятельности». Теперь евреи могли эти земли арендовать и поселяться на них, но не приобретать в собственность[10]. Как раз в Юго-Западном крае «в руках некоторых евреев... сосредоточились капиталы, которые могли бы быть обращены на покупку земель... давать же им [помещикам] свои капиталы под залог имений евреи отказывались, раз такие имения не могли быть ими в случае необходимости приобретены». Вскоре в пределах черты оседлости евреи получили право землю у помещиков и покупать[11].

С развитием железных дорог и пароходства упадал такой еврейский промысел, как содержание постоялых дворов и почтовых станций. — Также и от новых либеральных таможенных тарифов 1857 и 1868, понижавших пошлины на ввозимые в Россию товары, сразу резко упали «выгоды контрабандного промысла»[12].

---

[10] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 163.

[11] Там же, с. 164.

[12] Там же, с. 161–162.

В 1861 же был отменён запрет евреям брать на откуп отдельные доходы с имений. В том же 1861 была отменена система казённых откупов и откупов винных. Это оказалось большим ударом для крупного еврейского предпринимательства. «Откупщик и подрядчик, у евреев, — синонимы богачей»; теперь, пишет Оршанский, только вспоминать могли «время Крымской войны, когда подрядчики, благодаря гибкой совести и своеобразному взгляду на казну в известных сферах, наживали миллионы»; «тысячи евреев жили и наживались под благодатным крылышком откупов», — теперь же стал соблюдаться казённый интерес и подряды стали мало выгодны. — И «торговля питьями» стала «далеко не так выгодна, как... при... откупной систем[е]» [13].

Правда теперь, когда в винном промысле вместо откупной системы вводилась акцизная, для евреев не было установлено специальных ограничений: и продажу питей и аренду винокуренных заводов они могли в местах своей оседлости производить на общих основаниях [14]. — И евреи правом аренды, а также и приобретения, широко воспользовались в последующее 20-летие: к 80-м годам в губерниях черты оседлости евреям принадлежало от 32% до 76% винокуренных заводов и почти все они имели «характер крупно-промышленный» [15]. А в Юго-Западном крае уже к 1872 в аренде у евреев находилось 89% всех винокуренных заводов [16]. — С 1863 евреям было разрешено винокурение в Западной и Восточной Сибири (ибо «замечательнейшие специалисты по части винокурения почти исключительно принадлежат к числу евреев»), а с 1865 евреям-винокурам разрешено проживать повсеместно [17].

Что же касается виноторговли в деревнях, то треть всего еврейского населения «черты» к началу 80-х годов жила в деревнях, по две-три семьи в каждой деревне [18],

---

[13] *И. Оршанский.* Евреи в России: Очерки и исследования. Вып. 1, СПб., 1872, с. 10–11.

[14] *В.Н. Никитин.* Евреи земледельцы: Историческое, законодательное, административное и бытовое положение колоний со времени их возникновения до наших дней. 1807–1887. СПб., 1887, с. 557.

[15] ЕЭ, т. 5, с. 610–611.

[16] ЕЭ, т. 13, с. 663.

[17] ЕЭ*, т. 5, с. 622.

[18] *Ю. Ларин.* Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л.: ГИЗ, 1929, с. 49.

как остатки корчемства. — В 1870 в официальном правительственном сообщении говорилось, что «питейная торговля в Западном крае почти исключительно сосредоточилась в руках евреев и злоупотребления, встречающиеся в этих заведениях, выходят из всяких границ терпимости»[19]. И — потребовано было от евреев, чтобы они производили питейную торговлю *только из собственных домов*. Смысл этого требования поясняет Г.Б. Слиозберг: в малороссийских деревнях, то есть вне наследия польских порядков, у помещиков не было права производить торговлю вином — а значит, и евреи не могли его у них перекупить. Но нельзя было евреям купить и клочка крестьянской земли; поэтому евреи арендовали крестьянские дома и вели питейную торговлю из них. Когда запретили такую виноторговлю не из собственных домов — запрет часто обходился путём «подымённой» торговли: фиктивный патент на питейное заведение давался христианину, а еврей якобы служил у него лишь «сидельцем»[20].

Также и «карательная статья» (по выражению Еврейской энциклопедии), то есть наказание, сопровождающее запрет личного найма евреями христиан в услужение, с 1865 была отменена как «несогласн[ая] с общим духом принимаемых мер терпимости». И «многие еврейские семьи... с конца 60-х годов, стали нанимать христианскую прислугу»[21].

К сожалению, характерно для многих историков еврейства в России: если вчера на отвоевании какого-то права были заострены вся борьба и внимание, а сегодня то право добыто, — то оно уже сочтено и мелочью. О «двойной подати» евреев сказано столько, будто она существовала века, а не была наложением нескольких лет, к тому же никогда и не собираема реально. — Положение 1835, в своё время встреченное евреями с облегчением, уже обозначается С. Дубновым, к рубежу XX в., как «хартия бесправия». — Будущему революционеру Льву Дейчу, в 60-е годы ещё, по малолетству, верноподданному, виделось так, что администрация «не проводила строго некоторых существенных... ограничений в... правах» евреев, «сквозь пальцы смотрела

---

19 *Оршанский*, с. 193.

20 *Г.Б. Слиозберг*. Дела минувших дней: Записки русского еврея: В 3-х т. Париж, 1933–1934. Т. 1, с. 95.

21 ЭЭ*, т. 11, с. 495.

на... нарушения», «в шестидесятых годах евреям в общем жилось в России недурно... ни в ком из моих сверстников-евреев я не замечал выражения угнетённого состояния, придавленности и отчуждённости» от своих товарищей-христиан [22]. Но, с революционным достоинством, спохватывается и называет «в сущности незначительны[ми] облегчения[ми]» всё, что было дано евреям при Александре I, тут же не упуская и зарубки: «преступления Александра II», хотя, по его мнению, всё же убивать этого царя не следовало [23]. — А из середины XX века уже видится и так: весь XIX век создавались комитеты и комиссии для пересмотра еврейских правоограничений и «приходили к выводу, что существующие правоограничения не достигают своей цели и должны быть... упразднены... Но *ни один* из выработанных Комитетами проектов... не получил осуществления» [24].

Изжито, забыто, и пиво не в честь.

После первых льгот Александра II главным ограничением евреев, которое ощущалось всего острей, — стала черта оседлости. «Едва только появилась надежда на возможность грядущих общегосударственных реформ, едва только повеяло первым дыханием ожидаемого обновления государственной жизни, как в среде еврейской интеллигенции возникло смелое намерение поднять вопрос об уничтожении черты оседлости» [25]. — Но ещё свежа была и в еврейской памяти идея «разбора», возлагания повинностей на неоседлых и не ведущих производительного труда, — и в слое евреев, кто, «по своему общественному положению и по роду своей деятельности, могли вступать в более близкое соприкосновение с центральной властью», в «групп[е] еврейских купцов, петербургских и иногородних» [26], родилось в 1856 ходатайство к Государю «с просьбой о даровании льгот не всему еврейскому населению, а лишь отдельным категориям», молодому поколению, «воспитанно[му] в духе и под надзором правительства», «высшему купечеству», «добросо-

22 *Л. Дейч.* Роль евреев в русском революционном движении. Т. 1, 2-е изд., М.; Л.: ГИЗ, 1925, с. 14, 21–22.

23 Там же, с. 28.

24 *А.А. Гольденвейзер.* Правовое положение евреев в России // [Сб.] Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до Революции 1917 г. (далее — КРЕ-1). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960, с. 119.

25 *Ю. Гессен,* т. 2, с. 143.

26 ЕЭ, т. 1, с. 813.

вестны[м] ремесленник[ам], добывающи[м] хлеб свой в поте лица», чтобы они были «отличены правительством бо́льшими правами от тех, которые ничем ещё не засвидетельствовали об особенной своей благонамеренности, пользе и трудолюбии... Ходатайство наше состоит в том, чтобы Милосердный Монарх пожаловал нас и, отличая пшеницу от плевел, благоволил, в виде поощрения к добру и похвальной деятельности, предоставить некоторые, умеренные, впрочем, льготы достойнейшим, образованнейшим из нас»[27]. (При всех возбуждённых надеждах — и они ещё не могли представить, как быстро пойдут изменения в положении евреев, — а в 1862 часть авторов этой записки сможет просить уже «о предоставлении равноправия всем окончившим среднее учебное заведение», ибо гимназисты «не могу[т], конечно, не считаться людьми, получившими европейское образование»[28].)

Да и «царь принципиально не был противником нарушения законов о черте оседлости в пользу отдельных групп еврейского населения». В 1859 право жительства по всей России получили евреи-купцы 1-й гильдии (с 1861 в Киеве — также 2-я гильдия, в Николаеве, Севастополе, Ялте — все три гильдии)[29] — с правом устройства фабричных заведений, подрядов и приобретения недвижимости. — Уже раньше имели право повсеместного жительства доктора и магистры наук (с занятием постов на государственной службе; тут можно отметить профессора медицины Г.А. Захарьина, которому в будущем предстояло вынести летальный приговор по болезни Александра III). С 1861 это право предоставили и «кандидатам университет[ов]», то есть просто окончившим их[30], также и «лицам свободных профессий»[31]. Ограничения чертою оседлости не распространялись отныне и «на лиц, желающих получить высшее образование... именно на лиц, поступающих в медицинскую акдемию, университеты и технический институт»[32]. — Затем в результате ходатайств отдельных министров, губер-

---

[27] *Ю.Гессен**, т. 2, с. 144–145; ЕЭ, т. 1, с. 813.

[28] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 158.

[29] Там же, с. 144, 154–155.

[30] ЕЭ, т. 1, с. 817.

[31] КЕЭ, т. 4, с. 255.

[32] См.: *М.Ковалевский* // Щит, с. 118.

наторов, а также влиятельных еврейских купцов (Евзель Гинцбург) — с 1865 вся территория России, включая и Петербург, была открыта для евреев-ремесленников — однако лишь до того времени, пока таковой реально занимается своим ремеслом. (Понятие ремесленников затем расширялось на техников всех видов, наборщиков, типографских рабочих.)[33]

Следует при этом иметь в виду, что купцы переселялись с приказчиками, конторщиками, разными подручными и еврейской обслугой, ремесленники — также с подмастерьями и учениками. Всё вместе это составляло уже заметный поток. Таким образом, еврей, получивший право жительства вне черты, был свободен переезжать отнюдь не только с семьёй.

Новые разрешения обгонялись и новыми ходатайствами. В 1861 сразу же за «кандидатами университетов» генерал-губернатор Юго-Западного края просил дать выход из черты также и окончившим казённые еврейские училища, то есть неполные средние заведения, живо описывая состояние выпускников: «Молодые люди, выходя из заведений, видят себя совершенно оторванными от еврейских обществ... Не находя среди своих обществ занятий, сообразных с полученным ими образованием, они привыкают к праздности и нередко роняют в глазах общества образование, коего они являются недостойными представителями»[34].

В том же году министры внутренних дел и просвещения согласно заявили, «что важнейшая причина бедственного положения евреев таится в ненормальном количественном соотношении между ними, являющимися преимущественно торгово-промышленным элементом, и остальной земледельческой массой», и вот, благодаря этому, «крестьяне неизбежно делаются жертвою евреев, будучи как бы обязаны отдавать часть своих средств на их содержание». Но и внутренняя конкуренция ставит евреев «почти в невозможность снискивать себе законными путями средства к существованию». И поэтому надо «предоставить право повсеместного жительства купцам» 2-й и 3-й гильдий, а также окончившим курс средних учебных заведений[35].

---

[33] ЕЭ, т. 1, с. 818; т. 11, с. 458–459; т. 14, с. 841.

[34] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 150.

[35] Там же*, с. 148.

А новороссийский генерал-губернатор в 1862 снова просил «полного уничтожения черты оседлости»: начать «с предоставления права повсеместного жительства *всему* [еврейскому] народу» [36].

Никак не с таким темпом, но текли своей чередой частные разрешения повсеместного жительства. С 1865 разрешён приём евреев в должности военных врачей, а вслед за тем (1866, 1867) евреям-врачам была разрешена служба по министерствам народного просвещения и внутренних дел [37]. — С 1879 — и фармацевтам, и ветеринарам, также и «приготовляющимся к соответствующему роду деятельности» [38], также и акушеркам и фельдшерам, и «желающим учиться фельдшерскому искусству» [39].

Наконец в 1880 последовал указ министра внутренних дел (Макова): вне черты оседлости оставить на жительство всех тех евреев, кто поселился там незаконно [40].

Сюда уместно добавить: в 60-е годы «евреи-юристы... при отсутствии тогда института адвокатуры, без всяких затруднений устраивались на государственной службе» [41].

Послабления коснулись и пограничной черты. — В 1856, когда, по Парижскому трактату, российская государственная граница отступила, приблизилась к Кишинёву и Аккерману, из новообразованной так пограничной полосы евреев теперь не выселяли. А в 1858 «были окончательно отменены указы Николая I, предписывавшие евреям покинуть 50-вёрстную приграничную полосу» [42]. — С 1868 был разрешён (прежде формально, хотя и не строго запрещённый) переход евреев из западных губерний России в Царство Польское и обратно [43].

Наряду с официальными послаблениями в правоограничениях существовали исключения и обходы правил. Например в столице, Петербурге, «несмотря... на запреты,

---

[36] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 150.

[37] Там же, с. 169.

[38] Там же, с. 208.

[39] ЕЭ, т. 15, с. 209; т. 1, с. 824.

[40] Пережитое: Сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России. Т. II, СПб., 1910, с. 102.

[41] *Слиозберг*, т. 1, с. 137.

[42] КЕЭ, т. 7, с. 327.

[43] ЕЭ, т. 1, с. 819.

евреи всё же водворялись на продолжительные сроки»; а «с воцарением Александра II... число евреев в Санкт-Петербурге начинает быстро возрастать. Появляются капиталисты, посвящающие значительное внимание организации общины» еврейской тут, «как, например, барон Гораций Гинцбург... Л. Розенталь, А. Варшавский и др»[44]. К концу царствования Александра II российским Государственным секретарём состоял Е.А. Перетц (внук откупщика Абрама Перетца). — В 60-х годах XIX в. «Петербург стал стягивать к себе немало представителей торгово-промышленных и интеллигентных [кругов] еврейства»[45]. — По данным Комиссии по устройству быта евреев, в 1880–81: в Петербурге официально числилось 6290 евреев[46], по другим официальным данным — 8993, а по «местной переписи» от 1881 года — 16826, около 2% от общего населения[47].

В Москве в 1856 была отменена обязательность жительства приезжих купцов-евреев только в Глебовском подворьи, которое «было упразднено... евреям разрешили останавливаться в любом районе города. При Александре II... еврейское население Москвы стало быстро расти», к 1880 — около 16 тысяч[48].

Сходно и в Киеве. После 1861 «начался быстрый рост еврейского населения Киева» (от полутора тысяч в 1862 до 81 тыс. к 1913). С 80-х годов наблюдался наплыв в Киев евреев. «Несмотря на частые полицейские облавы, которыми славился Киев, численность его еврейского населения намного превосходила официальные данные... К концу 19 в. евреи составляли 44% киевского купечества»[49].

«Важнейшим» называет Ю.И. Гессен «предоставление права повсеместного жительства (1865 г.) ремесленникам». Правда, была заминка с их переездом. Ведь так скученные, так стеснённые, настолько лишённые рынка сбыта и заработка — почему же они «почти не воспользовались

[44] ЕЭ, т. 13, с. 943–944.

[45] *И.М. Троцкий.* Самодеятельность и самопомощь евреев в России (ОПЕ, ОРТ, ЕКО, ОЗЕ, ЕКОПО) // КРЕ-1, с. 471.

[46] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 210.

[47] ЕЭ, т. 13, с. 947; КЕЭ, т. 4, с. 770.

[48] КЕЭ, т. 5, с. 473.

[49] КЕЭ, т. 4, с. 255.

правом выхода из черты оседлости»? К 1881 в 31 внутренней губернии евреев-ремесленников считалось всего 28 тысяч (а евреев вообще — 34 тысячи). Гессен объясняет этот парадокс так: зажиточные ремесленники не нуждались искать новые места, нищенствующие — не имели средств для переезда, а средняя группа, «кое-как перебивавшаяся изо дня в день, не терпя особой нужды», опасалась, что после их отъезда старая их община, в налоговых соображениях, откажется им потом продлить годовой паспорт или даже «потреб[ует] возвращения выселенц[ев] домой"[50].

Но можно сильно усумниться в самой статистике. Мы только что прочли, что в одном Петербурге евреев было по крайней мере в два раза больше, чем по официальным данным. Учитывалось ли ртутно-подвижное еврейское население медлительным российским аппаратом — в определённое время и во всех местах?

А росло еврейское население России — уверенно и быстро. В 1864 без Польши оно составляло 1,5 миллиона[51]. — А вместе с Польшей было: в 1850 — 2 млн. 350 тыс., в 1880 — уже 3 млн. 980 тыс. От первичного около милионного населения при первых разделах Польши — до 5 млн. 175 тыс. к переписи 1897, — то есть за столетие выросло больше, чем в *пять* раз. (В начале XIX в. российское еврейство составляло 30% мирового, в 1880 — уже 51%.)[52]

Это — крупное историческое явление, не осмысленное привременно ни русским обществом, ни российской администрацией.

Только один этот быстрый численный рост, без всех остальных сопутствующих особенностей еврейского вопроса, — уже ставил перед Россией большую государственную проблему. — И тут необходимо, как и всегда во всяком вопросе, постараться понять обе точки зрения. При таком экстра-росте российского еврейства — всё настоятельнее сталкивались две национальные нужды. Нужда евреев (и свойство их динамичной трёхтысячелетней жизни): как можно шире расселиться среди иноплеменников, чтобы

[50] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 159–160, 210.

[51] Там же, с. 159.

[52] *Б.-Ц.Динур*. Религиозно-национальный облик русского еврейства // КРЕ-1, с. 311–312.

как можно большему числу евреев было бы доступно заниматься торговлей, посредничеством и производством (затем — и иметь простор в культуре окружающего населения). — А нужда русских, в оценке правительства, была: удержать нерв своей хозяйственной (затем — и культурной) жизни, развивать её самим.

Одновременно же со всеми этими частными полегчаниями для евреев, не забудем, по России ступали одна за другой и всеобщие освободительные реформы Александра II, тем расширяя свою сень и на евреев. Например, в 1863 была отменена подушная подать с городского населения, а значит — и с главной части еврейской массы, остались только земские повинности, евреи покрывали их из коробочного сбора[53].

Но как раз самая крупная из тех александровских реформ, самая исторически значимая, поворотный пункт в русской истории — освобождение крестьян, отмена крепостного права в 1861, — оказалась для российских евреев весьма невыгодной, а для многих и разорительной. «Общие социально-экономические перемены, происшедшие в связи с отменой крепостной зависимости крестьян... значительно ухудшили в тот переходный период материальное положение широких еврейских масс»[54]. — *Социальная* перемена была в том, что переставал существовать многомиллионный, бесправный и лишённый подвижности класс крестьянства, отчего падало в сравнительном уровне значение личной свободы евреев. А *экономическая* — в том, что «освобождённый от зависимости крестьянин... стал меньше нуждаться в услугах еврея», то есть освободился от строгого запрета вести и весь сбыт своих продуктов и покупку товаров — иначе чем через назначенного посредника (в западных губерниях почти всегда еврея). И в том, что помещики, лишившись дарового крепостного труда, теперь, чтобы не разориться, «были вынуждены лично заняться своим хозяйством, в котором ранее видная роль принадлежала евреям как арендаторам и посредникам в многообразных торгово-промышленных делах»[55].

[53] ЕЭ, т. 12, с. 640.

[54] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 161.

[55] Там же.

Отметим, что вводившийся в те годы поземельный кредит вытеснял еврея «как организатора финансовой основы помещичьего быта»[56]. Развитие потребительных и кредитных ассоциаций вело к «освобождению народа от тирании ростовщичества»[57].

Интеллигентный современник передаёт нам в связи с этим тогдашние еврейские настроения. Хотя евреям открыт доступ к государственной службе и к свободным профессиям, хотя «расширены... промышленные права» евреев, и «больше средств к образованию»; и «чувствуется... в каждом... уголку» «сближение... между еврейским и христианским населением»; хотя остающиеся «ограничения... далеко не соблюдаются на практике с таким рвением», и «исполнители закона относятся теперь с гораздо бóльшим уважением к еврейскому населению», — однако положение евреев в России «в настоящее время... в высшей степени печальное», евреи «не без основания сожалеют» о «добром старом времени», везде в черте оседлости слышатся «сожаления [евреев] о прошедшем». Ибо при крепостном праве имело место «необыкновенное развитие посредничества», ленивый помещик без «еврея-торгаша и фактора» не мог сделать шагу, и забитый крестьянин тоже не мог обойтись без него: только через него продавал урожай, у него брал и взаймы. «Промышленный класс» еврейский «извлекал прежде огромные выгоды из беспомощности, расточительности и непрактичности землевладельцев», а теперь помещик схватился всё делать сам. Также и крестьянин стал «менее уступчив и боязлив», часто и сам достигает оптовых торговцев, меньше пьёт, и это «естественно отзывается вредно на торговле питьями, которой питается огромное число евреев». И автор заключает пожеланием, чтобы евреи, как и случилось в Европе, «примкнули к производительным классам и вовсе не оказались излишними в народной экономии»[58].

Теперь евреи развили аренду и покупку земель. В докладных записках сперва (1869) новороссийского ген.-губернатора с просьбой запретить и там евреям покупать землю, как уже запрещено в 9 западных губерниях, затем (1872) в записке ген.-губернатора Юго-Западного края пи-

[56] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 161.

[57] *Оршанский*, с. 12.

[58] Там же, с. 1–15.

салось, что «евреи арендуют землю не ради сельско-хозяйственных занятий, а только в промышленных целях; арендованные земли они отдают крестьянам не за деньги, а за известные работы, превышающие ценность обыкновенной платы за землю, "устанавливая своего рода крепостную зависимость"». И хотя «капиталами своими они несомненно оживляют, как и торговлею, сельское население» — ген.-губернатор «не считал полезным соединение промышленности и земледелия в одних сильных руках, так как только при свободной конкуренции земледелия и промышленности крестьяне могут избегнуть "обременительного подчинения их труда и земли еврейским капиталам, что равносильно неминуемой и скорой материальной и нравственной их гибели"». Однако полагая положить предел найму евреями земель у себя в крае, он предлагал: «дать евреям возможность расселиться по великороссийским губерниям»[59].

Записка поступила в как раз тогда созданную «Комиссию по устройству быта евреев» (8-ю в ряду «еврейских комитетов»), весьма сочувственную к положению евреев, и получила отрицательный отзыв, затем утверждённый и правительством: запрет еврейской аренды был бы «полным правонарушением» по отношению... к помещикам. К тому же крупный еврей-арендатор «по своим интересам становится вполне солидарным с интересами остальных землевладельцев... Правда, что евреи-пролетарии группируются около крупных арендаторов и живут на счёт труда и средств сельского населения. Но то же самое видно и в имениях, управляемых местными помещиками, которые до сего времени не могут обходиться без помощи евреев»[60].

Однако в области Войска Донского стремительное экономическое продвижение евреев было ограничено запретом (1880) содержать в собственности или аренде недвижимые имущества. Областное правление нашло, что, «в виду исключительного положения Донской области, казачье население которой обязано поголовно воинской повинностью, [это] единственный и верный способ спасти хозяйство казаков и только что начинающие водворяться в области промыслы и торговлю от разорения», ибо «слишком поспешная эксплуатация местных богатств и быстрое развитие про-

[59] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 224–225.
[60] ЕЭ, т. 3, с. 83–84.

мышленности... сопровождаются обыкновенно чрезвычайно неравномерным распределением капитала, быстрым обогащением одних и обеднением других. Между тем казаки должны обладать достатком, так как отбывают воинскую повинность на собственных лошадях и с собственным снаряжением»[61]. И этим — предотвращён был возможный казачий взрыв.

А как дела с отбыванием рекрутской повинности евреями после александровских полегчаний 1856? — Для 60-х годов картина такая: «Когда получается Высочайший манифест о рекрутском наборе и евреи успевают проведать о нём, то прежде, чем манифест обнародуется установленным порядком, все члены еврейских семейств, годные к военной службе, разбегаются из своих жилищ в разные стороны...» По требованиям веры, по «отсутстви[ю] товарищества и вечн[ой] обособленност[и] еврейского солдата... военная служба представлялась для евреев самою грозною, самою разорительною и самою тягостною из всех повинностей»[62]. Хотя с 1860 была дозволена служба евреев и в гвардии, с 1861 — производство в унтер-офицеры, приём в писари[63], — но не было доступа к чинам офицерским.

И.Г. Оршанский, свидетель тех 60-х годов, констатирует: «Правда, есть много данных, подтверждающих мнение, что евреи, действительно, в последние годы не отправляют рекрутской повинности натурой. С этой целью они покупают и представляют в казну старые рекрутские квитанции», — иные крестьяне хранили их даже с 1812 и не знали им цены, еврейская находчивость привела их в движение; ещё — «нанимают охотников» вместо себя, «вносят в казну известную сумму». «А также стараются разделить семейства на меньшие единицы», — таким путём в каждой семье использовать льготу «единственных сыновей» (освобождаемых от военной службы). Однако, замечает он, «все уловки для уклонения от рекрутчины... встречаются и в чистокровной русской земщине», и даёт цифры по Екатеринославской губернии. И даже удивляется, что русские крестьяне и за высокую плату не остаются на военной службе, а

[61] ЕЭ*, т. 7, с. 301–302.

[62] *Слиозберг*, т. 2, с. 155–156.

[63] ЕЭ, т. 3, с. 164.

хотят «вернуться к излюбленному занятию русского народа — земледелию»[64].

В 1874 рекрутскую повинность заменил единый устав о всеобщей воинской повинности, принесший евреям «значительное облегчение». «В самом тексте устава не содержалось каких-либо статей, дискриминирующих евреев»[65]. Впрочем, после военной службы евреям отныне не разрешалось оставаться на жительстве во внутренних губерниях. Были выработаны и правила, чтобы «привести в известность численность мужского еврейского населения», ибо оно оставалось в сильной степени неопределённым, не учтённым. Начальникам губерний рассылались «сведения о злоупотреблениях евреев с целью уклонения от воинской повинности»[66]. В 1876 приняты были первые «меры к ограждению правильного исполнения евреями воинской повинности»[67], Еврейская энциклопедия видит в них «тяжёлую сеть репрессивных мер»: «были изданы правила о приписке евреев к призывным участкам, о замене неспособных к службе евреев евреями же», и о проверке правильности льгот по семейному составу: при нарушении этих правил «разрешалось призывать... единственных сыновей»[68].

Привременная петербургская, влиятельная в те десятилетия газета «Голос» приводит такую официальную правительственную, довольно поразительную цифру, опубликованную «в отчёте об исполнении призыва новобранцев в 1880 году... Недобрано новобранцев всего [по Российской империи] 3309; в этом общем итоге недобора евреев значится 3054, что составляет 92%»[69].

Недоброжелательный к евреям А. Шмаков, известный адвокат, приводит со ссылкой на "Правительственный Вестник" такие данные: за период 1876–1883: «из 282.466 подлежавших призыву *евреев* не явилось 89.105, т.е. 31,6%». (Общий недобор по Империи был — 0,19%.) — Администрация не могла этого не заметить и был проведен ряд «мероприятий к устранению такого злоупотребления».

64 *Оршанский*, с. 65–68.
65 КЕЭ, т. 7, с. 332.
66 ЕЭ, т. 1, с. 824.
67 ЕЭ*, т. 3, с. 164.
68 ЕЭ, т. 1, с. 824; КЕЭ, т. 7, с. 332.
69 Голос, 1881, № 46, 15(27) февр., с. 1.

Это дало эффект, но ближний. В 1889 подлежали призыву 46.190 евреев, не явились 4.255, т.е. 9,2%. Но в 1891 «из общего числа 51.248 евреев, занесенных в призывные списки, уклонил[и]сь от воинской повинности... 7.658, или 14,94% — в то время, когда процент неявившихся христиан едва достигал 2,67%». — В 1892 не явилось: евреев — 16,38%, христиан — 3,18%. — В 1894 не явилось к призыву 6.289 евреев — то есть 13,6% (при общем проценте неявки призывников — 2,6%)[70].

Однако из этого же материала по 1894 видим: «всего же подлежало отбытию повинности: 873.143 христианина, 45.801 еврей, 27.424 магометанина и 1.311 язычников». Сравнение этих цифр тоже поражает: ведь в России магометан было (по счёту от 1870) — 8,7%, а их состав в призыве был лишь 2,9%! Евреи поставлены в невыгодное положение и сравнительно с магометанами, и с общей массой населения: их доля призыва — 4,8%, а доля в населении (на 1870 г.) — 3,2%. (Христианская же доля призыва 92%, а в населении — 87%.)[71]

Из всего тут сказанного не следует заключить, что в тогдашнюю, 1877–78, турецкую войну солдаты-евреи не проявили храбрости и боевой находчивости. Убедительные примеры того и другого приводил в то время журнал «Русский еврей»[72]. Впрочем, в ту войну в армии развилось большое раздражение против евреев, главным образом из-за бесчестных подрядчиков-интендантов — а «таковыми были почти исключительно евреи, начиная с главных подрядчиков Компании Горовиц, Грегер и Каган»[73]. Интенданты поставляли (надо думать — при высокочиновных покровителях) по вздутым ценам недоброкачественное снаряжение, знаменитые «картонные подошвы», из-за которых отмораживали ноги солдаты на Шипке.

В эпоху Александра II заканчивался — неудачею — полустолетний замысел привязать евреев к земледелию.

После отмены в 1856 еврейского усиленного рекрутства — земледелие «сразу потеряло всю притягательную свою силу» для ев-

---

70 *А.Шмаков.* «Еврейские» речи. М., 1897, с. 101–103.

71 Энциклопедический словарь: В 82-х т. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1890–1904. Т. 54,1899, с. 86.

72 ЕЭ, т. 3, с. 164–167.

73 *Слиозберг*, т. 1, с. 116.

реев или, словами государственного чиновника, произошло «ложно[е] толковани[е] ими манифеста, по которому они считали себя свободными от обязательного занятия земледелием» теперь, — и могли свободно отлучаться. «Почти совершенно прекратились и самые ходатайства евреев о переселении их в земледельцы» [74].

Состояние же колоний существовавших — оставалось всё тем же, если не хуже: «поля... вспаханы и засеяны точно на смех, или только для вида». Вот, в 1859 «некоторые колонии не выбрали даже посеянного зерна». Для скота и в новейших «образцовых» колониях всё так же нет не только хлевов, но даже навесов, загонов. — Большýю часть земель евреи-колонисты всё время отдают в наём на сторону, в аренду — крестьянам или немецким колонистам. — Многие просят разрешения нанимать в работники христиан, а иначе грозят ещё сократить посевы, — и признано было за ними такое право, даже и независимо от величины реального посева [75].

Конечно, образовалось среди колонистов сколько-то и зажиточных земледельцев, успешно занимавшихся своим хозяйством. Очень оправдывало себя приселение немецких колонистов, у кого перенимали опыт. И молодое, тут родившееся поколение было приимчивее к сельскому хозяйству и немецкому опыту, у них появлялось и «убеждение в выгодности земледельческого их положения, в сравнении с прежним в городах и местечках», в той тесноте и изнурительной конкуренции [76].

Однако несравнимое большинство стремилось прочь от земли. Всё те же инспекторские доклады становятся совсем монотонны: «Везде поражало общее нерасположение евреев к земледельческим работам, сожаление их о прежнем их занятии ремёслами, торгом и промыслами»; они проявляли «неутомимое усердие во всяких промышленных занятиях», например «среди самого разгара полевых работ... уходили с поля, узнав, что по соседству можно выгодно купить или продать лошадь, вола или что-либо другое»; пристрастие к «"мелочным торговым оборотам", требовавшим, по их "убеждению, меньшего труда и дававшим больше средств к жизни"», «более лёгк[ая] нажив[а] евреев в ближайших немецких, русских и греческих сёлах, в которых евреи-колонисты занимались шинкарством и мелким торгашеством». Но ещё ущербнее для состояния земли — уход в отлучки длительные и дальние: оставляют одного-двух членов семьи при домах в колониях, остальные — на заработки, на маклерство. А в 60-х годах (итог полустолетия от основания колоний) дозволено было отлучаться из колоний и полными семьями или одновременно многи-

74 *Никитин**, с. 448, 483, 529.

75 Там же*, с. 473, 490, 501, 506–507, 530–531, 537–538, 547–548, 667.

76 Там же, с. 474–475, 502, 547.

ми членами; в колониях числилось немало таких, кто в них никогда и не жил. Отпуская из колонии, часто не ставили срока приписки к сословию в новом месте и там «многие по несколько лет сряду оставались, с семействами, не приписанными ни к какому сословию, не несли никаких податей и повинностей». А в колониях выстроенные для них дома стояли пустые и приходили в упадок. С 1861 дано было евреям и право содержать питейные дома в колониях [77].

Наконец, петербургским властям вся идея еврейского земледелия проступила в окончательно безотрадном виде. Недоимки (прощаемые по разным государственным и тронным событиям, как, например, бракосочетание императора) — всё росли, и каждое прощение их только поощряло и впредь не платить податей и не возвращать ссуд. (В 1857 кончились очередные 10 лет льготы и отсрочек, добавили ещё 5 лет. Но и в 1863 не могли собрать долгов.) И для чего же было переселять? и для чего же давать льготы и ссуды? Вся эта 60-летняя эпопея с одной стороны открывала евреям-земледельцам временное «средство избежать исполнения государственных повинностей», но у подавляющего большинства не развило «охоты к земледельческому труду»; «успех не соответствовал расходам». Напротив, одно «простое дозволение проживать во внутренних губерниях, без всяких льгот, — привлекало в эти губернии несравненно бóльшее число евреев-переселенцев» — так настойчиво стремились они туда [78].

Если на 1858 формально числилось еврейских колонистов 64 тыс. душ, то есть 8–10 тысяч семей, то к 1880 министерство числило лишь 14 тысяч душ, меньше 2 тысяч семей [79]. А комиссии на местах, проверявшие, используется ли земля или лежит в небрежении, в 1872 во всём Юго-Западном крае обнаружили еврейских колонистов менее 800 семей [80].

С несомненностью видели теперь российские власти: образовать из евреев оседлых земледельцев — не удалось. Уже не верилось, чтобы «лелеянная надежда на процветание колоний осуществилась». Министру Киселёву было особенно трудно расстаться с этой мечтой, но в 1856 он ушёл в отставку. Один за другим гласили официальные документы: «переселение евреев для занятия земледелием "не сопровождалось благоприятными результатами"». — Между тем «огромное пространство плодоносной, чернозёмной земли оставалось в руках евреев без производительности». Ведь для еврейского населения была намечена и удерживалась лучшая земля. Та часть, какую временно сдавали в оброк желающим, давала большой доход (на него и содержались еврейские колонии): население

---

[77] *Никитин**, с. 502–505, 519, 542, 558, 632, 656, 667.

[78] Там же*, с. 473, 510, 514, 529–533, 550, 572.

[79] Там же, с. 447, 647.

[80] ЕЭ, т. 7, с. 756.

на Юге росло, все просили землю. Теперь и земля похуже, из резерва, сверх отведенной для еврейской колонизации, быстро росла в ценности[81]. Новороссийский край впитал уже много других деятельных поселенцев и «перестал нуждаться в искусственной колонизации»[82].

У еврейской колонизации не оставалось уже никакого государственного смысла.

И в 1866 Александр II утвердил: действие особых постановлений о перечислении евреев в земледельцы — остановить. Теперь стояла задача: как уравнять еврейских земледельцев с прочими земледельцами Империи. Еврейские колонии оказались неспособны к начавшейся повсюду самостоятельной земской жизни. Теперь оставалось — открыть им уход из земледельческого состояния, даже и раздробительно, не в полном составе семьи (1868), переход в ремесленники и в купцы. Разрешено было им и выкупать свои земельные наделы — и они выкупали, и перепродавали с большим барышом[83].

Однако, в споре разных проектов в министерстве государственных имуществ, вопрос о преобразовании еврейских колоний затянулся, затянулся и даже вовсе остановился к 1880. А между тем с новым воинским уставом 1874 г. для евреев-земледельцев отпали и рекрутские льготы — и ими окончательно был утерян последний интерес к земледелию. К 1881 «в колониях "преобладали усадьбы из одного только жилого дома, вокруг которого не было и признаков оседлости, т.е. ни изгороди, ни помещений для скота, ни хозяйственных построек, ни гряд[ок] для овощей, или хотя бы одного дерева или куста; исключений же было весьма немного"»[84].

Чиновник с 40-летним опытом по земледелию (статский советник Ивашинцев, посланный в 1880 для исследования состояния колоний) писал: во всей России «не было ни одного крестьянского общества, на которое столь щедро лились бы пособия» — и «пособия эти не могли оставаться тайною для крестьян и не могли не вызывать в них недоброго чувства». Соседние с еврейскими колониями крестьяне «"негодовали... что им... за недостатком у них земли, — приходилось арендовать, за дорогую цену, у евреев земли, дёшево отведенные последним от казны в количестве, фактически превышавшем действительную потребность". Этим именно обстоятельством объяснялось... "отчасти и то ожесточение крестьян против евреев-земледельцев, которое выразилось разорением нескольких еврейских селений"» (в 1881–82)[85].

---

81 *Никитин**, с. 478–479, 524, 529–533, 550–551.

82 ЕЭ, т. 7, с. 756.

83 *Никитин*, с. 534, 540, 555, 571, 611–616, 659.

84 Там же, с. 635, 660–666.

85 Там же*, с. 658–661.

В те годы работали комиссии, производившие отрезку крестьянам избыточной земли от еврейских поселений. Неиспользованные или заброшенные участки забирались правительством обратно. «В Волынской, Подольской и Киевской губерниях из 39.000 десятин осталось [под еврейским хозяйством] только 4.082» [86]. Но сохранились и весьма обширные еврейские земледельческие поселения. Вот Якшица в скудоземной Минской губ.: на 46 семей 740 десятин [87], то есть в среднем по 16 дес. на семью, что не часто встретишь у крестьян Средней России. — Вот Анненгоф Могилёвской губ., тоже не раздольной землями: в 1848 г. 20 еврейских семей получили каждая по 20 дес. казённой земли, но к 1872 обнаружено там только 10 семей, и большая часть земли не обработана, глохнет [88]. — Вот Вишенки Могилёвской губ. — по 16 дес. на семью [89], Ордыновщина Гродненской — по 12 дес. — А в южных губерниях тем естественней простор; в первоначальных поселениях сохранилось: в Большом Нагартаве — по 17 дес., в Сейдеменухе по 16, в Ново-Бериславе по 17. — В посёлке Роскошная Екатеринославской губ. — по 15 дес., но вместе с землёй «при колонии» получится по 42 дес. [90] — В Весёлой (к 1897) — по 28 дес. В Сагайдаке по 9 дес., — считалось малоземьем [91]. — А вот в Киевской губ. Элювка — еврейских семей 6, а десятин у них — 400, т.е. по 67 десятин на семью! И «земля в аренде у немцев» [92].

А у советского автора 20-х годов прочтём категоричное: «Царизм почти совершенно запрещал евреям заниматься земледелием» [93].

На страницах, обобщающих свой огромный кропотливый труд, исследователь еврейского земледелия В.Н. Никитин выводит: «Упрёки евреев в слабом прилежании к земледелию и в самовольных отлучках из колоний в города, для торговых и ремесленных занятий, совершенно справедливы... Мы отнюдь не отрицаем виновности евреев в том, что в течении 80 лет относительно малое число их сделалось земледельцами». Но — и приводит в оправдание ев-

86 ЕЭ, т. 7, с. 756.
87 ЕЭ, т. 16, с. 399.
88 ЕЭ, т. 2, с. 596.
89 ЕЭ, т. 5, с. 650.
90 ЕЭ, т. 13, с. 606.
91 ЕЭ, т. 5, с. 518; т. 13, с. 808.
92 ЕЭ, т. 16, с. 251.
93 *Ларин*, с. 36.

реев-земледельцев следующие соображения: «ни в чём им не доверяли; систему их колонизации меняли многократно», порой «направлять их жизнь уполномочивались люди, в земледелии ничего не смысливште или относившиеся к ним совершенно равнодушно... Евреи из независимых горожан попадали в деревни без всякой подготовки к жизни в ней»[94].

Примерно в то же время, в 1884, Н.С. Лесков в записке, предназначенной для ещё новой правительственной «комиссии Палена», указывал, что еврейская «отвычка от полевого хозяйства образована не одним поколением», эта отвычка «так сильна, что она равняется утрате способностей к земледелию», и еврей не станет снова пахарем, разве что постепенно[95].

(А Лев Толстой, по косвенной передаче его слов, судил так: что это за люди, «удерживающи[е] целый народ в тисках городской жизни и не дающи[е] ему возможности поселиться на земле и начать работать единственную, свойственную человеку земельную работу. Ведь это всё равно, что не давать этому народу дышать воздухом... кому может быть от этого плохо... что евреи поселятся в деревнях и заживут чистой трудовой жизнью, о которой, вероятно, уже истосковался этот старый, умный и прекрасный народ...»[96] — На каких облаках он жил? Что он знал о 80-летней практике этой земельной колонизации?)

Так-то так, однако после опыта освоения Палестины, где еврейские поселенцы почувствовали себя на Родине, они отлично справлялись с землёй, и в условиях куда неблагоприятней, чем в Новороссии. Все же попытки склонить или принудить евреев к хлебопашеству в России (и затем в СССР) окончились неудачей (и оттого унизительной легендой, что евреи вообще не способны к земледелию).

Итак, за 80 лет усилий российского правительства — вся эта колонизация была грандиозное, пустое дело: много усилий, масса средств, замедление развития Новороссии — и всё зря. Произведенный опыт показал, что не надо было и вообще затевать.

---

94 *Никитин*, с. xii–xiii.

95 *Н.С. Лесков*. Евреи в России: Несколько замечаний по еврейскому вопросу. Пд., 1919 [репринт с изд.1884], с. 61, 63.

96 Л.Н. Толстой о евреях / Предисл. О.Я. Пергамента. СПб.: Время, 1908, с. 15.

Характеризуя в общих чертах еврейское торгово-промышленное предпринимательство, И.Г. Оршанский справедливо писал, уже к началу 70-х годов: вопрос о еврейской промышленной деятельности есть даже «суть еврейского вопроса», от него «зависит судьба еврейского народа во всякой стране»; «живое, торговое, оборотливое еврейское племя», «пока рубль обернётся у русского 2 раза, он у еврея обернётся 5 раз». У русских купцов — застой, сонность, монополия (например, после изгнания евреев из Киева жизнь там вздорожала). Сила еврейского участия в торговой жизни — в ускорении циркуляции даже самого незначительного оборотного капитала. Возражая мнению, что «корпоративный дух» евреев даёт им победу во всякой конкуренции, что «евреи [торговцы] всегда поддерживают друг друга, имея своих банкиров, подрядчиков, извозчиков», Оршанский относит еврейский корпоративный дух только к делам общественным и религиозным, а не к коммерции, где, мол, евреи между собой в жестокой конкуренции (что отчасти противоречит хаза́ке — обязательному распределению сфер деятельности, которая «исчезла только постепенно, с изменением правового положения евреев»[97]). — Ещё: он приводит существующее мнение, что всякая еврейская торговля не обогащает страну, что «она состоит исключительно в эксплуатации производительных и трудящихся классов», что «барыш евреев чистый проигрыш для страны», — и оспаривает его: евреи постоянно ищут и находят новые рынки сбыта, и тем «открывают и бедному христианскому населению новые источники заработков»[98].

Еврейское торгово-промышленное предпринимательство в России от двух ощутимых ударов 1861 года — от отмены крепостного права и от отмены винных откупов — однако быстро оправилось. — «Финансовая роль евреев становится особенно значительной к 60-м годам, когда предшествующая работа накопила в их руках капиталы, а вместе с тем освобождение крестьян и связанное с ним разорение

---

[97] ЕЭ, т. 15, с. 492.

[98] *Оршанский*, с. 71–72, 95–98, 106–107, 158–160.

"дворянских гнёзд" создали громадный спрос на деньги со стороны помещичьего класса. К этому времени относится возникновение земельных банков, в организации которых еврейские капиталисты играли заметную роль»[99]. — Вся экономическая жизнь страны быстро менялась, сразу во многих направлениях, — и еврейский вечный поиск, изобретательность и капиталы — вполне успевали за переменами, и даже опережали их. Как уже было упомянуто, капиталы текли, например, в сахарную промышленность Юго-Запада (так что в 1872 четверть всех сахарных заводов принадлежала евреям и треть акционерных сахарных обществ[100]), также в мукомольную и другие фабричные производства, — и в черте оседлости, и вне её. — После Крымской войны велась «усиленная постройка железнодорожных путей, создавались разнообразные промышленные и коммерческие предприятия, возникали акционерные общества, банки» — и «многие евреи... нашли в перечисленных... предприятиях широкое применение своим силам и дарованиям... а для немногих [это] послужило причиной неимоверно быстрого их обогащения»[101].

«В хлебной торговле евреи издавна принимают участие, но роль их становится особенно значительной с момента освобождения крестьян и проведения железных дорог». — «Уже в 1878 на долю евреев приходилось 60% хлебного экспорта, а в дальнейшем вывоз хлеба осуществлялся почти исключительно евреями». И «благодаря еврейским промышленникам второй по значению статьёй российского экспорта (после хлеба) стал лес». Лесорубные договоры и приобретение евреями лесных имений не были воспрещены уже с 1835. «Лесная промышленность и торговля лесом развиты были евреями. Евреями же создан лесной экспорт за границу». — «Лесная торговля представляет собой в одно и то же время и одну из крупнейших отраслей еврейской торговли и одну из наиболее выдающихся по степени концентрации капитала... Начало усиленного роста еврейской лесной торговли относится к 60–70-м гг., когда в связи с ликвидацией крепостного права помещики выбросили на рынок массу имений и лесов». — «Семидеся-

---

99 ЕЭ, т. 13, с. 646.

100 *Дижур* // КРЕ-1, с. 168; ЕЭ, т. 13, с. 662.

101 *Дейч*, т. 1, с. 14–15.

тые годы были годами первого массового устремления евреев в промышленность» — в том числе в мануфактурную, льняную, пищевую, кожевенную, столярную, мебельную, а «табачное производство издавна сосредоточено в руках евреев»[102].

В описании еврейских авторов: «В эпоху Александра II вся богатая еврейская буржуазия была... лояльн[а]... к монархии. Именно в это время создались крупные состояния Гинцбургов, Поляковых, Бродских, Зайцевых, Балаховских, Ашкенази». Как уже сказано, «откупщик Евзель Гинцбург основал в Петербурге свой банк». Самуил Поляков построил шесть железнодорожных линий; они, три брата Поляковых, стали потомственными дворянами[103]. «Благодаря железнодорожному строительству, которое гарантировалось и во многом субсидировалось государством, создавались крупные состояния Поляковых, И. Блиоха, А. Варшавского и других». — А уж как перечислить состояния помельче, например А.И. Зак, бывший помощник Е. Гинцбурга по откупам: переехав в Петербург, он создал тут Учётно-ссудный банк, «имел обширный круг родственников, своих и жены, и пристраивал их к предприятиям, во главе которых стоял»[104].

Да от хода александровских реформ менялась же и вся общественная жизнь, открывая для деятельных евреев новые возможности. «В правительственных постановлениях, разрешавших некоторым группам евреев с высшим образованием поступать на государственную службу, не было никаких ограничений в отношении их продвижения по служебной лестнице. С получением чина действительного статского советника евреи на общих основаниях возводились в потомственное дворянство»[105].

В 1864 — прошла реформа *земская*. Она «носила характер всесословный. Положение... не предусматривало никаких ограничений в правах евреев на участие в земских выборах, равно как на занятие выборных земских должно-

---

[102] ЕЭ, т. 13, с. 647, 656–658, 663–664; *Слиозберг*, т. 3, с. 93; КЕЭ, т. 7, с. 337.

[103] *М.А. Алданов*. Русские евреи в 70–80-х годах: Исторический этюд // КРЕ-1, с. 45–46.

[104] *Слиозберг*, т. 1, с. 141–142.

[105] КЕЭ, т. 7, с. 328, 331.

стей. В течение 26 лет, пока действовало Положение, во многих местах встречаются евреи в качестве гласных, а также членов земских управ»[106].

Никаких ограничений на евреев не накладывали и *судебные* уставы, того же 1864. По судебной реформе была создана независимая судебная власть и, взамен прежних частных ходатаев по делам, — независимая адвокатура как самостоятельное сословие с особым корпоративным устройством (и, кстати, даже с таким необжалуемым правом, как отказать просителю в помощи «по нравственной оценке его личности», что можно было использовать и для оценки политической). И никаких ограничений для евреев вступать в это сословие не было. Гессен пишет: «Не говоря уже об адвокатуре, в которой евреи заняли видное место, они начинают появляться изредка в судебных канцеляриях в качестве следственной власти, а также в рядах прокурорского надзора; кое-где они заняли и места в судебно-мировых учреждениях и в окружных судах», а также участвовали как присяжные заседатели[107] — и, в первые десятилетия, без процентных ограничений. (Ещё отметно: присяга евреев перед гражданским судом произносилась без соблюдений требований иудейской религии.)

В те же годы осуществилась и реформа *городского* самоуправления. Первоначально предполагалось установить, чтобы число евреев среди гласных городской думы и членов городской управы не превышало бы половины всего состава, но, по сопротивлению министра внутренних дел, — городовым положением 1870 эта доля была сведена до одной трети, и евреи не получали права занимать должность городского головы[108]: опасались, «что иначе внутренняя сплочённость и внешняя обособленность евреев обеспечат за ними руководящую роль в городовых учреждениях и перевес при разрешении общественных дел»[109]. Однако евреи получали теперь полное равенство в ходе самих выборов (не — отдельной курией, как раньше), отчего «усилилось влияние евреев на городские дела». (Впрочем, в вольной Одессе этот не-куриальный порядок

---

106 ЕЭ, т. 7, с. 762.

107 *Ю.Гессен*, т. 2, с. 168.

108 Там же, с. 168.

109 Там же, с. 206.

6—5080

установился ещё от рождения города, затем и в Кишинёве. «Вообще на Юге России над евреями не тяготело общественное презрение, усердно культивировавшееся некогда в Польше».)[110]

Так развивался «быть может... лучший период в истории русских евреев». Был «открыт доступ к общественной службе... Правовые облегчения и общая атмосфера "эпохи великих реформ" благотворно воздействовали на душевное состояние еврейского населения»[111]. Под влиянием эпохи великих реформ, казалось, «традиционный быт еврейской народной массы повернулся лицом к окружающему миру» и еврейство «стало принимать посильное участие в борьбе за право и свободу... Нет той области хозяйственной, общественной и духовной жизни России, в которой не отразились бы творческие усилия русских евреев»[112].

Наконец же: двери для еврейского всеобщего образования были широко распахнуты ещё в начале века. Хотя долго шли в них евреи — мало, нехотя.

Известный в дальнейшем судебный деятель Я.Л.Тейтель вспоминает о Мозыре 60-х годов: «Директор гимназии... часто... обращался к мозырским евреям, указывая на пользу образования и на желание правительства видеть в гимназии побольше евреев. К сожалению, евреи не шли навстречу этому желанию»[113]. Да, в первые пореформенные годы не шли — даже и тогда, когда предлагалось содержание на казённый счёт; когда устав гимназий и прогимназий (1864) декларировал, что учебные заведения открыты для поступления без всяких различий в вероисповедании[114]. «Министерство народного просвещения... старалось облегчить евреям поступление в общие учебные заведения», проявляло «благожелательное отношение... к еврейской учащейся молодёжи»[115]. (Л.Дейч тут особенно выделяет тогдашнего попечителя Новороссийского учебного округа известного хирурга Н.И.Пирогова: что он «в сильной степени

---

[110] ЕЭ, т. 6, с. 712, 715–716.

[111] ЕЭ, т. 13, с. 618.

[112] КРЕ-1, предисловие, с. iii–iv.

[113] *Я.Л.Тейтель*. Из моей жизни за 40 лет. Париж: Я. Поволоцкий и Ко., 1925, с. 15.

[114] *И.Троцкий*. Евреи в русской школе // КРЕ-1, с. 354.

[115] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 179.

содействовал ослаблению враждебного отношения моих соплеменников к "гойским" школам и наукам»[116].) — Вскоре после воцарения Александра II министр просвещения так формулировал правительственную программу: «Необходимо распространить всеми мерами преподавание предметов общего образования и с тем вместе как можно менее вмешиваться в религиозное обучение детей, а предоставлять его более попечению родителей, не стесняя никакими ограничениями и руководствами со стороны правительства»[117]. Для детей же евреев-купцов и евреев-почётных граждан обучение в общих казённых учебных заведениях объявлялось (1859) обязательным[118].

Однако все эти льготы и приглашения — не имели взрывного успеха. Наибольшее, чего добились власти к 1863: в гимназиях России евреи составили 3,2%[119], то есть свою пропорциональную норму. Кроме отталкивания от русского образования в еврейской среде, тут не без влияния была и перемена задачи у еврейских общественных лидеров: «Когда наступила эпоха великих реформ, "друзья просвещения" слили вопрос об образовании народной массы с вопросом о правовом положении»[120], то есть снятии сразу всех оставшихся ограничений. Возможность такого либерального простора ясно увиделась после сотрясения тяжёлой Крымской войны.

Но в отношении образования почти магическое изменение произошло с 1874 — после издания нового воинского устава, «предоставлявш[его] льготы по службе лицам с образованием»: с той поры произошёл «наплыв евреев в общую школу»[121]. «После военной реформы 1874 даже во многих ортодоксальных семьях стали отправлять сыновей в средние и высшие учебные заведения ради сокращения срока службы»[122]. Эти льготы были — не только отсрочка воинской службы и облегчение несения её, а, как вспоминает Марк Алданов, евреи теперь могли сдавать экзамены

[116] *Дейч*, с. 14.
[117] ЕЭ*, т. 13, с. 48.
[118] Там же, с. 49.
[119] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 179.
[120] ЕЭ, т. 13, с. 48.
[121] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 208.
[122] КЕЭ, т. 7, с. 333.

на офицеров «и получать офицерские чины». «Нередко получали [и] дворянское звание»[123]. В 70-е годы произошёл «огромн[ый] рост [числа] евреев-учащихся в общих учебных заведениях и создани[е] многочисленного слоя дипломированной [из числа евреев] интеллигенции». Во всех университетах страны в 1881 евреев стало около 9%, к 1887 выросло до 13,5%, то есть каждый седьмой студент. А в отдельных университетах — и много выше: в Харьковском на медицинском факультете — 42% евреев, в Одессе — 31%, а на юридическом — 41%[124]. — Во всех гимназиях и прогимназиях страны процент евреев с 1870 по 1880 удвоился — до 12% (сравнительно с 1865 — учетверился), в Одесском учебном округе к 1886 достиг 32%, по отдельным же учебным заведениям — 75% и больше[125]. (И когда Д.А.Толстой, министр просвещения с 1866, стал вколаживать с 1871 русскую школу в «классическую» систему, перевес к античности, — в кругах русской интеллигенции негодовали, а среди евреев та реформа не встретила неудовольствия, как вспоминает не один мемуарист.)

Однако это образовательное движение пока коснулось только «еврейской буржуазии и интеллигенции. Широкие массы остались верны... хедерам и ешиботам», русская «элементарная школа... ничего в смысле привилегий» не давала[126]. «Массовый еврей остался в прежней изолированности, в силу специфических условий своей внутренней и внешней жизни»[127]. — «В народной массе городов и местечек черты оседлости, жившей в атмосфере строжайшей религиозной традиции и дисциплины, лишь чрезвычайно медленно происходил процесс приобщения к современной общечеловеческой культуре, и ростки нового с трудом пробивались наружу»[128]. — «Скученная в черте оседлости, еврейская масса в повседневной жизни не испытывала потребности в знании русского языка... Широкая масса по-прежнему оставалась в знакомых ей

123 *Алданов* // КРЕ-1, с. 45.

124 *И.Троцкий.* Евреи в русской школе // КРЕ-1, с. 355-356.

125 ЕЭ, т. 13, с. 50.

126 *И. Троцкий.* Евреи в русской школе // КРЕ-1, с. 355-356.

127 ЕЭ, т. 13, с. 618.

128 *Г.Я.Аронсон.* В борьбе за гражданские и национальные права: Общественные течения в русском еврействе // КРЕ-1, с. 207.

стенах первобытной начальной школы-хедера»[129] — и кто едва умел читать, должен был читать сразу Библию, на древнееврейском[130].

А с правительственной стороны: при широком открытии евреям общего образования — теряли смысл еврейские казённые училища. С 1862 решено было предоставить должности их старших смотрителей также и евреям. Теперь в этих училищах «персонал постепенно пополнился более идейными педагогами евреями; действуя в духе времени, последние направили старания к тому, чтобы поднять изучение русского языка и сократить преподавание еврейских предметов»[131]. В 1873 эти училища были частично упразднены, частично преобразованы в начальные еврейские общего типа, по 3 и по 6 лет обучения, а два раввинских училища, в Вильне и Житомире, — в учительские институты[132]. Правительство отныне... полагало преодолеть отчуждение [евреев] через образование совместное. Но в «Комиссию по устройству быта евреев» поступали как доклады еврейских заступников, часто и высокочиновных, так и тормозящие мнения: что к евреям «нельзя относиться... наравне с другими народностями Империи... нельзя допускать их к безусловному жительству по всему пространству России; допущено это может быть тогда лишь, когда предварительно испробованы будут всевозможные меры к обращению их в производительных полезных граждан на нынешних местах их жительства и когда меры эти окажутся явно успешными»[133].

Между тем в сотрясении ото всех происходящих реформ, даже и особенно от отмены (1856) тяжёлой рекрутской повинности (но и прав старшин над еврейской общиной в связи с тем), затем и отмены (1863) связанной с нею особой подати, — «административная власть общинных заправил оказалась значительно поколебленной по сравнению с той былой почти неограниченной мощью», которая перешла к ним от упразднённого (в 1844) кагала,

---

[129] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 178, 180.

[130] *Я.Г. Фрумкин*. Из истории русского еврейства: Воспоминания, материалы, документы // КРЕ-1, с. 51.

[131] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 180.

[132] ЕЭ, т. 1, с. 823.

[133] *Ю.Гессен**, т. 2, с. 205.

того прежнего безраздельного властителя над еврейской жизнью[134].

И как раз в эти же годы, в конце 50-х и в 60-е, выступил перед правительством, а затем публично, крестившийся еврей Яков Брафман с энергичной попыткой добиться решительного реформирования еврейского быта. Он подавал о том записку императору, вызывался Синодом в Петербург для консультаций. Он взялся разоблачить и истолковать кагальную систему (отчасти уже и опоздав, по упразднении кагалов), для того перевёл на русский достанные им акты минского кагала конца XVIII — начала XIX века, публиковал их сперва частями, затем (1869, 1875) и сводно в виде «Книги кагала», иллюстрируя всеохватную полноту личностного и имущественного бесправия члена общины. Эта книга «приобрела исключительный авторитет в глазах администрации, будучи принята как официальное руководство, и завоевала себе право гражданства (чаще всего только понаслышке) в широких кругах русского общества», «победоносное шествие Брафмана», «исключительный успех»[135]. (Позже книга была переведена на французский, немецкий и польский языки[136].) — «“Книге кагала” удалось внушить множеству отдельных лиц фанатическую ненависть к еврейскому народу как к “всемирному врагу христиан”, удалось распространить превратное представление о внутреннем быте евреев»[137].

«Эта миссия» Брафмана по собиранию кагальных актов и переводу их на русский язык «всполошила еврейское общество»; по требованию евреев была создана, с их участием, проверочная правительственная комиссия. Некоторые «еврейские писатели не замедлили выступить с доказательствами того, что кагальные документы приведены у Брафмана частью в искажённом виде, частью в ложном освещении», а один критик «даже заподозрил подлинность некоторых документов»[138]. (Новая Еврейская энциклопедия через столетие, 1976, подтверждает, что «использованные

[134] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 170.

[135] Там же, с. 200–201.

[136] КЕЭ, т. 1, с. 532.

[137] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 200–201.

[138] ЕЭ, т. 4, с. 918.

им [Брафманом] материалы являются подлинными и переводы его достаточно точны», хотя и ставит ему в вину ложность интерпретации[139]. Ещё более новая «Российская Еврейская Энциклопедия» в 1994 оценивает, что «опубликованные Брафманом документы — ценный источник для изучения истории евреев в России конца 18 — начала 19 вв.»[140]. (Кстати: поэт Ходасевич — внучатый племянник Брафмана.)

Брафман утверждал, «что государственные законы не могут уничтожить ту вредоносную силу, которая таится в еврейском самоуправлении... по его словам, эта организация не ограничивается местными "кагалами"... а охватывает, мол, еврейский народ во всём мире... и вследствие этого христианские народы не могут избавиться от еврейской эксплуатации, доколе не будет уничтожено всё то, что способствует замкнутости евреев». Брафман содействовал «взгляду на Талмуд не как на кодекс религиозно-национального характера, а как на "гражданско-политический кодекс", идущий "против течения политического и нравственного развития христианских стран"»[141], создающий «талмудическую республику». Он настаивал, «что евреи составляют государство в государстве», что евреи «считают для себя государственные законы необязательными»[142], еврейская община имеет «одной из основных целей "умозатмение христиан" для превращения их лишь в фиктивных собственников принадлежащего им имущества»[143]. — Шире того он «обвинял Общество для распространения просвещения между евреями России и Всемирный Еврейский Союз ("Альянс израэлит") в том, что они являются частью "всемирного еврейского заговора"»[144]. По оценке Гессена, «"Книга кагала"... требовала только того, чтобы в корне было уничтожено общественное самоуправление евреев», невзирая на «гражданское бесправие»[145].

---

[139] КЕЭ, т. 1, с. 532.

[140] Российская Еврейская Энциклопедия (далее — РЕЭ): 1994 — ... [2-е продолж. изд., испр. и доп.]. Т. 1, М., 1994, с. 164.

[141] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 200 – 201.

[142] ЕЭ, т. 4, с. 918, 920.

[143] КЕЭ, т. 1, с. 532.

[144] РЕЭ, т. 1, с. 164.

[145] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 202.

Государственный Совет, «смягчив решительную фразеологию “Книги кагала”», заявил, что если административными мерами и удастся добиться, что исчезнет внешнее отличие евреев от остального населения, то «этим нисколько ещё не будет обеспечено уничтожение замкнутого и даже почти враждебного к христианам настроения еврейских обществ», а «уничтожить вредную для государства обособленность евреев» могут, «с одной стороны, ослабление по возможности общественной между собою связи евреев и злоупотребительной власти еврейских старшин, а с другой, — и это ещё важнее, — распространение между евреями просвещения»[146].

А этот-то процесс — просветительства — уже начался и в самом еврейском обществе. Прежнее движение Гаскалы 40-х годов было воспитано больше на немецкой культуре, а русский язык оставался им чужд (знали Гёте и Шиллера, но не знали Пушкина и Лермонтова)[147]. «До половины 19 в. даже образованные евреи, за редкими исключениями, не знали русского языка и литературы, прекрасно владея в то же время немецким языком»[148]. Но движение тех «маскилим», более озабоченных собственным просвещением, а не толщи еврейского народа, — к 60-м годам увяло[149]. «Русские веянья ворвались в еврейскую среду в 60-х годах XIX века. До этого евреи не жили, а проживали в России»[150] — видя свои проблемы совсем отдельно от русской действительности. До Крымской войны еврейская интеллигенция в России признавала только немецкую культуру; но от Реформ — потяготела к русской, владеть русским языком — «подымает... чувство самоуважения»[151]. — Теперь развивалось еврейское просветительство под сильным влиянием уже русской

146 *Ю.Гессен**, т. 2, с. 202–203.

147 *С.М.Гинзбург.* О русско-еврейской интеллигенции // [Сб.] Еврейский мир: Ежегодник на 1939 г. (далее — ЕМ-1). Париж: Объединение русско-еврейской интеллигенции, с. 34.

148 ЕЭ, т. 3, с. 334.

149 *Ю.Марк.* Литература на идиш в России // КРЕ-1, с. 521; *Г.Я.Аронсон.* Русско-еврейская печать // там же, с. 548.

150 *Б.Орлов.* Не те вы учили алфавиты // Время и мы (далее — ВМ): Международный журнал литературы и общественных проблем. Тель-Авив, 1975, № 1, с. 130.

151 *М.Ошерович.* Русские евреи в Соединенных Штатах Америки // КРЕ-1, с. 289–290.

культуры. «Лучшие... русско-еврейские интеллигенты не забывали про свой народ», не уходили только «в область личных интересов», но заботились «об облегчении его доли», — да ведь и русская литература учила служить меньшей братии[152].

Однако для нового просветительства это обращение к своей народной массе сильно затруднялось тем, что та была прочно связана религией, то есть, для прогрессистов, «фактором безусловно регрессивным»[153]. А возникшее движение еврейского просветительства было, разумеется, в духе времени — вполне секулярным. Процесс секуляризации общественного сознания в еврейской среде «протекал особенно трудно ввиду исключительной роли, которую религия в течение многих столетий играла в диаспоре в качестве основы еврейского национального сознания», так что «формирование еврейского *светского* национального сознания» началось широко — по сути лишь в конце века[154]. — «И это не вследствие косности, а совершенно сознательно: еврей не хотел подвергнуть себя риску быть оторванным от Бога»[155].

Но вот еврейско-русская интеллигенция в самом своём нарождении встретилась с русской культурой, да ещё в бурный период развития и самой русской интеллигенции, да ещё в затопе от потока и западной культуры в Россию в те годы (Бокль, Гегель, Гейне, Гюго — и уже до Конта и Спенсера). Указывают[156], что деятели первого поколения еврейско-русской интеллигенции, оказавшего потом немалое влияние и на еврейство мировое, родились почти в соседние годы, 1860–1866: С. Дубнов, М. Кроль, Г. Слиозберг, О. Грузенберг, Саул Гинзбург. (Впрочем, в эти же годы — рождались и ровесники их, видные еврейские революционеры: М. Гоц, Г. Гершуни, Ф. Дан, Азеф, Л. Аксельрод-«Орто-

---

152 *Гинзбург* // ЕМ–1, с. 35.

153 *Аронсон.* В борьбе за... // КРЕ–1*, с. 210.

154 *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны. 1939–1965. Нью-Йорк: Американский еврейский рабочий комитет, 1966, с. 290.

155 *И.М. Бикерман.* К самопознанию еврея: Чем мы были, чем мы стали, чем мы должны быть. Париж, 1939, с. 48.

156 *К. Лейтес.* Памяти М.А. Кроля // Еврейский мир: Сб. II (далее — ЕМ–2). Нью-Йорк: Союз русских евреев в Нью-Йорке, 1944, с. 408–411.

докс», а главный П. Аксельрод, Л. Дейч и многие другие еврейские революционеры — ещё и в 50-х годах.)

В 1863 в Петербурге, при поддержке богачей Евзеля Гинцбурга и А.М. Бродского, было разрешено основать «Общество для распространения просвещения между евреями в России» (ОПЕ), — сперва в узком составе, и первое десятилетие оно занималось не школьной, а только издательской деятельностью — но и этим вызвало «резкое противодействие» еврейских ортодоксов[157] (протестовали и против русского издания Пятикнижия как кощунственного посягательства на святость Торы). С 70-х годов ОПЕ оказывало денежную поддержку еврейским школам. Культурная работа его была русифицирована, делались уступки только ивриту, но не «жаргону»[158], как тогда все согласно называли идиш; по мнению беллетриста Осипа Рабиновича, «"испорченный жаргон", которым говорят евреи в России, не может "споспешествовать просвещению, потому что на нём не только что невозможно выразить отвлечённые понятия, но даже нельзя высказать ни одной порядочной мысли"»[159]. «Мы, евреи в России, вместо усвоения себе прекрасного русского языка, остаёмся при нашем испорченном жаргоне, неблагозвучном, неправильном и бедном»[160]. (Германские «маскилим» в своё время высмеивали жаргон ещё и резче.)

И вот в российском еврействе «возникла новая общественная сила, которая не замедлила вступить в борьбу [с] союз[ом]... капитала и синагоги», как выражается либеральный Ю.И. Гессен. И этой силой оказалась, пусть пока только в робком рождении, — еврейская периодическая печать на русском языке[161].

Её первенцем был одесский журнал «Рассвет», выходивший, правда, всего лишь два года (1859–1861), выпускал его тот же О. Рабинович. Журнал должен был служить «средством распространения "полезных знаний, истинной религиозности и законов общежития и нравственности", приохотил бы евреев изучать русский язык, "срод-

---

157 ЕЭ, т. 13, с. 59.

158 *И. Троцкий.* Самодеятельность... // КРЕ-1, с. 471–474.

159 *Ю. Гессен,* т. 2, с. 172.

160 ЕЭ*, т. 3, с. 335.

161 *Ю. Гессен,* т. 2, с. 170.

ниться с отечественной образованностью"»[162]. «Рассвет» уделял внимание и политике, причём он изъявлял «любовь к отечеству» и намерение «споспешествовать видам правительства»[163]. «Жить общей жизнью со всеми народами, участвуя в их образовании и их успехах, и в то же время хранить, развивать и совершенствовать своё особое, национальное достояние»[164]. Один из ведущих сотрудников «Рассвета» публицист Л. Леванда определял цель журнала как двоякую: «действовать оборонительно и наступательно, — оборонительно против нападок извне, когда дело идёт о защите наших человеческих прав и конфессиональных (религиозных) интересов, а наступательно против нашего внутреннего врага: мракобесия, рутины, общественных неурядиц, наших племенных пороков, слабостей»[165].

Это последнее направление, «раскрывать больные места внутренней еврейской жизни», вызывало в еврейских кругах опасение, что оно «приведёт к новым законодательным репрессиям». И возникшие к тому времени еврейские газеты (на идише) «признавали направление "Рассвета" чрезмерно радикальным». — Но и сами те умеренные газеты уже одним своим появлением колебали «"патриархальный строй" общинной жизни, который поддерживался безгласностью народа»[166]. Само собой, не утихла в еврейском обществе борьба между раввинатом и хасидами, а с 60-х годов на неё наложилась и борьба передовых публицистов против косных устоев быта. И, как замечает Гессен, «в 60-х годах система репрессивных мер против идейных противников не оскорбляла совести даже вполне интеллигентных людей», и, например, публицист А. Ковнер, «еврейский Писарев», не воздержался сделать донос на одну из еврейских газет — новороссийскому генерал-губернатору[167]. (Сам Писарев в 70-е годы «пользова[л]ся среди еврейских интеллигентов... огромной популярностью»[168].)

---

162 Там же, с. 171.

163 *Аронсон.* Русско-еврейская печать // КРЕ-1*, с. 562.

164 *Гинзбург* // ЕМ-1*, с. 36.

165 *Ю. Гессен**, т. 2, с. 173.

166 Там же*, с. 174.

167 Там же, с. 174–175.

168 ЕЭ, т. 3, с. 480.

М. Алданов считает, что рассматривать участие евреев в русской культурной и политической жизни надо начиная с конца 70-х годов[169]. (В революционном движении — на десятилетие раньше.)

В 70-х годах началось сотрудничество новых еврейских публицистов — того же Л. Леванды, критика С. Венгерова, поэта Н. Минского — в общей русской печати (Минский, как сообщает Г. Аронсон, в русско-турецкую войну собирался ехать воевать за братьев-славян). Министр просвещения граф Игнатьев выразил тогда веру в привязанность российских евреев к России. После русско-турецкой войны 1877–78 среди евреев возникли слухи о предстоящих крупных благоприятных реформах. Тем временем центр еврейской интеллигенции переместился из Одессы в Петербург, там выдвигались новые литераторы, адвокаты — как руководители общественного мнения. В атмосфере этих новых надежд в 1879 в Петербурге возобновился «Рассвет». В программной статье М.И. Кулишер писал: «Быть органом нужд и потребностей русских евреев... для пробуждения громадной массы русских евреев от умственной спячки... этого требует и благо России... Интеллигентная часть русских евреев этим не выделяет себя из среды русских граждан»[170].

А рядом с развитием еврейской печати не могла не начать развиваться и еврейская литература — сперва на иврите, потом на идише, потом и на русском, стимулируясь образцами русской литературы[171]. При Александре II «немало было еврейских писателей, которые убеждали своих единоверцев учиться русскому языку и смотреть на Россию, как на свою родину»[172].

В условиях 60–70-х годов еврейские просветители, ещё столь немногочисленные и окружённые русской культурой, и не могли двинуться иначе, как — к ассимиляции, «по тому направлению, которое при аналогичных условиях привело интеллигентных евреев Западной Европы к одно-

---

169 *Алданов* // КРЕ-1, с. 44.

170 *Аронсон*. Русско-еврейская печать // КРЕ-1*, с. 558–561.

171 *М. Кроль*. Национализм и ассимиляция в еврейской истории // ЕМ-1, с. 188–189.

172 *Джеймс Паркс*. Евреи среди народов: Обзор причин антисемитизма. Париж: YMCA-Press, 1932, с. 41.

сторонней ассимиляции с господствующим народом»[173], — с той, однако, разницей, что в странах Европы общекультурный уровень коренного народа всегда бывал уже более высок, а в условиях России ассимилироваться предстояло не с русским народом, которого ещё слабо коснулась культура, и не с российским же правящим классом (по оппозиции, по неприятию) — а только с малочисленной же русской интеллигенцией, зато — вполне уже и секулярной, отринувшей и своего Бога. Так же рвали теперь с еврейской религиозностью и еврейские просветители, «не находя другой связи со своим народом, совершенно уходили от него, духовно считая себя единственно русскими гражданами»[174].

Устанавливалось и «житейское сближение между интеллигентными группами русского и еврейского общества»[175]. К тому вело и общее оживление, движение, жизнь вне черты оседлости некоторой категории евреев, к тому и развитие железнодорожного сообщения (и поездки за границу), — «всё это способствовало более тесному общению еврейского гетто с окружающим миром»[176]. — А в Одессе к 60-м годам и «до одной трети... евреев говорили по-русски»[177]. Население тут быстро росло «благодаря массовому переселению в Одессу как русских евреев, так и иностранных, преимущественно из Германии и Галиции»[178]. Расцвет Одессы к середине века был предвещением расцвета всего российского еврейства к рубежу XIX–XX вв. Вольная Одесса ещё от начала XIX в. развивалась по своим особым законам, отдельным от общероссийских, — то порто-франко, то открыта турецким судам, когда с Турцией война. «Основным занятием [одесских] евреев в этот период была торговля зерном. Многие евреи были мелкими торговцами, посредниками (главным образом между помещиками и экспортёрами), агентами крупных иностранных и местных, в основном — греческих, хлеботорговых компаний, маклерами... на зерновой бирже оценщиками, касси-

173 *Ю. Гессен*, т. 2, с. 198.

174 Там же.

175 Там же, с. 177.

176 ЕЭ, т. 13, с. 638.

177 *Аронсон*. Русско-еврейская печать // КРЕ-1, с. 551.

178 КЕЭ, т. 6, с. 117.

рами, весовщиками, грузчиками»; «евреи занимали доминирующее положение в торговле зерном: к 1870 в их руках находилась бо́льшая часть экспорта зерна. В 1910... 89,2% экспорта»[179]. — «По сравнению с другими городами черты оседлости в Одессе проживало больше евреев — лиц свободных профессий... у которых сложились хорошие отношения с представителями русского образованного общества и которым покровительствовала высшая администрация города... Особенно покровительствовал евреям... попечитель Одесского учебного округа в 1856–58 Н. Пирогов»[180]. Современник ярко описал это одесское смешение, где в напряжённой конкуренции сильно сталкивались коммерсанты еврейские и греческие, где «в урожайные годы половина города живёт от продажи зерновых продуктов, начиная с крупного хлебного воротилы и кончая последним старьевщиком», — там, в этом смешении-кружении со связующим русским языком «невозможно было провести черту, где в Одессе кончается "пшеничный" коммерсант или банкир и где начинается человек интеллектуальных профессий»[181].

Итак, вообще «среди просвещённого еврейства стал усиливаться... процесс уподобления всему русскому»[182]. «Европейское образование, знание русского языка стали необходимыми жизненными потребностями», «все бросились на изучение русского языка и русской литературы; каждый думал только о том, чтобы скорее породниться и совершенно слиться с окружающей средою», не только усвоить русский язык, но ратовали «за полное обрусение и проникновение "русским духом", чтобы "еврей ничем, кроме религии, не отличался от прочих граждан"». — Современник эпохи М.Г. Моргулис передавал это так: «Все стали сознавать себя гражданами своей родины, все получили новое отечество»[183]. — «Представители еврейской интеллигенции считали, что они "обязаны во имя государственных целей отказаться от своих национальных особенностей и...

---

179 КЕЭ, т. 6, с. 117–118.

180 Там же, с. 118.

181 *К. Ицкович.* Одесса — хлебный город // Новое русское слово, Нью-Йорк, 1984, 21 марта, с. 6.

182 ЕЭ, т. 3, с. 334–335.

183 ЕЭ*, т. 13, с. 638.

слиться с той нацией, которая доминирует в данном государстве". Один из еврейских прогрессистов тех лет писал, что "евреев, как нации, не существует", что они "считают себя русскими Моисеева вероисповедания"... "Евреи сознают, что их спасение состоит в слиянии с русским народом"»[184].

Тут, может быть, следует назвать врача и публициста Вениамина Португалова. В молодости он пережил революционные увлечения, даже посидел в Петропавловке, с 1871 обосновался в Самаре. Он «сыграл выдающуюся роль в развитии земской медицины и санитарного дела... был одним из пионеров лечения алкоголизма и борьбы с ним в России», устраивал и народные чтения. «Ещё в молодости он проникся народническими представлениями о губительной роли евреев в хозяйственной жизни российского крестьянства. Эти представления легли в основу догматов иудеохристианского движения 1880-х гг.». (Духовно-библейское братство.) Португалов считал необходимым освободить быт евреев от обрядности и что «еврейство может существовать и развивать культуру и цивилизацию, лишь растворившись в европейских народах (подразумевался русский)»[185].

Одновременно можно отметить в эпоху Александра II и заметное понижение числа крещений, ставших безнадобными после «эпохи кантонистов» и при расширении еврейских прав[186]. — С этих лет и секта «жидовствующих» стала открыто исповедовать свою религию[187].

Такое в то время отношение евреев состоятельных, особенно вне *черты*, и евреев, получивших русское образование, к России как к своей несомненной родине — достопримечательно, и должно быть — да и было — отмечено. «В виду великих реформ, все сознательные русские евреи без исключения, можно сказать, были русскими патриотами и монархистами, относясь к Александру II буквально с обожанием. Знаменитый своей жестокостью к [восставшим в 1863] полякам [тогдашний ген.-губернатор Северо-Западного края М.Н.] Муравьёв относился к евреям покро-

---

[184] *Аронсон.* В борьбе за... // КРЕ-1, с. 207.

[185] КЕЭ, т. 6, с. 692-693.

[186] ЭЭ, т. 11, с. 894.

[187] КЕЭ, т. 2, с. 510.

вительственно, преследуя здравую политику привлечения значительной части населения Западного края, еврейской, на сторону русских государственных начал»[188]. Хотя в восстании 1863 польское еврейство значительно участвовало на стороне поляков[189], но евреям Виленской, Ковенской и Гродненской губерний «здоровый народный инстинкт подсказал... что нужно пойти с Россией, как с той стороной, от которой они могли ожидать больше справедливости и человеческого отношения, чем от поляков, которые, хотя издавна и терпели евреев, но относились к ним всегда, как к низшей расе»[190]. (Я. Тейтель освещает это так: «Польские евреи всегда стояли в стороне от русского еврейства», смотрели на него «как истые поляки». А сами поляки интимно объясняли ему о русских евреях в Польше: «Самые лучшие из евреев — это наши враги. Русские евреи, наводнившие Варшаву, Лодзь и другие крупные центры Польши, являются проводниками несимпатичной нам русской культуры»[191].)

В те годы обрусение русских евреев было «весьма желанным» и для российского правительства[192]. Русскими властями «общение с русской молодёжью было признано вернейшим средством перевоспитания еврейского юношества, искоренения в нём “вражды к христианам”»[193].

Впрочем, этот новорожденный еврейский русский патриотизм имел и чёткую границу. — Юрист и публицист И.Г. Оршанский оговаривал, что для ускорения процесса «необходимо поставить евреев в такое положение, чтобы они могли сознавать и считать себя свободными гражданами свободной цивилизованной страны»[194]. — Уже упомянутый Лев Леванда, «учёный еврей» при виленском губернаторе, тогда писал: «Я [русским патриотом]

---

188 *В.С. Мандель.* Консервативные и разрушительные элементы в еврействе // Россия и евреи: Сб. 1 (далее — РиЕ) / Отечественное объединение русских евреев заграницей. Париж: YMCA-Press, 1978 [переизд. Берлин: Основа, 1924], с. 195.

189 *И. Троцкий.* Евреи в русской школе // КРЕ-1, с. 356.

190 *Мандель* // РиЕ, с. 195.

191 *Тейтель,* с. 239.

192 См.: ЕЭ, т. 3, с. 335; и др.

193 *Ю. Гессен,* т. 2, с. 208.

194 ЕЭ, т. 3, с. 335.

стану только тогда, когда еврейский вопрос будет разрешён окончательно и удовлетворительно». Современный же нам еврейский автор, прошедший долгий и горький опыт XX века и эмигрировавший в Израиль, отвечает ему, оборачиваясь через столетие: «Леванда и не замечает, что Матери-Родине условий не ставят. Её любят безоговорочно, без кондиций и предварительных условий, любят потому, что она Мать. Эта программа — Любовь при условии! — выдерживается русско-еврейской интеллигенцией на редкость последовательно на протяжении 100 лет при самой безупречной во всех остальных условиях "русскости"»[195].

Однако в описываемое время «к "русской гражданственности" приобщались лишь отдельные небольшие группы еврейского общества, и притом в более крупных торгово-промышленных центрах... И таким образом создавалось преувеличенное представление о победоносном шествии русского языка в глубь еврейской жизни». А «широкая масса оставалась в стороне от новых веяний... она была изолирована не только от русского общества, но и от еврейской интеллигенции»[196]. Еврейская народная масса и в 60–70-е годы ещё оставалась *вне* ассимиляции, и угрожал отрыв от неё еврейской интеллигенции. (В Германии при еврейской ассимиляции такого явления не было, ибо там не было «еврейской народной массы» — все стояли выше по социальной лестнице и не жили в такой исторической скученности[197].)

Да и в самой еврейской интеллигенции уже в конце 60-х годов прозвучали тревожные голоса против такого бы обращения евреев-интеллигентов просто в русских патриотов. Первый об этом заговорил Перец Смоленскин в 1868: что ассимиляция с русским обликом носит для евреев «характер народной опасности»; что хотя не надо бояться просвещения, но и не следует порывать со своим историческим прошлым; приобщаясь к общей культуре, надо уметь сохранить свой национальный духовный облик[198], и «что евреи не религиозная секта, а нация»[199]. Если еврейская интел-

[195] Орлов // ВМ, 1975, № 1, с. 132.

[196] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 181.

[197] *Аронсон*. В борьбе за... // КРЕ-1, с. 208–209.

[198] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 198–199.

[199] ЕЭ, т. 3, с. 336.

лигенция уйдёт от своего народа — он не вырвется из административного угнетения и духовного оцепенения. (Поэт И. Гордон формулировал: «Будь человеком на улице и евреем дома».)

И петербургские журналы «Рассвет» (1879–1882) и «Русский еврей» шли уже по этому направлению [200]. Они усилили влечение еврейской молодёжи к изучению еврейского прошлого и нынешней жизни. В конце 70-х — начале 80-х возник водораздел между космополитическим и национальным направлениями в российском еврействе [201]. «В сущности руководители "Рассвета" уже не верили в истину ассимиляции... "Рассвет", сам того не сознавая, шёл по пути... к пробуждению национального самосознания... ярко выраженный национальный уклон... иллюзии русификации... рассеива[лись]» [202].

К тому настраивал и общий европейский исторический фон второй половины XIX в.: бурное польское восстание, в боях объединение Италии, затем и Германии, затем и балканских славян. Везде накалялась и торжествовала национальная идея. И, очевидно, направление это продолжало бы крепнуть в еврейской интеллигенции и без событий 1881–82 .

Тем временем, за те же 70-е годы, менялось и отношение к евреям русского общества, в высшем взлёте александровских реформ — самое благожелательное. Немало насторожили русское общество публикации Брафмана, принятые весьма серьёзно.

А ещё совпало, что в 1860 в Париже был создан громогласно Всемирный Еврейский Союз (Alliance Israélite Universelle) — «с целью защиты интересов еврейства» всего мира, с Центральным Комитетом (во главе которого вскоре стал Адольф Кремье) [203]. «Недостаточно осведомлённый... о положении евреев в России», Всемирный Еврейский Союз «стал интересоваться русским еврейством», и вскоре «стал работать в пользу евреев в России с большим постоянством». Союз не имел отделов в России

---

200 *Ю. Гессен*, т. 2, с. 232–233.

201 *С.М. Гинзбург*. Настроения еврейской молодёжи в 80-х годах прошлого столетия // ЕМ–2, с. 380.

202 *Аронсон*. Русско-еврейская печать // КРЕ–1, с. 561–562.

203 ЕЭ, т. 1, с. 932; КЕЭ, т. 1, с. 103.

и «не функционировал в её пределах». Кроме работы благотворительной и просветительной, Союз не раз обращался непосредственно к правительству России, заступаясь за русских евреев, хотя часто и невпопад. (Как в 1866: чтобы не был казнён обвинённый в поджоге с политической целью Ицка Бородай, — а он и не был приговорён к смерти, а другие прикосновенные к делу евреи были и без ходатайства оправданы; или протестовал Кремье против переселения евреев на Кавказ и на Амур — а такого и намерения у русского правительства не было; в 1869 — что евреев преследуют в Петербурге [204], — но этого не было; и жаловался президенту США на предполагаемые им гонения на саму еврейскую веру со стороны российского правительства.) Между тем новосозданный Альянс (с эмблемой Моисеевых скрижалей над земным шаром), по донесению русского посла из Парижа уже пользовался «чрезвычайным влиянием на еврейское общество во всех государствах». Всё это — насторожило не только русское правительство, но и русское общество. Усиленно агитировал против Всемирного Еврейского Союза и Яков Брафман. Он утверждал, что Альянс, «как и все еврейские общества, носит характер двуличия (его официальные документы говорят правительству одно, а секретные — другое)», что Альянс имеет задачей «ограждать иудейство от гибельного для него влияния христианской цивилизации» [205]. (Рикошетом падали обвинения и на ОПЕ — «Общество для распространения просвещения между евреями в России», созданное в 1863: что оно имеет своей задачей «достижение и укрепление всемирной еврейской солидарности и кастовой замкнутости» [206].)

Опасения против Альянса питались и первоначальным, столь эмоциональным, воззванием организаторов Альянса «к еврейству всех стран», и подделками. По поводу еврейского единения там звучало: «Евреи!.. Если вы верите, что Союз для вас — благо, что, составляя часть различных народов, вы тем не менее можете иметь общие чувства, желания и надежды... если вы думаете, что ваши разрозненные усилия, добрые намерения и стремле-

---

[204] ЕЭ, т. 1, с. 945–950.

[205] Там же, с. 948–950.

[206] ЕЭ*, т. 2, с. 742.

ния отдельных лиц могли бы стать крупной силой, соединясь в одно целое и идя по одному направлению и к одной цели... поддержите нас вашим сочувствием и содействием»[207].

А позже возник и побочный документ, напечатанный во Франции, — якобы воззвание самого Адольфа Кремье «К евреям вселенной». Очень вероятно, что это — подделка. Не исключено, что это был один из проектов обращения, не принятый организаторами Альянса (однако он попадал в тон обвинениям Брафмана, что у Альянса — скрытые цели): «Мы обитаем в чуждых землях, и мы не можем интересоваться переменчивыми интересами этих стран, пока наши собственные нравственные и материальные интересы будут в опасности... еврейское учение должно наполнить весь мір...». В русской прессе вспыхнула острая перепалка, в завершение которой И.С.Аксаков в своей газете «Русь» заключил, что «вопрос о подложности... воззвания не имеет в настоящем случае особого значения ввиду *неподложности* высказанных в оном еврейских воззрений и чаяний»[208].

Дореволюционная Еврейская энциклопедия пишет, что с 70-х годов в русской прессе «голоса в защиту евреев стали раздаваться реже... В русском обществе стала укрепляться мысль, будто евреи всех стран объединены крепкой политической организацией, центральное управление которой сосредоточено в Alliance Israélite Universelle»[209]. Так что его создание произвело в России, а может быть и не только в России, реакцию, обратную заданной цели Альянса.

Если создатели Альянса могли бы предвидеть, сколько из-за организации Альянса проистечёт осуждений против еврейской мировой сплочённости и даже обвинений в заговоре — они, может быть, и воздержались бы от него, тем более что хода европейской истории Альянс не повернул.

После 1874, когда в России новый воинский устав ввёл всеобщую равную мобилизационную повинность, «неприязнь к евреям стала разжигаться в обществе многочислен-

---

207 ЕЭ, т. 1, с. 933–936.

208 ЕЭ, т. 1, с. 950–951; *И.С.Аксаков.* Соч.: В 7 т. М., 1886–1887. Т. 3, с. 843–844.

209 ЕЭ, т. 2, с. 738.

ными статьями по вопросу об уклонении евреев от воинской повинности»[210]. — Обвиняли и Всемирный Еврейский Союз, что он намерен «принять на себя попечение о судьбе молодых евреев, покидающих Россию, в виду обнародования нового закона о воинской повинности» и «пользуясь заграничной поддержкой, евреи будут иметь бо́льшую возможность, чем другие подданные, покидать страну». (Вопрос, остро ставший как раз и столетием позже, в 70-е годы XX века...) Кремье ответил, что задача Альянса «бороться с *религиозными* гонениями», и что Альянс постановил «*не* оказывать впредь помощи еврею, который пытался бы уклониться от этой повинности» в России, а ещё издать «воззвание к нашим единоверцам в России с тем, чтобы побудить их к точному исполнению всех предписаний нового закона»[211].

Кроме отъезда за границу одним из путей уклонения от воинской повинности было членовредительство. О сотнях горьких случаев его рассказывает из своего опыта достаточно либеральный (до революции, да и во время неё) генерал Деникин, несколько лет в Волынской губернии присутствовавший при медицинском освидетельствовании призывников-евреев — правда, уже в начале XX века, но тем разительней его свидетельство об этих множественных и отчаянных самоувечьях[212].

Как уже отмечено, с того самого 1874 года, воинского устава и образовательных льгот от него, — резко усилился приток евреев в общие, средние и высшие учебные заведения. Скачок этот был очень заметен. И теперь мог выглядеть слишком большим. Из Северо-Западного края ещё раньше раздавался «призыв к ограничению приёма евреев в общие учебные заведения». А в 1875 и министерство народного просвещения указало правительству на «невозможность поместить всех евреев, стремящихся в общие учебные заведения, без стеснения христианского населения»[213].

Прибавим сюда укоризненное свидетельство Г. Аронсона, что и Менделеев в Петербургском университете «про-

210 Там же, с. 738–739.

211 ЕЭ, т. 1, с. 948–949.

212 *А.И.Деникин.* Путь русского офицера. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953, с. 284.

213 ЕЭ, т. 13, с. 50–51.

являл антисемитизм»[214]. Еврейская энциклопедия суммирует всё это как «наступивший в конце 70-х гг. поворот в настроении части русской интеллигенции... отрекшейся от идеалов предыдущего десятилетия, особенно по... еврейскому вопросу»[215].

Однако примечательная черта эпохи состояла в том, что настороженное (но никак не враждебное) отношение к проекту полного еврейского равноправия проявляла пресса, разумеется больше правая, а *не* круги правительственные. В прессе можно было прочесть: как можно «дать все права гражданства этому... упорно фанатическому племени и допустить его к высшим административным постам? <...> Только образование... и общественный прогресс могут искренне сблизить [евреев] с христианами... Введите их в общую семью цивилизации — и мы первые скажем им слово любви и примирения». «Цивилизация вообще выиграет от этого сближения, которое обещает ей содействие племени умного и энергичного... евреи... придут к убеждению, что пора сбросить иго нетерпимости, к которой привели их слишком строгие толкования талмудистов"». Или: «Пока образование не приведёт евреев к мысли, что надо жить не только на счёт русского общества, но и для пользы этого общества, до тех пор не может быть и речи о большей равноправности, чем та, которая существует». Или: «если и возможно дарование евреям гражданских прав, то во всяком случае их никак нельзя допускать к таким должностям, "где власти их подчиняется быт христиан, где они могут иметь влияние на администрацию и законодательство христианской страны"»[216].

Тон тогдашней российской прессы можно проследить и по уже упомянутому ведущему петербургскому «Голосу»: «Русские евреи не могут вообще жаловаться, чтоб русская печать относилась неблагоприятно к их интересам. В большинстве органов русской печати сказывается настроение в пользу уравнения евреев в общегражданских правах»; понятно, «что [евреи] стремятся к расширению своих прав, к уравнению с другими русскими гражданами»; но... «какая это тёмная сила двигает еврейскую молодёжь на бе-

214 *Аронсон.* Русско-еврейская печать // КРЕ-1, с. 558.

215 ЕЭ, т. 12, с. 525–526.

216 ЕЭ*, т. 2, с. 736, 740.

зумное поле политической агитации? Отчего это в редком политическом процессе не фигурируют евреи, и непременно в видных ролях?... Такое явление, как поголовное уклонение евреев от отбывания воинской повинности и как обязательное участие евреев и евреек в каждом политическом процессе, не могут послужить на пользу дела расширения еврейских прав»; «если желаешь иметь права, то предварительно должен доказать на деле, что сумеешь также исполнять и обязанности, неразрывно связанные с правами», «чтоб в отношении к общим государственным и общественным интересам еврейское население не выделялось в таком безвыгодном для себя и крайне мрачном свете»[217].

Но, отмечает Энциклопедия, «несмотря на эту пропаганду, в бюрократических сферах продолжало господствовать сознание, что разрешение еврейского вопроса возможно лишь путём эмансипации: ещё в марте 1880 г. большинство членов "Комиссии по устройству быта евреев" склонялось к мысли о необходимости уравнения евреев в правах с прочим населением»[218]. Воспитанные двумя десятилетиями александровских реформ, бюрократы того царствования были во многом захвачены их победным движением, — и мы уже встречали довольно радикальные — и благожелательные к евреям — предложения в некоторых записках генерал-губернаторов черты оседлости.

Не упустим и новых влиятельных шагов сэра Мозеса Монтефиоре, снова приезжавшего в Россию в 1872; и давления Бенджамина Дизраэли да и Бисмарка на Горчакова на Берлинском конгрессе 1878. Стеснённый Горчаков там оправдывался, что Россия нисколько же не против религиозной свободы и полностью её даёт, но «не следует смешивать религиозную свободу с предоставлением евреям политических и гражданских прав»[219].

Однако в России — обстановка шла именно к ним. С 1880 наступила и «диктатура сердца» Лорис-Меликова — и велики и основательны стали надежды российского еврейства на несомненное, вот уже близкое получение равноправия, канун его.

---

[217] Голос, 1881, № 46, 15 (27) февр., с. 1.

[218] ЕЭ, т. 2, с. 740.

[219] ЕЭ, т. 4, с. 246, 594.

И в этот-то момент — народовольцы убили Александра II, перешибив в России много либеральных процессов, в том числе и движение к полному уравнению евреев.

Слиозберг отмечает: убили царя в канун Пурима. После серии покушений евреи не удивились тому — но заволновались о будущем[220].

220 *Слиозберг*, т. 1, с. 99.

Глава 5 — ПОСЛЕ УБИЙСТВА АЛЕКСАНДРА II

Убийство царя-Освободителя — произвело полное сотрясение народного сознания, — на что и рассчитывали народовольцы, но что, с течением десятилетий, упускалось историками — кем сознательно, кем бессознательно. Что смерти наследников или царей предшествующего века — Алексея Петровича, Ивана Антоновича, Петра III, Павла — насильственны, оставалось даже и неизвестно народу. Убийство 1 марта 1881 вызвало всенародное смятение умов. Для простонародных, и особенно крестьянских, масс — как бы зашатались основы жизни. Опять же, как рассчитывали народовольцы, это не могло не отозваться каким-то взрывом.

И — отозвалось. Но непредсказуемо: еврейскими погромами, в Новороссии и на Украине.

Через 6 недель после цареубийства погромы еврейских лавок, заведений и домов «внезапно с громадной эпидемической силой охватили обширную территорию»[1]. «Действительно... сказались черты стихийного характера... Местные люди, которые по самым различным побуждениям желали расправы с евреями, — они расклеивали призывные прокламации, организовывали основные кадры погромщиков, к которым вскоре добровольно, без всякого увещевания, примыкали сотни людей, увлекаемые общей разгульной атмосферой, лёгкой наживой. В этом было нечто стихийное. Однако... даже разгорячённые спиртными напитками, толпы, совершая грабежи и насилия, направляли свои удары только в одну сторону, в сторону евреев, — разнузданность сразу останавливалась у порога домов христиан»[2].

Первый погром произошёл в Елизаветграде, 15 апреля. «Беспорядки усилились, когда из окрестных селений при-

---

[1] Еврейская Энциклопедия (далее — ЕЭ): В 16-ти т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз–Ефрон, 1906–1913. Т. 12, с. 611.

[2] *Ю. Гессен*. История еврейского народа в России: В 2-х т. Т. 2. Л., 1927, с. 215–216.

были крестьяне, чтобы поживиться добром евреев». Сперва войска, по неуверенности, бездействовали, наконец «значительным кавалерийским силам удалось прекратить погром»[3]. «Прибытие свежих войск положило конец погрому»[4]. «Изнасилований и убийств в этом погроме не было»[5]. По другим данным: «один еврей убит. Погром был подавлен 17 апреля войсками, стрелявшими в толпу громил»[6]. — Однако «из Елизаветграда движение перекинулось в соседние селения; в большинстве случаев беспорядки ограничились разгромом шинков». А через неделю погром случился в Ананьевском уезде Одесской губ., затем в самом Ананьеве, «где движение было вызвано некиим мещанином, распространявшим слух, будто царь убит евреями, и есть приказание об избиении евреев, но власти это скрывают»[7]. 23 апреля возникла погромная вспышка в Киеве, но вскоре остановлена военными силами. Однако 26 апреля в Киеве разразился новый погром, и ещё на следующий день, и перекинулся на киевские предместья, — и это был самый сильный погром изо всей череды их; но они «обошлись без человеческих жертв»[8]. (Другой том той же Энциклопедии сообщает, напротив, что «несколько евреев было убито»[9].)

После Киева погромы произошли ещё в полусотне поселений Киевской губернии, при этом «имущество евреев подверглось разграблению, а в единичных случаях произошло и избиение». В конце апреля же произошёл погром в Конотопе, «учинённый, главным образом, рабочими и мастеровыми железной дороги и сопровождавшийся одной человеческой жертвой; в Конотопе были случаи самообороны со стороны евреев». Ещё был отголосок киевского погрома в Жмеринке, в «нескольких селениях Черниговской губер-

---

[3] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 216–217.

[4] ЕЭ, т. 12, с. 612.

[5] *Л. Прайсман.* Погромы и самооборона // "22": Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1986/87, № 51, с. 174.

[6] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ): 1976 — ... [продолж. изд.]. Т. 6, Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1992, с. 562.

[7] ЕЭ, т, 12, с. 612.

[8] КЕЭ, т. 4, с. 256.

[9] КЕЭ, т. 6, с. 562.

нии», в начале мая — в местечке Смела, где «он был подавлен прибывшими войсками на другой день» («разграблен... магазин готового платья»). Отголосками в течение мая, ещё и в начале лета погромы вспыхивали в Екатеринославской и Полтавской губерниях, в отдельных местах (Александровск, Ромны, Нежин, Переяславль, Борисов). «Незначительные беспорядки произошли кое-где в Мелитопольском уезде. Были случаи, когда крестьяне тотчас же возмещали евреям убытки»[10].

«Движение в Кишинёве, возникшее было 20 апреля, было подавлено в зародыше»[11]. По всей Белоруссии ни в том, ни в следующих годах погромов не было[12], хотя в Минске возникла паника среди евреев при слухах о погромах в Юго-Западном крае — по полной неожиданности явления[13].

Затем и в Одессе. Именно Одесса, единственная, уже знала в XIX веке еврейские погромы — в 1821, 1859 и 1871 годах. «Это были случайные явления, вызывавшиеся, главным образом, недружелюбием к евреям со стороны местного греческого населения»[14], то есть торговой конкуренцией евреев и греков, в 1871 году — трёхдневный погром сотен еврейских шинков, лавок и домов, но без человеческих жертв.

Об этом погроме подробнее пишет И.Г.Оршанский и свидетельствует, что еврейское имущество именно уничтожалось: кучи часов от ювелира — не воровали, а выносили на мостовую и разбивали. Он соглашается, что «нерв» погрома был — вражда к евреям со стороны греков-купцов, особенно вследствие того, что после Крымской войны одесские евреи отбили у греков торговлю бакалейными и колониальными товарами. Но было и «всеобщее нерасположение к евреям со стороны христианского населения Одессы... Вражда эта обнаруживалась гораздо сознательнее и глубже у интеллигентного и зажиточного класса, чем у рабочего простонародья». Однако ведь уживаются в Одессе разные народности, «почему же одни евреи вызывают всеобщее к себе нерасположение,

---

[10] ЕЭ, т. 12, с. 612–613.

[11] Там же, с. 612.

[12] КЕЭ, т. 1, с. 325.

[13] *С.Гинзбург.* Настроения еврейской молодёжи в 80-х годах прошлого столетия // Еврейский мир: Сб. II (далее — ЕМ-2). Нью-Йорк: Союз русских евреев в Нью-Йорке, 1944, с. 383.

[14] ЕЭ, т. 12, с. 611.

переходящее при случае в жестокую ненависть?» Один гимназический учитель объяснял своему классу: «Евреи “стали в неправильные экономические отношения к остальному населению”». Оршанский возражает: такое объяснение снимает «бремя тяжкой моральной ответственности». Сам же он видит причину и в психологическом влиянии российского законодательства, выделяющего евреев тем, что кладёт только и именно на них ограничения. А в попытке евреев вырываться из ограничений люди видят «нахальство, ненасытность и захват»[15].

Так вот теперь, в 1881, одесская администрация, уже имея опыт, которого не имели другие местные власти, — сразу подавила возобновлявшиеся несколько раз беспорядки, и «массы громил были помещены на судах, отведенных от берега»[16], — весьма находчивый приём. (В противоречие с дореволюционной, Энциклопедия современная пишет, что и в этот раз погром в Одессе продолжался три дня[17].)

Дореволюционная Энциклопедия признаёт, что «правительство считало необходимым решительно подавлять попытки насилий над евреями»[18], так оно и было, новый министр внутренних дел граф Н.П. Игнатьев, сменивший Лорис-Меликова с мая 1881, твёрдо проводил усмирение погромщиков, хотя справиться с возникшими беспорядками «эпидемической силы», при полной неожиданности события, крайней малочисленности тогдашней российской полиции (несопоставимо даже с западно-европейскими полицейскими штатами, а тем более советскими) и редкой дислокацией военных гарнизонов в тех местах, — было нелегко. «Для защиты евреев против погромщиков было употреблено огнестрельное оружие»[19]. Была и стрельба в толпу, были и застреленные. Например в Борисове «солдаты стреляли и убили несколько крестьян»[20]. Также и «в Нежине войска остановили погром, открыв огонь по толпе крестьян-погромщиков; несколько человек было убито и ране-

15 *И. Оршанский*. Евреи в России: Очерки и исследования. Вып. 1, СПб., 1872, с. 212–222.

16 ЕЭ, т. 12, с. 613.

17 КЕЭ, т. 6, с. 562.

18 ЕЭ, т. 1, с. 826.

19 *Ю. Гессен*, т. 2, с. 222.

20 ЕЭ, т. 12, с. 613.

но»[21]. В Киеве было арестовано 1400 человек[22]. — Всё вместе создаёт весьма энергичную картину. Но правительство признавало и недостаточную свою оперативность. Официальное заявление гласило, что в киевском погроме «меры к обузданию толпы не были приняты достаточно своевременно и энергично»[23]. В июне 1881 директор департамента полиции В.К. Плеве в докладе Государю о положении в Киевской губернии называл «одною из причин "развития беспорядков и не вполне быстрого их подавления"» — то, что военный суд «отнёсся к обвиняемым крайне снисходительно, а к делу весьма поверхностно». Александр III сделал на докладе пометку: «Это не простительно»[24].

Но и по горячим следам и позже не обошлось без обвинений, что погромы были подстроены самим правительством, — обвинение совершенно необоснованное и тем более нелепое, что в апреле 1881 правительство возглавлял всё тот же либерал-реформатор Лорис-Меликов и в высшей администрации стояли его люди. После 1917 группа исследователей — С. Дубнов, Г. Красный-Адмони и С. Лозинский — тщательно искали доказательств по всем открывшимся государственным архивам — и нашли только противоположное, начиная с того, что энергичного расследования требовал сам Александр III. (Но кто-то безымянный изобрёл и пустил по миру ядовитую клевету: будто Александр III — неизвестно кому, неизвестно когда и при каких обстоятельствах — сказал: «А я, признаться, сам рад, когда бьют евреев!» И — принялось, печаталось в эмигрантских освобожденческих брошюрах, вошло в либеральный фольклор, и даже вот через 100 лет, поныне, это выныривает в публикациях как историческая достоверность[25]. И даже в Энциклопедии: «Власти действовали в тесном контакте с приехавшими»[26], то есть не местными. Да уж если и Толстому

[21] КЕЭ, т. 6, с. 562–563.

[22] *С.М. Дубнов.* Новейшая История. От французской революции 1789 года до мировой войны 1914 года: В 3-х т. Т. 3 (1881–1914), Берлин: Грани, 1923, с. 107 //Всеобщая История Еврейского Народа от древнейших времен до настоящего.

[23] ЕЭ, т. 6, с. 612.

[24] *Р. Кантор.* Александр III о еврейских погромах 1881–1883 г.г. // Еврейская летопись*: Сб. 1. М.; Пд.: Радуга, 1923, с. 154.

[25] *А. Львов* // Новая газета, Нью-Йорк, 1981, № 70, 5–11 сент., с. 26.

[26] КЕЭ, т. 6, с. 563.

в Ясной Поляне было «очевидно»: всё дело у властей в руках. «Захотят — накликают погром, не захотят — и погрома не будет»[27].)

На самом же деле не только не было подстрекательства со стороны правительства, но и, как отмечает Гессен: «возникновение в короткий срок на огромной площади множества погромных дружин и самое свойство их выступлений устраняют мысль о наличии единого организационного центра»[28].

А вот и ещё привременное живое свидетельство, и с довольно неожиданной стороны — из чернопередельского «рабочего листка», то есть прокламации к народу, в июне 1881. Революционный листок описывает картину так: «Не только все губернаторы, но и всякие другие чиновники, полицейские, войско, попы, земства, газетчики — все вступились за кулаков-евреев... Правительство охраняет личность и имущество евреев», от губернаторов объявлены угрозы, «что с виновниками беспорядков будет поступлено по всей строгости законов... Полицейские высматривали людей, которые были в толпе [погромщиков], арестовывали их, волокли в участок... Солдаты и казаки расправлялись посредством прикладов и нагаек... били народ ружьями и нагайками... Кого отдали под суд и упекли в тюрьму и на каторгу, а других... выдрали розгами там же в полиции»[29].

Через год, в 1882, весной же, «погромы возобновились, но уже не в таком числе и не в таких размерах, как в предыдущем»[30]. «Особенно тяжёлый погром пережили евреи г. Балты», беспорядки произошли также в Балтском уезде и ещё в нескольких. «Однако и по числу случаев, и по своему характеру беспорядки 1882 г. в значительной степени уступают движению 1881 г., — истребление имущества евреев не было столь частым явлением»[31]. — Дореволюционная Еврейская энциклопедия сообщает, что в Балте во время погрома убит один еврей[32].

---

27 Международная еврейская газета, 1992, март, № 6 (70), с. 7.

28 *Ю. Гессен*, т. 2, с. 215.

29 Зерно: Рабочий листок, июнь 1881, №3 // Историко-Революционный сборник / Под ред. В.И. Невского: В 3-х т. М.; Л.: ГИЗ, 1924–1926 (далее — ИРС). Т. 2, с. 360–361.

30 *Ю. Гессен*, т. 2, с. 217.

31 ЕЭ, т. 12, с. 614.

32 ЕЭ, т. 3, с. 723.

Известный еврей-современник писал: в погромах 80-х годов «грабили несчастных евреев, их били, но не убивали»[33]. (По другим источникам, зафиксировано 6–7 смертей.) Тогда, в 80–90-е годы, никто не упоминал массовых убийств и изнасилований. Однако прошло более полувека — и многие публицисты, не имеющие нужды слишком копаться в давних российских фактах, зато имеющие обширную доверчивую аудиторию, стали писать уже о массовых и преднамеренных зверствах. Например, читаем в многократно изданной книге М. Рейзина: что погромы 1881 привели «к изнасилованию женщин, убийству и искалечению тысяч мужчин, женщин и детей. Позже выяснилось, что эти беспорядки вдохновило и продумало само правительство, которое подстрекало погромщиков и препятствовало евреям в их самозащите»[34].

А Г.Б. Слиозберг, так разумно же знакомый с деятельностью российского государственного аппарата, — за границей в 1933 внезапно заявил, что погромы 1881 возникли не снизу, а сверху, от министра Игнатьева (который тогда и министром ещё не был, отказала память старику), и «нет... сомнения, что уже тогда нити погромной работы могли бы быть найдены в Департаменте Полиции»[35], — так и опытный юрист позволил себе опасную и дурную безосновательность.

Да вот — и в серьёзном нынешнем еврейском журнале, от современного автора мы узнаём, вопреки всем фактам и без привлечения новых документов: и что в Одессе в 1881 состоялся «трёхдневный погром»; и что в балтском погроме было «прямо[е] участи[е] солдат и полицейских», «убито и тяжело ранено 40 евреев, легко ранено 170»[36]. (Мы только что прочли в старой Еврейской энциклопедии: в Балте убит *один* еврей, а ранено — несколько. А в новой, через век от события, читаем: в Балте «к погромщикам присоединились солдаты... Несколько евреев было убито, сотни ранены, многие женщины изнасилованы». О погро-

[33] *М. Кроль*. Кишиневский погром 1903 года и Кишиневский погромный процесс // ЕМ–2, с. 370.

[34] *Max Raisin*. A History of the Jews in Modern Times. 2nd ed., New York: Hebrew Publishing Company, 1923, p. 163.

[35] *Г.Б. Слиозберг*. Дела минувших дней: Записки русского еврея: В 3-х т. Париж, 1933–1934. Т. 1, с. 118; т. 3, с. 53.

[36] *Прайсман* // «22», 1986, № 51, с. 175.

ме в Киеве: «около 20 женщин изнасиловано»[37].) Погромы — слишком дикая и страшная форма расправы, чтобы ещё манипулировать цифрами жертв.

И вот — закидано, заметено — и надо снова начинать раскопки?

Причины тех первых погромов настойчиво исследовались и обсуждались современниками. Ещё в 1872, после одесского погрома, генерал-губернатор Юго-Западного края предупреждал в докладе, что подобное событие может повториться и в его крае, ибо «здесь ненависть и вражда к евреям имеют историческую почву и только материальная от них зависимость крестьян в настоящем удерживает, вместе с мерами администрации, взрыв негодования русского населения против еврейского племени». Генерал-губернатор свёл суть дела к экономике: «подсчитал и расценил торгово-промышленное имущество, принадлежащее евреям в Юго-Западном крае, а вместе с тем указал на то, что, усиленно занявшись арендой помещичьих земель, евреи переуступали эти земли крестьянам на очень тяжёлых условиях». И такая причинная связь «получила общее признание в погромный восемьдесят первый год»[38].

Весной 1881 докладывал Государю также и Лорис-Меликов: «В основании настоящих беспорядков лежит глубокая ненависть местного населения к поработившим его евреям, но этим несомненно воспользовались злонамеренные люди»[39].

Так объясняли тогда и газеты. «Рассматривая причины, вызвавшие погромы, лишь немногие органы периодической прессы упомянули о племенной и религиозной ненависти; остальные считали, что погромное движение возникло на экономической почве; при этом одни усматривали в буйствах протест, направленный специально против евреев в виду их экономического господства над русским населением», другие — что народная масса вообще экономически стеснена, «искала, на ком излить свой гнев», — и таким объектом подошли евреи из-за своего бесправия[40]. Современник тех погромов упомянутый просветитель В. Пор-

---

[37] КЕЭ, т. 6, с. 562–563.

[38] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 216, 220.

[39] *Кантор* // Еврейская летопись*, Сб. 1, М.; Пд.: Радуга, 1923, с. 152.

[40] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 218.

туталов тоже «в еврейских погромах 1880-х гг. ... видел выражение протеста крестьян и городской бедноты против социальной несправедливости»[41].

Спустя десятилетия Ю.И. Гессен и подтверждает, что «еврейское население южных губерний» всё же находило «источники к существованию у евреев-капиталистов, между тем местное крестьянство переживало чрезвычайно тяжёлые времена»: не имело достаточно земли, «чему отчасти содействовали богатые евреи, арендуя помещичьи земли и тем возвышая арендную плату, непосильную для крестьян»[42].

Не упустим и ещё одного свидетеля, известного своим беспристрастием и вдумчивостью, которого никто не упрекал в «реакционности» или «антисемитизме», — Глеба Успенского. В начале 80-х годов он писал: «Евреи были избиты именно потому, что наживались чужою нуждой, чужим трудом, а не вырабатывали хлеб своими руками»; «под палками и кнутами... ведь вот всё вытерпел народ — и татарщину, и неметчину, а стал его жид донимать рублём — не вытерпел!»[43].

Но вот что отметим. Когда вскоре вослед погромам, в начале мая 1881, к Александру III пришла депутация видных столичных евреев во главе с бароном Г. Гинцбургом, Государь уверенно оценил, что «в преступных беспорядках на юге России евреи служат только предлогом, что это дело рук анархистов»[44]. И в тех же днях брат царя в. кн. Владимир Александрович заявил тому же Гинцбургу: что «беспорядки, как теперь обнаружено правительством, имеют своим источником не возбуждение исключительно против евреев, а стремления к произведению смут вообще». Также и генерал-губернатор Юго-Западного края докладывал, что «общее возбуждённое состояние населения обязано пропагандистам»[45]. И в этом власти оказались осведомлены. Столь скорые от них заявления показывают, что власти не роняли сроков в расследовании. Но по обычному недоразумию тогдашней российской администрации, непониманию

[41] КЕЭ, т. 6, с. 692.

[42] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 219–220.

[43] *Глеб Успенский*. Власть земли. Л.: Худож. лит., 1967, с. 67, 88.

[44] ЭЭ*, т. 1, с. 826.

[45] ЭЭ*, т. 12, с. 614.

7—5080

ею роли гласности, — не довели результатов расследования до публичности. Слиозберг ставит это центральным властям в упрёк: почему они не сделали «попыток оправдаться от обвинения в допущении погромов?»[46] (Так-то так, упрёк справедлив. Но ведь обвиняли правительство, как мы видели, и в нарочитом поджигании, и в руководстве погромами. Нелепо начинать с доказательства, что ты не преступник.)

А — не всем хотелось поверить в подстрекательство от революционеров. Вот вспоминает еврей-мемуарист из Минска: для евреев Александр II не был «Освободителем» — он не уничтожил черты оседлости, и всё же евреи искренно горевали при его смерти, однако и ни одного дурного слова не выговаривая против революционеров, с уважением о них, что ими двигали героизм и чистота помыслов. И при весенне-летних погромах 1881 года никак не верили, что подстрекали к ним социалисты: это всё — от нового царя и его правительства. «Правительство желает погромов, оно должно иметь козла отпущения». И когда потом уже достоверные свидетели с юга точно подтверждали, что то подстраивали социалисты, — продолжали верить, что это вина правительства[47].

Однако к началу XX века тщательные авторы уже признавали: «В печати имеются сведения об участии в погромах отдельных членов партии Народной Воли, но размеры этого участия ещё не выяснены... Судя по партийному органу, члены партии считали погромы соответствующими видам революционного движения; предполагалось, что погромы приучают народ к революционным выступлениям»[48]; «что движение, которое легче всего было направить против евреев, в своём дальнейшем развитии обрушится на дворян и чиновников. В соответствии с этим были приготовлены прокламации, призывавшие к нападению на евреев»[49]. Сегодня-то об этом как общеизвестном уже говорится бегло: «активная пропаганда народников (как членов “Народной Воли”, так и “Чёрного Передела”), готовых под-

[46] *Слиозберг*, т. 1, с. 106.

[47] *А.Лесин.* Эпизоды из моей жизни // ЕМ-2, с. 385-387.

[48] ЕЭ, т. 12, с. 617-618.

[49] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 218.

нять народное движение на какой угодно почве, в том числе и антисемитской»[50].

Из эмиграции тогда приветствовал начавшиеся погромы и неуёмный Ткачёв, предшественник Ленина по заговорной тактике.

Народовольцы (и ослабшие «чернопеределыцы») и не могли долго ждать после того, как убийство царя не вызвало предвидимой и ожидаемой ими мгновенной всеобщей революции. При той растерянности умов, какая возникла в народной массе после убийства царя-Освободителя, — не слишком-то большой и толчок требовался, чтобы шатание умов переклонилось в какую-то сторону.

При общей тогда непросвещённости этот переклон мог, вероятно, произойти по-разному. (Например, в те недели было и такое народное толкование, что царь убит дворянами в месть за освобождение крестьян.) На Украине существовали и мотивы противоеврейские. Первые движения весной 1881 ещё, возможно, предвосхитили умысел народовольцев — но тут же и надоумили, в какую сторону следует дуть. Пошло против евреев — так не отстать от народа! движение из недр масс — как же не использовать? Бей евреев, а там доберёмся и до помещиков! И неудавшиеся погромы в Одессе и Екатеринославе скорее всего раздувались уже народниками. А движение погромщиков именно вдоль железных дорог и участие в погромах именно железнодорожных рабочих — позволяет предположить подстрекательство легкоподвижных агитаторов, особенно с этим возбуждающим слухом, что «скрывают приказ царя»: за убийство его отца бить именно евреев. (Прокурор одесской судебной палаты так и выделил, «что, совершая еврейские погромы, народ был вполне убеждён в законности своих действий, твёрдо веруя в существование Царского указа, разрешающего и даже предписывающего истребление еврейского имущества»[51]. И, по Гессену, тут действовало «укоренившееся в народе сознание, что еврей стоит вне закона, что власть не может выступить против народа, защищая еврея»[52]. Это — призрачное — представление и хотели использовать народовольцы.)

---

[50] *Прайсман* // «22», 1986, № 51, с. 173.

[51] ЕЭ*, т. 1, с. 826.

[52] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 215.

Для истории сохранилось и несколько таких революционных листков. Такова — листовка 30 августа 1881, подписанная Исполнительным Комитетом Народной Воли (и из типографии Народной Воли), сразу по-украински: «Хто забрав у свої рукі землі, ліса, та корчми? — Жиди. — У кого мужик, часом скрізь слезы, просить доступитьця до свого лану...? — У жидів. — Куди ни глянешь, до чого ні приступишь, — жиди усюди. Жид чоловіка лае, він его обманюе, пье его кров»... И кончается призывом: «Підиймайтесь-же честні робочі люде!...»[53] И потом в газетке «Народная Воля» № 6: «Всё внимание обороняющегося народа сосредоточено теперь на купцах, шинкарях, ростовщиках, словом на евреях, этой местной "буржуазии", поспешно и страстно, как нигде, обирающей рабочий люд». И вослед, в приложении к Листку Народной Воли (уже 1883), несколько «поправляясь»: «погромы [—] начало всенародного движения, "но не против евреев как евреев, а против 'жидив', т.е. народных эксплуататоров"»[54]. И в упомянутом уже листке «Зерно» чернопередельцев: «Невтерпёж стало рабочему люду еврейское обирательство. Куда ни пойдёт он, почти повсюду наталкивается на еврея-кулака. Еврей держит трактиры и кабаки, еврей землю снимает у помещика и потом втридорога сдаёт её в аренду крестьянину, он и хлеб скупает на корню, и ростовщичеством занимается, да при том дерёт такие проценты, что народ прямо назвал их "жидовскими"... "Это кровь наша!" говорили крестьяне полицейским чиновникам, которые пришли забрать у них назад еврейское имущество». Но та же «поправка» и у «Зерна»: «...и среди евреев далеко не все богаты... не все они кулаки... Отбросьте же вражду к иноплеменникам и иноверцам» — а соединяйтесь с ними «против общего врага»: царя, полиции, помещиков и капиталистов[55].

Только «поправки» эти пришли уже поздно. Такие листовки размножались потом и в Елизаветграде и других городах Юга, и «Южнорусским Рабочим Союзом» в Киеве, — уже и миновали погромы, а народники всё раскачивали их ещё и в 1883, надеясь возобновить, а через них — размахнуть всероссийскую революцию.

---

[53] Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. Кн. 48, М., 1928, с. 50–52.

[54] *Д.Шуб.* Евреи в русской революции // ЕМ-2, с. 129–130.

[55] ИРС, т. 2, с. 360–361.

Погромная волна на Юге вызвала, конечно, обширные отклики в привременной столичной прессе. Также и в «реакционных» «Московских ведомостях» М.Н. Катков, и всегда защищавший евреев, клеймил погромы как исходящие от «злокозненных интриганов», «которые умышленно затемняют народное сознание, заставляя решать еврейский вопрос не путём всестороннего изучения, а помощью "поднятых кулаков"»[56].

Выделились статьи писателей. И.С. Аксаков, постоянный противник полной эмансипации евреев, ещё в конце 50-х годов пытался удержать правительство «от слишком смелых шагов» на этом пути. Когда вышел закон о предоставлении государственной службы евреям с учёными степенями, он выступил с возражениями (1862): что евреи — «горсть людей, совершенно отрицающих христианское учение, христианский идеал и кодекс нравственности (следовательно все основы общественного быта страны), и исповедующих учение враждебное и противоположное». Он не допускал уравнение евреев в правах политических, хотя вполне допускал их уравнение в правах чисто гражданских, чтобы еврейскому народу «обеспечена была полная свобода быта, самоуправления, развития, просвещения, торговли... даже... допущение их на жительство по всей России». В 1867 писал, что экономически «не об эмансипации евреев следует толковать, а об эмансипации русских от евреев». Отмечал глухое равнодушие либеральной печати к крестьянскому состоянию и нуждам. И теперь волну погромов 1881 Аксаков объяснил проявлением народного гнева против «гнёта еврейства над русским местным народом», отчего при погромах — «отсутствие грабежа», только разгром имущества и «какое-то простодушное убеждение в правоте своих действий»; и повторял, что следует ставить вопрос «не о равноправности евреев с христианами, а о равноправности христиан с евреями, об устранении бесправности русского населения пред евреями»[57].

Статья М.Е. Салтыкова-Щедрина, напротив, была исполнена негодования: «История никогда не начертывала на своих страницах вопроса более тяжёлого, более чуждого че-

---

[56] ЕЭ, т. 9, с. 381.

[57] *И.С. Аксаков.* Соч.: В 7-ми т. М., 1886–1887. Т. 3, с. 690, 693, 708, 716, 717, 719, 722.

ловечности, более мучительного, нежели вопрос еврейский... Нет ничего бесчеловечнее и безумнее предания, выходящего из тёмных ущелий далёкого прошлого... переносящего клеймо позора, отчуждения и ненависти... Что бы еврей ни предпринял, он всегда остаётся стигматизированным»[58]. Щедрин не отрицал, «что из евреев вербуется значительный контингент ростовщиков и эксплуататоров разного рода», но спрашивал: как же можно за счёт одного типа переносить обвинение на всё еврейское племя?[59]

Озирая всю тогдашнюю дискуссию, нынешний еврейский автор пишет: «либеральная и, говоря условно, прогрессивная печать выгораживала громил»[60]. То же заключает и дореволюционная Еврейская энциклопедия: «Но и в прогрессивных кругах сочувствия к еврейскому народному горю не было проявлено в достаточной мере... взглянули на эту катастрофу с точки зрения насильников, в лице которых представлялся обездоленный крестьянин, совершенно игнорируя нравственные страдания и материальное положение погромленного еврейского народа». И даже радикальные «Отечественные записки» оценивали так: народ восстал против евреев за то, что они «взяли на себя роль пионера капитализма, за то, что они живут по новой *правде* и широкою рукою черпают из этого нового источника благоустроение собственного благополучия на несчастие околодка», а потому «необходимо, чтобы “народ был ограждён от еврея, а еврей от народа”, а для этого надо улучшить положение крестьян»[61].

Сочувственный к евреям писатель Д. Мордовцев в «Письме христианина по еврейскому вопросу», в еврейском журнале «Рассвет», пессимистически призывал евреев «эмигрировать в Палестину и Америку, видя лишь в этом решение еврейского вопроса в России»[62].

В еврейской публицистике и воспоминаниях этого периода высказывалась обида: ведь печатные выступления *против* евреев, как с правой, так и с революционно-левой

---

58 *М.Е. Салтыков-Щедрин.* Июльское веяние // Отечественные записки, 1882, № 8.

59 ЕЭ, т. 16, с. 142.

60 *Ш. Маркиш.* О еврейской ненависти к России // «22», 1984, № 38, с. 216.

61 ЕЭ, т. 2, с. 741.

62 КЕЭ, т. 5, с. 463.

стороны, следовали непосредственно за погромами. А вскоре (из-за погромов тем более энергично) и правительство вновь усилит ограничительные меры *против* евреев. Эту обиду нужно отметить и понять.

Но в позиции правительства следует разобраться объёмно. В сферах правительственно-административных шли и дискуссии, и искались общие решения проблемы. Новый министр внутренних дел Н.П. Игнатьев в докладе Государю обрисовывал её объём за всё минувшее царствование: «Признавая вредные для христианского населения страны последствия экономической деятельности евреев, их племенной замкнутости и религиозного фанатизма, правительство в последние 20 лет целым рядом предпринятых мер старалось способствовать слиянию евреев с остальным населением и почти уравняло евреев в правах с коренными жителями». Однако, нынешнее антиеврейское движение «“неопровержимо доказывает, что, несмотря на все старания правительства, ненормальность отношений между еврейским и коренным населением этих местностей продолжает существовать по-прежнему”, благодаря обстоятельствам экономического характера: со времени смягчения правовых ограничений евреи захватили в свои руки не только торговлю и промыслы, но приобрели значительную поземельную собственность, “причём, благодаря сплочённости и солидарности, они, за немногими исключениями, направили все свои усилия не к увеличению производительных сил государства, а к эксплоатации преимущественно беднейших классов окружающего населения”». И теперь, подавив беспорядки, оградив евреев от насилия, «представляется “справедливым и неотложным принять не менее энергичные меры к устранению нынешних ненормальных условий... между коренными жителями и евреями, и для ограждения населения от той вредной деятельности евреев”»[63].

И, соответственно тому, в ноябре 1881, были образованы в 15 губерниях черты оседлости, а также в Харьковской[64] — губернские комиссии «из представителей от всех сословий и обществ (не исключая еврейских), которые и должны были осветить еврейский вопрос и высказать свои

---

[63] *Ю. Гессен**, т. 2, с. 220–221.

[64] ЕЭ, т. 1, с. 827.

мысли об его разрешении»[65]. А предлагалось комиссиям ответить, среди многих сугубо фактических, и на такие вопросы: «Какие вообще стороны экономической деятельности евреев особенно вредно влияют на быт коренного населения данных местностей?» Какие затруднения мешают применять узаконения о евреях относительно покупки и арендования земель, торговли крепкими напитками, ростовщичества? Какие изменения признавались бы необходимыми, дабы устранить обход евреями законов? «Какие вообще следовало [бы] принять меры законодательные и административные, дабы парализовать вредное влияние евреев» в разных родах экономической деятельности?[66] Созданная двумя годами позже либеральная «Паленская» межминистерская «Высшая комиссия» по пересмотру законов о евреях отметила, что в этой программе, заданной губернским комиссиям, как бы заранее были уже и признаны — «вред от евреев, их дурные качества и свойства»[67].

Однако и сами администраторы, воспитанные александровской бурно-реформенной эпохой, были многие основательно либеральны, и ещё же состояли в тех комиссиях общественные участники. И министерство Игнатьева получило изрядный разнобой ответов. Некоторые комиссии высказывались за уничтожение черты оседлости. «Отдельные же члены [комиссий] — и их было не мало» — признали единственным правильным решением еврейского вопроса — отмену вообще всех ограничений[68]. — Напротив, виленская комиссия формулировала, что евреи «овладели экономическим господством, "благодаря ошибочно понятой общечеловеческой идее равноправности, вредно применённой по отношению иудейства в ущерб коренной народности"»; еврейский закон дозволяет «пользоваться всякою слабостью и доверчивостью иноверца». «Пусть евреи отрекутся от своей замкнутости и обособленности, пусть откроют тайники своей общественной организации, допустят свет туда, где посторонним лицам представляется лишь мрак, и только тогда можно будет думать об открытии евреям новых сфер деятельности, без опасения, что евреи желают пользоваться выгодами национально-

[65] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 221.

[66] ЕЭ, т. 1, с. 827.

[67] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 221.

[68] ЕЭ, т. 1, с. 827–828.

сти, не будучи членами нации и не неся на себе долю национального бремени»[69].

«В отношении проживания в деревнях и сёлах комиссии признали необходимым ограничить права евреев»: или вовсе запретить там жить, или обусловить согласием сельских обществ. Пра́ва владения недвижимостью вне городов и местечек — одни комиссии предлагали вовсе лишить евреев, другие — установить ограничения. Наибольшее единодушие проявили комиссии в том, чтобы запретить евреям питейную торговлю в деревнях. Министерство собирало мнения и от губернаторов и, «за редкими исключениями, отзывы местных властей были неблагоприятны для евреев»: изыскивать, как оградить христианское население «от столь надменного племени как еврейское»; «от еврейского племени нельзя ожидать, чтобы оно посвятило свои дарования... на пользу родины»; «талмудическая нравственность не ставит евреям никаких преград, ежели дело идёт о наживе на счёт иноплеменника». Но, например, харьковский генерал-губернатор не считал возможным предпринимать ограничительные меры против всего еврейского населения, «без различия правого от виноватого»; он предлагал: «расширить право передвижения евреев и распространить среди них просвещение»[70].

Той же осенью по представлению Игнатьева был учреждён специальный (уже девятый по счёту) «Комитет о евреях» (из троих постоянных членов, из них двое профессоров), с задачей: обработать материалы губернских комиссий и составить из того единый законопроект[71]. (Существовавшая же с 1872 «Комиссия по устройству быта евреев», то есть восьмой комитет, была вскоре упразднена, «по несоответствию её назначения с настоящим положением еврейского вопроса».) Новый Комитет исшёл из убеждения, что цель слияния евреев с прочим населением, к чему правительство стремилось последние 25 лет, — оказалась недостижимой[72]. Поэтому «трудность разрешения запутанного еврейского вопроса вынуждает обратиться за указанием к старине, к тому времени, когда разные новшества ещё не проникли ни в чужеземное, ни в наше законодательство и

[69] ЕЭ*, т. 2, с. 742–743.

[70] ЕЭ*, т. 1, с. 827–828.

[71] ЕЭ, т. 9, с. 690–691.

[72] ЕЭ*, т. 1, с. 829.

не успели ещё принести с собой тех печальных последствий, которые обыкновенно наступают, когда к данной стране... применяются начала, противные духу народному». Евреи издавна считались инородцами и должны считаться таковыми[73].

Комментирует Гессен: «дальше... не могла пойти самая реакционная мысль». А: если уж заботиться о национальных устоях, то за минувшие 20 лет можно было позаботиться о *подлинном* освобождении крестьянства.

И правда же: Александрово освобождение крестьян — дальше разворачивалось в смутной, недоконченной и развращающей крестьян обстановке.

Однако: «в правительственных кругах ещё находились люди, которые не считали возможным вообще изменить политике предшествующего царствования»[74], — и они были на крупных постах, и сильны. И часть министров воспротивилась предложениям Игнатьева. Видя сопротивление, он разбил предлагаемые меры на коренные (и потому требующие нормального процесса, продвижения через правительство и Государственный Совет) и *временные*, которые по закону допустимо было принять и ускоренным, упрощённым порядком. «Дабы сельское население убедилось, что правительство защищает его от эксплоатации евреев», — воспретить евреям постоянное проживание вне городов и местечек (где и «правительство бессильно защищать их от погромов в разбросанных деревнях»), воспретить покупать и арендовать там недвижимость, также и торговать спиртными напитками. А по отношению к уже живущим там евреям: предоставить сельским обществам право «выселять евреев из сёл по приговорам сельских сходов». — Но другие министры, особенно министр финансов Н.Х. Бунге и министр юстиции Д.Н. Набоков, не дали Игнатьеву осуществить эти его меры: отклонили законопроект, опираясь на то, что нельзя принимать столь обширные запретительные меры, «не обсудив их обычным законодательным порядком»[75].

Вот и толкуй о безграничном злостном произволе российского самодержавия.

---

[73] *Ю. Гессен**, т. 2, с. 222.

[74] ЕЭ, т. 2, с. 744.

[75] ЕЭ, т. 1, с. 829–830.

Коренные меры Игнатьева не прошли, а временные прошли в сильно усечённом виде. Отвергнуты были: возможность высылки из деревень уже живущих там евреев; запрет им заниматься там питейной торговлей; и — запрет аренды и покупки земель. И только под опасением, что вокруг Пасхи 1882 погромы могут повториться, — было принято, и как временная же мера, до полной разработки всех законов о евреях: запретить евреям *вновь, отныне* поселяться и вступать во владение или пользоваться недвижимым имуществом вне городов и местечек, то есть в сёлах, а также «торговать по воскресениям и христианским праздникам»[76]. На тамошнюю недвижимость «приостановить временно совершение купчих крепостей и закладных на имя евреев... засвидетельствование... арендных договоров на недвижимые имущества... доверенностей на управление и распоряжение сими имуществами»[77]. Этот обломок от всех задуманных Игнатьевым мер был утверждён 3 мая 1882 как «Временные правила» (известные как «майские»). Обломок — и Игнатьев через месяц уже вышел в отставку, созданный им «Комитет о евреях» прекратил своё недолгое существование, а новый министр внутренних дел граф Д.А. Толстой тотчас издал строгий циркуляр против возможных новых погромов, возлагая на губернские власти полную ответственность за своевременное предупреждение беспорядков[78].

Таким образом, по «Временным правилам» 1882 евреи, поселившиеся в сельских местностях до 3 мая, *не* выселялись; их экономическая деятельность там существенно не ограничивалась. К тому же правила эти «применять лишь в губерниях постоянной оседлости евреев», не в губерниях глубинной России. Ограничения не распространялись и на врачей, адвокатов, инженеров, т.е. лиц, имеющих «право повсеместного жительства по образовательному цензу». Ограничения эти не касались также «существующих ныне еврейских колоний, занимающихся земледелием»; и ещё был немалый (а потом всё возраставший) перечень сельских посёлков, в которых «в изъятие» от «Временных правил» разрешено селиться евреям[79].

---

76 *Ю.Гессен*, т. 2, с. 226–227; КЕЭ, т. 7, с. 341.

77 ЕЭ, т. 5, с. 815–817.

78 ЕЭ, т. 12, с. 616.

79 ЕЭ*, т. 5, с. 815–817.

Вослед изданию «Правил» потекли запросы с мест и в ответ им — сенатские разъяснения. Из них следовало, например: что «разъезды по сельским местностям, временные остановки и даже временное в них пребывание лиц, не имеющих право на постоянное пребывание, законом 3 мая 1882 г. не воспрещаются»; что «воспрещена аренда одних лишь земель и земельных угодий, аренда же всех прочих недвижимых имуществ, как то винокуренных заводов, оброчных статей, зданий для торговли и промыслов и квартир для жилья, не воспрещается»; также «Сенат признал дозволенным засвидетельствование лесорубочных договоров с евреями, хотя бы для вырубки леса назначался продолжительный срок и хотя бы покупщику леса предоставлено было пользование подлесной землёй»; и наконец, что нарушения закона 3 мая не подлежат уголовному преследованию[80].

Разъяснения Сената нужно признать смягчительными, во многом и благожелательными, «в 1880-х гг. Сенат боролся с... произвольным толкованием законов»[81]. Однако сами эти правила, сам запрет «вновь селиться вне городов и местечек» и вновь «владеть недвижимостью крайне стеснили евреев в отношении винокурения», а «участие евреев в винокурении до издания временных правил 3 мая 1882 г. было весьма значительным»[82].

Вот эта мера — ограничить евреев в сельской виноторговле, впервые намеченная ещё в 1804 и даже вот в 1882 осуществлённая лишь крайне частично, — разожгла повсеместное негодование на «исключительную жестокость» «Правил 3 мая». А правительство видело перед собой трудный выбор: расширение винного промысла при крестьянской слабости и углубление крестьянской нужды, или же ограничение свободного роста этого промысла, чтобы только жившие в сёлах евреи оставались, а новые бы не ехали. Его выбор — ограничение — был признан жестокостью.

А — сколько евреев к 1882 году жило в сельских местностях? Мы уже встречались с послереволюционными оценками, при использовании государственных архивов: в деревнях жила одна *треть* всего еврейского населения «черты», в местечках — тоже треть, 29% в средних городах

---

[80] ЕЭ, т. 5, с. 816–819.

[81] КЕЭ, т. 7, с. 342.

[82] ЕЭ, т. 5, с. 610–611.

и 5% в крупных[83]. «Правила» — мешали теперь «деревенской» трети возрастать дальше?

Теперь — эти «майские правила» изображаются как решающий и бесповоротный репрессивный рубеж российской истории. Еврейский автор пишет: это был первый толчок к эмиграции! — сперва «внутренней» миграции, потом массовой заокеанской[84]. — Первая причина еврейской эмиграции — «игнатьевские "временные правила", насильственно выбросившие около миллиона евреев из сёл и деревень в города и местечки черты оседлости»[85].

Протрём глаза: как же они *выбросили*, да ещё целый миллион? Они, кажется, только *не допустили* новых? Нет, нет! — уже подхвачено и покатилось: будто с 1882 евреям не только *запретили жить в деревнях повсюду*, но и во всех *городах*, кроме 13 губерний; что их *вселяли назад* в местечки «черты» — *оттого* и начался широкий отъезд евреев за границу[86].

Остужающе можно было бы вспомнить. Что первую идею о еврейской эмиграции из России в Америку подал съезд Альянса (Всемирного Еврейского Союза) ещё в 1869 — с мыслью, что первые, кто устроятся там, с помощью Альянса и местных евреев, «стали бы... притягательным центром для русских единоверцев»[87]. Что «начало эмиграции [евреев из России] относится к середине 19 века, а значительное развитие... приобретает после погромов 1881 г. Но только с середины 90-х гг. эмиграция становится крупным явлением еврейской экономической жизни, принимает массовые размеры»[88], — заметим: *экономической* жизни, а не политической.

Затем, поднимаясь на огляд всемирный: что иммиграция евреев в Соединённые Штаты была в XIX столетии огромным вековым и мировым историческим процессом. Что

---

[83] *Ю.Ларин.* Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л.: ГИЗ, 1929, с. 49-50.

[84] *И.М.Дижур.* Евреи в экономической жизни России // [Сб.] Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до Революции 1917 г. (далее — КРЕ-1). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960, с. 160.

[85] *И.М.Дижур.* Итоги и перспективы еврейской эмиграции // ЕМ-2, с. 343.

[86] *Ларин*, с. 52-53.

[87] ЕЭ, т. 1, с. 947.

[88] ЕЭ, т. 16, с. 264.

было три последовательных волны той еврейской эмиграции: сперва испано-португальская, потом немецкая (из Германии и Австро-Венгрии), лишь потом из Восточной Европы и России[89]. По причинам, о которых не здесь судить, в XIX веке происходило крупное историческое движение мирового еврейства в Соединённые Штаты, далеко-далеко не только из одной России. В аспекте предолгой еврейской истории трудно переоценить значение этой эмиграции.

А из Российской Империи «поток еврейской эмиграции шёл из всех губерний, входивших в состав черты оседлости, но наибольшее число эмигрантов давали Польша, Литва и Белоруссия»[90], значит не с Украины, как раз и испытавшей погромы, — и причина была всё та же: скученность, создающая внутриеврейскую экономическую конкуренцию. — Более того, опираясь на российскую статистику, В.Тельников обращает наше внимание, что в два последние десятилетия века, как раз после погромов 1881–82 годов, переселение евреев из Западного края, где погромов не было, в Юго-Западный, где они были, — численно не уступало, если не превосходило, еврейские отъезды вовне из России[91]. И если в 1880 во внутренних губерниях жило, по официальным данным, 34 тысяч евреев, то по переписи 1897 — уже 315 тысяч, в 9 раз больше[92].

Погромы 1881–82, конечно, вызвали шок — но даже по всей ли Украине? Например, Слиозберг пишет: «Погромы 1881 г. не разбудили евреев в Полтаве, и вскоре о них позабыли». В 80-е годы в Полтаве «еврейская молодёжь не знала о существовании еврейского вопроса, не чувствовала себя выделенной из русской молодёжи вообще»[93]. Погромы 1881–82, при их полной внезапности, могли казаться и бесповторными, а побеждала неизменная экономическая тяга евреев: расселяться туда, где они живут реже.

---

[89] *М.Ошерович*. Русские евреи в Соединенных Штатах Америки // КРЕ-1, с. 287.

[90] *Я.Д.Лещинский*. Еврейское население России и еврейский труд // КРЕ-1, с. 190.

[91] Сборник материалов об экономическом положении евреев в России. Т. 1, СПб.: Еврейское Колонизационное Общество, 1904, с. xxxiii–xxxv, xiv–xivi.

[92] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 210; ЕЭ, т. 11, с. 534–539.

[93] *Слиозберг*, т. 1, с. 98, 105.

Но что несомненно и неоспоримо: с рубежа 1881 года начался решительный отворот передового образованного еврейства от надежд на полное слияние со страной «Россия» и населением России. — Г. Аронсон с поспешностью заключает даже, что «разбил эти иллюзии ассимиляции» «одесский погром 1871 г.»[94]. Нет! никак ещё не он. — Но если, например, проследить биографии виднейших русских образованных евреев, то у многих мы заметим, что с рубежа 1881–82 резко изменилось их отношение к России и к возможностям полной ассимиляции. Хотя уже тогда выяснилась и не оспаривалась несомненная стихийность погромной волны и никак не была доказана причастность к ней властей, а напротив — революционных народников, однако *не простили* этих погромов именно русскому правительству — и уже никогда впредь. И хотя погромы происходили в основном от населения украинского — их не простили и навсегда связали с именем русским.

«Погромы 80-х годов... отрезвили многих [сторонников] ассимиляции» (но не всех, идея ассимиляции ещё оставалась жить). — И вот, иные еврейские публицисты уклонились в другую крайность: вообще *невозможно* евреям жить среди других народов, всегда будут смотреть как на чужих. И «палестинское движение... стало... "быстро расти"»[95].

Именно под впечатлением погромов 1881 года одесский врач Лев Пинскер опубликовал (в 1882 в Берлине и анонимно) свою брошюру «Автоэмансипация. Призыв русского еврея к своим соплеменникам», «произведш[ую] огромное впечатление на русское и западно-европейское еврейство». То был воззыв о неискоренимой чуждости евреев окружающим народам[96]. Об этом мы будем говорить в главе 7-й.

П. Аксельрод уверяет, что и *радикальная* еврейская молодёжь именно тогда обнаружила, что русское общество вовсе не приняло их как своих, — и в эти годы они стали отходить от революционного движения. А вот это утверждение — видится очень-очень преждевременным. В рево-

[94] *Г. Я. Аронсон.* В борьбе за гражданские и национальные права: Общественные течения в русском еврействе // КРЕ-1, с. 208.

[95] *Г. Свет.* Руские евреи в сионизме и в строительстве Палестины и Израиля // КРЕ-1, с. 241–242.

[96] ЕЭ, т. 12, с. 526.

люционных-то кругах, исключая названную народовольческую попытку, евреев всегда считали за самых *своих*.

Однако, вопреки охлаждению еврейской интеллигенции к ассимиляции, в правительственных кругах ещё продолжалась инерция эпохи Александра II, ещё и несколько лет не было полностью сменено сочувственное отношение к еврейской проблеме на жёстко-ограничительное. После годового министерствования графа Игнатьева, испытавшего столь устойчивое противостояние ему в еврейском вопросе от либеральных сил в верхах правительственных сфер, — была высочайше утверждена в начале 1883 «Высшая комиссия для пересмотра действующих о евреях в Империи законов», или, как её именовали по председателю графу Палену, — «Паленская комиссия» (значит — десятый по счёту «еврейский комитет»). Она вобрала в себя полтора-два десятка лиц из высшей администрации, членов министерских советов, директоров департаментов (иные — со звучнейшими фамилиями, как Бестужев-Рюмин, Голицын, Сперанский), а также включила в себя семерых «экспертов из евреев» — влиятельнейших финансистов, как барон Гораций Гинцбург и Самуил Поляков, и видных общественных деятелей, как — Я. Гальперн, физиолог и публицист Н. Бакст («весьма возможно, что благоприятное отношение большинства членов комиссии к разрешению еврейского вопроса было вызвано в известной степени влиянием» Бакста) и раввин А. Драбкин[97]. Эти еврейские эксперты во многом и подготовили материал для рассмотрения комиссией.

Большинство Паленской комиссии выразило убеждение, что «конечная цель законодательства о евреях [должна быть] не что иное, как его упразднение», «существует лишь один исход и один путь, это — путь освободительный и объединяющий евреев со всем населением под сенью одних и тех же законов»[98]. (И действительно, редко что в российском законодательстве наслоилось так многосложно и противоречиво, как, за десятилетия, законы о евреях: 626 статей к 1885 году! И ещё потом добавлялись, и в Сенате то и дело исследовали и трактовали их формулировки...) Что если евреи даже и не выполняют государственных обязанностей в равной мере с другими, тем не менее нельзя «лишать

[97] ЕЭ, т. 5, с. 862; т. 3, с. 700.

[98] ЕЭ*, т. 1, с. 832–833.

еврея тех основ, на которых зиждется его бытие, его равноправие как подданного». Соглашаясь с тем, «что некоторые стороны внутренней еврейской жизни требуют реформы, что отдельные виды деятельности евреев представляют эксплуатацию окружающего населения», большинство комиссии осудило систему «репрессивных и исключительных мер». Комиссия ставила целью законодательства «уравнение прав евреев со всеми другими подданными», хотя и рекомендовала при этом «величайшую осторожность и постепенность»[99].

Но практически комиссии удалось произвести лишь некоторые частные смягчения ограничительных законов. Наибольшие усилия её были направлены на смягчение «Временных правил» 1882, особенно в отношении аренды земли евреями. Комиссия строила доводы как бы в защиту не евреев, а помещиков: что запрет евреям арендовать помещичьи земли не только тормозит развитие сельскохозяйственных промыслов, но приводит к тому, что в Западном крае отдельные направления хозяйства остаются, к убытку помещиков, вовсе в бездействии: их некому брать, не находится желающих арендаторов. — Однако министр внутренних дел Д.А.Толстой согласился с меньшинством комиссии: запрета на новые земельно-арендные сделки не отменять[100].

Паленская комиссия просуществовала 5 лет, до 1888, и в работе её постоянно сталкивалось либеральное большинство с консервативным меньшинством. Отначала «у графа Толстого не было намерения направить пересмотр законов непременно к репрессивным мерам» — и 5-летнее существование Паленской комиссии подтверждает это. В тот момент и «Государь не желал влиять лично на своё правительство в деле усугубления репрессий против евреев». Заступив на трон в столь драматичный момент, Александр III вовсе не проявил суеты ни в смене прежних либеральных чиновников, ни в выборе жёсткого государственного курса: он долго присматривался. «В течение всего царствования Александра III вопрос об *общем* пересмотре законодательства о евреях оставался открытым»[101]. Но к 1886–87 годам взгляд Государя уже склонялся в сторону отвердения част-

99 *Ю.Гессен*, т. 2*, с. 227–228.

100 ЕЭ, т. 3, с. 85.

101 ЕЭ, т. 1, с. 832–834.

ных ограничений к евреям — и так работа комиссии осталась без заметных результатов.

Одним из первых побуждений к более строгому контролю или стеснению евреев, нежели то было при его отце, мог послужить постоянный недобор евреев-призывников к отбыванию военной службы — пропорционально к призывникам-христианам очень заметный. — А по уставу 1874, отменившему рекрутчину, воинская повинность теперь раскладывалась на всех граждан без различия состояний, но с условием, что неспособные к службе заменяются: христиане — христианами, евреи — евреями. В случае евреев это правило осуществлялось с трудом. Тут была и прямая эмиграция призывников, и уклонения, использующие большую путанность и небрежность в учёте еврейского населения, в ведении метрических книг, в достоверности сведений о семейном положении призываемого и точного места жительства каждого. (Традиция всех этих неопределённостей тянулась от времён кагалов, и сознательно поддерживалась для облегчения платимой подати.) «В 1883 и 1884 гг. не редки были случаи, когда евреев-новобранцев, вопреки закону, арестовывали из одного предположения, что они могут скрыться»[102]. (Этот приём, впрочем, и раньше применялся местами к рекрутам-христианам.) Кое-где стали требовать с еврея-призывника фотокарточку, вообще в то время не употреблявшуюся. — А в 1886 был издан «весьма стеснительны[й]» закон «о некоторых мерах к обеспечению правильного исполнения евреями воинской повинности», установивший между другими мерами «300-рублёвый штраф с родственников за каждого уклонившегося от призыва еврея»[103]. — «С 1887 г. евреев-вольноопределяющихся [то есть использующих в ходе службы льготы образования] перестали допускать к держанию экзамена на офицерский чин»[104]. (При Александре II евреи могли получать офицерские чины.) Но офицерские должности военных врачей оставались открытыми для евреев постоянно.

Однако если сопоставить, что в те же годы от воинской повинности были вовсе освобождены до 20 миллионов других «инородцев» Империи, — то не следовало ли бы тогда освободить от неё и евреев, тем польготив за другие стесне-

[102] ЕЭ, т. 3, с. 167.

[103] ЕЭ, т. 1, с. 836.

[104] ЕЭ, т. 3, с. 167.

ния?... Или тут продолжалось наследие замысла Николая I — присоединить евреев к российской общности через военную службу? занять «бездельных»?

Наряду с тем евреи в массе вливались в общие учебные заведения. С 1876 по 1883 год число евреев в гимназиях и прогимназиях почти удвоилось, университетских же студентов с 1878 по 1886 — тоже за 8 лет, ушестерилось и достигло 14,5 %[105]. Ещё и при конце царствования Александра II на то поступали от местных властей тревожные жалобы. — Так, в 1878 минский губернатор докладывал, «что, обладая денежными средствами, евреи лучше обставляют воспитание своих детей, чем русские, что материальное положение еврейских учащихся лучше того, в котором находятся христиане, а потому, чтобы еврейский элемент не взял перевеса над остальным населением, надо ввести процентную норму для приёма евреев в среднюю школу»[106]. — Затем, после волнений в некоторых южных гимназиях в 1880, с подобным же представлением выступил попечитель одесского учебного округа. В 1883 и 1885 — и два последовательных новороссийских (одесских) генерал-губернатора: что там произошло «переполнение учебных заведений евреями» и надо либо «ограничить число евреев в гимназиях и прогимназиях» пятнадцатью процентами «общего числа учеников», либо «более справедлив[ой] нормой, равной отношению еврейского населения к общему»[107]. (В 1881 в некоторых гимназиях одесского округа евреев состояло до 75% от общего числа учащихся[108].) — В 1886 поступил доклад от харьковского губернатора, «жаловавшегося на наплыв евреев в общую школу»[109].

Во всех этих случаях комитет министров не считал возможным принять ограничительные общие решения, лишь направлял доклады на рассмотрение в Паленскую комиссию, где они не получали поддержки.

А с 70-х годов проявилось преимущественное участие в революционном будоражении — именно студенчества. После убийства Александра II общее намерение подавить

---

105 *Ю.Гессен*, т. 2, с. 230.

106 Там же, с. 229.

107 ЕЭ, т. 13, с. 51; т. 1, с. 834-835.

108 *Ю.Гессен*, т. 2, с. 231.

109 ЕЭ, т. 1, с. 835.

революционное движение не могло обойти и студенческие «гнёзда революции» (а уже подпитывали их и старшие классы гимназий). И тут возникла ещё та тревожная для правительства связь, что вместе с умножением евреев среди студенчества — заметно умножалось и их участие в революционном движении. Среди высших учебных заведений выделилась революционерством Медико-Хирургическая (затем она Военно-Медицинская) Академия. А в неё — евреи особенно охотно шли. И уже в судебных процессах 70-х годов мелькают евреи-слушатели этой Академии.

И первой частной ограничительной мерой стал приказ 1882 года, чтобы среди поступающих в Военно-Медицинскую Академию евреи не составляли бы более 5%.

В 1883 такой же приказ последовал относительно Горного института, в 1884 — об институте Путей Сообщения[110]. — В 1885 был ограничен десятью процентами приём евреев в харьковский Технологический институт, а в 1886 — полностью прекращён их приём в харьковский Ветеринарный: так как «г. Харьков всегда был центром политической агитации, и пребывание в нём евреев в более или менее значительном числе представляется вообще нежелательным и даже опасным»[111].

Так — мнили ослабить удары революционных волн.

---

110 ЕЭ, т. 1, с. 834.

111 ЕЭ*, т. 13, с. 51.

Глава 6 — В РОССИЙСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

В России 60–70-х годов XIX в. при широкой поступи реформ —не было ни экономических, ни социальных оснований для интенсивного революционного движения. Но именно при Александре II, от самого начала его освободительных шагов, — оно и началось, скороспелым плодом идеологии: в 1861 — студенческие волнения в Петербурге, в 1862 — буйные пожары от поджогов там же и кровожадная прокламация «Молодой России», а в 1866—выстрел Каракозова, начало террористической эры на полвека вперёд.

И именно же при Александре II, когда столь ослаблены были ограничения еврейской жизни в России, — начинают встречаться еврейские имена среди революционеров. Ни в кружках Станкевича, Герцена–Огарёва, ни среди петрашевцев ещё не было ни одного еврея. (Мы не касаемся Польши.) Но в петербургских студенческих волнениях 1861 уже встречаем Михаэлиса, Утина и Гена. Утина же мы затем видим в кружке у Нечаева.

Участие евреев в российском революционном движении требует нашего внимания, ибо радикальная революционность стала растущей стезёй активности среди еврейской молодёжи. Еврейское революционное движение стало качественно важной составляющей революционности общерусской. Количественное соотношение русских и еврейских революционеров в разные годы — впечатляет. Хотя если речь на последующих страницах идёт преимущественно о евреях — то это лишь по кругу нашего обозрения, а не означает, разумеется, что среди русских не было многих и важных революционеров.

В общем, до начала 70-х годов к революционному движению примкнуло весьма малое число евреев, и на второстепенных ролях. (Во многом и от того, что евреев ещё и мало было среди студентов.) Характерно, что, например, Лев Дейч в свои 10 лет в 1866 был возмущён выстрелом Каракозова, себя же ощущал «патриотом». — В русский нигилизм 60-х годов евреи тоже не внесли ведущего вклада, хотя, по своему рационализму, легко и охотно его усваивали.

«В среде еврейской учащейся молодёжи нигилизм сыграл ещё более благотворную роль, чем в христианской»[1].

Но уже в начале 70-х важную роль для российского революционного движения начал играть кружок молодых евреев в Вильне, вокруг виленского раввинского училища. (Среди них цитируемый нами в дальнейшем В. Иохельсон, будущий видный террорист А. Зунделевич — оба успешно учились, считались уже раввинистами; будущий издатель венской «Правды» А. Либерман, а также Анна Эпштейн, Максим Ромм, Финкельштейн.) Кружок важный тем, что он был тесно и успешно связан с еврейскими же контрабандистами, и так текла через границу нелегальная литература и сами нелегалы[2].

В 1868 после гимназии поступил в Медико-Хирургическую (позже Военно-Медицинскую) Академию Марк Натансон — с тех пор крупнейший революционный организатор и революционная фигура первого ряда. Вскоре с курсисткой Ольгой Шлейснер (Тихомиров называет её «второй Софьей Перовской», а по времени-то она была первая), своей затем женой, положил основание системе «образовательных», то есть пропагандистских, кружков («*подготовительная*, культурно-революционная работа среди интеллигентной молодёжи»[3]) по нескольким крупным городам. (Эти кружки несправедливо получили кличку «чайковцев», по второстепенному участнику их Н.В. Чайковскому.) От кружка Нечаева Натансон сразу резко отмежевался (не поколебавшись потом изложить эти взгляды и следователю). В 1872 он поехал в Цюрих к Петру Лаврову (главному наставнику «течения мирной пропаганды», а не бунта), чтобы основать там постоянный революционный орган. В том же году получил недальнюю ссылку в Шенкурск, но, ходатайством тестя, отца Ольги Шлейснер, был переведен под Воронеж, затем в Финляндию — и снова свободен в Петер-

---

[1] *Л. Дейч.* Роль евреев в русском революционном движении. Т. 1, 2-е изд., М.; Л.: ГИЗ, 1925, с. 18, 20–22.

[2] *Д. Шуб.* Евреи в русской революции // Еврейский мир: Сб. II (далее — ЕМ-2). Нью-Йорк: Союз русских евреев в Нью-Йорке, 1944, с. 126–128; *Ю. Гессен.* История еврейского народа в России: В 2-х т. Т. 2, Л., 1927, с. 213.

[3] *О.В. Аптекман.* Две дорогие тени // Былое: Журнал, посвященный истории освободительного движения. М., 1921, № 16, с. 9.

бурге. Здесь застал уныние, развал, бездействие. Объезжал и сплачивал, связывал между собой разрозненные группы — и так основал первую «Землю и Волю» (мало известна, заслонена второю). Ездил и в Западную Европу; для укрепления организации доставал и использовал сотни тысяч рублей.

Натансон, из главных организаторов русского народничества, — самый выдающийся революционер первой половины 70-х годов. В окружении Натансона появился и многоизвестный потом Лев Дейч, а крепчайший народоволец Александр Михайлов считал себя учеником «Марка Мудрого». Натансон лично знал многих революционеров. Он был — не оратор, не писатель, он — организатор, обладал удивительным качеством: его как будто совсем не интересовали взгляды, идеология, он ни с кем не вступал ни в какие теоретические споры, был в мире со всеми направлениями (кроме крайних ткачёвцев, предшественников Ленина), каждого вставлял в организацию соответственно его способностям и на что он может пригодиться. В годы непримиримых разногласий между бакунистами и лавристами Натансон предлагал прекратить «спор о музыке будущего», а заняться реальными потребностями борьбы. — Летом 1876 он устроил сенсационный побег Петра Кропоткина из военного госпиталя на рысаке «Ва́рваре» (ещё не раз потом знаменитом). В декабре того же года задумал и состроил первый публичный митинг у Казанского собора (по выходе с литургии в день Николая Угодника), куда революционеры все и собрались, — митинг с первой знаменитой речью Георгия Плеханова и первым развёрнутым (Фелицией Шефтель) красным знаменем: «Земля и Воля». Однако в 1877 Натансон был арестован и после трёх лет тюрьмы надолго заслан в якутскую ссылку, устранён от прямых революционных дел до 1890[4].

В кружке «чайковцев» было сколько-то евреев — как в петербургском, так и в московском, киевском, одесском филиалах. (В киевском, в том числе: уже упомянутый П.Б. Аксельрод, будущий издатель и датский дипломат Григорий Гуревич, будущие профессора Семён Лурье и Лейзер Левенталь, его брат Нахман Левенталь, две сестры Каминер.) А первый нигилистический кружок Л. Дейча в Киеве «со-

[4] *Дейч*, с. 97, 108, 164, 169–174, 196.

стоя[л] исключительно из еврейской учащейся молодёжи»[5]. — После демонстрации на Казанской площади под судом было три еврея (но не сам Натансон). — По московскому «процессу 50-ти» летом 1877 проходило несколько евреек, агитировавших среди фабричных рабочих. — А в «процессе 193-х» было 13 подсудимых-евреев. — Среди первых народников ещё можно выделить Иосифа Аптекмана и Александра Хотинского, немаловажных членов[6].

Натансону же принадлежала идея, чтобы революционеры оседали в народе (крестьянском) и становились бы его мирскими вожаками. Это, знаменитое с тех пор, «хождение в народ» началось с 1873, с кружка «долгушинцев» (Долгушин, Дмоховский, Гамов и др.), где евреев вовсе не было. Затем — «пошли в народ» и евреи. (Тоже и наоборот: в Одессе П. Аксельрод пытался привлечь Желябова к тайной революционной организации, а тот отклонил: он был ещё «культуртрегер» тогда.) — В середине 70-х годов таких «народников» было всего полтора-два десятка, и почти все — не бакунисты, а лавристы. (Только крайние зажигались призывами Бакунина к бунтарству. Таким был Дейч, который вместе со Стефановичем поднимал «чигиринский бунт», обманув крестьян, что царь, окружённый врагами, велел передать народу: свергать эти все власти, захватывать земли и ставить вольный строй.)

Интересно отметить, что почти никто из еврейских революционеров тех десятилетий не пошёл в революцию от нищеты и бедности, большинство — из зажиточных семей. (В трёх биографических томах Российской Еврейской Энциклопедии немало таких примеров.) Только Павел Аксельрод был из совсем бедной семьи и, как уже упомянуто, послан кагалом в казённое училище лишь для отбытия неизбежной развёрстки. (А затем уже естественно подался в могилёвскую гимназию, потом в нежинский лицей.) Из зажиточных купеческих семей происходили Натансон, Лев Дейч, Иосиф Аптекман (в роду его — много талмудистов, знатоков Закона, как и все дяди его); А. Хотинский, Г. Гуревич, Семён Лурье (семья его считалась даже «среди евреев... "аристократами"», и «маленького Шимона тоже предназначали в раввины», но под влиянием волны просветительства его отец Герц Лурье отдал сына в гимназию: пусть станет

[5] *Дейч*, с. 20, 130, 139.

[6] Там же, с. 33, 86–88, 185.

профессором); первая итальянская марксистка Анна Розенштейн (с детства окружена гувернантками, иностранными языками), трагические Моисей Рабинович и Бети Каменская, Фелиция Шефтель, чернопеределец Иосиф Гецов, и многие другие. — Ещё и Христина (Хася) Гринберг, «из ортодоксальной зажиточной купеческой семьи», в 1880 «примкнула к “Народной воле”... была хозяйкой конспиративной квартиры; участвовала в подготовке покушений на императора Александра II, в 1882 — хозяйка подпольной динамитной мастерской», впрочем, отделалась только ссылкой[7]. — Не из бедной семьи была и Фанни Морейнис, также «участница подготовки покушений на Александра II», отбыла 2 года каторги в Карийской тюрьме[8]. Были — из раввинских семей, как будущий доктор философии Любовь Аксельрод («Ортодокс»), Ида Аксельрод. — Или из мещан, но достаточно состоятельных, когда сына отдают в гимназию, — как Айзик Арончик (после реального училища он поступил в петербургский институт инженеров путей сообщения, но затем покинул его для революционной работы), Александр Бибергаль, Владимир Богораз, Лазарь Гольденберг, братья Левентали. — Нередко мелькает в биографиях и привилегированная Военно-Медицинская Академия — у Натансона, Бибергаля, будущего антиреволюционера Исаака Павловского, М. Рабиновича, А. Хотинского, Соломона Чудновского, случайно попавшего в эти круги Соломона Аронзона, и других[9].

Стало быть, двигала ими не материальная нужда, а сила убеждения.

Небезынтересно, что в еврейских семьях от этого ухода молодых в революцию или редко или вовсе не наблюдался разрыв «отцов и детей». «“Отцы” не слишком нападали на “детей”, как это раскалывало тогда христианские семьи». (Хотя Геся Гельфман ушла из ветхозаветной традиционной семьи тайком.) «Евреи-“отцы” часто вовсе не являлись антагонистами... “детей”». Таков был, например, Герц Лурье; ещё более — киевский доктор Исаак Каминер: вся его семья участвовала в революционном движении 70-х годов, и сам

---

[7] Российская Еврейская Энциклопедия (далее — РЕЭ): 1994 — ... [2-е продолж. изд., испр. и доп.]. Т. 1, М., 1994, с. 377.

[8] РЕЭ, т. 2, с. 309.

[9] *Дейч*, с. 77–79, 85, 89–94, 105–112, 140, 218; *Вл. Иохельсон*. Далекое прошлое // Былое, 1918, № 13, с. 54–55.

он «в качестве "сочувствующего"... оказал немало услуг» революционерам, женихами трёх его дочерей стали три революционера. (А в 90-е годы — доктор примкнул к сионизму, стал другом Ахад-Гаама.)[10]

И никак нельзя первым еврейским революционерам 70-х годов XIX века приписывать мотивы исконно антирусские, как это сегодня представляется некоторым в России. Отнюдь.

Началось всё с того же «нигилизма» 60-х годов. «Примкнув в России к "гойскому" просвещению» и зачитываясь русской литературой, «еврейская молодёжь вскоре затем присоединилась также и к наиболее передовому» тогда нигилизму — и тем легче, что прочь от заветов еврейской старины. Даже «фанатик-"ешиботник", погружённы[й] в изучение талмуда» после «двух-трёх бесед с ним нигилиста» — расставался и с «патриархальными взглядами», и даже с внешностью. — «При незначительном даже прикосновении к "гойской" грамотности», едва «сделана брешь в его [даже набожного еврея] ортодоксальном мировоззрении, он способен идти дальше до самых крайних пределов»[11]. Эти молодые евреи — тут же сразу и были захвачены всемирными идеалами: как все люди вот станут братья и при одинаковом у всех благосостоянии. Грандиозность задачи: освободить всё человечество от бедности и рабства!

А тут ещё — и русская литература. Павла Аксельрода воспитали в гимназии — Тургенев, Белинский, Добролюбов (а уже потом Лассаль повернул его прямо к революции). Аптекман увлекался Чернышевским, Добролюбовым, Писаревым (ещё и Боклем). Лазарь Гольденберг начитался тех же Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Некрасова, а Рудин — пленил его тем, что умирает на баррикадах. Соломон Чудновский, большой поклонник Писарева, плакал от его смерти. Из русской литературы вырос и нигилизм Семёна Лурье. Да у многих так шло, не считано и не пересказано.

Но сегодня, за вековым отстоянием, мало кто помнит окраску этого первого в России движения еврейской молодёжи. «На еврейской улице» тогда не было никакого серьёзного политического действия; а на русской — начиналось

[10] *Дейч*, с. 18, 149, 151, 154.

[11] Там же, с. 17–18.

народничество. Так — и «влиться в русское освободительное движение»![12] И это влитие насколько же было облегчено, увлечено русской литературой и радикальной публицистикой.

А поворот к русскому сопровождался отворотом от еврейского. Среди этих первых еврейских революционеров «у многих сложилось страстно враждебное и презрительное отношение к старому еврейству, как к какой-то паразитической аномалии»[13]. В 70-х годах «образовались ячейки еврейской радикальной молодёжи, которая во имя идеалов народничества стала также всё более отдаляться от своего народа... стали усиленно ассимилироваться и усваивать "русский национальный дух"»[14]. До середины 70-х годов евреи-социалисты не считали нужным вести агитацию среди соплеменников, имея о них такую мысль: что евреи, ввиду всей их station неземледельческой истории, непригодны для усвоения социалистических идей. Своих крестьян — у евреев не было. «Никому из еврейских революционеров в 70-е годы и в голову не могло прийти, что надо работать только для своей национальности». Ясно, что — на господствующем языке и только для русских крестьян. «Для нас... не существовали труженики-евреи. Мы смотрели на них глазами обрусителей: еврей должен вполне ассимилироваться с коренным населением», даже ремесленников считали потенциальными эксплуататорами: ведь у них подмастерья, ученики. Не придавали значения и русским рабочим и ремесленникам как самостоятельному классу — но лишь если делать из них социалистов, тогда через них легче будет работать среди крестьян[15].

Отдавшиеся ассимиляции — по самому положению своему и склонялись более всего к радикализму: на новообретенной почве у них не оказывалось прежних прочных консервативных корней.

---

[12] *К. Лейтес.* Памяти М.А. Кроля // ЕМ-2, с. 410.

[13] *Б. Фрумкин.* Из истории революционного движения среди евреев в 1870-х годах // [Сб.] Соблазн Социализма: Революция в России и евреи / Сост. А. Серебренников. Париж; М.: YMCA-Press; Русский Путь, 1995, с. 49.

[14] Еврейская Энциклопедия (далее — ЕЭ): В 16-ти т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1906-1913. Т. 3, с. 336.

[15] *Дейч,* с. 56, 67-68.

«Мы готовились идти в народ и, разумеется, в русский народ. Мы отрицали еврейскую, как и впрочем всякую религию, жаргон считали искусственным языком, а древнееврейский язык — мёртвым... Мы были искренними ассимиляторами и в русском просвещении видели спасение для евреев... Почему же мы стремились работать среди русского народа, а не еврейского? Это объясняется нашим отчуждением от тогдашней духовной культуры русского еврейства и отрицательным отношением к его ортодоксальным и буржуазным руководителям, из среды которых мы... сами вышли... Мы полагали, что освобождение русского народа от власти деспотизма и гнёта владеющих классов приведёт также к политическому и экономическому освобождению всех других народов России и в том числе еврейского. И надо сознаться, что русская литература... привила нам также, в известной степени, представление об еврействе не как о народе, а как о паразитном классе»[16].

Тут было и чувство *долга* к великорусскому народу. Была и «тогдашн[яя] вер[а] народников-бунтарей в возможность в близком будущем народного восстания»[17]. В 70-е годы «еврейская интеллигентная молодёжь... "пошла в народ", в расчёте и своими слабыми руками подтолкнуть крестьянскую революцию в России»[18]. Как пишет Аптекман, Натансон, «подобно лермонтовскому Мцыри, "знал *одной* лишь думы власть, *одну* [— но] пламенную страсть": этой думой было счастье народа, этой страстью была борьба за его освобождение»[19]. А сам Аптекман, по описанию Дейча — «крайне физически истощённый, маленького роста, с бледным цветом лица», «с резко выраженными национальными чертами лица», — став фельдшером в селе, проповедовал крестьянам социализм через Евангелие[20].

Этот поворот к опоре на христианство или к использованию его произошёл у первых евреев-народников не без влияния предшествующего кружка долгушинцев, которые

---

[16] *Иохельсон* // Былое, 1918, № 13, с. 56–57.

[17] Там же, с. 61, 66.

[18] *Г.Я. Аронсон.* В борьбе за гражданские и национальные права: Общественные течения в русском еврействе // [Сб.] Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до Революции 1917 г. (далее — КРЕ-1). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960, с. 210.

[19] *Аптекман* // Былое, 1921, № 16, с. 11–12.

[20] *Дейч*, с. 183–185.

прямо писали на перекладинах распятия — «Во имя Христа. Свобода, равенство, братство», и почти у всех у них было в ходу Евангелие. Аптекман пишет о себе: «Я потому и принял христианство — по глубокому моему сердечному движению, по любви моей к Христу»[21]. (Не спутаем с мотивами Тана-Богораза, который в 80-е годы принял христианство, «чтобы избавиться от стеснений, которыми связывало его еврейское происхождение»[22]. Или с прямым притворством, как у Дейча, который на агитацию к молоканам пошёл в качестве «истинно-православного».) Но, добавляет Аптекман, «чтобы отдаться народу, совсем не требуется покаяния»; по отношению к русскому народу «покаянного чувства во мне и следа не было. Да и откуда оно могло родиться во мне? Скорее мне, как одному из представителей угнетаемой народности, следовало бы предъявить вексель к уплате, чем самому по какому-то фантастическому займу платить! Не видал я также этого покаянного чувства и у моих товарищей дворян, шедших со мною по одному пути»[23].

Заметим, кстати, что мысль о сближении желаемого социализма с историческим христианством бродила тогда у многих русских революционеров — и как высокое самооправдательное сознание, и как удобный практический приём. В.В. Флеровский писал: «У меня постоянно было в уме сравнение между готовящейся к действию молодёжью и первыми христианами». И сразу следующий шаг: «Непрерывно думая об этом, я пришёл к убеждению, что успех можно обеспечить только одним путём — *созданием новой религии*... Надо научить народ посвящать свои силы только самому себе... Я стремился создать *религию братства*», — и молодые последователи Флеровского искали «сделать в этом направлении опыт в народе: как *такая* религия, без бога и святых, приемлется народом». А последователь его долгушинец Гамов писал ещё прямей: «Нужно выдумать такую религию, которая была бы против царя и правительства... Надо составить катехизис и молитвы в этом духе»[24].

---

21 *О.В. Аптекман.* Флеровский-Берви и кружок Долгушина // Былое, 1922, № 18, с. 63.

22 ЕЭ, т. 4, с. 714.

23 *Аптекман* // Былое, 1922, № 18, с. 63.

24 Там же*.

Есть ещё альтернативное объяснение еврейского революционерства в России. Его разбирает и отклоняет А. Серебренников: «Существует такая точка зрения, что, если бы в ходе реформ 1861–63 годов была разрушена черта оседлости, всё в нашей истории пошло бы по-другому... отмени Александр II черту оседлости — и не было бы Бунда или троцкизма!». Тут он указывает на текший с Запада поток интернационал-социалистичеких идей. «Если бы отмена черты оседлости для них была действительно существенна, вся их борьба только на это и была бы направлена. А они не этим занимались — они мечтали свергнуть царизм!» [25].

И вот с этою страстью они один за другим, не докончив учения, покидали, даже с 4-го курса, ту Военно-Медицинскую Академию или другие учебные заведения — и шли «в народ». Сам диплом уже считался одиозным: это есть средство эксплуатации народа. Отказывались от будущей карьеры, кто — и рвал с родными. Считалось: «Каждый пропущенный день является, конечно, неисчислимой и преступной потерей для скорейшего осуществления блага и счастья обездоленных масс» [26].

А чтобы «идти в народ» — предстояло «опроститься», — и с моральной целью, для самого себя, и с практической: «чтобы пользоваться доверием народной массы — нужно было проникнуть в неё в виде рабочего или мужика» [27]. Но, вспоминает Дейч: как идти в народ, чтобы тебя слушали и верили бы в тебя? ведь евреи «выдава[ли] себя сразу, как говором, так наружностью и манерами». А ещё же надо, для подхода, сыпать народными прибаутками! А ещё же надо показать себя умелыми в сельских работах, для городских евреев непривычно и тяжело. Хотинский для этого сперва работал на хуторе у своего брата, приучался к труду хлебопашца, братья Левентали обучались сапожному и столярному мастерству, Бети Каменская поступила работницей на тряпичную фабрику на тяжёлый труд. Многие шли фельдшерами. (Дейч пишет, однако, что еврейским революционерам куда больше удавалась внутрикружковая работа, конспирация, связь, типографии, перевозка через границу.) [28]

[25] Общая газета, 1995, № 35, 31 авг.–6 сент., с. 11.

[26] *Дейч*, с. 106, 205–206.

[27] *Иохельсон* // Былое*, 1918, № 13, с. 74.

[28] *Дейч*, с. 34–37, 183.

Начиналось «хождение в народ» с кратких посещений, с житья по несколько месяцев, «летучий» поток. Сперва рассчитывали именно и только на агитацию. Рисовалось так: стоит только раскрыть крестьянам глаза на современный строй и эксплуатацию, и что надо землю и орудия труда брать в общественную собственность, — крестьяне сразу в том убедятся.

Но — пропало всё «хождение» народников впустую. И не только потому, что какой-нибудь внезапный для них выстрел в царя (Соловьёв, 1879) заставлял всех бежать из деревень, ибо «будут брать», скрываться прочь в города. Но и, главное: потому, что крестьяне оказывались совершенно равнодушны к пропаганде народников и даже готовы были выдавать их начальству. А уж увлечь крестьян на восстание — куда там!.. Тогда народники, и русские (не намного более успешные), и еврейские, утеряли «веру в... естественную революционность и социалистические инстинкты» крестьянства и даже «превратились в [крайних] пессимистов»[29].

А подпольные работы велись успешнее. Трое минчан — Иосиф Гецов, Саул Левков и Саул Гринфест — успешно устроили в Минске подпольную типографию для всероссийского обслуживания, она держалась до 1881 — и они печатали золотыми буквами листовку о «казни» Александра II, газету «Чёрный передел», затем ещё листовки Народной Воли. Дейч записывает их в «мирные пропагандисты». Очевидно, под «мирным» понималось всё, кроме прямого бомбометания, в том числе: активная связь с контрабандистами, постоянный нелегальный перевоз и переход через границу у того же кружка в виленском раввинском училище. Или призыв Лазаря Гольденберга к крестьянам не вносить податей.

Некоторым из евреев-революционеров доставалось — даже по нашим поздним, нынешним меркам — и серьёзное заключение. Другим выпадали частные послабления (как Семёну Лурье благоразумный отец устроил взятками мягкий режим в тюрьме). А ещё же бывали послабления от общественного настроения того времени. Сообщает нам, например, Аптекман уже о 1881 годе (после убийства Александра II): им «жилось в Красноярской тюрьме сравнительно свободно», «необузданн[ый] звер[ь]» начальник тюрьмы

[29] *Дейч*, с. 194 и др.; *Иохельсон* // Былое, 1918, № 13, с. 69.

«сделался ручным и предоставил нам всякие льготы в свиданиях и сношениях с ссыльными и знакомыми». А потом «нас встречали на этапах не как арестантов, а как знатных пленников»; как-то в дневном переходе промокли — явился в камеру «этапный начальник в сопровождении солдат с подносами, а на подносах чай, печения, варенье — всем по порциям, да ещё в придачу по рюмке водки. Чем не идиллия? Мы были тронуты»[30].

Просматривая биографии этих первых народников, нельзя не заметить, что многие из них были весьма экзальтированы, не слишком уравновешены. Лев Дейч свидетельствует: Лев Златопольский, террорист, «был не вполне психически уравновешенным человеком». — У того же Аптекмана, вслед аресту 1879, в одиночке «нервы... в сильной степени расшатались, — он не далёк был от помешательства». — Бети Каменская «уже на второй месяц одиночного заключения... лишилась рассудка», поместили в больницу, потом отец-купец взял её на поруки. Узнав же по обвинительному акту, что её не привлекают к суду, — хотела заявить прокурору, что — здорова, и идти под суд; но вскоре же приняла яд, умерла[31]. — У Моисея Рабиновича в одиночке «нервы... расшатались... появились галлюцинации». Решил: притвориться раскаявшимся, *назвать*, кого следствие вероятно и само знает, — лишь бы выпустили из тюрьмы. Написал заявление: не только изложит всё известное ему, но будет и на воле собирать сведения и сообщать. А из него — выжали, что́ знал, и не освободили, сослали в Иркутскую губернию; там он сошёл с ума и умер «в возрасте 20-ти с чем-то лет». И примеры можно ещё приводить. Лейзер Цукерман достиг Нью-Йорка и вскоре застрелился там. — Нахман Левенталь, уже эмигрировав в Берлин, испытывал «крайне нервное состояние», а тут ещё наложилась несчастная любовь, — он «выпил серной кислоты и бросился в реку», это — лет девятнадцати[32]. Эти молодые люди рванулись на размах не по своим силам и нервам.

И даже Григорий Гольденберг, бестрепетно убивший харьковского губернатора и как высшей чести просивший у товарищей лично убить царя (но ими, из опасения народного гнева, отстранён как еврей; очевидно, из этого же сооб-

---

[30] *Аптекман* // Былое, 1922, № 18, с. 73, 75.

[31] *Дейч*, с. 38, 41, 94, 189.

[32] Там же, с. 78–79, 156–157.

ражения народовольцы назначали на главные покушения — большей частью русских), арестованный в 1879 с грузом динамита, — смертно затосковал в одиночной камере Трубецкого бастиона, сломился, давал показания, провальные для народовольцев, и подавал письменные и устные прошения, чтобы его соединили в камере с Ароном Зунделевичем. (Зунделевич снисходительней других народовольцев отнёсся к его греху.) А получив окончательный отказ — кончил с собой[33].

А зацепляло кого и со стороны, как Моисей Эдельштейн, не идейный, а контрабандист, возивший «литературу» лишь за деньги, — очень потом страдал в одиночке, молился Иегове за себя и за семью. На суде покаялся: «Никогда даже не мог себе вообразить, чтобы могли быть такие ужасные книги». — Или С. Аронзон, который после «процесса 193-х» тут же исчез из революционного движения[34].

Отметно и другое: как легко многие из тех народников расставались с Россией, которую незадолго перед тем намеревались спасать. Хотя: эмигрировать — в 70-е годы считалось среди революционеров дезертирством: даже если тебя ищет полиция — находись на нелегальном положении, но не уезжай[35]. — Тан-Богораз уехал на 20 лет в Нью-Йорк. — Лазарь Гольденберг-Гетройтман уже «в 1885 переехал в Нью-Йорк, где читал лекции по истории революционного движения в России». По амнистии «в 1906 приезжал в Россию, но вскоре вернулся в Великобританию», уже и до смерти[36]. — В Лондоне же один из братьев Вайнеров стал владельцем большой мебельной мастерской, так и остался там. — М. Аронзон и М. Ромм стали практикующими врачами в Нью-Йорке. — И. Гецов после нескольких лет в Швейцарии уехал навсегда в Америку. — Лейзер Левенталь, попав в Швейцарию, кончил в Женеве медицинский факультет, потом был ассистентом крупного физиолога, затем получил кафедру гистологии в Лозанне, от социалистического движения отстранился нацело. — Так же и Семён Лурье кончил медицинский факультет в Италии (но вскоре затем

---

[33] Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости // Красный архив: Исторический журнал Центрархива РСФСР. М.: ГИЗ, 1922–1941. Т. 10, 1925, с. 328–331.

[34] *Дейч**, с. 85–86.

[35] Там же, с. 132.

[36] РЕЭ, т. 1, с. 344.

8—5080

умер). — Любовь Аксельрод («Ортодокс»), надолго застряв в эмиграции, получила звание доктора философии в Бернском университете (а потом внедряла диамат в советских вузах). — На медицинский факультет в Берне поступил и А. Хотинский (но через год умер от скоротечной чахотки). — Григорий Гуревич преуспел в Дании, и в Россию вернулся датским консулом в Киев, где и пробыл до самого 1918[37].

Это одновременно показывает и как немало талантливых людей было среди тех революционеров. Такие, с деятельным умом, попав и в сибирскую ссылку надолго, не закисали и не сходили с ума от революционного бездействия, но открывали глаза на те народности, которые жили там вокруг них, изучали их язык, быт, писали о них этнографические сочинения: Лев Штернберг — о гиляках, Тан-Богораз — о чукчах, Владимир Иохельсон — о юкагирах, Наум Геккер — о физическом типе якутов[38], кое-что сделал и Моисей Кроль в исследовании о бурятах.

Некоторые еврейские революционеры — охотно переключались в социалистическое движение на Западе. Например В. Иохельсон и А. Зунделевич при выборах в германский рейхстаг ринулись в предвыборную агитацию за социал-демократов, Зунделевич был даже арестован за непозволительные приёмы. — Анна Розенштейн во Франции получила тюремный срок за уличную демонстрацию с нарушением правил; Тургенев отхлопотал, её только выслали в Италию, но она и там получила два тюремных срока за анархическую агитацию. (Позже вышла замуж за Ф. Турати, обратила его в социалиста и сама стала первой в Италии марксисткой.) — Абрам (Аврагам) Вальт-Лесин, из Минска, в дальнейшем 17 лет печатался в американском социалистическом «Форвертсе», заметно повлиял на формирование американского рабочего движения[39]. (Эта дорожка ещё многим нашим социалистам предстояла.)

Среди эмигрировавших революционеров иногда свершалось и разочарование в революции. Так, Моисей Веллер, отстав от движения, через хлопоты Тургенева перед Лорис-Меликовым вернулся в Россию. (Но вскоре кончил самоубийством.) — Ещё причудливей был путь Исаака Павловского: в Париже на правах «известно[го] революционер[а]»

---

[37] *Дейч*, с. 61–62, 147–148, 157–162, 198–201, 203–216.

[38] ЕЭ, т. 6, с. 284.

[39] РЕЭ, т. 2, с. 166; т. 1, с. 205.

он был вхож к Тургеневу, через него познакомился с Эмилем Золя, Альфонсом Додэ, написал повесть о русских нигилистах (Тургенев пристроил её в «Вестник Европы»), потом стал парижским корреспондентом «Нового времени» (под псевдонимом И. Яковлев) и даже, пишет Дейч, проявил себя лихим «антисемитом», а затем подавал прошение на высочайшее имя, прощён и вернулся в Россию[40].

Однако большинство еврейских революционеров наряду с русскими составляли массовые ряды или куда-то канули. «За вычетом двух-трёх крупных деятелей... все остальные мои соплеменники являлись лишь людьми второго или даже третьего ранга», пишет Дейч[41]. Раннесоветский «Историко-Революционный Сборник»[42] приводит множество имён беззвестных солдат революции. Там, на разных страницах, встречаем десятки, даже сотни имён еврейских. Кто теперь помнит их? А они все были в действии. Каждый внёс в общую раскачку государства свою лепту, бóльшую или меньшую.

Да не весь ранний ряд еврейских революционеров сразу и пошёл в отряды революции общерусской, не всякий отрёкся от своего еврейства. — А. Либерман, знаток Талмуда и возрастом старше своих друзей-народников, ещё в 1875 предлагал вести специальную пропаганду социализма среди еврейской массы. Вместе с Г. Гуревичем в 1877 в Вене — издавал социалистический журнал на идише, по названию: «Эмес» («Правда»). Ещё раньше, в 70-х, А. Зунделевич «затеял издание на древне-еврейском языке», тоже: «Правда». (Л. Шапиро допускает, что она могла быть «дальним предком "Правды" Троцкого»[43]. Долга же тянулась традиция названия.) — Некоторые, как Вальт-Лесин, настаивали на сочетании интернационализма с еврейским национализмом. «В его импровизированных лекциях и проповедях пророк Исайя и Карл Маркс были равноправными автори-

---

[40] *Дейч*, с. 84–85; *Иохельсон* // Былое, 1918, № 13, с. 53–75; *И. Гурвич*. Первые еврейские рабочие кружки // Былое, 1907, № 6/18, с. 68.

[41] *Дейч*, с. 231.

[42] Историко-Революционный сборник (далее — ИРС) / Под ред. В.И. Невского: В 3-х т. М.; Л.: ГИЗ, 1924–1926. Т. 1, 2.

[43] *Leonard Schapiro*. The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement // The Slavonic and East European Review, vol. 40, London: Athlone Press, 1961–62, p. 157.

тетами»[44]. — В Женеве была основана Еврейская Вольная типография[45], печатать листовки к еврейскому рабочему населению.

Создавались и особые еврейские кружки кое в каких городах. «Составленный в начале 1876 г. "Устав об организации социально-революционного союза между евреями в России" указывал на необходимость вести пропаганду на еврейском языке и даже образовать между евреями Западного края "ряд социально-революционных секций, федерированных как между собою, так и с подобными же секциями евреев за границею"». «Социалисты всего мира составляют одно братство», и «организация должна была называться "Еврейской секцией русской социально-революционной партии"»[46].

Гессен комментирует, что этого Союза «работа непосредственно среди еврейской массы не встретила достаточного сочувствия», — и потому эти евреи-социалисты в большинстве своём «отдали свои силы общему делу», то есть общероссийскому[47]. И действительно, кружки их создавались не только в Вильне, Гродно, Минске, Двинске, Одессе, но например и в Ельце, Саратове, Ростове-на-Дону.

В пространном документе об учреждении сего «Социально-революционного союза между евреями России» можно прочесть много удивительных мыслей, ну например такую: «*Ничто обычное не имеет права существовать*, если оно не имеет рационального оправдания» (!)[48].

К концу 70-х годов российское революционное движение уже катилось к террору: бунтарский бакунизм тогда окончательно победил просветительный лавризм. С 1879 взгляд «Народной Воли», что народническое пребывание среди крестьян бесполезно, — взял верх над чернопередельским отрицанием террора. Только террор!! И даже: террор систематический! (И не тревожила их безотзывность народа и скудность интеллигентских рядов.) — Террористические акты — и даже прямо на царя! — зачередили один за другим.

[44] ЕМ-2*, с. 392.

[45] ЕЭ, т. 13, с. 644.

[46] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 213–214.

[47] Там же, с. 214.

[48] ИРС, т. 1, с. 45.

В оценке Л. Дейча, в начавшемся терроре народовольцев приняли участие евреи в числе не более 10–12 человек, начиная с Арона Гобста (казнён), Соломона Виттенберга (в 1878 готовил покушение на Александра II, казнён в 1879), Айзика Арончика (участник взрыва царского поезда, получил бессрочные каторжные работы) и уже названного Григория Гольденберга. — Как и Гольденберг, рано был арестован А. Зунделевич, выдающийся организатор террора, и не успел принять участие в убийстве царя. — Ещё активным личным террористом был Млодецкий. — А Роза Гроссман, Христина Гринберг и братья Лев и Савелий Златопольские — на ролях подсобных. (Впрочем, Савелий к 1 марта 1881 был член Исполнительного Комитета.) Геся Гельфман входила в основную группу первомартовцев[49].

Все за тем 80-е годы — период спада и растворения народничества. Сила правительства брала верх, за принадлежность к революционной организации стали и сроки давать по 8–10 лет, весомые. Но у революционного движения была инерция, участники-то продолжали жить. Тут можно назвать Софью Гинсбург: революционную деятельность она только начала в 1887. Пыталась восстановить разгромленную арестами «Народную Волю»; уже после ульяновской группы готовила покушение на Александра III[50]. Кто-то из народников был заброшен в ссылку, кто-то возвращался оттуда, а кого — только слали туда. И они — продолжали борьбу.

Одна такая известная и в мемуарах описанная вспышка — бунт в якутской тюрьме в 1889. Большой группе политических объявили этап в Верхоянск и дальний Средне-Колымск, которого они хотели избежать. Большинство группы составляли евреи. И притом всей группе сократили норму багажа: вместо, как принято было, для одного человека до 5 пудов книг, одежды и белья, 5 пудов хлебного, 2 пудов мяса, ещё масло, сахар и чай (всё это, разумеется, на ездовых оленях или лошадях), — сократили объём багажа всего до 5 пудов. Ссыльные решили сопротивляться — а они уже полгода перед тем свободно ходили по Якутску и у местных жителей успели приобрести оружие. «Всё равно погибать, так уж лучше так погибнуть, чтоб миру стало известно всё

---

[49] *Дейч*, с. 38–39; Процесс двадцати народовольцев в 1882 г. // Былое, 1906, № 1, с. 227–284.

[50] РЕЭ, т. 1, с. 314.

безобразие русского правительства, — так погибнуть, чтоб пробудить в живых дух борьбы». Когда за ними пришли, вызывая их в полицейское управление, они первые открыли стрельбу в начальство, наряд ответил огнём же. Вместе с Н. Зотовым, сделавшим первый выстрел в вице-губернатора, были приговорены к смертной казни Л. Коган-Бернштейн и А. Гаусман. К бессрочным каторжным работам — сам мемуарист, известный О. Минор, известнейший М. Гоц, ещё «А. Гуревич и М. Орлов, М. Брамсон, М. Брагинский, М. Фундаминский, М. Уфланд, С. Ратин, О. Эстрович, Софья Гуревич, Вера Гоц, Полина Перли, А. Болотина, Н. Коган-Бернштейн». Еврейская Энциклопедия сообщает, что по суду за тот бунт прошло 26 евреев и 6 русских[51].

В том же 1889 вернулся из ссылки Марк Натансон — и начал сплачивать взамен разбитых народнических организаций ещё новую, «Народное Право» («народоправцы»). Натансон уже был свидетелем нарождения принесенного из Европы марксизма, его борьбы с народничеством — и прилагал усилия не дать распасться революционному движению, не потерять и союза с либералами («лучшие либералы — тоже полусоциалисты»). Как и прежде, он пренебрегал оттенками убеждений, важно всем соединиться, чтобы свергнуть самодержавие, а в демократической России — там разберёмся. Но его организация в этот раз оказалась вялой, малодейственной и краткосрочной. Да упали и требования конспирации. Как ярко выразил Исаак Гурвич: «Благодаря отсутствию конспирации, масса народу попадает в лапы полиции, но теперь такое множество революционеров, что потери, по-видимому, считать не стоит, — лес рубят, щепки летят!»[52].

Общий перелом еврейского сознания в России после 1881–82 конечно не мог в какой-то мере не отразиться и в сознании еврейских революционеров в России. Эти юноши сперва уходили от еврейства, а после многие возвращались, «уход из "еврейской улицы" и возвращение к народу», «с еврейским гетто связана наша историческая судьба, и от него идёт наша национальная сущность»[53]. — До погромов 1881–82 «никому решительно из нас, революционеров... не

[51] *О.С. Минор.* Якутская драма 22 марта 1889 года // Былое, 1906, № 9, с. 138–141, 144; ЕЭ, т. 5, с. 599.

[52] *Гурвич* // Былое, 1907, № 6/18, с. 68.

[53] *Ю. Марк.* Памяти И.М. Чериковера // ЕМ–2, с. 424–425.

приходило на ум предположение о необходимости» публично объясниться о роли евреев в революционном движении. Погромы же вызвали «среди... преобладающей части моих соплеменников взрыв негодования». И вот «не только вообще интеллигентные евреи, но и некоторые революционеры-евреи, раньше не чувствовавшие ни малейшей связи со своей национальностью... вдруг признали себя обязанными посвятить свои силы и способности несправедливо преследуемым их соплеменникам» [54]. «Погромы пробудили прежде скрытые чувства и сделали молодёжь более чуткой к страданиям своего народа, а народ более восприимчивым к революционным идеям. Пусть это и послужит базисом для самодеятельности еврейской массы», «будем упорно преследовать задачу разрушения современного государственного строя» [55].

А ещё же внезапная поддержка еврейских погромов листками «Народной Воли»! Лев Дейч выражает своё смятение в письме к тоже озадаченному Аксельроду: «Еврейский вопрос теперь, действительно, на практике почти неразрешим для революционера. Ну что им, например, теперь делать в Балте, где бьют евреев? Заступиться за них, это значит... "вызвать ненависть против революционеров, которые не только убили царя, но и жидов поддерживают"... Среди народа вести примирительную агитацию очень, очень трудно теперь партии» [56].

И сомнение выразил даже боготворимый вождь П.Л. Лавров: «Признаю еврейский вопрос крайне сложным, а практически для партии, имеющей в виду сблизиться с народом и поднять его против правительства, и в высшей степени трудным... ввиду наличной народной страсти и необходимости иметь народ, где возможно, *на своей стороне*» [57]. — И так стал рассуждать из русских революционеров не он один.

В 80-е годы снова появляется течение среди социалистов — перенести внимание и агитацию на собственно еврейские кружки, желательно рабочие, — но пролетариата как такового среди евреев было мало: ну столяры, а то пере-

---

[54] *Дейч*, с. 3–4.

[55] *И. Ильяшевич [И. Рубанович]*. Что делать евреям в России? // Соблазн Социализма, с. 185–186.

[56] *Шуб* // ЕМ-2*, с. 134.

[57] Там же*, с. 133–134.

плётчики, сапожники. Удобней всего, однако, работать с типографами: они интеллигентней. Исаак Гурвич рассказывает, как с Моисеем Хургиным, Львом Рогаллером, Иосифом Резником, они «в Минске ставили себе задачей создание ядра интеллигентных рабочих». Но, например, в Белостоке и Гродно «совсем не оказалось рабочих кружков», не набрали членов.

Создание таких кружков требовало известной конспирации: иногда сходок за городом, а если на квартирах и систематически — то сперва заниматься русским языком и естествознанием, и лишь в ходе этих занятий отбирать кандидатов для пропаганды социализма. Как объясняет Ю. Мартов, вот это предварительное обучение, оно-то и привлекало многих в революционные кружки: «Такими ловкими и смышлёными», способными выйти в самостоятельные хозяева, «являлись именно те, которые попадали в наши кружки и которые в этих кружках приобретали культурное развитие, а в частности, приучались владеть русским языком — этим весьма существенным орудием в конкуренционной борьбе мелкой торговли и промышленности»; после этого «наши "счастливчики", избавившиеся от положения наёмника», торжественно обещав не прибегать к наёмному труду, — в силу требований рынка прибегали к нему[58]. Или, образовавшись в таких кружках, «рабочий забрасывал свою профессию и уходил в "экстерны"»[59].

Участию молодёжи в этих кружках встречалось неодобрение, даже противодействие, и от местной еврейской буржуазии, быстрей и лучше полиции понимавшей, куда клонится дело[60].

Всё же что-то местами удавалось, использовали социалистические брошюры и листки из лондонской типографии, и сами, как умели, вырабатывали «по всем программным вопросам социал-демократические формулы». Так целое десятилетие заняла медленная пропагандистская подготовка к созданию Бунда.

Но «гораздо больше, чем полицейские преследования, тормозила нашу работу начавшаяся эмиграция в Америку.

---

58 *Ю. Мартов.* Записки социал-демократа. Берлин: Изд-во Гржебина, 1922, с. 187–189.

59 *Н.А. Бухбиндер.* [Рабочие о пропагандистских кружках] // Соблазн Социализма, с. 230.

60 *Гурвич* // Былое, 1907, № 6/18, с. 65- 68, 74.

Фактически мы подготовляли социалистических рабочих для Америки». И вот совсем не длинные воспоминания Исаака Гурвича о «первых еврейских рабочих кружках» насквозь пронизаны попутными замечаниями: агитатор студент Шварц «впоследствии эмигрировал в Америку, теперь живёт в Нью-Йорке». — От такого-то кружка в собрании на квартире Иосифа Резника «присутствовало двое рабочих, один плотник и один столяр, оба теперь в Америке». — Спустя две страницы узнаём, что и сам Резник после ссылки «переселился в Америку». — Приехавший, напротив, из Америки для агитации «молодой человек Гиршфельд... в настоящее время врач в Миннеаполисе» и выставлялся социалистическим кандидатом на должность губернатора. — «Один из наиболее деятельных членов первого кружка Абрамовича Яков Звирин... высидел год в Крестах и... переселился в Америку и в настоящее время живёт в Нью-Йорке». — «Шмулевич ("Кивель")... в 1889... вынужден был бежать из России, до 1896 жил в Швейцарии, где был активным членом социал-демократических организаций», потом «переселился в Америку... живёт в Чикаго». — Наконец и автор повествования: «в 1890 году я сам оставил Россию», хотя за несколько лет перед тем «мы... смотрели на дело иначе. Вести социалистическую пропаганду среди рабочих — *обязанность* всякого честного интеллигента; этим мы уплачиваем "исторический долг" народу. [А] раз на мне лежит обязанность заниматься пропагандой, то отсюда с очевидностью вытекает, что я имею право требовать, чтобы мне была предоставлена возможность выполнять эту обязанность». А приехав в Нью-Йорк в 1890, Гурвич там нашёл «русское рабочее общество саморазвития», сплошь из минских ремесленников, — и под «русский Новый год» устроили в Нью-Йорке «бал минских социалистов»[61]. В Нью-Йорке «местно[е] социалистическо[е] движени[е]... в своём большинстве было чисто еврейским»[62].

Как видим, уже тогда океаны не были серьёзным препятствием для единства и непрерывности еврейской революционной работы. И эта живая связь ещё как явно отдастся в России.

---

[61] Там же, 66–68, 72–77.

[62] *Я. Крепляк*. Послесловие к статье *Лесина* // ЕМ–2, с. 392.

Но — и от общероссийской революционной традиции значительная часть еврейской молодёжи не ушла, не отклонилась и в 80–90-е годы. Её, как указывает Д. Шуб, — погромы, затем ограничительные законы Александра III, напротив, взъярили на борьбу.

И тогда возникла необходимость убедительно объяснить русскому простонародью, почему столь немалое число евреев участвует в революционном движении. Применительно к малограмотному уровню, для популярных брошюр, постепенно отрабатывались и аргументы и фразеология. Затем они действовали и до 1917, ещё и в самом 1917, и по брошюре такого рода мы можем восстановить их.

Тяжела судьба русского подданного, правительство держало его в кулаке, но «ещё горше доля... российского еврея-бедняка»: «власть куражилась над ним, выжимая из него все соки. Его жизнь — сплошное умирание с голоду», а «его братья по труду и по бедности, русские крестьяне и рабочие... пока темны, чуждаются его». — И один за другим — разъяснительные вопросы. «Враги ли для русского трудового народа еврейские капиталисты?» Враги — всякие капиталисты, и не всё ли равно трудящемуся, какой капиталист их грабит; не надо обращать гнева именно на еврейских. — «У еврея... земли нет — ему некуда податься». Не крестьянствуют евреи «потому, что русское правительство не позволяло им жить в деревне». Но в своих колониях они — «усердные хлебопашцы. Их поля прекрасно обработаны... руками евреев: со стороны не приходится нанимать никого. И колонисты не занимаются никаким сторонним делом... евреи очень любят суровый земледельческий труд». — «Вредит ли еврейская беднота экономическим интересам русского трудового народа?» Торговлей евреи занимаются «не из любви... а по нужде: все пути им закрыты; надо же чем-нибудь жить»; «с радостью бросили бы свою торговлю, если б [их выпустили] из тесной клетки». А что среди торговцев есть плуты — так надо винить царское правительство. — «Еврейские рабочие начали борьбу за улучшение своего положения ещё в то время, когда почти во всей остальной России трудящийся народ был покорен». Еврейские рабочие «всех раньше потеряли терпение»; «и ещё десятки тысяч евреев входят в российские социалистические партии. Они разносили по всей стране ненависть к капиталистическому строю и к царскому правительству», они сослужили «хорошую службу русскому трудовому народу», и за это их ненавидят русские капиталисты. — Правительство «через полицию участвовало в подготовлении погромов; оно посылало на помощь громилам полицию и войско»; «к счастью... рабочие и крестьяне очень редко участвовали в погромах». — «Да, еврейская трудовая масса ненавидит безответственное царское правительство», «по воле правительства еврейским малюткам разбивали головы о стену... еврейских жен-

щин — от старух до маленьких девочек — насиловали на улицах». Но «нагло лжёт тот, кто называет евреев врагами русского народа... Да и как могут они ненавидеть Россию? Разве у них теперь есть другая родина?»[63]

Революционная традиция иногда выныривает поразительно. Когда-то в 1876 А. Бибергаль был осуждён за участие в демонстрации на Казанской площади. И вот его старшая дочь поступила в Петербург на высшие курсы — и в 1901, в точное 25-летие митинга на Казанской площади, арестована там же. (А в 1908, в эсеровской группе, получила каторгу за покушение на в.кн. Владимира Александровича.)

Да российские революционеры с годами всё больше нуждались в еврейском соучастии, всё больше понимали выгоду использовать евреев как зажигательную смесь в революции, использовать их двойной порыв: против стеснений национальных и стеснений экономических.

В 1883 в Женеве возникает как бы голова нарождающейся российской социал-демократии: Группа Освобождения Труда. Её основали — наряду с Плехановым и Верой Засулич — Л. Дейч и П. Аксельрод[64]. (С 1885 вступил вместо умершего Игнатова — Ингерман.)

В поддержку им в России в массе разбредшихся и потерянных чернопередельцев (численно они намного превосходили народовольцев) группируется течение, следующее «Освобождению Труда», — «освобожденцы». Среди них видим немало еврейской молодёжи; из более известных можно отметить: Израиля Гельфанда (тот самый будущий могучий Парвус), Рафаила Соловейчика. В 1889, когда Соловейчик, объезжавший многие города России для налаженья революционной работы, был арестован, то по делу его шли, надо понять, тоже «освобожденцы», и среди них тоже еврейские имена[65]. — К этому же социал-демократическому направлению принадлежал и Давид Гольдендах — впоследствии довольно знаменитый большевик «Рязанов» (как раз в

---

63 *Абрамова.* Враги ли трудовому народу евреи. Тифлис: Издательская Комиссия Краевого Совета Кавказской армии, 1917, с. 3–31.

64 *Дейч,* с. 136.

65 ИРС, т. 2, с. 36, 38–40.

1889 бежавший из Одессы за границу от воинской повинности)[66].

Но и группа народовольцев, даже после разгрома их, «была тоже довольно многочисленна. В неё, например, входили: Дембо, Рудзевич, Мандельштам, Борис Рейнштейн, Людвиг Нагель, Бек, Софья Шенцис, Филиппео, Левентис, Шефтель, Варпеховский и другие»[67].

Стало быть, ещё сохранялись силы для революционного состязания и для теоретических споров между народовольцами, чернопередельцами и «освобожденцами». Используемый тут трёхтомник 20-х советских годов, «Историко-Революционный Сборник», — содержит в изнурительном потяготном словообилии эти споры, которые велись в представлении, что они важнее и выше всех вопросов мировой мысли и всемирной истории; в их подробностях — убийственный материал о духовном содержании российских революционеров 80–90-х годов, может быть ещё дождущийся своего исследователя.

Но с 30-х советских годов на смену горделивым, подробным и поимённым перечислениям всего и всех, причастных революции, в историко-политических публикациях возникло какое-то неестественное табу на упоминание роли и численности именно евреев в российском революционном движении, и ссылки на то с тех пор воспринимаются болезненно. Однако всякое сознательное умолчание в истории — и не морально, и опасно: оно только порождает впоследствии обратное преувеличение.

Как пишет Еврейская Энциклопедия, «учесть действительное значение еврейского элемента в общерусском освободительном движении, дать ему определённое статистическое выражение, не представляется возможным»[68], но некоторая картина рисуется из разных источников.

Гессен сообщает, что «среди 376 лиц, привлечённых за первое полугодие 1879 г. в качестве обвиняемых по государственным преступлениям, евреи составили всего 4%», а из судимых перед сенатом в течении 1880, «среди 1054 лиц... евреи составляли 6½ %»[69]. Похожие оценки можем найти и у других авторов.

[66] ИРС, т. 2, с. 198–199.

[67] Там же, с. 36.

[68] ЕЭ, т.13, с. 645.

[69] *Ю.Гессен*, т. 2, с. 212.

Но из десятилетия к десятилетию в революционном движении появляется евреев всё больше, их роль — заметней и влиятельней. В первые годы советской власти, когда это чтилось в гордость, видный коммунист Лурье-Ларин сообщил нам: «В царских тюрьмах и ссылке евреи обычно составляли около четверти всех арестованных и сосланных»[70]. — А марксистский историк М.Н. Покровский оценивал по данным различных съездов, что «евреи составля[ли] от 1/4 до 1/3 организаторского слоя всех революционных партий»[71]. (Современная Еврейская Энциклопедия выражает сомнение в этой оценке.)

В 1903 Витте во встрече с Герцлем указал, что, составляя менее 5% населения России, 6 миллионов из 136, евреи рекрутируют из себя 50 % революционеров[72].

Командующий Сибирским Военным Округом генерал Н.Н. Сухотин составил на 1 января 1905 года статистику политических поднадзорных во всей Сибири по национальностям. И оказалось: русских — 1898 (42 %), евреев — 1678 (37 %), поляков 624 (14 %), кавказцев 147, прибалтов 85, прочих 94. (Конечно, эти данные только по ссыльным, без тюрем и каторги, и только за 1904 год, но всё же дают возможность огляда.) Ещё интересна там другая строка: «в том числе скрывшихся». И здесь процентное соотношение меняется так: русских — 17%, евреев — 64%, остальных 19%[73].

Вот свидетельствовал В. Шульгин: в 1899 в Киеве получили известия о петербургских студенческих волнениях. «Длиннейшие коридоры университета были заполнены жужжащей студенческой толпой. Меня поразило преобладание евреев в этой толпе. Было их более или менее, чем русских, я не знаю, но несомненно они “преобладали”, т.е. они руководили этим мятущимся месивом в тужурках». Дальше — стали выбрасывать из аудиторий профессоров и небастующих студентов. Затем эта «“чистая, святая моло-

[70] *Ю. Ларин.* Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л.: ГИЗ, 1929, с. 31.

[71] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ): 1976 — ... [продолж. изд.]. Т. 7*, Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1994, с. 398.

[72] *Г. Свет.* Русские евреи в сионизме и в строительстве Палестины и Израиля // КРЕ-1, с. 258.

[73] Из истории борьбы с революцией в 1905 г. // Красный Архив, 1929, т. 32, с. 229.

дёжь" подделала фотографические карточки, на которых было изображёно избиение студентов казаками; эти карточки выдавались за моментальные снимки "с натуры"», а были — фотографиями с рисунков. «Не все евреи были левыми... отдельные студенты евреи были на нашей стороне» — зато потом они много потерпели, в обществе их травили. И: «роль евреев в революционировании университетов была поистине примечательна и совершенно не соответствовала их численности в стране»[74].

Милюков называл это: «легенды о революционности евреев... им [людям из правительства] нужна легенда, как примитивному человеку нужна рифмованная проза»[75]. А Г.П. Федотов писал, напротив: «Еврейство... освобождённое духовно с 80-х годов... подобно русской интеллигенции Петровской эпохи, максимально беспочвенно, интернационально по сознанию и необычайно активно... сразу же занимает в русской революции руководящее место... На моральный облик русского революционера оно наложило резкий и тёмный отпечаток»[76]. — С 80-х годов сливаются русская и еврейская интеллигенции не только в общем революционном деле, но и во всех духовных увлечениях, особенно в пламенной беспочвенности.

Рядовому современнику (Зинаида Алтанская, орловская корреспондентка писателя Фёдора Крюкова) в начале XX века эта еврейская молодёжь виделась так: «...их уменье и любовь к борьбе. А какие планы — широкие, неустрашимые! Есть у них нечто своё, выболенное и дорогое. Как обидно, завидно!» — то есть что русская молодёжь не такова.

М. Агурский высказывает такое соображение: «что участие в революционном движении было своего рода [более] "приличной" ассимиляцией», нежели обычная ассимиляция, требовавшая крещения; и к тому же выглядело особенно благородно потому, что означало как бы и бунт

---

74 *В.В. Шульгин.* «Что нам в них не нравится...»: Об Антисемитизме в России. Париж, 1929, с. 53–54, 191.

75 Государственная Дума — Четвёртый созыв (далее — ГД–4): Стенографический отчёт. Сессия 5, Пд., 1917, заседание 18, 16 дек. 1916, с. 1174.

76 *Г.П. Федотов.* Лицо России: Сб. статей (1918–1931). Париж: YMCA-Press, 1967, с. 113–114.

против собственной еврейской буржуазии [77] — и против собственной религии, теперь поставляемой революционерами в ничто.

Однако эта «приличная» ассимиляция никак не была полной и даже подлинной: многие поспешливые молодые люди оторвались от своей почвы, но и не вросли в русскую, они остались вне наций и культур — тот самый материал, который так и нужен для *интер*-национализма.

А так как еврейское равноправие оставалось одним из главных лозунгов всероссийского революционного движения, то в голове и в груди каждого такого еврейского юноши, пошедшего в российскую революцию, сохранялось, что он продолжает служить интересам еврейства: занимаясь революцией, он тем самым борется и за еврейское равноправие. Парвус выдвинул, всегда отстаивал, внушал молодым тезис (и взял его себе задачей на всю жизнь): освобождение евреев в России может осуществиться только свержением царской власти.

И такое понимание поддерживалось влиянием пожилой, состоятельной, устойчивой, вовсе не авантюрной части российского еврейства: её настроение было с конца XIX в. — постоянное раздражение против российского образа правления, — и в этом идеологическом Поле воспитывалась молодёжь ещё и до своего отпочкования от еврейства. Отмечал и видный бундовец М. Рафес, что на рубеже XIX–XX века «еврейская буржуазия выявляла свои чаяния и надежды, которые она возлагала на развитие революционного движения... симпатии должны были занять место прежнего отрицательного к нему отношения» [78].

Г. Гершуни на суде объяснял: «Это — *ваши* преследования загнали нас в революцию». На самом деле объяснение уходит корнями и в еврейскую, и в русскую историю, и в их пересечение.

Послушаем Г.А. Ландау, видного еврейского публициста. Уже после 1917 он писал: «Много ли было таких еврейских буржуазных или мещанских семей, где бы родите-

---

[77] *М. Агурский.* Совместим ли сионизм и социализм? // "22": Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1984, № 36, с. 130.

[78] *М. Рафес.* [Националистический "уклон" Бунда] // Соблазн Социализма, с. 276.

ли, мещане и буржуи, не смотрели сочувственно, подчас с гордостью, и в крайнем случае безразлично на то, как их дети штамповались ходячим штампом одной из ходячих революционно-социалистических идеологий». Да они и сами «смутно тяготели к идеологии, восстававшей против притеснителей вообще, не разбирая, в чём заключается протест и в чём притеснение». И так «постепенно установилась в еврейском обществе гегемония социализма... — отрицание гражданского общества и современного государства, пренебрежение к буржуазной культуре и к наследию веков; от этого последнего евреям тем легче было отказаться, что от своего наследия они в значительной части уже раньше отрешились в процессе своей европеизации». Революционные идеи «в еврейской среде... были... дважды разрушительными» — то есть и по отношению к России, и по отношению к самим себе. А «по интенсивности еврейская среда прониклась ими относительно полнее русской»[79].

Киевский ювелир Маршак (украшавший и киевские церкви своими изделиями) свидетельствует, что «даже в буржуазии, большой, я заразился [революционерством]»[80]. — Да это же видим мы и по тому душевно-динамичному заряду, который вырос в молодом Богрове в его юности в богатейшей семье. Отец, богач-либерал, — давал полную свободу сыну-террористу. — И террористы братья Гоцы вышли из родов двух московских еврейских крезов Гоца и Высоцкого, чайного фабриканта, несметного миллионера, и деды не только не удерживали внуков, но жертвовали эсеровской партии сотни тысяч рублей.

«Ряды социалистов были переполнены евреями», — продолжает Ландау[81]. — А.И. Гучков в одной из своих думских речей (1909) привёл свидетельство молодой эсерки; между другими причинами своего разочарования «она указывала, что всё революционное движение захвачено еврей-

79 *Г.А. Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // Россия и евреи: Сб. 1 (далее — РиЕ) / Отечественное объединение русских евреев заграницей. Париж: YMCA-Press, 1978 [переизд. Берлин: Основа, 1924], с. 106-109.

80 *А.О. Маршак.* Интервью радиостанции «Свобода» // Воспоминания о революции 1917 года. Инт. № 17, Мюнхен, 1965, с. 9.

81 *Ландау* // РиЕ, с. 109.

ством и что в торжестве революции еврейство видит своё собственное торжество»[82].

Революционные увлечения захватили еврейство по всей вертикали, указывает И.О. Левин: «Власти революционной стихии поддались не только низшие в социальном отношении слои еврейского населения в России», но это движение «не могло не охватить и значительных кадров полуинтеллигенции и интеллигенции в еврейском народе» (каковая полуинтеллигенция, пишет он, к 20-м годам «принадлежит несомненно к наиболее активным агентам советского режима»). «Ещё больше было их среди тех "экстернов" всех рангов», «от зубоврачебных до университетских, добывавших себе... право жительства вне черты оседлости. Эти элементы еврейского народа, утратившие культурное содержание старого еврейства, в то же время оставались чуждыми не только русской культуре, но и вообще какой бы то ни было культуре. Эта духовная пустота, скрывавшаяся под лишь поверхностно усвоенной европейской культурой, делала евреев, уже в силу своего преимущественного занятия торговлей и промышленностью склонных к материализму, крайне восприимчивыми к материалистическим политическим учениям... Столь свойственное евреям рационалистическое мышление... располагает их к усвоению доктрин вроде революционного марксизма»[83].

Соавтор того же сборника В.С. Мандель отмечает: «Русский марксизм в чистом его виде, списанный с немецкого, никогда не был русско-национальным движением, и революционно настроенной части русского еврейства, для которой воспринять социалистическое учение по немецким книжкам не составило никакого труда, естественно было принять значительное участие при пересадке этого иностранного фрукта на русскую почву»[84]. — Ф.А. Степун выразился так: еврейская молодёжь смело спорила, цитируя Маркса, в каких формах русскому мужику надо владеть

[82] *А. Гучков.* Речь в Государственной Думе 16 дек. 1909 [по запросу о взрыве на Астраханской улице] // А.И. Гучков в Третьей Государственной Думе (1907–1912 гг.): Сборник речей. СПб., 1912, с. 143–144.

[83] *И.О. Левин.* Евреи в революции // РиЕ, с. 130–132.

[84] *В.С. Мандель.* Консервативные и разрушительные идеи в еврействе // РиЕ, с. 199.

землёю. Марксистское движение в России и началось с еврейской молодёжи в черте оседлости.

Развивая мысль, В.С. Мандель припоминает «"Протоколы сионских мудрецов"... эт[у] нелеп[ую] и злостн[ую] фальсификац[ию]». Так вот «эти евреи усматривают в бреднях протоколов злой умысел антисемитов искоренить еврейство», но ведь они «сами в большей или меньшей степени не прочь устроить мир на новых началах и верят, что революция есть шаг по пути осуществления царства Божия на земле и они, уже не в осуждение еврейского народа, а в похвалу, приписывают ему роль вождя народных движений за свободу, равенство и социальную справедливость, вождя, для достижения этой высокой цели, конечно, не останавливающегося перед разрушением существующего государственного и социального строя». И приводит пример крайнего выражения в книге Фрица Кана «Евреи как раса и народ культуры»: «Моисей за 1250 лет до Христа первый в истории провозгласил права человека... Христос заплатил смертью за проповедь *коммунистических манифестов* в капиталистическом государстве»; а «в 1848 году вторично взошла вифлеемская звезда — и опять она взошла над крышами Иудеи: Маркс»[85].

И так, «из этого общего лона благоволения к революции... выделяются отдельные течения еврейской общественности, безнадёжно-фантастические, ребячески притязательные и именно потому неудержимо тяготеющие к смуте, не к русской даже только смуте, а к смуте века вообще»[86].

Но с какой вальяжной солидностью и обещательностью входит в сознание интеллигентской России — марксизм! Наконец-то революция приобрела и научное основание и полную неизбежность выводов и предсказаний!

Среди молодых марксистов — и Юлий Цедербаум, виднейший будущий лидер меньшевизма Мартов; вот он вместе со своим ближайшим другом Лениным создаёт сперва «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (всероссийского), только, не имея ленинской протекции получить для ссылки благодатный Минусинский край, отбывает 3 года в Туруханском. Затем, в паре с тем же Ле-

---

[85] *Мандель* // РиЕ, с. 172–173.

[86] *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 34.

ниным, замышляет «Искру» и готовит для неё сеть распространителей.

Но ещё прежде, чем сотрудиться с Лениным над созданием всероссийской социал-демократической партии, тот же Мартов, поселенный в Вильне, около 1895 года составил идеологические и организационные основы «Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России». Идея Мартова была: отныне — не пропаганда в кружках, а агитация в еврейской массе; а чтобы приспособить социалистическую агитацию к массе — «надо сделать её более еврейской», и в том числе, значит, перевести на идиш. В своём программном докладе Мартов обосновывал новый Союз так: «мы всего ожидали от движения русского рабочего класса и на самих себя смотрели только как на придаток к общерусскому рабочему движению... мы позабыли удержать связь с еврейской массой, не знающей русского языка». Но между тем «мы незаметно для себя подняли еврейское движение на такую высоту, какой русское движение ещё не достигло». Теперь пришло время освободить самосознание еврейского рабочего движения «из-под умственного гнёта, которому его подвергает буржуазия» еврейская, являющаяся «самой жалкой и низкой буржуазией в мире», «создать специально еврейскую рабочую организацию, которая явилась бы руководительницей и воспитательницей еврейского пролетариата». «Национальный характер нашего движения» Мартов рассматривал как победу над буржуазией, а при этом «мы вполне застрахованы от... национализма»[87]. Уже в следующем 1896 году Плеханов на конгрессе Социалистического Интернационала назвал еврейское с-д движение «авангардом рабочей армии в России»[88]. Оно и стало — Бунд (Вильна, 1897), на полгода раньше создания РСДРП. И дальше: I съезд РСДРП, уже по эстафете, состоялся в Минске (где и была резиденция ЦК Бунда) в 1898. Еврейская энциклопедия сообщает, что «из восьми делегатов... пятеро были евреями: представители киевской "Рабочей газеты" Б. Эйдельман, Н. Вигдорчик... [и] Бунда — А. Кремер, А. Мутник, Ш. Кац. [Ещё были Радченко, Петрусевич и Ванновский.] В образованный на съезде

---

[87] *Ю. Мартов.* Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения // Соблазн Социализма, с. 249, 259–264; ЕЭ, т. 5, с. 94.

[88] [Г.В. Плеханов о социалистическом движении среди евреев] // Соблазн Социализма, с. 266.

центральный комитет партии в составе трёх человек вошли А. Кремер и Б. Эйдельман»[89]. Так РСДРП родилась — в ближайшем родстве с Бундом. (И: ещё до «Искры» редактирование газеты Бунда предлагали взять на себя — Ленину[90].)

Не случайно Бунд создался именно в Вильне. Вильна была — «Литовский Иерусалим», Вильна всегда имела значительную еврейскую интеллигенцию, через Вильну же текли с Запада и все транспорты нелегальной литературы в Петербург и в Москву[91].

Но вот Бунд, вопреки своей интернациональной идеологии, «стал национализирующим фактором еврейской жизни», хотя «руководители его чурались национализма, как проказы». (И как русские с-д успешно чурались до конца.) Но хотя Бунд стал получать крупную денежную помощь от состоятельных еврейских кругов из-за границы, он проводил принцип, что больше нет единого еврейского народа, отвергал идею «мировой еврейской нации»[92], — а существуют-де и в еврействе два враждующих класса. (Бунд опасался, как бы национальные еврейские настроения «не затемнили классового сознания пролетариата».)

Однако собственно еврейского пролетариата в наличии было мало: евреи — крайне редко шли в фабричные рабочие. Это объясняет Ф. Кон: «Евреи считали позорным для себя не быть самостоятельными хозяевами», хоть самым скудным — да ремесленником, хоть подмастерьем: есть надежда открыть свою мастерскую. «Между тем переход на фабрику лишал его [еврея] всех иллюзий относительно того, что он когда-либо будет самостоятельным хозяином: поэтому переход на фабрику считался унижением, считался позором»[93]. (Правда, тут была и та помеха, что фабрикантам невыгодно было набирать рабочих с отдыхом в субботу, а не в воскресенье.) Тогда Бунд объявил «еврейским пролетариатом» — и ремесленников, и мелких торговцев, и купеческих приказчиков (ведь по Марксу «пролетарий» — всякий,

---

[89] КЕЭ, т. 7, с. 396.

[90] *В.И. Ленин.* Сочинения: В 45-ти т. 4-е изд., Госполитиздат, 1941–1967 (далее — *Ленин*, 4-е изд.). Т. 5, с. 463–464, 518.

[91] *Шуб* // ЕМ-2, с. 137.

[92] *Аронсон.* В борьбе за... // КРЕ-1, с. 222.

[93] Революционное движение среди евреев // Сб. 1, М.: Всесоюзное Общество Политкаторжан и Ссыльно-поселенцев, 1930, с. 25.

кто работает по найму), и даже торговых посредников. И вот теперь их всех можно и надо было революционизировать и бросить против самодержавия. И даже объявил Бунд, что евреи — «лучшие пролетарии в мире»[94]. (Впрочем, Бунд не снимал с себя задачи и «усилить работу среди христианских рабочих».)

Далёкий от социалистических симпатий Г.Б. Слиозберг пишет по этому поводу: огромная пропаганда со стороны Бунда и отдельные выступления его «приносили вред и, в особенности, непосредственный вред еврейской торговле и начинавшей развиваться промышленности». Бунд натравливал 14–15 летних ремесленных подмастерий на обучавших их мастеров; бундовцы выбивали стёкла «в еврейских домах более или менее зажиточных». Вот «в день Йом-Кипура бундистская молодёжь толпою ворвалась в большую синагогу [в Вильне], стала мешать продолжению молитвы и устроила невероятный дебош, распивая пиво...»[95].

Но несмотря на весь свой классовый накал, Бунд всё более попадал и в струю всемирную, свойственную и буржуазному либерализму: «Всё более распространявшаяся в культурном мире мысль, что национальная идея играет выдающуюся роль в пробуждении человеческого самосознания, принудила и теоретиков пролетарских кругов к более широкой постановке национального вопроса», и в Бунде «ассимиляционные тенденции стали постепенно вытесняться национальными»[96]. — Это подтверждает и Жаботинский: «Бунд... по мере своего роста, заменяет космополитическую идеологию национальной»[97]. — Абрам Амстердам, «один из первых видных деятелей Бунда», рано умерший, «пытался согласовать марксистское учение с идеями национализма»[98]. — В 1901 на очередном съезде Бунда

---

[94] *С. Диманштейн.* Революционное движение среди евреев // [Сб.] 1905: История революционного движения в отдельных очерках (далее — «1905») / Под ред. М.Н. Покровского. Т. 3, вып. 1, М.; Л.: ГИЗ, 1927, с. 127, 138, 156.

[95] *Г.Б. Слиозберг.* Дела минувших дней: Записки русского еврея: В 3-х т. Париж, 1933–1934. Т. 3, с. 136–137.

[96] ЕЭ, т. 3, с. 337.

[97] *Вл. Жаботинский.* Введение // *Х.Н. Бялик.* Песни и поэмы. СПб.: Изд. Зальцман, 1914, с. 36.

[98] ЕЭ, т. 2, с. 354.

один из будущих лидеров Семнадцатого года Марк Либер (М.И. Гольдман), тогда 20-летний юноша, говорил: «Мы были до сих пор в большой мере космополитами. Мы должны стать национальными. Не надо бояться этого слова. Национальное не значит националистическое». (Усвоить бы это нам хоть через 90 лет.) И хотя резолюция того бундовского съезда высказалась против «раздувания национального чувства, ведущего к шовинизму», но одновременно и за национальную автономию евреев, «независимо от обитаемой [ими] территории»[99].

Этот лозунг национальной автономии Бунд ещё несколько лет потом развивал в общественной агитации, и на банкетной кампании 1904, хотя вряд ли кто точно себе представлял, что значит автономия без территории. Например, стояло там право любого еврея пользоваться только еврейским языком в сношениях с местным самоуправлением и с государственными учреждениями, — как это можно осуществить? (Тогда ведь и для члена любой другой национальности — тоже?)

Стоит отметить, что, несмотря на свою социалистическую окраску, Бунд «в социал-демократической программе» высказывался «против требования восстановления Польши... и против учредительных собраний для окраинных областей России»[100]. — Национализм — только для себя одних?

Итак, Бунд принимал в свой состав лишь евреев. А ступив на эту дорогу, хотя был резко антиклерикален — для последовательности уже не принимал и евреев, изменивших религию. Параллельные российские социал-демократические организации Бунд стал называть «христианскими», да ведь как и придумать иначе? И этим, понятно, сильнейше оскорблял Ленина[101]: его-то записать в «христиане»?!..

Так Бунд стал массивной попыткой отстаивать еврейские интересы особо от общероссийских. — И тот же Слиозберг признаёт: «Работа Бунда имела последствием поднятие собственного достоинства и сознания своих прав в еврейском трудовом населении»[102].

---

99 *Аронсон.* В борьбе за... // КРЕ-1*, с. 220-222.

100 ЕЭ, т. 5, с. 99.

101 *Ленин,* 4-е изд., т. 6, с. 298.

102 *Слиозберг,* т. 2, с. 258.

Взаимоотношения Бунда с РСДРП дальше не складывались легко. Впрочем — и с польской социалистической партией, ППС, которая от самого зарождения Бунда отнеслась к нему «крайне несочувственно» и заявила, что «изолированность Бунда ставит его в положение неприятеля по отношению к нам»[103]. При своём растущем националистическом сознании Бунд и не мог не столкнуться с другими ветвями российской социал-демократии.

Ленин описывает свой и Мартова спор с Плехановым в сентябре 1900 в Женеве: «Г.В. проявляет феноменальную нетерпимость, объявляя его [Бунд] прямо не-социал-демократической организацией, а просто эксплуататорской, эксплуатирующей русских, говоря, что наша цель — вышибить этот Бунд из партии, что евреи — сплошь шовинисты и националисты, что русская партия должна быть русской, а не давать себя "в пленение" "колену Гадову"... Г.В. остался всецело при своём, говоря, что у нас просто недостаёт знаний еврейства, жизненного опыта в ведении дел с евреями»[104]. (И каково было всё это выслушивать — Мартову, первому зачинателю Бунда?!)

В 1898 Бунд, хотя и старший по стажу, согласился вступить в РСДРП, но не отдельными членами, или группами, а *как целое*, и войти на правах полной автономии в еврейских делах, то есть состоять и участвовать в общероссийской партии, а чтоб общероссийская не вмешивалась в еврейские дела. Так и сладились. Однако в начале 1902 Бунд нашёл, что автономии, легко полученной от I съезда РСДРП, ему мало, он хочет состоять в РСДРП на правах *федерации*, с самостоятельностью также и в программных вопросах, — и выпустил о том брошюру против «Искры»[105]. Из главных аргументов был, по словам Ленина, тот, что еврейский пролетариат — часть «еврейского народа, занимающего особенное положение среди других народов»[106].

Тут — взбеленился Ленин, и пришлось ему самому схватиться с Бундом. Теперь он не только призывал «не ослаблять силы своего натиска [т.е. на самодержавие] дроб-

[103] ЕЭ*, т. 5, с. 95.

[104] *Ленин*, 4-е изд., т. 4, с. 311.

[105] ЕЭ, т. 5, с. 96–97.

[106] *Ленин*, 4-е изд., т. 7, с. 77.

лением на многочисленные самостоятельные политические партии»[107], но и со страстью кинулся доказывать (правда, вслед за Каутским), что евреи — вообще не нация: у них нет ни общего языка, ни общей территории. (Плоское материалистическое суждение. Евреи — из самых реальных и слитных, слитных в духе, наций на Земле. В своём поверхностном пошлом интернационализме Ленин не понимал глубины и исторической укоренённости еврейского вопроса.) «Идея об особом еврейском народе реакционна по своему политическому значению»[108], узаконяя еврейскую обособленность. (Уж тем более «реакционны» были для него сионисты.) Выход для евреев Ленин видел только в их полной ассимиляции, — то есть вообще перестать быть евреями.

Летом 1903 на II съезде РСДРП, в Брюсселе, из 43 делегатов — от Бунда было только 5 (хотя вообще «принимало участие много евреев»). И Мартов, «поддержанный 12 евреями (среди них Троцкий, Дейч, Мартынов, Лядов и др.), выступил со стороны партии против федеративного принципа» для Бунда, — и бундовцы ушли со съезда (это и дало возможность победить ленинскому «параграфу 1-му устава»), вышли из РСДРП[109]. (После раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков «лидерами меньшевиков были П. Аксельрод, А. Дейч, Л. Мартов, М. Либер, Л. Троцкий»[110], а также Ф. Дан, Р. Абрамович, — Плеханов же держался особняком.)

От своего возникновения Бунд быстро стал мощной и деятельной организацией «на еврейской улице», как тогда выражались. «До кануна событий 1905 г. Бунд был самой сильной социал-демократической организацией в России в смысле налаженности своего аппарата, дисциплинированности, спаянности, гибкости и умелой конспирации». «Нигде нет такой дисциплины, как в Бунде». «Крепостью» Бунда был Северо-Западный край[111].

Правда, выступила соревновательная и губительная опасность Бунду от возникшей в 1901 «Независимой еврей-

---

107 *Ленин*, 4-е изд., т. 6, с. 300.

108 Там же, т. 7, с. 83–84.

109 ЕЭ, т. 5, с. 97; КЕЭ, т. 7, с. 397.

110 КЕЭ, т. 7, с. 397.

111 *Диманштейн* // «1905», т. 3, вып. 1, с. 127, 138, 156.

ской рабочей партии». Создалась она — под влиянием и внушениями Зубатова, убеждавшего еврейских рабочих, как и всяких других, что им нужна не социал-демократическая идеология, им нужно бороться против буржуазии за свои экономические интересы, и правительство заинтересовано в их успехе, и они могут действовать легально, власти будут доброжелательным арбитром. — Во главе этого движения стала энергичная Мария Вильбушевич, дочь мельника. «Последователи Зубатова... имели в Минске среди [еврейских] рабочих большой успех», и они с большой страстью боролись против бундовцев, и экономическими стачками многого добились. — Успешно действовали «независимцы» ещё и в Одессе (Хуна Шаевич). — Но как во всём объёме государства напуганное правительство (и Плеве) сорвало замысел Зубатова, так и с «независимцами»: Шаевич в 1903 был арестован, на малый срок, — а тут принеслись вести о кишинёвском погроме, и у «независимцев» опустились руки[112].

Тем временем «Бунд получал помощь от заграничных групп» — сперва из Швейцарии, затем из Парижа, Лондона, из Америки, где «группы содействия... достигли довольно значительных размеров». Возникли «клубы, землячества и общества для оказания помощи деятельности Бунда в России. Помощь эта была, главным образом, денежная»[113].

С 1901 Бунд отказался от «экономического террора» (нападения и избиения хозяев, фабричной администрации), ибо он «затемняет социал-демократическое сознание рабочих», уж будто стал и против участия в терроре политическом[114]. Однако в 1902 бундовец сапожник Гирш Леккерт стрелял в виленского губернатора и за то был повешен. Стрелял и несовершеннолетний бундовец Мендель Дейч, чей «выстрел означал уже апогей движения еврейских масс»[115]. — И Бунд заколебался, не перейти ли снова к террору. Летом 1902 его бердичевская конференция приняла резолюцию об «организованной мести». Но пошла в Бунде дискуссия — и через год съезд Бунда формально отменил

---

112 *Н.А. Бухбиндер*. Независимая еврейская рабочая партия // Красная летопись: Исторический журнал. Пг.: ГИЗ, 1922, № 2-3, с. 208-241.

113 ЕЭ, т. 5, с. 101; КЕЭ, т.1, с. 559-560.

114 ЕЭ, т. 5, с. 96.

115 *Диманштейн* // «1905», т. 3, вып. 1, с. 149-150.

то решение конференции[116]. — По словам Ленина, в 1903 Бунд испытал «террористически[е] увлечени[я], которые миновали»[117].

Общий в воздухе дух к террору, уже не раз явленному в России, нарастающая привычка молодых людей иметь «в запасе» оружие, да при доступности оружия, особенно через контрабанду, — не могли у революционной молодёжи черты оседлости не родить мысли: создавать свои боевые отряды.

А между тем у Бунда возникали деятельные и опасные соперники. По историческому ли совпадению, или потому, что как раз назрела пора возрождаться и еврейскому национальному самосознанию, — в 1897, году создания Бунда, даже за месяц до Бунда, состоялся и первый Всемирный конгресс сионизма. И вот, в начале 900-х годов молодые евреи прокладывали «путь общественного служения... на перекрестке между "Искрой" и "Бнэй Мошэ" ["Сыновья Моисея"]... одни повернули направо, другие подались налево»[118]. — «В программах всех наших [еврейских] партийных группировок, возникших в 1904–1906 гг., национальный момент занимал подобающее место»[119]. Мы уже видели, что этого не избежал и социалистический Бунд — и теперь оставалось ему тем резче осуждать: что сионизм воспламеняет национальное чувство и тем препятствует развитию классового самосознания.

Правда, «численность сионистских кружков молодёжи подавлялась числом молодых людей, примыкающих к социалистическим революционным партиям»[120]. (Хотя бывали и обратные примеры: издатель венской социалистической еврейской «Правды» Г. Гуревич целиком перешёл на деятельность по переселению евреев в Палестину.) Образовавшийся разрыв между сионизмом и бундизмом динамически стал заполняться новой, новой и ещё новой партиями, — Поалей-Цион, Цеирей-Цион, «сионисты-социали-

---

116 ЕЭ*, т. 5, с. 97.

117 *Ленин*, 4-е изд., т. 6, с. 288.

118 *И. Бен-Цви.* Из истории рабочего сионизма в России // КРЕ – 1, с. 274.

119 *С.М. Гинзбург.* О русско-еврейской интеллигенции // [Сб.] Еврейский мир: Ежегодник на 1939 г. Париж: Объединение русско-еврейской интеллигенции, с. 39.

120 *Слиозберг*, т. 3, с. 133.

сты», «серповцы» («сеймовцы»), — каждая из которых ещё по-новому сочетала в себе сионизм и социализм.

Между столь тесно расставленными партиями понятным образом возникла напряжённая борьба, и это не облегчало задачу Бунда. Не облегчалась она и усилившейся в те годы эмиграцией евреев из России: зачем же эмигрировать? в чём тут смысл? ведь еврейский пролетариат должен биться бок о бок с рабочим классом всех стран — за социализм, это автоматически решит еврейский вопрос повсюду!

Евреям нередко ставилось в упрёк, что на протяжении истории из них непропорционально многие были ростовщиками, банкирами, торговцами. Да, евреи были передовым отрядом, создавшим мир капитала (и преимущественно в его финансовых формах). Об этом ярко и убедительно писал выдающийся политэконом Вернер Зомбарт. В первые годы революции евреям это публично ставилось в заслугу — ведь то была неизбежная *формация*, на пути к социализму. И Крыленко в одной из судебных речей 1919 нашёл место сказать, что «еврейский народ ещё в Средние века выделил группу носителей нового влияния капитала... ускорявших... естественное разрушение» экономических форм Средневековья[121]. Да, несомненно: системы капиталистическая в экономике, в торговле и демократическая в политическом устройстве многим обязаны созидательному вкладу евреев, и они же для расцвета еврейской жизни — наиболее благоприятны.

Но, по непостижимой исторической загадке, евреи послужили совсем не только им.

Вот, В.С. Мандель напоминает нам: если обратиться к Библии, то «оказывается, что самая монархия... выдумана никем иным, как евреями, от которых эту идею и унаследовал христианский мир. Монарх не избирается народом, он назначается самим Господом Богом... Отсюда ведёт своё происхождение принятый преемственно и христианскими народами обряд коронования и помазания царя»[122]. (По-

121 *Н.В. Крыленко.* За пять лет. 1918–1922 г.г.: Обвинительные речи по наиболее крупным процессам, заслушанным в Московском и Верховном Революционных Трибуналах. М.; Пд.: ГИЗ, 1923, с. 353.

122 *Мандель* // РиЕ, с. 177.

править можно, что фараоны были и того ранее, и тоже как выразители воли божественной.) — А бывший активный российский революционер А. Вальт-Лесин вспоминает: «Евреи революционному движению не придавали особенного значения. Они связывали все свои лучшие надежды с ходатайством в Петербурге, даже со взятками в министерствах, а не с победой революции»[123]. Впрочем, у нетерпеливой еврейской молодёжи такие ходатаи во влиятельных сферах получили, — по традиции из Средних Веков, но презрительную для революционеров, — кличку «штадлан». Как раз Г.Б. Слиозберг, много десятилетий проработавший в системе Сената и министерства внутренних дел и терпеливо улаживавший сотни частных еврейских проблем, считал такой путь перспективно правильным для евреев и с обидой отзывается на это молодое нетерпение.

Да, евреям как будто ну никак не разумно было связываться с революционным движением, погубившим нормальную жизнь в России, а с нею ведь и жизнь российских евреев. Однако: и в разрушении монархии, и в разрушении буржуазного порядка, как и в утверждении его перед тем, евреи также послужили передовым отрядом. Такова — прирождённая мобильность еврейского характера, и его опережающая повышенная чуткость к общественным течениям, к про́ступу будущего.

Но в истории человечества не раз бывало, что из самых естественных порывов людей — потом вдруг да вырастали неестественные чудовища.

123 *А. Лесин*. Эпизоды из моей жизни // ЕМ-2, с. 388.

Глава 7 — РОЖДЕНИЕ СИОНИЗМА

Ход сознания российского еврейства во второй половине XIX в. В.Е. Жаботинский в 10-е годы следующего века описывал, в своей упругой эмоциональной манере, так. Сперва еврейская масса выставляла против просвещения «фанатический предрассудок преувеличенной самобытности». Но время шло — и «насколько евреи прежде боялись гуманитарного просвещения, настолько они теперь жаждут его... и по распространённости этой жажды знания... мы, российские евреи, может быть, являемся первой народностью в мире». Однако «добежав до цели, мы с разбегу пронеслись дальше. Цель была — создать еврея, который, оставаясь евреем, мог бы жить общечеловеческой жизнью», но вот «мы теперь... сплошь забыли... что надо оставаться евреями», «перестали дорожить своей еврейской сущностью и начали тяготиться ею». И он призывает: «выжить дух самопрезрения и возродить дух самосознания... Мы жалуемся на то, что нас презирают, а сами себя почти презираем»[1].

Описание это охватывает главный ход ассимиляционного движения, однако не все стороны картины. Как мы уже видели (гл. 4), публицист и беллетрист Перец Смоленскин ещё в конце 60-х годов XIX в. выразил резко отрицательное отношение к ассимиляционному движению еврейской интеллигенции, сперва наблюдённому им в Одессе, затем нагляженному в Германии. И он тогда объявил войну сразу: как против «святош и ханжей, которые стремятся искоренить всякое знание из дома Якова», так и против «просвещённых ханжей, которые сладостными речами стараются отдалить сынов Израиля от наследия отцов». Нет! надо не стыдиться своего происхождения, надо дорожить своим языком и своим национальным достоинством, а национальная культура может сохраниться только с помо-

[1] *Вл. Жаботинский.* О национальном воспитании // [Сб.] Фельетоны. СПб.: Типография «Герольд», 1913, с. 5–7.

щью древнееврейского языка. Это тем более важно, что «еврейство, лишённое своей территории», является особым видом: «духовной нацией»[2]. Евреи — именно нация, а не религиозная конгрегация. Смоленскин выдвинул доктрину «“еврейского прогрессивного национализма”»[3].

Однако все 70-е годы голос Смоленскина оставался довольно одинок. Правда, в конце 70-х освобождение балканских славян — не осталось без влияния на национальное пробуждение и российских евреев. А после погромов 1881–82 — рухнули идеалы Гаскалы, и «вера, что цивилизация уничтожит средневековые гонения против евреев, и что путём просвещения евреям удастся сблизиться с народностями Европы, была значительно поколеблена»[4]. (Опыт погромов на юге Украины был расширительно перенесен на весь европейский опыт евреев?) Среди российских евреев «народился тип “кающихся” интеллигентов, стремившихся вернуться к традиционному еврейству»[5].

Тут-то влиятельный публицист и врач Лев Пинскер, уже 60-летний, выступил с тем энергичным призывом к русскому и немецкому еврейству — «Автоэмансипация». Пинскер писал, что вера в эмансипацию рухнула и надо погасить в себе отблески веры в братство народов. Ныне «евреи не составляют живой нации; они всюду чужие, и этим... объясняется тот гнёт и то презрение, которые они встречают со стороны окружающих народов». Еврейский народ — «как призрак мертвеца, бродящего среди живых». «Надо быть слепым, чтобы не видеть, что евреи — “избранный народ” для всеобщей ненависти». Евреи не могут «ассимилироваться ни с одной нацией, вследствие чего ни одной нацией не мо[гу]т быть терпим[ы]». «Стараясь слиться с другими народами, они до известной степени легкомысленно пожертвовали своей национальностью», но «нигде не добились того, чтобы сограждане признали их рав-

---

[2] Еврейская Энциклопедия* (далее — ЕЭ): В 16-ти т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз–Ефрон, 1906–1913. Т. 14, с. 403–404.

[3] *И.Л. Клаузнер.* Литература на иврит в России // [Сб.] Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до Революции 1917 г. (далее — КРЕ–1). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960, с. 506.

[4] ЕЭ, т. 12, с. 259.

[5] ЕЭ, т. 13, с. 639.

ными себе коренными жителями». Судьбы еврейства не должны зависеть от милости других народов. А практический выход: создание «народа на собственной территории». Итак, надо: приобрести и заселить евреями какую-либо подходящую территорию, «безразлично, в какой части света»[6].

Да ведь и создание Альянса (Всемирного Еврейского Союза) в 1860 уже было первым знаком отворота евреев от ставки исключительно на ассимиляцию.

А среди российских евреев уже и существовало, ещё не в сильной степени, движение *палестинофильства* — стремление вернуться в Палестину. (Да ведь это и было бы воплощение молитвенного приветствия "На будущий год в Иерусалиме".) И оно заметно усилилось после 1881–82. «Стремиться к колонизации Палестины... чтобы в течение одного века евреи могли почти окончательно оставить негостеприимную Европу». Прежние лозунги просвещенцев бороться «с ортодоксией, хасидизмом и религиозными предрассудками сменил призыв к примирению и объединению всех слоёв еврейства для осуществления идеалов» Палестины, «за возврат к старому еврейству». «Во многих городах России возникли кружки "Друзей Сиона"» — Ховевей Цион[7].

Так — одна мысль прилагалась к другой и поправляла её. Переселяться — да, но не куда-нибудь, а в Палестину.

А — что делалось в самой Палестине? «Первый крестовый поход привёл к почти полному уничтожению остатков еврейского населения Палестины». Но всё же «крохотная еврейская религиозная община сумела пережить и крах государства крестоносцев, и завоевание Палестины мамелюками, и вторжение в страну монгольских полчищ». «В последующие столетия еврейское население» пополнялось небольшим потоком «верующих из разных стран». В конце XVIII в. сколько-то хасидов из России эмигрировало туда. «В середине XIX века в Палестине насчитывалось 12 тысяч евреев», к концу XIX в. — 25 тысяч. «Взятые вместе, эти еврейские поселения в Стране Израиля назывались

---

[6] ЕЭ, т. 12, с. 526–527; *Ю. Гессен**. История еврейского народа в России: В 2-х т. Т. 2, Л., 1927, с. 233–234; *Г. Свет*. Русские евреи в сионизме и в строительстве Палестины и Израиля // КРЕ-1*, с. 244–245.

[7] ЕЭ*, т. 12, с. 259–260.

"ишувом"». И все эти люди (мужчины) занимались только изучением иудаизма и ничем другим. А жили они на «халуку» — подаяние от еврейских общин Европы. Подаяние это распределяли раввины и тем имели абсолютную власть. Лидеры ишува «отвергали любые попытки создать в стране хотя бы зачатки еврейского производительного труда». Причем изучался — исключительно Талмуд, ничто другое, но и это на низком уровне. «Известный еврейский историк Г. Грец, посетивший Палестину в 1872», нашёл, что и «учатся в действительности немногие, большинство предпочитает слоняться по улицам, бездельничать, сплетничать и злословить». Он нашёл, что «эта система способствует обскурантизму, нищете и вырождению палестинского еврейства», — и за то сам «был немедленно предан херему»[8].

В 1882 в Харькове возник палестинофильский кружок студентов — «билуйцы». Они задались «целью основать в Палестине образцовую земледельческую колонию», задать «тон общей колонизации Палестины евреями»; они стали создавать кружки по разным городам России. (Позже они кое-как обосновали и первую колонию в Палестине, но встретили проклятие и сопротивление старого ишува: раввины требовали, по древнему обряду, прекращать обработку земли каждый седьмой год.)[9]

Пинскер поддержал палестинофилов, созвал в 1884 в Катовицах первый палестинофильский съезд, в 1887 в Друскениках — второй. По черте еврейской оседлости стали разъезжать агитаторы с речами в синагогах и на общественных собраниях. (Дейч свидетельствует, что после 1881 даже П. Аксельрод увлекался палестинофильством!..[10])

Страстным проповедником палестинофильского движения стал, разумеется, и Смоленскин. Он кипуче связался с видными англо-еврейскими деятелями, а когда столкнулся с сопротивлением Альянса, желавшего не колонизации Палестины, а направить еврейскую эмиграционную

---

[8] *М. Вартбург.* Плата за сионизм // "22": Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1987, № 56, с. 112–114; *Свет* // КРЕ-1, с. 235–243.

[9] ЕЭ, т. 4, с. 577–579; *Вартбург* // "22", 1987, № 56, с. 115.

[10] *Л. Дейч.* Роль евреев в русском революционном движении. т. 1, 2-е изд., М.; Л.: ГИЗ, 1925, с. 5, 161.

волну в Америку, — объявил тактику Альянса «изменой народному делу». Ранняя смерть Смоленскина оборвала его усилия[11].

И всё же среди российского еврейства в те годы палестинофильское движение нашло пока отклик слабый, а то и противодействие. «Идея о политическом возрождении народа увлекла в ту пору за собою лишь незначительную группу интеллигенции и даже встретила вскоре убеждённых противников»[12]. Консервативные круги — и раввинат, и цадики — видели в палестинском течении преступление против божественной воли, «посягательство на веру в Мессию, который один должен вернуть евреев в Палестину. Прогрессисты ассимиляторского толка видели в палестинофильстве реакционное стремление обособить евреев от всего культурного человечества»[13].

Европейские евреи также не поддержали движения.

Тем временем практические успехи палестинофильства на месте оказались «слишком ничтожны»; «многие из колонистов обнаружили свою непригодность для земледельческого труда»; «идеал возрождения древней родины измельчал в мелкое благотворительное дело»; «колонии были спасены только благодаря щедрым субсидиям барона Эдмонда Ротшильда» (парижского). Но тем самым колонисты «были превращены в батраков, опекаемых и подчинённых строгой дисциплине». А в начале 90-х годов «колонизация пережила... тяжелый кризис, вызванный беспорядочной и бессистемной закупкой земель», а также распоряжением Турции, тогдашней обладательницы Палестины, запретить русским евреям высадку в палестинских портах[14].

Тем временем из палестинофильцев выдвинулся публицист, мыслитель и организатор Ушер Гинцберг, с 1889 выступивший под звучным псевдонимом на иврите — Ахад-Гаам («один из народа»), с тех пор так и известный. Он резко критиковал практическое палестинофильство, каким оно складывалось. Его установка была: «прежде, чем направить свои усилия к "возрождению на земле", надо позабо-

---

11 ЕЭ, т. 14, с. 406–407.

12 *Ю. Гессен*, т. 2, с. 234.

13 ЕЭ, т. 12, с. 261.

14 Там же, с. 261–262.

9—5080

титься о "возрождении сердец", об умственном и нравственном усовершенствовании народа». «Установить в центре еврейства живое духовное стремление к объединению нации, её возбуждению и свободному развитию в духе национальном, но на основах общечеловеческих»[15]. Этот взгляд позже получил название «духовного сионизма» (но — не «религиозного», это важно).

В том же 1889 Ахад-Гаам для объединения тех, кто предан возрождению еврейских национальных чувств, создал лигу — или орден, как его называют, «Бней Моше» («Сыновья Моисея»). Устав его «походил во многом на уставы масонских лож: при вступлении давалось клятвенное обещание выполнять в точности все требования устава; новых членов посвящал мастер, "старший брат"... вступающий "брат" обязывался беззаветно служить идее национального возрождения, хотя бы он был уверен, что нет никакой надежды на скорое осуществление идеала»[16]. В манифесте ордена возглашалось, что «национальное сознание имеет примат над религиозным, индивидуальные интересы подчиняются национальным», и требовалось углубить чувство беззаветной любви к еврейству, выше всех целей движения. Орден подготовил «почву к восприятию политического сионизма» Герцля[17], которого Ахад-Гаам вовсе и не хотел.

В 1891, 1893 и 1900 Ахад-Гаам совершил и поездки в Палестину — и изобличал бессистемность и беспочвенность тогдашней палестинской колонизации[18], «подверг суровой критике диктаторское поведение служащих барона» Э. Ротшильда[19].

Таким образом, в Европе сионизм зародился десятилетием позже, чем в России. Первый вождь сионизма Теодор Герцль до своих 36 лет (из всего 44-х) был писатель, драматург, фельетонист, не интересовался, не знал ни еврейской истории, ни тем более языка, а, характерно, — как достойный австрийский либерал, считал *реакционным*

---

[15] ЕЭ*, т. 3, с. 480–482.

[16] ЕЭ, т. 4, с. 683–684.

[17] *Свет* // КРЕ-1, с. 250–251.

[18] ЕЭ, т. 3, с. 481.

[19] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ): 1976 — ... [продолж. изд.]. Т. 1, Иерусалим: Кетер, 1976, с. 248–249.

стремление разных «второстепенных народностей» Австро-Венгрии к самоопределению и национальной жизни, находил верным подавлять их [20]. Как пишет Стефан Цвейг, Герцль даже вынашивал план повести венских евреев в собор на массовое крещение и так «раз и навсегда решить еврейский вопрос слиянием еврейства с христианством». Но вот росли в Австро-Венгрии противоеврейские настроения и пангерманизм, а в Париже, где Герцль в это время жил, вспыхнуло дело Альфреда Дрейфуса, и Герцлю досталось присутствовать «при публичном разжаловании Дрейфуса». И Герцль — поверил в его невиновность, был потрясён — и откинулся: «Если отстранение неизбежно, сказал он себе, — то полное... Если мы страдаем от бездомности — надо создать себе родину!» [21] Герцль как мгновенным толчком проникся идеей создать еврейское государство. «Словно молния, Герцля озарила новая мысль: антисемитизм не есть случайное явление, встречающееся лишь в данной обстановке и при данных условиях; нет, он — постоянное зло, он — вечный спутник Вечного Жида», и «единственно возможное решение еврейского вопроса» — отдельное еврейское государство [22]. (Прийти к такому плану после тысяч лет еврейского рассеяния — нужен был и большой полёт фантазии, и исключительная решимость!) Однако, по Цвейгу, брошюра Герцля «Еврейское государство» встретила «озадаченность и раздражение в кругах венской еврейской буржуазии... Что за бес вселился в этого остроумного, способного, культурного журналиста? Что за глупости он пишет? С чего это мы должны отправляться в Палестину? Наш родной язык — немецкий, а не еврейский, наша родина — прекрасная Австрия»; Герцль «даёт нашим злейшим врагам аргументы против нас и пытается нас отделить». Итак, «Вена... предала его и даже насмехалась над ним. Но потом внезапно прогремел такой яростный, такой эмоциональный ответ, что он почти испугался того, какое мощное, перераставшее его самого движение он вызвал к жизни своей маленькой брошюрой. Правда, это движение родилось... в огромных массах еврейства Восточной Евро-

---

[20] ЕЭ, т. 6, с. 407–409.

[21] *Стефан Цвейг.* Вчерашний мир. Воспоминания европейца // "22", 1994, № 92, с. 215–216.

[22] ЕЭ, т. 6, с. 409.

пы... Герцль своей брошюрой разжёг тлевшую под чужеземным пеплом искру еврейства»[23]. И вот — Герцль полностью отдаётся своей новой идее в оставшиеся годы жизни, «порывает с самыми близкими людьми и отныне общается лишь с еврейским народом... Он, столь недавно так легкомысленно презиравший политику, теперь создаёт политическое движение... вносит в [него] партийный дух и дисциплину, строит кадры будущей громадной армии и превращает конгрессы [сионистов] в истинный парламент еврейского народа». На 1-м конгрессе в Базеле в августе 1897 он производит сильнейшее впечатление «на евреев, очутившихся впервые в роли парламентских деятелей» и «во время первой же своей речи единогласно и с энтузиазмом был провозглашён... лидером и вождём сионистского движения». Он проявляет и «удивительное искусство находить примиряющие формулы» — но и так: «кто критикует его цель... либо порицает отдельные его шаги, тот враг не только сионизма, но и еврейского народа»[24].

А эффектно «декоративный» писатель Макс Нордау (Зюдельфельд) поддерживал его той мыслью, что эмансипация — ложна, ибо внесла рознь в еврейство, и вот эмансипированному еврею кажется, что он обрёл-таки родину. Тогда как «всё, что есть жизненного в еврействе, что представляет из себя еврейский идеал, мужество и способность прогрессировать — есть сионизм»[25].

На этом первом конгрессе представители российского сионизма «составили треть участников... 66 из 197 делегатов» — несмотря на то, что для иных это могло выглядеть как оппозиционный шаг по отношению к российскому правительству. К сионизму примкнули все российские Ховевей Цион, чем «способствовал[и] становлению мирового сионистского движения»[26]. Таким образом, «силу сионизм черпал... из кругов угнетённого восточного еврейства, найдя лишь ограниченную поддержку среди евреев Западной Европы»[27]. Но и отсюда же — русские сионисты представили

[23] *Цвейг* // "22", 1994, № 92, с. 216–217.

[24] ЕЭ, т. 6, с. 410–411.

[25] ЕЭ, т. 11, с. 788–792.

[26] КЕЭ, т. 7, с. 940.

[27] *Джеймс Паркс*. Евреи среди народов: Обзор причин антисемитизма. Париж: YMCA-Press, 1932, с. 45.

Герцлю самую серьёзную оппозицию. Ахад-Гаам повёл упорную борьбу с политическим сионизмом Герцля (на чью сторону, однако, встало большинство старых палестинофилов), резко критиковал прагматизм Герцля и Нордау и, как он считал, «отчуждённость [их] от духовных ценностей еврейской культуры и традиции»[28]. Он «находил химерической надежду политического сионизма основать еврейское автономное государство в *ближайшем будущем*; он считал всё это движение чрезвычайно вредным для дела духовного возрождения нации... Не заботятся о спасении гибнущего *иудаизма*, т.е. не заботятся о духовно национальных и культурно исторических приобретениях, стремятся не к *возрождению* древнего народа, а к *сотворению* нового из рассеянных частиц древней материи»[29]. (Он употребляет и даже выделяет слово «иудаизм», но почти очевидно, что: не в смысле религии, а как наследованная духовная система. Об Ахад-Гааме сообщает энциклопедия: ещё в 70-х годах, «всё более проникаясь рационализмом, отошёл от религии»[30].) По убеждению Ахад-Гаама, назначение Палестины лишь — «стать духовным центром, который объединил бы национально-духовными узами рассеянный народ»[31]; центром, «который будет изливать свой "свет" на всё мировое еврейство», создаст «новую духовную связь между рассеянными частями народа», это будет не столько «государство евреев», сколько «элитарное духовное сообщество»[32].

Споры — сотрясали сионистов. Ахад-Гаам резко критиковал Герцля, а в поддержку тому Нордау обвинял Ахад-Гаама в «секретном сионизме». Ежегодно шли сионистские конгрессы мировые, в 1902 состоялся в Минске съезд русских сионистов, споры перекинулись и сюда. Здесь Ахад-Гаам прочёл доклад «Духовное Возрождение»[33].

Обстановка для сионизма усложнялась и внешней к нему неприязнью. Герцль рассчитывал, что как только

[28] КЕЭ, т. 1, с. 249.

[29] ЕЭ, т. 3, с. 482.

[30] КЕЭ, т. 1, с. 248.

[31] ЕЭ, т. 12, с. 262.

[32] *Вартбург* // "22", 1987, № 56, с. 116–117.

[33] ЕЭ, т. 3, с. 482.

реальная программа сионистов придёт в движение и начнётся реальное переселение в Палестину — так антисемитизм всюду прекратится. Но ещё ранее такого успеха «громче всего раздавался голос тех, которые... боялись, как бы публичное выступление ассимилированного еврея в качестве национального не дало антисемитам повода утверждать, что под маской каждого ассимилированного еврея живёт настоящий еврей... не могущий слиться с коренным населением»[34]. Что от момента создания отдельного еврейского государства — евреев повсюду будут подозревать и упрекать в государственной нелояльности, принципиальной обособленности, в чём постоянно упрекали и упрекают евреев их враги.

В ответ на 2-м сионистском конгрессе (1898) Нордау возгласил: «Мы отвергаем с насмешкой и презрением звание партии; сионисты — не партия, это — само еврейство... Напротив, все те, кто хорошо себя чувствует в рабстве, в презрении... все они или стоят совершенно в стороне или же яростно борются против нас»[35].

Как отмечает английский историк, да, «сионизм оказал евреям услугу, давши им снова чувство самоуважения», однако всё же «оставляет в полной неопределённости вопрос», как они относятся «к странам, в которых они живут»[36].

В Австрии с Герцлем полемизировал его соотечественник Отто Вейнингер: «Сионизм и еврейство несовместимы, потому что сионизм стремится заставить евреев взять на себя ответственность за собственное государство, что противоречит сущности еврея». И предрекал провал сионизма[37].

В России в 1899 ярко выступил против сионизма И.М. Бикерман, как против идеи «призрачной, порождённой антисемитизмом, реакционной по духу, вредной по существу»; надо «отвергнуть иллюзии сионистов и, отнюдь не отказываясь от [еврейской] духовной индивидуальности, бороться рука об руку вместе с культурными и прогрес-

---

[34] ЕЭ, т. 6, с. 409.

[35] ЕЭ*, т. 11, с. 792.

[36] *Паркс*, с. 186.

[37] *Н. Гутина*. Кто боится Отто Вейнингера? // "22"*, 1983, № 31, с. 206.

сивными элементами России во имя возрождения общей родины»[38].

В начале века поэт Н. Минский высказал такое возражение: что сионизм есть потеря всечеловеческой мерки, что он снижает общечеловеческие космополитические масштабы еврейства до уровня заурядного национализма. «Сионисты, твердя о национализме, на деле отворачиваются от подлинного национального лика еврейства и радеют лишь о том, чтобы быть как все, стать не хуже других»[39].

С этим интересно сопоставить замечание православного мыслителя С. Булгакова, сделанное тоже до революции: «Величайшая трудность для сионизма состоит теперь в том, что он не в силах вернуть утрачиваемую веру отцов и принуждён базироваться на национальном или культурно-этнографическом принципе, на котором не может утвердиться никакая действительно великая народность»[40].

Но первые русские сионисты, — а «именно из России вышло большинство основателей государства Израиль и пионеров-строителей этого государства»[41], да и — на русском языке «были написаны лучшие образцы сионистской публицистики»[42], — были полны восторженного, неостановимого энтузиазма: вернуть своему народу давноисторическую библейскую утерянную родину — и на ней создать необычайное по качеству государство и вырастить необычайных по качеству людей.

И самый порыв — всех, всех направить на физический труд, на обработку земли! — он лился никак не без влияния толстовского призыва и опрощенчества[43].

Все ручьи — туда.

---

[38] ЕЭ, т. 4, с. 556.

[39] *Н. Минский.* Национальный лик и патриотизм // Слово, СПб., 1909, 28 марта (10 апр.), с. 2.

[40] *прот. Сергий Булгаков.* Христианство и еврейский вопрос. Париж: YMCA-Press, 1991, с. 11.

[41] *Ф. Колкер.* Новый план помощи советскому еврейству // "22", 1983, № 31, с. 149.

[42] *Н. Гутина.* В поисках утраченной самоидентификации // "22", 1983, № 29, с. 216.

[43] *Амос Оз.* Спящая красавица: грезы и пробуждение // "22", 1985, № 42, с. 117.

Так как же, всё-таки, относиться сионисту к стране своего нынешнего пребывания?

Для российских сионистов отдача всех сил палестинской мечте требовала выключить себя из общественного кипения в самой России. В их уставе было: «Не занима[ть]ся общей политикой, ни внутренней, ни внешней». Отныне они могли участвовать в борьбе за равноправие в России лишь вяло, со скептицизмом; а ещё участвовать в российском Освободительном движении? — ну это уж и вовсе таскать каштаны для других [44].

Такая тактика вызвала страстный упрёк Жаботинского: «Даже постояльцы в заезжем дворе заинтересованы в том, чтобы он содержался в чистоте и порядке» [45].

Однако: *на каком языке* сионисты должны были вести свою пропаганду? Ивритом они не владели, да их бы никто и не понял. Значит: на русском или на идише. А это — снова сближало их с политическим радикализмом в России [46], с еврейскими революционными течениями.

Разумеется, еврейская революционная молодёжь ожесточённо спорила с сионистами: нет!! решение еврейского вопроса — не уход из России, а политическая борьба за равноправие здесь! Чем ехать устраиваться куда-то далеко за море — есть возможность утвердиться в этой стране. И такие доводы не могли не поколебать многих своей отчётливой ясностью.

А с большевицких позиций клеймили сионизм как «глубоко реакционны[й]», оценивали сионистов как «партию отчаянного, безнадёжного пессимизма» [47].

Не могли не возникнуть и промежуточные течения. Тут мы видим, например, левосионистскую партию Поалей-Ци-

---

[44] *Г.Я.Аронсон.* В борьбе за гражданские и национальные права: Общественные течения в русском еврействе // КРЕ-1, с. 218–219.

[45] Там же*, с. 219.

[46] Там же, с. 219–220.

[47] *С.Диманштейн.* Революционное движение среди евреев // [Сб.] 1905: История революционного движения в отдельных очерках / Под ред. М.Н.Покровского. Т. 3, вып. 1, М.; Л.: ГИЗ, 1927, с. 107, 116.

он («трудящиеся Сиона»). В России она основана в 1899 и сочетала «политический сионизм с социалистической идеологией». Это была попытка вести среднюю линию между теми, кто занят только классовыми проблемами и кто — только национальными. «Среди Поалей-Цион существовали острые разногласия по вопросу об участии в революционной деятельности в России»[48]. (Ещё и внутри революционеров разнотяготение: кто ближе к социал-демократам, кто к эсерам.)

«С 1903 начали зарождаться группы Цеирей Цион, идеологически близкие немарксистскому социалистическому сионизму»[49]. А в 1904 от Поалей-Цион откололась партия СС — «сионистов-социалистов», почти порвавших с идеей Палестины: «всемерное развитие идиш как живого разговорного языка еврейских масс» — и хватит, и долой идею национальной автономии. Сионизм начинает принимать буржуазно-реакционную форму, а надо создать из сионизма социалистическое движение, пробуждать в еврейских массах революционно-политические инстинкты. Партия «высоко оценивала "социально-экономическое содержание" сионизма, но отрицала необходимость "возрождения еврейской земли, еврейской культуры, еврейских традиций"». Да, хаотическую еврейскую эмиграцию надо направить на единую территорию, но «не существует органической связи между сионизмом и Палестиной». Главное, это что еврейское государство должно иметь основы социалистические, а не капиталистические. Однако такая эмиграция — процесс долгоисторический, большинство еврейских масс ещё надолго останется в теперешних местах жительства. «Партия положительно относилась к участию евреев в революционной борьбе в России»[50] — то есть бороться за свои права здесь. Религиозное же еврейство ими презиралось.

В этом разномесьи не преминуло возникнуть «Возрождение», «еврейская социалистическая группа... [Она] считала, что национальный фактор прогрессивен по своей природе», и в 1906 возрожденцы, отколовшись от сионистов-социалистов, образовали Социалистическую Еврейскую Рабочую Партию (СЕРП, «серповцы», они же и «сеймовцы» —

---

[48] КЕЭ, т. 6, с. 551.

[49] КЕЭ, т. 7, с. 941.

[50] Там же*, с. 1021–1022.

за требование избрать Еврейский Национальный Сейм — как «верховный орган еврейского национального самоуправления» [51]). Языки еврейский и русский серповцы считали равноправными к употреблению. И, настаивая на идеологии «автономизма» внутри российского государства, социалистический СЕРП, однако, не сливался с социалистическим же Бундом[52].

Несмотря на внутренние несогласия среди сионистов, произошёл общий сдвиг сионизма в России к социализму — и он не остался не замечен российским правительством. До сих пор оно никак не мешало сионистской пропаганде, но в июне 1903 министр внутренних дел Плеве издал циркуляр губернаторам и градоначальникам о том, что сионисты отодвинули эмиграцию в Палестину на второй план, а сконцентрировались на организации еврейства в местах, где живут ныне; такое направление не может быть терпимо; и поэтому запрещается публичная пропаганда сионизма, их собрания, лекции, и т.п.[53]

Узнав об этом, Герцль — несмотря на кишинёвский погром той весны, всеми громкими обвинениями легший именно на Плеве, презрев осуждения и проклятия многих российских сионистов, — тотчас отправился в Петербург и добился приёма у Плеве. (Он ещё в 1899 добивался аудиенции у Николая II, но тщетно.)

Плеве объяснил Герцлю так (по запискам Герцля). Еврейский вопрос для России — не жизненный, но важный, и «мы стараемся разрешить его правильным путём... Русское государство должно желать, чтобы его население было однородным», и ото всех требует патриотического отношения. «Мы желаем [евреев] ассимилировать, но ассимиляция... идёт очень медленно... Я не враг евреев. Я их знаю очень хорошо, я провёл среди них мои юношеские годы в Варшаве, я в детстве постоянно играл с еврейскими детьми... Я хотел бы поэтому с большой охотой сделать что-нибудь для евреев. Я не хочу отрицать... что положение русских евреев не является счастливым. Если б я был евреем, я, вероятно, был бы также врагом правительства». «Образо-

---

[51] *Аронсон* // КРЕ-1, с. 226-229.

[52] КЕЭ, т. 1, с. 705, т. 7, с. 1021.

[53] *С. Гинзбург.* Поездка Теодора Герцля в Петербург // Еврейский мир: Сб. II. Нью-Йорк: Союз русских евреев в Нью-Йорке, 1944, с. 199.

вание еврейского государства, [вмещающего] несколько миллионов евреев, было бы для нас чрезвычайно желательным. Это, однако, не означает, что мы хотим потерять всех наших евреев. Интеллигентные и состоятельные элементы, могущие ассимилироваться, мы охотно оставили бы у себя, от бедных же и мало культурных мы бы охотно избавились». Мы сочувствовали сионизму как переселению, но теперь в его целях «мы замечаем большие изменения»[54]. Российское правительство благожелательно относится к эмиграции сионистов в Палестину и, если сионизм вернётся к своей прежней программе, готово поддерживать её перед Оттоманской Империей, но не может потерпеть — как сионизм теперь склонился — пропаганды еврейского национального отчуждения внутри России[55]: это привело бы к созданию группы граждан, чуждых патриотизму, на котором государство основано. (Если верить Н.Д. Любимову, тогдашнему директору канцелярии при Плеве, Плеве сказал ему, что Герцль в разговоре признал, что западные еврейские банкиры помогают революционным партиям в России. Слиозберг считает это невероятным[56].)

Плеве доложил Государю, получил одобрение изложенного — и передал Герцлю подтверждающее письмо в этом смысле.

Герцль считал, что визит его к Плеве удался.

Оба они не знали, что осталось им жить всего по 11 месяцев...

Турция не проявляла признаков уступчивости к сионистам, а английское правительство в том же 1903 предложило им для колонизации вместо Палестины — Уганду.

В августе 1903 на 6-м конгрессе сионистов в Базеле Герцль представил эту перспективу, «которая, конечно, не Сион», но может быть принята как промежуточная, чтобы ускорить создание еврейского государства[57].

Этот проект вызвал бурную дискуссию. Есть сведения, что даже в палестинском ишуве нашлась поддержка угандийскому проекту — от тех новых поселенцев, кто был удру-

[54] Там же*, с. 202–203.

[55] КЕЭ, т. 6, с. 533.

[56] *Г.Б. Слиозберг.* Дела минувших дней: Записки русского еврея: В 3-х т. Париж, 1933–1934. Т. 2, с. 301.

[57] ЕЭ*, т. 6, с. 412

чён природными тяготами в Палестине. Но российские сионисты, — кажется, изо всех евреев мира наиболее нуждавшиеся в срочном убежище, — резче всех восстали против Уганды. Они, во главе с М.М. Усышкиным (создателем группы «билуйцев», потом правой рукой Ахад-Гаама в лиге «Бней Моше»), выступили с непримиримой оппозицией: сионизм связан именно с Сионом, и ничто не может для евреев его заменить! [58]

Конгресс, правда, сформировал комиссию: послать в Уганду, для изучения её [59]. — 7-й конгресс в 1905 выслушал доклад — и отказался от Уганды [60]. — Угнетённый всеми препятствиями, Герцль не дожил до этого решения: в 1904 умер от разрыва сердца [61].

Но вспыхнувшая эта проблема вызвала ещё новый раскол сионизма: отныне от него откололись *территориалисты*, во главе с Израилем Зангвилем; к ним присоединились делегаты из Англии. Они создали и собирали свой Интернациональный совет; получали субсидии от Якова Шиффа и от парижского Ротшильда. Они порвали с непременностью Палестины: да, осуществить концентрированную еврейскую колонизацию на определённой территории, но — где угодно, в любом месте. Год за годом в поисках они перебрали дюжину стран, обсуждали Анголу, но «Португалия слишком слабая страна и не сможет защищать евреев», там «евреи легко могут стать жертвой соседних племён» [62].

Да они соглашались и на территорию даже внутри России, если бы создать автономную самоуправляющуюся единицу.

Этот аргумент — что нужна сильная страна для защиты евреев на новом месте, особенно прилегал сторонникам *краткосрочного* создания отдельного государства с массовым переселением, что предлагал и тогда и позже Макс Нордау, то есть «невзирая на экономическую неподготовленность страны [Палестины] к их приёму» [63]. Но ведь

---

[58] ЕЭ, т. 15, с. 135.

[59] ЕЭ, т. 3, с. 679.

[60] Там же, с. 680–681.

[61] ЕЭ, т. 6, с. 407.

[62] ЕЭ, т. 14, с. 827–829.

[63] КЕЭ, т. 7, с. 891–892.

для того предстояло преодолеть Турцию и как-то же решить арабскую проблему. Сторонники этой программы понимали, что следуя ей — сионистское движение не сможет самозащищаться без помощи сильных союзников. А такую военную помощь никакая страна тогда ещё не предлагала.

И до создания израильского государства пришлось ещё пройти через две мировые войны.

Глава 8 — НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Видимо, после 6-летних раздумий или нерешимости, с 1887 года Александр III уже определённо повернул к тому, чтобы сдерживать российское еврейство стеснениями гражданскими и политическими, и проводил эту политику до своей смерти.

Вероятно, резонами были заметное участие евреев в революционном движении и не менее заметное уклонение от воинской службы: «служило только три четверти того количества евреев, какое полагалось»[1]. Отмечено было «постепенно возрастающе[е] числ[о] не явившихся к призыву евреев», да и накопление штрафов за неявку к призыву: из 30 млн. руб. было взыскано только 3 миллиона. (А у правительства по-прежнему не было точных чисел ни общего еврейского населения, ни рождаемости, ни смертей до 21 года. Вспомним, из главы 4, что по поводу скрывательства была в 1876 сокращена «льгот[а] 1-го разряда по семейному положению» — то есть стали включать единственных сыновей из еврейских семей в общий призывной жребий, и в результате от евреев требовалось непропорциональное количество призывников. Это было исправлено в начале 900-х, уже при Николае II[2].)

Что же касается министерства народного просвещения, то мнение Александра III, выраженное уже в 1885, было: чтобы число евреев в школах в местностях вне черты оседлости определялось сообразно численному отношению евреев к общей массе населения. Но власти задумывали не только противодействие еврейскому преумноженному потоку в образование, для них то была — борьба с революцией. Как тогда выражались: превратить школу «из рассад-

---

[1] *Ю.Ларин.* Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л.: ГИЗ, 1929, с. 140.

[2] *Г.Б.Слиозберг.* Дела минувших дней: Записки русского еврея: В 3-х т. Париж, 1933–1934. Т. 2, с. 206–209.

ника социализма в рассадник науки»[3]. В недрах министерства разрабатывалась и более широкая мера, как не допускать к просвещению элементы, могущие послужить революции, мера антиломоносовская, глубоко порочная для государственного смысла: вообще не допускать в гимназии детей низших сословий российского населения («кухаркиных детей»). Псевдоблагоразумно и благоприлично это формулировалось так: «Предоставить начальникам учебных заведений принимать только таких детей, которые находятся на попечении лиц, предоставляющих достаточное ручательство в правильном над ними домашнем надзоре и в предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства», а в высших учебных заведениях повысить плату за слушанье лекций[4].

Эта мера тоже вызвала возмущение в российских либеральных кругах, но никак не столь сильное и долговременное, как последовавшее в 1887 ограничение приёма евреев в гимназии и университеты. Первоначально предполагалось публиковать обе меры в едином законе. Комитет министров, однако, не согласился, сочтя, что «опубликование общих ограничительных для евреев постановлений могло бы быть неправильно истолковано». — И в июне 1887 опубликовано было постановление лишь в своей не-еврейской части: «О мерах к упорядочению состава учащихся в средних и высших учебных заведениях» — мерах против простонародья… Ограничение же приёма евреев поручено было министру просвещения Делянову осуществить непубликуемым циркуляром на имя попечителей учебных округов, что Делянов и сделал в июле 1887, указав по средним и высшим заведениям своего министерства норму приёма для евреев: в черте оседлости — 10%, вне черты — 5%, а в обеих столицах — 3%.

«Вслед за министерством народного просвещения» стали и другие некоторые ведомства вводить «процентные нормы для своих учебных заведений, а некоторые… совсем закрыли их для евреев». (Тут были институты электротехнический и путей сообщения в Петербурге, а заметнее всего:

[3] *Ю. Гессен.* История еврейского народа в России: В 2-х т. Т. 2, Л., 1927, с. 231.

[4] Еврейская Энциклопедия* (далее — ЕЭ): В 16-ти т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1906–1913. Т. 13, с. 52.

временное, «в течение многих лет», прекращение приёма евреев в Военно-Медицинскую Академию.)[5]

Этот закон о «процентной норме», которого не было перед тем за все 93 года массового пребывания евреев в России и которому суждено было отныне просуществовать 29 лет (фактически — до 1916), — был воспринят российским еврейством тем больней, что именно с 70–80-х годов и начался «натиск [евреев] на гимназии и реальные училища», который Слиозберг, например, объясняет «не развитием у самой массы сознания потребности в просвещении, а... ограничением возможности для еврея без капиталов найти приложение сил своих в области хозяйственной, а также проведением всеобщей воинской повинности со льготами по образованию», — так что если прежде поступала учиться лишь состоятельная еврейская молодёжь, то теперь создавался «студенческий еврейский пролетариат»; если у русских и теперь высшее образование получали главным образом состоятельные слои, то у евреев, наряду с состоятельными, в образование кинулись нижние социальные слои[6].

Мы бы добавили: в те годы уже начинался всемирный, всекультурный поворот к образованию всеобщему, а не элитарному, — и евреи, по своей чуткости, хотя, может, и не вполне осознанно, ощущали его из первых в мире.

А — возможно ли было найти путь плавного, безвзрывного решения этой сильно и вдруг возросшей еврейской потребности в образовании? При всё ещё неразбуженности, неразвитости широкого коренного населения — каким путём можно было бы это осуществить, без ущерба и для русского развития, и для еврейского?

У правительства несомненно была цель антиреволюционная, поскольку среди учащейся молодёжи евреи к тому времени выделились своею активностью и непримиримостью к государственному строю. Однако, если учесть большое влияние К.П.Победоносцева при Александре III, надо признать, что у них была и цель национальной защиты от проступающего неравновесия в образовании. Со слов приезжавшего тогда в Россию крупного еврейского банкира барона Морица фон-Гирша, Победоносцев изложил ему свою точку зрения так. Политика правительства исходит не из

[5] ЕЭ, т. 13, с. 52–53.

[6] *Слиозберг*, т. 1, с. 92; т. 2, с. 89.

«вредности» евреев, а из того, что, благодаря многотысячелетней культуре, они являются элементом более сильным духовно и умственно, чем всё ещё некультурный тёмный русский народ, — и потому нужны правовые меры, которые уравновесили бы «слабую способность окружающего населения бороться». (И Победоносцев приглашал известного филантропией Гирша: помочь просвещению русского народа — а тем и ускорить правовое уравнение евреев в России. Барон Гирш, пишет Слиозберг, и пожертвовал 1 млн. руб. для русских школ.)[7]

Как на всякое явление, так и на эту государственную меру, можно посмотреть с нескольких сторон, и уж по меньшей мере с двух.

Для молодого еврейского ученика нарушалась самая основная справедливость: показал способности, прилежание, кажется — во всём годишься? Нет, тебя не берут. И конечно же, динамичной, несомненно талантливой к учению еврейской молодёжи — этот внезапно возникший барьер был более, чем досадителен, — он вызывал озлобление грубостью применённой административной силы. Евреям, прежде густо скученным в мелкой торговле и ремёслах, теперь препятствовали в столь желанном ключе к лучшей жизни.

А на взгляд «коренного населения» — в процентной норме не было преступления против принципа равноправия, даже наоборот. Те учебные заведения содержались на средства казны, то есть средства всего населения, — и непропорциональность евреев виделась субсидией за общий счёт; и, как следствие потом, образованные получат преимущественное положение в обществе. Нуждались ли остальные национальные группы, кроме евреев, в пропорциональном представительстве в образованном слое? В отличие от всех других народностей Империи, евреи теперь стремились почти *исключительно* к образованию, и в иных местах это могло означать еврейский состав больше 50% в высших учебных заведениях. И вот, процентная норма несомненно была обоснована ограждением интересов и русских и национальных меньшинств, а не стремлением к порабощению евреев. (В 20-х годах XX в. даже и в Соединённых Штатах будет искаться подобный же путь ограничить процент евреев в университетах, как и *квотирование*

---

7 *Слиозберг*, т. 2, с. 33.

иммиграции, об этом — позже. А в общем виде — вопрос о процентных нормах, уже теперь с предела нижнего, “не меньше, чем”, — и сегодня бушует в Америке.)

Реально — осуществление процентной нормы в России имело много исключений. Во-первых, она не распространялась на *женские* гимназии, там не было нормы для девочек-евреек. «В большинстве женских гимназий процентная норма не вводилась, так же как и в ряде специализированных и общественных высших учебных заведений: петербургской и московской консерваториях, московском училище живописи, зодчества и ваяния, петербургском Психоневрологическом институте, киевском Коммерческом институте и др.»[8]. Тем более не применялась процентная норма во всех видах *частных* учебных заведений, которых было много, и высокого качества[9]. (Например, в Москве в гимназии Кирпичниковой, из лучших частных гимназий в России и с совместным обучением полов, евреев было около четверти учащихся[10]. Много евреев училось и в прославленной Поливановской московской гимназии. В ростовской женской гимназии Андреевой, где училась моя мать, девочек-евреек было больше половины класса.) Коммерческие училища (они состояли в ведении министерства финансов), куда евреи шли весьма охотно, — сперва были открыты для них без всяких ограничений. После 1895 появились некоторые, но не строгие: например, в коммерческих училищах черты оседлости, содержимых на средства частных лиц, число допускаемых к приёму евреев зависело от размера участия купцов-евреев в расходах по содержанию этих училищ; во многих коммерческих училищах процент евреев был 50 и выше.

Там же, где правительственная норма при приёме в средние школы соблюдалась строго, процент евреев в старших классах тем не менее часто превышал её. Слиозберг объясняет это в частности и тем, что евреи, поступавшие в

---

[8] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ): 1976 — ... [продолж. изд.]. Т. 6. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1992, с. 854.

[9] *И.М.Троцкий*. Евреи в русской школе // [Сб.] Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до Революции 1917 г. (далее — КРЕ-1). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960, с. 359.

[10] *П.Д.Ильинский*. [Воспоминания] // Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» (БФРЗ), фонд 1, А-90, с. 2.

гимназию, всегда полностью кончали курс, а не-евреи частенько и не доучивались. Поэтому в старших классах оказывалось и больше 10% евреев[11]. Подтверждает он, что немало евреев училось, например, в полтавской гимназии. А в Вязьме, свидетельствует другой мемуарист, в гимназии в его классе из 30 мальчиков было 8 евреев[12]. В мариупольских мужских гимназиях, уже в думское время, — примерно седьмая часть, т.е. 14–15%, а в женских больше[13]. В Одессе же, где евреи составляли треть населения[14], в 1894 в наиболее престижной ришельевской гимназии состояло 14% евреев, во 2-й гимназии — больше 20%, в 3-й — 37%, во всех женских гимназиях — 40%, в коммерческом училище — 72%, в Университете — 19%[15].

Но при денежных возможностях жажду образования никакие препятствия не могли остановить. «Во многих средних учебных заведениях внутренних губерний евреев в то время было немного, и родители стали посылать туда своих детей... Более состоятельные евреи стали обучать детей дома, готовя их ежегодно к экзамену в следующий класс, а затем к выпускному»[16]. В годы с 1887 по 1909 евреи могли без ограничений держать и ежегодные переводные и выпускные гимназические экзамены и «получали свидетельства, дающие им одинаковые права с окончившими курс»[17]. Большинство экстернов в российских гимназиях и были — евреи. И сколько было таких семей, как Якова Маршака (не богатого ювелира, а отца поэта): *все* пятеро его детей получили высшее образование до революции.

Затем «повсюду открывались частные учебные заведения, как общие для христиан и евреев, так и только для одних евреев... Некоторые из этих школ получили все права правительственных, другим разрешено выдавать... аттестаты, дающие право на поступление в высшие учебные за-

---

11 *Слиозберг*, т. 2, с. 90.

12 *Н.В. Волков-Муромцев*. Юность. От Вязьмы до Феодосии. 2-е изд., М.: Русский путь; Грааль, 1997, с. 101.

13 *И.Э. Темиров* [Воспоминания] // БФРЗ, ф. 1, А–29, с. 24.

14 ЕЭ, т. 12, с. 58.

15 *А. Львов* // Новая газета, Нью-Йорк, 1981, № 70, 5–11 сент., с. 26.

16 ЕЭ, т. 13, с. 54–55.

17 ЕЭ, т. 16, с. 205.

ведения»[18]. «Была создана сеть частных еврейских учебных заведений, заложивших основы национального образования»[19]. — «Евреи стали также направляться в заграничные высшие учебные заведения; из них большая часть возвращается в Россию и держит здесь экзамен в государственных комиссиях»[20]. Слиозберг сам обнаружил в 80-е годы в Гейдельбергском университете, что «большинство из... русских слушателей были евреи», среди них — и не имеющие аттестатов зрелости[21].

Есть смысл задаться вопросом: эти ограничения, продиктованные опасением революционности студенчества, — не подпитывали они именно эту революционность? Не способствовали ей — и озлобление на «норму», и пребывание за границей в контактах с революционными эмигрантами?

А что же — в российских университетах после запретного циркуляра? Не резко сразу, но процент евреев понижался почти каждый год, от 13,8% в 1893 до 7,0% в 1902. И в Петербургском и в Московском университетах процент евреев всё же превышал объявленную норму — 3% — почти во все годы её существования[22].

Министр Делянов на обращение к нему с личными просьбами разрешал не раз принимать просителей в университеты сверх нормы, тому — не один свидетель[23]. И так принимались «сотни студентов». (Деляновские помягчения позже сменились ужесточением строгости норм при министре Боголепове — и нельзя вовсе исключить, что это тоже повлияло на выбор его мишенью для террориста.)[24] — А вот обзор Слиозберга: на Высших женских медицинских курсах в Петербурге реальный процент был выше, чем в Военно-Медицинской Академии и в Университете, и «сюда стекались еврейки со всей Империи». — В петербургском Пси-

[18] ЕЭ, т. 13, с. 55.

[19] КЕЭ, т. 6, с. 854.

[20] ЕЭ, т. 13, с. 55.

[21] *Слиозберг*, т. 1, с. 161.

[22] *С.В.Познер*. Евреи в общей школе: К истории законодательства и правительственной политики в области еврейского вопроса. СПб.: Разум, 1914, с. 54–55.

[23] См.: *Слиозберг*, т. 2, с. 93.

[24] *А.Гольденвейзер*. Правовое положение евреев в России // КРЕ-1, с. 149.

хоневрологическом институте (куда, были случаи, принимали и без гимназического аттестата) — учились многие сотни евреев, а за годы прошли и тысячи. «Психоневрологический» назывался он, однако в нём открылся также и *юридический* факультет. Императорская консерватория в Петербурге «переполнена была учащимися евреями обоего пола». — В 1911 в Екатеринославе открылся и частный Горный институт[25].

В приёме в специальные средние учебные заведения, например фельдшерские, бывала и большая свобода. Я. Тейтель рассказывает, что в саратовскую фельдшерскую школу (высокого уровня, с институтским оборудованием) принимали евреев, приезжающих из черты оседлости, безо всякой процентной нормы. (И без предварительных полицейских разрешений на поездку, а принятые в школу тем самым и становились полноправны, этот порядок утвердил саратовский тогда губернатор Столыпин.) И, таким образом, в школе училось до 70% евреев. — И в другие средние технические училища Саратова евреев из черты оседлости принимали без соблюдения процентной нормы, а затем многие из них продолжали образование в высших учебных заведениях. Ещё приезжала из черты оседлости «масса» экстернов, которым не нашлось университетских мест, и еврейская община города всех их устраивала на работу[26].

Ко всему этому следует добавить, что учебные заведения на еврейском языке — не ограничивались. В последнюю четверть XIX в. в черте было 25 тысяч хедеров, в них 363 тысячи учащихся (64% всех еврейских детей)[27]. Правда, бывшие «казённые еврейские училища» были (в 1883) закрыты как ненадобные в новую эпоху, в них уже не шли. (Но: если в прошлые десятилетия внедрение этих училищ иные еврейские публицисты трактовали как факт и замысел «реакции», то теперь и закрытие их — как «факт реакции».)

И, суммарно: процентная норма не ограничила жажду евреев к образованию. Не подняла она и уровень образования среди не-еврейских народностей Империи, — а вот у

---

25 *Слиозберг*, т. 1, с. 127–128; т. 3, с. 290–292, 301.

26 *Я.Л. Тейтель*. Из моей жизни за 40 лет. Париж: Я. Поволоцкий и Ко., 1925, с. 170–176.

27 *И. Троцкий*. Евреи в русской школе // КРЕ-1, с. 358.

еврейской молодёжи вызывала горечь и ожесточение. И несмотря на эту притеснительную меру еврейская молодёжь всё равно вырастала в ведущую интеллигенцию. Именно выходцы из России составили весомое и яркое большинство начальной интеллигенции будущего государства Израиль. Сколь часто читаешь в Российской Еврейской энциклопедии: «сын мелкого ремесленника», «сын мелкого торговца», не говоря уже «сын купца», — и дальше: кончил университет.)

Диплом университета сперва давал в России право жительства повсюду в Империи и право службы по любому ведомству. (Позже — устанавливали препятствия к преподаванию евреев в академиях, университетах и казённых гимназиях.) Евреи с высшим медицинским образованием (врачи и провизоры) имели право «повсеместного жительства, независимо от того, занимаются ли они своей специальностью или нет», и — как и все окончившие высшие учебные заведения — напротив, могли «заниматься торговлей и промыслами» и «причисляться к купечеству без предварительного пятилетнего пребывания в первой гильдии в черте оседлости», как это требовалось от прямых купцов. «Евреи, имеющие степень доктора медицины», могли служить по любому ведомству по всей Империи, иметь приказчика и двух слуг из единоверцев, выписывая их из «черты». Право повсеместного жительства и торговли имел и еврейский медицинский персонал без высшего образования (зубные врачи, фельдшеры, акушерки). Но с 1903 поставлено было условие, чтоб они всё же непременно занимались своей специальностью[28].

Ограничения коснулись и независимой присяжной адвокатуры, учреждённой с 1864 года. Эта профессия давала возможность большого преуспевания — и финансового, и личной славы, и идейного: речи адвокатов в суде не подлежали никакой цензуре, также и при напечатании в прессе, так что у адвокатов в те годы было больше свободы слова, чем у самих газет, — и они этим широко и успешно пользовались для социальной критики и для «воспитания» общест-

[28] ЕЭ, т. 10, с. 780–781.

ва. Сословие присяжных поверенных превратилось за четверть века в мощную социальную силу — вплоть до ликовательного оправдания террористки Веры Засулич в 1878. (Нравственная бескрайность адвокатских аргументов тогда сильно озабочивала Достоевского, он писал о том.) И в этом влиятельном сословии евреи быстро занимали места, и средь самых способных, и в большом числе. — Когда же петербургский совет присяжных поверенных в 1889 «напечатал в своём отчёте впервые данные о числе евреев в сословии», то видный петербургский адвокат А.Я. Пассовер «отказался от звания члена совета и никогда более не соглашался на избрание»[29].

В том же 1889 министр юстиции Манасеин представил Александру III доклад, что «адвокатура наводняется евреями, вытесняющими русских; что эти евреи своими специфическими приёмами нарушают моральную чистоту, требуемую от сословия присяжных поверенных». (Источник не приводит разъяснений.)[30] И в ноябре того же 1889, с повеления Государя, было распоряжение, как бы опять *временное* и потому не нуждающееся в полном законодательном процессе: «чтобы принятие в число присяжных и частных поверенных лиц нехристианских вероисповеданий... впредь до издания особого по сему предмету закона, допускалось не иначе, как с разрешения министра юстиции»[31]. Но так как, видимо, ни магометане, ни буддисты на адвокатское звание в существенном числе не претендовали, то, по результату, распоряжение было противоеврейским.

И с того года в течение 15 лет — практически ни один некрещёный еврей такого разрешения от министра юстиции не получал, даже столь знаменитые впоследствии адвокаты, как М.М. Винавер и О.О. Грузенберг, — так и пробыли полтора десятка лет в «помощниках присяжных поверенных» (Винавер не раз выступал и в Сенате, и пользовался влиянием там). «Помощники» выступали так же свободно и успешно, как и полные присяжные поверенные, и в том — евреи не испытывали ограничений[32].

---

29 ЕЭ, т. 12, с. 315.

30 *С.Л. Кучеров.* Евреи в русской адвокатуре // КРЕ-1, с. 402.

31 ЕЭ*, т. 1, с. 469-470.

32 *Гольденвейзер* // КРЕ-1, с. 131.

В 1894 новый министр юстиции Н.В. Муравьёв пытался придать временному запрету — характер постоянного закона. Аргументировал он так: «Действительную опасность представляет не наличность в составе присяжных поверенных отдельных членов еврейского вероисповедания, отрешившихся в значительной степени от противных христианской нравственности воззрений, свойственных их племени, но лишь появление в среде присяжных поверенных евреев в таком количестве, при коем они могли бы приобрести преобладающее значение и оказывать тлетворное влияние на общий уровень нравственности и на характер деятельности сословия»[33]. А в представленном проекте закона было: чтобы в пределах каждого судебного округа число присяжных поверенных не-христиан не превышало бы 10%. Царское правительство отвергло этот проект Муравьёва — однако, упрекает М. Кроль: «эта идея... не встретила должного осуждения со стороны русского общества», и в петербургском Юридическом обществе «лишь весьма немногие решительно протестовали... значительная же часть обсуждавших проект явно сочувствовала этой мере»[34]. Это — даёт нам неожиданную отметку о настроении столичной интеллигенции в середине 90-х годов. (В Петербургском судебном округе евреи составляли тогда среди присяжных поверенных 13,5%, в Московском — меньше 5%[35].)

Фактический запрет перехода в присяжные поверенные из помощников был тем более чувствителен, что следовал наступившим стеснениям в научной карьере и в государственной службе[36]. Возможность перехода снова открылась только с 1904 года.

А в 80-х годах в губерниях черты было введено ограничение числа евреев и среди присяжных заседателей, чтоб они не имели в их составе большинства.

И в само судебное ведомство евреев перестали принимать на службу с 80-х годов. Однако Я. Тейтель, вступивший ранее того, после окончания Московского университета, продолжал служить в судебном ведомстве 35 лет и кончил службу с правом дворянства, в чине статского генера-

---

[33] *Кучеров* // КРЕ-1*, с. 404.

[34] ЕЭ, т. 1, с. 471–472.

[35] *Кучеров* // КРЕ-1, с. 405.

[36] Там же.

ла. (Затем, всё же, Щегловитов вынудил его «добровольно» уйти в отставку.) По ходу служебных обязанностей ему, иудею, не раз приходилось приводить к присяге православных свидетелей, и он не встречал возражений от православного духовенства. — Называет он и Я.М. Гальперна, тоже служившего по судебному ведомству и достигшего высокого поста вице-директора департамента министерства юстиции и чина тайного советника[37]. Гальперн побывал и экспертом в Паленской комиссии. (Ранее того обер-прокурором Сената был и Г.И. Трахтенберг, и его помощник Г.Б. Слиозберг приобщался к отстаиванию еврейских дел.) — Обер-прокурором Сената был и С.Я. Утин — но он был крещёный и, стало быть, уже не шёл в счёт.

Критерий религиозности никогда не был для царского правительства ложным прикрытием — но истинной мотивировкой. По нему же — два с половиной столетия жестоко преследовали этнически русских старообрядцев, на рубеже XIX–XX вв. — и этнически русских духоборов, молокан.

Крещёных евреев на российской государственной службе — был длинный ряд, который мы в этой книге не разбираем. Тут мы могли бы увидеть и лейб-медика Павла I Блока, предка поэта; при Николае I — вспомним министра графа Канкрина, сына раввина; назовём и многолетнего министра иностранных дел графа К. Нессельроде; Людвига Штиглица, получившего в России баронство[38]; военного врача, кончившего статским советником, Максимилиана Гейне, брата поэта; затем генерал-губернатора Безака, свитского генерала Адельберта, конногвардейского полковника Мевеса; дипломатов Гирсов, из них и министр при Александре III. Позже — государственного секретаря Перетца (внука откупщика Абрама Перетца[39]), генералов Кауфмана-Туркестанского, Хрулёва; директора Александровского лицея шталмейстера Саломона, сенаторов Гредингера, Позена; в Департаменте полиции — Гуровича, Виссарионова, да многих.

Переход в христианство, особенно в лютеранство, казался ли иным так «лёгок»? И сразу открывал все пути

---

[37] ЕЭ, т. 6, с. 118.

[38] ЕЭ, т. 16, с. 116.

[39] ЕЭ, т. 12, с. 394–395.

жизни. Слиозберг отмечает «почти массовое ренегатство» еврейской молодёжи[40], одно время. — Но и не случайно же оно виделось с еврейской стороны как тяжёлая измена, «премия за вероотступничество... Когда подумаешь, как много евреев противятся соблазну креститься, то невольно проникаешься уважением к этому несчастному народу»[41].

В давние века это было простодушие: деление людей на «наших» и «не наших» по признаку веры. В таком виде оно наследовалось и установлениями русского государства. Но на рубеже XX века российская государственная власть могла бы задуматься — о нравственной допустимости, да и о практическом смысле: ставить ли перед евреями смену веры условием получения жизненных благ?

И — какое приобретение это давало христианству?.. Многие обращения только и могли быть неискренними. (Да ещё и толкало иных на малоискреннее оправдание: тогда «буду в состоянии приносить гораздо большую пользу своим соплеменникам»[42].)

Для тех евреев, которые получали права по государственной службе, «не было установлено каких-либо ограничений в отношении возведения их в потомственное дворянское достоинство» и получения орденов всех степеней. «Евреи обычно заносились беспрепятственно в родословные книги»[43]. А даже, как видим из переписи 1897, среди потомственных дворян 196 считало своим родным языком *еврейский* (среди личных дворян и чиновников — 3371)[44]. А из фабрикантов Бродских — были даже предводители дворянства Екатеринославской губернии.

Но с 70-х годов XIX века евреи встречали препятствия в назначении на государственные должности (с 1896 — ещё строже); надо сказать, что и сами они не стремились к этой монотонной и малодоходной службе. Однако с 90-х годов евреи стали встречать препятствия и к общественной выборной службе.

---

[40] *Слиозберг*, т. 2, с. 94.

[41] *В.Поссе*. "Еврейское засилие" // Слово, СПб., 1909, 14 (27) марта, с. 2.

[42] *Слиозберг*, т. 1, с. 198.

[43] ЕЭ, т. 7, с. 34.

[44] Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 2, СПб., 1905, с. 374-386.

В 1890 было издано новое Земское положение. Оно устраняло евреев от участия в земском самоуправлении — то есть в объёме не-городских пространств губерний и уездов: евреев «не допускать к участию в земских избирательных собраниях и съездах»[45] (а в западных губерниях тогда ещё и земства не было). Мотивировалось это тем, что условию реальной, живой и общественной связи с местной жизнью «не отвечают евреи, обыкновенно преследующие на почве общественной исключительно свои личные выгоды»[46]. В то же время: служить в земстве по найму, служащими, так называемым «третьим элементом» (который на годы вперёд и пронёс в земстве заряд радикализма) — евреям не было преграждено, и они служили многочисленно.

Земские ограничения не задели евреев внутренних губерний в заметной степени, ибо они жили большей частью в городах и больше заинтересованы были в управлении городском. Но в 1892 вышло и новое Городовое положение — и по нему евреи вообще лишались права избирать и быть избранными в качестве гласных в городские думы и управы, а также занимать в них ответственные должности, заведовать отраслями городского хозяйства и управления, — весьма и весьма чувствительное ограничение. Лишь в городах черты оседлости допуск евреев в гласные был разрешён, но и тут не больше одной десятой части состава думы, и то «по назначению» местной администрации, отбирающей из евреев-кандидатов, — порядок действительно унизительный. (И, как метко замечает Слиозберг, особенно для буржуазных отцов семейств: как они стали унижены перед собственной молодёжью, — можно ли оставаться лояльным такому правительству?[47]) «Более тяжёлого времени в истории русских евреев в России найти невозможно. Евреи вытеснились из всех завоёванных позиций»[48]. (Впрочем, в другом месте тот же автор довольно прозрачно говорит о подкупе чиновников министерства внутренних дел для действий в пользу евреев[49], — это сильно смягчало реальность эпохи.)

---

[45] ЕЭ*, т. 7, с. 763.

[46] ЕЭ*, т. 1, с. 836.

[47] *Слиозберг*, т. 3, с. 220.

[48] *Слиозберг*, т. 1, с. 259.

[49] *Слиозберг*, т. 2, с. 177–178.

Да, еврейство России (3%) было несомненно притеснено гражданским неравноправием. Но видный кадет В.А. Маклаков напоминает нам, уже из послереволюционной эмиграции: «“Неравноправие” евреев естественно теряло свою остроту в государстве, где самая многочисленная часть народа [82%], основа благополучия России, молчаливое, серое, покорное крестьянство тоже стояло *вне* общего, для всех равного права»[50] — оставалось таким и после отмены крепостного права, уж не более отклоним был для него и военный призыв, не более доступно гимназическое и университетское образование, а того самоуправления, в котором оно нуждалось, волостного земства, — так и не получило до самой революции. — Послереволюционный эмигрант-еврей Д.О. Линский с горечью заключает и так: что сравнительно с наступившим советским «уравнением в бесправии всего населения России» — «неполноправие еврейского населения дореволюционного периода представляется недостижимым идеалом»[51].

Утвердилось говорить: *преследование* евреев в России. Однако — слово не то. Это было не *преследование*, это была: череда *стеснений, ограничений*, — да, досадных, болезненных, даже и вопиющих.

А черта оседлости с каждым десятилетием становилась проницаемей.

По переписи 1897 *вне* её жило уже 315 тысяч евреев, за 16 лет рост в 9 раз (и это составляло 9% от еврейского населения России, не включая Царство Польское[52]. А сравнить: во всей Франции в 1900 евреев было 115 тысяч, в Великобритании — 200 тысяч[53]). Примем во внимание и то, что перепись давала результат приуменьшенный, так

---

[50] *В.А. Маклаков.* 1905–1906 годы // [Сб.] М.М. Винавер и русская общественность начала XX века. Париж, 1937, с. 63.

[51] *Д.О. Линский.* О национальном самосознании русского еврея // Россия и евреи: Сб. 1 (далее — РиЕ) / Отечественное объединение русских евреев заграницей. Париж: YMCA-Press, 1978 [переизд. Берлин: Основа, 1924], с. 145.

[52] *Ю. Гессен*, т. 2, с. 210; ЭЭ, т. 11, с. 537–538.

[53] КЕЭ, т. 2, с. 313–314.

как во многих городах России многие ремесленники и обслуга у евреев «разрешённых» — жили неофициально, скрываясь от учёта.

Ни денежная, ни образованная верхушка евреев стеснений «черты» не испытывала, свободно расселялась по внутренним губерниям и в столицах. Указывают, что 14% еврейского населения имело «свободные профессии»[54] — может быть расширительнее, чем только интеллигентские. Во всяком случае, в дореволюционной России евреи «в интеллигентских профессиях... заняли подобающее место. Сама пресловутая черта оседлости не мешала тому, чтобы значительные части еврейства всё более и более просачивались в коренную Россию»[55].

А среди еврейских ремесленников было более всего портных, дантистов, фельдшеров, провизоров и других всюду нужных специальностей, их везде охотно принимали. «В 1905 г. в России свыше 1.300.000 евреев занимались ремесленным трудом»[56] — то есть и могли жить вне черты. Да ещё дело в том, что «нигде в законах не содержалось, например, указания, что ремесленник, занимаясь своим ремеслом, не имеет права вместе с тем производить торговлю», да и «самое понятие производства торговли не определено в законе» — например, является ли торговлей занятие комиссионным делом. Итак, для торговли (даже и крупной), покупки недвижимости, устроения фабрик, приходилось назваться «ремесленником» (или дантистом). Например, «ремесленник» Неймарк имел фабрику с 60-тью рабочими; евреи-«наборщики» заводили свои типографии[57]. — А ещё был способ: несколько евреев складывались, чтоб один из них платил пошлину 1-й гильдии, остальные же пристраивались как его «приказчики». — Ещё: лже-усыновлялись во внутреннюю губернию к отставным солдатам-евреям (за что «усыновляющему» отцу платили пенсию)[58]. — В Риге «вокруг лесного экспорта кормились... тысячи еврейских семейств», пока не начали поч-

[54] *Ларин*, с. 71.

[55] *В.С.Мандель*. Консервативные и разрушительные элементы в еврействе // РиЕ, с. 202.

[56] *Гольденвейзер* // КРЕ-1, с. 148.

[57] *Слиозберг*, т. 2, с. 51, 187, 188, 193, 195.

[58] Там же, с. 22–24.

ти всех их выселять из-за мнимо-ремесленных свидетельств[59]. —К началу XX века были еврейские колонии во всех значительных городах России.

Я.Тейтель свидетельствует, как «наплыву евреев в Самару благоприятствовало проведение Самаро-Оренбургской ж-д. Строилась она евреями: Варшавским, Горвицем. Они же, в течение многих лет, были её хозяевами. Главные места на дороге занимали евреи... Много второстепенных должностей также были заняты евреями. К ним приезжали из еврейской черты оседлости родственники, знакомые и, таким образом, образовалась довольно порядочная еврейская колония... Экспорт пшеницы из богатой Самарской губ. за границу взяли на себя евреи. Интересно, что вывоз яиц из России в Западную Европу впервые стал практиковаться самарскими евреями. Всем этим занимались "мнимые" ремесленники». И перечисляет последовательных трёх губернаторов Самарской губернии и одного полицмейстера (прежде, в 1863, уволенного «из Петербургского университета за участие в студенческих беспорядках»), — «все они снисходительно относились к мнимым ремесленникам». И так к 1889 «в Самаре проживает больше 300 еврейских семейств, не имеющих правожительства»[60], — то есть в Самаре было около 2 тысяч евреев сверх статистики и учёта.

А с другого края России нам рассказывают: в Вязьме «все три аптекаря, все шесть дантистов», сколько-то докторов, нотариусы, много лавочников, «почти все парикмахеры, портные, сапожники были евреи». Многие из них были и не дантисты, и не портные, а чем-то торговали, и им никто не мешал. И в 35-тысячной Вязьме тоже было около 2 тысяч евреев[61].

А в Области Войска Донского, где с 1880 установились строгие ограничения против евреев и где они не имели права жить в станицах и слободах, — их всё же насчитывалось 25 тысяч: содержатели дешёвых гостиниц, ресторанчиков, парикмахерских, мастерских, часовщики, портные. И всякая поставка большой партии товара от них зависела.

---

[59] *Слиозберг*, т. 2, с. 183–185.

[60] *Тейтель*, с. 36–37, 47.

[61] *Волков-Муромцев*, с. 98, 101.

Система ограничений евреев, затем и, разных степеней, исправлений и оговорок к ней, наслаивалась годами. Постановления о евреях были рассеяны по всем томам Свода Законов, изданы в разное время и плохо согласованы между собой и с общими законами Империи, — о том докладывали и губернаторы[62]. Если вникнуть во все сложности многочисленных исключений и исключений из исключений, которыми изобиловало законодательство о евреях, то явно, что это было мучительство для многих рядовых евреев, а также и чрезмерная перегрузка государственного управления. Такая сложность не могла не породить и жестокостей формализма, например: если глава еврейского семейства во внутренней губернии терял право жительства (умер или сменил занятие) — теряла его и вся семья: семьи умерших выселяли. (За исключением бессемейных стариков и старух старше 70 лет.)

Однако не всегда эта сложность работала против евреев, нередко и — за. Еврейские авторы пишут, что «бесчисленные сомнения [в применении] ограничительных законов передавались на усмотрение исправников и приставов», это приводило ко взяткам, обходу закона [63] — то есть к обходу в благоприятную сторону для евреев. Открывались и успешные легальные пути. «Противоречивость бесчисленных законов и распоряжений о евреях даёт Сенату простор в выборе того или иного толкования закона... В девяностых годах бо́льшая часть обжалованных евреями постановлений отменялась» Сенатом[64]. — Нередко и высшие сановники весьма снисходительно относились к обходу противоеврейских ограничений, как свидетельствует, например Г. Слиозберг: «Фактическим вершителем еврейских дел являлся директор Департамента полиции, которым был Пётр Николаевич Дурново... Он всегда был доступен резонам, и я по совести должен сказать, что если применение того или другого ограничительного правила... находилось в явном противоречии с гуманностью, то от [Дурново] всегда

---

62 *С. Диманштейн.* Революционное движение среди евреев // [Сб.] 1905: История революционного движения в отдельных очерках / Под ред. М.Н. Покровского. Т. 3, вып. 1, М.; Л.: ГИЗ, 1927, с. 108.

63 *Гольденвейзер* // КРЕ-1, с. 114.

64 ЕЭ, т. 14, с. 157.

можно было ожидать и внимания и благосклонного к делу отношения»[65].

«Наиболее чувствительным для широких слоёв еврейского народа оказались не столько новые законы, сколько административные распоряжения, клонившиеся к более строгому исполнению старых ограничительных законов»[66]. — Не шумный, но неуклонный процесс продвижения евреев во внутренние губернии иногда нарушался администрацией — и такие эпизоды получали даже историческую звонкость.

Так случилось в Москве, после отставки долголетнего и всевластного московского ген.-губернатора В.А. Долгорукова, который был весьма покровительствен к приезду и экономической деятельности евреев в Москве. (Ключом к тому, очевидно, был ведущий банкир Москвы Лазарь Соломонович Поляков, «с которым князь Долгоруков вёл дружбу и который, как уверяли злые языки, открыл ему в своём земельном банке текущий счёт на любую сумму. Что князь нуждался в деньгах — в этом не могло быть никакого сомнения», он отдал всё своё состояние зятю, между тем «любил и пожить широко, да и благотворить щедрой рукой». На Л. Полякова «сыпались из года в год всякие почести и отличия». Оттого евреи чувствовали в Москве твёрдую почву: «любой еврей мог получить право жительства в столице», хотя и не поступая реально «в услужение к своему единоверцу, купцу 1-й гильдии»[67].)

Г. Слиозберг сообщает, что «кн. Долгорукова упрекали, что он слишком поддаётся влиянию Полякова». И объясняет: Поляков владел Московским Земельным банком, оттого ни в Московской, ни в близких губерниях не мог действовать другой ипотечный (дающий ссуды под залог земель) банк. А «не было дворянина-землевладельца, который бы не закладывал своё имение». (Так пало дворянство к концу XIX века; и к чему ещё оно было годно для России?..) Эти дворяне становились «в некоторую зависимость от банка»; чтобы получить большие ссуды, все дворяне централь-

---

65 *Слиозберг*, т. 2, с. 175–176.

66 *Ю. Гессен*, т. 2, с. 232.

67 *Кн. Б.А. Щетинин.* Хозяин Москвы // Исторический вестник, 1917, т. 148, с. 459.

ных губерний нуждались в благосклонном отношении Лазаря Полякова[68].

При Долгорукове к 90-м годам «в составе московского 1-й гильдии купечества оказалось много евреев. Это явление объяснялось нежеланием христианского московского купечества платить высокие первогильдейские пошлины». — До евреев промышленность Москвы работала только для Востока России, для Сибири, её изделия не распространялись в западной полосе России. А еврейские торговопромышленники связали Москву и с рынками Запада. (Подтверждает Тейтель: московское еврейство считалось самым богатым и авторитетным в России.) Немецкие купцы, из-за конкуренции, возмутились, обвинили Долгорукова в потворстве евреям[69].

Но в 1891 году положение резко изменилось. Новый московский генерал-губернатор в. кн. Сергей Александрович — всевластный по своему положению, да независимый и денежно, — распорядился выслать из Москвы вообще всех евреев-ремесленников, не ведя доследования, кто истинный, кто мнимый. И Зарядье, и Марьина роща стали пустеть; считается, что было выслано до 20 тысяч евреев. Срок на ликвидацию имущества и отъезд давался не больше 6 месяцев, а заявивших, что не имеют средств на переезд, отправляли тюремным этапом. (В самый разгар выселения, для проверки его, прибыла в Россию американская правительственная комиссия — полковник Джон Вебер и д-р Кэмпстер. Замечательно, что Слиозберг повёз их в Москву, они исследовали там происходящее, как именно проводятся меры к ограждению Москвы «от наплыва евреев», даже посещали тайно Бутырскую тюрьму, там их снабдили образцами наручников, фотографиями этапируемых, — и при том они даже не были замечены русской полицией! вот уж где «крыловские порядки»; затем много недель ездили ещё по другим городам. Отчёт этой комиссии был в 1892 напечатан в материалах Конгресса США — к вящему посрамлению России и облегчению еврейской иммиграции в Соединённые Штаты[70]. За такие притеснения в 1892 «еврейские финансовые кру-

[68] *Слиозберг*, т. 2, с. 44–45.

[69] Там же, с. 43–44.

[70] Там же, с. 31, 42–50, 60–63.

10—5080

ги, во главе с Ротшильдом», отказались поддержать русские займы за границей[71]. В 1891 были и в Европе попытки остановить высылку евреев из Москвы, например, американо-еврейский банкир Зелигман приезжал в Ватикан просить Папу Римского попытаться умерить Александра III[72].)

В 1891 «часть высланных евреев незаконно поселилась в московских пригородах». Но, продолжая меры, осенью 1892 было повеление «о выселении из Москвы отставных солдат рекрутских наборов и членов их семей, не приписанных к обществам»[73]. (Отметим: в 1893 крупные русские купеческие и фабричные фирмы ходатайствовали о смягчении мер по высылке евреев.) — С 1899 была ограничена и дальнейшая новая приписка евреев к первогильдейскому купечеству Москвы[74].

В 1893 наступило и такое утяжеление для жизни евреев: Сенат впервые заметил тот, действующий с 1880, циркуляр м.в.д., по которому оставлялись на местах все евреи, уже поселившиеся вне черты без законного на то основания («хартия вольности евреев»). Теперь этот циркуляр был отменён (кроме Курляндии и Лифляндии, где оставили). Таких незаконно поселившихся за последнее 12-летие — оказалось около 70 тыс. семей. Но с помощью Дурново были изданы «спасительные пункты, которые предотвратили, в конце концов, угрожающее огромное бедствие»[75].

В 1893 были выселены и «некоторые категории евреев» из Ялты, рядом с которою летом жила царская семья, и запрещено евреям новое вселение туда: «Усилившийся за последнее время наплыв и прогрессивное умножение числа евреев в г. Ялте, в связи с заметным среди них стремлением к приобретению недвижимой собственности, грозит этому лечебному месту обратиться в чисто-еврейский город»[76]. (Тут могло быть, конечно, после стольких террористических покушений в России, и соображение о безопас-

---

[71] *Слиозберг*, т. 2, с. 7, 174.

[72] Донесение русского посла Извольского из Ватикана, 7 (19) апр. 1892 // Известия, 1930, 23 мая, с. 2

[73] КЕЭ, т. 5, с. 474.

[74] ЕЭ, т. 11, с. 336–338.

[75] *Слиозберг*, т. 2, с. 180–182.

[76] ЕЭ*, т. 7, с. 594.

ности царской семьи в Ливадии. Александр III мог с большими основаниями считать теперь — да всего-то и за год до его смерти, что он ненавидим евреями полновесно. Как и нельзя исключить мотива мести за притеснение евреев — в выборе мишенями для террора именно Сипягина, Плеве и Сергея Александровича.) Впрочем, многие евреи, видимо, остались в районе Ялты, судя по жалобе алуштинцев в 1909, что там евреи, приобретя виноградники и сады, «эксплуатируют [для их обработки] труд местного населения», пользуясь его затруднительным денежным положением и ссужая под «высокие и незаконные проценты», чем разоряют татарское население[77].

А ещё же были — в борьбе с неутомимой контрабандой — стеснения еврейского жительства в западной пограничной полосе. Правда, новых выселений оттуда не было, кроме лиц, явно пойманных на контрабанде. (Судя по множеству мемуаров — контрабанда, часто еврейская, в том числе с переправкой революционеров или революционной печатности, не умерялась вплоть до Мировой войны.) В 1903–1904 тут возник такой спор: Сенат постановил, что «Временные правила» 1882 не распространяются на пограничную черту, отчего, следовательно, евреи пограничной черты «могут свободно селиться в сельских местностях. Тогда бессарабское губернское правление вошло в Сенат с рапортом, что всё вообще еврейское население» пограничной черты, включая незаконно поселившихся в ней, теперь устремится в сёла, «где и без того евреев "более, чем достаточно"», и пограничная черта «станет отныне для евреев "обетованною чертою"». Протест пошёл через Государственный Совет, а тот, разбирая этот частный повод о сельских местностях, — вообще отменил особенный режим пограничной черты в его отличиях от черты оседлости[78].

Но это полегчание не нашло сколько-нибудь заметного отражения в печати и в обществе. Как и снятие в 1887 запрета евреям нанимать домашнюю прислугу из христиан. Как — и закон 1891, вводящий в уголовное Уложение новую статью об «ответственности за открытое нападение одной части населения на другую», — статью, никогда раньше не

[77] Новое время. 1909, 9 (22) дек., с. 6.

[78] ЕЭ, т. 12, с. 601–602.

потребованную обстоятельствами российской жизни, а в погромах 1881 года оказалось, что её не хватает. Теперь — она предусмотрительно вводилась.

А и напомним же: правовые ограничения евреев в России никогда не были расовыми. Они не применялись ни к караимам, ни к горским евреям, ни к среднеазиатским евреям, свободно расселявшимся среди окружающего населения и свободно выбиравшим себе роды деятельности.

Самые разные авторы объясняют нам, что в основе ограничений евреев в России лежали *экономические* причины. Англичанин Дж. Паркс, решительно осуждающий эти ограничения, оговаривается: «в довоенное [до Первой Мировой войны] время, некоторые евреи сосредоточили в своих руках значительные богатства... [и это] вызвало опасение, что с уничтожением ограничений евреи быстро сделаются хозяевами в стране»[79]. — Последовательно либеральный проф. В. Леонтович: «До сих пор недостаточно принималось во внимание, что ограничительные мероприятия по отношению к евреям в основном вытекали из... антикапиталистической тенденции... отнюдь не... из расовой дискриминации. В те времена понятия расы вообще никого в России — кроме специалистов по этнологии — не интересовали... Решающим был страх усиления капиталистических элементов, которые могли бы эксплуатировать крестьян и вообще трудовой народ. В источниках можно найти многочисленные тому доказательства»[80].

Не упустим ошеломительный для российского крестьянства внезапный переход от крепостных отношений к денежно-рыночным, к чему крестьянство не было готово никак — и легко попадало в невиданную рублёвую бурю, иногда более безжалостную, чем крепостное иго.

В. Шульгин писал об этом так: «Ограничение в правах евреев в России имело под собой весьма "гуманную мысль"... Признавалось, что русский народ во всей его со-

---

[79] *Джеймс Паркс.* Евреи среди народов: Обзор причин антисемитизма. Париж: YMCA-Press, 1932, с. 182.

[80] *В.В. Леонтович.* История либерализма в России: 1762–1914 / Пер. с нем. 2-е изд., М.: Русский путь, 1995, с. 251–252.

вокупности (или его некоторые социальные слои), так сказать, женственно несовершеннолетен; что его легко эксплуатировать... что его поэтому надо как-то поддержать и защитить мерами государства; защитить против других элементов, более сильных... Северная Россия посмотрела на еврея глазами России Южной. Исторический же взгляд Малой России на еврея, которого она хорошо узнала за время сожития с Польшей, именно был таков: хохлы представляли себе еврея во образе "шинкарів-орендарів", которые "пьют кровь" из русского люда»[81]. Ограничения были задуманы правительством — против сплочённого экономического напора, опасного для национальной основы государства. — Долю правды в таком взгляде видит и Паркс, отмечая «дурно[е] влияни[е] возможности эксплуатировать ближних», «распространённую в Восточной Европе роль деревенского шинкаря и ростовщика», — хотя находит причины этого «скорее в природе крестьянства, нежели в самих евреях». Также и по его мнению эта торговля водкой, будучи «самым важным занятием евреев» в Восточной Европе, вызывала наибольшую ненависть к евреям со стороны крестьян; она питала собою не один погром и оставила глубокий долгий шрам в сознании населения украинского, белорусского и в памяти населения еврейского[82].

У многих авторов встречаются утверждения, что евреи-шинкари бедствовали, жили на ничтожные гроши, почти нищенствовали. Но не стоит думать, что это был столь хилый рынок. Слабостью пьющего народа питались и помещики Западного края, и винокуренные заводы, и шинкари, — и правительство. Есть возможность оценить суммарную цифру этих доходов по моменту, когда они оформились как государственные. После того как в 1896 в России была введена казённая винная монополия, устранившая всех частных шинкарей и акцизную продажу питей, — в следующем году общий доход казны от продажи питей оказался 285 млн. руб., — тогда как прямые налоги с населения дали всего 98 млн. Из этого видим не только, что винокурение являлось «важнейшим источником косвенного обложения», но и что доходы питейной промышленности, платившей до 1896 акциз всего «по 4 копейки с градуса

[81] *В.В.Шульгин.* «Что нам в них не нравится...»: Об Антисемитизме в России. Париж, 1929, с. 185–186.

[82] *Паркс*, с. 153–155, 233.

выкуренного спирта», куда превосходили прямые государственные доходы Империи[83].

Но каково было участие в этой отрасли евреев, в эти времена? В 1886, в ходе работ комиссии Палена, были опубликованы произведенные статистические обследования на этот счёт. Оттуда узнаём, что евреи содержали 27% (десятые доли здесь и дальше округлены) всех винокуренных заводов в Европейской России, а в черте оседлости — 53% (в том числе: в Подольской губ. — 83%, в Гродненской — 76%, в Херсонской — 72%). Пивоваренных заводов по Европейской России — 41%, а в черте оседлости 71% (в Минской губ. — 94%, Виленской — 91%, Гродненской — 85%). Доля же еврейской питейной *торговли*, то есть «пунктов выделки и продажи питей», содержимых евреями: в Европейской России — 29 %, в черте оседлости — 61 % (в Гродненской — 95%, Могилёвской 93%, Минской 91%)[84].

Не удивительно, что реформа, вводившая казённую винную монополию, «с ужасом встречена была... евреями в черте оседлости»[85].

Несомненно: введение казённой винной монополии оказалось сильнейшим ударом по экономике российского еврейства. И вплоть до самой Мировой войны, когда она вообще прекратилась, казённая винная монополия продолжала быть излюбленной мишенью общественного негодования — хотя только она и ввела строгий контроль за количеством производимого в стране спирта и очисткой его. И хотя казённая монополия отняла заработок также и у шинкарей христианских (см. вышеприведенную статистику), она всё же подаётся как мера преимущественно антиеврейская: «Введение в конце 90-х годов казённой продажи питей в черте оседлости лишило более 100.000 евреев их заработка», «власти рассчитывали... на вытеснение из сельской местности евреев», и с тех пор «питейная торговля не имеет для евреев своего былого значения»[86].

---

[83] Сборник материалов об экономическом положении евреев в России. Т. 2, СПб.: Еврейское Колонизационное Общество, 1904, с. 64.

[84] Еврейская питейная торговля в России / Статистический Временник Российской Империи, серия III, выпуск 9. СПб., 1886, с. v–x.

[85] *Слиозберг*, т. 2, с. 230.

[86] ЕЭ, т. 5, с. 614; КЕЭ, т. 7, с. 346.

И именно с конца XIXв. заметно усилилась эмиграция евреев из России. Статистическую её связь со введением казённой питейной продажи не установить, но на то указывают эти 100.000 отнятых заработков. Во всяком случае, еврейская эмиграция (в Америку) не поднималась существенно вплоть до 1886–87, испытала короткий временный скачок в 1891–92, а длительный и массовый её подъём начался в 1897[87].

«Временные правила» 1882 не остановили нового проникновения еврейской виноторговли в деревню: как против запрета торговать не из собственного дома образовалась в 70-х «подымённая торговля», так и в обход закона 3 мая 1882 (запрещавшего также и торговлю водкой по контракту с евреем) создалась «подымённая аренда»: земли под корчмы снимались *устным* контрактом, а не письменным, и точно так же арендную плату получал владелец, а доход с виноторговли — еврей[88]. — В этой и других прикрытых формах поселение евреев в деревнях продолжалось и после категорического запрета 1882. Как пишет Слиозберг, с 1889 началась «полоса выселений» евреев из деревень черты оседлости и тогда «беспощадная конкуренция вызвала к жизни ужасное зло — доносительство», то есть евреи доносили друг на друга, кто живёт незаконно. — Но вот, по данным П.Н. Милюкова: если в 1881 в деревнях жило 580 тыс. евреев, то в 1897 — 711 тыс., так что поселение и рождаемость явно перетягивали выселения и смерти. В 1899 для пересмотра «Временных правил» была создана ещё одна комиссия по еврейскому вопросу (11-я по счёту) — барона Икскуль-фон-Гильденбандта. И она, пишет Милюков, отказалась выселять из деревень незаконно поселившихся там евреев, а, наоборот, смягчила закон 1882 г.[89]

Комиссия эта, «признавая, что мало развитое, лишённое предприимчивости и оборотных средств крестьянство должно быть ограждаемо от делового соприкосновения с евреями», однако настаивала, что «помещики вовсе не нуждаются в этом отношении в опеке правительства и что огра-

---

[87] ЕЭ, т. 2, с. 235–238.

[88] См.: *Слиозберг*, т. 2, с. 55.

[89] *П. Милюков*. Еврейский вопрос в России // Щит: Литературный сборник / Под ред. Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. 3-е изд., доп., М.: Русское Общество для изучения еврейской жизни, 1916, с. 170.

ничение помещиков в праве распоряжаться своей собственностью обесценивает таковую и принуждает их прибегать заодно с евреями к всевозможным ухищрениям для обхода закона»; при отмене же запретов по отношению к евреям — помещики станут быстро извлекать из имений больше дохода[90]. — Но уже не так высоко стояли помещики, чтоб этот находчивый довод убедил администрацию.

Решительный сдвиг к пересмотру правил 1882 произошёл в 1903–1904. Были доклады с мест (в том числе и от ген.-губернатора Святополк-Мирского, вскоре затем либерального министра внутренних дел), что «Временные правила» себя не оправдали, что необходимо дозволить евреям дальнейшее расселение из скученности городов и местечек, что вот уже, с введением казённой продажи питей, отпала опасность эксплуатации сельского люда евреями через виноторговлю. Предложения эти одобрил министр Д.С. Сипягин (вскоре убитый террористом) и в 1903 утвердил министр В.К. Плеве (также вскоре убитый): в послабление «Временных правил» был утверждён и обнародован список 101 крупного поселения, позже и ещё 57, где евреям дозволялось и новожительство, и приобретение недвижимости, и аренда. (В дореволюционной Еврейской энциклопедии мы встречаем наименования этих поселений, среди них весьма немалые и быстро взросшие затем: Юзовка, Лозовая, Енакиево, Кривой Рог, Синельниково, Славгород, Каховка, Жмеринка, Шепетовка, Здолбуново, Новые Сенжары и многие другие.) Но вне пределов этого списка и вне еврейских сельскохозяйственных колоний, местечек и городов — евреи не получали права приобретать землю. Вскоре Временные правила по отношению к ряду категорий евреев (с высшим образованием, аптекарские помощники, ремесленники и отставные солдаты) были отменены, и они получали в деревнях право жилья, занятия торговлей и промыслами[91].

А кроме виноторговли крупнейшими статьями еврейских доходов были разные виды аренд, включая земельную, а также прямое землевладение. Среди евреев «тяготение к земле большей частью выражалось в приобретении крупных участков в целях эксплуатации разнообразных отраслей хозяйства, а не мелких участков в целях личной обра-

---

[90] ЕЭ, т. 3, с. 85–86.

[91] ЕЭ, т. 5, с. 821–822.

ботки земли»[92]. Когда у земли, источника крестьянского существования, появлялась или могла появиться цена выше сельскохозяйственной, то её часто покупал еврей-предприниматель.

Как мы видели, до 1881 прямая аренда и покупка земли евреями не была запрещена, а приобретшие её — потом не лишались своих прав от позднейших запретов. И так, например, в Херсонской губ. под Елизаветградом имел — и сохранял до самой революции — «экономию» (как называли на Юге) значительных размеров — Давид Бронштейн, отец Троцкого; позже — ещё и рудник «Надежда», под Кривым Рогом[93]. (Троцкий, по впечатлениям от экономии своего отца, — мол, и «во всех экономиях» так, — рассказывает, что сро́ковых летних работников, пришедших наниматься пешком из центральных губерний, никогда не кормили ни мясом, ни салом, и даже растительным маслом скудно, а только овощами и крупой, — это во время летней страды, когда тяжкая работа от зари до зари, — и «в одно лето пришлые рабочие повально заболевали куриной слепотой»[94]. — Возражу, что в подобной же «экономии» на Кубани моего деда Щербака (сам из батраков) летних работников кормили мясом трижды в день.)

Но в 1903 был наложен следующий запрет: «Положение комитета министров лишило всех евреев права приобретения недвижимых имуществ по всей Империи, вне черты городов и местечек»[95], то есть в сельских местностях. Это ограничивало в какой-то мере еврейскую промышленность, но, пишет Еврейская энциклопедия, никак не земледелие: и «пользуясь правом приобретения земельной собственности, евреи, вероятно, выделили бы из своей среды не столько земледельцев, сколько землевладельцев и арендаторов. Представляется весьма сомнительным, чтобы такое типично-городское население, каким являются евреи, могло дать значительную массу земледельцев»[96].

[92] ЕЭ, т. 1, с. 422.

[93] Фабрично-заводские предприятия Российской Империи. 2-е изд., Пд.: Совет съездов представителей промышленности и торговли, 1914, № 890.

[94] *Л. Троцкий.* Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т. 1, Берлин: Гранит, 1930, с. 42–43.

[95] ЕЭ, т. 7, с. 734.

[96] ЕЭ, т. 1, с. 423.

В первые годы XX века картина была такова: из «около 2 миллионов десятин земли, находящейся в настоящее время [1908] в собственности и в аренде у евреев в Империи и Царстве Польском... лишь 113 тысяч десятин... заняты еврейскими земледельческими колониями»[97].

Хотя «Временные правила» 1882 воспретили евреям купчие и арендные договоры вне городов и местечек — нашлись и тут косвенные «подымённые» способы, в том числе и для обширного землевладения сахарных заводов.

И евреи-землевладельцы, часто с изрядными участками, проявили себя противниками столыпинской земельной реформы, передающей землю в частную собственность крестьян. (Не только они, — поразишься ярости, с которой эту реформу встретила *пресса* тех лет, не только крайне правая, но и вполне либеральная, а уж тем более — революционная.) Еврейская энциклопедия толкует: «аграрные реформы, основанные на передаче земли исключительно в руки тех, кто её обрабатывает личным трудом, нарушили бы интересы некоторой части еврейского населения, находящейся при больших хозяйствах еврейских землевладельцев»[98]. Прошла революция, и советско-еврейский автор, оглядываясь, уже с пролетарским негодованием, писал так: «Еврейские помещики имели при царской власти *более 2 миллионов гектаров земли* (особенно при сахарных заводах на Украине, а также большие имения в Крыму и Белоруссии)», даже имели «более 2 млн. гектаров лучшей чернозёмной земли», например, барон Гинцбург в Джанкойском районе имел 87 тыс. гектаров, фабриканту Бродскому принадлежали десятки тысяч гектаров при его сахарных заводах, и такие же имения у других сахарозаводчиков, всего еврейским капиталистам принадлежало 872 тыс. гектаров сельскохозяйственной площади[99].

А за земельной собственностью следовала и *хлебная торговля*, и мучная. (Вспомним: хлебный экспорт «осуществлялся почти исключительно евреями»[100].) «Из всего еврейского населения СССР до революции целых 18% [больше миллиона человек! — *А.С.*] приходилось на тех, кто за-

---

97 ЕЭ, т. 1, с. 423.

98 Там же.

99 *Ларин*, с. 27, 68–69, 170.

100 КЕЭ, т. 7, с. 337.

нимался хлебной торговлей самостоятельно, как хозяин, и на членов их семей. Это обстоятельство создавало известное нерасположение к еврейскому населению со стороны крестьян» (ибо скупщики стремились всячески понизить цену на хлеб, чтобы продать его выгоднее)[101]. Становились евреи скупщиками и других крестьянских продуктов в западных губерниях и на Украине. (Впрочем, как не отметить: деятельные трудолюбивые старообрядцы в Клинцах, Злынке, Стародубе, Еленовке, Новозыбкове — не отдавали торговлю в чужие руки.) Бикерман считает, что невозможность для еврейских хлебных торговцев распространиться на *всю* территорию России покровительствовала неподвижности, застою, кулачеству. Но «если русская хлебная торговля... вошла составной частью в мировой торговый оборот... то этим страна обязана главным образом евреям». Как мы прочли раньше, «уже в 1878 г. на долю евреев приходилось 60% хлебного экспорта из Одессы. Евреи первые развили хлебную торговлю в Николаеве», Херсоне, Ростове-на-Дону, они же — и в Орловской, Курской, Черниговской губерниях, и «были значительно представлены в петербургской хлебной торговле». А в Северо-Западном крае приходилось «на 1.000 торгующих зерновыми продуктами — 930 евреев»[102].

Однако большинство источников не освещает рыночного поведения этих еврейских скупщиков. А было оно порой суровым и по сегодняшним меркам незаконным: например, евреи-скупщики иногда сговаривались и отказывались вообще покупать урожай — чтобы цены падали. Не случайно же в 90-х годах XIX века, впервые в России и опередив в том Европу, в южных губерниях возникли *земледельческие кооперативы* (под руководством графа Гейдена и Бехтеева) — как противодействие этой, по сущности вполне монопольной, скупке крестьянского хлеба.

А в торговле евреев, вспомним, «лесной экспорт был второй после хлеба»[103], с 1813 по 1913 он увеличился в 140 раз. И, возмущается коммунист Ларин, «еврейским помещикам принадлежали... крупные лесные площади (и час-

---

101 *Ларин*, с. 70.

102 *И.М.Дижур*. Евреи в экономической жизни России // КРЕ-1*, с. 172.

103 Там же*, с. 173.

тью они ещё арендовали леса даже в тех губерниях, где обыкновенным евреям запрещено было жить)»[104]. — Подтверждает Энциклопедия: «Земля приобреталась евреями, в особенности во внутренних губерниях, главным образом для разработки лесного материала»[105]. Однако во многих местностях евреям не разрешалось устраивать лесопильных заводов, из-за этого лес невыгодно для России сбывался за границу необработанным. (Другие запрещения были: не разрешали использовать для лесного экспорта порты Риги, Ревеля, Петербурга и иметь складские участки при железных дорогах.)[106]

Всё тут есть, в этой картине. И неутомимая динамика еврейской коммерции, движущая целыми государствами. И косные боязливые бюрократические тормозящие запреты. И растущая еврейская досада на них, раздражение. И экспортная распродажа необработанного русского леса как сырья. И мужички-хлеборобы и лесозаготовщики — во власти силы к ним беспощадной, а сами не имеющие ни связей, ни разума вести торговлю по-новому. А ещё же и министерство финансов, усиленно субсидируя промышленность и постройку железных дорог, земледелию не давало помощи — но главное податное бремя несло именно земледельческое сословие, а не торговое. И при всей новой экономической динамике, принесшей казне материальную выгоду, и столь во многом обязанной евреям, позаботился ли хоть кто-то об ущербе, о «шоке», о переломе в народном быте и характере?

Полвека Россию винили, извне и изнутри, что она поработила евреев экономически и загнала их в нищету. И надо было пройти времени, пока та невыносимая Россия вовсе сгинет с земли, надо было перешагнуть через революцию, чтоб уже через её кровавую стену оглянувшись, еврейский автор 30-х годов признал бы: «Царское правительство не вело политики полного вытеснения евреев из экономической жизни. Кроме известных ограничений... в деревнях... царское правительство в общем и целом терпело еврейскую хозяйственную активность». Ожесточённости национальной борьбы «в экономической жизни евреи... не чувствова-

---

[104] *Ларин*, с. 69.

[105] ЕЭ, т. 1, с. 423.

[106] *Дижур* // КРЕ-1, с. 173.

ли. Господствующая нация не была заинтересована в том, чтобы становиться на сторону одной национальной группы; напротив, она стремилась играть роль посредника или судьи»[107].

Впрочем, иногда правительство пыталось вмешаться в экономику с соображениями национальными. Чаще всего, это были меры, которые не могли иметь успеха. Так, «в 1890 был издан правит[ельственный] циркуляр, согласно которому евреи утратили право быть членами правления акционерных обществ, которые по роду своей деятельности должны приобретать или арендовать землю»[108]. Но такой закон легко обходился анонимностью участия, еврейское предпринимательство не преграждалось такими запретами.

Была «роль евреев особенно сильна во внешней торговле, где гегемония их обеспечена и местом поселения — вблизи границы — и более тесной связью с заграничным миром, и навыками торгового посредничества»[109].

В сахарной же промышленности к концу века еврейские заводы составляли уже больше одной трети[110]. В прошлых главах мы видели развитие этой отрасли Израилем Бродским и его сыновьями Лазарем и Львом («в начале 20 в. прямо или косвенно контролировали 17 сахарных заводов»)[111]. Моисей Гальперин «в начале 20 в. владел 8 свеклосахарными и тремя рафинадными заводами... ему принадлежало также свыше 50 тыс. десятин земли с плантациями сахарной свёклы»[112]. «Около сахарной промышленности питались сотни тысяч еврейских семейств в качестве посредников при продаже сахара и т.п.» — Теперь развивалась и конкуренция, и цены на сахар стали падать. Но вот, в Киеве образовался синдикат сахарозаводчиков: регулировать производство сахара и продажу его так, чтобы цены не

---

107 *А. Менес.* Еврейский вопрос в Восточной Европе // [Сб.] Еврейский мир: Ежегодник на 1939 г. (далее — ЕМ-1). Париж: Объединение русско-еврейской интеллигенции, с. 146.

108 КЕЭ, т. 7, с. 368.

109 ЕЭ, т. 13, с. 646.

110 Там же, с. 662.

111 Российская Еврейская Энциклопедия (далее — РЕЭ): 1994 — ... [2-е продолж. изд., испр. и доп.]. Т. 1, М., 1994, с. 171.

112 Там же, с. 264.

падали[113]. Братья Бродские были организаторами синдиката рафинёров в 1903[114].

Кроме зерновой и лесной торговли и сахарной промышленности, где евреи занимали ведущее положение, ими во многом была развита и мукомольная промышленность, и кожеобрабатывающая, текстильная, льняная, швейная, табачная, пивоваренная[115]. Ещё с 1835 евреи были участниками нижегородских ярмарок[116]. К 90-м годам евреи успешно занимались и торговлей скотом в Забайкальи, а ещё в Сибири — угледобычей (Анжеро-Судженский уголь), золотодобычей, и с видной ролью в ней. Гинцбурги «после 1892 занимались почти исключительно золотопромышленностью». Самым успешным предприятием было «Ленское золотопромышленное товарищество», которое «фактически контролировал» (от 1896 до своей смерти в 1909) барон Гораций Гинцбург, сын Евзеля Гинцбурга, создателя банкирского дома, и глава петербургского отделения того банка. (Сын Горация Давид, тоже с титулом барона, с 1909 возглавлял еврейскую общину Петербурга, до своей смерти в 1910. Сыновья Александр и Альфред входили в правление Ленского золотопромышленного общества. Сын Владимир был женат на дочери киевского сахарозаводчика Л.И. Бродского.) Гораций Гинцбург был и «основателем... Забайкальского, Миасского, Березовского, Алтайского и других товариществ» по добыче золота[117]. В 1912 разразился крупнейший общероссийский скандал вокруг событий на Ленских приисках, ужасных условий эксплуатации и обмана рабочих там, и во всём винили и кляли, разумеется, царское правительство, — и только его. Во всей разъярённой либеральной прессе никто на главных акционеров, включая сыновей Гинцбурга, не указал.

В начале XX века евреи составляли — 35% торгового класса России[118]. По Юго-Западному краю наблюдал Шульгин: «Где же русские торговцы, русское третье сословие?.. В былое время у нас было сильное русское мещанст-

[113] *Слиозберг*, т. 2, с. 231.

[114] РЕЭ, т. 1, с. 171.

[115] *Дижур* // КРЕ-1, с. 163–174.

[116] ЕЭ, т. 11, с. 697.

[117] КЕЭ, т. 7, с. 369; РЕЭ, т. 1, с. 315–316; ЕЭ, т. 6, с. 527.

[118] *М. Бернацкий*. Евреи и русское народное хозяйство // Щит, с. 30.

во… Куда же девались»? «Их вытеснило еврейство… перевело в низший социальный класс; омужичило» [119], — сами русские Юго-Западного края, значит, и выбрали свой жребий. И в начале века констатировал видный государственный деятель Вл.И. Гурко: «Место русского купца всё более и более занимается евреем» [120].

Большой вес и влияние приобрели евреи и в быстро растущей российской кооперации. Больше чем половина обществ взаимного кредита и ссудо-сберегательных товариществ находилась в черте оседлости (а в членах их евреи к 1911 составляли 86%) [121].

Мы уже писали о строительстве и эксплуатации российских железных дорог тремя братьями Поляковыми, Блиохом, Варшавским. Кроме самых первых линий (Царскосельской и Николаевской) — затем большинство железных дорог строились концессионерами, и среди них евреи занимали видные места; «но с 1890-х гг. их строило главным образом государство». Зато в 1883 под руководством Давида Марголина создалось крупное судоходное общество «"по Днепру и его притокам", основными акционерами которого были евреи. В 1911 флот общества насчитывал 78 пароходов, осуществляющих 71% всех перевозок по Днепру» [122]. Иные общества действовали по Западной Двине, Неману, затем они переходили и на Мариинскую систему и на Волгу.

Был и десяток крупных еврейских нефтяных фирм в Баку. «Крупнейшими среди них были фирма "Мазут", принадлежавшая братьям С. и М. Поляк и Ротшильдам», и «имеющее за собой Ротшильда… Каспийско-Черноморское товарищество». Эти фирмы не имели права на нефтедобычу, но занялись обработкой нефтепродуктов и вывозом [123].

Наиболее ярко выражалась экономическая деятельность евреев в финансовой системе страны. «Кредит давно уже стал как бы родной стихией евреев. Евреи создали новые формы кредита и усовершенствовали старые… Боль-

---

[119] *Шульгин*, с. 128–129.

[120] *В. Гурко.* Устои народного хозяйства в России: Аграрно-экономические этюды, СПб., 1902, с. 199.

[121] *Дижур* // КРЕ -1, с. 176.

[122] КЕЭ, т. 7, с. 369.

[123] *Дижур* // КРЕ -1, с. 178–179; ЕЭ, т. 13, с. 660; КЕЭ, т. 7, с. 369.

шую роль сыграли евреи в лице отдельных крупных капиталистов и в организации акционерных коммерческих банков. Евреи дают не только банковую аристократию, но и массу служащих»[124]. — Созданный ещё в 1859 в Петербурге банк Евзеля Гинцбурга поднялся и укрепился благодаря своим связям с Мендельсонами в Берлине, Варбургами в Гамбурге, Ротшильдами в Париже и в Вене. Но в финансовом кризисе 1892, «вследствие отказа правительства поддержать [займами] его банкирский дом», как было дважды раньше, Е. Гинцбург вышел из банкирской деятельности[125]. К началу 70-х годов целую сеть банкирских домов учредили братья Яков, Самуил и Лазарь Поляковы: Азово-Донской Коммерческий банк (затем его возглавил Б. Каменка), Московский Земельный банк, Донской Земельный банк, Банк Поляковых, Международный банк и ещё «несколько коммерческих банков, образовавших впоследствии Соединённый банк». — Сибирский Торговый банк возглавил А. Соловейчик, Варшавский Коммерческий банк — И. Блиох. И ещё в других крупнейших банках на видных местах были евреи (Зак, Утин, Хесин, А. Добрый, Вавельберг, Ландау, Эпштейн, Кронгольд). И «только в двух крупных банках (Московском Купеческом и Волжско-Камском) евреи не были ни в… дирекци[и], ни среди служащих»[126]. Все три брата Поляковых имели чин тайного советника и, как упомянуто, возведены в потомственное дворянство[127].

Таким образом, уже к началу XX века черта оседлости себя изжила. Она не помешала евреям занять прочные позиции в самых жизненно важных областях народной жизни, от экономики и финансов до интеллектуального слоя. Черта уже не имела практического значения, провалились и экономическая и политическая её цели. Зато она напитывала евреев горечью противоправительственных чувств, много поддавая пламени к общественному раскалу, — и

---

124 ЭЭ, т. 13, с. 651–652.

125 ЕЭ, т. 6, с. 527.

126 *Дижур* // КРЕ -1, с. 174 – 175; КЕЭ, т. 6, с. 670–671.

127 ЕЭ, т. 12, с. 734; КЕЭ, т. 6, с. 670–671.

ставила клеймо на российское правительство в глазах Запада.

Да ведь Российская Империя и весь XIX век и предреволюционные десятилетия, по медлительности и закостенелости бюрократического аппарата и мышления верхов, — где только и в чём не опоздала? Она не справлялась с дюжиной самых кардинальных проблем существования страны: и с гражданским местным самоуправлением, и с волостным земством, и с земельной реформой, и с губительно униженным положением Церкви, и с разъяснением государственного мышления обществу, и с подъёмом массового народного образования, и с развитием украинской культуры. В этом ряду она роково опаздывала также и: пересмотреть реальные условия черты оседлости и как они влияют на положение в государстве. — Российские власти больше чем за столетие так и не сумели решить проблемы еврейского населения: ни в сторону приемлющей ассимиляции, ни чтоб оставить евреев в добровольном отчуждении и самоизоляции, в которой их застали век назад.

Между тем российское еврейство именно в эти десятилетия, с 70-х годов XIX и к началу XX, испытало быстрое развитие, несомненный расцвет в своих умственных верхах, которым становилась тесна уже не только черта оседлости, но и рамки Российской Империи.

Разбирая конкретности еврейского неравноправия в России, черты оседлости и процентной нормы, — никак не надо упускать из виду эту общую картину. Хотя и при растущем значении еврейства американского — еврейство России к началу XX в. составляло около половины еврейского населения всего земного шара[128], — и это был важнейший факт мировой истории еврейства. Опять-таки оглядываясь через ров революции, И.М. Бикерман писал в 1924: «В царской России жило больше половины еврейского народа... Естественно поэтому, что еврейская история ближайших к нам поколений была по преимуществу историей русского еврейства». И хотя в XIX в. «западные евреи были богаче, влиятельнее, стояли впереди нас по культурному уровню, но жизненная сила еврейства была в России. И эта сила росла и крепла вместе с расцветом русской Империи... Только с присоединением областей, населённых

---

[128] КЕЭ, т. 2, с. 313–314.

евреями, к России... началось возрождение. Еврейское население быстро увеличивалось в числе, так что могло даже выселить многолюднейшую колонию за океан; в руках евреев накоплялись капиталы, вырос значительный средний слой, поднимался всё больше материальный уровень и широких низов; рядом усилий русское еврейство... всё больше преодолевало вынесенную из Польши грязь, физическую и духовную; всё больше распространялась в среде еврейства европейская образованность... и так далеко мы ушли в этом направлении, столько духовных сил накопили, что могли позволить себе роскошь иметь литературу на трёх языках...» Вся образованность и всё богатство пришли к восточноевропейским евреям — в России. И русское еврейство проявилось «по своей численности и по свежести таившихся в нём сил становым хребтом всего еврейского народа» [129].

С этой общей картиной, даваемой автором-свидетелем той жизни, соглашается в 1989 и наш современник: «Общественная жизнь русского еврейства на рубеже веков достигла зрелости и размаха, каким могли бы позавидовать многие малые народы Европы» [130].

Уж в чём не обвинишь «тюрьму народов» — это в денационализации ни евреев, ни других народов.

Некоторые еврейские авторы, правда, сетуют, что в 80-е годы «в представительстве еврейских интересов столичные интеллигенты-евреи не принимали почти никакого участия», а вёл борьбу за еврейские интересы барон Гинцбург и другие богатые евреи со связями [131]. — «В Петербурге евреи [а их было там к 1900 г. 30–40 тысяч] жили разрозненно, а еврейская интеллигенция в своём большинстве была тогда очень далека от общееврейских нужд и интересов» [132]. — Но и тогда же «святой дух обновления... витал над чертой еврейской оседлости и будил в юных поколениях силы, которые дремали в еврейском народе целые века... Это была настоящая духовная революция», у еврейских деву-

---

[129] *И.М.Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 84–85, 87.

[130] *Э.Финкельштейн.* Евреи в СССР. Путь в XXI век // Страна и мир: Обществ.-политический, экономический и культурно-философский журнал. Мюнхен, 1989, № 1 [49], с. 70.

[131] *Слиозберг*, т. 1, с. 145.

[132] *М.А.Кроль.* Страницы моей жизни. Т. I, Нью-Йорк: Союз Русских Евреев в Нью-Йорке, 1944, с. 267.

шек «стремление к образованию... носило буквально религиозный характер». А уже и в Петербурге «очень много еврейских студентов и студенток училось в... высших учебных заведениях». К началу XX века «значительная часть еврейской интеллигенции... почувствовала, что она... обязана вернуться к своему народу»[133].

При этом духовном расцвете российского еврейства к концу XIX в. в нём нарождались очень разные течения, совсем друг с другом не совпадающие, и даже противоположные. Некоторым из них предстояло в чём-то определить и судьбы всего земного XX века.

Евреи России в те годы видели перед собой по крайней мере шесть — но почти взаимоисключающих — путей:

— сохранение себя в религиозном еврействе и отчуждении, как это было веками (но это становилось совсем непопулярно);

— ассимиляция;

— борьба за культурно-национальную автономию, активное существование еврейства в России как отдельного элемента;

— эмиграция;

— уход в сионизм;

— уход в революцию.

Но представители разных течений часто сливались в просвещении еврейской массы на трёх языках (иврите, идише и русском) — и разных видах практической взаимопомощи (в духе «теории малых дел», популярной в России в 80-е годы).

Взаимопомощь приняла форму нескольких еврейских организаций, иные из которых и после революции продолжили свою деятельность за рубежом.

Продолжало существовать созданное ещё в 1863 ОПЕ — Общество распространения просвещения среди евреев России. С середины 90-х годов оно открывало и собственные школы, с преподаванием, кроме русского, на иврите, собирало и всероссийские совещания по еврейскому народному образованию[134].

С 1891 работала Еврейская Историко-Этнографическая комиссия (с 1908: Еврейское Историко-Этнографиче-

---

[133] *Кроль*. Страницы..., с. 260–261, 267, 299.

[134] ЕЭ, т. 13, с. 60–61.

ское общество). Она координировала всё изучение еврейской истории в России и собирание архивов[135].

С 1880 «железнодорожный король» Самуил Поляков основал ОРТ — «Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев». ОРТ собрал немалые средства, а «главное внимание... в начале своей деятельности обратил на переселение еврейских ремесленников из черты оседлости во внутренние губернии»[136]. Мы уже видели, что после первоначального разрешения на это (в 1865) ремесленники поехали во внутренние губернии в очень малых количествах. Но после погромов 1881–82, казалось: тут — уж точно поедут, и с помощью ОРТа, ещё получив и првительственную помощь на переезд, что ж томиться-тесниться в заклятой «черте», где они погибают от нищеты?

Однако более чем за 10 лет усилий ОРТа всего переселилось... около 170 ремесленников... Тогда ОРТ стал помогать ремесленникам в самой черте: покупкою инструментов, улучшением мастерских, затем и созданием ремесленных школ[137].

А еврейской эмиграцией занималось ЕКО — Еврейское Колонизационное Общество, возникновение которого имело обратный ход: сперва за границей, потом в России. Создал его в 1891 в Лондоне барон Мориц фон-Гирш, вложив 2 миллиона фунтов стерлингов. Идея его была: беспорядочную еврейскую эмиграцию из Восточной Европы заменить упорядоченной колонизацией — в страны, где нужны земледельцы; хоть часть евреев вернуть к земледелию, освободить от того «отклонения... вызыва[ющего] враждебное отношение к ним европейских народов»[138]. «Отыскать для евреев-эмигрантов из России "новое отечество и вместе с тем попытаться отвлечь их от их обычного занятия — торговли и, превратив в земледельцев, постепенно содействовать этим делу возрождения еврейского племени"»[139]. Таким новым отечеством для евреев намечена была Аргентина. (Была и та цель, чтоб отчасти отвести волну еврейской иммиграции от Соединённых Штатов, где из-за большого прили-

135 ЕЭ, т. 8, с. 466.

136 ЕЭ, т. 11, с. 924.

137 Там же, с. 924–925.

138 *Слиозберг*, т. 2, с. 32, 96–102.

139 ЕЭ, т. 7, с. 504.

ва евреев, конкурентно снижавших заработную плату американских рабочих, возникла опасность антисемитизма.) А так как заселять её предполагалось евреями из России, то в 1892 открыли отделение ЕКО и его ЦК в Петербурге. ЕКО «организовало 450 информационных бюро и 20 районных комитетов. Они помогали евреям быстро получать выездные документы, вели переговоры с представителями пароходных обществ, давали эмигрантам возможность покупать билеты по сравнительно низким ценам, издавали популярные брошюры» о возможных странах поселения[140]. (Слиозберг мимоходом жалуется, что к руководству «почему-то не допускался никто, кто не имел звания банкира и миллионера»[141].)

А с конца XIX в. еврейская эмиграция из России нарастала последовательно и от разных причин, отчасти уже нами названных. Серьёзной причиной к ней была всеобщая воинская повинность: если столь многие юноши (как мы читаем у Деникина) находили возможным себя калечить — то не лучше ли эмигрировать? особенно сопоставив, что в США в то время воинской повинности вообще не было. (Об этом мотиве — совсем не сообщают еврейские авторы, ни даже Еврейская энциклопедия в статье «Эмиграция евреев из России»[142]. Но он и не объясняет подъёма эмиграции в 90-х годах.) Следующая веская причина: «Временные правила 1882 г.»; ещё заметный толчок — выселение еврейских ремесленников из Москвы в 1891. Ещё крупный толчок: введение винной монополии в России в 1896, что лишало дохода всех корчмарей и сокращало доходы винокуров. (Слиозберг: охотно эмигрировали те, кого выселяли из сёл или из внутренних губерний.) Г. Аронсон сообщает, что в 80-е годы евреев эмигрировало в среднем по 15 тысяч в год, а в 90-е годы — до 30 тысяч в год[143].

Настроение российских властей к этой растущей эмиграции — как к государственной находке — было благоприятное. Русское правительство охотно согласилось и на образование ЦК ЕКО в Петербурге, и на все его эмиграцион-

140 КЕЭ, т. 7, с. 365.

141 *Слиозберг*, т. 2, с. 29, 98–100.

142 ЕЭ, т. 16, с. 264–268.

143 *Г.Я. Аронсон.* В борьбе за национальные и гражданские права: Общественные течения в русском еврействе // КРЕ-1, с. 212.

ные мероприятия, не вмешивалось в его действия, разрешало в составе семьи эмигрировать и призывному возрасту, и бесплатно выдавало выездные визы, и предоставляло льготный тариф по железным дорогам, — однако чтобы однажды уехавшие — уже в Россию не возвращались [144].

По тогдашним транспортным возможностям эмиграция за океан велась через Англию, и в её портовых городах создавалось промежуточное скопление еврейских эмигрантов, иные и сами оседали в Англии, кого-то возвращали из Штатов назад; и с 1890 общественное мнение Англии возбудилось вообще против политики русского правительства, «со столбцов английской прессы не сходил еврейский вопрос... Не сходил с очереди и в Америке вопрос о положении евреев в России» [145]. Смéтя возможные размеры такой эмиграции, Великобритания скоро резко закрыла свои входные ворота [146].

Уже с 1894 остановилась и эмиграция евреев в Аргентину. Энциклопедия называет это: «нарастающ[ий] кризис... в аргентинском вопросе» [147], Слиозберг — «разочарование уехавших в Аргентину» (недовольные бунтовали, слали коллективные жалобы гиршевской администрации). В прениях Государственной Думы рисовалась такая картина, похожая на опыт в Новороссии: «На примере переселения евреев в Аргентину мы можем указать целый ряд таких случаев, когда люди получили [там] землю на весьма выгодных условиях, бросали её и искали исхода в более подходящих для них промыслах» [148].

После того «ЕКО, хотя ещё продолжало видеть своё призвание в колонизационных предприятиях с целью превращения евреев в земледельцев, но фактически постепенно отступало от этого». Оно взяло на себя помощь «крайне беспорядочной эмиграции евреев из России», «занялось доставлением сведений эмигрантам, защитой их интересов, сношением со странами иммиграции», для того изменило и тот устав, который оно наследовало от покойного уже баро-

---

144 ЕЭ, т. 7, с. 507; *Слиозберг*, т. 2, с. 34–41; КЕЭ, т. 7, с. 366.

145 *Слиозберг*, т. 2, с. 27–30.

146 ЕЭ, т. 2, с. 534–535.

147 ЕЭ, т. 7, с. 504.

148 Государственная Дума — Второй созыв (далее — ГД–2): Стенографический отчёт. Сессия 2, СПб, 1907, заседание 24, 9 апр. 1907, с. 1814.

на Гирша. Отчисляли значительные средства «на поднятие благосостояния евреев в местах их жительства», с 1898 «работа стала вестись среди населения в пределах самой России», а как одно из направлений — в существующих еврейских земледельческих колониях — «введени[е] улучшенных орудий и методов обработки», «доставление дешёвого мелиоративного кредита». Однако и тут, «несмотря на сравнительно большие затраты на поощрение земледельческого труда, в развитии этой отрасли вообще замечается относительный застой»[149]. — Напротив, струя еврейской эмиграции из России, «в теснейшей связи с сильным упадком ремесла и постепенным вытеснением мелкой торговли и факторства», всё усилялась, «наибольшей высоты... достигла в 1906 г.» — хотя и она «не в силах поглотить весь годичный прирост населения» еврейского. При этом «главная масса эмигрирующих направляется в Соединённые Штаты», например в 1910 — 73% из всех эмигрантов[150]. «В 1881–1914 туда прибыли 78,6% евреев, покинувших Россию»[151]. — Движение века уже ясно обозначилось тогда. (А на въезде в Соединённые Штаты, где тогда не спрашивали ремесленных свидетельств, — оказалось, что за первые шесть лет XX в. 63% из русских евреев-иммигрантов — «заняты в промышленности». И отсюда получается, что из России в Штаты ехали одни ремесленники? Это объяснило бы отчасти: почему ремесленники не ехали в открытые им внутренние губернии. Но и нужно учесть: для многих иммигрантов, особенно несостоятельных или бездельных, в «группировк[е], принятой американским цензом», и не было иного подходящего ответа[152].)

Заметно и отсутствие лиц образованного слоя евреев, казалось бы наиболее угнетённых в России, они как раз не эмигрировали, — от 1899 до 1907 составляли чуть больше одного процента[153]. Еврейская интеллигенция — нисколько не склонялась к эмиграции, она осуждала её как отклоне-

---

149 ЕЭ, т. 7, с. 505–509; *И.М.Троцкий*. Самодеятельность и самопомощь евреев в России: ОПЕ, ОРТ, ЕКО, ОЗЕ, ЕКОПО // КРЕ-1, с. 491–495.

150 ЕЭ, т. 16, с. 265.

151 КЕЭ, т. 7, с. 366.

152 ЕЭ, т. 2, с. 246–248.

153 Там же, с. 247–248.

ние от задач и жребия в России, где теперь-то и открывались пути активности. Ещё в 1882 резолюция съезда еврейских общественных деятелей «призывала “совершенно отвергнуть мысль об устройстве эмиграции как противоречащую достоинству русского государства”»[154]. В последние годы XIX в. «новое поколение хочет активно вмешаться в историю... и по всей линии, извне, как и внутри, оно переходит от обороны к наступлению... Новые евреи хотят отныне сами делать свою историю, наложить печать своей воли и на свою судьбу, и, в справедливой мере, также на судьбу страны, где они живут»[155].

Религиозное еврейское крыло тоже осуждало эмиграцию: как уход от живительных корней восточно-европейского еврейства.

В секулярных усилиях нового еврейского поколения содержалась, во-первых, обширная программа собственно еврейского образования, культуры и литературы на идише, через который только и можно было тогда установить понимание с еврейскими массами. (По переписи 1897 три процента [российских] евреев назвали русский родным языком. А иврит — уже как будто забыли, не верилось, что его можно возродить.) Сеть библиотек, специально предназначенных для евреев. Несколько газет на идише, с 1903 — ежедневная «Дер фрайнд», нарасхват в местечках: беспартийная, но старалась воспитывать политически[156]. — Как раз в 90-е годы обозначилась «грандиозн[ая] картин[а] преобразования аморфной еврейской массы в *нацию*», «еврейский Ренессанс»[157]. Один за другим выявляются популярные писатели на идише: Менделе Мойхер-Сфорим, Шолом-Алейхем, Ицхак-Лейбуш Перец. И, подчиняясь этому движению, поэт Бялик переводил свои стихи с иврита на идиш. — В 1908 движение это имело вершиной конференцию в Черновцах: признать идиш «национальным языком еврейского народа» и всю печатность переводить на идиш[158].

---

154 КЕЭ, т. 7, с. 365.

155 *Вл. Жаботинский*. Введение // *Х.Н.Бялик*. Песни и поэмы. СПб.: Изд. Зальцман, 1914, с. 36.

156 *Ю.Марк*. Литература на идиш в России // КРЕ-1, с. 537-539.

157 *Аронсон*. В борьбе за... // КРЕ-1, с. 216.

158 *Марк* // КРЕ-1, с. 519-541.

Параллельно этому приложены были значительные еврейские культурные усилия на русском языке. 10-томная историко-литературная «Еврейская библиотека»[159]. В Петербурге с 1881 журналы: снова «Рассвет», затем и «Русский еврей». (Однако вскоре прекратили своё существование: «Эти органы не встретили поддержки со стороны самих евреев».)[160] В журнале «Восход» печатались все еврейские писатели, переводы всех новинок; особое внимание уделялось изучению и проблематике еврейской истории[161]. (Нам бы, русским, такое внимание к своей истории.) Теперь «доминирующую роль в общественной жизни русского еврейства» играл «еврейский Петербург». «К середине 90-х годов [тут]... образовался довольно значительный кадр еврейских деятелей... аристократия еврейского образования», все таланты тут[162]. — По приблизительным подсчётам в 1897 по-русски свободно говорило только 67 тысяч евреев; но это была культурная элита. А уже и «всё молодое поколение» Украины 90-х годов воспитывалось на русском языке, а уходившие в гимназии и вовсе переставали получать еврейское воспитание[163].

Не было такого прямого лозунга — «ассимиляция!», раствориться в русской стихии, или призыва к национальному самоотречению, — ассимиляция была бытовым явлением, но она связывала российское еврейство с будущностью России[164]. Впрочем, Слиозберг оспаривает сам термин «ассимилятор». «Не было ничего более противного истине», чем утверждение что «ассимиляторы» «считали себя... русскими Моисеева закона». Напротив, «тяготение к русской культуре не исключало исповедания традиций еврейской культуры»[165]. Однако после разочарований 80-х годов «некоторые круги еврейской интеллигенции, всецело проникнутые ассимиляционными устремлениями, ис-

---

159 *Г.Я.Аронсон.* Русско-еврейская печать // КРЕ-1, с. 563.

160 *Слиозберг*, т. 1, с. 105, 260.

161 *Аронсон.* Русско-еврейская печать // КРЕ-1, с. 563–568.

162 *С.М.Гинзбург.* О русско-еврейской интеллигенции // ЕМ-1, с. 35–36.

163 *И.Бен-Цви.* Из истории рабочего сионизма в России // КРЕ-1, с. 272.

164 *Гинзбург* // ЕМ-1, с. 37–39.

165 *Слиозберг*, т. 2, с. 301–302.

пытали перелом в своих общественных настроениях»[166]. «Вскоре уже не оказалось почти ни одной [еврейской] организации или партии, которая отстаивала бы ассимиляцию. Однако... наряду с тем, что ассимиляция, как теория, потерпела крушение, она, тем не менее, не перестала играть роль реального фактора в жизни русского еврейства, по крайней мере в той его части, которая живёт в крупных городах»[167]. Но решено было «прервать связь между эмансипацией... и... ассимиляцией», то есть добиваться первого, а не второго, равенство, но без утери еврейства[168]. В 90-х годах главная задача «Восхода» стала: бороться за равноправие евреев в России[169].

С начала века в Петербурге организовалось, из видных адвокатов и публицистов, «Бюро Защиты» евреев в России. (Прежде эту задачу выполнял один барон Гинцбург, к которому стекались все еврейские жалобы.) Об его основателях рассказывает подробно Слиозберг[170].

В эти годы «еврейский дух возбудился к борьбе», происходил среди евреев «бурный рост общественного и национального самосознания» — но национального самосознания уже не в религиозной форме: при «оскудени[и] местечек, бегств[е] более зажиточных элементов... молодёжи в города... тенденци[и] к урбанизации» «в широких слоях еврейства» с 90-х годов — религия подрывалась, падал авторитет раввината, даже ешиботники втягивались в секуляризацию[171]. (Но, вопреки тому, во множестве биографий в Российской Еврейской Энциклопедии встречаем о поколении, возросшем на рубеже XIX и XX: «получил традиционное еврейское религиозное образование».)

Зато, как мы видели, с неожиданной для многих силой и в неожиданной форме стало развиваться *палестинофильство.*

---

166 *Ю. Гессен*, т. 2, с. 232.

167 ЕЭ, т. 3, с. 337.

168 *Ю. Марк.* Памяти И.М. Чериковера //Еврейский мир: Сб. II (далее — ЕМ-2). Нью-Йорк: Союз русских евреев в Нью-Йорке, 1944, с. 425.

169 *Аронсон.* Русско-еврейская печать // КРЕ-1, с. 564-568.

170 *Слиозберг*, т. 3, с. 110-135.

171 *Аронсон.* В борьбе за... // КРЕ-1, с. 213-215.

Происходившее тогда в России — и в понимании российских евреев и в понимании русских общественных слоёв — не могло не окраситься и европейским фоном тех лет: европейские настроения и события переливались через границу, при открытых и частых тогда контактах образованных слоёв.

Европейские историки отмечают «антисемитизм девятнадцатого века... значительное усиление неприязни к евреям в Западной Европе, где она, казалось, быстрыми шагами шла к исчезновению»[172]. Даже в Швейцарии евреи ещё и в середине XIX в. не могли добиться свободы поселения в кантонах, свободы торговли и занятия промыслами. Во Франции — взрывной процесс Дрейфуса. В Венгрии «старая земельная аристократия... в своём разорении... обвиняла евреев»; по Австрии и Чехии в конце XIX в. шло «антисемитское движение», а «мелкая буржуазия... боролась под антисемитскими лозунгами против социал-демократического пролетариата»[173]. В 1898 произошли кровавые еврейские погромы в Галиции. Повсеместное усиление буржуазии «увеличило влияние евреев, которые были сосредоточены в большом числе в столицах и промышленных центрах... В таких городах, как Вена и Будапешт... печать, театр, адвокатура и медицина начали насчитывать в своих рядах такое количество евреев, которое никак не соответствовало их числу в обществе. Тогда же евреи-коммерсанты и банкиры начали создавать огромнейшие состояния»[174].

Но настойчивее всего противоеврейские настроения проявились в Германии — сперва (1869) от Рихарда Вагнера; в 70-х годах от кругов консервативных и клерикальных, требовавших ограничить в правах немецких евреев и запретить дальнейшую иммиграцию их; а с конца 70-х это движение «охватило и интеллигентные круги общества», его выразил и доводил до самых обобщающих формулировок видный прусский историк Генрих фон-Трейчке: «Ны-

---

[172] *Паркс*, с. 161.

[173] История XIX века: В 8-ми т. / Под ред. проф. Лависса и Рамбо. Т. 7, М., ОГИЗ, 1939, с. 186, 203.

[174] *Паркс*, с. 166.

нешняя агитация правильно уловила настроение общества, считающего евреев нашим национальным несчастьем», «евреи никогда не могут слиться с западно-европейскими народами» и выражают ненависть к германизму. — За ним и Евгений Дюринг (столь известный по спору с Марксом-Энгельсом): «Еврейский вопрос есть просто вопрос расовый, и евреи не только нам чуждая, но и врождённо и бесповоротно испорченная раса». Затем и философ Эдуард Гартман. — В политической сфере это движение привело в 1882 к первому интернациональному антиеврейскому конгрессу (в Дрездене), принявшему «Манифест к правительствам и народам христианских государств, гибнущих от еврейства», и потребовавшему изгнания евреев из Германии. — Но к 90-м годам противоеврейские партии ослабели и потерпели ряд политических поражений[175].

Во Франции не было такого теоретического расового напора, но была широкая политическая антиеврейская пропаганда Эдуарда Дрюмона (в «Ля Либр Пароль») с 1892. А затем «возникло настоящее соперничество» «между социализмом и антисемитизмом», «социалисты не стеснялись уснащать свои проповеди выпадами по адресу евреев и спускаться на уровень антисемитской демагогии... антисемитско-социалистический туман окутал всю Францию»[176]. (Весьма похоже на агитацию народников в России в 1881–82.) И тут же, с 1894, началось громчайшее дело Дрейфуса. «К 1898 году он [антисемитизм] достигает уровня настоящего пароксизма во всей Западной Европе», — Германии, Франции, «Великобритании и США»[177].

Противоеврейские высказывания появились и в русской печати 70–90-х годов. Однако они не проявили ни того холодного теоретического колорита, как в Германии, ни тех бурных социальных страстей, как в Австро-Венгрии и Франции. Повести Всеволода Крестовского ("Тьма египетская" и др.) да топорные газетные статьи.

Отдельным явлением была газета "Новое время". Она приобрела силу и успех своей активной позицией в тогдашнем «славянском движении», связанном с русско-турецкой

---

[175] ЕЭ*, т. 2, с. 696–708.

[176] Там же, с. 676–677.

[177] *Р. Нудельман.* Призрак бродит по Европе // 22": Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1992, № 84, с. 128.

войной за Балканы. Но, «когда с театра военных действий стали поступать донесения о хищничестве интендантов и поставщиков» и «поставщики "еврейского происхождения" явились как бы олицетворением всего русского еврейства», — «Новое время» стало вести «определённо антисемитскую линию», а с 80-х годов «газета не только перешла в лагерь реакции», но и «в еврейском вопросе Новое Время не знало границ для ненависти и недобросовестности», «предостерегающий вопль — "жид идёт" — впервые раздался со столбцов Нового Времени. Газета настаивала на принятии решительных мер против "захвата" евреями русской науки, литературы и искусства... Одной из излюбленных тем Нового Времени служило также "уклонение от воинской повинности"»[178].

Антиеврейские проявления — и за границей и в России — страстно осуждал ещё в 1884 взволнованный ими Владимир Соловьёв: "Иудеи всегда относились к нам по-иудейски; мы же, христиане, напротив, доселе не научились относиться к иудейству по-христиански"; "по отношению к иудейству христианский мир *в массе своей* обнаружил доселе или ревность не по разуму или дряхлый и бессильный индифферентизм". Нет, "не христианская Европа терпит евреев, а Европа безверная"[179].

Растущую важность еврейского вопроса для России — российское общество ощутило даже на полвека позже правительства. Лишь после Крымской войны «нарождавшееся русское общественное мнение начало осознавать наличие еврейской проблемы в России»[180]. Но должно было пройти ещё несколько десятилетий, чтобы осозналась даже *первостепенность* этого вопроса. «Провидение водворило в нашем отечестве самую большую и самую крепкую часть еврейства», — писал Владимир Соловьёв в 1891[181].

А годом раньше, в 1890, Соловьёв, находя побуждение и поддержку в круге сочувствующих, составил текст «Протеста». Что «единственная причина так называемого еврей-

---

178 ЕЭ, т. 11, с. 758–759.

179 *В.С. Соловьёв.* Еврейство и христианский вопрос // Собр. соч.: В 10 т. 2-е изд., СПб., 1911–1914. Т. IV, с. 135, 136, 138.

180 *Аронсон.* Русско-еврейская печать // КРЕ-1, с. 549.

181 Письмо В.С. Соловьёва к Ф. Гецу // *В.С. Соловьёв.* Еврейский вопрос — Христианский вопрос: Собрание статей. Варшава: Правда, 1906, с. 34.

ского вопроса» — забвение справедливости и человеколюбия», это «безрассудное увлечение слепым национальным эгоизмом». — «Возбуждение племенной и религиозной вражды, столь противной духу христианства... в корне развращает общество и может привести к нравственному одичанию...» — «Следует решительно осудить антисемитическое движение» — «уже из одного чувства национального самоохранения»[182].

По рассказу С.М.Дубнова: Соловьёв собрал подписи, больше ста, включая Льва Толстого и Короленко. Но редакции всех газет получили предупреждение: не печатать этого протеста. Соловьёв «обратился с горячим письмом к Александру III». Однако через полицию его предупредили, что если будет настаивать, то добьётся административного преследования. И он — покинул затею[183].

Как и в Европе, многообразный рост еврейских устремлений не мог не вызвать у русских общественных слоёв — у кого тревогу, у кого резкое противодействие, но у кого ж и сочувствие.

А у кого — и политический расчёт. Как народовольцы в 1881 сообразили выгоду сыграть на еврейском вопросе (тогда — в направлении травли), — так, спустя время, российские либерально-радикальные круги, левое крыло общества, сметило и усвоило надолго — выгоду использовать еврейский вопрос как весомую политическую карту в борьбе с самодержавием: всячески растравлять, что равноправия евреев в России нельзя добиться никаким другим путём, кроме полного свержения самодержавия. От либералов до эсеров и большевиков, евреев то и дело привлекали — кто и с искренним сочувствием, но все — как удобный козырь противосамодержавного фронта, и этот козырь, без зазрения совести, уже не выпускался революционерами из рук, использовался до самого 1917 года.

Однако все эти общественно-газетные веянья и обсужденья — совершенно ещё не коснулись в те годы *на-*

---

182 Неопубликованный протест против антисемитизма (составлен Владимиром Соловьёвым) // КРЕ-1, с. 574–575. Текст протеста был впервые опубликован в книге Ф.Геца «Об отношении Вл.Соловьёва к еврейскому вопросу» (М.,1902), где он помещён под заголовком: «Об антисемитическом движении в печати: Неизданная статья Вл.С. Соловьёва», затем в 1906 перепечатан в уже цитированной "вольной" варшавской брошюре.

183 См.: КРЕ-1*, с. 565.

родного отношения к евреям *в Великороссии.* О том есть множество свидетельств.

Вот Я. Тейтель, много живший в глуби России и общавшийся с простонародьем, свидетельствует, «что простому народу чужда расовая и национальная вражда»[184]. — Или вот, в мемуарных записях князей Вяземских отмечено, что в их больнице в Коробовке Усманского уезда крестьяне не любили хамоватого д-ра Смирнова, а когда его сменил старательный д-р Шафран — он пользовался всеобщей любовью и благодарностью крестьянской округи. — Из опыта каторги 80–90-х гг. подтверждает и П.Ф. Якубович-Мельшин: «Было бы неблагодарным делом отыскивать даже и в подонках нашего простонародья какие-либо антисемитские тенденции»[185]. — И именно с чувством, что таковых нет, евреи белорусского местечка, в начале XX века, дали телеграмму в Москву купчихе-благотворительнице М.Ф. Морозовой: «Пожертвуй сколько-то, синагога сгорела, ведь Бог у нас один». И она послала просимую сумму.

Да собственно, ни либеральная российская, ни еврейская печать и не обвиняли русский народ в природном антисемитизме, а — утверждали настойчиво, что антисемитизм в народной массе искусственно и злобно создавался и поджигался правительством. И сама формула «самодержавие, православие, народность» воспринималась в еврейских образованных кругах как направленная именно против евреев.

А в середине XX в. читаем у еврейского автора: «В старой России антисемитизм не имел глубоких корней в народных массах... В широких массах народа антисемитизма почти не было, да и самая проблема отношения к еврейству перед ними не вставала... Лишь в некоторых частях так называемой черты оседлости, главным образом на Украине, где ещё со времени польского господства, в силу особых условий, на которых здесь не приходится останавливаться, настроения антисемитизма имели очень широкое распространение в крестьянстве»[186]. Это — вполне верно. И сюда же — можно добавить Бессарабию. (Давность таких

---

184 *Тейтель*, с. 176.

185 ЕЭ, т. 10, с. 827.

186 *С.М. Шварц*. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952, с. 13.

чувств и условий находим и у Карамзина: окружавшие Лжедмитрия казаки, очевидно запорожские, ругали россиян жидами[187], значит, для западных областей это было ругательство.)

А в русском фольклоре? Словарь Даля охватывал не только Великороссию, но и западные губернии, и Украину — пометкою «*ю-зап*», но далеко не всегда. В своих дореволюционных изданиях он содержал немало слов и разговорных выражений, производных от «жид». (Показательно, что в советском издании 1955, несмотря на трудности при фототипии, была перенабрана соответствующая страница[188], и всё это словарное гнездо между «жигало» и «жидкий» — целиком убрано.) Но в наборе этих выражений, приводимых Далем, есть часть наследства от церковно-славянского языка, в котором слово «жид» никак не было укоризненным, а только племенным определением; есть — и наслоения от социальной практики в польские и послепольские века в черте оседлости, есть нанесенное и в Смуту XVII в., — в самой же Великороссии тогда почти не было и контакта с евреями. Это наследие и отражено в пословицах, приводимых Далем, хотя и в русском написании, но часто угадывается юго-западное происхождение. (И уж во всяком случае они родились не в недрах российского министерства внутренних дел.)

Однако с этими пословицами и сопоставим: а сколько же в народе недоброжелательных пословиц о православном священстве, почти ни одной благожелательной.

Свидетель из Мариуполя[189] (и не он один, это достоверно) рассказывает, что у них в дореволюционное время кардинально различались «еврей» и «жид». Еврей — это законопослушный гражданин, чьё бытовое поведение, отношение к людям не отличается от окружающей среды. А «жид» — это живодёр. И можно было услышать: «Я не жид, я честный еврей, я вас не обману». (Такие заявления из еврейских уст встречаются и в литературе; такое же мы прочли и в листовке народников.)

---

[187] *Н.М.Карамзин.* История государства Российского: В 12-ти т. 5-е изд., СПб.: Эйнерлинг, 1842–1844. Т. XI, с. 143.

[188] *В.Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1, М., 1955, с. 541.

[189] *И.Э.Темиров.* [Воспоминания] // БФРЗ, ф. 1, А-29, с. 23.

Это смысловое различие — надо иметь в виду при оценке пословиц.

Всё это — следы давней национальной розни на территориях Запада и Юго-Запада.

Но ни в Средней, ни в Северной, ни в Восточной России — никогда, ни даже во всенародное сотрясение в октябре 1905, не было еврейских погромов (были — против революционных интеллигентов вообще, против их ликования и глумления над Манифестом 17 октября). И однако: передо всем миром дореволюционная Россия — не Империя, а *Россия* — клеймлена как погромная, как черносотенная, — и присохло ещё на сколько столетий вперёд?

А разражались еврейские погромы — всегда и только на Юго-Западе России (как это и проявилось в 1881 году).

Таков был и кишинёвский погром 1903 года.

Не упустим, что в то время, при неграмотном и крайне невежественном населении всей Бессарабии, в Кишинёве жило: 50 тыс. евреев, 50 тыс. молдаван, 8 тыс. «русских» (большей частью украинцев, но этого тогда не различали) и сколько-то остальных. Главные силы погрома, «погромщики были в основном молдаване»[190].

Кишинёвский погром начался 6 апреля 1903 — на последний день еврейской Пасхи и в первый день православной. (Не первый раз мы видим эту трагическую связь еврейских погромов с христианской Пасхой, — так было в 1881, и в 1882, и в Николаеве в 1899[191], — и это особенно наполняет горечью и тревогой.)

Прибегнем к единственному документу, основанному на тщательном расследовании и по прямым следам событий, — Обвинительному акту, составленному прокурором местного суда В.Н. Горемыкиным, «который не привлёк к делу ни одного еврея в качестве обвиняемого, что вызвало резкие выпады против него в реакционной печати»[192]. (Как мы увидим, суд заседал сперва закрыто, чтобы «не разжи-

---

[190] КЕЭ, т. 4, с. 327.

[191] *Л. Прайсман.* Погромы и самооборона // «22», 1986/87, № 51, с. 176.

[192] ЕЭ, т. 9, с. 507.

11—5080

гать страсти», — и акт впервые был опубликован за границей, в штутгартском эмигрантском «Освобождении»[193].)

Акт начинает с «обычных столкновений между евреями и христианами, всегда происходивших за последние годы на Пасху» и с «нерасположения местного христианского населения к евреям». И вот уже «недели за две до Пасхи... в Кишинёве стали циркулировать слухи об имеющемся быть на предстоящих праздниках избиении евреев». — Тут поджигающую роль сыграла и газета «Бессарабец» (редактор Крушеван), печатавшая «в течение последнего времени изо дня в день резкие статьи антиеврейского направления, не проходившие бесследно... среди приказчиков, мелких писцов и т.п. малокультурного люда Бессарабии. Последними вызывающими статьями "Бессарабца" были сообщения об убийстве в п. Дубоссарах христианского мальчика, совершённом будто бы евреями с ритуальными целями». (Кроме слуха об исколотом в Дубоссарах христианском младенце был и слух об убийстве евреем своей христианской служанки, на самом деле кончившей самоубийством[194].)

И что же кишинёвская полиция? — «Не придавая особого значения упомянутым» слухам и несмотря на то что «за последние годы постоянно в это время повторялись драки между еврейским и христианским населением, кишинёвская полиция не предприняла каких-либо исключительных мер предупреждения», лишь усилила «на праздники наряд[ы] в местах предполагавшегося наибольшего скопления» за счёт добавки и военных патрулей из местного гарнизона[195]. Полицмейстер не дал энергичных ясных инструкций полицейским чинам.

Вот это-то и самое непростительное: что из года в год на Пасху драки, и тут ещё такие слухи — а полиция дремлет. Тоже явный признак застоявшегося дряхлеющего правительственного аппарата. Или уж вовсе не держать Империи (сколько войн ведено, сколько усилий положено, чтобы зачем-то присоединить к России Молдавию) — или уж отвечать за порядок повсюду в ней.

---

193 Кишиневский погром: Обвинительный акт // Освобождение, Штутгарт, 1903, 19 окт., № 9 (33), Приложение, с. 1–4.

194 *Я.Г. Фрумкин.* Из истории русского еврейства: Воспоминания, материалы, документы // КРЕ-1, с. 59.

195 Кишиневский погром: Обвинительный акт, с. 1.

6 апреля на улицах «праздный народ», «много подростков», в 4-м часу дня среди толпы и пьяные. Тут мальчишки стали бросать камни в окна ближних еврейских домов, дальше сильней, а когда пристав с околоточным пытались задержать одного, то и сами «были осыпаны каменьями». Затем появились и взрослые. «Неприятие полицией энергичных мер к немедленному подавлению беспорядков» повело к разгрому двух еврейских лавок и нескольких рундуков. К вечеру беспорядки стихли, «никаких насилий над личностью евреев в этот день произведено не было», а полиция арестовала за этот день 60 человек.

Однако «с утра, 7 апреля, христианское население... сильно волнуясь, стало собираться в разных местах города и на окраинах небольшими группами, которые вступали с евреями в столкновения, принимавшие всё более и более острый характер». Так же с раннего утра на Новом базаре «собралось человек свыше 100 евреев, вооружённых для самозащиты дрючками, кольями и некоторые даже ружьями, из которых по временам стреляли». У христиан огнестрельного оружия не было. Евреи говорили: «вчера вы русских не разгоняли, сегодня мы сами будем защищаться». И некоторые евреи «имели при себе... и бутылки с серной кислотой, коей они и плескали в проходящих христиан». (Аптеками традиционно владели евреи.) «Слухи о насилиях, чинимых евреями над христианами, быстро стали распространяться по городу и, переходя из уст в уста в преувеличенном виде, сильно раздражали христианское население»: «избили» передавалось как «убили», и будто евреи ограбили старый собор и убили священника. И вот «в разных частях города многочисленные партии, человек в 15–20 христиан каждая, почти исключительно чернорабочих, имея впереди себя мальчиков, бросавших в окна камни и кричавших, начали сплошь громить еврейские лавки, дома и жилища, разбивая и уничтожая находящееся там имущество. Группы эти пополнялись гуляющим народом», увеличивались, и к 2–3 часам «район беспорядков... обнимал уже большую часть города»; «те дома, в окна коих были выставлены иконы и кресты, бесчинствующими не трогались». В громимых «помещениях имущество подвергалось немедленно полному уничтожению», а товар, выбрасываемый из лавок, «частью уничтожался на месте, частью расхищался лицами, следовавшими за громилами». И до того дошли, что «в еврейских молитвенных домах про-

изведено было полное разрушение, а священные их свитки (тора) выбрасывались на улицу в изорванном виде». И уж разумеется, громились винные лавки, «часть вина выпускалась на улицу, часть же на месте распивалась бесчинствующими».

«По нераспорядительности полиции, не имевшей должного руководства, все эти бесчинства совершались безнаказанно, что, конечно, только ещё больше ободряло и воодушевляло громил... Не имея надлежащего руководительства, чиновники полиции не были в своей деятельности объединены, а, предоставленные самим себе, действовали каждый исключительно по своему усмотрению... нижние чины полиции, в большинстве случаев, оставались лишь немыми зрителями погрома». Правда, по телефону вызывались из местного гарнизона воинские наряды, но «каждый раз в определённый пункт, прибыв на который они часто уже не заставали» громил и, «за неимением дальнейших инструкций, оставались в бездействии», «были разбросаны отдельными частями по городу без определённой цели и связи», «занимались лишь рассеянием бушующей толпы». (Гарнизон-то был сильно второстепенный по качеству, да ещё — по Пасхе — многие офицеры и солдаты в отпуску[196].) «Нераспорядительность полиции... породила новые слухи о том, что правительство разрешило бить евреев, так как они являются врагами отечества», — и пьяный буйный погром жесточел. «Евреи, опасаясь за свою жизнь и имущество, окончательно растерялись и обезумели от страха... Часть евреев, вооружась револьверами, прибегла к самозащите и начала стрелять в громил... из-за угла, из-за заборов, с балкона... бесцельно и неумело, так что выстрелы эти, не принеся евреям ни малейшей помощи», только вызвали у громил «дикий разгул страстей. Толпа громил озверела, и всюду, где раздавались выстрелы, она немедленно врывалась и разносила всё в дребезги, чиня насилия над попадавшимися там евреями». И «особенно роковым для евреев» был «выстрел, коим был убит русский мальчик Остапов». С 1–2 часов дня «насилия над евреями принимали всё более и более тяжёлый характер», а с 5 часов сопровождались «целым рядом убийств».

---

[196] Материалы для истории антиеврейских погромов в России / Под ред. и со вступ. ст. С.М. Дубнова и Г.Я. Красного-Адмони. Т. 1, Пг., 1919 (далее — Материалы...), с. 340.

В 3 с половиной часа дня окончательно растерявшийся губернатор фон-Раабен сдал командование начальнику гарнизона генералу Бекману, «с правом употребления оружия». Бекман тотчас разделил город на участки и стал передвигать части, до тех пор «бессистемно разбросанны[е] по городу». «С этого же времени войска начали производить массовые аресты бесчинствующих» и принимали энергичные меры. К ночи погром в городе стих.

Акт подводит итоги жертв. «Всех трупов... обнаружено 42, из коих 38 евреев»; «у всех убитых найдены были повреждения, причинённые тяжёлыми тупыми орудиями: дубинами, камнями, лопатами, у некоторых же острым топором»; эти повреждения «почти у всех без исключения» были головные, были и «тяжкие побои туловища. Огнестрельных ран не было. Следов каких-либо истязаний или надруганий на трупах не обнаружено, что доказывается как протоколами осмотра и вскрытия тел убитых, так и показаниями врачей, производивших упомянутые осмотры и вскрытия» и «протоколом Врачебного отделения Бессарабского Губернского Правления»; «раненых всех 456, из коих 62 христианина... 8 с огнестрельными ранами... Из числа [394 раненых] евреев только пятеро получили тяжкие повреждения; остальные все лёгкие. Никаких следов истязаний ни у кого не найдено, и только лишь у одного еврея, слепого на один глаз, выбит другой глаз... Почти $^3/_4$ пострадавших мужчины, за единичными исключениями, взрослые люди. Об изнасилованиях было подано три заявления, из коих по двум составлены обвинительные акты». Получили повреждения 7 воинских чинов, из них один солдат «получил ожог лица серною кислотою»; 68 полицейских — лёгкие повреждения. «Домов разгромлено было около 1350, т.е. немного менее трети» всех домов Кишинёва — это значит, как после бомбёжки, разорение ужасающее... «Всех еврейских лавок разгромлено около 500». Арестованных «к утру 9-го апреля состояло 816 человек»; и *кроме* следствий об убийствах привлечено к уголовной ответственности 664 человека.

У иных авторов оценка еврейских потерь отличается от официальной, но не резко. — «Книга о русском еврействе» определяет потери в 45 убитых евреев, 86 тяжело раненных, 1500 домов и магазинов разграблено или разрушено[197]. — И. Бикерман называет 53 убитых, но это может

197 *Фрумкин* // КРЕ-1, с. 59.

быть и не только евреев[198]. — Новейшая Еврейская энциклопедия (1988): «убито 49 чел., ранено 586, разгромлено более 1,5 тысяч еврейских домов и лавок»[199].

Таково — официальное описание. Но и почувствуем, что скрывается за ним. Вот, у «только лишь одного еврея, слепого на один глаз», — выбит другой глаз. Читаем о нём у Короленко (очерк «Дом № 13»[200]). Звали этого несчастного Меер Вейсман. «На мой вопрос, — пишет Короленко, — знает ли он, кто это сделал, — он ответил совершенно бесстрастно, что точно этого не знает, но "один мальчик", сын соседа, хвастался, что это сделал именно он посредством железной гири, привязанной на верёвку». Как из описания Короленко, так и из официального Акта видно, что убийцы и жертвы очень часто хорошо знали друг друга. Убивали знакомых.

Оговаривается Короленко: «Правда, это основано на показаниях евреев, но нет основания сомневаться в их достоверности... Не всё ли равно евреям, как именно их убивали? Для чего им выдумывать подробности?..» Действительно, какая была бы польза родственникам забитого по голове Бенциона Галантера — ещё бы добавлять, что убийцы вколачивали гвозди в его труп? — они и не сочиняли подобных выдумок. Не достаточно ли горько было родственникам бухгалтера Нисензона, чтобы добавлять, как его «полоскали» в луже перед убийством? Достаточно. Они такого и не придумывали.

Но далёким от этих событий вершителям общественного мнения — этих ужасов достаточно *не было*. При всех человеческих трагедиях и бедах, при всех смертях, они увидели на первом плане — как ударить по царской власти? И они прибегли к разжигательным преувеличениям. Перешагивая через душевные чувства, разбираться в тех фабрикациях последующих месяцев и даже лет — это ещё и как будто самому приуменьшать трагедию? и накликать гневную отповедь? Но разбираться приходится, ибо кишинёвским погромом воспользовались, чтобы нарицательно и навсегда заклеймить Россию. И сегодня любая честная

---

198 *Бикерман* // РиЕ, с. 57.

199 КЕЭ, т. 4, с. 327.

200 *В.Г.Короленко.* Дом № 13 // Собр. соч., т. 9, М.: Худож. лит., 1995, с. 406–422.

историческая работа на эту тему требует отличить ужасную правду о Кишинёве от коварной о нём неправды.

Заключение Обвинительного акта: беспорядки «разрослись до указанных размеров лишь благодаря нераспорядительности полиции, не имевшей должного руководства... Предварительным следствием не добыто данных, которые указывали бы, что упомянутые беспорядки были заранее подготовлены» [201].

И никаким дальнейшим следствием — тоже не добыто.

Но вопреки тому вышеупомянутое «Бюро защиты» евреев (при участии влиятельнейших М. Винавера, Г. Слиозберга, Л. Брамсона, М. Кулишера, А. Браудо, С. Познера, М. Кроля) [202], едва узнав в Петербурге о погроме, от порога исключило любые тому причины, кроме высочайшего заговора: «Кто дал приказ к организации погрома, кто распоряжался тёмными силами, производившими его?» [203]. — «Как только мы узнали, при какой обстановке происходила Кишинёвская бойня, для нас стало ясно, что эта дьявольская затея никогда не имела бы места... если б она не была задумана в Департаменте полиции и не выполнялась по приказу оттуда». Хотя, конечно, «негодя[и] в строгой тайне организова[ли] кишинёвский погром», — пишет и в 40-х годах XX века тот же М. Кроль [204]. «Но как глубоко мы ни были убеждены в том, что кишинёвская бойня была организована сверху, с ведома, а, может быть, даже по инициативе Плеве, мы могли сорвать маску с этих высокопоставленных убийц и выставить их в надлежащем свете перед всем миром, лишь имея самые неоспоримые улики против них. Поэтому мы решили послать в Кишинёв известного адвоката Зарудного» [205]. «Он был самым подходящим человеком для выполнения той миссии, которую мы на него возложили», он «взялся вскрывать тайные пружины кишинёвской бойни», после которой полиция «для отвода глаз арестовала несколько десятков воров и грабителей» [206]. (Напомним, что

---

201 Кишиневский погром. Обвинительный акт, с. 3.

202 *Кроль*. Страницы... , с. 299.

203 *Слиозберг*, т. 3, с. 49.

204 *М. Кроль*. Кишиневский погром 1903 года и Кишиневский погромный процесс // ЕМ-2, с. 372.

205 Там же, с. 372–373.

206 *Кроль*. Страницы... , с. 301, 303.

на следующий день после погрома было арестовано 816 человек.) — Зарудный собрал и увёз из Кишинёва «исключительно важный материал», а именно: «что главным виновником и организатором погрома был начальник кишинёвской охранки Левендаль», жандармский офицер, назначенный в Кишинёв незадолго до погрома; и «по распоряжению того же Левендаля полиция и войсковые части явно помогали убийцам и грабителям»[207]. Он-де «совершенно парализовал деятельность губернатора»[208]. (Хотя в России даже и полиция никак не была подчинена Охранному отделению, а тем более войска.)

Этот «исключительно важный материал», открывший виновников «с полной очевидностью», — никогда, однако, не был опубликован, ни тогда, ни хотя бы позже. Почему же? Как бы мог тогда Левендаль и иже с ним избежать наказания и позора? А по *рассказам* о том материале — некий купец (Пронин) да некий нотариус (Писсаржевский) «стали собираться в определённом трактире» — и будто бы по инструкциям от Левендаля планировать погром[209]. И после тех собраний вся полиция и весь гарнизон решились на погром. — Обвинения против Левендаля разбирал и нашёл несостоятельными прокурор Горемыкин[210]. (Крушевану, чьи поджигательные статьи действительно способствовали погрому, через два месяца в Петербурге Пинхас Дашевский, пытаясь его убить, нанёс ранение ножом[211].)

Власти тем временем вели подробное следствие. В Кишинёв был немедленно направлен директор Департамента полиции А.А. Лопухин (он, при его либеральных симпатиях, вне подозрения общественности). Был тут же смещён губернатор фон-Раабен и ещё несколько должностных лиц Бессарабской губернии, новым губернатором назначен либеральный кн. С. Урусов (в скором будущем — видный кадет, и подпишет мятежное «Выборгское воззвание»). — А в «Правительственном Вестнике» от 29 апреля

---

207 *Кроль*. Страницы… , с. 301–304.

208 *Кроль* // ЕМ-2, с. 374.

209 Там же.

210 Представление Прокурору Судебной Палаты за № 1392, 20 ноября 1903; Представление Прокурору Судебной Палаты за № 1437, 1 декабря 1903 // Материалы… , с. 319, 322–323.

211 РЕЭ, т. 1, с. 417.

был опубликован циркуляр министра внутренних дел Плеве, возмущённого бездействием кишинёвских властей. Он указывал всем губернаторам, градоначальникам и оберполицмейстерам — решительно пресекать насилия всеми мерами [212].

Не молчала и Православная Церковь. Святейший Синод издал циркуляр, чтобы духовенство приняло меры к искоренению вражды против евреев. С осуждением, увещаниями и умирениями к христианскому населению обратились несколько иерархов, в том числе широко чтимый о. Иоанн Кронштадтский: «Вместо праздника христианского они устроили скверноубийственный праздник сатане» [213]. И епископ Антоний (Храповицкий): «Страшная казнь Божия постигнет тех злодеев, которые проливают кровь, родственную Богочеловеку, Его Пречистой Матери, апостолам и пророкам»; «чтобы вы знали, как и поныне отвергнутое племя еврейское дорого Духу Божию, и как прогневляет Господа всякий, кто пожелал бы обижать его» [214]. — Населению раздавались о том и тысячи листовок. (Однако в пространных разъяснительных церковных обращениях сохранялась старобытность, устоявшаяся веками и уже не успевавшая за грозностью покатившихся процессов.)

В раннем мае, через месяц от событий, вспыхнула и раскатилась газетная и агитационная кампания вокруг погрома — и по прессе российской, и по всей европейской и американской. В Петербурге неистовые газетные статьи стали гласить об убийствах женщин и грудных младенцев, о множестве случаев изнасилования несовершеннолетних девочек, само собою — жён, и в присутствии мужей или родителей; сообщения о вырезанных языках. «Одному еврею распороли живот, вынули внутренности... одной еврейке вбили в голову гвозди насквозь» через ноздри [215]. Не прошло недели, как эти содрогающие подробности напечатали

212 Циркуляр Министра Внутренних Дел по поводу Кишиневских событий Губернаторам, Градоначальникам и Обер-Полицмейстерам // Материалы... , с. 333–335; Правительственный вестник, СПб., № 97, 1903, 29 апреля (12 мая).

213 Слово о. Иоанна Кронштадтского. Мысли мои по поводу насилий христиан с евреями в Кишиневе // Материалы... , с. 352.

214 К Кишиневскому бедствию. Слово, сказанное 30 апреля 1903 г. Епископом Антонием // Материалы... , с. 354, 356.

215 Санкт-Петербургские ведомости, 1903, 24 апр. (7 мая), с. 5.

западные газеты. Им безоговорочно верила западная общественность, и, например, ведущие евреи Англии вполне положились на эти пронзительные сообщения и дословно включили их в свой публичный протест [216]. — Повторим ли: «*Следов каких-либо истязаний или надруганий на трупах не обнаружено*». Из-за новой волны статей даны были дополнительные показания врачей. Городской Санитарный врач Френкель (осматривал трупы на еврейском кладбище), Городской Санитарный врач Чорба (принимал раненых и убитых в Кишинёвской Губернской Земской больнице с 5 часов вечера второго дня пасхи до 12 часов дня третьего, а затем в Еврейской Больнице), Городовой врач Василевич (вскрыл и осмотрел 35 трупов), — каждый констатировал, что ни при осмотрах, ни при вскрытиях не обнаружил признаков и следов зверских издевательств над трупами, какие описаны в прессе [217]. Потом на суде оказалось, что свидетель врач Дорошевский (передавший, как считалось, эти шокирующие сведения) никаких зверств сам не видел и к тому же отрицал какое-либо причастие к появлению скандальных статей [218]. А Прокурор Одесской Судебной палаты в ответ на запрос Лопухина об изнасилованиях «лично произвёл негласное дознание»: по рассказам родственников же ни один случай изнасилования не подтверждён. Конкретные случаи в запросе — положительно исключены [219]. Но что там осмотры и заключение врачей? Кому дело до конкретных исследований прокурора? Пусть себе остаются желтеть в служебных бумагах.

Всё то, чего не подтвердили свидетели, о чём не писал Короленко, — не додумались опровергать и власти. И все эти *подробности* разнеслись по миру и стали в общественном мнении *фактом* — на весь XX век, а может быть и на XXI, — так и стынут над именем России.

---

[216] Baltimore Sun, 16.5.1903, p. 2; The Jewish Chronicle, 15.5.1903, p. 2; Protest by the Board of Deputies and the Anglo-Jewish Association // Times, 18.5.1903, p. 10.

[217] Протокол Бессарабского Губернского Правления по врачебному отделению, 2 июня 1903 // Материалы... , с. 174–175.

[218] Судебное разбирательство дела об антиеврейских беспорядках, бывших в г. Кишиневе, заседание 16 ноября 1903, листок-дневник № 11 // Материалы... , с. 279.

[219] Прокурор Одесской Судебной Палаты А.И. Поллан — А.А. Лопухину // Материалы... , с. 172–173.

Да ведь Россия уже немало лет, и с каждым годом всё резче, испытывала отчаянное, смертельно-враждебное разъединение «общества» и правительства. В этой борьбе со стороны либерально-радикальных, а тем более революционных кругов был жадно желаем любой факт (или выдумка), кладущий пятно на правительство, — и не считалось предосудительным никакое преувеличение, искажение, подтасовка — лишь бы только сильней уязвить правительство. Для российских радикалов такой погром был — *счастливый случай* в борьбе!

Тогда правительство наложило запрет на газетные публикации о погроме, как разжигающие вражду и гнев, — и опять ведь неуклюжий шаг: тем сильней все эти слухи были подхвачены в Европе и в Америке, и все вымыслы ещё безоглядней преувеличивались — так, как будто никаких полицейских протоколов не существовало.

И поднялась — всемирная атака на царское правительство. Бюро Защиты евреев рассылало телеграммы во все столицы: всюду устраивать митинги протеста![220] Пишет член Бюро: и «мы также послали подробные сведения об ужасных зверствах... в Германию, Францию, Англию, Соединённые Штаты». «Впечатление наши сведения всюду производили потрясающее, и в Париже, Берлине, Лондоне и Нью-Йорке происходили митинги протеста, на которых ораторы рисовали ужасные картины преступлений, совершаемых царским правительством»[221], — вот-де таков русский медведь от начальных времён! — «Поразили весь мир те зверства». — И теперь уже безоглядно: полиция и солдаты «*всеми способами помогали* убийцам и грабителям делать их бесчеловечное дело»[222]. «Проклятое самодержавие» наложило на себя несмываемое пятно! На митингах клеймили новое злодеяние царизма, «сознательно им подготовленное». В лондонских синагогах обвиняли... Святейший Синод в религиозной резне. Осуждение выразили и отдельные католические иерархи. Но с наибольшим полыханием было подхвачено европейской и американской прессой. (Особенно разжигал в своих газетах магнат жёлтой прессы Вильям Хёрст.) «Мы обвиняем русское прави-

---

[220] *Кроль* // ЕМ-2, с. 376–377.

[221] *Кроль*. Страницы..., с. 302.

[222] *Кроль* // ЕМ-2, с. 371–372.

тельство в ответственности за кишинёвскую резню. Мы заявляем, что оно по самые уши погрязло в вине за это истребление людей [holocaust]. У его дверей — и ни чьих ещё — ложатся эти убийства и насилия»; «Пусть Бог Справедливости придёт в этот мир и разделается с Россией, как он разделался с Содомом и Гоморрой... и сметёт этот рассадник чумы с лица земли»; «Резня в Кишинёве... превосходит в откровенной жестокости всё, что записано в анналах цивилизованных народов»[223]. (В том числе, надо понять, и многотысячные уничтожения евреев в Средневековой Европе.)

Увы, в такой оценке происшедшего совпадают евреи разных степеней рассудительности или опрометчивости. И даже через 30 лет немалый же законник Г. Слиозберг повторяет в эмигрантских мемуарах, а сам он в Кишинёве ни тогда ни позже не побывал, — и вколачивание гвоздей в головы жертв (и приписывает это очерку Короленко!), и изнасилования, и «несколько тысяч солдат» (стольких не было в захудалом кишинёвском гарнизоне) — «как бы охраняли» погромщиков[224].

А Россия — в публичности рубежа веков — была неопытна, неспособна внятно оправдываться; не знали ещё и приёмов таких.

Между тем «хладнокровная подготовленность» погрома всё-таки провисала и требовала более крепких доказательств, уже к размаху разогнанной кампании. И хотя адвокат Зарудный «уже закончил своё расследование, и... твёрдо установил, что главным организатором и руководителем кишинёвского погрома был начальник местной “охранки”... барон Левендаль»[225], — но даже при успехе такой версии фигура Левендаля недостаточно позорила русское правительство. Надо было непременно дотянуться до центральной власти.

И вот тут-то! — через 6 недель после погрома, — на крайнее подожжение мирового негодования и на подрыв самой сильной фигуры царского правительства был — неизвестно где, неизвестно через кого, но очень кстати — «об-

223 Remember Kischineff! (editorial) // The Jewish Chronicle, 15.5.1903, p. 21; 22.5.1903, p. 10; Baltimore Sun, 16.5.1903, p. 4.

224 *Слиозберг*, т. 3, с. 48–49, 61–64.

225 Там же.

наружен» текст «совершенно секретного письма» министра внутренних дел Плеве к кишинёвскому губернатору фон-Раабену (не циркулярно всем губернаторам черты оседлости, а только ему одному, и за 10 дней до погрома), где министр в ловких уклончивых выражениях советовал: что если в Бессарабской губернии произойдут обширные беспорядки против евреев — так он, Плеве, просит: ни в коем случае не подавлять их оружием, а только увещевать. — И вот кто-то неизвестный так же вовремя передал текст письма английскому корреспонденту в Петербурге Д.Д. Брэму (Braham) — а тот напечатал его в лондонском «Таймс» 18 мая 1903[226].

Кажется: много ли значит одна публикация в одной газете — ничем не подтверждённая ни тогда ни потом? Да сколь угодно много! даже — и наповал. А в данном случае в том же номере «Таймс» та публикация уверенно поддерживалась упомянутым выше протестом виднейших британских евреев, во главе с К. Монтефиоре (из прославленной семьи)[227].

В такой мировой обстановке, что тогда создалась, письмо это имело колоссальный успех: до сих пор всё же не доказанные, теперь «документально были доказаны» кровавые замыслы всеми ненавидимого царизма против евреев. Ещё жгучей раскатились по всему миру и газетные статьи и митинги. «Нью-Йорк Таймс» на третий день после публикации отмечает, что «уже три дня как [записка] оглашена, и никакого опровержения не последовало», а британская пресса уже считает её истинной. И «что можно сказать о цивилизации такой страны, где Министр может поставить свою подпись под такими инструкциями?»[228]. А ненаходчивое царское правительство, да ещё и не понимающее всего размера своего проигрыша, только и нашлось что отмахнуться лаконичным небрежным опровержением, подписанным главой Департамента полиции А.А. Лопухиным, и лишь на девятый день после сенсационной публикации в "Таймсе"[229], а вместо следствия о фальшивке выслало Брэма за границу.

---

[226] Times, 18.5.1903, p. 10.

[227] Protest by the Board of Deputies and the Anglo-Jewish Association // Times, 18.5.1903, p. 10.

[228] New York Times, 19.5.1903, p. 10; 21.5.1903, p. 8.

[229] Times, 27.5.1903, p. 7.

Уверенно можно сказать, что это была — подделка, и по многим соображениям. Не только то, что Брэм никогда не представил никаких доказательств подлинности текста. Не только потому, что фальшивку опроверг А.А. Лопухин, резкий недоброжелатель Плеве. Не только потому, что кн. Урусов, благорасположенный к евреям, тут же сменивший Раабена и контролировавший губернаторский архив, — не обнаружил в нём такого "письма Плеве". Не только потому, что смещённый Раабен, пострадавший разорением жизни, в слёзных попытках исправить её, — никогда не пожаловался, что то была ему директива сверху, — а ведь сразу бы исправил себе служебную карьеру да ещё стал бы кумиром либерального общества. Но и главным образом потому, что государственные архивы России — это не были мухлёванные советские архивы, где, по надобности, изготовляется любой документ, или, напротив, тайно сжигается; там — хранилось всё неприкосновенно и вечно. И сразу же после Февральской революции Чрезвычайная Следственная комиссия Временного правительства, а ещё более и ещё усерднее специальная «Комиссия для исследования истории погромов», с участием авторитетных исследователей, как С. Дубнов, Г. Красный-Адмони, — не только не нашла ни в Петербурге, ни в Кишинёве самого документа, ни даже его регистрации по входящим-исходящим, а обнаружила — всего лишь сделанный в министерстве внутренних дел русский *перевод* с английского текста Брэма. (А ещё — бумаги с «указания[ми] на строгие кары и отрешения от должностей... за всякое незаконное действие исполнительных агентов в еврейском вопросе»[230].) Да после 1917 года — чего бы опасаться? но не открылся ни один свидетель или мемуарист, который бы рассказал, откуда эта бессмертная телеграмма попала в руки Брэма, или бы похвастался, как он в этом участвовал. И от самого Брэма — ни тогда ни потом — тоже ни слова.

И тем не менее кадетская «Речь» ещё и 19 марта 1917 уверенно писала: «Кишинёвская кровавая баня, контрреволюционные погромы 1905 г. были организованы, как досконально установлено, Департаментом полиции». И в августе 1917 на Московском Государственном Совещании председатель Чрезвычайной Следственной комиссии публично

---

230 *П.П. Заварзин.* Работа тайной полиции. Париж, 1924, с. 68–69.

заявил, что «скоро представит документы Департамента полиции об организации еврейских погромов», — но ни скоро, ни нескоро, ни его Комиссия, ни потом большевики никогда ни одного такого документа не представили. И как же захрясла ложь — аж по сегодня. (У меня в «Октябре Шестнадцатого» один из персонажей упоминает кишинёвский погром, и в 1986 немецкое издательство от себя так поясняет в сноске немецким читателям: «Тщательно подготовленный двухдневный еврейский погром. Министр внутренних дел Плеве указал губернатору Бессарабии в случае погрома не пытаться сдержать его силой оружия»[231].) В современной (1996) Еврейской энциклопедии читаем уверенное: «В апреле 1903 новый министр внутренних дел В. Плеве организовал при помощи своих агентов погром в Кишинёве»[232]. (Парадоксально, но томом раньше эта же Энциклопедия сообщает: «Текст опубликованной в лондонской газете "Таймс" телеграммы Плеве... большинство исследователей считают подложным»[233].)

И вот, лжеистория кишинёвского погрома стала громче его подлинной скорбной истории. И — осмыслится ли хоть ещё через 100 лет?

Бессилие царского правительства — дряхлость власти — проявилось не только в Кишинёве: вот, и в 1905 в Закавказьи произошла азербайджано-армянская резня. Но только в случае Кишинёва обвиняли, что резня подстроена правительством.

«Евреи», писал Д. Пасманик, «никогда не приписывали погромов народу, они обвиняли в них исключительно власть, администрацию... Никакие факты не могли поколебать это совершенно поверхностное мнение»[234]. И Бикерман указывал, что, по всеобщему мнению, еврейские погромы — это форма борьбы власти против революции. Более усмотрительные рассуждали так: если в происшедших погромах и не обнаружено технической подготовки со стороны власти, то «мораль, укрепившаяся в Петербурге, такова,

231 *A. Solschenizyn*. November sechzehn. München–Zürich: Piper, 1986, S. 1149.

232 КЕЭ, т. 7, с. 347.

233 КЕЭ, т. 6, с. 533.

234 Д.С. Пасманик. Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923, с. 142.

что всякий ярый юдофоб находит самое благосклонное отношение к себе — от министра до городового». Между тем: кишинёвский судебный процесс осени 1903 года показал картину обратную.

А для российской либерально-радикальной оппозиции суд должен был превратиться в битву с самим самодержавием. На суд отправились «гражданскими истцами» виднейшие адвокаты, и христиане и евреи, — Н. Карабчевский, О. Грузенберг, С. Кальманович, А. Зарудный, Н. Соколов. А «талантливейший левый адвокат» П. Переверзев и ещё несколькие пошли в *защитники* обвиняемых: «чтобы они не боялись рассказать суду... кто их подстрекнул начать бойню»[235], — то есть что их направляла власть. А «гражданские истцы» настаивали: произвести доследование и посадить на скамью «истинных виновников»! Власти не публиковали судебные отчёты, чтобы не разжигать страсти ни в самом Кишинёве, ни уже разожжённые по всему миру. Так ещё удобнее: штат активистов вокруг «гражданских истцов» составлял свои собственные отчёты о суде и отсылал их через Румынию на всемирное распубликование. Однако ход суда это не изменило: дотошно выяснялись всего лишь морды погромщиков, а власти — виновны, несомненно, — но только в том, что не справились вовремя. И тогда группа гражданских истцов-адвокатов заявила коллективно: что «если суд отказывается привлечь к ответственности и наказать главных виновников погрома» — то есть не какого-то губернатора Раабена, на него и внимания почему-то не обращали, а — министра Плеве и центральную администрацию России, то «им, защитникам... больше нечего делать на процессе». Они «натолкнулись на такие трудности со стороны суда, которые лишают их всякой возможности... свободно и по совести защищать интересы своих клиентов, а также интересы правды»[236]. Новая адвокатская тактика прямого выхода в политику оказалась весьма успешной и многообещающей, произвела сильнейшее впечатление во всём мире. «Действия адвокатов были одобрены всеми лучшими людьми в России»[237].

---

[235] *Кроль.* Страницы..., с. 303.

[236] *Кроль* // ЕМ-2*, с. 379–380.

[237] *Слиозберг*, т. 3, с. 69.

А суд — Особое присутствие Одесской Судебной Палаты — проводился теперь последовательно. Никак не оправдались прогнозы западных газет, что «кишинёвский процесс будет издевательством над правосудием»[238]. При большом количестве обвиняемых они были разбиты на группы, по тяжести обвинений. Как сказано выше, среди обвиняемых — евреев не было[239]. Начальник губернского Жандармского Управления сообщил ещё в апреле, что из 816 арестованных — 250 освобождены от следствия и суда по бездоказанности предъявленного к ним обвинения; 466 человек сразу же и получили судебные решения за мелкие преступления (об этом свидетельство и в «Таймс»), «при чем признанные по суду виновными приговорены к наказаниям в высшей мере»; подследственных с серьёзными обвинениями — около 100, их них 36 обвиняются в убийствах и насилиях (к ноябрю — 37). В декабре тот же Начальник губернского Жандармского Управления сообщает результаты суда: лишение всех прав состояния и каторга (кому 7 лет, кому 5), лишение прав и арестантские роты (на полтора года и на год). Всего приговорены 25 подсудимых, а 12 оправданы[240]. Приговаривали именно виновных, за реальные, описанные нами преступления. И приговаривали сурово — «кишинёвская драма заканчивается обычным русским противоречием: в самом Кишинёве бунтовщики, по-видимому, подвергаются решительному судебному преследованию», писалось с удивлением в американском еврейском «Ежегоднике»[241].

Весной 1904 кассационное разбирательство в Петербурге было уже и публичным[242]. И в 1905 кишинёвский погром ещё раз рассматривался в Сенате, там выступал Винавер, ничего нового не доказав.

---

238 Times, 10.11.1903, p. 4.

239 ЕЭ, т. 9, с. 507.

240 Секретная записка на имя Директора Департамента Полиции от 27 апреля 1903 за № 1963 // Материалы..., с. 147; Times, 18.5.1903, p. 8; Секретная записка на имя Директора Департамента Полиции от 18 декабря 1903 за № 6697 // Материалы..., с. 294.

241 The American Jewish Year Book, 5664 (1903-1904), Philadelphia, 1903, p. 22.

242 *Фрумкин* // КРЕ-1, с. 60-61.

А ведь российскому царскому правительству был подан урок в кишинёвском погроме: что государство, попускающее такую резню, постыдно недееспособно. Но этот урок был бы ясен и без ядовитых подделок, без накладки ложных красок. Почему истина кишинёвского погрома показалась недостаточной? Похоже: потому, что в истине правительство выглядело бы, каким оно и было, — косным стеснителем евреев, хотя неуверенным, непоследовательным. Зато путём лжи оно было представлено — искусным, ещё как уверенным и бесконечно злым гонителем их. Такой *враг* мог быть достоин только уничтожения.

Российское правительство, давно уже менее всего успевавшее на международной сцене, — ни тогда ни затем не поняло, какое грандиозное мировое поражение оно понесло здесь. Погром этот лёг дёготным пятном на *всю* российскую историю, на мировые представления о России *в целом*, — и чёрное зарево его предвозвестило и ускорило все близкие сотрясения нашей страны.

Глава 9 — В РЕВОЛЮЦИЮ 1905

Кишинёвский погром произвёл сотрясательное, неизгладимое впечатление на российское еврейство. Жаботинский: Кишинёв — это «меж[а], разграничивающ[ая] две эпохи, две психологии». Российские евреи испытывали не просто чувство скорби, но в глубине «что-то такое, из-за чего почти забывалась самая скорбь, — это был позор»[1]. «Кишинёвская резня сыграла крупную роль в нашем общественном сознании, потому что мы тогда обратили внимание на еврейскую трусость»[2].

При уже виденной нами слабости полиции и плохой поворотливости российских властей — вполне естественно, что евреям пришла в голову мысль: а не надеяться на защиту от властей? а создавать свои вооружённые отряды и применять оружие самим? К тому призывала их и группа видных деятелей и писателей — Дубнов, Ахад-Гаам, Ровницкий, Бен-Ами, Бялик: «Братья... перестаньте плакать и молить о пощаде. Не ждите помощи от своих врагов. Пусть вам поможет ваша собственная рука»[3].

Такие призывы «действовали на еврейскую молодёжь, как электрический ток»[4]. И в накалённой обстановке после кишинёвского погрома стали быстро создаваться еврейские «отряды самообороны» в разных местах черты оседлости. Средства на такие отряды «давало обычно еврейское общество»[5], а контрабандный ввоз оружия из-за границы

---

[1] *Вл. Жаботинский*. Введение // *Х.Н. Бялик*. Песни и поэмы. СПб.: Изд. Зальцман, 1914, с. 42–43.

[2] *Вл. Жаботинский*. В траурные дни // [Сб.] Фельетоны. СПб.: Типография «Герольд», 1913, с. 25.

[3] *М. Кроль*. Кишиневский погром 1903 года и Кишиневский погромный процесс // Еврейский мир: Сб. II* (далее — ЕМ-2). Нью-Йорк: Союз русских евреев в Нью-Йорке, 1944, с. 377.

[4] Там же.

[5] *С. Диманштейн*. Революционное движение среди евреев // [Сб.] 1905: История революционного движения в отдельных очерках (далее — «1905») / Под ред. М.Н. Покровского. Т. 3, вып. 1, М.; Л.: ГИЗ, 1927, с. 150.

был для евреев вполне осуществим. Часто оружие получали и незрелые юнцы.

Вооружённых группировок среди христианского населения правительство не обнаруживало. С бомбами террористов боролось как могло. Когда же стали появляться боевые отряды, то также естественно, что правительство усмотрело в том начало полного беззакония, начатки гражданской войны — и отряды такие запрещало, сколько у него было сил и досмотра. (И сегодня повсюду в мире осуждаются и запрещаются «незаконные военизированные формирования».)

Весьма боевой такой отряд создался в Гомеле под руководством местного комитета Бунда. Ещё 1 марта 1903 гомельский комитет Бунда провёл «празднование» «казни Александра II»[6]. При примерном равенстве в Гомеле христианского и еврейского населения[7] и крайней решимости здешних еврейских социалистов, формирование вооружённых еврейских отрядов приняло особо энергичную форму. Созданная здесь еврейская самооборона проявила себя во время происшествий 29 августа и 1 сентября 1903 — гомельского погрома.

Гомельский погром, по судебному заключению, был обоюдным: и христиане и евреи нападали друг на друга.

Приходится рассмотреть привременные официальные документы, в данном случае — судебное Обвинительное заключение по гомельскому делу, основанное на немедленных полицейских донесениях. (Полицейские донесения в России в ходе XX века неоднократно доказали свою отчётливую безукоризненную точность — вплоть до суматошных февральских дней 1917 года, до самого того момента, когда полицейские участки Петрограда уже были обложены восставшими, сжигались, и точная информация оборвалась и для всех нас.)

Обвинительный акт на гомельском процессе гласит следующее. «Еврейское население... стало запасаться оружием и организовывать кружки самообороны на случай возникновения противоеврейских беспорядков... Некоторые из гомельских обывателей имели возможность наблю-

---

6 *Н.А. Бухбиндер.* Еврейское рабочее движение в Гомеле (1890–1905 г.г.) // Красная летопись: Исторический журнал. Пг.: ГИЗ, 1922, № 2–3, с. 65–69.

7 Там же, с. 38.

дать целые учения еврейской молодёжи, на которых собирались за городом человек до ста участников и упражнялись в стрельбе из револьверов»[8].

«Поголовное вооружение, с одной стороны, сознание своего численного превосходства и своей организованной сплоченности с другой — подняло дух еврейского населения настолько, что среди молодёжи их стали говорить уже не о самозащите, а о необходимости отмстить за кишинёвский погром».

Так злоба, проявленная в одном месте, потом отдаётся в другом, далёком — и на совсем невинных.

«Евреи г. Гомеля... в последнее время стали держать себя не только надменно, но и прямо вызывающе; случаи оскорбления крестьян и рабочих как на словах, так и действием стали повторяться всё чаще и чаще, и даже по отношению к интеллигентной части русского общества евреи старались всячески подчёркивать своё презрительное отношение, заставляя, например, сворачивать с тротуаров даже военных». 29 августа 1903 события разразились по мелкому базарному поводу: перебранка между торговкой селёдками Малицкой и покупателем Шалыковым, она плюнула ему в лицо, ссора перешла в драку, «на Шалыкова тотчас же набросились несколько человек евреев, свалили его на землю и принялись бить, чем попало. Человек десять крестьян... хотели вступиться за Шалыкова, но тотчас же раздались особые условные свистки евреев, на которые необычайно быстро собралась большая толпа других евреев... Очевидно тревожные сигнальные свистки... моментально подняли на ноги всё еврейское население города», «отовсюду на базар стали сбегаться и даже съезжаться на извозчиках вооружённые, чем попало, евреи. Очень быстро на Базарной ул. образовалась огромная толпа евреев и заполнила собою весь... Гостиный двор. Все прилегающие к базару улицы также были запружены евреями, вооружёнными камнями, палками, шкворнями, молотками, специально приготовленными кистенями и даже просто железными полосами. Отовсюду раздавались крики: "евреи! на базар! русский погром!" и вся эта масса, разбившись на группы, бросилась избивать убегавших от них крестьян», которых по базарному дню было много. «Побросав покупки, крестьяне — кто

[8] Киевская судебная палата: Дело о гомельском погроме // Право, СПб., 1904, № 44, с. 3041–3042.

успел — вскочили на свои подводы и спешно стали выезжать из города... Очевидцы свидетельствуют, что, настигая русских, евреи били их нещадно, били стариков, били женщин и даже детей. Одну девочку, например, стащили с подводы и, схватив за волосы, волочили по мостовой». Крестьянин Силков остановился поодаль поглазеть и ел булку. В это время пробегавший сзади еврей нанёс ему смертельный удар в шею ножом и скрылся в толпе евреев. Перечисляются и другие эпизоды. Один же офицер был спасён только заступничеством раввина Маянца и владельца соседнего дома Рудзиевского. — Подоспевшая к беспорядкам полиция была встречена «со стороны евреев градом камней и револьверными выстрелами... не только из толпы, но даже из окон и с балконов соседних домов»; «насилия над христианским населением продолжались почти до самого вечера, и лишь с прибытием воинской команды скопища евреев были рассеяны»; «евреи избивали русских и главным образом крестьян, которые... не могли оказать никакого сопротивления как по своей малочисленности по сравнению с еврейской массой, так и по отсутствию средств к самозащите... Потерпевшими в этот день были исключительно русские... много раненых и избитых»[9].

О происшествиях 29 августа Обвинительный акт заключает, что они «безусловно имели характер “русского погрома”»[10].

Возникло «глубокое негодование в христианской части населения», которое усилило «“радостное возбуждение” евреев, их “восторженное” состояние... “это вам не Кишинёв”». — 1 сентября после гудка на обед железнодорожные рабочие стали выходить из мастерских, необычайно шумно, с возгласами и перекликаниями, — и полицмейстер велел перегородить мост, ведущий в город. Тогда рабочие растеклись боковыми улицами и там «полетели камни в окна ближайших еврейских домов», а тем временем «по городу начали уже организовываться большие группы евреев», их толпа «издали стала бросать палками и камнями в толпу рабочих», «двумя брошенными из еврейской толпы кирпичами» сбили в спину полицейского пристава, он упал и потерял сознание. Русская толпа закричала: «жиды убили пристава!» — и «принялась ожесточённо громить еврейские до-

---

[9] Дело о гомельском погроме // Право. 1904, № 44, с. 3041–3043.

[10] Там же, с. 3041.

ма и лавки». Подоспевшая солдатская рота разделила две толпы и обратилась фронтами к той и другой, чем и предотвратила кровопролитие. С еврейской же стороны в солдат бросали камни и стреляли из револьверов, «осыпая бранью военных». Командир роты просил раввина Маянца и доктора Залкинда успокоить евреев, но «и их обращение к толпе успеха не имело, и евреи продолжали неистовствовать»; удалось оттеснить их только с ружьями наперевес. Главный успех роты был недопущение «громил в центральную часть города, где расположены богатые еврейские магазины и дома». Тогда толпа громил растеклась по окраинам и громила там. Полицмейстер снова увещал, но ему кричали: «Жидовский батька, ты нас предал!» Залпами роты, и в русских и в евреев, погром был прекращён, но спустя два часа возобновился в предместьи, был снова залп в погромщиков, несколько убитых и раненых, и погром прекратился. Однако в центре города Акт описывает «еврейски[е] скопища, державши[е] себя крайне вызывающе и оказывавши[е] сопротивление войскам и полиции... Так же, как и 29 августа, все они были вооружены... многие — револьверами и кинжалами» и «даже в войска, призванные для защиты их имущества, стреляли из револьверов и забрасывали их камнями»; «на шедших в одиночку русских, не исключая и солдат... нападали с оружием», убили крестьянина и нищего. За день получили «смертельные повреждения» три мещанина-еврея. К вечеру беспорядки прекратились. Смертельные ранения получили пятеро евреев и четверо христиан. «От погрома пострадало около 250 еврейских торговых и жилых помещений». У евреев «громадное большинство активно действовавших масс состояло исключительно из... молодёжи», а многие лица «более зрелого возраста», а также и дети, подавали камни, доски, брёвна[11].

Описания этих событий мы вообще не встречаем у авторов-евреев.

«Гомельский погром не застал организацию врасплох. К нему давно уже готовились, тотчас после кишинёвских событий приступили к организации самообороны»[12]. Всего через несколько месяцев после Кишинёва евреи могли уже не презирать себя за покорность, как обвинял их поэт Бя-

[11] Там же, с. 3043–3046.

[12] *Н.А. Бухбиндер*. Еврейское рабочее движение в Гомеле (1890–1905 г.г.) // Красная летопись, 1922, № 2–3, с. 69.

лик и другие. И, как вообще со всеми самовооружёнными группами, граница между защитой и нападением становилась неясной. Первое питалось кишинёвским погромом, второе революционностью организаторов.

(Активность еврейской молодёжи проявлялась и раньше. Например, в 1899 разгласился по России случай «шкловского избиения»: в городе Шклове, где жило евреев к русским 9 : 1, произошло жестокое избиение безоружных — в увольненьи со службы — русских солдат евреями. Сенат, рассмотрев эпизод, признал его проявлением племенной и религиозной вражды евреев к христианам, по той же статье, что судили кишинёвских погромщиков.)

Эту активность не приходится отнести всю на счёт одного Бунда. «Во главе этого процесса [ускоренного создания самообороны] стоят сионисты и партии, примыкающие к сионистам, — сионисты-социалисты и "Поалей-Цион"». Так и в Гомеле в 1903 «большинство отрядов было организовано партией "Поалей-Цион"» [13]. (Противоречие с Бухбиндером, превозносителем Бунда, — не предпочту, кому верить.)

Когда достигло Петербурга известие о погроме в Гомеле — Бюро Защиты евреев командировало туда двух адвокатов: тех же Зарудного и Н.Д. Соколова — для быстрейшего частного расследования. — Зарудный опять собрал «абсолютные доказательства», что погром организован Охранным отделением [14], — и опять же они остались не опубликованы и не использованы к выгоде публичности. (Вслед за ним, но 30 лет спустя, и Слиозберг, участвовавший в гомельском процессе, в своих трёхтомных воспоминаниях с непостижимой для юриста бездоказательностью, ошибаясь при этом и во времени события, и эти огорчительные промахи пожилого возраста так никем и не исправлены, — считает гомельский погром искусственно организованным полицией. Он также исключает любое нападающее действие со стороны самооборонных отрядов Бунда и Поалей-Цион. Пишет о них крайне неразборно и неясно, вроде: «молодёжь из самообороны быстро ликвидировала бесчинство и прогнала крестьян», «быстро стекались молодые люди евреи

---

[13] Л. Прайсман. Погромы и самооборона // "22": Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1986/87, № 51, с. 178.

[14] *Г.Б. Слиозберг.* Дела минувших дней: Записки русского еврея: В 3-х т. Париж, 1933–1934. Т. 3, с. 78–79.

и во многих случаях им удавалось отогнать погромщиков»[15], — как будто даже и без применения оружия?..)

Официальное расследование шло размеренно, последовательно — между тем Россия уже вдвинулась в Японскую войну. И гомельский процесс состоялся только в октябре 1904 — уже в раскалённой политической атмосфере.

Перед судом предстали 44 христианина и 36 евреев, и вызвано около 1000 свидетелей[16]. От Бюро Защиты туда были посланы адвокаты — Слиозберг, Куперник, Мандельштам, Кальманович, Ратнер, Кроль. С еврейской точки зрения несправедливым было то, что среди подсудимых вообще состоял кто-либо из евреев: этим всему русскому еврейству «было как бы дано предостережение не прибегать к самообороне»[17]. С точки же зрения русской и правительственной «самооборона» в данном случае таковой и не являлась. Но адвокаты подсудимых евреев даже не занимались деталями, не указывали на реальные уничтожения еврейского имущества, а только: вскрыть «политические мотивы» погрома, например акцентировать, что еврейская молодёжь в той свалке кричала «долой самодержавие!». Вскоре же сами адвокаты решили: покинуть своих подзащитных и всем вместе уйти с суда в знак ещё бóльшей демонстрации — повторить кишинёвский прецедент[18].

Этот находчивый и революционный ход либеральной адвокатуры был вполне в духе декабря 1904 — взорвать само судоговорение!

После их ухода «процесс стал быстро подвигаться к концу», уже по сути событий. Часть евреев была оправдана, другая часть получила наказание не строже 5 месяцев, «осуждённым христианам было назначено наказание такое же, как и евреям»[19]. В результате, осуждено было тех и других примерно поровну[20].

---

[15] *Слиозберг*, т. 3, с. 77.

[16] Дело о гомельском погроме // Право, 1904, № 44, с. 3040.

[17] Еврейская Энциклопедия (далее — ЕЭ): В 16-ти т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз–Ефрон, 1906–1913. Т. 6, с. 666.

[18] *Слиозберг*, т. 3, с. 78–87.

[19] ЕЭ, т. 6, с. 667.

[20] *Я.Г. Фрумкин*. Из истории русского еврейства // [Сб.] Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до Революции 1917 г. (далее — КРЕ-1). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960, с. 61.

Вползая в японскую войну, недальновидно упорствуя в конфликте о правах на Корею, ни император Николай II, ни окружавшие его высшие сановники начисто не понимали, насколько уязвимо международное положение России со стороны Запада, и особенно со стороны «традиционно-дружественной» Америки. Они совсем не учитывали и быстрорастущую силу западных финансистов, уже значительно влиявших на политику великих держав, при растущей их зависимости от кредита. В XIX веке такого явления ещё не было — и медлительное российское правительство не угналось уследить за ним.

А на Западе после кишинёвского погрома прочно укрепилось отвращение к России, представление как о засидевшемся чучеле, азиатской деспотической стране, где царит мрак, эксплуатация народа, безжалостное содержание революционеров в нечеловеческих страданиях и лишениях, а теперь вот — и массовые «тысячные» убийства евреев, и направляемые ведь самим правительством! (А правительство, как мы видели, не угналось рассеять эту извращённую версию вовремя, доказательно и энергично.) И на Западе стало вполне возможным, даже достойным, надеяться на скорейшую революцию в России: она была бы благом для всего мира, а в частности — для российских евреев.

И на всё это тут же наложились — и бездарность, и беспомощность, и неготовность в веде́нии той дальней войны против, тогда казалось, слабой, маленькой страны, и это — при открытой раздражённой оппозиции российской общественности, страстно желающей своей стране поражения.

Сочувствие Соединённых Штатов к Японии активно выражалось американской печатью. Американская пресса «приветствовала каждую японскую победу и не скрывала надежд, что Россия будет быстро и решительно побеждена»[21]. О том, что симпатии президента Теодора Рузвельта были на стороне Японии и он поддерживал её, дважды упо-

[21] *Foster Rhea Dulles.* The Road to Teheran: The Story of Russia and America, 1781–1943. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1944, p.p. 88–89.

минает Витте[22]. И сам Рузвельт: «как только эта война разразилась, я довёл самым вежливым и дискретным образом до сведения Германии и Франции, что в случае антияпонской комбинации» в союзе с Россией, «я тотчас встану на сторону Японии и не остановлюсь в дальнейшем ни перед чем, что окажется нужным в её интересах»[23]. Можно предположить, что такое отношение Рузвельта не могло остаться тайной для Японии.

И в этом на первый план выступил уже известный, крупнейший тогда банкир Яков Шифф — один «из величайших евреев, душевные стремления которого могли получить осуществление, благодаря его исключительному положению в мире экономическом»[24]. — «Шифф рано стал заниматься коммерческими делами», из Германии переехал в Нью-Йорк, вскоре стал во главе банка Кун, Леб и К°. К 1912 «является в Америке железнодорожным королём, ему принадлежат 22 тыс. миль рельсового пути», он «известен также в качестве щедрого и энергичного благотворителя; в особенности отзывается он на еврейские общественные нужды»[25]. Шифф горячейше принимал к сердцу судьбы российского еврейства, и был поэтому враждебен России до самого 1917. По современной Еврейской (иерусалимской, на английском языке) энциклопедии, «Шифф выдающимся образом участвовал в даче займов своему правительству и иностранным, из которых самым впечатляющим был заём Японии в 200 млн. долларов во время русско-японской войны 1904–05. Чрезвычайно разгневанный антисемитской политикой царского режима в России, он с радостью поддержал японские военные усилия. Он последовательно отказывался участвовать в займах для России и использовал своё влияние, чтобы удержать и другие фирмы от размещения русских займов, в то же время оказывая финансовую поддержку группам самообороны русских евреев»[26]. Но если

---

22 *граф С.Ю. Витте.* Воспоминания. Царствование Николая II: В 2-х т. Берлин: Слово, 1922. Т. 1, с. 376, 393.

23 *Tyler Dennett.* Roosevelt and the Russo-Japanese War. Doubleday, Page and Company, 1925 (reprinted, Gloucester, Mass.: Peter Smith, 1959), с. 2.

24 *Слиозберг*, т. 3, с. 155.

25 ЕЭ, т.16, с. 41.

26 Encyclopaedia Judaica, vol. 14. Jerusalem: Keter Publishing House Ltd., 1971, p. 961.

деньги на своё вооружение получали революционные Бунд и Поалей-Цион, то не менее вероятно, что такая помощь могла идти и другим российским революционерам (включая эсеров, в те годы резко действовавших террором). Есть свидетельство, что в разговоре с чиновником российского министерства финансов и своим дальним родственником Г.А. Виленкиным Шифф «признал, что через него поступают средства для русского революционного движения», а для остановки такой помощи «дело зашло слишком далеко»[27].

В России же барон Г.О. Гинцбург продолжал ходатайствовать за еврейское равноправие. В 1903 он во главе еврейской делегации посетил Витте: выразить пожелание российского еврейства об уравнении в гражданских правах. Витте (который в роли главы кабинета министров и раньше занимался еврейским вопросом) тогда им ответил: равноправие евреям может быть дано лишь постепенно, но, «чтобы он мог поднять этот вопрос, евреи должны усвоить себе “совсем иное поведение”» — отказаться бы от участия в общей политической деятельности. «Это не ваше дело, предоставьте это русским по крови и по гражданскому положению, не ваше дело нас учить, заботьтесь о себе». Гинцбург, Слиозберг и Кулишер согласились тогда с его мнением, остальные присутствующие — нет, и в особенности возражал Винавер: «настал момент... полно[го] равноправия для всех подданных [России]... евреи должны всеми своими силами поддерживать русских, которые этого добиваются и за это воюют с властью»[28].

А от японской войны, уже в начале 1904, российское правительство стало искать западной финансовой поддержки — и ради неё готово было обещать расширение прав евреям. По поручению Плеве видные лица снеслись об этом с бароном Гинцбургом — и был послан за границу Слиозберг для зондирования мнений среди крупнейших еврейских финансистов. Я. Шифф в принципе «отклонил всякий торг о количестве и качестве прав евреев». Он может «вступить в финансовые сношения только с правительством, которое стоит на почве признания равенства всех граждан в политических и гражданских правах... “Финансовые... отношения можно поддерживать только с цивилизованными

---

27 *Александр Давыдов*. Воспоминания. 1881–1955. Париж, 1982, с. 225.

28 *Витте*. Воспоминания..., т. 2, с. 286–287.

странами"». И парижский барон А. Ротшильд также отказался: «Не расположен пойти на финансовую комбинацию даже при тех облегчениях, которые русским правительством могут быть даны евреям»[29].

Витте удалось получить крупный заём без содействия еврейских финансовых кругов. Тем временем российское правительство в 1903–1904 предприняло шаги (частью упомянутые выше) к ослаблению ограничений еврейских прав. Первым и самым значительным из них, ещё при жизни Плеве, было, в исключение Правил 1882 г., освобождение от запрета для евреев 101 крупного населённого пункта, не считавшихся ещё городами, но многие — с оживлённой торгово-промышленной деятельностью и торговлей хлебом[30]. Затем — распоряжение о переводе группы евреев в присяжные поверенные из помощников, что было преграждено с 1889[31]. — А после убийства Плеве и с «эпохи доверия» кратковременного министра внутренних дел Святополк-Мирского ослабления продолжались. Тут — снятие ограничений 1882 с евреев, получивших высшее образование, включая жительство в запретных дотоле областях Войска Донского, Кубанской и Терской. Тут был и отменён запрет жительства в 50-вёрстной пригранничной полосе; а также возвращено (отнятое при Александре II после 1874) право повсеместного в Империи жительства и «воинским чинам из евреев... беспорочно служивши[м] в действующих войсках»[32]. И, по случаю рождения наследника трона в 1904, прощены евреям денежные взыскания за уклонения от воинской повинности.

Однако — опозданы были эти уступки. В крутом узле японской войны, куда увязла Россия, уже не принимали их, как видим, ни еврейские финансисты Запада, ни большинство еврейских деятелей России, ни, тем более, — еврейская молодёжь. И в ответ на обещательные заявления Святополк-Мирского при вступлении в должность, что евреям будет облегчена и черта оседлости и право избирать занятия, — было выдвинуто заявление «свыше 6.000 лиц» (подписи собирала Еврейская Демократическая группа): «Считаем бесплодной всякую попытку удовлетворить и успоко-

---

29 *Слиозберг*, т. 3, с. 97, 100–101.

30 ЕЭ, т. 5, с. 863.

31 *Слиозберг*, т. 2, с. 190.

32 ЕЭ, т. 5, с. 671, 864.

ить еврейское население какими-либо частичными улучшениями. Считаем несостоятельной всякую политику постепенного устранения тяготеющих над нами ограничений... Мы ждём уравнения нас в правах... как дела чести и справедливости»[33].

А от правительства, увязшего в войну, — требовать стало легче.

Само собой, при том презрении к власти, каким кипело в те годы российское образованное общество, было бы странно ожидать массовый патриотический энтузиазм от еврейской молодёжи. По данным долголетнего тогда военного министра, а затем главнокомандующего на Дальнем Востоке генерала Куропаткина, «в 1904 году число не явившихся к призыву евреев увеличилось вдвое против 1903 года. Призвано было 66.000 евреев; не явилось без уважительных причин свыше 20.000. На каждую тысячу призываемых недобор был свыше 300 человек, в то время как недобор среди русского племени составил на 1.000 человек — всего 2 человека. Да и те евреи, которые были призваны из запаса, массами бежали с пути на театр военных действий»[34].

Косвенная американская статистика подсказывает, что с начала японской войны потекла массовая эмиграция евреев призывного возраста. А именно, за два военных года иммиграция евреев в Америку возросла особо резко среди рабочего (14–44) возраста и мужчин. За 1904 и 1905 — рабочего возраста приехало на 29 тысяч больше, чем следовало бы ожидать (сравнительно с остальными иммигрантами), а мужчин прибыло на 28 тысяч больше, чем следовало бы ожидать (сравнительно с женщинами). После этих двух лет соотношение восстановилось[35]. (Газета «Киевлянин» привременно утверждала, что «20–30 тысяч солдат и запасных солдат из евреев... чуть не поголовно скрылись и бежали за границу во время японской войны»[36].)

---

[33] *Фрумкин* // КРЕ-1, с. 64, 109–110.

[34] *ген. А.Н. Куропаткин.* Задачи русской армии. СПб., 1910, т. 3, с. 344–345.

[35] ЕЭ, т. 2, с. 239–240 (сравнение со средним соотношением от 1899 до 1903).

[36] Киевлянин, 1905, 16 дек. // *В.В. Шульгин.* «Что нам в них не нравится...»: Об Антисемитизме в России*. Париж, 1929, Приложения, с. 308.

В статье «Воинская повинность в России» та же Еврейская энциклопедия приводит сравнительную таблицу недобора призывников христиан и евреев; и по официальным цифрам относительный недобор евреев в сравнении с христианами составлял, на тысячу призывников: в 1902 — соответственно 30 и 1, в 1903 — 34 и 1. По утверждению Энциклопедии, еврейские призывники могли не явиться и по причинам эмиграции, незарегистрированной смерти, неправильного учёта. Но необъяснённое отсутствие в её таблице именно 1904 и 1905 годов лишает всякой возможности прямо судить о недоборе во время войны[37].

О воевавших же Энциклопедия утверждает, что в войне участвовало тоже от 20 до 30 тыс. евреев, не считая 3 тысяч евреев-врачей; и указывает, что даже «Новое время», враждебно относившееся к евреям, признавало мужественное поведение евреев на той войне[38]. — Это вполне согласуется со свидетельством ген. Деникина: «В российской армии, солдаты-евреи, сметливые и добросовестные, создавали себе всюду нормальное положение и в мирное время. А в военное — все перегородки стирались сами собой и индивидуальная храбрость и сообразительность получали одинаковое признание»[39]. — И исторический факт: геройство Иосифа Трумпельдора, который, и руку потеряв, пожелал остаться в строю[40]. Отличился и не он один.

В конце неудачной для России японской войны президент Теодор Рузвельт согласился на посредничество в переговорах с Японией (в Портсмуте, США). Ведший эти переговоры Витте вспоминает о «депутации еврейских тузов, являвшихся ко мне два раза в Америке говорить об еврейском вопросе». Это были Яков Шифф, крупнейший юрист Луи Маршалл, Оскар Страус и др. — Теперь положение России было весьма ущемлённое, и оно диктовало российскому министру более уступчивый тон, чем в 1903. Доводы Витте «вызвал[и] резкие возражения Шиффа»[41]. Пятнадцать лет спустя член той делегации Краус, к 1920 Президент ложи Бней Брит, вспомнил их так: «Если царь не даст своему на-

[37] ЕЭ, т. 5, с. 705–707.

[38] ЕЭ, т. 3, с. 168–169.

[39] *А.И. Деникин.* Путь русского офицера. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953, с. 285.

[40] ЕЭ, т. 3, с. 169.

[41] *Витте.* Воспоминания..., т. 1, с. 394–395.

роду те свободы, на которые он имеет право, то революция сможет установить республику, через которую те свободы и будут достигнуты»[42].

В тех же неделях проявилась и ещё одна зреющая мина под русско-американскими отношениями. Провожая Витте, Т. Рузвельт передал предупреждение русскому императору, что давний (с 1832) взаимовыгодный русско-американский торговый договор пострадает, если в России будут применять вероисповедные ограничения к приезжающим американским деловым людям[43]. Этот протест — с одной стороны, конечно, принципиальный — на практике касался, в основном, уже заметного числа российских евреев, от эмиграции получивших американское гражданство. Они снова возвращались в Россию, — часто и для революционной работы, — но уже как купцы, которые не должны испытывать теперь ограничений в деятельности и местности. Этой мине предстояло взорваться несколькими годами позже.

К 1904 в Штутгарте уже не первый год издавалось «Освобождение» и бо́льшая масса русского образованного общества почти нескрываемо принадлежала душой к нелегальному Союзу Освобождения. Осенью 1904 по всем крупным городам России прокатилась «банкетная кампания» с накалёнными и вещательными тостами к свержению «режима». Из-за границы на банкеты тоже подоспевали, с публичными речами (например Тан-Богораз).

«Политическое оживление охватило все круги еврейского общества». Оно готовно втягивалось в это политическое кипячение, уже и без различия классов и партий. И «многие выдающиеся еврейские деятели, даже национально настроенные, входили... в нелегальный "Союз Освобождения"»[44]. Вместе со всем русским либеральным обществом они были «пораженцами» в японской войне. Вместе со всем обществом восторгались удавшимися «казнями» министров Боголепова, Сипягина, Плеве. А вся русская «прогрессивная» общественность даже толкала евреев в эту сторону, не допускала, чтобы еврей был правее левого демо-

42 B'nai B'rith News*, May 1920, vol. XII, No. 9.

43 *Витте.* Воспоминания..., т. 1, с. 401.

44 *Г.Я. Аронсон.* В борьбе за гражданские и национальные права: Общественные течения в русском еврействе // КРЕ-1, с. 221–222.

крата, а ещё бы естественней — социалист. Еврей-консерватор — это отталкивало! Даже в академической Еврейской Историко-Этнографической комиссии «в бурные годы уже не было времени для спокойной научной деятельности... надо было "делать историю"»[45]. — «Радикальные и революционные течения в русском еврействе всегда исходили из того, что проблема равноправия евреев... основная историческая задача российского еврейства будет разрешена только тогда, когда будет отрублена вся голова Медузы, со всеми вьющимися из неё змеями»[46].

В эти годы сильно активизировалось петербургское Бюро Защиты евреев, с задачей «бороться против антисемитской литературы и распространять надлежащие сведения о правовом положении евреев, с целью, главным образом, влиять на общественное мнение русских либеральных кругов». (В этом, пишет Слиозберг, широко помогали средства международного ЕКО.)[47] Но влиять — не столько на русское общество. В самой России не возникало филиалов Бюро — ни даже в Москве, Киеве и Одессе: с одной стороны, пропаганда сионизма поглотила «всю энергию наиболее интеллигентных евреев», с другой — пропаганда бундистская захватила бóльшую часть еврейской интеллигентной молодёжи. (Слиозберг настаивал осудить Бунд, Винавер препятствовал тому, считая, что не следует ссориться с Бундом: он «обладает энергией, пропагандистской силой».)[48] — Однако Бюро Защиты вскоре установило прочные связи взаимной информации и взаимопомощи с Американским Еврейским комитетом (президентами которого были Я. Шифф, затем Луи Маршалл), Англо-Еврейским комитетом (Клод Монтефиоре, Люсьен Вульф), Альянсом в Париже и Комитетом помощи немецким евреям (Hilfsverein der deutschen Juden, Джеймс Симон, Поль Натан)[49].

Описывает М. Кроль: «Жизненным нервом нашего кружка было "бюро прессы" [для распространения] достоверной информации о положении евреев в России в совре-

---

45 *М.Л. Вишницер.* Из петербургских воспоминаний // КРЕ-1, с. 41.

46 *Ст. Иванович.* Евреи и советская диктатура // [Сб.] Еврейский мир: Ежегодник на 1939 г. Париж: Объединение русско-еврейской интеллигенции, с. 41–42.

47 *Слиозберг*, т. 3, с. 132, 248–249.

48 Там же, с. 138, 168.

49 Там же, с. 142–147, 152–157.

12—5060

менной печати русской и иностранной». Эту работу взял на себя А.И.Браудо. «Он выполнял её превосходно. При тогдашних русских условиях такая работа должна была вестись с большой осторожностью», требовала соблюдать «строжайшую конспирацию. Даже члены “Бюро Защиты” не знали, каким образом и какими путями ему удавалось провести ту или иную кампанию в прессе… целый ряд статей, появившихся в русской или заграничной повременной печати, и нередко производивших большое впечатление, были доставлены в соответственные газеты и журналы или лично Браудо, или благодаря его усилиям»[50].

«Доставка достоверной информации» ради возбуждения «той или иной кампании в прессе» — производит несколько жутковатое впечатление, особенно зная уже весь опыт XX века. На сегодняшнем языке это называется: умелое манипулирование прессой.

В марте 1905 Бюро Защиты созвало в Вильне организационный съезд «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России»[51], но на том вскоре самораспустилось, перетекло в руководство Союза Полноправия. (Термин «полноправие» как более сильный, чем «равноправие», предложил Винавер. Ныне его смягчённо вспоминают как «Союз для достижения полного равноправия»[52].)

Хотели, чтобы этот новый Союз объединил все еврейские партии и группы[53]. Но бундисты порочили тот съезд и Союз, считая его буржуазным. Однако многие сионисты — не удержались в своей сионистской отдалённости. Поток начавшейся российской революции внёс в их ряды раскол за расколом. И из разных течений повлеклись: ну как не принять участие в том великом, что совершается вот прямо тут? А приняв участие — они повлияли на задуманное чисто гражданское направление съезда. Крепло сознание, что нельзя бороться только за гражданские права — но с той же энергией и за национальные[54].

---

[50] *М.А. Кроль.* Страницы моей жизни. Т. I, Нью-Йорк: Союз Русских Евреев в Нью-Йорке, 1944, с. 299–300.

[51] ЕЭ, т. 14, с. 515.

[52] Российская Еврейская Энциклопедия (далее — РЕЭ): 1994 — … [2-е продолж. изд., испр. и доп.]. Т. 3, М., 1997, с. 65.

[53] ЕЭ, т.14, с. 515.

[54] *Аронсон.* В борьбе за… // КРЕ-1, с. 222.

Слиозберг возражал этому влиянию сионистов, «желавших выделить евреев из числа граждан России», эти требования «заявлялись часто лишь... с демагогической целью». Ибо российское еврейство «нисколько не было стесняемо в проявлении своей национальной жизни... Было ли уместно возбуждать вопросы о национальной автономии евреев, которой в сущности не имеет ни одна национальность России, тогда, когда и сам русский народ, в своей православной части, далеко не свободен в проявлении своей религиозно-национальной жизни?» Но «время было такое, когда демагогия на еврейской улице приобретала особенное значение»[55].

Итак, вместо до сих пор всем ясного «равноправия» — ещё не достигнутого, но кажется уже не поспевающего за политическим моментом, — выдвинули лозунг еврейского *полноправия*. Под полноправием понималось: сверх равноправия ещё «национальная автономия». «Да впрочем, заявившие эти требования едва ли отдавали себе ясный отчёт о смысле и содержании этих требований. Учреждение еврейских школ никаким законом ограничено не было. Требовался русский язык... поскольку речь идёт не о хедерах. Но и... другие более цивилизованные государства... держались государственного языка как в сношениях с властями, так и в школе»[56]. — Никакой «национальной автономии» у евреев не было и в Соединённых Штатах. Однако «достиженцы» («Союз для достижения...») хотели в пределах России «национально-культурного самоопределения» с широкой автономией еврейских общин (а заодно: секуляризовать их, оторвать от еврейского же религиозного влияния — идея пригодная и сионистам, и социалистам). Позже это формулировалось как «национально-персональная автономия». (И, в частности, чтобы еврейские культурно-бытовые учреждения содержались на счёт государства, но оно не вмешивалось бы в их деятельность.) — А как может «самоуправляться» территориально-рассеянная нация? 2-й съезд Союза, в ноябре 1905, вынес решение: созывать Всероссийское Еврейское Национальное Собрание[57].

---

[55] *Слиозберг*, т. 3, с. 170–171.

[56] Там же, с. 170.

[57] ЕЭ, т. 14, с. 516.

Все эти идеи, и «национально-персональная автономия» еврейства в России, проявлялись и продержались в разных формах до самого Семнадцатого года. Однако Союз Полноправия не оказался долговечен. В конце 1906 от него откололась противосионистская Еврейская Народная группа (Винавер, Слиозберг, Кулишер, Штернберг), отказавшаяся от задачи Еврейского Национального Собрания; вскоре затем — и Еврейская Народная партия (С. Дубнов, духовный и культурный национализм, в частности гарантировать право еврейского языка повсеместно в публичной жизни, — но на какие средства и каким образом?..); и ещё Еврейская Демократическая группа (Брамсон, Ландау), близкая к трудовикам[58]. Обвиняли Союз Полноправия и в том, что он примкнул к кадетской партии и потому «не может представлять еврейское население в России»; а сионисты считали «достиженцев» «чуть ли не ассимиляторами», социалисты — упрекали в буржуазности[59]. — В начале 1907 Союз перестал существовать[60].

Сионисты же всё дальше увлекались вихрем идущей, кажется, российской революции, и в ноябре 1906 их всероссийский съезд в Гельсингфорсе признал «необходимым не только повернуться лицом к повседневным нуждам и требованиям русского еврейства, но и вложиться вплотную в его политическую и общественную борьбу»[61]; Жаботинский настаивал внести в сионистскую программу требование установить в России народовластие; Д. Пасманик отклонил возражением, что «такое требование могут выставлять лишь те, кто готовы выйти на баррикады»[62]. В конце: Съезд «санкционирует присоединение сионистов к Освободительному Движению»[63]. А оно как раз уже было на исчерпе, после провала Выборгского воззвания.

Автор этой программы Жаботинский обосновывал: конечная цель сионизма может быть осуществлена только че-

---

[58] ЕЭ, т. 7, с. 437–440.

[59] *Слиозберг*, т. 3, с. 257–258.

[60] ЕЭ, т. 14, с. 517.

[61] *Аронсон*. В борьбе за... // КРЕ-1, с. 224.

[62] *Д.С. Пасманик*. Чего же мы добиваемся? // Россия и евреи: Сб. 1 (далее — РиЕ) / Отечественное объединение русских евреев заграницей. Париж: YMCA-Press, 1978 [переизд. Берлин: Основа, 1924], с. 211.

[63] *Аронсон*. В борьбе за... // КРЕ-1*, с. 224.

рез несколько десятилетий, а в борьбе за полноправие евреи ещё лучше поймут задачи сионизма[64]. Правда, Жаботинский оговаривался: «Мы оставляем первые шеренги представителям нации-большинства. Мы отклоняем от себя несбыточную претензию *вести*: мы *присоединяемся*»[65]. То есть Палестина — Палестиной, а пока будем бороться в России. За три года до того Плеве и указывал Герцлю, что опасается именно этого поворота в сионизме.

Слиозберг видит роль сионистов никак не скромной: «сионисты после гельсингфорсского съезда решили захватывать все области еврейской общественной деятельности в свои руки», стремились «к захвату влияния на местах». (В 1-й Государственной Думе из 12 евреев-депутатов пятеро были сионистами.) Но замечает: впрочем, вся эта еврейская многопартийность была «делом небольших кружков интеллигентов», а не еврейских масс, и пропаганда этих группок «создавала только путаницу в умах»[66].

Да, ото всех этих дроблений не добавлялось определённости: за какие права — равные или полные — и в какой именно форме — гражданской или национальной — российские евреи боролись?

И не забудем: «Все эти группы, чисто интеллигентские... не включали в себя элементов ортодоксального еврейства, которое, наконец, сознало необходимость организации в целях борьбы против распространявшегося антирелигиозного настроения среди еврейской молодёжи». И так «началось то, что потом получило своё развитие в "Агудат Израиль"». Это движение было озабочено, что «революционные еврейские элементы вербовались среди нерелигиозной еврейской молодёжи», тогда как «большинство евреев, а именно ортодоксальное, стремясь к получению прав и к отмене ограничений, оста[ё]тся верноподданными престолу и далек[о] от мысли о ниспровержении существующего строя»[67].

Изучая историю российского еврейства в начале XX века, редко прочтёшь об ортодоксальных евреях. Слиозберг

---

[64] *Г. Свет.* Русские евреи в сионизме и в строительстве Палестины и Израиля // КРЕ-1, с. 263–264.

[65] *Вл. Жаботинский.* Еврейская крамола // [Сб.] Фельетоны, с. 43.

[66] *Слиозберг*, т. 3, с. 253, 255, 262.

[67] Там же, с. 255–256.

однажды заявил, на гнев Бунда, что, «имея за собою меламедов, опираюсь на большее количество евреев, чем вожаки Бунда, так как меламедов больше в еврействе, чем рабочих»[68]. С секуляризацией еврейской общественности — никак не исчезли еврейские общины черты оседлости. Не исчезли те же старые вопросы об устройстве их жизни, о религиозном образовании, о роли раввината. Уже во вре́менное спокойствие 1909 года реформа еврейской общины обсуждалась основательно на съезде в Ковно. «Работы съезда оказались чрезвычайно плодотворными, и редко еврейский съезд мог бы сравниться [с ним] по серьёзности и обдуманности принятых решений»[69].

«Ортодоксия находилась в борьбе, не всегда явной, а скрытой, против еврейской интеллигенции. Было ясно, что ортодоксия, осуждая освободительное движение среди еврейства, стремилась получить благоволение правительства»[70]. Но уже было поздно. К 1905 — самодержавие обронило вообще порядок в стране. А традиционное еврейство к этому году напрочь потеряло целое, и уже не первое, *поколение*, ушедшее в сионизм, в светский либерализм, редко в просвещённый консерватизм, а всего значительней по последствиям — в революционное движение.

Новое революционное поколение вышло на свет к рубежу века. Вожди его Григорий Гершуни и Михаил Гоц решили возобновить террор народовольцев. «Гершуни взял на себя очень трудную и ответственную задачу создать в России новую революционную партию, которая должна была быть достойной продолжательницей “Народной Воли”», и «организаторскому таланту Гершуни и ещё нескольких самоотверженных революционеров удалось уже в конце 1901 года создать» её. «Одновременно... была создана и её боевая организация. Творцом и вдохновителем этой необыкновенной организации был тот же Гершуни»[71]. — В пар-

---

[68] *Слиозберг*, т. 3, с. 258.

[69] Там же, с. 263.

[70] Там же, с. 265.

[71] *Кроль*. Страницы..., с. 283–284.

тии эсеров евреи «в первые годы её существования играли выдающуюся роль». Тут были «Ан-ский-Раппопорт, Х. Житловский, Осип Минор, И. Рубанович» и снова Марк Натансон. В БО (Боевой организации) состояли «Абрам Гоц, Дора Бриллиант, Л. Зильберберг», не говоря уже о знаменитом Азефе. В боевиках-эсерах развивался и М. Трилиссер, будущий крупнейший чекист. «Среди рядовых членов партии с.-р. также было немало евреев», хотя, считает Д. Шуб, «они всегда составляли в ней незначительное меньшинство». По его утверждению — это «наиболее *русская*» революционная партия[72]. — Центр партии перенесли для безопасности за границу (чего не делал, например, Бунд), в Женеву, к М. Гоцу и О. Минору. А неукротимый «тигр» Гершуни, притворно усыпив внимание к себе Зубатова, — успешно метался по многим губерниям России — подобно Б. Савинкову наводя террористические акты, убеждаясь в исполнении их. Так, он был на Исаакиевской площади при убийстве Сипягина; был рядом и в Уфе при убийстве губернатора Богдановича[73]; и в Харькове при убийстве губернатора Оболенского; на Невском — при неудачном покушении на Победоносцева. Исполнители «тер-актов» во всех случаях были «христиане», как П. Карпович, С. Балмашев, Е. Созонов и др. (Изготовителем бомб для убийства Плеве, в. кн. Сергея Александровича и намечавшихся убийств в. кн. Владимира Александровича, министров внутренних дел Булыгина и Дурново — был Максимилиан Швейцер, в 1905 сам взорвавшийся при изготовлении бомбы[74].) — Арестованный случайно, Гершуни был приговорён к казни, высочайше помилован без его просьбы, в 1907 изобретательно бежал из Акатуя в бочке из-под капусты, затем через Владивосток и Америку в Европу; царское правительство требовало выдачи его из Италии, но либеральная общественность в Европе стала стеной — не выдавать, повлиял и Клемансо, тоже, как известно, «тигр». Гершуни вскоре умер от саркомы лёгких. — Выделялся среди эсеровских террористов и Абрам Гоц, в его счёте — активное участие в покушениях на Дурново, Акимова, Шувалова, Трепова, доля в убийствах Мина, Римана.

---

72 *Д. Шуб.* Евреи в русской революции // ЕМ-2, с. 138.

73 Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ): 1976 — ... [продолж. изд.]. Т. 2, Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1982, с. 111.

74 РЕЭ, т. 3, с. 378–379.

(Но, не к счастью своему, он жил много дольше старшего брата, рано умершего, — и в будущем предостаточно хлебнул от большевиков.)

Смелее предыдущего революционного поколения брались теперь играть с историей. Не так знаменит, однако стоит внимания Пинхус (Пётр) Рутенберг. В 1905 готовил боевые дружины в Петербурге и снабжал их оружием. Он же вдохновитель и соратник Гапона 9 января 1905, а в 1906 «по заданию партии эсеров стал организатором и руководителем его убийства» (ещё позже опубликовал записки «Убийство Гапона»)[75]. В 1919 эмигрировал в Палестину, там прославился электрификацией страны. Там — он показал, что способен строить; но в свои ранние годы в России — он не инженерствовал, а разрушал. — Не услеживаем дальнейшей судьбы «студента Циона» — безответственного взмутчика бессмысленного свеаборгского мятежа, а сам благополучно избежал массового убоя.

Кроме эсеров, с каждым годом подрастали и новые социал-демократические борцы, говоруны и теоретики. Одни казались очень значительными на короткий период в узком кругу, как Александра Соколовская, оставшаяся в истории лишь тем, что была первой женой Троцкого и матерью двух его дочерей. — Незаслуженно мало остались отмечены Зиновий Литвин-Седой, начальник штаба краснопресненских дружин в московском вооружённом восстании; Зиновий Доссер из руководящей "тройки" того восстания. Ещё из вожаков московского восстания — «Марат»–В.Л. Шанцер, Лев Кафенгаузен, Лубоцкий-Загорский (почти на столетие давший свой псевдоним Сергиеву Посаду) и Мартын Мандельштам-Лядов, член Исполнительной Комиссии РСДРП по руководству вооружённым восстанием[76]. Другим — как Ф. Дану или О. Нахамкису — ещё только предстояло крупно профигурять, в Семнадцатом году.

Несмотря на неприязнь к евреям со стороны Бакунина, многие пошли в вожди и теоретики анархистов. «Другие русские анархисты, например, Кропоткин, не относились отрицательно к евреям и старались привлечь» их[77].

---

[75] РЕЭ, т. 2, с. 517.

[76] РЕЭ, т. 1, с. 436, 468; т. 2, с. 13, 218.

[77] КЕЭ, т. 1, с. 124.

Среди вожаков можно выделить: Якова Новомирского, Александра Ге, Льва Чёрного, В. Гордина[78]. Ещё один из вожаков анархистов, И. Гроссман-Рощин, с глубоким уважением вспоминает белостокского Арона Елина: «знаменитый террорист», но не просто «красных дел мастер», «никогда не впадает... в "механический боевизм"»[79]. — «Менее терпеливая часть еврейской массы... ищет ускоренного способа для достижения социалистического строя. И такое вспомогательное средство, "карету скорой помощи", она находит в анархизме»[80]. — Особенно сильное влечение к анархизму испытали евреи Киева и Юга, и например в материалах о Богрове встречаем немало анархистов помельче, не вошедших в историю.

Мы уже замечали раньше, но стоит повторить: не только из-за стеснений евреи густо рвались в революцию. «Участие евреев в общероссийском революционном движении только в очень небольшой степени объясняется их неравноправием... Евреи только разделяли общее настроение» борьбы с самодержавием[81]. Удивляться ли? Молодёжь интеллигентных семей, и русских и еврейских, годами слышавшая дома: «преступления власти», «правительство убийц», — кинулась в революционные действия со всей энергией и яростью. Так и Богров.

В 1905 еврейский историк С. Дубнов обвинил всех еврейских революционеров — «в национальной измене». В статье «Рабство в революции» он писал: «Та многочисленная армия еврейской молодёжи, которая занимает самое видное место в рядах Российской Социал-Демократической Партии и выдвигает там даже своих "командиров", формально порвала всякие связи с еврейством... Вы не творцы, а батраки революции или маклеры её»[82].

---

78 *А. Ветлугин.* Авантюристы Гражданской войны. Париж: Imprimerie «Zemgor», 1921, с. 65–67, 85.

79 *И. Гроссман-Рощин.* Думы о былом (Из истории белостоцкого, анархического, «чернознаменского» движения) // Былое: Журнал, посвященный истории освободительного движения. М., 1924, № 27–28, с. 179.

80 *Бен-Хойрин.* Анархизм и еврейская масса // [Сб.] Соблазн Социализма: Революция в России и евреи / Сост. А. Серебренников. Париж; М.: YMCA-Press; Русский Путь, 1995, с. 453.

81 КЕЭ, т. 7, с. 398.

82 *Диманштейн* // «1905»*, т. 3, вып. 1, с. 174.

Но, с ходом времени, взрослые всё сильнее одобряли свою революционную молодёжь. Это явление усилилось у нового поколения «отцов», и было, в общем, сильней у евреев, чем у русских. Член Государственной Думы Мейер Бомаш десятью годами позже (1916) заявит: «Мы не раскаиваемся, что евреи участвовали в освободительной борьбе... Они боролись за вашу свободу»[83]. — А полгода спустя, уже в озарении новой Революции, в марте 1917, знаменитый адвокат О.О. Грузенберг, перед руководителями Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов, страстно и с основанием заявит: «Мы щедро отдали революции огромный “процент” нашего народа — почти весь его цвет, почти всю его молодёжь... И когда в 1905 г. восстал революционный народ, в его ряды с неудержимой силой потекли без счёта еврейские борцы»[84]. Об этом и другие: «Историческая обстановка для еврейских масс в России сложилась так, что они не могли не быть активнейшими участниками революции»[85]. — «Евреи связали судьбу еврейского вопроса в России с торжеством в ней прогрессивных идей»[86].

Общий накал российского революционного движения несомненно усиливался от накала еврейских революционеров.

Но одна разночинная, интеллигентская и ремесленная молодёжь не могла совершить революции. Из первых задач было: захватить, увлечь, повести в бой русских индустриальных рабочих, и особенно петербургских. Однако, отмечает тогдашний директор Департамента полиции: «В начальной стадии своего развития рабочее движение... было чуждо политических вожделений». И даже перед самым 9 января на «экстренном собрании рабочих 27-го декабря рабочими был выгнан из залы еврей, пытавшийся произнести агитационную речь политического характера и разбросать прокламации, и были задержаны три еврейки, агитировавшие на политической почве»[87].

---

[83] Международное финансовое положение царской России во время мировой войны // Красный архив*, 1934, т. 64, с. 28.

[84] Речь, 1917, 25 марта, с. 6.

[85] *Диманштейн* // «1905», т. 3, вып. 1, с. 175.

[86] ЕЭ, т. 7, с. 370.

[87] Доклад директора департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9-го января // Красная летопись, 1922, № 1, с. 333.

Чтобы действенно увлечь петербургских рабочих, понадобилась псевдоправославная агитация Гапона.

9 января, ещё до всякой стрельбы войск, единственной сооружавшейся в тот день баррикадой (4-я линия Васильевского острова), с разрушением телеграфной и телефонной линий, затем и нападением на полицейский участок, руководил молодой Семён Рехтзаммер (сын управляющего акционерным обществом товарных складов и хлебных элеваторов). Впрочем, рабочие Васильевского острова два дня спустя проводили «особенно значительно[е]» «избиение интеллигенции»[88].

Известно, что российская революционная эмиграция в Европе приняла сообщения о расстрелах в Петербурге со смесью возмущения и восторга: наконец-то!! теперь — грянет!! — А распространить восторг — и восстание — по черте оседлости взялся недреманный Бунд, в чьём партийном гимне (Ан-ский назвал его «марсельезой еврейских рабочих) звучало:

«Довольно мы врагов своих любили,
Мы ненавидеть их хотим!!
...Костёр готов! Довольно дров найдётся,
Чтоб на весь мир разжечь святой пожар!!»[89]

(Впрочем, «Интернационал» был переведен на русский Аркадием Коцем ещё в 1902[90]. Так и возникли слова, молитвенно впитанные несколькими поколениями: «Вставай, проклятьем заклеймённый» и «Весь мир насилья мы разроем».)

Бунд немедленно выпустил воззвание («тысячах в двухстах экземпляров»): «Революция началась. Она загорелась в столице, она прокатится пожаром по всей стране... Вооружайтесь! Нападайте на оружейные магазины и разберите всё оружие... Обратите все улицы в сплошное поле битвы!»[91]

По отчёту раннесоветской «Красной Летописи»: «Петербургские события 9 января вызвали большой отклик в ев-

[88] *В. Невский.* Январские дни в Петербурге в 1905 году // Там же, с. 51, 53.

[89] [Сб.] Соблазн социализма, с. 329.

[90] РЕЭ, т. 2, с. 79.

[91] *Диманштейн* // «1905», т. 3, вып. 1, с. 144.

рейском рабочем движении: они повлекли за собой почти по всей "черте оседлости" массовое выступление еврейского пролетариата. Во главе этого выступления стоял Бунд». Чтоб обеспечить эту массовость, отряды Бунда стали обходить мастерские, заводы и фабрики и даже семьи рабочих, призывая прекратить работы, насильственно выпуская пар из котлов, снимая приводные ремни; хозяевам производств грозили, местами стреляли в них, в Витебске плеснули в хозяина серной кислотой. Это было «не стихийное выступление масс, а старательно подготовленное и организованное». Однако, сожалеет Н. Бухбиндер: «В стачках почти повсеместно участвовали одни еврейские рабочие... В целом ряде городов при попытках остановить заводы и фабрики русские рабочие оказывали сильное сопротивление». — Состоялись стачки по неделе в Вильне, Минске, Гомеле, Риге, а в Либаве и две недели. Естественно, что вмешивалась полиция, и в ряде городов при Бунде «созданы были боевые отряды с целью борьбы с полицейским террором»[92]. — В Крынках (Гродненская губ.) бастующие выстрелами изгнали полицию из местечка, прервали телеграфное сообщение, на два дня властей не стало, т.е. управлял стачечный комитет. «Факт, что рабочие, с преобладанием среди них евреев, могли стать властью ещё в начале 1905 г., был очень показателен для революции и внушил много надежд». Правда, из-за высокой активности Бунда «могло казаться, что, главным образом, недовольны евреи, и они протестуют, а остальные народы уж не очень-то революционны»[93].

К этому времени сила революционеров была в нескрываемых вооружённых отрядах «самообороны», приходившей уже в действие в гомельском погроме, а теперь сильно выросшей. «Самооборона... обычно была тесно связана с боевыми отрядами партийных организаций... Можно сказать, что вся черта еврейской оседлости была покрыта целой сетью вооружённой самообороны, которая сыграла большую роль своими боевыми действиями... Против неё могло выступать только организованное войско»[94]. — В раз-

---

[92] *Н. Бухбиндер.* 9 января и еврейское рабочее движение // Красная летопись, 1922, № 1, с. 81–87.

[93] *Диманштейн* // «1905», т. 3, вып. 1, с. 145, 147.

[94] Там же, с. 150–151.

гар революции присоединились и сионистские партии разных оттенков: в отрядах самообороны «особенно активно [участвовал] Поалей-Цион», были и «вооружённые отряды СС [сионистов-социалистов]», также и СЕРП «организова[л] боевые отряды». Таким образом, «в боевые революционные моменты эти социалисты из сионистов всех толков были вместе с нами»[95], — сообщает С. Диманштейн, в будущем видный большевик.

Свои воинственные действия Бунд продолжал и во все следующие месяцы шатко-переменчивого 1905 года. Здесь выделяются апрельские события в Житомире. По Еврейской энциклопедии, это был еврейский погром, причём «организованный полицией»[96]. — Диманштейн же, самоаттестующийся «активным участником революции 1905 г. в районах так называемой черты оседлости», пишет: «Это был не погром, а бой с войсками контрреволюции»[97]. — Старая Еврейская энциклопедия сообщает, что евреев было убито до 20 человек[98], новая: «около 50 (по другим сведениям, около 35)»[99]. По ней же: «Беспорядки начались после провокационного сообщения о том, что евреи за городом якобы стреляли в царский портрет»[100]. А «Правительственный Вестник» сообщает как факт: за две недели до погрома «толпа... до 300 человек собралась за городом... где начались упражнения в стрельбе из револьверов... в портрет Государя Императора». После того в самом городе было несколько драк между евреями и христианами — по «Правительственному Вестнику», нападали чаще евреи[101]. А в день самого события «отряды еврейской самообороны оказали героическое сопротивление погромщикам». На помощь житомирской самообороне выехал из ближнего местечка вооружённый отряд еврейских юношей и по пути в местечке Троянове «был остановлен украинскими крестьянами». «Самооборонцы пытались укрыться в домах местных евреев, но те их к себе не пустили и указали крестьянам, где спря-

95 Там же, с. 123–124.
96 КЕЭ, т. 2, с. 513.
97 *Диманштейн* // «1905», т. 3, вып. 1, с. 106, 152.
98 ЕЭ, т. 7, с. 602.
99 КЕЭ, т. 2, с. 513.
100 КЕЭ, т. 6, с. 566.
101 Право, 1905, 5 мая, с. 1483–1484.

тались двое», характерный факт: «и 10 чел. из отряда были убиты»[102].

В те годы уже был найден замечательно успешный приём: «похороны жертв революции были тогда одним из лучших способов агитации, действовавшим на массы самым зажигательным образом», отчего и «у бойцов было сознание, что их смерть будет хорошо использована для революции, и будет вызвано чувство мести, которое появляется у многих тысяч во время похорон», да и «похоронные демонстрации было сравнительно легче устраивать. Представители либерального общества считали своим долгом хлопотать о невмешательстве полиции в похороны». И вот, «похороны вошли как одна из составных частей в революционные методы пропаганды 1905 года»[103].

Летом 1905 «был сильный террор со стороны полиции, но немало и случаев мести со стороны рабочих, как бросание бомб в солдатские и казацкие патрули, убийства и ранения полицейских разных рангов; всё это практиковалось в немалом количестве», ибо сводилось «к вопросу о свёртывании или развёртывании революции в еврейском районе»[104]. Вот, в Гомеле казаки убили бундовца. На его похоронах 8-тысячная толпа, а речи на кладбище — революционные, и революция катится, катится вперёд! — А когда надо было протестовать против созыва «булыгинской» (законосовещательной) Думы — кампания «перенеслась из "биржи" в еврейском районе в синагоги... Туда же являлись во время молитвы ораторы партии... под защитой своего боевого отряда, который являлся туда вместе с докладчиком и занимал все выходы... На этих собраниях обычно принимались предлагаемые, заранее подготовленные резолюции без всяких возражений», — а куда ж было деваться бедным молящимся евреям? попробуй этим молодчикам возрази! Никак было «нельзя давать революции остановиться на этом этапе»...[105]

По проекту созыва той не состоявшейся за событиями 1905 совещательной Думы — сперва предполагалось

---

[102] КЕЭ, т. 2, с. 513; *Диманштейн* // «1905», т. 3, вып. 1, с. 152–153.

[103] *Диманштейн* // «1905», т. 3, вып. 1, с. 153.

[104] Там же, с. 164.

[105] Там же, с. 165–166.

не давать евреям избирательных прав: из той логики, что они не имеют таких в городских самоуправлениях. Однако размахи 1905 года росли, евреи-гласные городских дум, назначенные губернскими властями, то там то здесь демонстративно слагали с себя полномочия, — и по августовскому закону о выборах в Думу евреи уже получили право голоса. Но накатывала же революция — и общественность ту совещательную Думу вообще отвергла, Дума не состоялась.

Перемежаясь по интенсивности, напряжение держалось в стране весь несчастный Пятый год, и царское правительство не успевало за поступью событий. Осенью по всей России уже готовились железнодорожная и другие забастовки. И уж конечно не слабло напряжение в черте оседлости. В Северо-Западном крае в начале октября «резки[й] подъём... революционной энергии масс», «пошли новые митинги по синагогам» (тем же манером, с отрядниками на дверях, запугивая верующих евреев), «стали лихорадочно готовиться ко всеобщей забастовке». — В Вильне на митинге, собранном с разрешения губернатора, «стали стрелять в стоявший там колоссальный царский портрет, а некоторые стали его дырявить ударами стульев», через час на улице уже стреляли и в самого живого губернатора, вот он, азарт 1905 года! — А например в Гомеле не удалось договориться РСДРП с Бундом, «и они действовали вразброд», эсеры же «пошли... вместе» с сионистами-социалистами; и вот «были брошены бомбы в казаков, которые [в ответ] стали обстреливать всех и всё и избивать всех встречных без различия национальности»[106], — славненький революционный пожар! это и нужно!

И не мудрено, что «во многих местах... замечалась активная борьба состоятельных религиозных элементов еврейства против революции. Они помогали полиции ловить еврейских революционеров, срывать демонстрации, забастовки и т.п.». Не то чтобы им мило было оказаться на стороне правительства. Но, не оторвавшиеся от Бога, они не желали видеть *разрушение* жизни. Тем более не желали принимать революционный закон, ибо чтили *свой*. А для молодых революционеров религиозный «Союз ев-

[106] Там же, с. 167–168.

реев» в Белостоке и в других местах был — «черносотенный»[107].

Как обобщает большевик Диманштейн, после октябрьской всеобщей забастовки «к восстанию призывали... Бунд, СС и другие еврейские рабочие партии», но «усталость давала себя знать»[108]. В лад с большевиками Бунд затем бойкотировал и выборы в 1-ю Государственную Думу в начале 1906[109], всё ещё лелея надежды на дальнейший взрыв революции. После же явного поражения её смирился до меньшевизма; в 1907 на V съезде РСДРП из 305 депутатов было 55 бундовцев. И Бунд даже «стал поборником крайнего идишизма»[110].

В такой-то раскалённой обстановке, весьма шаткой для власти, Витте и уговорил Николая II издать Манифест 17 октября 1905. (Вернее, Витте хотел опубликовать это как сухое правительственное сообщение, но сам Николай настоял на пафосном жесте Манифеста от имени царя: он верил, что тем будут тронуты сердца подданных.) А.Д. Оболенский, составлявший для Витте первоначальный проект Манифеста, свидетельствует, что среди его трёх пунктов сперва был отдельный, особый пункт о правах и свободах евреев — но затем Витте переформулировал (а вероятно, по настоянию царя) в общий пункт о неприкосновенности личности и свободах совести, слова, собраний[111]. Отдельно о еврейском равноправии — уже не осталось. «Только в опубликованном вместе с манифестом докладе... Витте упоминалась необходимость "уравнения перед законом всех русских подданных независимо от вероисповедания и национальности"»[112].

Но: уступки следует делать заблаговременно и в позиции силы, а не в условиях уже прикативше й слабости. Либеральное и революционное общество — злорадно истолковало Манифест как капитуляцию, и оттолкнуло его. Поражены были тем и Государь, и Витте — и кое-кто из еврей-

---

107 *Диманштейн* // «1905», т. 3, вып. 1, с. 173–175.

108 Там же, с. 177–178.

109 ЕЭ, т. 5, с. 99–100.

110 КЕЭ, т. 1, с. 560.

111 Манифест 17 октября [Документы] // Красный архив, 1925, т. 11/12, с. 73, 89.

112 КЕЭ, т. 7, с. 349.

ской интеллигенции: «Достигнута была цель, к которой стремились в течение десятилетий лучшие русские люди... Добровольный по существу отказ Государя от самодержавной власти и обязательство передать законодательную власть на решение народных представителей... Казалось, всех должна была объять радостью весть об этой перемене» — а встретили её с прежней непримиримой революционностью: борьба продолжается![113] На улицах срывали национальные флаги, царские портреты и государственные гербы.

Поучительна запись беседы Витте с представителями петербургской печати 18 октября, на следующее утро после Манифеста. Витте явно ожидал благодарностей и рассчитывал на дружную поддержку прессы в успокоении умов, прямо просил её. В ответ же — начиная с резкой отповеди издателя «Биржёвки» С.М. Проппера, затем Нотовича, Ходского, Арабажина, Анненского — он только и услышал: немедленно объявить политическую амнистию! «Требование амнистии категорическое!» — «Генерал Трепов должен быть удалён с должности генерал-губернатора С.-Петербурга. Таково постановление союза газет». *Постановление союза газет!* — увести из столицы казаков и войска: «не будем выпускать газет, пока войска не удалятся»! войска — *причина* беспорядков... Охрану города — передать «народной милиции»! (То есть — революционным отрядам. То есть — создать в Петербурге условия для бойни, как вот-вот увидим в Одессе. Или, глядя ещё дальше: уже в октябре 1905 создать в Петербурге желаемую ситуацию будущей Февральской революции.) — Витте в жалкости просит: «Дайте мне передышку», «помогите мне, дайте несколько недель»; даже обходит всех с рукопожатиями[114]. (А сам вспоминает: в устах Проппера — «требования эти для меня служили признаком обезумения прессы».) Всё же правительство имело разум и мужество отказать просьбе устроить анархию — и в столице ничего худого не случилось.

(О Проппере Витте вспоминал, что он «явился в Россию из-за границы в качестве бедного еврея, плохо владеющего

[113] *Слиозберг*, т. 3, с. 175.

[114] Манифест 17 октября [Документы] // Красный архив, 1925, т. 11/12, с. 99–105.

русским языком... пролез в прессу и затем сделался хозяином "Биржевых Ведомостей", шляясь по передним влиятельных лиц... когда я был министром финансов [Проппер] выпрашивал казённые объявления, различные льготы и, наконец, выпросил у меня [звание] коммерции советника». А в эту встречу, вот, предъявил «довольно нахальные... не то требования, не то заявления», «мы правительству вообще не верим»[115].)

Выпадающий из радикального потока прессы «Киевлянин» в том же октябре поместил рассказ офицера, воротившегося из полуторалетнего японского плена как раз в эти октябрьские дни в Москву и поначалу растроганного до слёз щедростью царского Манифеста, открывающего пути, благотворные для страны. А встретил он от московской толпы, по одному лишь своему виду боевого офицера во фронтовой защитной форме, — «опричник, ставленник, царский холоп...» В большом митинге на Театральной площади «оратор призывал к борьбе, к разрушению». А новый оратор начал с «долой самодержавие!» .«Акцент выдавал его еврейское происхождение... а русские люди слушали, и ни один не сказал ему ни одного слова в ответ». Кивали на ругательные оскорбления царя и его семьи, а всех без исключения казаков, полицейских и военных — бить!! И все московские газеты звали к вооружённой борьбе[116].

В Петербурге, как известно, ещё 13 октября учредился «Совет рабочих депутатов», с несравненными руководителями Парвусом и Троцким, да ещё с подставным Хрусталёвым-Носарём. Ставка Совета была — на полное сокрушение власти правительства.

Ещё сильней — и с трагической развязкой — октябрьские события разразились в Киеве и в Одессе. Они привели к двум крупным еврейским погромам, которые и следует здесь рассмотреть. По обоим погромам имеются подробные отчёты *сенаторских ревизий* — высший класс достоверного расследования, применявшийся в императорской России: Сенат был авторитетнейшим и независимым юридическим учреждением.

---

[115] *Витте.* Воспоминания..., т. 2, с. 52–54.

[116] Киевлянин, 1905, № 305 // *Шульгин**, Приложения, с. 271–274.

По киевскому погрому — ревизия сенатора Турау[117]. Он пишет, что причины погрома «находят себе объяснение в общем состоянии смуты, охватившей за последние годы всю Россию», — и убедительно показывает это, описывая всю предысторию и ход событий в Киеве.

Напомним: после петербургского 9 января, после многомесячной раскачки общественного негодования, после позорно проигрываемой японской войны — императорское правительство не нашло лучшего способа «успокоения», как объявить, 27 августа, полную административную автономность высших учебных заведений и их территорий. И этим — ещё раздуло безудержный революционный раскал.

Так открылась, пишет сенатор Турау, «безконтрольн[ая] свобод[а] доступа в учебные заведения лиц, ничего общего не имеющих с научной деятельностью этих заведений», доступа — «с целью политической агитации». В киевских университете и политехническом институте «состоялся ряд публичных собраний студентов при участии посторонней публики», получивших название «народных митингов», с каждым днём все многолюднее, к концу сентября и до «нескольких тысяч человек». На этих митингах, при красных флагах, «произносились страстные речи о непригодности существующего государственного строя, — о необходимости борьбы с правительством», «производились сборы пожертвований на приобретение оружия», «раздавались прокламации и продавались брошюры революционного направления». — «К половине октября постепенно обратили как университет, так и политехнический институт в арену открытой и ничем не стесняемой противоправительственной пропаганды. Революционные агитаторы, ещё недавно подвергавшиеся преследованию властей за устройство тайных кружков и собраний в помещениях, принадлежавших частным лицам, чувствовали себя теперь неуязвимыми», «составляли и обсуждали планы действий, направленных к борьбе с существующим государственным

---

117 Всеподданнейший отчет о произведенном сенатором Турау исследовании причин беспорядков, бывших в гор. Киеве // Материалы к истории русской контр-революции. Т. 1. Погромы по официальным документам. СПб., 1908, с. 203–296.

строем». Но и этого оказалось мало, и стали революцию расширять: как привлечением на эти митинги «воспитанников и воспитанниц средних учебных заведений», то есть гимназистов, так и переносом революционных действий: то в зал купеческого собрания на съезд врачей-психиатров (с хор — речь студента о еврейских погромах в Кишинёве, Гомеле, — и посыпали прокламации в зал с криками: «долой полицию, долой самодержавие»); то — на заседание литературно-артистического общества (разбили стёкла в окнах, бросали «в городовых обломки стульев и перил»). И никакая власть не имела права помешать тому: автономные университеты уже имели *свой* закон.

И описание этих событий, основанное на показаниях более 500 свидетелей, всюду в отчёте перемежается замечаниями о евреях, выделяющихся в этой революционной толпе. «В годы русской революции 1905–1907 политическая активность евреев значительно возросла». Очевидно, это бросалось в глаза по новизне. «Еврейская молодёжь, говорится в отчёте, преобладала и на митинге 9 сентября в политехническом институте»; и при оккупации помещения литературно-артистического общества»; и 23 сентября в актовом зале университета, где «сошлось до 5 тысяч студентов и посторонних лиц и в том числе более 500 женщин». 3 октября в политехническом институте «собралось до 5 тысяч человек... преобладала еврейская молодёжь женского пола». И дальнейшие упоминания о преимущественном участии евреев: на митингах 5–9 октября; и в митинге 12 октября в университете, где «приняли участие служащие в железнодорожных управлениях, студенты и лица неопределённых профессий»; и «массы евреев обоего пола» 13 октября на митинге в университете, где уже «собралось до десяти тысяч человек разнородной публики», речи произносились эсерами и бундовцами. (Еврейская энциклопедия подтверждает, расширительно в сравнении с Киевом, что в этих движениях, праздновавших получение свобод, «в районах черты оседлости большинство демонстрантов были евреями»; однако характеризует как «ложные» сведения, что в Екатеринославе «ходили по улицам и собирали деньги на гроб царя», а в Киеве «разорвали царские портреты в здании городской думы»[118]. Но как раз последний факт подтверждается ревизией Турау.)

---

118 КЕЭ, т. 6, с. 567.

В октябре революционная раскачка в Киеве всё увеличивалась. Александр Шлихтер (известный в будущем большевик, мастер насильственных хлебозаготовок и «комиссар земледелия» Украины перед её голодным мором) возбудил забастовку юго-западных железных дорог: направлений на Полтаву, Курск, Воронеж и Москву. (Запугивая рабочих насилиями, вызвали забастовку и на киевском машиностроительном 12 октября. В университете производили «усиленный сбор "на оружие", причём присутствовавшие бросали и золотые монеты, и крупные кредитные билеты, и серебро, а одна дама вынула даже из ушей серьги». Составлены были «летучие отряды» для насильственного прекращения занятий во всех гимназиях, на всех фабриках, для остановки трамвая, торговли в магазинах, и «с целью вооружённого сопротивления войскам и полиции». Решено было «перенести на улицу» всё движение. 14 октября, по соглашению издателей газет, все они, кроме правого «Киевлянина», прекратили выпуск всех изданий, кроме «телеграмм, имеющих отношение к освободительному движению». — «Летучие отряды» отнимали ручки от моторов у трамвайных вагоновожатых, выбивали камнями стёкла трамваев (были случаи поранения пассажиров). Всё и всюду закрывалось и прекращало деятельность при первом же появлении агитаторов; почтово-телеграфную контору остановили угрозой бомб; в университет на митинг под председательством Шлихтера текли группы студентов, гимназистов, «а также еврейская молодёжь разных профессий».

Тут власть приняла первые меры. Объявлен запрет сборищ на улицах и площадях, университет и политехнический оцеплены войсками, дабы пропускать туда только студентов, «арестовано... несколько человек за оскорбление полиции и войск», несколько эсеров и социал-демократов, присяжный поверенный Ратнер, принимавший «видное участие в народных митингах» (Шлихтер скрылся). Снова пошли трамваи, открылись магазины, и дни 16–17 октября прошли в Киеве спокойно.

И вот в такую-то (по многим местам России) обстановку — 17 октября был брошен, в надежде на благодарность населения, высочайший Манифест о свободах и введении думского (парламентского) образа правления. Телеграфные слухи достигли Киева в ночь на 18-е, утром 18-го листки с Манифестом раскупались и раздавались на улицах (а номера «Киевлянина» «раскупались... учащейся еврейской моло-

дёжью и тут же демонстративно разрывались на части»). Власти немедля освободили из-под стражи и арестованных в предыдущие дни и прежде «привлечённых к дознаниям за государственные преступления», кроме употреблявших взрывчатые вещества. На улицах отсутствовала полиция и войска, собирались «многочисленные скопища народа», сперва мирные. — «Возле университета образовалась многотысячная толпа» из студентов, гимназистов «и из значительного числа еврейской молодёжи обоего пола». По их требованию ректор университета «приказал открыть парадные двери главного здания». Тотчас в зал «ворвалась часть уличной толпы, мгновенно уничтожила императорские портреты, разорвала красное сукно» на флаги и ленты, а некоторые «начали громко приглашать публику стать на колени перед [появившимся] Шлихтером, как жертвой произвола». И «стоявшие вблизи него, действительно, опустились на колени», но другая часть публики «во всём происшедшем усмотрела оскорбление своих национальных чувств». — Затем толпа направилась на Крещатик к городской думе, во главе её ехал на коне Шлихтер с красным бантом и при остановках держал речи, «что борьба с правительством не закончена». Тем временем в Николаевском парке «евреи, набросив на памятник [Николая I] аркан, старались стащить статую императора с пьедестала»; «на другой улице евреи, украшенные красными бантами, стали оскорблять четырёх проходивших мимо солдат: они на них плевали»; на Софийской площади толпа бросала камни в воинский патруль, ушибла шестерых солдат, и два манифестанта были ранены от ответных выстрелов. — Между тем к исполняющему обязанности городского головы явилась группа мирных лиц и «просила открыть зал думских заседаний», чтобы благодарные манифестанты могли «выразить свои чувства по поводу высочайшего Манифеста. Желание публики было исполнено», и состоялся действительно мирный «митинг под председательством гласного Шефтеля». Но подвалила новая многотысячная толпа с красными значками и повязками, она «состояла из студентов и лиц разного звания, возраста, пола и состояния, при чём особенно выделялись евреи», часть ворвалась в думский зал, остальные заняли площадь перед думой. «Мгновенно все национальные флаги, которыми, по случаю Манифеста, была украшена дума, были сорваны, и их места заняли красные и чёрные знамёна». — Тут ещё одна толпа принесла на руках при-

сяжного поверенного Ратнера, только что освобождённого, он звал идти освобождать и других из тюрьмы, на балконе думы с ним публично целовался Шлихтер, а тот «призывал население к всеобщей политической забастовке... и дерзостно отозвался об особе Государя императора. В это время участниками толпы были изорваны в клочки находившиеся в зале думы императорские портреты, а также поломаны зерцало и царские вензеля, устроенные на думском балконе для иллюминации»; «несомненно, что в уничтожении портретов и вензелей принимали участие как русские, так и евреи», корону «ломал какой-то русский рабочий», потом по требованию некоторых из толпы её поставили на прежнее место, «однако минут пять спустя она снова была сброшена, в этот раз уже евреем, который затем сломал и половину буквы "Н"», «ещё какой-то молодой человек, по наружному виду еврей», ломал венок вокруг вензеля. А в думе всю мебель разломали, из разбитых шкафов выбрасывали деловые бумаги и рвали их. Распоряжался в думе Шлихтер, по коридорам ходили «сборщики денег на неизвестные цели». — Толпа перед думой всё возбуждалась, с крыш остановленных трамваев ораторы произносили зажигающие речи; с думского балкона успешнее всего ораторствовали Ратнер и Шлихтер. «Еврей-подмастерье кричал с балкона: "долой самодержавие"; другой, прилично одетый еврей кричал: "валяй на мясо"»; ещё «другой еврей, вырезав в портрете Государя голову, высунул свою в образовавшееся таким образом отверстие, и с [балкона] думы кричал толпе: "теперь я государь"»; «здание думы совершенно перешло во власть членов крайних социал-революционных партий и сочувствующей им еврейской молодёжи, потерявшей всякое самообладание».

Смею сказать, что в такой неистовости ликования проявилась черта и неумная и недобрая: неспособность удерживаться на границе меры. Что толкало евреев, среди этих невежественно ликующих киевских сборищ, так дерзко предавать осмешке то, что ещё свято простому народу? понимая неутверженное положение в государстве своего народа, своих близких, — могли бы они 18–19 октября по десяткам городов не бросаться в демонстрации с таким жаром, чтобы становиться их душой, и порой большинством?

Читаем дальше отчёт Турау. «Уважение к национальному чувству народа, к предметам его почитания было за-

быто. Казалось, одна часть населения... не стеснялась в способах выражения своего презрения...»; «возбуждение народное, вызванное поруганием высочайших портретов, было необычайное. Некоторые из стоящих перед думой стали кричать "кто снял царя с престола?", другие плакали». «Не нужно было быть пророком для того, чтобы предсказать, что такие оскорбления для евреев не пройдут даром», «тут же, у думы, стали раздаваться голоса, выражавшие удивление по поводу бездействия властей; кое-где в толпе... послышались крики "надо бить жидов"». — А у думы стояла бездейственно и полиция и рота пехоты. Тут коротко подъехал эскадрон драгун, по нему стреляли из окон думы и с балкона, а на роту полетели сверху камни и бутылки, и стали обстреливать её из револьверов с разных сторон: из думы, из биржевого зала, из толпы демонстрантов. Несколько солдат было ранено, командир роты велел открыть огонь пачками, притом было убито семеро, ранено 130 человек, и толпа с площади рассеялась. — Но к вечеру того же 18 октября «весть о поруганных императорских портретах, о сломанной короне, вензелях, об изорванных национальных флагах быстро разнеслась по всему городу вплоть до окраин. На многих улицах можно было наблюдать кучки людей, в большинстве рабочих, мастеровых и торговцев, оживлённо беседовавших обо всём происшедшем и во всём обвинявших евреев, которые всегда особенно резко выделялись среди манифестантов», «толпа рабочих на Подоле решила... ловить всех "демократов"... подстрекавших к последним беспорядкам, и сажать их под арест "до распоряжения Государя императора"». — Вечером «на Александровской площади появилась первая группа манифестантов с портретом Государя императора, певшая народный гимн. Группа эта быстро увеличилась, и так как с Крещатика расходилось много евреев с красными лентами в петлицах, то на них, как на предполагаемых виновников думской демонстрации, стали набрасываться и избивать отдельных лиц». И это было — уже начало еврейского погрома.

Теперь, чтобы нам осмыслить и непростительное бездействие властей при разгроме думы и оскорблении национальных символов — а затем ещё горшее непростительное бездействие их при самом погроме, — надо взглянуть, что же делалось *внутри* этих властей. Сперва это может показаться стечением обстоятельств. Но слишком густо они вдруг стеклись в Киеве (и слишком нередко стекались в дру-

гих местах), чтобы не увидеть в них уже роковую немочь имперской администрации последних десятилетий.

Киевский губернатор — вовсе отсутствовал. Вице-губернатор Рафальский только-только вступил в свою должность, ещё не освоился, и тем более неуверенно исполнял обязанности губернатора, которого замещал *временно*. Стоявший над губернатором верховный хозяин обширного края генерал-губернатор Клейгельс ещё в начале октября подал ходатайство об освобождении своём от должности — по болезни. (Истинные мотивы неизвестны, не исключено, что на его просьбу повлияло всё сентябрьское революционное бурление, с которым он не видел пути справиться.) Так или иначе, но и себя он с этого момента ощущал *временным*. А в октябре на него продолжали валиться директивы из министерства внутренних дел, — 10 октября: принять самые энергичные меры «к недопущению уличных беспорядков и к прекращению их всеми силами в случае возникновения»; 12 октября: «подавлять уличные манифестации, не останавливаясь перед применением вооружённой силы»; 13 октября: «не допускать никаких уличных скопищ и сборищ и, по мере надобности, рассеивать их оружием». А 14 октября, как мы уже видели, киевские беспорядки перешли опасную черту. Клейгельс созвал совещание своих высших чинов, среди которых отметим киевского полицмейстера полковника Цихоцкого и помощника начальника (самого начальника и тут нет) охранного отделения Кулябку — того самого хлопотуна и рохлю, который скоро по глупости наведёт смертельный удар на Столыпина. Из панического доклада Кулябки вытекала возможность не только вооружённых уличных демонстраций в Киеве, но даже и вооружённого восстания. — Тогда, уже не полагаясь на силы полиции, Клейгельс применил правило «о призыве войск для содействия гражданским властям» — и с 14 октября передал «свою власть и полномочия военному начальству», именно: *временно* командующему войсками (командующий и тут отсутствует, да ведь обстановка самая беззаботная) Киевского военного округа ген.-лейтенанту Карассу. И тогда корпусной генерал Драке вступил в отправление обязанностей начальника охраны города. (Усмешка Империи: по какой из перечисленных фамилий этих чинов можно догадаться, что действие происходит в России?) Генерал Карасс «был поставлен в самое затруднительное положение», ибо не знал «общего состояния дел, а также личного состава ад-

министрации и полиции»; «передавая должность, генерал Клейгельс не нашёл нужным облегчить задачу своего преемника: он ограничился исполнением одной лишь формальности и немедленно устранил себя от всех дел».

Тут подошло время сказать о полицмейстере Цихоцком. Ещё при ревизии 1902 года обнаружилось, что с ведома Цихоцкого брались поборы с евреев за разрешения на право жительства. Тогда же обнаружилось, что он живёт «выше получаемого содержания», купил себе и зятю имения по 100 тыс. руб. И уже стал вопрос о предании Цихоцкого суду, — но тут назначен был генерал-губернатором Клейгельс — и вскоре (не иначе как получив крупную взятку) он ходатайствовал об оставлении Цихоцкого на посту, и даже возвести его в обер-полицмейстеры и присвоить звание генерал-майора. Возвышение не удалось, но и увольнение и отдача под суд тоже не состоялись, хотя на том настаивал генерал-майор Трепов из Петербурга. (Уже после всех событий выяснилось, что Цихоцкий и продвижение в чинах по полиции устраивал за взятки.) Вероятно, уже с начала октября Цихоцкому и было известно, что Клейгельс подал в отставку, — и у него тогда опустились руки, что он обречён. А в ночь на 18 октября — одновременно с царским Манифестом — пришла из Петербурга и окончательная отставка Клейгельса. И Цихоцкому не осталось что терять. (Ещё деталь: в такой тревожный момент Клейгельс отрешался ещё *до* прибытия заместника — а именно жемчужины царской администрации генерала Сухомлинова, впоследствии военного министра, провалившего подготовку к войне с Германией; и должность генерал-губернатора пока *временно* возлагалась всё на того же генерала Карасса.) И вот, «замешательство в полицейской службе, обнаружившееся после передачи охраны города военным властям, не только не было своевременно устранено, но продолжало усиливаться и особенно резко проявилось во время еврейских беспорядков».

Отказ Клейгельса «от “своих полномочий”... передача их на неопределённое время военным властям г. Киева были главной причиной неопределённых взаимных отношений, установившихся вслед за тем между гражданскими и военными властями», «пределы и объём власти [военной охраны] никому не были известны», и эта неясность положения «должна была повлечь за собой общее расстройство в отправлении службы». И это немедленно обнаружилось при

возникновении еврейского погрома. «Многие чины полиции были вполне уверены, что власть всецело перешла к военному начальству, и что только войска уполномочены действовать и подавлять беспорядки», поэтому они «безучастно относились к совершавшимся в их присутствии беспорядкам. — Войска же, ссылаясь на [статью] правил о призыве войск для содействия гражданским властям, ожидали указаний со стороны полиции, считая, что на них не возложено исполнение полицейских обязанностей и... были совершенно правы»: «по точному смыслу» правил, гражданские власти, «присутствуя лично на местах беспорядков, должны направлять совместную деятельность полиции и вызванных войск к надлежащему и целесообразному их подавлению». И когда именно надо прибегать к оружию — определяется тоже гражданским начальством. К тому же «Клейгельс не позаботился ознакомить военное начальство ни с положением дел в городе, ни с имевшимися у него сведениями о революционном движении в Киеве». И вот «по городу стали бесцельно ходить отдельные части войск», дозоры и патрули.

Итак, еврейский погром начался к вечеру 18 октября. «В первоначальной своей стадии погром, несомненно, имел характер мщения за поруганное национальное чувство. Подвергая встречаемых на улице евреев побоям, разбивая магазины, топча в грязь выброшенные оттуда товары, громилы приговаривали: “вот тебе свобода, вот тебе конституция и революция; вот тебе царские портреты и корона”». — И ещё на другое утро, 19-го, из думы на Софийскую площадь пошла тысячная толпа, несла пустые рамки от разбитых царских портретов, царский вензель и разбитое зерцало. Заходила в университет, поправляла повреждённые портреты, отслужила молебен, а «митрополит Флавиан увещал народ не бесчинствовать и разойтись по домам». «Но в то время как лица, составлявшие центр патриотической демонстрации... поддерживали в ней образцовый порядок, люди, примыкавшие к ней по дороге, позволяли себе всевозможные насилия по отношению ко встречным евреям и носящим форму учебных заведений». Затем к таким демонстрациям присоединились «чернорабочие, бездомные обыватели толкучего рынка и береговые босяки», «группы громил разбивали еврейские квартиры и лавки и выбрасывали оттуда на улицу имущества и товары, которые частью тут же уничтожались, частью расхищались»; «прислуга, двор-

ники, мелкие лавочники» в том, чтобы воспользоваться имуществом, «не видели, по-видимому, ничего предосудительного»; «были, впрочем, среди громил и такие, которые до самого последнего дня беспорядков оставались чуждыми корыстных побуждений», «они выхватывали из рук своих товарищей расхищаемые последними вещи и, не обращая внимания на ценность, тут же уничтожали их». Погромщики проходили, не трогая, лавки караимов и «те еврейские квартиры, где им показывали императорские портреты». «Но в общем уже через несколько часов после возникновения беспорядков еврейский погром получил характер разбоя, самого беспощадного». 18-го погром продолжался до поздней ночи и прекратился сам собой, с утра 19-го возобновился и кончился лишь к вечеру 20-го. (Поджогов не было, кроме одного на Подоле.) 19-го «расхищались богатейшие еврейские магазины даже в центре — на Крещатике. Массивные железные ставни и запоры взламывались после упорной и продолжительной работы громил в течение получаса»; «дорогие сукна, бархаты выбрасывались из магазинов и, как ненужная ветошь, расстилались под дождём на грязных улицах. Тротуар перед магазином ювелирных и серебряных изделий Маршака на Крещатике покрыт был выброшенными из него драгоценными вещами», также — из магазинов галантерейных, модных; валялись конторские книги, торговая переписка. В Липках (аристократический квартал) «подверглись разгрому дома-особняки евреев барона Гинцбурга, Гальперна, Александра и Льва Бродских, Ландау и нескольких других. Вся роскошная обстановка этих домов была уничтожена, мебель поломана и выброшена на улицу», также «подверглось разгрому образцовое еврейское училище имени Бродского», «совершенно разрушены мраморные лестницы и железные перила». Всего было «разграблено около полутора тысячи еврейских квартир и торговых помещений». Исходя из того, что «почти две трети всей торговли в городе находилось в руках евреев», Турау исчисляет убытки, вместе с домами богачей, «в несколько миллионов рублей». Собирались громить не только еврейские дома, но и квартиры известных либеральных общественных деятелей. — 19-го епископ Платон «совершал крестный ход по улицам Подола, где разгром был особенно силён, и увещевал народ прекратить бесчинства. Умоляя толпу пощадить жизнь и имущество евреев, владыка несколько раз опускался перед нею на колени... Из толпы

подскочил какой-то громила и с угрозой крикнул: “И ты за жидов”».

Как всё беспорядочно было на верхах власти — мы уже видели. «Со стороны генерала Драке не было проявлено должной распорядительности для надлежащей, правильной организации охраны». Войска были «несоответственно разбросаны мелкими командами», «масса лишних патрулей» и «люди часто стоят без дела». И вот — «в дни погрома поражало то несомненное для всех, близкое к попустительству бездействие, которое было проявлено и войсками, и чинами полиции... полиция почти отсутствовала, войска медленно двигались посредине улицы, деятельно обстреливая дома, из которых раздавались выстрелы, а по обеим сторонам улиц громились беспрепятственно еврейские магазины и квартиры». Один прокурор просил проезжающий казачий разъезд о защите громимых неподалеку магазинов, «казаки ответили, что туда не поедут, так как это не их участок».

Но более того: ряд свидетелей получил «впечатление, будто чины полиции и войска присланы не для рассеяния, а для охраны громил». В одном месте солдаты ответили: «приказано смотреть, чтобы драки не было, и чтобы русских не били». В другом солдаты отвечали: «Мы присягали Богу и Государю», а не защищать «тех, которые изорвали царские портреты и надругались». Офицеры же «считали себя бессильными прекратить беспорядки, находя, что употребить оружие они могут лишь тогда, когда насильственные действия громил будут направлены против войск». Вот из дома «выбежал избитый и окровавленный еврей, преследуемый толпой. Стоявшая тут же рота не обратила на это никакого внимания и спокойно направилась вверх по улице». Вот «грабители ножками от столов в буквальном смысле убивали двух евреев; тут же, в 10 шагах, стоял кавалерийский разъезд, спокойно смотревший на эту дикую расправу». Немудрено, что простонародные голоса толковали и так: «Нам дана царская милость: позволено бить жидов 6 дней»; и у солдат: «сами видите, мыслимо ли это без дозволения начальства?» Чины же полиции «на обращённое к ним требование прекращать беспорядки возражали, что они ничего не могут сделать, так как вся власть перешла к военному начальству». Были и другие случаи: толпа громил бежала целый квартал «под натиском пристава... с револьвером в руке и с одним только городовым», а «околоточный

надзиратель Остроменский» «с 3 городовыми и несколькими солдатами, даже не прибегая к оружию... защитил весь свой околоток от разгрома».

У погромщиков — не было огнестрельного оружия, у еврейских же юношей оно было. Однако в отличие от Гомеля, еврейская самооборона не была хорошо организована, хотя «из многих домов стали раздаваться выстрелы» членов самообороны, организованной «как евреями, так и русскими для защиты первых»; «несомненно, были случаи, когда подобные выстрелы направлялись в войска и являлись актом мести за стрельбу их во время демонстраций» предыдущих дней; «были случаи, когда евреи стреляли и в патриотические процессии, являвшиеся ответом на предшествовавшие революционные». Но эти выстрелы «повели к печальным результатам. Нисколько не устрашая громил, они давали войскам формальное право действовать по инструкциям», «каждый раз, как только из какого-либо дома раздавались выстрелы, находившаяся тут же на улице воинская часть, нередко не разбирая, направлены ли пули в неё, или в громил, давала залп по окнам дома, после чего толпа» набрасывалась на тот дом и громила. «Бывали случаи, когда некоторые дома подвергались обстрелу только потому, что громилы указывали... будто из домов этих стреляли»; «бывало также, что сами громилы, взобравшись на лестницу... дома, стреляли оттуда на улицу, чтобы вызвать ответный залп воинской части» и затем громить тот дом.

А дальше — хуже. «Некоторые городовые и бывшие в наряде солдаты не пренебрегали товарами, выброшенными громилами из магазинов, и, подбирая, прятали их в карманы или под шинели». И хотя эти случаи были «лишь редкими, единичными явлениями», отмечен один городовой, который сам разбивал дверь еврейского магазина, и ещё один ефрейтор. (Ложные слухи об армейском грабеже разнеслись потому, что генерал Эверт в своём отделе города скомандовал отбирать у громил и с места погромов уносить вещи и товары на воинские склады, позже возвращённые под расписки еврейской общине. Так было спасено имущества на десятки тысяч рублей.)

Но что удивляться, если негодяй Цихоцкий, потерпев крушение в карьере, не только не принимал никаких мер к действиям полиции (узнав о начале погрома вечером 18-го, он только поздно вечером 19-го известил своих приставов

телеграммами), не давал никаких указаний генералам из военной охраны, но и сам, объезжая город, «спокойно и безучастно смотрел на происходившее», только говорил грабителям: «расходитесь, господа» (а те ободряли друг друга: «не бойся, это он в шутку»); а когда с балкона думы кричали «бейте жидов, грабь, ломай!», и толпа подхватила полицмейстера качать — Цихоцкий затем «на крики "ура" отвечал поклонами». Только получив 20 октября от генерала Карасса резкую угрозу (а управляющий ген.-губернаторской канцелярией предупредил, что Цихоцкому не миновать каторги), — велел полиции принять решительные меры против погромов. Сенатор Турау и предал его суду.

Ещё один обиженный генерал из охраны города, Бессонов, «стоял в толпе громил и мирно беседовал с ними: "Громить можно, но грабить не следует". Громилы кричали "ура"». И в другом случае оставался «хладнокровным зрителем грабежа. Когда же один из громил крикнул "бей жидов", [Бессонов] в ответ одобрительно засмеялся». Одному доктору он якобы объяснил, что «если бы он хотел, погром окончился бы в полчаса, но евреи приняли слишком большое участие в революционном движении и потому должны поплатиться». — После погрома в затребованном военным начальством объяснении он отрицал приписываемые ему одобрительные разговоры о погроме, а что, напротив тому, призывал жителей остановить погром: «пожалейте нас, не доводите войска до действия оружием... до пролития своей же, русской крови».

К генералу Карассу текли непрерывные депутации, требовали одни — удаления из города войск, другие — приказания действовать оружием, третьи, четвёртые и пятые — об охране их имущества. Между тем всё 19-е число бездействовала полиция, и воинские начальники плохо или бестолково выполняли распоряжения. С 20 октября Карасс отдал распоряжение «оцеплять и задерживать всех громил». Были произведены многочисленные аресты, в одном месте войска стреляли по громилам, убили пятерых, нескольких ранили. К концу 20-го погром был полностью прекращён, а поздно вечером «слух о том, что евреи режут русских, привёл жителей в полное смятение», ждали мести.

Всего за дни погрома было, по приблизительному подсчёту полиции (часть пострадавших уносилась толпою) — убито 47 человек, в том числе евреев — 12, ранено — 205, евреи из них — третья часть.

Турау заканчивает свой отчёт выводом, что «главной причиной еврейского погрома в Киеве была издавна существующая рознь между малороссийским и еврейским населением, обусловленная различием их миросозерцания. Ближайшим же поводом явилось оскорбление национального чувства революционными манифестациями, в которых видная роль принадлежала еврейской молодёжи». Виновников «глумления и надругательства над всем, что ему свято и дорого», простой народ «видел в одних только евреях. Он не мог понять, после дарованных милостей, само революционное движение и объяснял его стремлением евреев добиться “своей жидовской свободы”». — «Неудачи войны, по поводу которых еврейская молодёжь открыто выражала всегда живейшую радость, уклонения их от военной службы, участие в революционном движении, в ряде насилий и убийств должностных лиц, оскорбления войск... вызывало, несомненно, в простом народе раздражение против евреев», «вот почему в Киеве были случаи, когда многие русские, открыто предоставляя у себя приют беднякам евреям, укрывавшимся от насилий, резко отказывали в нём молодым евреям».

Писала об этом и газета «Киевлянин»[119]. «Несчастные евреи! Чем виноваты эти тысячи семейств... На своё горе и несчастье евреи не удержали своих безумцев... Но ведь безумцы есть и между нами, русскими, и мы не могли их удержать».

Безумствовала революционная молодёжь — а расплачиваться досталось пожилому и мирному еврейству.

Так — мы копали бездну с двух сторон.

По одесскому же погрому мы имеем аналогичный и детальнейший отчёт о ревизии сенатора Кузминского[120].

[119] Киевлянин, 1905, № 290, 297, 311, 317, 358 // *Шульгин**, Приложения, с. 286–302.

[120] Всеподданнейший отчёт сенатора Кузминского о причинах безпорядков, происходивших в г. Одессе в октябре 1905 г., и о порядке действия местных властей // Киевский и одесский погромы в отчётах сенаторов Турау и Кузминского. СПб.: Летописец, [1907], с. 111–220.

В Одессе, и всегда революционно настроенной, сотрясения проступили и нарастали уже с января; а взорвались 13 июня (независимо от пришедшего вечером 14-го на одесский рейд броненосца «Потёмкин»). Весь день 14-го Одесса бурлила, больше молодёжь, на этот раз и рабочие: «значительные толпы их стали насильственно прекращать работу на заводах и фабриках»; Толпа «человек в 300 пыталась проникнуть в развесочную [чая]... произвела несколько выстрелов в околоточного надзирателя, удерживавшего толпу от вторжения, но была рассеяна» залпом полицейского наряда. «Вскоре, однако, она снова собралась», пошла на полицейский участок, перестреливалась с ним, также и из дома Докса «из окон и [с] балкона... было произведено в полицейских чинов несколько выстрелов». Другая толпа «из лежавших на улице строительных материалов устроила баррикаду, из-за которой стреляла по наряду полиции»; ещё на одной улице подобной толпой «было опрокинуто несколько вагонов конно-железной дороги». «Довольно большая толпа евреев ворвалась во двор жестяной фабрики, засыпала [городовому] глаза табаком... при появлении полицейского наряда разбежалась, открыв огонь из революьверов, причём, из числа стрелявших, четыре еврея [перечисляются] были тогда же задержаны»; ещё на одном перекрестке «из собравшейся... толпы евреев [двое] стреляли из револьверов и ранили конного стражника»; «вообще в течение всего дня 14 июня на всех почти улицах города происходили постоянные стычки евреев с нарядами полиции, во время которых евреи пускали в дело огнестрельное оружие и камни» и ранили нескольких городовых. «Со стороны евреев было также ранено до 10 человек», толпа уводила их и скрывала. И ещё, убегая от городового, мещанин Ципкин бросил бомбу, от которой погиб и он, и городовой Павловский.

И тут-то подплыл к Одессе «Потёмкин»! В собравшейся до 5000 человек толпе «многие мужчины и женщины... произносили речи, призывавшие народ к восстанию против правительства»; среди студентов, проникших на броненосец, выделен Константин Фельдман (где он, на заседании комиссии, убеждал поддержать городское движение бомбардировкой города, но «большинство команды не согласилось»).

А что же власти? Одесский градоначальник, то есть глава полиции, Нейдгарт в день прихода «Потёмкина» уже полностью растерялся, определил (сходно с Киевом), что

13 -5060

«гражданская власть бессильна водворить порядок и потому он передаёт все дальнейшие распоряжения по прекращению беспорядков военному начальству», то есть начальнику одесского гарнизона генералу Каханову. (А была ли ещё над Одессой губернаторская власть? Да, была, генерал-губернатор Карангозов, как читатель уже догадался — тоже *временный*, и ведущий себя неуверенно.) А генерал Каханов не мог придумать лучше, как запереть войсками в порту все скопившиеся там тысячи «неблагонадёжны[х] элемент[ов] городского населения», дабы отделить их от чистого города.

15 июня два мятежа, одесский и потёмкинский, слились: одесситы, «в том числе много студентов, курсисток и рабочих», посещали броненосец и склоняли «команду к совместным действиям». Запертая в порту толпа ринулась «разграбл[ять] сложенны[е] в порту товар[ы]», начиная с ящиков вина, потом учинила беспрепятственный грабёж и поджог пакгаузов, так что скоро одна из гаваней была вся охвачена огнём (издержалось имущества — свыше 8 млн. руб.) — и пожар угрожал карантинной гавани, где стояли иностранные корабли и склады с иностранными товарами. Остановить же бесчинства в порту стрельбой Каханов не решался, чтобы не вызвать стрельбу «Потёмкина» по городу. Так прокипело ещё 15-е. 16-го «Потёмкин» стрелял по Одессе тремя холостыми и двумя боевыми 6-дюймовыми и вызывал к себе командующего войсками, дабы потребовать от него вывода всех «войск из города и выпуск[а] из тюрьмы всех политических». В тот же день, 16 июня, когда матросы хоронили своего убитого, — «едва процессия вступила в город, как со всех сторон к ней стали присоединяться разные лица, образовавшие вскоре тысячную толпу, преимущественно молодых евреев», и над могилой произносивший речь «с криком “долой самодержавие”, призывал товарищей действовать смелее и не бояться полиции».

Но в тот день, и надолго, было введено в городе военное положение. 18-го «Потёмкин» вынужден был уйти от эскадры, пришедшей его захватить. И хотя четырёхдневная стоянка его на одесском рейде и «беспрепятственные сношения его с берегом значительно подняли дух одесских революционеров» и «надежды на возможную в будущем поддержку военной силы», всё же лето кончалось спокойно и, может быть, никаких бурных событий в Одессе бы не было — однако 27 августа воспоследовал несравненный закон

об автономии высших учебных заведений. Тотчас «студенчество выделило из своего состава “коалиционный совет”», а он «решительным и смелым образом действий вполне подчинил своему влиянию не только студенчество, но и профессорский состав» (профессора опасались «неприятных столкновений с студентами, в роде бойкота, изгнания профессора из аудитории и т.п».). Начались многолюдные сходки в университете, «сбор денег на вооружение рабочих и пролетариата, на вооружённое восстание, на покупку оружия для будущей милиции и самообороны», «обсуждался... образ действий организаторов будущего восстания», и на собраниях сочувственно присутствовала «профессорская коллегия», «иногда с ректором университета Занчевским во главе», который обещал «предоставить студентам все находящиеся в его распоряжении средства для активного участия [их] в освободительном движении».

Затем 17 сентября первая же сходка в университете происходила «при участии посторонней публики, нахлынувшей в таком громадном количестве, что пришлось устроить две отдельные сходки», эсер Тэпер «и два студента-еврея произносили речи, призывая слушателей вести борьбу за освобождение страны от политического гнёта и разлагающегося самодержавия». — 30 сентября военное положение в Одессе было снято — и теперь на университетские митинги повалили и «воспитанники всех учебных заведений, даже в возрасте 14 лет; на этих митингах евреи «являлись главными ораторами, призывавшими слушателей к открытому восстанию и вооружённой борьбе».

12 и 13 октября, раньше других *средних* учебных заведений «прекратили занятия ученики коммерческих училищ императора Николая I и Файга, как наиболее восприимчивые к революционной пропаганде», — а 14 октября, вслед за коммерческим, постановили прекратить занятия и в остальных средних учебных — и «коммерсанты» со студентами отправились повсюду насильственно прекращать занятия в гимназиях. У гимназии Березиной по жалобе профессоров университета — обнажёнными шашками городовых были якобы ранены три студента и три гимназистки. Но «расследованием точно установлено, что никто из детей не пострадал и учащиеся не успели ещё выйти из гимназии на улицу». — А такие-то инциденты и нужны для лучшего накала революции! В тот же день прекратились едва начатые на днях занятия в университете, бастующие студенты

ворвались в городскую думу с криками «смерть Нейдгарту» и прекратить денежное содержание полиции.

После потёмкинских дней Нейдгарт снова вступил во власть — но и до середины октября не принимал мер против вызывающих революционных сходок — да и много ли он мог, при автономии университета? 15 октября он получил из министерства внутренних дел распоряжение не допускать на университетские сходки посторонних лиц, — и с 16-го оцепил университет солдатами для этой цели, одновременно велев изъять из оружейных магазинов револьверные патроны, до тех пор свободно продававшиеся. «Закрытие посторонним лицам доступа в университет вызвало сильное брожение среди учащейся и еврейской молодёжи», возникла громадная толпа, закрывающая по своему пути магазины (а американский магазин оружия разграбила), стала валить трамваи, конки, на улицах спиливать деревья для баррикад, рвать телеграфно-телефонные провода для той же цели, разбирать садовые решётки. Нейдгарт попросил Каханова занять город войсками. Тогда «из-за баррикад, за которыми разместились группы демонстрантов, большею частью евреев, с женщинами и подростками в их числе, стали обстреливать войска; стреляли по войскам также с крыш, балконов и [из] окон»; войска отвечали огнём, демонстранты были рассеяны, а баррикады разрушены. «Число убитых и раненых в этот день с точностью не может быть установлено, так как появившийся... санитарный отряд... преимущественно из студентов и евреев, в белых одеждах Красного креста, поспешно убрал с улицы раненых и убитых и доставил их в клинику университета», т.е. автономно-недоступную, в «еврейскую больницу, или на перевязочные пункты... возле баррикад, почти во всех аптеках». (Отпуск лекарств во всех аптеках прекратился ещё раньше того.) По сведениям же градоначальника убито было 9 человек, ранено около 80, и несколько человек со стороны полиции. «Из участников беспорядков в этот день было задержано полициею 214 человек, в том числе 197 евреев, много женщин и 13 детей, в возрасте от 12 до 14 лет».

И всё это произошло — ещё за день до зажигательного действия Манифеста.

Многократное выделение роли евреев в революционных действиях может показаться пристрастностью сенаторского отчёта. Но стоит учесть, что в Одессе евреи вообще составляли треть населения и, как мы видели выше,

весьма ощутимую долю в студенчестве; во-вторых, общую еврейскую активность в российском революционном движении и особенно в черте оседлости. Да отчёт сенатора Кузминского и неоднократно свидетельствует свою беспристрастность.

Вот и о 16 октября. «Задержанные, по доставлении в участок, подверглись избиению со стороны городовых и солдат», однако на это «своевременно ни градоначальником, ни полициею не было обращено внимания... и никакого расследования не было произведено», лишь позже более двадцати из побывших в том полицейском участке заявили, что «задержанных систематически избивали; сначала их сталкивали по лестнице в нижний подвал... многие из них падали, а затем стоявшие шеренгами городовые и солдаты наносили им побои шашками, резинами, ногами и кулаками», в том числе и женщинам. (Правда, в тот же вечер задержанных посетили гласные думы и мировые судьи, осмотрели и то подвальное помещение и выслушали жалобы о побоях. А сенатор и в ноябре при расследовании установил нескольких в тех побоях виновных и отдал под суд.)

«17 октября весь город был занят войсками, по улицам ходили военные патрули и порядок весь день ничем не нарушался». А городская дума заседала, обсуждая экстренные меры, и в частности: как бы взамен правительственной полиции учредить городскую милицию. — В этот день местный комитет Бунда постановил устроить торжественные похороны погибших накануне на баррикадах, но Нейдгарт, понимая, что такие похороны, как и всегда, вызовут новый революционный взрыв, «распорядился тайно вывезти из еврейской больницы» эти пять трупов и «похоронить их раньше назначенного времени», что и было сделано в ночь на 18-е. (Днём организаторы похорон потребовали вырыть гробы и возвратить их больнице. Разыгрались события — трупы бальзамировали, и они ещё долго лежали.) А тут-то и разнёсся высочайший всемилостивый царский Манифест — толкая Одессу к новым бурным событиям.

Приведём сведения сперва от участников отряда еврейской самообороны. «Во время погрома недурно функционировал некий объединительный центр... Университеты сыграли гигантскую роль в подготовке октябрьских событий... В Коалиционный совет [одесского] университета перед погромом входили»: большевик, меньшевик, с-р, бундовец, по одному от сионистов-социалистов, армян-дроша-

кистов, от грузинского землячества и от поляков. «Составлялись студенческие отряды и до погрома», на «громадных митингах в университете» сборы денег на оружие, «конечно, не только для обороны, но и на случай вооружённого восстания». «Сам Коалиционный совет собирал деньги для вооружения студенчества», «к началу погрома в университете было 200 револьверов» и «один профессор... достал ещё 150». Во главе отряда назначался «диктатор», и «не разбирался партийный цвет» диктатора, «случилось, что отрядом, состоявшим в большинстве из бундовцев, командовал с-с [сионист-социалист] или наоборот»; «в среду [19 окт.] много оружия было роздано в одной сионистской синагоге»; «в отряды входили студенты, и русские, и евреи, еврейские рабочие, еврейская молодёжь всяких оттенков, очень немного русских рабочих»[121].

Несколькими годами позже Жаботинский писал, что в погромах Пятого года «новая еврейская душа уже достигла своей зрелости»[122]. — А в розовости Февральской революции всероссийская газета опишет эту картину так: «Когда в Одессе во время нейдгартовского погрома девятьсот пятого года юноши-самооборонцы расхаживали с ружьями, эти юноши были трогательны и прекрасны, и сердце трепетало от сочувствия им, от сострадания...»[123].

Наш современник пишет: «Мужество, проявленное гомельскими бойцами, зажигает десятки тысяч человек. В Киеве в отряды самообороны вступает 1,5 тысячи человек. В Одессе несколько тысяч»[124]. — И численностью и настроением одесских отрядников — и, встречно, ожесточением полиции — ход событий здесь отличался от киевского.

Вернёмся к отчёту Кузминского. После объявления Манифеста, с утра 18-го, командующий Одесским военным округом генерал Каульбарс, чтобы «дать населению возможность беспрепятственно использовать предоставляемую Манифестом свободу во всех видах», — распорядился всем войскам не показываться на улицах — «дабы не нару-

---

121 Одесский погром и самооборона. Париж: Западный Центральный Комитет Самообороны Поалэ-Цион, 1906, с. 50–52.

122 *Вл. Жаботинский.* Введение // *Х.Н. Бялик.* Песни и поэмы. СПб.: Изд. Зальцман, 1914, с. 44.

123 *Д. Айзман.* Искушение // Русская воля, 1917, 29 апреля, с. 2–3.

124 *Прайсман* // «22», 1986/87, № 51, с. 179.

шать среди населения радостного настроения». Однако «такое настроение недолго продолжалось». Со всех сторон начали стекаться к центру города отдельные группы, преимущественно евреев и учащейся молодёжи», с красными флагами, с криками «долой самодержавие», «долой полицию», и ораторы звали к революции. Из металлического изображения на думе слов «Боже, Царя храни» — первые два слова выломали; ворвались в думский зал, «был изорван большой портрет Государя Императора, а на думе национальный флаг заменён красным. С проезжавших на извозчике на панихиду протоиерея, дьякона и псаломщика сбили шапки, а когда они потом шли при похоронах — останавливали процессию «и прерывали пение “Святый Боже” криками “ура”». «Возили чучело без головы с надписью “вот самодержавие” и носили дохлую кошку, производя тут же денежный сбор “на избиение царя” или “на смерть Николая”». «Молодёжь, и в особенности еврейская, с видимым сознанием своего превосходства стала указывать русским, что свобода не добровольно дана, а вырвана у правительства евреями… открыто говорили русским: “теперь мы будем управлять вами”», и также: «мы дали вам Бога, дадим и царя». «Большая толпа евреев с красными флагами гналась» долго за двумя городовыми, один через двор и крышу бежал, другого же, Губия, эта толпа, «вооружённая револьверами, топорами, колами и железными палками, ворвавшись во двор, нашла спрятанным на чердаке и так изувечила, что он по дороге в больницу умер, два же отрубленные пальца его руки найдены дворником». Позже были избиты и поранены трое полицейских чинов, а у пяти городовых отобраны револьверы. Затем стали освобождать арестованных из одного, другого, третьего полицейского участка (где избивали 16-го, двумя днями раньше, — там уже были прежде освобождены распоряжением Нейдгарта; в одном участке освободили в обмен на труп Губия), ещё в других — не оказалось арестованных, в этом всём содействовал ректор университета, который предъявил требование прокурору «от имени пятитысячной толпы», а «студенты угрожали чинам полиции насилием» вплоть «до повешения». — Городской голова Крыжановский вместе с университетским профессором Щепкиным, вызванные Нейдгартом для совещания, вместо этого потребовали, чтобы Нейдгарт, «разоружив немедленно полицию, спрята[л] её», иначе, добавил Щепкин, «не обойдётся без жертв мщения и… полиция будет разоружена захват-

ным правом». (На следствии у сенатора он потом отрицал такую резкость своих выражений, но, видимо, они не были мягче, судя по тому, что он в тот же день передал студентам 150 револьверов, а на следствии отказался указать источник приобретения.) И Нейдгарт вслед за этим разговором распорядился: снять постовых городовых со всех постов (даже не предупредив о том полицмейстера), — «таким образом, с этого времени весь город оставлен был Нейдгартом без наружной полицейской охраны» — что ещё можно понять как спасение жизни постовых, но ведь при этом — и без всякой воинской охраны на улицах, что уже было вполне маразматическим распоряжением. (Да ведь и в Петербурге именно этого требовали газетчики от Витте, он еле устоял.)

«Вслед за тем как городовые прекратили нести постовую полицейскую службу, в городе появились две группы самообороны: студенческая милиция и еврейская оборона. Первая из них была организована “коалиционным советом”, который... достал оружие». Посты городовых «заняла городская милиция из вооружённых в университете студентов и других лиц». Генерал барон Каульбарс и градоначальник Нейдгарт дали на это согласие, а полицмейстер Головин в виде протеста подал в отставку, его заменил помощник фон-Гобсберг. — При городской думе создался временный комитет, из первых заявлений которого была благодарность студентам университета «за их энергичные, разумные и самоотверженные действия по охранению порядка в городе». Сам же комитет себя объявил в какой-то неясной функции. (О члене того комитета и члене Государственной Думы О.Я. Пергаменте в том ноябре писала пресса, и ещё напоминали во 2-й Государственной Думе, что он в те дни объявил себя председателем «Придунайско-Черноморской республики» или «президент[ом] южно-русской республики» [125], — в угаре тех дней факт не невероятный.)

И что же могло произойти от ухода с улиц в разгорячённый момент и войск, и полиции и от взятия власти безопытной студенческой милицией и отрядами самообороны? Студенческая «милиция задерживала людей, казавшихся ей подозрительными, и отправляла их для разбора в уни-

---

125 Государственная Дума — Второй созыв (далее — ГД–2): Стенографический отчёт. Сессия 2, т. 1, СПб, 1907, заседание 24, 9 апр. 1907, с. 2033.

верситет»; вот студент «шёл во главе толпы евреев, около 60 человек, производившей беспорядочный огонь из револьверов»; «студенческая милиция и еврейская оборона... нередко сами прибегали к насильственным действиям по отношению к войскам и мирной части русского населения, производя выстрелы и убивая совершенно неповинных людей». Столкновение «неминуемо должно было последовать в виду образовавшихся в населении двух противоположных течений». — Вот, вечером 18-го «демонстративная толпа с красными флагами, состоявшая преимущественно из евреев, пробовала снять рабочих с завода Гена... рабочие не исполнили этого требования; после того, та же толпа, встретив русских рабочих на... улице, потребовала, чтобы они сняли шапки перед красными флагами. После отказа рабочих» — вот тебе и пролетариат! — из той толпы «раздались выстрелы; рабочие, хотя и безоружные, успели разогнать» ту толпу и гнались за ней, пока к ней не «присоединилась ещё другая толпа вооружённых евреев, численностью до тысячи человек, которая стала стрелять в рабочих... четверо рабочих были убиты». Так «начались в разных местах драки и вооружённые столкновения русских с евреями; русские рабочие и люди без определённых занятий, так называемые хулиганы, стали ловить и избивать евреев, затем перешли к разгрому и разорению еврейских домов, квартир и лавок». Тут пристав вызвал «роту пехоты, которая прекратила дальнейшие столкновения».

На следующий день, 19 октября, «к 10–11 час. утра на улицах стали появляться... толпы русских рабочих и людей разных профессий, которые следовали с иконами в руках, с портретами Государя Императора, национальными флагами, с пением "Спаси, Господи, люди Твоя" и гимна. Эти патриотические манифестации, состоявшие исключительно из русских людей, стали образовываться одновременно в разных частях города, но начало им было положено в порте, откуда вышла первая, особенно многочисленная толпа манифестантов, состоявшая из рабочих». Есть «основание признать, что озлобление, вызванное поведением евреев в течение всего предшествующего дня, их дерзким и наглым поруганием и оскорблением национального чувства русского населения, должно было вылиться в какой-либо с его стороны протест». И Нейдгарт знал, что манифестация готовится, и разрешил её, и она прошла мимо зданий командующего военным округом и градоначальника, затем к со-

бору. «По пути следования к толпе присоединялись и многие другие случайно попадавшиеся лица и в том числе много хулиганов, босяков, женщин и подростков». (Тут уместно сопоставить объяснения рассказчика из Поалей-Цион: «Одесский погром произвели не хулиганы... В погромные дни полиция не пускала в город босяков из порта»; «свирепствовали мелкие ремесленники и лавочники, рабочие и подмастерья всяких мастерских, фабрик и производств», «бессознательные русские рабочие»; «я ездил в Одессу именно затем, чтобы найти чисто провокаторский погром, но — увы! — не обрёл его». И объясняет погром — национальной враждой[126].)

«Невдалеке от соборной площади... в толпу манифестантов произведено было несколько выстрелов, одним из коих был убит мальчик, несший икону», «была встречена револьверными выстрелами и подошедшая рота» пехоты. В манифестацию стреляли и из окон редакции газеты "Южное обозрение"», и «вообще по всему пути следования... во многих других местах, из окон, дверей, с балконов, из ворот и с крыш»; «кроме того, в манифестантов были брошены в нескольких местах разрывные снаряды», одним «таким снарядом было убито 6 человек»; а в самом центре Одессы «на углу Дерибасовской и Ришельевской улиц были брошены три бомбы в казачью сотню». «В рядах манифестантов было много убитых и раненых», и это «приписывалось русскими не без основания евреям, почему тотчас же в группах манифестантов стали раздаваться крики "бей жидов", "смерть жидам"», и «толпы манифестантов бросились разбивать в разных частях города еврейские магазины»; «вскоре единичные случаи перешли в общий погром: все лавки, дома и квартиры еврейские, попадавшиеся по пути следования манифестантов, подверглись совершенному разгрому, всё имущество евреев подверглось истреблению, а то, что случайно оставалось нетронутым, было расхищаемо толпою хулиганов и босяков, сопровождавших всюду манифестантов», «нередко бывали такие сцены, что разграбление еврейских помещений производилось на глазах манифестантов, следовавших с иконами и пением "Спаси, Господи, люди Твоя"». К вечеру 19-го «взаимное ожесточение двух враждующих партий достигло чрезвычайного напряжения: тут уже обе стороны одинаково не давали друг другу пощады,

[126] Одесский погром... / Поалэ-Цион, с. 64–65.

избивая и подвергая истязаниям, иногда с особенною жестокостью, всех попадавшихся им в руки, без различия пола и возраста». По свидетельству одного врача университетской клиники, «хулиганы со второго и третьего этажей выбрасывали детей вниз на мостовую, а одного ребёнка хулиган схватил за ноги и, ударив головой об стену, размозжил ему голову. В свою очередь и евреи не щадили русских, убивая их при всяком возможном случае; днём они не показывались открыто на улицах и обстреливали проходивших из ворот, окон и т.п., но вечером они собирались толпами» и даже «осаждали полицейские участки». «Особенную жестокость проявляли евреи в отношении полицейских чинов, когда им удавалось захватить их». (От Поалей-Цион: «Прессой была распространена легенда о громадном числе хулиганов, взятых в плен самообороной и загнанных в университет. Называлась цифра в 800–900 человек; на самом же деле надлежит уменьшить эти цифры в десять раз. Громилы отводились в университет только в самом начале погрома, а потом были дела поважнее»[127]. — Картины одесского погрома находим и в газете «Киевлянин» в ноябре 1905[128].)

А что же полиция? Согласно безмозглому распоряжению Нейдгарта, «19 октября... как и в последующие дни, полиция совершенно отсутствовала на улицах», изредка ходили патрули, но весьма неаккуратно. «Неопределённость в соотношении гражданских и военных властей, идущая в разрез с... указаниями закона», привела к тому, что «полицейские чины не отдавали себе ясного отчёта в существе лежащих на них обязанностей», а сверх того — «все полицейские чины, считая евреев виновниками всяких политических смут» и «революционерами, вполне сочувствовали совершавшемуся погрому еврейского населения, не считали даже нужным скрывать этого». Хуже того: «во многих случаях сами полицейские чины направляли толпы хулиганов на разгром и разграбление еврейских домов, квартир и лавок», ещё хуже: «в статском платьи и без блях и гербов», сами «принимали участие в этих разгромах», «руководили действиями толпы», даже «были и такие случаи, что городовые сами производили выстрелы в землю

[127] Там же, с. 53.

[128] Киевлянин, 1905, 14 нояб. // *Шульгин**, Приложения, с. 303–308.

или в воздух и затем ложно указывали войскам, как будто эти выстрелы последовали из окон еврейских домов».

И это — полиция!

Сенатор Кузминский отдал под суд 42 полицейских, из них 23 — не рядовых, а в чинах.

А войска — «разбросанные на огромном пространстве города» и должные «действовать самостоятельно»? «И войска относились вполне безучастно к виновникам погрома, так как, с одной стороны, они не были ознакомлены с существом лежавших на них обязанностей и, не получая от чинов полиции никаких указаний», они «не знали, против кого и в каком порядке они должны действовать силой оружия. С другой стороны, видя покровительственное отношение чинов полиции к громилам еврейского имущества, войска могли полагать, что погром предпринят с ведома и одобрения власти». И «по отношению к громилам войска никаких мер не предпринимали». И хуже того: «добыты указания на то, что и солдаты и казаки также нередко участвовали в расхищении товаров из разбиваемых лавок и разных вещей из разгромленных еврейских квартир». «Некоторые же свидетели удостоверили и то, что солдаты и казаки убивали без всякой причины совершенно неповинных лиц».

Так и здесь расплачивались невинные.

«20 и 21 октября погром не только не прекращался и даже не ослабевал, но, напротив, принял ещё более ужасающий по своим размерам характер», «расхищение и уничтожение еврейского имущества, избиение и убийства людей совершенно открыто и безнаказанно совершались днём на улицах». (От Поалей-Цион: с 20-го вечером «университет был окружён войсками», а «внутри был забаррикадирован на случай нападения войска. Отряды в город более не высылались». Зато в городе «выступила самооборона неорганизованная», «сильные отряды местных жителей», «вооружённые чем попало: топорами, секачками, оглоблями», «оборонялись с такой же решительностью и ожесточением, с каким нападали на них, и почти совершенно отстояли свои улицы»[129].)

20-го группа гласных городской думы с новым городским головой (прежний, Крыжановский, ещё 18-го подал в отставку, видя своё бессилие против поджигательных дей-

[129] Одесский погром... / Поалэ-Цион, с. 53–54.

ствий со стороны университета, где собиралось и оружие) посетили генерала Каульбарса «с просьбою принять в свои руки власть, так как только военное начальство... может спасти город». Командующий округом объяснил, «что до введения военного положения военное начальство не вправе вмешиваться в распоряжения гражданской администрации и только обязано» ей содействовать, когда та потребует. «Но стрельба по войскам и бросание в них бомб до крайности затрудняет успешное подавление» беспорядков. Однако склонился вмешаться. — 21 октября Каульбарс приказал «принять самые решительные меры против тех домов, из которых стреляют и бросают бомбы»; а 22-го: «истреблять на месте оружием всех без исключения грабителей, нападающих на дома, магазины и мирных жителей». И уже с 21 октября район за районом стали утихать, с 22-го «восстановлена была постовая полицейская служба городовых» с подкреплением их постов солдатами; «началось движение трамвая, и к вечеру порядок в городе можно было считать восстановленным».

Подсчёт жертв был труден и различается по источникам. Из отчёта Кузминского — «по сведениям полиции, число убитых превышает 500 человек, из них более 400 евреев, а раненых, зарегистрированных полициею — 289... из них 237 евреев. По сведениям кладбищенских смотрителей... похоронено на христианском кладбище 86 человек, и на еврейском — 298». На излечение в больницы «поступило раненых 608 человек и в том числе 392 еврея». (Однако, многие могли и не обратиться за помощью из опасения, что их привлекут к ответственности.) — Еврейская энциклопедия числит 400 убитых евреев [130]. — От Поалей-Цион: по списку, изданному одесским раввинатом, «убитых евреев 302, из них самооборонцев 55, христиан-самооборонцев 15», «в остальных убитых — 45 неопознанных; опознанных 179 мужчин и 23 женщины»; «громил убито много. Никто их не считал и не интересовался узнать точное число их; во всяком случае, как уверяют, их не менее сотни» [131]. — А советский сборник — с плеча: «свыше 500 убитых евреев и 900 раненых» [132].

---

[130] КЕЭ, т. 6, с. 122.

[131] Одесский погром... / Поалэ-Цион, с. 63–64.

[132] *Диманштейн* // «1905», т. 3, вып. 1, с. 172.

Можно добавить и свидетельство, как это тотчас откликалось в мире. «Берлинер тагеблат» ещё до 21 октября писала: «тысячи и перетысячи (abertausende) евреев умерщвлены в южной России; более тысячи молодых девушек и детей было изнасиловано и задушено»[133].

Но и без преувеличений, суммирует Кузминский: «По силе и проявленной жестокости, этот погром превзошёл все ему предшествовавшие». — Главным виновником происшедшего он считает градоначальника Нейдгарта. После требования профессора Щепкина — «недостойная уступка» его снять с постов городовых и отдать город ещё не существующей студенческой милиции. 18-го «не принял никаких мер... рассеять собравшуюся на улицах города революционно настроенную толпу», допустил захват власти в городе «скопища[ми] евреев и революционеров» (неужели не понимая, что способствует зажиганию ответного погрома?). Его бездействие могло бы быть объяснено, если бы он передал власть военному начальству, но «такой передачи власти... не последовало за всё время беспорядков». Однако, не проявив распорядительности, Нейдгарт в ходе событий публиковал весьма двусмысленные заявления; а затем представил следствию неверные оправдания. Установив «признаки должностного преступного деяния», сенатор отдал Нейдгарта уголовному преследованию.

В отношении военного командования такой власти сенатор не имел. Но указывает, что и со стороны Каульбарса было преступлением: 18 октября согласиться на требование думы убрать войска с улиц — и распорядиться их удалить. А 21 октября Каульбарс увещевал собранных у градоначальника полицейских чинов тоже двусмысленными доводами: «Будем называть вещи их настоящими именами. Нужно признаться, что все мы в душе сочувствуем этому погрому. Но мы не должны переносить злобу, которую мы, может быть, имеем против евреев, в нашу служебную деятельность. На нас лежит обязанность, по долгу присяги, поддерживать порядок и защищать от погромов и убийств».

По совокупности всех изученных обстоятельств сенатор заключает, «что октябрьские волнения и беспорядки были вызваны причинами безусловно революционного характера и завершились разгромом евреев исключительно

---

133 *Шульгин**, Приложения, с. 292.

вследствие того, что представители именно этой народности принимали преобладающее участие в революционном движении». Не добавить ли: и вследствие долгого уже попустительства бесчинствам революционеров.

А так как «сложилось убеждение, что события октябрьских дней исключительно порождены образом действий... Нейдгарта», «провокаторством» его, — то тотчас за событиями «образовалось в Одессе несколько комиссий, в том числе при университете, при городской думе и при совете присяжных поверенных». Они деятельно собирали материалы, обличающие «провокаторство погрома», но, по изучении их, сенатором «не усмотрено... сколько-нибудь доказательных данных», следствие «не обнаружило решительно никаких обстоятельств, указывающих на то, чтобы даже кто-либо из органов полиции принял участие в организации патриотической манифестации».

Детальный сенаторский отчёт даёт попутно и яркие черты того 1905 года и той эпохи.

21 октября «ввиду ходивших в городе слухов о том, что в университете изготовляются бомбы и имеется большой склад оружия», командующий предложил провести осмотр здания комиссией из офицеров и профессоров. Ректор в ответ заявил, «что такое вторжение в университет было бы нарушением университетской автономии». От дня её провозглашения в августе — университет управлялся комиссией «из двенадцати профессоров крайнего направления» (например, Щепкин на митинге 7 октября говорил: «когда настанет время и вы постучитесь в дверь, мы пойдём с вами на вашем "Потёмкине"»), — но и комиссия эта полностью направлялась уже названным студенческим «коалиционным советом», по требованию того совета отменял свои постановления и ректор. И после отказа Каульбарсу «осмотр» университетского здания был произведен комиссией из профессоров и трёх гласных думы — и «ничего подозрительного», конечно, не было обнаружено. — «Однородные явления наблюдались также и в одесской городской думе. Здесь обнаружили притязание на влияние и власть служащие в городской управе... так называемый третий элемент», их комитет предъявил избранной думе требования «преимущественно политического характера», они готовили уже 17-го, в день Манифеста, резолюцию: «наконец самодержавие провалилось в пропасть», и, пишет

сенатор, «быть может, в начале октябрьских волнений было поползновение произвести полный захват власти».

(А дальше катил — революционный декабрь, повелительный тон совета рабочих депутатов о всеобщей забастовке: «мы этого требуем», в Одессе прекращение электрического освещения, торговли, движения, мертвенность порта, снова бросание бомб, «изорвани[е] кип начавшей выходить патриотической газеты "Русская речь"», угрозные «требования денег на революционные цели», толпы праздных гимназистов и запуганность населения «под гнётом революционного движения».)

Этот дух 1905 года (дух всего «Освободительного движения»), так резко проявившийся в Одессе, — в те «конституционные дни» прорвался и во многих городах России, и в черте оседлости и вне её, погромы «повсеместно возникли... в самый день или на следующий день по получении на местах известия» о Манифесте.

В черте оседлости еврейские погромы произошли в в Кременчуге, Чернигове, Виннице, Кишинёве, Балте, Екатеринославе, Елизаветграде, Умани и немалом числе других городов и местечек, причём еврейское имущество больше уничтожали, чем расхищали. «В тех городах и местностях, где полиция и войска действовали энергично, погромы производились в самых незначительных размерах и оканчивались весьма быстро. Так, в Каменец-Подольске, благодаря умелым и своевременным действиям войск и полиции, все попытки толпы произвести разгром евреев были отражены», «в Херсоне и Николаеве начавшийся разгром был прекращён в самом начале»[134]. (А «в одном из небольших городов Юго-Западного края погром был предотвращён только тем, что пожилые евреи подвергли свою молодёжь телесному наказанию за устройство противоправительственной манифестации после объявления высочайшего Манифеста 17 октября»[135].)

Где в *черте* еврейских погромов вовсе не было — это в Северо-Западном крае, где евреи жили наиболее густо, —

---

[134] Отчёт сенатора *Кузминского*, с. 176–178.

[135] Отчёт сенатора *Турау*, с. 262.

и такое должно бы необъяснимым показаться, если бы погромы устраивало царское правительство, и они «как правило, происходили по одному сценарию»[136].

«24 погрома произошли за пределами черты оседлости, но они были направлены против всех прогрессивных элементов общества»[137], а не именно против евреев, — и это как раз выявляет главный импульс погромщиков тех дней: сотрясение от Манифеста и стихийный порыв к защите трона против низвергателей царя. Вне черты оседлости такого рода погромы произошли: в Ростове-на-Дону, Туле, Курске, Калуге, Воронеже, Рязани, Ярославле, Вязьме, Симферополе; «татары были активными погромщиками в Казани и в Феодосии»[138]. — В Твери громили земскую управу; в Томске толпа подожгла театр, где заседали левые, погибло в пожаре 200 человек! В Саратове тоже так грозились, но жертв не было (там губернатор — Столыпин)[139].

Обзорно по всем погромам характер их и число жертв сильно колеблются у разных авторов. Ныне бывают оценки и весьма легкомысленные. Вот читаем в 1987: «Во время погромов было убито 1000 человек и многие десятки тысяч были ранены и искалечены» — и, в отголосок ли тогдашних западных сообщений? — «тысячи женщин были изнасилованы, очень часто на глазах матерей и детей»[140].

Напротив, Г. Слиозберг, современник событий и бывший в центре всех сведений, писал: «К счастью, все эти сотни погромов не влекли за собою значительных насилий над личностью евреев и в громадном большинстве мест погромы не сопровождались убийствами»[141]. О женщинах и стариках, кажется, опровергает советский боевик Диманштейн, с гордостью: «Главная масса убитых и раненых евреев принадлежала к лучшим боевым, молодым элементам, бывшим в рядах самообороны, которые погибали в бою, но не сдавались»[142].

---

[136] КЕЭ, т. 6, с. 566.

[137] Там же.

[138] ЕЭ, т. 12, с. 620–622.

[139] *Я.Л. Тейтель.* Из моей жизни за 40 лет. Париж: Я. Поволоцкий и Ко., 1925, с. 184–186.

[140] *Прайсман* // «22», 1986/87, № 51, с. 183.

[141] *Слиозберг*, т. 3, с. 180.

[142] *Диманштейн* // «1905», т. 3, вып. 1, с. 172.

Что же касается объяснения причины погромов, то ещё от 1881 года в российском еврействе, затем и российском обществе так и установился прочный гипноз: погромы безусловно и несомненно подстроены правительством, Департаментом полиции и произведены по единой команде из Петербурга. И после октября 1905 вся левая печать писала так же. И даже Слиозберг, под этим гипнозом повторяет: «В течение 3 дней волна погромов пронеслась по черте оседлости [мы только что видели: отнюдь не по всей черте и, напротив, не только по ней, — *А.С.*], причём по совершенно единообразному плану, как бы кем-то предначертанному заранее»[143].

И у столь многих — странное отсутствие даже попыток объяснить иначе. (Много лет спустя всё же признает Я. Фрумкин: погромы октября 1905 «носили не только антиеврейский, но и контрреволюционный характер»[144].) И в голову не приходит: а могло ли тут быть сходство — в исходных причинах? в государственных событиях? в народном настроении? Не оно ли проявлялось как раз *едино*? Сопоставим, что выступления толпы против забастовщиков в октябре кое-где произошли до Манифеста. Сопоставим, что как раз в те октябрьские дни текла всеобщая железнодорожная забастовка и был перерыв связи повсюду — а между тем проявилась одновременность столь многих погромов. Отметим и правительственные расследования в ряде городов и наказание полицейских чинов, допустивших нарушения службы. Сопоставим и дальше: в те самые месяцы погромы помещиков крестьянами тоже повсюду происходили вполне единообразно. Но не станем мы, наверное, утверждать, что помещичьи погромы тоже подстроены Департаментом полиции, а не от единства крестьянского настроения?

Кажется, одна — единственная — улика всё-таки существует. Только и она указывает не на власть. Министр внутренних дел П.Н. Дурново в 1906 обнаружил, что чиновник особых поручений м.в.д. М.С. Комиссаров использовал одно из помещений Департамента полиции для тайного печатания прокламаций, зовущих к борьбе с евреями и революционерами[145]. Однако отметим — это не деятель-

143 *Слиозберг*, т. 3, с. 177.

144 *Фрумкин* // КРЕ-1, с. 71.

145 Речь, 1906, 5 мая.

ность Департамента, а конспиративное предприятие авантюриста Комиссарова, побывавшего и на жандармских постах — и затем у большевиков в Смольном при ВРК «чиновником особых поручений», потом в ЧК, ГПУ, и вёл разложение остатков врангелевской армии на Балканах.

Однако лжеверсии присохли так присохли, а особенно на отдалённом Западе, откуда Россия виделась всегда в чёрном тумане, а пропаганда против неё звучала отчётливо. Конечно, Ленину было подстать налепить: царизм «ненависть измученных нуждой рабочих и крестьян к помещикам и капиталистам старался направить на евреев»; и его подручный Лурье-Ларин выкручивался объяснять это классово: будто натравливали именно на еврейских богачей, но, в противоречие, именно к ним и ставили защитные караулы [146]. Однако и сегодня какую энциклопедию ни возьми, вот израильскую на английском языке: «С самого начала эти погромы были *инспирированы* правительственными кругами. Местные власти получили *инструкции* дать погромщикам свободу действий и защищать их от еврейской самообороны» [147]. Вот нынешнюю израильскую на русском языке: «*Организуя* погромы, русские власти стремились...»; «власти *хотели* физически уничтожить как можно больше евреев» [148] (курсив везде наш, — *А.С.*). Так не местных властей преступное попустительство, а хитрейшая задумка центральной власти?

Но даже Лев Толстой, в те годы предельно напряжённый против правительства и чего только дурного о нём не писавший, сказал тогда: «Не верю, что полиция подстрекает народ [на погромы]. Это и о Кишинёве и о Баку говорили... Это — грубое выражение воли народа... Народ видит насилие революционной молодёжи и противодействует ей» [149].

Сходно объяснял и Шульгин в Государственной Думе: «Народный самосуд имеет большое распространение и в России, и в других странах... поучительную картину представляет в этом отношении... Америка, где самосуд сущест-

---

146 *Ю. Ларин.* Евреи и антисемитизм в СССР*. М.; Л.: ГИЗ, 1929, с. 36, 292.

147 Encyclopedia Judaica, vol. 13, p. 698.

148 КЕЭ, т. 6, с. 568.

149 *Д.П. Маковицкий.* 1905–1906 г. в Ясной Поляне // Голос минувшего, М., 1923, № 3, с. 26.

вует под названием суда Линча... Но ещё более грозное явление случилось в последнее время у нас на Руси — это тот самосуд, который называется еврейскими погромами! Когда власть забастовала, когда самые возмутительные преступления против национального чувства и народных святынь оставались совершенно безнаказанными, тогда народ под влиянием стихийного раздражения принялся судить сам. Само собой разумеется, как это всегда бывает в таких случаях, народ не способен сам разделить виновных от невинных, он, по крайней мере в наших краях, все свалил на евреев. Среди них пострадало очень мало виновных, так как эти виновные очень ловко удирали за границу, пострадали же в массе совершенно невинные евреи»[150]. (Кадетский лидер Ф. Родичев так выразился: «Антисемитизм — это патриотизм недоумевающих людей» — в местах, где живут евреи.)

Там, где царь оказался слаб защитить свою власть законно, а правительство вовсе смялось, — мещанство, мелкое купечество, но даже и рабочие, железнодорожные и фабричные, самые-то устройщики всеобщей забастовки, — возмутились и стихийно стали на защиту того, во что оставалась вера, — а пляска издевателей была им оскорбительна. По неруководимости, покинутости и отчаянию этой толпы — её гнев и разряжался яростью жестокого, уничтожающего погрома.

Да вот — у сегодняшнего еврейского автора, и ныне неумно настаивающего, что «вне всякого сомнения, царские власти сыграли большую роль в организации еврейских погромов», — вдруг: «Мы абсолютно уверены, что Департамент полиции не был таким хорошо организованным учреждением, чтобы подготовить в одну и ту же неделю погромы сразу в 660 местах». За те погромы «несёт ответственность не только и не столько администрация, сколько само русское и украинское население черты оседлости»[151].

Вот с последним — соглашаюсь и я. Но с существенной поправкой: что и еврейская молодёжь того времени — весомо делит ту ответственность.

Тут трагически сказалась та черта русско-украинского характера (не различая, кого из громил кем считать), что в

---

150 ГД-2, сессия 2, заседание 8, 12 марта 1907, с. 376.

151 *Прайсман* // «22», 1986/87, № 51, с. 183, 186-187.

минуты гнева мы отдаёмся слепому порыву «раззудись плечо», не различая правых и виноватых, а после приступа этого гнева и погрома — не имеем способности вести терпеливую, методическую, многолетнюю деятельность к исправлению бед. В этом внезапном разгуле дикой мстящей силы после долгой дремли — на самом деле духовная беспомощность наших обоих народов.

И с такой же неспособностью — патриотические верхи мялись в равнодушии или полусочувствии, и не выдвигали ни публицистов с ясным сознанием и решительностью, направителей общественного мнения, ни устойчивых культурных организаций. (Отметим, что и на той встрече с Витте присутствовали же и представители правой прессы — но запуганно промолчали или даже поддакивали развязному Пропперу.)

Трагически сказался и тот долгогосударственный грех императорской России, что православное духовенство, давно задавленное властью, бессильное в своём общественном положении, уже никак не имело авторитета духовного водительства массами (какой имело в Московской Руси и в Смутное Время — и коего так не хватит вот скоро, в Гражданскую войну!). И хотя в эти месяцы, годы и прозвучали увещания иерархов к православному люду против погромов, — не могли они остановить их. Они даже не смогли помешать, чтобы впереди погромных толп не качались бы распятия и церковные хоругви.

Ещё утвердилось, что погромами октября 1905 руководил Союз Русского Народа. Это — неправда, он только в ноябре 1905, тоже от инстинкта народной обиды, стал *возникать*. В его тогдашней программе действительно были положения противоеврейские, против евреев всех без разбора: «разрушительная, антигосударственная деятельность сплочённой еврейской массы, её непримиримая ненависть ко всему русскому и неразборчивость в средствах» [152].

В декабре его агитаторы звали Семёновский полк на подавление московского вооружённого восстания. Однако Союз этот, раздутый слухами и страхами в легендарный, был в реальности жалкой, бессильной и безденежной партией, возникшей как бы на помощь самодержавному мо-

---

152 Новое время, 1905, 20 нояб. (3 дек.), с. 2–3.

нарху — а монарх с весны 1906 сам стал конституционным, а правительство стеснялось иметь в поддержку такую партию, так что она, с тысячами двумя ли, тремя полуграмотных, беспомощных и жалко возглавленных местных «советов», — оказалась в оппозиции и к правительству думской монархии, и особенно к Столыпину. — С думской трибуны Пуришкевич задавал вопрос: «С момента возникновения и развития монархических организаций много ли вы видели погромов, совершающихся в черте еврейской оседлости?... Ни одного, ибо монархические организации боролись и борются в черте еврейской оседлости с еврейским засилием мерами экономическими, мерами культурными, а не кулаком»[153]. — Там уж насколько культурными — однако *погромы* от Союза Русского Народа не известны, а прежние — были от стихийного взрыва масс.

Через несколько лет после загасания революции 1905 Союз Русского Народа — и от начала бутафорский — бесславно растаял. (Насколько расплывчато понятие о нём, можно судить по удивительной характеристике из Еврейской энциклопедии: антисемитизм Союза Русского Народа «носит явно выраженный дворянский и крупно-капиталистический характер»[154].)

Есть и ещё клеймо, прикипевшее крепко: «чёрная сотня», неотразимое именно в неопределённости своего смысла.

Откуда повелось оно — расследовать трудно, говорят, что так досадливо называли поляки русских монахов, отстоявших от них Троице-Сергиевскую Лавру в 1608–09 годах. Через какие-то исторические нити это дотянулось до начала XX века — и с ненавистным чувством вспыхнуло тут. И оказалось отлично действующим ярлыком для этого стихийного народного патриотического движения. Именно своей неопределённостью, а вместе с тем прилепчивой бранностью этот термин и стал удобен к употреблению. (И, например, четверых кадетов, решившихся на переговоры со Столыпиным, закликали «черносотенными кадетами». И в 1909 «Вехи» были обвинены в «замаскированном черносотенстве».) И «термин» привился вот уже на столетие — хотя взволнованного и обескураженного

[153] ГД–3, сессия 4, заседание 102, 29 апр. 1911, с. 3148.

[154] ЕЭ, т. 14, с. 519.

тогда славянского населения России были не «сотня», а миллионы.

Еврейская энциклопедия в России, в 1908–1912, к чести её, не взялась дать определения «чёрной сотни»: на интеллектуальных верхах российского еврейства было немало весьма равновесных, вдумчивых, благоразумных людей.

Но в те же годы, перед Первой Мировой войной, это взялась определить энциклопедия Брокгауза–Ефрона, вдогон, в дополнительном томе: «“Чёрная сотня” — ходячее название, которое в последние годы стало применяться к подонкам населения, склонным к еврейским погромам и избиениям интеллигенции». Дальше, однако, растекается: что «явление черносотенства не специфически русское; в разных государствах мира в различные исторические моменты... являлось на историческую сцену»[155]. И правда, в 1917 в прессе февралистов я встречал уже и «шведских черносотенцев»...

Вот, современный нам вдумчивый еврейский автор правильно указывает, что «явление, получившее название Чёрной сотни... изучено недостаточно»[156].

Но от этих сомнений совершенно свободна прославленная и всемирно авторитетная Британская Энциклопедия: «Чёрная сотня, она же [!] Союз русского народа, — организация реакционных антисемитских групп в России, сформированная в ходе революции 1905. Имея неофициальное одобрение правительства, чёрные сотни составлялись преимущественно из помещиков, богатых крестьян, бюрократов, полицейских чинов и клерикалов, которые поддерживали православие, автократию и русский национализм. Особенно активна с 1906 по 1911 год...»[157].

Онемеешь от такой учёности. Это преподносится и сегодня всему образованному человечеству, — «преимущественно из помещиков, богатых крестьян, бюрократов, полицейских чинов» и священников. Это, оказывается, они шли и били палками стёкла еврейских магазинов! И «особенно активны" в мирные годы после 1905...

---

155 Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз и Ефрон. Дополн. том, II [4/д], 1907, с. 869.

156 *Борис Орлов.* Россия без евреев // «22», 1988, № 60, с. 151.

157 Encyclopaedia Britannica, 15th ed., 1981, vol. II, p. 62, clmn. 2.

Да, «помещичьи» погромы — были в России в 1905–1907, и их было больше числом, чем еврейских. В них так же тёмная неразумная толпа громила незащищённые жилища, имущество, поджигала и грабила, убивала людей (и детей), и даже скот, — но об этих погромах никогда не раздавалось возмущённых голосов передовой интеллигенции, а депутат Государственной Думы Герценштейн в парламентской речи (страстной, но и разумной, в защиту мелкого крестьянского землевладения), угрожая, что будут шириться поджоги помещичьих усадеб, воскликнул: «Мало вам разве майских иллюминаций прошлого года, когда в Саратовской губернии чуть ли не в один день погибло 150 усадеб?!»[158]. Эти «иллюминации» ему потом никогда не простили. Конечно — то был срыв на слове, из этого одного нельзя заключить, что он говорил со злорадством. Однако о еврейских погромах минувшей осени он бы это слово употребил?

Надо было пережить уже Большую, настоящую Революцию, чтобы услышать: помещичьи погромы «являются не менее жестокими и безнравственными актами, чем еврейские погромы... Тем не менее среди левых групп существует тенденция рассматривать» их как «желательную саму по себе ломку прежнего социального и политического строя»[159].

Добавлю ещё одно страшное сходство тех и других погромов: у дикой толпы ощущение своей *правоты*.

Последние еврейские погромы произошли ещё и в 1906 — седлецкий в Польше, что за пределами нашего рассмотрения, и ещё белостокский, летом. (Вскоре после белостокского в Одессе полиция *отначала* остановила зревший после роспуска 1-й Думы ещё один погром.)

В Белостоке образовалось сильнейшее в России анархическое соединение. Тут «появились многочисленные группы анархистов, которые стали часто практиковать отдельные террористические акты против хозяев, полицей-

---

[158] ГД-1, сессия 1, заседание 12, 19 мая 1906, с. 524.

[159] *И.О. Левин.* Евреи в революции // РиЕ, с. 135.

ских чиновников, казаков, солдат»[160]. Из воспоминаний белостокских анархистов рельефно выступает обстановка в городе в 1905–06: частые нападения анархистов, открыто утвердившихся на Суражской улице, куда полиция боялась и сунуться. «Очень часто среди бела дня убивали постовых городовых, благодаря чему они всё реже и реже стали появляться...» Вот анархист Нисель Фарбер «бросил бомбу в полицейский участок», ранил двух городовых, писаря, убил «двух буржуа, случайно находившихся в канцелярии», незадачливо погиб и сам. Вот Гелинкер (он же — Арон Елин) бомбой тяжело ранил помощника полицмейстера, пристава, двух околоточных и троих городовых. Вот ещё один анархист бомбой же «ранил офицера, четырёх солдат», впрочем и самого себя, «и, к несчастью, убил пропагандистку из Бунда». Иной раз ещё убиты пристав с городовыми, иной — два жандарма, иной раз тем же «Гелинкером был убит дворник». (Кроме террористических актов практиковали и «экспроприаци[и] средств потребления» — надо ж было чем-то и питаться.) «Власти постоянно боялись того, что анархисты на Суражской "начнут бунт"», полицейские привыкли, «что бунта надо ждать и сегодня, и завтра, и послезавтра». «Большинство... чернознаменцев... склонялось к тому, чтобы начать усиленную боевую деятельность, которая по возможности непрерывно поддерживала бы атмосферу классовой войны».

Для этого распространили террор и на еврейских «буржуа». Тот же Фарбер ранил владельца мастерской Кагана, «дождавшись его у синагоги... тяжело ранил его ударом ножа в шею»; тяжело ранили владельца мастерской Лифшица; так же «напали в синагоге на богача Вейнрейха», стреляли, но «плохенький револьвер трижды дал осечку». Требовался ряд «крупных антибуржуазных "безмотивных" актов», «пусть вечная угроза смерти... висит над буржуа каждый миг, каждый час его существования». Даже была идея «по всей [главной улице Белостока] расставить адские машины и взорвать на воздух всех крупных буржуа» сразу. Но «как сказать *анархическое* "слово"?» В белостокских анархистах образовалось две группы: «безмотивного» террора, «безмотивники», — и «коммунары», которые находили метод террора «бледным» и слабым, но стремились к вооружённо-

160 *Диманштейн* // «1905», т. 3, вып. 1, с. 163.

му восстанию «во имя безгосударственной коммуны»: «захватить город, вооружить массы, выдержать целый ряд сражений с войсками, выгнать их за пределы города», а «параллельно... всё расширяющийся захват фабрик, мастерских и магазинов». И вот «на митингах в 15–20 тысяч человек наши ораторы призывали к вооружённому восстанию». Увы, «рабочие массы Белостока далеко отошли от ими же вспоенного революционного авангарда», требовалось «ликвидировать... пассивное настроение масс». Такое восстание белостокские анархисты и готовили в Белостоке в 1906. Его ход и последствия и получили название «белостокского погрома»[161].

Всё началось с убийства полицмейстера — и именно на той «Суражской улице, где была сосредоточена еврейская анархистская организация»; затем кто-то стрелял или бросил бомбу в проходящую церковную процессию. Специально за тем приехавшая комиссия Государственной Думы, увы, увы, почему-то так и не могла установить: «были ли то выстрелы, или какое-то шипение, этого очевидцы точно не могли выяснить»[162]. Впрочем, коммунист Диманштейн через 20 лет ясно пишет, что «в православную процессию была брошена провокационная петарда»[163].

Не исключено и соучастие Бунда, «лучшие» месяцы революции тщетно рвавшегося к вооружённому восстанию, а вот хиреющего без боевой обстановки, так что предстояло ему снова идти поклониться РСДРП. Но гораздо явственней, конечно, проявились сами белостокские анархисты. Об этом анархистском гнезде повествовал после 1917 их вождь Иуда Гроссман-Рощин: они больше всего боялись «подда[ть]ся постепеновщине и благоразумию». Проиграв две-три стачки из-за неподдержки населения, они решили, как раз в июне 1906, «что надо взять в свои руки город» и экспроприировать производства. «Полагалось, что уход из Белостока без последней классовой битвы ни на чём не основан и является капитуляцией перед сложной задачей высшего типа»; если «не перейдём к высшей стадии борьбы, то масса потеряет доверие [к нам]». — Однако для взя-

161 Из истории анархического движения в Белостоке // Соблазн социализма, с. 417–432.

162 ЕЭ, т. 5, с. 171–172.

163 *Диманштейн* // «1905», т. 3, вып. 1, с. 180.

тия города не хватало наличных сил и оружия, и Гроссман кинулся в Варшаву искать помощи у боевой организации ППС (польских социалистов). И там — его застал крик газетчика: «“Кровавый погром в Белостоке!... Тысячи жертв!”... Всё стало ясно. Реакция нас предупредила», — пробалтывается он[164].

Вот тут-то, в «переходе на высшую стадию борьбы», кажется, и кроется объяснение «погрома». Этот революционный порыв белостокских анархистов ещё потом продолжил на суде присяжный поверенный Гиллерсон, произнёс адвокатскую речь, «возбуждающую к ниспровержению существующего в России образа правления и общественного строя», — за что сам был привлечён к ответственности. По суждению же думской комиссии, «почву для погрома создали и разнообразные реакционные общественные элементы, мнившие, что борьба с евреями есть борьба с Освободительным движением»[165].

После той не признанной думской комиссиею «провокационной петарды» — как же развивались события? По выводу комиссии, велось «систематическое расстреливание мирного еврейского населения, не исключая женщин и детей, под видом усмирения революционеров». Еврейских жертв было «свыше 70 убитых и около 80 раненых». Наоборот, «обвинительный акт стремился объяснить погром революционной деятельностью евреев, озлобившей прочее население». Думская же комиссия отвергала это: «никакой племенной, религиозной или экономической вражды между христианским и еврейским населением города Белостока не существовало»[166].

А сегодня пишут так: «На этот раз погром был чисто военный. Войска превратились в погромщиков» и охотились за революционерами. Впрочем, об этих войсках уже рядом сказано, что они боялись отрядов еврейских анархистов с Суражской улицы, так как «русско-японская война... научила их [русских солдат] бояться выстрелов» — так выразился с трибуны городской думы еврейский депутат[167]. — И вот против еврейской самообороны вышли пе-

---

164 *И. Гроссман-Рощин* // Былое, 1924, № 27–28, с. 180–182.

165 ЕЭ*, т. 5, с. 171, 174.

166 Там же*, с. 170, 172.

167 *Прайсман* // «22», 1986/87, № 51, с. 185–186.

хота и кавалерия, а с другой стороны бомбы и огнестрельное оружие.

Комиссия Думы, в тот взбудораженный общественный момент, заключила о «расстреливании населения», — но через 20 лет в советском сборнике читаем (всё равно тот «старый режим» не вернётся, не оправдается, вали волку на холку): происходило «убивание гвоздями целых семей, выкалывание глаз, вырезывание языков, раздробление детских голов и т.п.»[168]. А роскошный, иллюстрированный, на меловой бумаге, за границей изданный освобожденческий сенсационно-разоблачительный фолиант «Последний самодержец» (уверенно заключая вперёд, что Николай II будет «последний») предлагает такую версию: погром «настолько инсценировался, что представилось возможным описать программу первого дня в берлинских газетах; таким образом, за два часа до начала погрома в Белостоке берлинцы могли ознакомиться с событием»[169]. (Если что-то и было в берлинской газете — так не отсвет ли замыслов Гроссмана-Рощина?)

Да ведь довольно нелепо было бы для российских властей сочинять и поощрять еврейские погромы в те самые месяцы, когда русские министры обивали западные финансовые пороги в поисках займов. Вспомним, что Витте и без этого трудно было получить заём от неблагожелательно настроенных (из-за положения евреев и еврейских погромов) Ротшильда «и других больших еврейских домов»[170], за исключением берлинского Мендельсона. Ещё в декабре 1905 русский посол в Лондоне Бенкендорф предупреждал своего министра: «Ротшильды твердят повсюду... что русский кредит в настоящее время стоит очень низко, но будет восстановлен немедленно по разрешении еврейского вопроса»[171].

И в начале 1906 Витте опубликовал обещательное правительственное сообщение, что «коренное решение еврей-

---

168 *Диманштейн* // «1905», т. 3, вып. 1, с. 180.

169 Der Letzte russische Alleinherrscher. Последний самодержец: Очерк жизни и царствования императора России Николая II-го. Берлин: Eberhard Frowein Verlag, [1913], с. 340.

170 А. Попов. Заем 1906 г. в донесениях русского посла в Париже // Красный архив, 1925, т. 11/12, с. 432.

171 К переговорам Коковцова о займе в 1905–1906 г.г. // Красный архив, 1925, т. 10, с. 7.

ского вопроса является делом народной совести и будет разрешено Думой, до созыва которой будут отменены неоправдываемые обстоятельствами времени наиболее стеснительные ограничения»[172]. И он упрашивал виднейших петербургских евреев, чтобы представительная делегация евреев посетила Государя, обещал им самый милостивый приём. Приглашение это обсуждалось на съезде представителей провинциальных комитетов Союза Полноправия — и после горячей темпераментной речи Ю.Б. Бака (издателя «Речи») постановлено было отказать царю в депутации российского еврейства, лишь послать меньшую рангом к Витте, не с ответом, а с обвинением: «ясно и недвусмысленно» заявить ему, что волна погромов организована «по инициативе и при поддержке правительства»[173].

После двух лет революционных сотрясений в России взявшие верх в российском еврействе вожди не хотели и думать о дальнейшем добывании еврейского равноправия прежней постепеновщиной. Себя они ощущали на победном гребне — и не нуждались идти к царю верноподданными просителями. Да они и гордились уже явленной отвагой еврейской революционной молодёжи. (Надо представить всю мнимую незыблемость старой императорской армии, чтобы ощутить эту сцену, как *перед строем* Ростовского гренадерского полка — его командира полковника Симанского *арестовывает* еврей вольноопределяющийся!) А что? — может быть, эти революционеры вовсе и не совершили «национальной измены», как обвинял Дубнов, а были-таки правы? — после 1905 года сомневались теперь осторожные и состоятельные евреи.

Каким же был итог 1905 года для всего российского еврейства? С одной стороны, «революция 1905 г. принесла в общем итоге положительные результаты... [она] дала евреям, не имевшим ещё гражданского равноправия — равноправие политическое... Никогда не стоял еврейский вопрос так благоприятно в общественном мнении, как после "Освободительного движения"»[174]. Но, с другой стороны, после сильного участия в революции евреев — те-

---

172 Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина // Красный архив, 1924, т. 5, с. 106.

173 *Слиозберг*, т. 3, с. 185–188.

174 *Г.А. Ландау*. Революционные идеи в еврейской общественности // РиЕ, с. 116.

перь уже всех евреев тем больше отождествляли с ней. В. Шульгин в 1907 с трибуны Государственной Думы предлагал констатировать в резолюции: «...западная половина России от Бессарабии до Варшавы кишит ненавистью к евреям, которых она считает главными виновниками всех бед...»[175].

И это находит косвенное подтверждение в усилившейся еврейской эмиграции из России. Если ещё в 1904 и 1905 мы видели рост в эмиграции главным образом мужчин средних лет, то, начиная с 1906, она сильно взросла во всех слоях еврейства. Вот когда она действительно сдвинулась: не от погромов 1881–82, а от погромов 1905–06. Теперь — только в Соединённые Штаты эмигрировали из России: в 1905–06 — 125 тыс., в 1906–07 — 115 тыс.[176]

Одновременно же с тем, пишет Б.И. Гольдман, «в короткие годы бури и натиска высшие учебные заведения не придерживались строго процентной нормы для евреев, и появившиеся в результате сравнительно значительные кадры еврейской профессиональной интеллигенции, с большей ловкостью, чем русская, завоёвывавшей рынок и далеко не всегда отличавшейся строгостью нравов в этой конкуренции, — создали представление о "еврейском засилии" в области умственного труда»[177]. А «в составленном в 1906 в министерстве народного просвещения "Проекте университетов" вообще ничего не говорилось о процентной норме». В 1905 студентов-евреев в России числилось 2247 (9.2%), в 1906 их было 3702 (11.6%), а в 1907 — 4266 (12%)[178].

В опубликованной 25 августа 1906 правительственной программе реформ обещалось рассмотреть, какие ограничения для евреев «как вселяющие лишь раздражение и явно отжившие» могут быть немедленно отменены.

Но в то же время российское правительство было сильнейше обескуражено и самой революцией (растянувшейся ещё на два года разлитого и просто уголовного террора, едва удержанного Столыпиным) — и яркой заметной долей евреев в этой революции.

---

[175] ГД–2, сессия 2, заседание 5, 6 марта 1907, с. 151.

[176] ЕЭ, т. 2, с. 235–236; КЕЭ, т. 6, с. 568.

[177] *Б.И. Гольдман* (*Б. Горев*). Евреи в произведениях русских писателей. Пд.: Свободное Слово, 1917, с. 28.

[178] КЕЭ, т. 7, с. 348.

Раздосадованные не только этой раздёрганной революцией, но ещё и обиднейшим поражением в японской войне, петербургские верхи всё же поддавались соблазнительно простому объяснению, что Россия ничем органически не больна, что вся революция, отначала и целиком, есть злобная еврейская затея и часть мирового иудо-масонского заговора. Всё объяснить единою причиною: евреи! Давно была бы Россия в зените мировой славы и могущества, если бы не евреи!

И этим близоруким, удобным объяснением вельможные круги ещё бесповоротнее определяли своё близкое падение.

Суеверная убеждённость в исторической силе заговоров (хотя бы такие и составлялись, частные или общие) совсем упускает из виду главную причину неудач отдельных лиц или государственных образований: человеческие слабости.

Наши русские слабости — и определили печальную нашу историю, под уклон — от бессмыслицы никонианского раскола, жестоких петровских безумств и уродств, и через национальный обморок послепетровской чехарды, вековую трату русских сил на внешние, чужие задачи, столетнее зазнайство дворянства и бюрократическое костенение сквозь XIX век. Не посторонний заговор был, что мы покинули наше крестьянство на вековое прозябание. Не посторонний заговор был, что величавый и жестокий Петербург подавлял тёплую малороссийскую культуру. Не посторонний заговор был, что по четыре министерства не могли рассудить, кому же из них принадлежит какое-нибудь дело, и годами изморочно прокручивали его по четырём кругам, ещё в каждом от помощника столоначальника до министра. Не посторонний заговор был, что один за другим наши императоры не понимали темпа мирового развития и истинных требований времени. Сохранялись бы в нас духовная чистота и крепость, истекавшие когда-то от Сергия Радонежского, — не страшились бы мы никаких ни заговоров, ни раззаговоров.

Нет, никак не сказать, что евреи «устроили» революцию Пятого или Семнадцатого годов, как их не устраивала и ни одна другая, в целом, нация. Да и ни русские, ни украинцы, в целом как нация, не устраивали еврейских погромов.

Легко бы всем нам оглядеться на революцию и отречься от своих «отщепенцев». Это были, мол, «не-еврейские евреи»[179] или — то были «интернационалисты, а не русские». Но ни одна нация не может не отвечать за своих членов. Мы, как нации, подпитываем их развитие.

В случае революционной еврейской молодёжи (и, увы, их воспитателей) и тех евреев, которые «были важной движущей силой революции»[180], забыт был мудрый совет Иеремии иудеям, переселённым в Вавилон: «И заботьтесь о благосостоянии города, в который Я переселил вас, и молитесь за него Господу; ибо при благосостоянии его и вам будет мир» (Иерем. 29–7).

А присоединившиеся к революции российские евреи — рвались этот Город опрокинуть, не предвидя последствий.

Роль маленького, но энергичного еврейского народа в протяжной и раскидистой мировой истории — несомненна, сильна, настойчива и даже звонка. В том числе и в русской истории. Однако она остаётся — исторической загадкой для всех нас.

И для евреев — тоже.

Эта странная миссия — отнюдь не приносит и счастья им.

---

179 См., например: *Paul Johnson.* A History of the Jews. HarperCollins, 1987, p. 448.

180 КЕЭ, т. 7, с. 349.

Глава 10 — В ДУМСКОЕ ВРЕМЯ

Манифестом 17 октября 1905 начался, а после года столыпинского министерства и утвердился качественно новый период русской истории — период думской монархии или ограниченного самодержавия, в который началось быстрое заметное потеснение прежних государственных устоев — безбрежности царских прав, непроницаемости министерств и незыблемости вельможной иерархии. Всем *верхам* этот переход дался с большим неприятием, и лишь твёрдые деятельные умы успевали достойно войти в новое время. Но не сразу освоилась и общественность с новым порядком выборов, думской гласностью (и ещё трудней — с думской ответственностью), а уж на левом её краю неистовые ленинцы вместе с неистовыми бундистами вовсе бойкотировали выборы в 1-ю Государственную Думу: не надо нам ваших парламентов, мы пойдём через взрывы, кровь и сотрясения! И «отношение Бунда к тактике еврейских депутатов в Думе было резко отрицательное»[1].

Но российские евреи, ведомые «Союзом для достижения полноправия», отнеслись к новому думскому устроению с неошибочным сочувствием, «приняли очень живое участие в выборах, голосуя в большинстве случаев за представителей [кадетской] партии, выставившей на своём знамени дарование евреям равноправия». Так настроены были и иные очнувшиеся революционеры. Например Исаак Гурвич, эмигрировавший в 1889, и затем в США — активный левый марксист, один из создателей американской социал-демократической партии, — в 1905 вернулся в Россию и избран выборщиком Государственной Думы[2]. — В выборах не было ограничений для евреев, и в 1-ю Думу было избрано 12 депутатов-евреев, правда большинство из них — из

---

[1] Еврейская Энциклопедия (далее — ЕЭ): В 16-ти т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1906-1913. Т. 5, с. 100.

[2] Российская Еврейская Энциклопедия (далее — РЕЭ): 1994 — ... [2-е продолж. изд., испр. и доп.]. Т. 1, М., 1994, с. 392.

14—5080

черты оседлости, местные, а столичные вожди еврейства не имели там ценза и потому не могли быть избраны: из них в Думу вошли только М. Винавер, Л. Брамсон [3] и крещёный М. Герценштейн (которому добровольно уступил своё место кн. П. Долгоруков).

При заметной численности депутатов-евреев в Думе, депутаты-сионисты предлагали образование «отдельной еврейской фракции» с «дисциплин[ой] настоящей политической партии», но не-сионистские депутаты отвергли эту мысль, лишь согласились «время от времени собираться на совещания по вопросам, касающимся специально еврейских интересов» [4], однако уж тут приняли «обязательн[ую] дисциплин[у] в смысле полного подчинения решениям коллегии, состоявшей из членов Думы и членов Комитета Полноправия» [5] («политическое бюро»).

Вместо этого укреплялся прочный союз евреев с кадетской партией. «Местные отделения Союза [полноправия] и конституционно-демократической партии нередко состояли из одних и тех же людей» [6]. (А Винавера в шутку называли «кадетом Моисеева закона»). «В черте оседлости евреи составляли подавляющее большинство членов [кадетской] партии, во внутренних губерниях — вторую по численности национальную группу... Как писал С. Витте, “почти все еврейские интеллигенты, кончившие высшие учебные заведения, пристали к партии “Народной свободы” [т.е. кадетам]... которая сулила им немедленное равноправие. Партия эта в значительной степени обязана своим влиянием еврейству, которое питало её как своим интеллектуальным трудом, так и материальным» [7]. — Евреи «дали конституционно-севрюжинскому русскому “Освободительному движению” 1905 года... планомерность и сосредоточенность» [8].

---

[3] ЕЭ, т. 7, с. 370.

[4] Там же, с. 371.

[5] *Г.Б. Слиозберг.* Дела минувших дней: Записки русского еврея: В 3-х т. Париж, 1933–1934. Т. 3, с. 200.

[6] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ): 1976 — ... [продолж. изд.]. Т. 7, Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1994, с. 349.

[7] Там же, с. 398–399.

[8] *В.В. Шульгин.* «Что нам в них не нравится...»: Об Антисемитизме в России. Париж, 1929, с. 207.

Всё же, вспоминает видная кадетка А. Тыркова, «главными созидателями и руководителями кадетской партии были не евреи. Среди кадетов-евреев не нашлось такого крупного человека, который мог бы повести за собой русских либералов, как в середине XIX в. еврей Дизраэли повёл английских консерваторов... самые значительные люди в кадетской партии были русские. Это не значит, что я отрицаю влияние евреев, растворившихся в нашей толпе. Самая их неугомонность не могла не действовать. Своим присутствием, своей активностью они напоминали о себе, о том, что надо их выручать, помнить об их положении». И далее: «Вдумываясь в пути и перепутья еврейских влияний [в кадетской партии], нельзя обойти Милюкова. Он с самого начала стал их любимцем, был окружён кольцом темноглазых почитателей, в особенности почитательниц... они, под сурдинку, баюкали его своими мелодиями, заласкивали его, без всякого стеснения осыпали его до комизма вздутыми похвалами»[9].

В.А. Оболенский, тоже член ЦК кадетской партии, описывает кадетский клуб времени 1-й Думы на углу Сергиевской и Потёмкинской. Там сливались верхи российского секулярного еврейства и верхи русской политизированной интеллигенции: «Там всегда было людно, и публика, среди которой преобладали богатые петербургские евреи, была нарядная: дамы в шёлковых платьях, с бриллиантовыми брошками и кольцами, мужчины — с буржуазно лощёными, упитанными и самодовольными физиономиями. Даже нас, демократически настроенных депутатов, вид этого "кадетского клуба" несколько шокировал. Можно себе представить, как неуютно себя там чувствовали крестьяне, приходившие на заседания нашей фракции... "Господская партия", решали они про себя и переставали к нам ходить»[10].

На местах взаимодействие Союза полноправия и кадетской партии осуществлялось не только обеспечением «как можно большего числа кандидатов-евреев», но и: «местным отделениям [Союза полноправия] предписывалось

---

9 *А. Тыркова-Вильямс.* На путях к свободе. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952, с. 303–304.

10 *В.А. Оболенский.* Моя Жизнь. Мои современники. Париж: YMCA-Press, 1988, с. 335.

поддерживать [не-евреев], кто обещает содействовать эмансипации евреев»[11]. Как поясняла в 1907 кадетская «Речь», в ответ на неоднократные запросы других газет: «“Речь” в своё время совершенно точно указала условия соглашения с еврейской группой... группе предоставлено право отвода выборщиков и право возражения против кандидатов в Думу»[12].

Приступив к прениям, Дума поставила вопрос о еврейском равноправии в рамках общего уравнения всех граждан в правах — то есть следуя логике царского Манифеста. «Государственная Дума обещала выработать “закон о полном уравнении в правах всех граждан с отменою всех ограничений и привилегий, обусловленных сословием, национальностью, религией или полом”»[13]. Утвердив основные положения закона, Дума ещё проговорила один нетерпеливый месяц, делая «громкие, но бесполезные декларации»[14], пока не была распущена. И закон о гражданском равенстве, в том числе и еврейском, повис.

Как и большинство кадетов, еврейские депутаты 1-й Думы подписали и Выборгское воззвание — но тем были устранены от дальнейшей возможности избираться, что чувствительнее всего сказалось на карьере Винавера. (В 1-й Думе он выступал резко, а вместе с тем известны его более поздние предупреждения: чтобы евреи не очень выходили в первый ряд, не обошлось бы это как в революцию Пятого года.)

«Участие еврейского населения в выборах во вторую Государственную Думу отличалось ещё большею энергиею, чем во время первой выборной кампании... Еврейское население “черты оседлости” проявило живейший интерес к выборам. Агитация захватила все слои населения». Однако, описывает дореволюционная Энциклопедия, там шла и усиленная антиеврейская агитация активных в Западном крае правомонархических кругов, «крестьянству было внушено, что все передовые партии стремятся к уравнению евреев в правах в ущерб интересам коренного населе-

[11] КЕЭ, т. 7, с. 349.

[12] Речь, 1907, 7 (19) янв., с. 2.

[13] ЕЭ, т. 7, с. 371.

[14] *В.А. Маклаков.* 1905–1906 годы // [Сб.] М.М. Винавер и русская общественность начала XX века. Париж, 1937, с. 94.

ния»[15]; что «за спиною подстроенного народного представительства страною управляет иудейско-масонский синдикат грабителей народа и предателей государства»; что крестьянин озабочен «небывалым количеством новых господ, которых не помнят ни отцы, ни деды и которых теперь должен кормить его земледельческий труд»; что конституция «вместо татарского ига сулит России позорное иго международного кагала». И внушался отрицательный список к отъёму уже наличествующих прав: не только не избирать евреев в Думу, но водворить их всех внутрь черты; воспретить торговать хлебом, зерном и лесом, участвовать в банкирских конторах и торговых домах; лишить приобретенных имений; запретить принимать новые фамилии; запретить быть издателями и редакторами печатных органов; сократить и саму черту оседлости за счёт плодороднейших губерний, наделять евреев землёй не ближе Якутской области; вообще признать иностранцами, заменить им отбывание воинской повинности денежными уплатами и ещё, и ещё. «Результатом этой устной и литературной антисемитской агитации был почти полный провал во время выборов во вторую Государственную Думу по черте еврейской оседлости прогрессивных кандидатов»[16]. Всего во 2-ю Думу было избрано 4 еврейских депутата (из них 3 кадета)[17].

Но ещё до выборов во 2-ю Думу — еврейским равноправием озаботилось само правительство. Через полгода после своего вступления в премьерство, в декабре 1906, Столыпин провёл постановление правительства (так называемый «журнал совета министров») о дальнейшем частичном снятии еврейских ограничений, причём ключевых, в сторону полного равноправия. «Предполагалось отменить: запрет на проживание евреев в сельской местности в пределах черты оседлости; запрет на проживание в сельской местности по всей империи для лиц, имеющих право повсеместного жительства»; «запрещение включать евреев в правления акционерных обществ, имеющих земельную собственность»[18].

[15] ЕЭ, т. 7, с. 372.

[16] ЕЭ*, т. 2, с. 749–751.

[17] ЕЭ, т. 7, с. 373.

[18] КЕЭ, т. 7, с. 351.

Государь ответил письмом от 10 декабря: «Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия... — внутренний голос всё настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя»[19].

Как будто он не понимал, а вернее желал забыть, что предлагаемое в «журнале» постановление — было прямым и неизбежным следствием Манифеста, им же подписанного год назад...

А и в самом закрытом бюрократическом объёме всегда есть глаза и руки доверенных канцеляристов. И — слух о решении совета министров уже проник в общество? И теперь — станет известно, что министры — эмансипируют евреев, а царь — преграждает?...

И Столыпин с поспешностью, в тот же день, 10 декабря, пишет обеспокоенное письмо Государю, повторяя вновь и все аргументы, а главное: «О возвращении журнала никто пока не знает», и, значит, можно колебания монарха скрыть. «Ваше Величество, мы не имеем право ставить Вас в такое положение и прятаться за Вас». Столыпин хотел, чтобы эти льготы прошли именно дарованием от царя. Но раз нет — он предлагает теперь Государю поставить иную резолюцию: что Государь не возражает по существу, но хочет провести закон не в обход Государственной Думы, а — через Думу.

Государственный секретарь С.Е. Крыжановский сообщает, что Государь тогда и положил резолюцию в этом духе: пусть народные представители берут на себя ответственность и за возбуждение и за решение этого вопроса. Но: почему-то эта резолюция не только осталась мало известной, — а и «почина со стороны Государственной Думы не последовало»[20].

2-й Думе, с её значительным левым большинством, насквозь пропитанной духом передового общества, и столь неистовой в поношениях правительства, — простор действий был открыт! Однако «во 2-й Гос. Думе гораздо меньше говорилось о проблеме бесправия евреев, чем во время засе-

---

[19] Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина // Красный архив: Исторический журнал Центрархива РСФСР. М.: ГИЗ, 1922–1941. Т. 5, 1924, с. 105; см. также: КЕЭ, т. 7, с. 351.

[20] *С.Е. Крыжановский.* Воспоминания: Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего Государственного секретаря Российской Империи. Берлин: Петрополис, [б/г], с. 94–95.

даний 1-й Гос. Думы»[21]. Закона о еврейском равноправии не довели даже до обсуждения, не говоря о принятии.

Почему же 2-я Дума не использовала предложенную возможность? почему не поспешила? Вся трёхмесячная сессия была у неё на то. И о чём только мелко-побочном не толковали, не кипятились? А еврейское равноправие — пока частичное, но ведь уже разработанное — не подхватили. Почему же? «Особая внепарламентская комиссия» и вовсе не начала заниматься разработанным снятием еврейских ограничений, но в обход ему искала равноправия *полного*, «возможно скорее»[22].

Трудно всё это объяснить иначе, чем политическим расчётом: в борьбе с самодержавием играть и играть дальше на накале еврейского вопроса, сохранять его неразрешённым — в запас. Мотив этих рыцарей свободы был: как бы отмена еврейских ограничений не снизила бы их штурмующего напора на власть. А штурм-то — и был для них всего важней.

Это становилось уже заметно и понятно. Например, Бердяев упрекал весь спектр российских радикалов: «Вы очень чувствительны к еврейскому вопросу, вы боретесь за права евреев. Но чувствуете ли вы "еврея", чувствуете ли вы душу еврейского народа?... Нет, ваша борьба за евреев не хочет знать евреев»[23].

А в 3-й Думе кадеты уже не имели большинства и «не принимал[и] инициативы в области еврейского вопроса, не желая терпеть поражение... Это вызывало большое неудовольствие со стороны еврейских масс и еврейская пресса не жалела нападок на партию Народной Свободы»[24]. Хотя «евреи по-прежнему приняли энергичное участие в выборной кампании, а число городских выборщиков евреев почти во всех губерниях черты оседлости превосходило число выборщиков-христиан», — они были переголосованы враждебной стороной, и всего в 3-й Думе было лишь два еврея-депутата: Нисселович и Фридман[25]. (Последний удержался и в 4-й Думе.) — С 1915 и в Государственном Совете был ев-

[21] КЕЭ, т. 7, с. 351.

[22] ЕЭ, т. 7, с. 373.

[23] *Николай Бердяев*. Философия неравенства. 2-е изд., испр., Париж: YMCA-Press, 1970, с. 72.

[24] *Слиозберг*, т. 3, с. 247.

[25] ЕЭ, т. 7, с. 373 -374.

рей — Г.Э. Вейнштейн, от Одессы. (Перед революцией — ещё и Соломон Самойлович Крым, караим.)[26]

Октябристы же, став ведущей партией 3-й Думы, с одной стороны, переняли на себя, отчасти с колебаниями, общественный напор за равноправие евреев, так что получили там же и упрёк от русских националистов: «Мы полагали, что октябристы попрежнему стоят на почве охраны национальных интересов», — но вот они неожиданно отодвинули на задний план и вопрос «о даровании равноправия русским в Финляндии» (которого в этой «колонии России», стало быть, — не было...), и «о выделении Холмской Руси» с русским населением из Польши — и «выдвинул[и] законопроект об отмене черты еврейской оседлости»[27]. С другой стороны, им приписывались выступления уже «чисто антисемитского характера»: 3-я Дума, по инициативе Гучкова, в 1908 приняла «пожелание... о недопущении евреев-врачей на военно-медицинскую службу»[28], также и «предлагалось заменить для евреев воинскую повинность денежным налогом»[29]. (В предвоенные годы в России серьёзно обсуждался в публичности вопрос об освобождении евреев от воинской повинности; И.В. Гессен издал книгу «Война и евреи».)

Так ни 2-я, ни 3-я, ни 4-я Государственные Думы сами прямо не взялись провести закон о полном равноправии евреев. Однако всякий раз, как надо было голосовать по закону о *крестьянском* равноправии (издан Столыпиным 5 октября 1906), — стараниями левых та же 2-я, и та же 3-я, и та же 4-я Думы блокировали крестьянское равноправие, ссылаясь, что нельзя его проводить прежде еврейского (и прежде польского).

И тем — не терялся, но удваивался, но упятерялся напор на это ненавистное царское правительство. Напор — не утерялся, и не приняты были Думой законы — до самой Февральской революции.

---

[26] *А.А. Гольденвейзер.* Правовое положение евреев в России // [Сб.] Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до Революции 1917 г. (далее — КРЕ-1). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960, с. 132; РЕЭ, т. 1, с. 212; т. 2, с. 99.

[27] Государственная Дума — Третий созыв (далее — ГД-3): Стенографический отчёт. Сессия 4, часть III, СПб., 1911, заседание 101, 27 апреля 1911, с. 2958.

[28] ЕЭ, т. 7, с. 375.

[29] КЕЭ, т. 7, с. 353.

А Столыпин, после своей неудачной попытки в декабре 1906, — не возбуждая законодательного шума, немо-административно облегчал отдельные антиеврейские ограничения.

На это осудительно отозвался нововременский публицист М. Меньшиков: «Черта оседлости при Столыпине сделалась фикцией»[30]. Евреи «побеждают русскую власть, отнимая у неё одну область авторитета за другой... правительство поступает так, как если бы оно было еврейским»[31].

Судьба средней линии.

В воинственном неприятии постепенных мер, в тактическом неприятии эволюционного равноправия, левым и радикальным партиям содействовала направляющая могучая российская пресса. С конца 1905 пресса стала полностью свободна от предварительной цензуры, но это была теперь не только свободная пресса. Эта была пресса, прямо и открыто считавшая себя действующим лицом на политической арене — выставляющая, как мы прочли, требования вроде *устранения полиции с улиц*. По словам Витте — обезумевшая.

В случае Думы от репортёров зависела вся подача думской жизни, думских прений — на всю глубину России. Стенографические отчёты печатались с опозданием и весьма незначительным тиражом, других средств извещения, кроме ежедневных газет, не было — и именно газетная подача материала увлекала умы. Газетные отчёты систематически перекрашивали или даже извращали думские прения, растягивали в объёме левых депутатов, расточали им похвалы, а речи правых депутатов — сжимали, скрадывали.

По свидетельству А. Тырковой, во 2-й Думе «думские журналисты образовали своё бюро печати», от которого «зависело распределение мест» для корреспондентов по карточкам. Члены бюро «отказали в карточке» корреспонденту из газеты «Колокол» (чтение сельских священников). Кадетка Тыркова вступилась, что «нельзя же лишать этих читателей возможности узнавать о Думе по отчётам той газеты, которой они доверяют больше, чем оппозиционной прессе»; но «суетливы[е] мои коллег[и], среди которых преобладали евреи... горячились, кричали, доказывали, что

30 Новое время, 1911, 8 (21) сент., с. 4.

31 Там же, 10 (23) сент., с. 4.

"Колокол" никто не читает, что он решительно никому не нужен»[32].

Русские националистические круги сводили такое поведение прессы просто и в целом к евреям: хватало им доказательств, что почти все думские корреспонденты — евреи. И печатали «разоблачительные» списки имён этих еврейских корреспондентов. Уж выразительнее того был комичный эпизод думских прений: со страстью отбиваясь от противников, Пуришкевич среди речи вдруг протянул указующую руку к ложе печати, в кольцевом барьере близ трибуны: «Да вы посмотрите на эту *черту еврейской оседлости*!» — и весь зал невольно посмотрел на корреспондентов и так же невольно захохотал, не удержалась и левая сторона. Эта «черта думской оседлости» так и припечаталась потом афоризмом.

Среди евреев-издателей выделялся С.М. Проппер, вышеупомянутый хозяин «Биржевых Ведомостей», с неизменными симпатиями к «революционной демократии». — Более сочувственные воспоминания наш источник сообщает о Ю.Б. Баке, основателе и главном пайщике кадетской «Речи»: «человек очень отзывчивый, просвещённый и принадлежал к числу радикальных либералов». Страстная его речь на съезде еврейских комитетов помощи, в начале 1906, остановила примирительную депутацию к царю. «Не было ни одной еврейской просветительной и благотворительной организации, в которой Ю.Б. Бак не принял бы участия», особенно отличался работой в ЕКО[33]. Сама же «Речь», и её редактор И.В. Гессен, отнюдь не была сосредоточена именно на еврейских темах — но на общелиберальных (и Гессен это показал потом в эмиграции и «Рулём», и «Архивом Русской Революции»). В «профессорских» «Русских Ведомостях» печатались еврейские деятели различных направлений — и Вл. Жаботинский, но и будущий творец военного коммунизма Лурье-Ларин. С. Мельгунов отмечал, что благоприятные выступления «Русских Ведомостей» по вопросам, касающимся евреев, происходили «не только во имя защиты угнетаемых, а и в силу состава сотрудников»[34]. «Сотрудники еврейского происхождения числились даже в штатах суво-

[32] *Тыркова-Вильямс*, с. 340–342.

[33] *Слиозберг*, т. 3, с. 186–187.

[34] *С.П. Мельгунов*. Воспоминания и дневники. Вып. 1. Париж, 1964, с. 88.

ринского "Нового времени"», Энциклопедия перечисляет пятерых[35].

Долгое время в «Русских Ведомостях» был самой яркой фигурой Г.Б. Иоллос, приглашённый туда Герценштейном, сотрудником газеты с 1880-х годов. Оба они были и депутатами 1-й Думы. Дикая атмосфера политических убийств, из которых, по сути, и состояла революция-«репетиция» 1905–06 годов, пала на обе их судьбы. По сведениям израильской Еврейской энциклопедии, виновником обоих убийств был Союз русского народа. По Российской Еврейской энциклопедии — на Союзе ответственность за убийство Герценштейна (1906), а Иоллос был убит (1907) «террористами-черносотенцами» [36].

Деятельность еврейских издателей и публицистов не ограничивалась столичными или высоко интеллектуальными газетами, распространялась и на другой конец популярности, например на простонародную «Копейку», читаемую каждым дворником, — в четвертьмиллионном тираже она «сыграла большую роль в борьбе с антисемитскими клеветническими кампаниями». (Создатель и руководитель её М.Б. Городецкий.)[37] Редактором весьма влиятельной «Киевской мысли» (левее кадетов), был Иона Кугель (один из четырёх братьев, все журналисты), а в ней встречаем и прожжённого Д. Заславского, и, самое трогательное: Льва Троцкого. Крупнейшая газета Саратова издавалась Авербахом-отцом (шурином Свердлова). Одно время в Одессе существовал «Новороссийский телеграф», с сильно правыми убеждениями, — но против него в 1900 применялись успешно приёмы экономического заглушения.

Были в российской прессе и отдельные «кочующие» звёзды. Здесь выделялся как вдохновенный журналист Л.Ю. Гольдштейн, писавший в самых разных газетах на протяжении 35 лет, и в «Сыне Отечества», и он же создал и редактировал «Россию», уже, кажется, верх патриотизма. (Её закрыли за резкий фельетон против династии — «Господа Обмановы».) Юбилей Гольдштейна отмечен в весенних газетах 1917 года[38]. — Или скромный Гарвей-Альтус,

---

[35] КЕЭ, т. 7, с. 517.

[36] Там же, с. 351; РЕЭ, т. 1, с. 290, 510.

[37] РЕЭ, т. 1, с. 361.

[38] Новое время, 1917, 21 апр. (4 мая); и др. газеты.

единожды прославленный фельетоном «Прыжок влюблённой пантеры», зашлёпавшим клеветой министра внутренних дел Н.А. Маклакова. (Но что́ эти фельетоны в сравнении с уже пережитыми Россией «юмористическими листками» 1905–07, с невиданной до тех пор наглостью и неслыханным языком поносившими сплошь все власти и всё государственное устройство? Тут стоит отметить оборотня Зиновия Гржебина: в 1905 издавал сатирически неистовый «Жупел», в 1914–15 — благонамеренное «Отечество», а в 1920 по соглашению с советским Госиздатом наладил русскоязычное издательство в Берлине[39].)

Но если пресса имела разные направления, в том числе между либерализмом и социализмом, а среди публицистов по еврейским темам — между сионизмом и автономизмом, то одна позиция в российской прессе устойчиво оставалась нереспектабельной: отношение к властям с пониманием. Уже в 70-е годы «необузданность русской прессы» отмечал не раз Достоевский. По отношению к властям она проявилась даже на совещании 8 марта 1881 у только что воцарившегося Александра III, и не раз потом: журналисты вели себя как самовольные представители общества.

Наполеону приписывают выражение: «Три враждебные газеты опаснее 100 тысяч враждебного войска». Эта фраза стала во многом применимой к русско-японской войне. Русская пресса была откровенно пораженческой в протяжении всей той войны, каждой её битвы. И, ещё важней: она была нескрываемо сочувственной к террору и революции.

Эта пресса, неоглядно развязная в 1905, толковалась в думское время, по словам Витте, как пресса в основном «еврейская» или «полуеврейская»[40]: точнее, с преобладанием левых или радикальных евреев на ключевых корреспондентских и редакторских постах. В ноябре 1905 Д.И. Пихно, редактор национальной русской газеты «Киевлянин», уже 25 лет на этом посту и изучивший российскую печать, писал: «Еврейство... поставило на карту русской революции огромную ставку... Серьёзное русское общество поняло, что

---

[39] РЕЭ, т. 1, с. 373.

[40] *граф С.Ю. Витте.* Воспоминания. Царствование Николая II: В 2-х т. Берлин: Слово, 1922. Т. 2, с. 54.

в такие моменты печать сила, но этой силы у него не оказалось, а она оказалась в руках его противников, которые по всей России говорили от его имени и заставляли себя читать, потому что других изданий не было, а в один день их не создашь... и [общество] терялось в массе лжи, в которой не могло разобраться»[41].

Л. Тихомиров национального в этом явлении не видел, но в 1910 сделал такие заметки о характере российской прессы: «Хлёсткость на нервы... Односторонность... Не желают приличия, джентльменства... Не знают идеала, понятия о нём не имеют». И воспитанная этой прессой публика «требует бойкости, хулиганства, знаний не может ценить, невежества не замечает»[42].

И, совсем с другого политического края, большевицкий публицист (М. Лемке) выразился о качестве этой прессы так: «В нашу пореформенную эпоху идеи стали дешевы, а информация, сенсация и наглое авторитетное невежество заполнили прессу».

Специфичнее, в культуре, горько жаловался в 1909 и Андрей Белый, уж никакой не правый и не «шовинист»: «Главарями национальной культуры оказываются чуждые этой культуре люди... Посмотрите списки сотрудников газет и журналов России: кто музыкальные, литературные критики этих журналов? Вы увидите почти сплошь имена евреев; среди критиков этих есть талантливые и чуткие люди, есть немногие среди них, которые понимают задачи национальной культуры, быть может, и глубже русских; но то — исключения. Общая масса еврейских критиков совершенно чужда русскому искусству, пишет на жаргоне эсперанто и терроризирует всякую попытку углубить и обогатить русский язык»[43].

В те самые годы предупреждал и дальнозоркий сионист Вл. Жаботинский, жалуясь на «передовые газеты, содержимые на еврейские деньги и переполненные сотрудниками-евреями»: «Когда евреи массами кинулись творить русскую политику, мы предсказали им, что ничего доброго

---

[41] Киевлянин, 1905, 17 нояб. // *Шульгин**, Приложения, с. 285–286.

[42] Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив, 1936, т. 74, с. 177, 179.

[43] *Борис Бугаев [Андрей Белый]*. Штемпелеванная культура // Весы, 1909, № 9, с. 75, 77.

отсюда не выйдет ни для русской политики, ни для еврейства»[44].

Российская печать сыграла решающую роль в предреволюционном кадетско-интеллигентском штурме на правительство; её настроение, властно им захваченный, выразил депутат Думы А.И. Шингарёв: «Пусть эта власть тонет! *Такой* власти мы не можем бросить и обрывка верёвки!». К месту здесь упомянуть, что 1-я Дума вставала в память жертв белостокского погрома (не соглашаясь, как мы видели, что то была вооружённая битва анархистов с войсками), 2-я Дума — в честь убитого террористом Иоллоса; но когда Пуришкевич предложил почтить вставанием и память убитых на постах полицейских и солдат — его за то лишили слова и исключили из заседания: разгорячённым парламентариям тогда немыслимым казалось посочувствовать и тем, кто охраняет простой порядок в государстве, необходимый для них же всех, и для общей спокойной жизни.

Верно заключил, но поздно, но в оглядку на прошлое из эмигрантской «Еврейской трибуны» 1923 года А. Кулишер: «В русско-еврейской общественной среде перед революцией действительно были люди и целые группы, деятельность которых характеризовалась... именно отсутствием чувства ответственности за разброд в умах русского еврейства... распространение неопределённого и легкомысленного "революционизма"... Вся суть их политики была в том, чтобы быть левее кого-то другого. Всегда оставаясь в роли безответственных критиков, никогда не идя до конца, они видели своё назначение в том, чтобы говорить: "Мало!"... Эти люди были "демократами"... Но были и демократы в особенности, так и именовавшие себя "Еврейскою *демократическою* группой", прибавлявшие это прилагательное ко всем неподходящим существительным, сочинявшие невыносимый талмуд демократизма... с целью доказать, что другие недостаточно демократичны... Они создавали вокруг себя безответственное настроение беспочвенного максимализма, отсутствие точного предела в требованиях. Это настроение проявилось с пагубными последствиями в революции»[45]. Разрушительность, истекав-

---

[44] *Вл. Жаботинский.* Дезертиры и хозяева / Четыре статьи о "чириковском инциденте" (1909) // [Сб.] Фельетоны. СПб.: Типография «Герольд», 1913, с. 75, 76.

шая от той прессы, — действительно была из самых слабых, уязвимых мест государственной России к 1914, к 1917 годам.

Но что же — та «рептильная печать» — то есть ползком перед властями, печать русских националистов? «Русское знамя» Дубровина — говорят, из рук выпадало, до того грубо и бездарно. (А кстати, было запрещено рассылать его в армию, по возражению генералов.) Вероятно, не намного добротней была и «Земщина» — не знаю, не читал обеих. Оскопились, одряхлели и с 1905 потеряли читателей и «Московские Ведомости».

Где же были сильные консервативные, радеющие о русских умы и перья? Почему не создали газет достойного уровня, но противовесных этому разрушительному вихрю?

А — к состязанию с гибкой мыслью и письменностью либеральной и радикальной прессы, столь обязанной в своей энергии и непрерывном развитии сотрудникам-евреям, русские национальные силы, медлительные благорастворённые умы, совершенно не были готовы тогда (и уж тем более сегодня). Вместо них высовывались озлобленные левой печатью, но совершенно топорные перья. Добавим ещё сюда: правые газеты еле-еле существовали финансово. А в газетах, содержимых, как писал Жаботинский, «на еврейские деньги», — прекрасная оплата, уже потому богатый набор перьев, и те газеты, все сплошь, прежде всего: интересны. При всём этом левая печать и Дума требовали закрытия «субсидируемой» печати» — то есть тайно и вяло субсидируемой правительством.

Государственный секретарь С.Е. Крыжановский подтверждал, что правительство поддерживало финансово более 30 газет в разных местностях России, но — безо всякого успеха: от отсутствия у правых — образованных людей, подготовленных к публицистической деятельности; отчасти — и от правительственного неумения. Способнее других был И.Я. Гурлянд — еврей из м.в.д., одинокое явление, — который под псевдонимом «Васильев» писал брошюры, и тайная экспедиция рассылала их заметным в обществе лицам.

---

[45] *А. Кулишер.* Об ответственности и безответственности // Еврейская трибуна: Еженедельник, посвященный интересам русских евреев. Париж, 1923, № 7 (160), 6 апр., с. 4.

Итак, у правительства был только сухо-бюрократический перечислительный «Правительственный вестник». А создать что-либо сильное, яркое, убедительное, чтобы открыто бороться за общественное мнение, не говорим уже Европы, но хотя бы внутри России, — царское правительство или не догадывалось, или не умело взяться, или это было ему не по силам, и не по смыслу.

На правительственной стороне долго выступало «Новое время» Суворина — живая, яркая, с пульсом (впрочем, пульсом переменным — то за союз с Германией, то с неистребимой ненавистью к немцам), и увы, нередко путающая нужду национального возрождения с замахиванием на евреев. (И основатель её старик Суворин, умирая и деля имущество между тремя сыновьями, поставил им условие, чтобы они не продавали паёв евреям.) Витте относил «Новое время» к газетам, которым в 1905 «было выгодно быть левыми... Затем они поправели, а теперь черносотенствуют. Разительный пример такого направления представляет [эта] весьма талантливая и влиятельная газета». Хотя и коммерческая, «это всё-таки одна из лучших газет»[46]. Она была очень обильна информацией и изрядно распространена — может быть, самая энергичная газета в России и, конечно, самая умная из правых.

А правые деятели? а правые члены Думы? Большей частью вели себя несоразмерно истинному соотношению своих сил и слабостей, действовали напроломно и тщетно, не видели других путей «защиты самобытности русского государства», как взывать к государственным антиеврейским запретам. Депутат Балашов выдвинул в 1911 — вопреки всему вектору времени, его ветрам — программу: *укрепить* черту оседлости, устранить евреев от печати, суда и русской школы. Депутат Замысловский протестовал против того, что при кафедрах высшей школы, «по скрытой симпатии», оставляют или евреев, или эсеров, социал-демократов — как будто против «скрытой симпатии» можно уборотьcя государственными средствами! — В 1913 съезд объединённого дворянства требовал (как звучало и в 1908 в 3-й Думе): пусть не брать евреев на военную службу, но и не допускать на гражданскую, земскую, в городское самоуправление и в присяжные заседатели.

---

[46] *Витте*, т. 2, с. 55.

Весной 1911 Пуришкевич, рьяно участвуя в травле падающего Столыпина, предлагал в Думе закрайне: «Евреям строжайше воспрещается занятие в Империи каких-либо должностей в области государственного управления по любому из ведомств... в особенности на её окраинах... Евреи, изобличённые в посягательстве на занятие любой должности по государственному управлению, привлекаются к судебной ответственности» [47].

Итак, правые винили Столыпина — в уступках евреям.

А Столыпин, входя в правительство весной 1906, вынужден был принять Манифест 17 октября 1905 как отныне сущее, хотя и взывающее к поправкам. Слишком ли поспешно, необдуманно, легкомысленно он был подписан Государем — это уже не имело значения, предстояло его выполнять, предстояло в трудностях перестраивать государство — в соответствии с Манифестом, вопреки колебаниям и самого Государя. А из него неотклонимо вытекало уравнение евреев во всех правах.

Разумеется, антиеврейские ограничения сохранялись ещё не в одной России и не только в собственно России. В Польше, почитаемой тогда наряду с Финляндией как угнетённая, они ещё резче выражались от польских настроений. А, пишет Жаботинский, «о таком гнёте над евреями, какой существует в Финляндии, даже Россия и Румыния не знают... Первый встречный финн, увидев еврея за городом, имеет право арестовать преступника и представить в участок. Большая часть промыслов евреям недоступна. Браки между евреями обставлены стеснительными и унизительными формальностями... Постройка синагог крайне затруднена... Политических прав евреи лишены абсолютно». А в австрийской Галиции «в политическом смысле поляки откровенно смотрят на евреев как на материал для эксплуатации в целях упрочнения своей власти над краем... были случаи исключения учеников из гимназии "за сионизм"», всячески стесняются еврейские школы, проявляется ненависть к жаргону (идишу), и даже еврейская социалистическая партия «бойкотируется и преследуется польскими социал-демократами» [48]. Да и в среднеевропейском австрийском государстве ещё калилась ненависть к евреям и сохра-

[47] ГД-3, сессия 4, заседание 101, 27 апр. 1911, с. 2911.

[48] *Вл. Жаботинский.* Homo homini lupus // [Сб.] Фельетоны, с. 111–113.

нялось множество частных и переменчивых ограничений, как например лечение в Карлсбаде: то — евреям вовсе нельзя, то — можно только летом, а «зимние евреи» допускались лишь под особым наблюдением[49].

Но по системе ограничений в самой России можно весьма понять сводную жалобу тогдашней Еврейской энциклопедии: «Положение евреев представляется крайне неустойчивым, зависящим от толкования или, вернее, от усмотрения любого исполнителя закона, вплоть до самого низшего... Неопределённость... вызывается... крайней трудностью единообразного толкования и применения ограничительных законов... Многочисленные статьи законов дополнены и изменены множеством Высочайших повелений, состоявшихся по докладам отдельных министров... причём не все даже включены в Свод Законов»; «даже наличность специального разрешения подлежащей власти не может дать еврею полную уверенность в незыблемости его прав»; «отказ в исполнении требования низшего представителя власти, анонимный донос конкурента или открытое домогательство более сильного конкурента о выселении еврея — достаточны, чтобы обречь его на скитание»[50].

Столыпин же ясно понимал и несуразность такой обстановки, и неотклонимое направление эпохи к уравнению евреев в правах, уже во многом в России достигнутому.

Численность евреев, живших вне черты, неуклонно увеличивалась год от году. После 1903, когда для жительства и экономической деятельности евреев открылись дополнительно 101 поселение, происходили при Столыпине ещё новые добавления к ним многолюдных поселений — так он сам исполнял меру, не принятую в 1906 царём и отброшенную в 1907 Думой. В дореволюционной Еврейской энциклопедии указано, что к 1910–12 годам число этих добавочных поселений было 291[51], новая Энциклопедия называет 299 к 1911 году[52].

Старая Энциклопедия напоминает нам, что с лета 1905, по инерции революционных событий, «правления и советы [учебных заведений] не считались, в течение трёх

[49] ЕЭ*, т. 9, с. 314.

[50] ЕЭ, т. 13, с. 622–625.

[51] ЕЭ, т. 5, с. 822.

[52] КЕЭ, т. 5, с. 315.

лет, с процентными нормами»[53]. С августа 1909 процентная норма для евреев в высших и средних учебных заведениях была повышена сравнительно с прежде установленной (отныне: в столицах 5%, вне черты 10%, в черте 15%)[54] — но с тем, чтобы она теперь соблюдалась. Однако поскольку в Петербургском университете студенты-евреи составляли в 1909 — 11%, а в Новороссийском — 24%[55], это воспринималось как новое ограничение. В прямом смысле новое ограничение последовало в 1911: процентную норму перенесли и на экстернов[56] (мужчин, на женщин это не распространилось; по женским гимназиям вне черты к 1911 реально было 13,5%). В заведения же художественные, торговые, технические и ремесленные приём евреев не ограничивался. «Наряду с средними и высшими школами, евреи устремлялись и в низшие», которые прежде игнорировали. Так, если в 1883 «во всех городских и уездных училищах» евреи составляли 2%, то уже в 1898 мальчики — 12%, девочки — 17%[57]. — Кроме того, «еврейская молодёжь заполнила частные высшие школы», например в Киевском коммерческом институте в 1912 было 1875 студентов-евреев, в Психоневрологическом — «тысячи». С 1914 любое частное учебное заведение получило право преподавать на любом языке[58].

Да ведь вся эпоха — неизбежно шла ко всеобщему обязательному обучению.

Основная задача Столыпина была — крестьянская земельная реформа, создание крепкого крестьянского землевладения. Его сподвижник в этой работе министр земледелия А.В. Кривошеин, тоже сторонник отмены черты оседлости, одновременно настаивал ограничить «права анонимных акционерных обществ» в скупке земли, ибо через то образовывались компании «крупного еврейского землевладения»; кроме того, «проникновение в деревню часто спекулятивного еврейского капитала затруднило бы успех

[53] ЕЭ, т. 13, с. 55.

[54] КЕЭ, т. 7, с. 352

[55] *С.В.Познер.* Евреи в общей школе: К истории законодательства и правительственной политики в области еврейского вопроса. СПб.: Разум, 1914, с. 54.

[56] КЕЭ, т. 6, с. 854; т. 7, с. 352.

[57] ЕЭ, т. 13, с. 55–58.

[58] *И.М.Троцкий.* Евреи в русской школе // КРЕ-1, с. 358, 360.

землеустроительной реформы» (одновременно, боялся он, и рождая антисемитизм в сельских местностях Великороссии, где его никогда прежде не знали)[59]. Столыпин и Кривошеин не могли допустить, чтобы крестьяне оставались в безземельном нищенстве. — В 1906 и еврейским сельскохозяйственным колониям было запрещено приобретать казённые земельные участки, резервируемые отныне для крестьян[60].

Известный экономист М. Бернацкий приводил такие предвоенные данные: евреев занято в сельском хозяйстве — 2,4%, в свободных профессиях — 4,7%, на частной службе — 11,5%, в торговле 31% (и евреи составляют 35% всего торгового класса России), в промышленности — 36%. Живёт же в сельской местности черты оседлости 18% евреев.[61] Сопоставляя эту последнюю цифру с 2,4% — видим, что к этим годам земледельческий труд среди сельских евреев не вырос, тогда как по мнению Бернацкого, «*русский* интерес заключается в том, чтобы еврейский труд и еврейские средства находили себе наиболее производительное применение повсюду», всякие ограничения евреев это «колоссальн[ая] растрат[а] производительных сил страны». Он указывал, что, например, в 1912 Общество фабрикантов и заводчиков московского промышленного района ходатайствовало перед председателем Совета министров не стеснять евреев в их роли посредствующего звена с русскими центрами фабричного производства[62].

Б.А. Каменка, председатель правления и директор-распорядитель Азово-Донского банка, перешёл на кредитование каменноугольной и металлургической отраслей, патронировал 11 крупных компаний в Донецком и Уральском районах[63]. — В промышленности участие евреев в акционерных компаниях не стеснялось, а «ограничения прав акционерных компаний владеть землёй вызвали бурю проте-

---

59 *К.А. Кривошеин.* А.В. Кривошеин (1857–1921 г.): Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973, с. 290, 292.

60 ЕЭ, т. 7, с. 757.

61 *М. Бернацкий.* Евреи и русское народное хозяйство // Щит: Литературный сборник / Под ред. Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. 3-е изд., доп., М.: Русское Общество для изучения еврейской жизни, 1916, с. 28, 30; КЕЭ, т. 7, с. 386.

62 *Бернацкий* // Щит, с. 30, 31.

63 РЕЭ, т. 1, с. 536.

ста всех финансовых промышленных кругов». И это кривошеинское ограничение было отменено[64].

В. Шульгин прибег к образу: «Детской представлялась "русская мощь" в сравнении с отточенным напором еврейства. Русская сила напоминала разлив мирной реки: безкрайно дремлет сонная ширь; воды много, Боже мой сколько, но вся-то она стоячая. И эта же река, десятком вёрст ниже, суженная суровыми плотинами, превращена в стремительный поток; холодным кипятком врывается он в кружащиеся турбины»[65].

А с экономически либеральной стороны слышим похожее: «Россия, столь бедная... представителями высшего квалифицированного труда... как будто стремится увеличить своё невежество и умственную отсталость от Запада». Недопущение евреев до рычагов производства — «сводится к намеренному неиспользованию... производительной силы»[66].

Столыпин хорошо понимал, что это — растрата. Но слишком неравно развивались хозяйственные отрасли страны. И он уподоблял еврейские ограничения — покровительственной таможенной пошлине: они могут быть только временными, пока русские окрепнут в общественной жизни и экономике, вообще же они создают для русских развращающую оранжерейную атмосферу. Наконец (и после скольких десятилетий?) правительство начало приводить в исполнение тот подъём крестьянства, который означал бы истинное, по глубокому смыслу *равноправное* соотношение и сословий и народностей; тот подъём, который и устранил бы русскую боязнь перед евреем, и обязательно бы покончил с ограничениями евреев *вообще*.

Столыпин предполагал использовать еврейские капиталы для подъёма русского хозяйства: допустить их многочисленные акционерные общества, предприятия, концессии, эксплуатацию природных хозяйств России. При этом он понимал, что динамичные, мощные частные банки, в силу их небольшого числа и близких связей, часто предпочитали не соперничать, а сговариваться, — но рассчитывал уравновесить это «национализацией кредита»: развитием

64 *К.А. Кривошеин*, с. 292–293.

65 *Шульгин*, с. 74.

66 *Бернацкий* // Щит, с. 27, 28.

функций Государственного Банка, созданием фонда помощи энергичным крестьянам, не могущим достать кредита иначе.

И ещё был иной государственный расчёт Столыпина: что равноправие евреев оторвёт по сути нереволюционную часть еврейства от революционных партий. (Среди других аргументов был и тот, что при повседневном обходе ограничительных правил на местах берётся много взяток и тем развращается государственный аппарат.)

Те российские евреи, кто смотрели на суть дела без ожесточения, — те видели, что, несмотря на продолжаемые ограничения, несмотря на всё более громкие (но и беспомощные) выпады против евреев в правой общественности, — предвоенные годы были для евреев всё благоприятнее и необратимо вели к равноправию.

Всего через несколько лет, уже вышвырнутые в эмиграцию от великой революции, два выдающихся еврея размышляли о предреволюционной России.

Когда-то с трудом выбившийся из бедности через самообразование, лишь в 30 лет получивший аттестат зрелости экстерном, лишь в 35 окончивший университет, активный участник Освободительного движения и последовательный противник сионизма как призрачной идеи — Иосиф Менассиевич Бикерман в свои 55 лет написал: «Вопреки майским [1882] и другим правилам, вопреки черте оседлости и процентной норме, вопреки Кишинёву и Белостоку, я был и чувствовал себя свободным человеком, для которого открыта широкая возможность работать в самых разнообразных областях человеческой деятельности, который мог материально обогащаться и духовно расти, мог бороться за недостающее ему и копить силы для продолжения борьбы. Ограничения... под напором времени и нашим напором всё суживались, и во время войны широкая брешь была пробита в последней твердыне нашего бесправия. Пять или пятнадцать лет должно было бы ещё пройти, пока евреи добились бы полного равенства пред законом, мы могли ждать»[67].

---

[67] *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // Россия и евреи: Сб. 1 (далее — РиЕ) / Отечественное объединение русских евреев заграницей. Париж: YMCA-Press, 1978 [переизд. Берлин: Основа, 1924], с. 33.

Человек совсем других убеждений и жизненного опыта, последовательный сионист, врач (одно время и приват-доцент женевского медицинского факультета), публицист и общественный деятель Даниил Самойлович Пасманик, ровесник Бикермана, в те же годы, из той же эмиграции писал: «При царском режиме евреям жилось куда лучше и, что бы там ни говорили, перед Великой войной материальное и духовное состояние русского еврейства было блестящее. Мы тогда были политически бесправными, но мы могли тогда развивать самую интенсивную деятельность в области национально-духовного строительства, а еврейская традиционная нищета прогрессивно исчезала»[68]. — «Экономически традиционная нищета нашей массы уменьшалась с каждым днём, уступая место зажиточности и материальной обеспеченности, несмотря даже на бессмысленные изгнания многих десятков тысяч евреев из прифронтовой полосы. Статистика оборота обществ взаимного кредита... лучше всего доказывала экономический прогресс русского еврейства в последнее десятилетие до переворота. То же самое и в культурном отношении. Несмотря на полицейский режим — царство абсолютной свободы в сравнении с нынешним режимом большевистской Чека — еврейские культурные учреждения всех родов и видов процветали. Жизнь била ключом: организации крепли, творчество развивалось и открывались широкие перспективы»[69].

За век с лишним под русской короной еврейство выросло из 820 тысяч (с Царством Польским) до свыше 5 миллионов, ещё при том отдав эмиграции более полутора миллионов[70], — то есть рост 8-кратный от 1800 до 1914. А за последние девяносто лет рост был в $3^1/_2$ раза (1 млн. 500 тыс. : 5 млн. 250 тыс.) — тогда как население всей Империи за эти годы (и с приобретением новых областей) выросло в $2^1/_2$ раза.

Но в это время ограничения ещё оставались и питали в Соединённых Штатах антирусскую пропаганду. Столыпин полагал, что с ней можно будет справиться *разъяснением*,

---

[68] *Д.С.Пасманик*. Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923, с. 195-196.

[69] *Д.С.Пасманик*. Чего же мы добиваемся? // РиЕ, с. 218.

[70] КЕЭ, т. 7, с. 384-385.

приглашением американских конгрессменов и корреспондентов — посещать Россию. Однако к осени 1911 ситуация обострилась к расторжению 80-летнего устойчивого торгового договора с Америкой. Столыпин не знал ещё, что́ значит пламенная речь будущего миротворца Вильсона, что значит единодушие американского Конгресса. Но до расторжения того договора он не дожил.

Столыпин, давший своё направление, свет и имя предвоенному десятилетию России, — весной 1911, при озлоблении и кадетского крыла и крайне правых, растоптанный законодателями обоих крыльев за закон о западном земстве, — был в сентябре 1911 убит.

Первый русский премьер, честно поставивший и вопреки Государю выполнявший задачу еврейского равноправия, погиб — по насмешке ли Истории? — от руки еврея.

Судьба средней линии.

Да ведь убивать Столыпина пытались семижды, и целые революционные группы разного состава — и всё не удавалось. А тут — гениально справился одиночка.

Ещё юный, несозревший ум, сам Богров не мог охватить в целом государственного значения Столыпина. Но с детства видел повседневные и унизительные стороны политического неравноправия, и был нажжён, от семьи, от своего круга, да и сам, — в ненависти к царской власти. И, очевидно, в тех киевских еврейских кругах, казалось бы столь идеологически подвижных, не возникло смягчения к Столыпину за его попытки снять антиеврейские ограничения, — а у кого, из более состоятельных, и возникло, то перевешено было памятью его энергичного подавления революции 1905–06 и раздражением за его усилия по «национализации русского кредита», открытое соперничество с частными капиталами. В кругах киевского (и петербургского, где зреющий убийца тоже побывал) еврейства действовало то всерадикальное Поле, в котором молодой Богров счёл себя вправе и даже обязанным — убить Столыпина.

Столь сильно было Поле, что позволило такое соединение: капиталист Богров-отец возвысился, благоденствует при этом государственном строе, Богров-сын идёт на разрушение этого строя, — и отец, после выстрела, публично выражает гордость за такого сына. Оказалось, что не совсем уж одиночкой был Богров: ему тихо аплодировали в тех со-

стоятельных кругах, которые раньше оставались безоговорочно верными строю.

А этот выстрел, которым было подсечено выздоровление России, мог же быть совершён и в самого царя. Но убить царя Богров счёл невозможным: потому (по его словам), что «это могло бы навлечь на евреев гонения», «вызвать стеснения их прав». При убийстве же всего лишь премьер-министра, он предвидел правильно, такого не произойдёт. Но он думал — и горько ошибся — что это благоприятно послужит судьбе российского еврейства.

И тот же М. Меньшиков, сперва упрекнув Столыпина за уступки евреям, скорбит над ним: нашего великого государственного человека, нашего лучшего правителя за полтора столетия — убили! — и убийцей оказался еврей? и не постеснялся? да как посмел он стрелять в премьер-министра России?! «Киевский зловещий выстрел... должен быть принят как сигнал к тревоге, к большой тревоге... не надо мести, но нужен наконец отпор»[71].

И что же произошло в те дни в «черносотенном Киеве», населённом множеством евреев? Среди киевских евреев в первые же часы после убийства возникла массовая паника, началось движение покидать город. Да «ужас объял еврейское население не только Киева, но и других самых отдалённых местностей черты оседлости и внутренней России»[72]. Клуб русских националистов хотел собирать подписи о выселении всех евреев из Киева (хотел, но не собирал). Не произошло и малейшей попытки погрома. Председатель молодёжного «Двуглавого орла» Галкин призвал разгромить киевское Охранное отделение, проморгавшее убийство, и бить евреев, — его обуздали тотчас. Вступивший в премьер-министры Коковцов срочно вызвал в город казачьи полки (все войска были на манёврах, далеко за городом) и разослал всем губернаторам энергичную телеграмму: предупреждать погромы — всеми мерами, вплоть до оружия. Войска были стянуты в размере, в каком не стягивали и против революции. (Слиозберг: если бы в сентябре 1911 вспыхнули погромы, «Киев был бы свидетелем резни, не уступавшей место ужасам времён Хмельницкого»[73].)

---

[71] Новое время, 1911, 10 (23) сент., с. 4.

[72] *Слиозберг*, т. 3, с. 249.

[73] Там же.

И погрома не произошло нигде в России, ни единого, ни малейшего. (Хотя мы часто, густо читаем, что царская власть всегда только мечтала и искала, как устроить еврейский погром.)

Разумеется, предотвращение беспорядков входит в прямую обязанность государства, и при успешном выполнении её — неуместно ждать похвалы. Но при таком сотрясательном событии-поводе — убийство главы правительства! — избежание погромов, ожидавшихся панически, могло быть отмечено, хотя бы вскользь. Но нет, — *такой* интонации — никто не слышал, *о том* — никто не упоминает.

И, во что даже трудно поверить, киевская еврейская община не выступила с осуждением или сторонним сожалением по поводу этого убийства. Наоборот. После казни Богрова многие студенты-евреи и курсистки вызывающе нарядились в траур.

И русские это тогда замечали. Сейчас опубликовано, что В. Розанов в декабре 1912 написал: «После [убийства] Столыпина у меня как-то всё оборвалось к ним [евреям:] посмел ли бы русский убить Ротшильда и вообще "великого из *ихних*"»[74].

При взгляде же историческом, приходят две весомые мысли, что ошибочно было бы поступок Богрова списывать на то, что, мол, «это действовали силы интернационализма». Первая и главная: это было не так. Не только его брат в своей книге[75], но и разные нейтральные источники указывают, что расчёт помочь судьбе еврейства — у него был. Вторая же: что взяться за неудобное в истории, обдумать его и сожалеть — ответственно, а отрекаться и отмываться от него — мелко.

Однако отречение и отмывание начались чуть ли не сразу. В октябре 1911 в Государственную Думу был подан запрос октябристов о смутных обстоятельствах убийства Столыпина. И тотчас депутат Нисселович протестовал: почему октябристы в своём запросе *не скрыли*, что убийца Столыпина — еврей?! Это, сказал он, — антисемитизм!

---

74 Переписка В.В. Розанова и М.О. Гершензона // Новый мир, 1991, № 3, с. 232.

75 *Владимир Богров.* Дмитрий Богров и убийство Столыпина: Разоблачение «действительных и мнимых тайн». Берлин, 1931.

Узнаю и я этот несравненный аргумент. Через 70 лет и я получил его от американского еврейства в виде тягчайшего обвинения: почему я *не скрыл*, почему я тоже назвал, что убийца Столыпина был еврей? Не идёт в счёт, что я описал его столь цельно, сколько мог. И не в счёт, что́ его еврейство значило в его побуждениях. Нет, *нескрытие* с моей стороны — это был антисемитизм!!

Гучков с достоинством ответил тогда: «Я думаю, что гораздо больший акт антисемитизма заключается в самом действии Богрова. Я предложил бы члену Государственной Думы Нисселовичу обращаться с горячим словом увещания не к нам, а к своим единоверцам. Пусть он их убедит силой своего красноречия, чтобы они подальше держались от этих двух позорных профессий: службы в качестве шпионов в охране и службы в качестве активных работников террора. Этим он оказал бы гораздо большую услугу своему племени»[76].

Но что́ еврейской памяти, когда и русская история само это убийство допустила смыть из своей памяти, осталось оно каким-то незначащим, невыразительным побочным пятном. Лишь в 80-е годы я начал поднимать его из забытья — а семьдесят лет и не принято было то убийство вспоминать.

Отодвигаются десятилетия — и больше событий и смыслов попадают в наш глаз.

Я не раз задумывался над капризностью Истории: над *непредвиденностью последствий*, которую она подставляет нам, последствий наших действий. Вильгельмовская Германия пропустила Ленина на разложение России — и через 28 лет получила полувековое разделение Германии. — Польша способствовала укреплению большевиков в тяжелейший для них 1919 год, для скорейшего поражения белых, — и получила себе: 1939, 1944, 1956, 1980. — Как рьяно Финляндия помогала российским революционерам, как она не терпела, вынести не могла своей преимущественной, но в составе России, свободы — и получила от большевиков на 40 лет политическую униженность («финляндизацию»). — Англия в 1914 задумывала сокрушить Гер-

[76] *А. Гучков*. Речь в Государственной Думе 15 окт. 1911 [по запросу в связи с убийством Председателя Совета Министров П.А. Столыпина] // А.И. Гучков в Третьей Государственной Думе (1907–1912 гг.): Сборник речей. СПб., 1912, с. 163.

манию как свою мировую соперницу — а саму себя вырвала из великих держав, да и вся Европа сокрушилась. — Казаки в Петрограде были нейтральны в Феврале и в Октябре — и через полтора года получили свой геноцид (и даже многие — *те самые* казаки). — В первоиюльские дни 1917 левые эсеры потянулись к большевикам, потом дали им видимость «коалиции», уширенной платформы, — и через год были сами раздавлены так, как не справилось бы с ними никакое самодержавие.

Этих дальних последствий — нам не дано предвидеть никому никогда. И единственное спасение от таких промахов — всегда руководствоваться только компасом Божьей нравственности. Или, по-простонародному: «Не рой другому ямы, сам в неё попадёшь».

Так и от убийства Столыпина — жестоко пострадала вся Россия, но не помог Богров и евреям.

Кто как, а я ощущаю тут те же великанские шаги Истории, её поразительные по неожиданности результаты.

Богров убил Столыпина, предохраняя киевских евреев от притеснений. Столыпин — и без того был бы вскоре уволен царём, но несомненно был бы снова призван в круговращательном безлюдьи 1914–16, и при нём — мы не кончили бы так позорно, ни в войне, ни в революции. (Если б ещё, при нём, мы в ту войну вступили бы.)

Шаг первый: убитый Столыпин — проигранные в войне нервы, и Россия легла под сапоги большевиков.

Шаг второй: большевики, при всей их свирепости, оказались много бездарней царского правительства, через четверть века быстро отдавали немцам пол-России, в том охвате и Киев.

Шаг третий: гитлеровцы легко прошли в Киев и — уничтожили киевское еврейство.

Тот же Киев, и тоже сентябрь, только через 30 лет от богровского выстрела.

И в том же Киеве, в том же 1911, ещё за полгода до убийства Столыпина, заваривалось и будущее дело Бейлиса. Есть сильные основания полагать, что при премьере Столыпине это опозорение юстиции никогда бы не состоялось. Например, известен случай: просматривая архив Департамента полиции, Столыпин наткнулся на записку «Тайна еврейства» (предшественница «Протоколов»), о мировом еврейском заговоре. И поставил резолюцию: «Быть может и логично, но предвзято... Способ противодей-

ствия для правительства совершенно недопустимый»[77]. В результате «Протоколы» «никогда не были признаны царским правительством в качестве основы официальной идеологии»[78].

О процессе Бейлиса написаны тысячи и тысячи страниц. Кто захотел бы теперь вникнуть подробно во все извивы следствия, общественной кампании и суда — должен был бы, без преувеличения, потратить не один год. Это — за пределами нашей книги. Через 20 лет после события, в советское время, были напечатаны подневные донесения полицейских чиновников в Департамент полиции о ходе процесса[79], вниманию желающих можно предложить и их. А само собою велась полная стенограмма процесса и была опубликована. А ещё — отчёты полусотни присутствовавших журналистов.

Убит был 12-летний мальчик Андрей Ющинский, ученик Киево-Софийского духовного училища, убит зверским и необычайным способом: ему было нанесено 47 колотых ран, притом с очевидным знанием анатомии — в мозговую вену, в шейные вены и артерии, в печень, почки, лёгкие, в сердце, нанесены с видимой целью полностью обескровить его живого и притом, судя по потёкам крови, в стоячем положении (конечно, и связав и заткнув ему рот). Осуществить такое мог только весьма умелый преступник, да и не один. Обнаружен убитый был с опозданием в неделю — в пещере, на территории завода Зайцева. Но пещера не была местом убийства.

В самых первых обвинениях не было ритуального мотива, но вскоре он возник, да ещё возникло наложение по срокам, что убийство совпало с наступлением еврейской Пасхи и якобы закладкой новой синагоги на территории Зайцева (еврея). Через четыре месяца после убийства был, по этой версии обвинения, арестован Менахем Мендель Бейлис, 37 лет, работник на заводе Зайцева. Он был арестован без убедительного подозрения. Как это произошло?

---

77 *Слиозберг**, т. 2, с. 283–284.

78 *Р.Нудельман.* Доклад на семинаре: Советский антисемитизм — причины и прогнозы // "22": Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1978, № 3, с. 145.

79 Процесс Бейлиса в оценке Департамента полиции // Красный архив, 1931, т. 44, с. 85–125.

Следствие об убийстве повело киевское сыскное отделение — и, по всему, оно было достойным побратимом киевского Охранного отделения, которое запуталось на Богрове и погубило Столыпина. Повели многомесячное следствие два таких же, как «куратор» Богрова ротмистр Кулябко, служебных и деловых ничтожества — Мищук и Красовский, при содействии преступно бестолковых подсобных (в пещеру, где найден труп Ющинского, городовые расчищали снег, чтобы удобнее войти тучному приставу, и тем уничтожили возможные следы преступников). Но хуже того — между этими сыщиками возникло соревнование, кто отличится в раскрытии, чья версия верней, — и они не останавливались перед тем, что проваливали действия своего соперника, путали наблюдение, запугивали свидетелей, даже арестовывали агентов друг у друга, а Красовский гримировал подозреваемого, прежде чем представить его свидетелю. Вели «следствие» как рядовое и отдалённо осмыслить не могли масштаба события, в которое ввязались. Когда через два с половиной года наконец открылся суд, Мищук скрылся в Финляндию от обвинения в подлоге вещественных доказательств, скрылся от суда и важный сотрудник Красовского, а сам Красовский, потеряв пост, сменил позицию и стал помощником адвокатов Бейлиса.

Следствие почти два года кидалось по ложным версиям, долго обвинение висело над родственниками убитого, затем доказана их полная непричастность. Становилось всё ясней, что прокуратура решится формально обвинить и судить Бейлиса.

Бейлиса обвинили, при сомнительных уликах, потому, что он был еврей. Да как возможно было в XX веке, не имея фактически обоснованного обвинения, вздувать такой процесс в угрозу целому народу? Перешагнув частную судьбу Бейлиса, оно уже вырастало в обвинение против еврейства, — и с этого момента вся обстановка вокруг следствия, а затем суда стала приобретать международный накал, накал на всю Европу и Америку. (Предыдущие ритуальные процессы в России возникали чаще на католической почве: Гродно — 1816, Велиж — 1825, Вильна, дело Блондеса — 1900; кутаисское, 1878, было в Грузии, дубоссарское, 1903, в Молдавии, а собственно в Великороссии — одно саратовское, 1856. Слиозберг, однако, не упускает указать, что и саратовское дело также имело католическое происхождение, а в деле Бейлиса: группа подозреваемых воров — поля-

ки, экспертом по ритуальным обвинениям взят католик, и прокурор Чаплинский — тоже поляк[80].)

В киевской судебной палате обвинительное заключение, по его сомнительности, было принято лишь тремя голосами против двух. При развернувшейся кампании правомонархической прессы, Пуришкевич в Государственной Думе в апреле 1911 говорил так: «Мы не обвиняем всего еврейства, мы мучительно хотим истины» об этом загадочном, странном убийстве. «Существует ли среди еврейства секта, пропагандирующая совершение ритуальных убийств... Если есть такие изуверы, заклеймите этих изуверов», а «мы боремся в России с целым рядом сект» своих[81], но и выражал мнение, что дело будет в Думе замято из-за страха перед прессой. А в дни открытия суда правый националист Шульгин в патриотическом «Киевлянине» выступил *против* этого процесса и «убогого багажа» судебных властей (за что крайне правые обвинили его, что он подкуплен евреями). — Но и остановить обвинение и возобновить расследование, ещё при крайней необычности зверского убийства, тоже никто не решился.

А с другой стороны поднялась и кампания либерально-радикальных кругов, и прессы, не только российской, но вот уже и всемирной. Уже создался неотклонный накал. Питаемый самой предвзятостью обвинения подсудимого, он не иссякал и каждый день клеймил уже и свидетелей. В этом разгаре В. Розанов видел потерю меры, особенно среди печати еврейской: «железная рука еврея... сегодня уже размахивается в Петербурге и бьет по щекам старых заслуженных профессоров, членов Государственной Думы, писателей...»[82].

Между тем сбивались последние попытки вести нормальное следствие. Конюшня на заводе Зайцева, мимо которой обвёл следователя Красовский, затем павшая под подозрение как место убийства, сгорела за два дня до неторопливо назначенного следственного осмотра. Повёл своё энергичное расследование журналист Бразуль-Брушковский и, теперь уже частное лицо, тот Красовский. (Впро-

---

80 *Слиозберг*, т. 3, с. 23–24, 37.

81 ГД–3, сессия 4, заседание 102, 29 апр. 1911, с. 3119–3120.

82 *В.В. Розанов*. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. Стокгольм, 1934, с. 110.

чем, В. Бонч-Бруевич выпустил брошюру, обвиняя Бразуля в корыстности[83].) Они выдвинули версию, что убийство совершено Верой Чеберяк, чьи сыновья дружили с Андреем Ющинским, а сама она — с уголовным миром. В растянувшиеся месяцы расследования таинственно умерли оба сына Чеберяк, она обвиняла в отравлении их Красовского, а Бразуль и Красовский — её саму в убийстве своих сыновей. Версия их была, что убийство Ющинского совершено самой Чеберяк со специальной целью симулировать ритуальное убийство. А Чеберяк утверждала, что адвокат Марголин предложил ей 40 тысяч рублей, чтоб она приняла убийство на себя, Марголин же отрицал это потом на суде, но понёс административное наказание за некорректность поведения.

Попытки проследить, даже только бы назвать десятки деталей этой предсудебной, затем и судебной сумятицы, ещё увеличили бы путаницу. (Вовлеклись туда и «метисы» из революции и охранки. Нельзя не выделить двусмысленной роли и странного поведения на суде жандармского подполковника Павла Иванова — того самого, который, вопреки всякому закону, с уже приговорённым к смерти Богровым сочинял и протоколировал ещё новую версию его мотивов к убийству Столыпина, кладущих всю тяжесть вины на охранные органы, в которых Иванов и служил.) Да вся взвихренная обстановка накладывала своё буревое давление на грядущий суд. Он тянулся месяц, в сентябре-октябре 1913. Он был неохватимо громоздок: вызывалось 219 свидетелей (явилось 185), и ещё затягивался борющимися сторонами, прокурор Виппер сильно уступал группе сильнейших адвокатов — Грузенбергу, Карабчевскому, Маклакову, Зарудному, которые, разумеется, требовали стенографировать его срывы, вроде: этот процесс затруднён «еврейским золотом», «они [евреи в целом] как будто глумятся, смотрите, мы совершили преступление, но... нас никто не посмеет привлечь»[84]. (Удивляться ли, что в дни суда Виппер получал угрожающие письма, в том числе — с изображением петли, да не он один — и гражданские

[83] *Н.В.Крыленко.* За пять лет. 1918–1922 г.г.: Обвинительные речи по наиболее крупным процессам, заслушанным в Московском и Верховном Революционных Трибуналах. М.; Пд.: ГИЗ, 1923, с. 359.

[84] Там же*, с. 356, 364.

истцы, и эксперт обвинения, а вероятно и адвокаты защиты; явно боялся мести и старшина присяжных.) Крутился ажиотаж и перекупка пригласительных на суд билетов, гудел весь образованный Киев. Но оставалось безучастным простонародье.

Была на суде и подробная медицинская экспертиза — нескольких профессоров, разошедшихся между собой, оставался ли жив Ющинский до последней раны или умер раньше, о мере его страданий. Но центр процесса был в экспертизе богословской и научной — о само́й принципиальной возможности ритуальных убийств со стороны евреев, на чём и сошлось всё мировое напряжение[85]. Защита вызвала крупнейших экспертов по гебраизму, раввин Мазе давал экспертизу о Талмуде. Эксперт от православной церкви профессор Петербургской Академии И. Троицкий дал общее заключение, отклоняющее кровавое обвинение против евреев; он подчеркнул, что православие никогда и не выдвигало их, эти обвинения исходят из католического мира. (И. Бикерман потом напомнит, что в царской России сами становые приставы «чуть ли не ежегодно» останавливали разговоры о христианской крови для еврейской Пасхи, «иначе мы имели бы "ритуальное дело" не раз в десятки лет, а ежегодно»[86].) Главным экспертом обвинения на суде и был католический ксёндз Пранайтис. Прокуроры, в развитие общественного спора, требовали привлечь к рассмотрению прежде возникавшие ритуальные процессы, но защита отвела это ходатайство. Таким судебным поворотом — к вопросу о ритуальности или неритуальности убийства — ещё жарче раскалялась мировая напряжённость вокруг процесса.

Однако суждение-то предстояло вынести — вот об *этом* подсудимом, и оно доставалось серому крестьянскому составу присяжных, «свиткам и косовороткам», лишь с малым добавлением двух-трёх чиновников да двух мещан, — присяжным, уже бесконечно замученным этим месячным процессом, засыпающим при чтении вслух документов, просящим сократить суд, четверо из них — просились отпустить их домой прежде времени, а кому — и оказать медицинскую помощь.

---

[85] Речь, 1913, 26 окт. (8 нояб.), с. 3.

[86] *Бикерман* // РиЕ, с. 29.

15 5080

Но и эти присяжные присудили, что́ видели: что обвинения против Бейлиса не обоснованы, не доказаны. И Бейлис был освобождён.

На том и кончилось. Новых розысков преступников и не начинали, и странное, трагическое убийство мальчика осталось неразысканным и необъяснённым.

Взамен этого, по рыхлой русской манере, надумали (не без демонстрации) воздвигнуть часовню на месте, где нашли труп Ющинского, но возникло тому сильное противодействие как затее черносотенной. И Распутин — отговорил царя[87].

Весь этот неуклюжий громоздкий процесс, при годовом раскале прессы, общества российского и мирового, — стал, как метко его назвали, судебной Цусимой России. Кое-кто в европейской прессе так и оценил, что русское правительство начало битву с еврейским народом, но проиграна не судьба евреев, а судьба самого русского государства.

Однако и еврейская страстность — этой обиды уже никогда русской монархии не простила. Что в суде восторжествовал неуклонный закон — не смягчило этой обиды.

А между тем поучительно сравнить с процессом Бейлиса — происходивший в то же время (1913–15) в Атланте, США, тоже громкий процесс над евреем Лео Франком, тоже обвинённым в убийстве малолетнего (изнасилованной девочки), и при весьма недоказанных обстоятельствах. Он был приговорён к повешению, а пока шла кассационная жалоба — вооружённая толпа вырвала его из тюрьмы и сама повесила[88]. В плане *личном* — сравнение в пользу царской России. Но случай с Франком имел краткие общественные последствия, и не стал нарицательным.

У дела Бейлиса был и эпилог.

«Под угрозой мести со стороны черносотенцев Бейлис покинул Россию и вместе с семьёй выехал в Палестину. В 1920 он переселился в США». Он умер своею смертью, в 60 лет, около Нью-Йорка[89].

---

[87] *Слиозберг*, т. 3, с. 47.

[88] *В.Лазарис*. Смерть Лео Франка // «22», 1984, № 36 , с. 155–159.

[89] КЕЭ, т. 1, с. 317, 318.

Министр юстиции Щегловитов (по одному сообщению, он «дал указание расследовать дело как ритуальное убийство»[90]) был расстрелян большевиками.

В 1919 году совершился суд на Верой Чеберяк. Он происходил уже не по старым порядкам ненавистного царизма, без всяких присяжных заседателей, и длился примерно 40 минут — в киевской Чрезвычайке. Арестованный в том же году в Киеве чекист отметил в своих показаниях белым, что «Веру Чеберяк допрашивали все евреи-чекисты, начиная с Сорина» [председателя ЧК Блувштейна]. При этом комендант ЧК Фаерман «над ней издевался, срывая с неё верхнее платье и ударяя дулом револьвера... Она отвечала: "вы можете со мною делать что угодно, но я что говорила... от своих слов и сейчас не откажусь... Говорила на процессе Бейлиса я сама... меня никто не учил и не подкупал..."». Её тут же расстреляли[91].

В 1919 обнаружен был в Калуге в роли советского чиновника и прокурор Виппер, судим Московским Революционным Трибуналом. Большевицкий прокурор Крыленко произнёс так: «Исходя из доказанной опасности его для Республики... пусть же будет у нас одним Виппером меньше». (Эта мрачная шутка имела в виду, что ещё оставался Р. Виппер, профессор истории Средних веков.) Однако Трибунал всего лишь посадил Виппера «в концентрационный лагерь... до полного укрепления в Республике коммунистического строя»[92]. Дальше следы Виппера обрываются.

Оправдали Бейлиса — крестьяне, из тех самых украинских крестьян, за кем участие в еврейских погромах рубежа веков и кому скоро предстояло узнать и коллективизацию, и мор 1932–33 годов, — мор, не отображённый журналистами всего мира и не поставленный в вину тому режиму.

Тоже шаги Истории.

---

90 Там же, с. 317.

91 Чекист о ЧК (Из архива "Особой Следств. Комиссии" на Юге России) // На чужой стороне: Историко-литературные сборники / Под ред. С.П. Мельгунова. Т. IX, Берлин: Ватага; Прага: Пламя, 1925, с. 118, 135.

92 *Крыленко*, с. 367–368.

Глава 11 — ЕВРЕЙСКОЕ И РУССКОЕ ОСОЗНАНИЕ ПЕРЕД МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

В России, спасённой на одно десятилетие от гибели, лучшие умы среди русских и евреев успели оглянуться и с разных точек оценить суть нашей совместной жизни, серьёзно задуматься над вопросом народной культуры и судьбы.

Народ еврейский двигался сквозь переменчивую современность с кометным хвостом трёхтысячелетней диаспоры, не теряя постоянного ощущения себя «нацией без языка и территории, но со своими законами» (Соломон Лурье), силой своего религиозного и национального напряжения храня свою отдельность и особость —во имя вышнего, сверхисторического Замысла. Стремилось ли еврейство XIX–XX веков к уподоблению и слитию с окружающими народами? Как раз российское еврейство долее и позже своих иных соплеменников сохранялось в ядре самоизоляции, сосредоточенном на религиозной жизни и сознании. А с конца XIX в. именно российское еврейство крепло, множилось, расцветало, и вот «вся история еврейства в новое время стала под знаком русского еврейства», у которого обнаружилась и «напряжённая *чуткость к ходу истории*»[1].

А русские мыслители — были озадачены обособлением евреев. Для них в XIX веке вопрос стоял: как его *преодолеть*. Владимир Соловьёв, глубоко сочувствовавший евреям, предлагал осуществить это любовью русских к евреям.

Ранее того Достоевский отметил непропорциональное ожесточение, встретившее его хотя и обидные, но малые замечания о еврейском народе. «Ожесточение это свидетельствует ярко о том, как сами евреи смотрят на русских... что в мотивах нашего разъединения с евреем виновен, может быть, и не один русский народ, и что скопились эти моти-

---

[1] *Б.-Ц. Динур*. Религиозно-национальный облик русского еврейства // [Сб.] Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до Революции 1917 г. (далее — КРЕ–1). Нью-Йорк: Изд. Союза Русских Евреев, 1960, с. 319, 322.

вы, конечно, с обеих сторон, и ещё неизвестно на какой стороне в большей степени»[2].

Из того же конца XIX века Я. Тейтель сообщал нам такое своё наблюдение: «Евреи в большинстве материалисты. Сильно у них стремление к приобретению материальных благ. Но какое пренебрежение к этим благам, раз вопрос касается внутреннего "я", национального достоинства. Казалось бы, почему масса еврейской молодёжи, не соблюдавшая никаких обрядов, не знавшая часто даже родного языка, — почему эта масса, хотя бы для внешности, не принимала православия, которое настежь открывало двери всех высших учебных заведений и сулило все земные блага»? уж хоть ради образования? — ведь «наука, высшее знание ценилось у них выше денежного богатства». А они удерживались соображением — не покинуть стеснённых соплеменников. (Он же пишет, что Европа для образования русских евреев тоже была неважный выход: «Еврейская учащаяся молодёжь скверно себя чувствовала на Западе... Немецкий еврей смотрел на неё как на нежелательный элемент, неблагонадёжный, шумливый, неаккуратный»; и от немецких евреев в этом «не отставали... французские и швейцарские евреи»[3].

А Д. Пасманик упоминал о таком разряде крестившихся евреев, которые пошли на это вынужденно и оттого только горше испытывали обиду на власть и чувство оппозиционности к ней. (С 1905 переход был облегчён: не обязательно в православие, лишь бы вообще в христианство, а протестантизм был многим евреям более приемлем по духу. И с 1905 снят запрет возврата в иудейство[4].)

Другой автор с горечью заключал, в 1924, что в предреволюционные десятилетия не только «русское правительство... окончательно зачислило еврейский народ во враги отечества», но «хуже того было, что многие еврейские политики зачислили и самих себя в такие враги, ожесточив свои сердца и перестав различать между "правительством" и

[2] *Ф.М.Достоевский.* Дневник писателя: за 1877, 1880 и 1881 годы. М.; Л.: ГИЗ, 1929. 1877, Март, Гл. 2, с. 78.

[3] *Я.Л.Тейтель.* Из моей жизни за 40 лет. Париж: Я. Поволоцкий и Ко., 1925, с. 227–228.

[4] Еврейская Энциклопедия (далее — ЕЭ): В 16-ти т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1906–1913. Т. 11, с. 894.

отечеством — Россией... Равнодушие еврейских масс и еврейских лидеров к судьбам Великой России было роковой политической ошибкой»[5].

Разумеется, как и всякий социальный процесс, этот — ещё в такой разнообразной и динамичной среде как еврейская — шёл не однозначно, двоился; во многих грудях образованных евреев — и щепился. С одной стороны «принадлежность к еврейскому племени придаёт человеку какую-то специфическую позицию в общероссийской среде»[6]. Но и тут же «замечательная двойственность: привычная эмоциональная привязанность у весьма многих [евреев] к окружающему [русскому миру], врощённость в него, и вместе с тем — рациональное отвержение, отталкивание его по всей линии. Влюблённость в ненавидимую среду»[7].

Такая мучительная двойственность подхода не могла не приводить и к мучительной двойственности результата. И когда И.В. Гессен во 2-й Государственной Думе, в марте 1907, отрицая, что революция всё ещё в кровавом разгоне, и тем отрицая за правыми позицию защитников культуры от анархии, воскликнул: «Мы, учителя, врачи, адвокаты, статистики, литераторы... мы враги культуры? Кто вам поверит, господа?» — справа ему крикнули: «Русской культуры, а не еврейской!»[8]. Не враги, нет, зачем же такая крайность, но — указывала русская сторона — безраздельные ли друзья? Трудность сближения и была та, что этим блистательным адвокатам, профессорам и врачам — как было не иметь преимущественных глубинных еврейских симпатий? могли ли они чувствовать себя вполне, без остатка русскими по духу? Из этого же истекал более сложный вопрос: могли ли интересы государственной России в полном объёме и глубине — стать для них сердечно близки?

---

[5] *В.С. Мандель.* Консервативные и разрушительные элементы в еврействе // Россия и евреи: Сб. 1 (далее — РиЕ) / Отечественное объединение русских евреев заграницей. Париж: YMCA-Press, 1978 [переизд. Берлин: Основа, 1924], с. 201, 203.

[6] *Д.О. Линский.* О национальном самосознании русского еврея // РиЕ, с. 142.

[7] *Г.А. Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // РиЕ, с. 115.

[8] Государственная Дума — Второй созыв (далее — ГД-2): Стенографический отчёт. Сессия 2, т. 1, СПб., 1907, заседание 9, 13 марта 1907, с. 522.

В одни и те же десятилетия: еврейский средний класс решительно переходил к секулярному образованию своих детей, и именно на русском языке, — и одновременно же: сильно развилась печатная культура на идише, которой раньше не было, и утвердился термин «идишизм»: оставлять евреев евреями, а не ассимилироваться.

Ещё был особый, совсем не массовый, но и не пренебрежимый путь ассимиляции — через смешанные браки. И ещё такая поверхностная струя ассимилянтства как переимка искусственных псевдонимов на русский лад. (Чаще всего — кем?! Киевские сахарозаводчики «Добрый», «Бабушкин», в войну попавшие под суд за сделки с воюющим противником. Издатель «Ясный», о котором даже кадетская «Речь» написала: «алчный спекулянт», «акула беззастенчивой наживы»[9]. Или будущий большевик Д. Гольдендах, считавший «всю Россию несамобытной», но подладился под ржаного «Рязанова», и так, в качестве безотвязного марксистского теоретика, морочил мозги читателям до самой своей *посадки* в 1937.)

И именно в эти же десятилетия, и настойчивее всего в России, — развился сионизм. Сионисты жестоко высмеивали ассимилянтов, возомнивших, что судьбы российского еврейства неразрывно связаны с судьбами России.

И тут мы прежде всего должны обратиться к яркому, весьма рельефному публицисту Вл. Жаботинскому, которому в предреволюционные годы досталось высказать слова не только отталкивания от России, но и — слова отчаяния. Жаботинский так понимал, что Россия для евреев — не более как заезжий двор на их историческом пути, а надо двигаться в дальнейший путь, в Палестину.

Он страстно писал: ведь мы соприкасаемся не с русским народом, но узнаём его по культуре, «главным образом, по его писателям... высшим, чистейшим проявлениям русского духа», — и это суждение переносим на весь русский мир. «Многие из нас, детей еврейского интеллигентского круга, безумно и унизительно влюблены в русскую культуру... унизительной любовью свинопаса к царевне». А еврейство узнаём — в обыденщине, в обывательщине[10].

---

[9] *П.Г.* Мародеры книги // Речь, 1917, 6 мая, с. 3.

[10] *Вл. Жаботинский.* // [Сб.] Фельетоны. СПб.: Типография «Герольд», 1913, с. 9–11.

К ассимилянтам он безжалостен. «Множеств[о] рабских привычек, развившихся в нашей психологии за время обрусения нашей интеллигенции», «потеряли надежду или желание сохранить еврейство неприкосновенным и ведут его к исчезновению со сцены». Средний еврейский интеллигент забывает о себе самом, слово «еврей» считается лучшим не произносить: «не такое время»; боятся написать «мы, евреи», но пишут, «мы, русские» и даже: «наш брат русак». «Еврей может быть россиянином первого ранга, но *русским* — только второго». «С момента, когда еврей объявляет себя русским, он становится гражданином 2-го класса», а притом у него «сохраняется особый "акцент" души». — Происходит эпидемия крещений для выгоды, иногда и мельче, чем для диплома. «Тридцать серебряников равноправия». Покидая нашу веру — не оставайтесь и в нашей национальности[11].

Положение евреев в России, и не когда-нибудь, а именно после 1905–06, представляется ему безысходно мрачным: «Сама объективная сила вещей, имя которой чужбина, обратилась ныне против нашего народа, и мы бессильны и беспомощны». — «Мы и раньше знали, что окружены врагами»; «эта тюрьма» (Россия), «лающая псарня»; «поверженн[ое] и израненн[ое] тело затравленного, окружённого повсюду врагами и беззащитного российского еврейства»; «в глубокой яме копошатся... шесть миллионов [человек]... эпох[а] медленной пытки, затяжного погрома»; и даже, будто бы, «газеты, содержимые на еврейские деньги», не защищают евреев «в эту эпоху неслыханной травли». В конце 1911: «Вот уже несколько лет, как евреи в России плотно сидят на скамье подсудимых», хотя мы не революционеры, мы «не продавали Россию японцам» и мы не такие, как Азеф и Богров; впрочем о Богрове: «над этим — каков бы он ни был — несчастным юношей в час изумительной [!] его кончины... надругались те десять хамов из выгребной ямы киевского черносотенства», захотевшие удостовериться в факте казни убийцы[12].

И снова и снова обращаясь взором к самому еврейству: «Мы теперь культурно нищи, наша хата безотрадна, в нашем переулке душно». — «Наша главная болезнь — самопре-

[11] *Вл.Жаботинский* // [Сб.] Фельетоны, с. 16, 62–63, 176–180, 253–254.

[12] Там же, с. 26, 30, 75, 172–173, 195, 199–200, 205.

зрение, наша главная нужда — развить самоуважение... Наука о еврействе должна стать для нас центром науки... Еврейская культура стала для нас прибежищем единственного спасения»[13].

И это — очень можно понять и разделить. (Нам, русским, — особенно сегодня, в конце XX века.)

В минувшем — он ассимилянтов не осуждает: в истории «есть моменты, когда ассимиляция представляется безусловно желательной, когда она есть необходимый этап прогресса». Такой момент был после 60-х гг. XIX в., когда еврейская интеллигенция только зарождалась, осваивала окружающую среду, зрелую культуру. Тогда ассимиляция была «не отречением от еврейского народа, а напротив — первым шагом еврейской национальной самодеятельности, первой ступенью к обновлению и возрождению нации». Надо было «усвоить чужое, чтобы затем с новой силою развивать своё». Но прошло полвека, многое резко изменилось и вне и внутри еврейства. Вот, жажда к общему просвещению стала и без того сильна, даже беспримерно рвение к нему. Теперь-то — в молодых поколениях и надо насаждать *еврейские* начала. Теперь — грозит бесследное растворение в чужом: «Сыновья наши с каждым днём уходят» и «становятся нам чужды»; наши «просвещённые дети служат всем народам на свете, только не нам, нет работников ни для какого еврейского дела». «Окружающий мир слишком прекрасен, приволен и богат» — не дадим же ему сманить еврейскую молодёжь от «неприглядност[и]... еврейского существования... Углубление в национальные ценности еврейства должно стать главным... элементом еврейского воспитания». — «Кругов[ая] порук[а], которой только и может нация держаться» (нам бы это сознание! — *А.С.*), — а ренегатство тормозит борьбу за права евреев: вот, мол, есть выход — и «уходят... последнее время... густыми массами, с такой циничной лёгкостью»[14].

И внушительно: «Царственный дух [Израиля] во всём его могуществе, его трагическ[ая] истори[я] во всём её грандиозном великолепии». — «Кто мы такие, чтобы перед ними оправдываться? кто они такие, чтобы нас допрашивать?»[15]

[13] Там же, с. 15, 17, 69.

[14] Там же, с. 18–24, 175–177.

[15] Там же, с. 14, 200.

И эту последнюю формулировку можно в полноте уважать. Но — с обоесторонним применением. Тем более ни одной нации или вере не дано *судить* другую.

И призывы о возврате к еврейским *корням* — никак не впустую прозвучали в те годы. В предреволюционном Петербурге «в кругах русско-еврейской интеллигенции наблюдался высокий подъём интереса к еврейской истории»[16]. В 1908 в Петербурге прежде существовавшая Еврейская Историко-этнографическая комиссия расширилась и преобразовалась в Еврейское Историко-Этнографическое общество[17], во главе с М.Винавером. Оно активно и успешно стало собирать архив по истории и этнографии евреев в России и в Польше — ничего подобного не создавала еврейская историческая наука на Западе. Под редакцией С.Дубнова стал выходить журнал «Еврейская старина»[18]. Одновременно приступили к изданию 16-томной Еврейской энциклопедии (которую мы обильно используем в этой работе) и 15-томной «Истории еврейского народа». Правда, энциклопедия, в своём последнем томе, жалуется: «Передовые круги еврейской интеллигенции... проявляли индифферентное отношение к культурным задачам энциклопедии», увлечась борьбой за внешнее еврейское равноправие[19].

А в других еврейских головах и грудях, напротив, укреплялось убеждение что будущее российского еврейства неразрывно связано с будущим России. Хотя и «разбросанное по необозримым пространствам и вкраплённое в чужую стихию... русское еврейство было и осознавало себя единым целым. Ибо едина была среда, нас окружавшая... единая культура... Эту единую культуру мы в себя впитывали на всём протяжении страны»[20].

«Русское еврейство всегда умело связывать свои интересы с интересами всего русского народа. И это было не от благородства характера и не из чувства признательности, а из ощущения исторических реальностей». И — как бы в прямой спор с Жаботинским, да так и есть: «Россия для

---

16 Памяти М.Л.Вишницера // КРЕ-1, с. 8.

17 ЕЭ, т. 8, с. 466.

18 ЕЭ, т. 7, с. 449–450.

19 ЕЭ, т. 16, с. 276.

20 *И.М.Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 86.

миллионов её населяющих евреев не случайная остановка в исторических странствованиях Вечного Жида... Русские пути мирового еврейства были и будут исторически самыми значительными. От России нам не уйти, как [и] самой России от нас не уйти»[21].

И даже — настолько не уйти, ещё категоричнее, как выразился депутат 2-й и 3-й Государственных Дум О.Я. Пергамент: «никакое улучшение [и самой] русской внутренней жизни "невозможно без одновременного освобождения евреев от тяготеющего над ними бесправия"»[22].

И тут нельзя обойти весьма знаменательную фигуру юриста Г.Б. Слиозберга, одного их тех евреев, кто тесней всего имел дело с российским государством, десятилетиями, то помощник обер-секретаря Сената, то юрисконсульт министерства внутренних дел, и кого многие евреи упрекали, что он привык *просить* еврейских прав у власть имущих, когда настало время *требовать*. В своих воспоминаниях он пишет: «Я с детства привык сознавать себя прежде всего евреем. Но уже с самого начала моей сознательной жизни я чувствовал себя и сыном России... Быть хорошим евреем не значит не быть хорошим русским гражданином»[23]. — «В нашей работе нам не приходилось преодолевать тех препятствий, которые на каждом шагу ставились польскому еврейству со стороны поляков... В российской государственной жизни мы, евреи по национальности, не составляли чужеродного элемента, так как в России уживались многие национальности, объединённые в русской государственности без попыток поглощения всех прочих со стороны господствующей национальности... Культурные интересы России отнюдь не сталкивались с культурными интересами еврейства. Одна культура как бы дополняла другую»[24]. И даже с таким полуюмористическим замечанием: по неясности и противоречивости российских законов о евреях ему в 90-е годы «надо было начать творить специальную еврейскую

[21] *Ст. Иванович*. Евреи и советская диктатура // [Сб.] Еврейский мир: Ежегодник на 1939 г. Париж: Объединение русско-еврейской интеллигенции, с. 55–56.

[22] ЕЭ, т. 12, с. 372–373.

[23] *Г.Б. Слиозберг*. Дела минувших дней: Записки русского еврея: В 3-х т. Париж, 1933–1934. Т. 1, с. 3–4.

[24] *Слиозберг*, т. 2, с. 302.

юриспруденцию, с применением методов чисто талмудических»[25].

А выше того говоря: «Смягчение национального гнёта, испытывавшееся в последние годы, незадолго до того, как Россия вступила в трагическую полосу своей истории, создавало в душах всех русских евреев надежду на то, что постепенно сознание русского еврейства пойдёт по пути заполнения этого сознания творческим содержанием примирения еврейского и русского аспектов в синтезе высшего единства»[26].

Да разве забыть, что из семи авторов несравненных «Вех» трое были евреями — М.О. Гершензон, А.С. Изгоев-Ланде и С.Л. Франк?

Но — и встречно же: евреи имели в России предреволюционных десятилетий мощнейшую заединую поддержку прогрессивного общества. Она, быть может, стала такой на фоне стеснений и погромов — но тем не менее ни в какой другой стране (может быть и за всю предшествующую мировую историю?) она не была столь полной. Наша широкодушная свободолюбивая интеллигенция поставила за пределы общества и человечности — не только антисемитизм — но даже: кто громко и отчётливо не поддерживал, и даже в первую очередь, борьбы за равноправие евреев — уже считался «бесчестным антисемитом». Будко-совестливая, остро чуткая русская интеллигенция постаралась полностью внять и усвоить именно еврейское понимание приоритетов всей политической жизни: прогрессивно то, что протестует против угнетения евреев, и реакционно всё остальное. Русское общество не только со стойкостью защищало евреев по отношению к правительству, но запретило себе, каждому, проявить хоть наислабейшую тень какой-либо критики поведения и отдельного еврея: а вдруг при таком возмущении родится во мне антисемитизм? (У поколения, выросшего тогда, это сохранялось потом и на десятилетия.)

В.А. Маклаков рассказывает в воспоминаниях о характерном эпизоде на земском съезде 1905 года, после прокатившихся внедавне погромов еврейских и интеллигентских и при набирающих размах погромах помещичьих. «Е.В. де Роберти предложил не распространять амнистии

[25] *Слиозберг*, т. 1, с. 302.

[26] *Линский* // РиЕ, с. 144.

[требуемой съездом] на преступления, связанные с насилиями над детьми и женщинами». Его тут же заподозрили в «классовом характере» этой поправки, то есть что он озаботился о пострадавших помещичьих семьях. «Е. де Роберти поторопился... успокоить: "Я вовсе не думал о дворянских усадьбах... Если сгорело 5–20 усадеб, то это никакого значения не имеет. Я имею в виду массу усадеб и домов еврейских, сожжённых и разграбленных чёрною сотнею"»[27].

В терроре 1905–07 годов признали мучениками Герценштейна (как раз иронизировавшего над пожарами помещичьих усадеб) и Иоллоса — но никого ещё из тысяч убитых невинных людей. В том сатирическом «Последнем самодержце», который российские либералы опубликовали за границей, они досказались до такого: под портретом генерала, на которого покушался, но не сумел убить террорист Гирш Леккерт, подписали: «*из-за него*» (курсив мой — *А.С.*) царь «казнил... еврея Лек[к]ерта»...[28]

Да не только оппозиционные партии, но и многочисленное среднее чиновничество дрожало выглядеть «непрогрессивным». Надо было иметь полную материальную независимость или обладать выдающейся духовной свободой, чтобы с мужеством устоять против напора общего течения. В мире же адвокатском, артистическом и учёном — за отклонение от этого Поля люди тотчас подвергались остракизму.

Только Лев Толстой, при уникальности своего общественного положения, мог позволить себе сказать, что *у него* еврейский вопрос стоит на 81-м месте.

Еврейская энциклопедия упрекала, что погромы октября 1905 «вызвали со стороны прогрессивной интеллигенции не специальный [то есть не именно о евреях], а общий протест, направленный против всех проявлений "контрреволюции" в целом»[29].

---

[27] *В.А.Маклаков.* Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Париж: Приложение к «Иллюстрированной России», III, 1936, с. 466.

[28] Der Letzte russische Alleinherrscher. Последний самодержец: Очерк жизни и царствования императора России Николая II-го. Берлин: Eberhard Frowein Verlag, [1913], с. 58.

[29] ЕЭ, т. 12, с. 621.

Да перестало бы русское общество быть самим собою, если бы не заостряло любой вопрос — на царизме, на царизме, на царизме.

Но из-за этого: «конкретная помощь еврейским страдальцам после октябрьских дней [погромов 1905] была оказана исключительно евреями России и других стран»[30]. Да и Бердяев говорил: «Чувствуете ли вы душу еврейского народа?.. Нет, ваша борьба... за человека абстрактного»[31].

Подтверждает и Слиозберг: «В глазах кругов, обладавших политическим развитием», еврейский вопрос «не имел тогда значения политического вопроса, в широком смысле слова. Общество было занято мыслью о проявлениях реакции вообще»[32].

Исправляя этот недочёт русского общества, в 1915 году составился особый публицистический сборник «Щит», — заступчивый всесторонне и исключительно за евреев, но без участия евреев в качестве авторов, — только из русских и украинских, причём собраны были самые звонкие тогда имена, и числом до сорока[33]. Весь сборник посвящён только теме: «евреи в России», однозначен по решению и местами самозабвенен в изложении.

Среди его мнений — (Л. Андреев:) уже вот досягаемое разрешение еврейского вопроса — чувство «радости, близкой к благоговению», избавление «от боли, которая сопровожда[ла] меня всю жизнь», которая была вроде «горба на спине», «дышу ядовитым воздухом». — (М. Горький:) Среди «крупных мыслителей Европы считают еврея, как психический тип, культурно выше, красивее русского». (И выражает удовлетворение ростом в России сект субботников и «Нового Израиля».) — (П. Малянтович:) «Ужас еврейского бесправия в России позорным пятном покрывает имя русского народа... Лучшими русскими людьми [оно] ощущается как стыд, от которого некуда уйти в течение всей жизни... Мы — варвары среди культурных народов человече-

---

30 ЕЭ, т. 12, с. 621.

31 *Николай Бердяев*. Философия неравенства. 2-е изд., испр., Париж: YMCA-Press, 1970, с. 72.

32 *Слиозберг*, т. 1, с. 260.

33 Щит: Литературный сборник / Под ред. Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. 3-е изд., доп., М.: Русское Общество для изучения еврейской жизни, 1916.

ства... лишены дорогого права гордиться своим народом... Борьба за еврейское равноправие для русского человека есть... подлинное национальное дело первейшей важности... Еврейское бесправие обрекает русских людей на бессилие в работе для достижения своего собственного счастья». Если не позаботиться об освобождении евреев, «то и дел своих не устроим никогда». — (К. Арсеньев:) Если снять все преграды с евреев, произойдёт «приращени[е] умственных богатств России». — (А. Калмыкова:) С одной стороны, наша «тесная духовная связь с еврейством в области высших духовных ценностей», с другой же — «к евреям открывается допустимость презрения, ненавистничества». — (Л. Андреев:) Мы, русские — «сами *евреи Европы*, наша *граница — та же черта оседлости*». — (Д. Мережковский:) «Чего от нас хотят евреи? Возмущения нравственного»? Но «это возмущение так сильно и просто, что... можно только кричать вместе с евреями. Мы и кричим». — В сборник «Щит» каким-то недоразумением не попал Бердяев. Но он говорил о себе, что — порвал со своей средой в ранней юности и предпочитал поддерживать отношения с евреями.

Антисемитизм все авторы «Щита» характеризовали как чувство гнусное, как «болезн[ь] сознания, отличающ[ую]ся упорством, заразительностью» (акад. Д. Овсянико-Куликовский). — Но тут же несколько авторов отмечали, что «средства [и] приёмы... [русских] антисемитов — заграничного происхождения» (П. Милюков). «Новейшая антисемитическая идеология есть продукт германской духовной индустрии... "Арийская" теория... подхвачена нашей националистической печатью... Меньшиков [повторяет] мысли Гобино» (Ф. Кокошкин). Доктрина о превосходстве арийства над семитизмом — «германского изделия» (Вяч. Иванов).

Но — нам-то, с «горбом на спине» — что? Горький в «Прогрессивном кружке», в конце 1916, «своё двухчасовое выступление посвятил всяческому оплевыванию всего русского народа и непомерному восхвалению еврейства», — рассказывает думец-прогрессист Мансырев, один из основателей "Кружка"[34].

---

[34] *Кн. С.П. Мансырев.* Мои воспоминания // [Сб.] Февральская революция / сост. С.А. Алексеев. М.; Л.: ГИЗ, 1925, с. 259.

Об этом явлении пишет нынешний еврейский автор, объективно и прозорливо: «произошло перевоспитание русского образованного общества, принявшего, к сожалению, еврейскую проблему гораздо ближе к сердцу, чем можно было ожидать... Сочувствие евреям превратилось почти в такую же императивную формулу, как “Бог, Царь и Отечество”», евреи же «использ[овали] в меру своего цинизма существовавшую в обществе тенденцию»[35]. А Розанов в те годы называл это — еврейским «жадным стремлением захватить в свои руки всё»[36].

В. Шульгин в 20-е годы суммировал так: «Еврейство за это время [четверть века перед революцией] прибрало к своим рукам политическую жизнь страны... завладевало политической Россией... Мозг нации (если не считать правительства и правительственных кругов) оказался в еврейских руках и привыкал мыслить по еврейской указке». «При всех “ограничениях” евреи... овладели душой русского народа»[37].

Но — овладели евреи? или не знали русские, что с ней делать?

В том же «Щите» Мережковский пытался объяснить, что юдофильство вызывается юдофобством, возникает такое же слепое утверждение чужой национальности, на все абсолютные «нет» — абсолютные «да»![38] — А проф. И. Бодуэн де Куртенэ там же оговорился: «Многие, даже из стана “политических друзей” евреев, питают к ним отвращение и с глазу на глаз в этом сознаются. Тут, конечно, ничего не поделаешь. Чувства симпатии и антипатии... не от нас зависят». Но нужно руководиться «не аффектами, [а] разумом»[39].

С бо́льшим общественным резонансом, да и с большим смыслом, неясность тогдашнего общественного состояния умов выразил в 1909 П.Б. Струве, всю свою жизнь бес-

---

[35] *А. Воронель* // “22”: Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1986, № 50, с. 156–157.

[36] Переписка В.В. Розанова и М.О. Гершензона // Новый мир, 1991, № 3, с. 239.

[37] *В.В. Шульгин*. «Что нам в них не нравится...»: Об Антисемитизме в России. Париж, 1929, с. 58, 75.

[38] [Сб.] Щит, с. 164.

[39] Там же, с. 145.

страшно ломавший перегородки на своём пути от марксизма к правой государственности, и другие запреты попутно. То была — теперь начисто позабытая, а исторически важная полемика, прорвавшаяся в либеральной газете «Слово» в марте 1909 — и сразу раскатисто отдавшаяся по всей русской печати.

А началось — с раздутого, расславленного «чириковского эпизода»: гневного взрыва в узком литературном кружке, с обвинениями Чирикова, автора благожелательнейшей пьесы «Евреи», — вдруг в антисемитизме. (За его замечание, оброненное в литературном застольи, что большинство петербургских рецензентов — евреи, а способны ли они вникнуть в русские бытовые темы?) Тот случай — внезапно многое задел в русском обществе. (Журналист Любош назвал тогда его: «та копеечная свеча, от которой Москва сгорела».)

Жаботинский так ощущал, что ещё недостаточно высказался по чириковскому эпизоду своею первой статьёй — и 9 марта 1909 напечатал в «Слове» вторую — «Асемитизм». Он выражал в ней тревогу и возмущение, что большинство передовой прессы хочет замолчать случай с Чириковым и Арабажиным. Что даже некая ведущая либеральная газета (намекая на «Русские Ведомости») уже 25 лет, якобы, ничего не писала «об отчаянной травл[е] еврейского племени... С тех пор замалчивание считается высшим шиком прогрессивного юдофильства». А весь вред — именно в замалчивании еврейского вопроса. (И очень можно с ним согласиться.) Когда Чириков и Арабажин «уверяют, что ничего антисемитского не было в их речах, то они оба совершенно правы». Из-за традиционного у нас молчания «можно попасть в антисемиты за одно только слово "еврей" или за самый невинный отзыв о еврейских особенностях... Только евреев превратили в какое-то запретное табу, на которое даже самой безобидной критики нельзя навести, и от этого обычая больше всего теряют именно евреи». (И опять же — вполне согласишься.) «Создаётся впечатление, будто и самое имя "еврей" есть непечатное слово». Тут — «отголосок некоего общего настроения, пробивающего себе дорогу в среднем кругу передовой русской интеллигенции... Документальных доказательств не добудешь — наличность такого настроения можно установить пока только на ощупь», — но это-то его и тревожит: на ощупь, документов нет, а евреи не услышат надвигающегося грома и будут за-

хвачены врасплох. Пока — «назревает какое-то облачко и невнятно доносится далёкий, ещё слабый, но уже неприветливый гул». Это — не антисемитизм, это ещё только — «*асемитизм*», — но и он не может быть допущен, и нейтральность не может быть оправдана: после кишинёвского погрома и когда реакционные газеты разносят «зажжённую паклю ненависти», молчание русской передовой печати недопустимо «по одному из самых трагических вопросов российской жизни»[40].

«Слово» в том же номере, в передовице, оговорило: «Обвинения автора, направленные по адресу прогрессивной печати, на наш взгляд весьма мало соответствуют действительному положению вещей. Мы понимаем те чувства, которые продиктовали автору его горькие строки, но приписывать русской интеллигенции чуть ли не преднамеренную тактику замалчивания еврейского вопроса — несправедливо. В русской жизни так много невырешенных проблем, что каждой из них приходится уделять сравнительно мало места... А ведь благоприятное разрешение многих из этих проблем имеет большое жизненное значение и для евреев, как для граждан нашей общей родины»[41].

А спросило бы «Слово» тогда Жаботинского: отчего он не вступался за тех простаков, кто и делал «самый невинный отзыв о еврейских особенностях»? Таких — одаряла ли вниманием и защищала ли еврейская общественность? Или только наблюдала, как русская интеллигенция очищает себя от этаких «антисемитов»? Нет, в «запретном табу» виноваты были и евреи, никак не меньше.

И ещё одной статьёй сопроводила газета открытие дискуссии: «Соглашение, а не слияние» В. Голубева. Да, в инциденте с Чириковым «заключается далеко не частный случай», «национальный вопрос... в настоящее время... волнует и нашу интеллигенцию». В недавние годы, особенно в год революции, наша интеллигенция «сильно погрешала» космополитизмом. Но «не прошла бесследно и та борьба внутри общества... и между национальностями, населяющими русское государство». Как и другим национальностям, в эти годы «русским людям также пришлось задуматься над своей национальной задачей... когда недержавные

---

[40] *Вл. Жаботинский.* Асемитизм // Слово, СПб., 1909, 9 (22) марта, с. 2; см. также: [Сб.] Фельетоны, с. 77–83;

[41] Слово, 1909, 9 (22) марта, с. 1.

национальности стали самоопределяться, явилась необходимость самоопределения и для русского человека». Даже о русской истории «мы, русские интеллигенты, едва ли не меньше осведомлены», чем о европейской. Всегда «общечеловеческие идеалы... были для нас гораздо важнее, чем собственное строительство». Но даже по мнению Владимира Соловьёва, далёкого от национализма, «прежде, чем быть носителем общечеловеческих идеалов, необходимо поднять на известную национальную высоту самих себя. И это чувство самоподъёма, видимо, начинает проникать даже в среду интеллигенции». До сих пор «мы замалчивали особенности... русских людей». И в том, чтобы вспомнить о них — никакого нет антисемитизма, и это вовсе не значит подавлять другие национальности — но между национальностями должно быть «соглашение, а не слияние»[42].

Может быть потому «Слово» оговаривалось так основательно, что через его набор уже проходила, случайно столкнувшаяся со статьёй Жаботинского, притекшая независимо от него, а тоже от разбереда чириковским инцидентом, статья П.Б. Струве — «Интеллигенция и национальное лицо», которая и появилась в «Слове» на другой же день, 10 марта.

Струве писал: «этот случай», который будет «скоро забыт», «показал, что нечто поднялось в умах, проснулось и не успокоится. Это проснувшееся требует, чтобы с ним считались». — «Русская интеллигенция обесцвечивает себя в “российскую”... безнужно и бесплодно прикрывает своё национальное лицо», а «его нельзя прикрыть». — «Национальность есть нечто гораздо более несомненное [чем раса, цвет кожи] и в то же время тонкое. Это духовные притяжения и отталкивания, и для того, чтобы осознать их, не нужно прибегать ни к антропометрическим приборам, ни к генеалогическим разысканиям. Они живут и трепещут в душе». Можно и нужно бороться, чтоб эти притяжения-отталкивания не вторгались в строй законов, «но “государственная” справедливость не требует от нас “национального” безразличия. Притяжения и отталкивания принадлежат нам, они наше собственное достояние», оно «есть органическое чувство на-

[42] *В.Голубев.* Соглашение, а не слияние // Слово, 1909, 9 (22) марта, с. 1.

циональности... И я не вижу ни малейших оснований... отказываться от этого достояния, в угоду кому-либо и чему-либо».

Да, повторяет Струве, необходимо размежевать: область правовую, государственную — и область, где в нас живут эти чувства. «Специально в еврейском вопросе это и очень легко, и очень трудно». — «Еврейский вопрос формально есть вопрос правовой», и поэтому послужить ему легко, естественно: дать евреям равноправие — да, конечно! Но послужить ему и «очень трудно потому, что сила отталкивания от еврейства в самых различных слоях русского населения фактически очень велика и нужна большая моральная и логическая ясность для того, чтобы несмотря на это отталкивание бесповоротно решить правовой вопрос». — Однако: «при всей силе отталкивания от еврейства широких слоёв русского населения, из всех "инородцев" евреи всех нам ближе, всего теснее с нами связаны. Это культурно-исторический парадокс, но это так. Русская интеллигенция всегда считала евреев своими, русскими и — не случайно, не даром, не по "недоразумению". Сознательная инициатива отталкивания от русской культуры, утверждения еврейской "национальной" особенности принадлежит не русской интеллигенции, а тому еврейскому движению, которое известно под названием сионизма... Я не сочувствую нисколько сионизму, но я понимаю, что проблема "еврейской" национальности существует» и даже растёт. (Показательно, что и «еврейская» и «национальность» он берёт в кавычки — настолько ещё не верит: неужели евреи мыслят себя отдельными?) — «Нет в России других "инородцев", которые играли бы в русской культуре такую роль... И ещё другая трудность: они играют её, оставаясь евреями». Вот, не оспоришь роль немцев в русской культуре и науке; но немцы, входя в русскую культуру, без остатка в ней и растворяются. «Не то евреи».

И заканчивает: «Не пристало нам хитрить с [русским национальным чувством] и прятать наше лицо... Я, и всякий другой русский, мы имеем право на эти чувства... Чем ясней это будет понято... тем меньше в будущем предстоит недоразумений»[43].

---

[43] *П. Струве.* Интеллигенция и национальное лицо // Слово, 1909, 10 (23) марта, с. 2.

И правда бы. И очнуться бы всем нам на несколько десятилетий раньше. (Евреи и очнулись много раньше русских.)

И — как будто ждали все газеты! закружился вихрь со следующего же дня — и в либеральной «Нашей газете» («*своевременно* ли это высказывать»? классический вопрос), и в правом «Новом времени», и в установочно-кадетской петербургской «Речи» не мог не ахнуть Милюков: Жаботинский «добился того, что молчание кончилось и то страшное и грозное, что прогрессивная печать и интеллигенция старались скрыть от евреев, наконец обрисовалось в своих настоящих размерах». Но дальше Милюков, со своей неизменной рассудочной холодностью, перешёл к вердикту. Прежде всего — важное предупреждение: *куда это ведёт? кому это выгодно?* «Национальное лицо», да которое ещё «не надо прятать» — ведь это же сближает с крайне-правыми изуверами! (Так что «национальное лицо» *надо* прятать.) Этак, «по наклонной плоскости эстетического национализма», интеллигенция быстро выродится, впадёт «в настоящий племенной шовинизм», порождённый «в гнилой атмосфере современной общественной реакции»[44].

Но сорокалетний Струве, почти с юной подвижностью, обернулся в «Слове» уже 12 марта ответить на «учительное слово» Милюкова. И прежде же всего на этот выворот: «куда это ведёт?». («Кому послужит?», «на чью мельницу?» — таким способом будут затыкать рты — на любую тему — ещё столетие вперёд. Это — исказительный оборот, лишённый всякого сознания, что слово может быть честным и весомым само в себе.) — «Наши взгляды не опроверга[ются] по существу», а полемически сопоставляются с «проекцией», «куда ведут» они[45]. («Слово» ещё через несколько дней: «Старая манера дискредитировать и идею, которую не разделяешь, и лицо, её провозглашающее, скверным намёком, что это-де встретит полное сочувствие в "Новом времени" и в "Русском знамени". Такая манера, по-нашему, совершенно недостойна прогрессивной печати»[46].) — А по существу: «К национальным вопросам в настоящее время прикрепляют-

---

[44] *П. Милюков.* Национализм против национализма // Речь, 1909, 11 (24) марта, с. 2.

[45] *П. Струве.* Полемические зигзаги и несвоевременная правда // Слово, 1909, 12 (25) марта, с. 1.

[46] Слово, 1909, 17 (30) марта, с. 1.

ся сильные, подчас бурные чувства. Чувства эти, поскольку они являются выражением сознания своей национальной личности, вполне законны и... угашение [их] есть... великое уродство». Вот если их загонять внутрь — тогда они и вырвутся в изуродованном виде. А «этот самый ужасный “асемитизм” — гораздо более благоприятная почва для правового решения еврейского вопроса, чем безысходный бой... “антисемитизма” с “филосемитизмом”. Ни одна нерусская национальность не нуждается... чтобы все русские её непременно любили. Ещё менее в том, чтобы они притворялись любящими её. И, право, “асемитизм”, сочетаемый с ясным и трезвым пониманием известных моральных и политических принципов и... государственных необходимостей, гораздо более нужен и полезен нашим еврейским согражданам, чем сантиментально-дряблый “филосемитизм”», особенно симулированный. — И «евреям полезно увидеть открытое “национальное лицо”» русского конституционализма и демократического общества. И «для них совсем не полезно предаваться иллюзии, что такое лицо есть только у антисемитического изуверства». Это — «не Медузова голова, а честное и доброе лицо *русской* национальности, без которой не простоит и “*российское*” государство»[47]. — И ещё от редакции: «Соглашение... означает — признание всех особенностей каждой [национальности] и уважение к этим особенностям»[48].

Газетные споры огненно продолжались. «За несколько дней состави[лась] уже цел[ая] литератур[а]». Происходило «в прогрессивной русской печати... нечто, совершенно невозможное ещё так недавно: дебатируется вопрос о великорусском национализме»![49] Но на эту полную высоту поднимало спор «Слово», а другие газеты сосредоточились на «притяжения[х] и отталкивания[х]»[50]. Интеллигенция с раздражением набросилась на своего недавнего героя «Освобождения».

И не смолчал Жаботинский, да ещё и дважды... «Медведь из берлоги», — кинул он Петру Струве, кажется, такому

---

47 *П.Струве* // Слово, 1909, 12 (25) марта, с. 1.

48 *В.Голубев*. К полемике о национализме // Там же, с. 2.

49 *М.Славинский*. Русские, великороссы и россияне // Там же, 14 (27) марта, с. 2.

50 Слово*, 1909, 17 (30) марта, с. 1.

спокойному и взвешенному, — а Жаботинский был оскорблён, называл его статью, а заодно и статью Милюкова, «блестящ[им] выход[ом] первачей», «лицемерием, неискренностью, малодушием и искательством пропитана их ласковая декламация, и оттого она так непроходимо бездарна»; и вылавливает из Милюкова, что «у старой русской интеллигенции, святой и чистой», значит, «имелись антиеврейские “отталкивания”?... Любопытно». И проклинал «“святой и чистый” климат этой прекрасной страны» и «зоологический вид *ursus judaeophagus intellectualis* [интеллектуального медведя юдеофага]». (Доставалось и примирительному Винаверу: «еврейск[ая] прислуг[а] русского чертога».) Жаботинский гневно отказывался, чтобы евреи ожидали, «когда будет решена общегосударственная задача» (то есть свержение царя): «Благодарим за столь лестное мнение о нашей готовности к собачьему самозабвению», о «расторопности верноподданного Израиля». И заключал даже, что «никогда ещё эксплуатация народа народом не заявляла о себе с таким невинным цинизмом»[51].

Надо признать, эта крайняя запальчивость тона не служила выигрышу его точки зрения. Да и самое близкое будущее показало, что как раз именно свержение царя и откроет евреям прежде невозможные позиции, откроет им даже более, чем добивались, и этим вырвет почву из-под сионизма в России, так что Жаботинский оказался неправ и по существу.

Много позже другой свидетель того времени, бундовец, охлаждённо вспоминал: «В годы 1907–1914 в России если не откровенно антисемитское, то “асемитское” поветрие порой охватывало и некоторых либералов среди русской интеллигенции, а разочарование в максималистских тенденциях первой русской революции давало иным повод возлагать ответственность за них на бросавшееся в глаза участие евреев в революции». И в предвоенные годы «наблюдался рост русского национализма... в некоторых кругах, где, казалось, ещё недавно еврейский вопрос воспринимался, как русский»[52].

---

[51] *Вл. Жаботинский*. Медведь из берлоги // [Сб.] Фельетоны, с. 87–90.

[52] *Г.Я. Аронсон*. В борьбе за гражданские и национальные права: Общественные течения в русском еврействе // КРЕ-1, с. 229, 572.

В 1912 и Жаботинский, уже спокойно, пересказал такое интересное наблюдение видного еврейского журналиста: как только каким-то культурным делом заинтересовались евреи — с этого мгновения оно стало для русской публики как бы чужим, её уже туда больше не тянет. Какое-то невидимое *отталкивание*. Да, неизбежна будет линия национального размежевания, организация русской жизни «без посторонних примесей, которые в таком количестве для [русских] очевидно неприемлемы»[53].

Сопоставляя всё представленное выше, наиверно будет заключить, что среди русской интеллигенции одновременно текли (как во многих исторических явлениях) два процесса, и по отношению к еврейству отличались они темпераментом, а вовсе не степенью доброжелательства. Но тот, что изъявил Струве, — был негромок, неуверен в себе и заглушен. А тот, что громко объявился филосемитским сборником «Щит», — оказался превосходен и в гласности, и в общественном обиходе. Остаётся пожалеть, что Жаботинский не оценил точку зрения Струве, не увидел её достоинства.

Дискуссия же 1909 года в «Слове» — еврейской темой не ограничилась, а выросла в обсуждение русского национального сознания, что, после 80-летней с тех пор глухоты нашего общества, свежо и поучительно для нас и сегодня. — П. Струве высказал: «Как не следует заниматься "обрусением" тех, кто не желает "русеть", так же точно нам самим не следует *себя* "оброссиивать"», тонуть и обезличиваться в российской многонациональности[54]. — В. Голубев протестовал против «монополии на патриотизм и национализм только групп реакционных». «Мы упустили из виду, что японские победы подействовали угнетающим образом и на народное, на национальное чувство. Наше поражение унизило не только бюрократию», как общество и жаждало, «а косвенно и нацию». (О, далеко не «косвенно» — а прямо!) «Русская национальность... стушевалась»[55]. — «Не шутка и опозорение самого слова русский, превращённого в "истинно-русский"». Прогрессивная общественность упустила оба понятия, отдав их правым. «Патриотизм всё-таки понимался нами не иначе, как только в кавычках». Но «с реакцион-

[53] *Вл. Жаботинский* // [Сб.] Фельетоны, с. 245–247.

[54] *П. Струве* // Слово, 1909, 10 (23) марта, с. 2.

[55] *В. Голубев* // Там же, 12 (25) марта, с. 2.

ным патриотизмом нужно конкурировать народным патриотизмом... В своём отрицательном отношении к черносотенному патриотизму мы так и застыли, а если противопоставили ему что, так не патриотизм, а общечеловеческие идеалы»[56]. Однако вот, весь наш космополитизм до сих пор не дал нам сдружиться с польским обществом[57].

А. Погодин вспоминал: после грозной отповеди Вл. Соловьёва на «Россию и Европу» Данилевского, после статей Градовского — вот «первые выступления того сознания, которое просыпается, на подобие инстинкта самосохранения, у народов в минуты угрожающей им опасности». (Ещё так совпало, что именно в дни этой дискуссии, в марте 1909, государственная Россия пережила своё национальное унижение: вынуждена была с жалкой покорностью признать австрийскую аннексию Боснии и Герцеговины, свою «дипломатическую Цусиму».) «Роковым образом мы идём к этому вопросу, который ещё так недавно был совершенно чужд русской интеллигенции, а теперь выдвинут жизнью так резко, что от него уже не отчураешься»[58].

«Слово» заключало: «Случайный... инцидент послужил толчком к целой газетной буре». Значит, «в русском обществе ощущается потребность национального самопознания». Русское общество в прежние годы «устыдилось не только той ложной антинациональной политики... но и истинного национализма, без которого немыслимо государственное творчество». Творческий народ «непременно имеет своё лицо»[59]. — «Минин был несомненным националистом». Национализм строительный, государственный, свойственен *живущим* нациям, и именно такой нам нужен сейчас[60]. «Как триста лет тому назад, история требует нас к ответу, требует чтобы в грозные дни испытаний» ответить, «имеем ли мы, как самобытный народ, право на самостоятельное существование»[61].

---

56 *В. Голубев.* О монополии на патриотизм // Там же, 14 (27) марта, с. 2.

57 *В. Голубев.* От самоуважения к уважению // Там же, 25 марта (7 апр.), с. 1.

58 *А. Погодин.* К вопросу о национализме // Там же, 15 (28) марта, с. 1.

59 Слово, 1909, 17 (30) марта, с. 1.

60 *А. Погодин* // Там же, 15 (28) марта, с. 1.

61 Слово, 1909, 17 (30) марта, с. 1.

А ведь — чувствовалось в воздухе это Подступающее! — хотя, казалось бы, довольно мирный Девятьсот Девятый год.

Но и не упускали верное (М. Славинский): «Попытка обрусить, вернее, обвеликорусить всю Россию... оказалась гибельной для живых национальных черт не только всех недержавных имперских народностей, но и, прежде всего, для народности великорусской... культурные силы великорусской народности для этого оказались слишком слабы». Для великорусской национальности — только полезно интенсивное развитие вглубь, нормальное кровообращение [62]. (Увы — и сегодня не освоенный русскими урок.) — «Необходима борьба с национализмом физиологическим, [когда] народность сильнейшая стремится навязать народностям слабейшим государственный быт, им чуждый» [63]. Да ведь такую империю нельзя было создать одною физической силой, — но и «нравственной силой». А если она у нас есть, то равноправие народов (и евреев, и поляков) ничем нам не угрожает [64].

Ещё с разгара XIX века, а в начале XX тем более — русская интеллигенция ощущала себя уже на высокой ступени всеземности, всечеловечности, космополитичности или интернационалистичности (что тогда и не различалось). Она уже тогда во многом и почти сплошь отреклась от русского национального. (С трибуны Государственной Думы упражнялись в шутке: «патриот-Искариот»).

А еврейская интеллигенция — не отреклась от национального. И даже закрайние еврейские социалисты старались как-то совместить свою идеологию с национальным чувством. Но в это же самое время не слышно было ни слова от евреев — от Дубнова до Жаботинского и до Винавера — что русской интеллигенции, всею душой за угнетённых братьев, — можно не отказываться от *своего* национального чувства. А по справедливости, такое должно бы было прозвучать. Вот этого переклона тогда никто не понимал: под *равноправием* евреи понимали нечто *большее*.

И русская интеллигенция — одиноко шагнула в будущее.

---

62 *М. Славинский* // Слово, 1909, 14 (27) марта, с. 2.

63 *А. Погодин* // Там же, 15 (28) марта, с. 1.

64 Слово, 1909, 17 (30) марта, с. 1.

Не получили евреи равноправия при царе, но — отчасти именно поэтому — получили руку и верность русской интеллигенции. Сила их развития, напора, таланта *вселилась* в русское общественное сознание. Понятия о наших целях, о наших интересах, импульсы к нашим решениям — мы слили с их понятиями. Мы приняли их взгляд на нашу историю и на выходы из неё.

И понять это — важней, чем подсчитывать, какой процент евреев раскачивал Россию (раскачивали её — мы все), делал революцию, или участвовал в большевицкой власти.

Глава 12 — В ВОЙНУ (1914–1916)

Самым неосмысленным безумием XX века была, несомненно, Первая Мировая война. Безо всякой ясной причины и цели три великие европейские державы — Германия, Россия и Австро-Венгрия — столкнулись насмерть, чтобы двум уже не выздороветь в этом веке, а третьей — рассыпаться. Два партнёра России, по видимости выигравшие, продержались ещё четверть века — чтобы затем потерять свою превосходящую силу уже навсегда. И вся вместе Европа утратила своё гордое звание водителя человечества, обратилась в мишень для зависти, а колониальные владения посыпались из её ослабевших рук.

Все три императора, а особенно Николай II и его окружение, не понимали, в *какую* войну, какого масштаба и безжалости они втягиваются. Помимо Столыпина, и после него П.Н.Дурново, — власти не поняли предупреждения, посланного России в 1904–06 годах.

Посмотрим на ту же войну еврейскими глазами. В этих трёх сопредельных европейских империях жило $^{3}/_{4}$ евреев всего мира (и 90% евреев Европы)[1], причём сосредоточены они были в театре назревающих военных действий, от Ковенской губернии (затем и Лифляндии) до австрийской Галиции (затем и Румынии). И война неотложно поставила перед ними мучительный вопрос: все они жили на рубеже этих трёх Империй — так возможно ли им соблюдать свой имперальный патриотизм? Ведь для проходящих армий за фронтом был враг, а для евреев-местных жителей — соседи-соплеменники. Не могли они хотеть этой войны; и могло ли их настроение круто перемениться к патриотизму? Рядовым же российским евреям черты оседлости тем более не было дано повода всесердечно поддерживать российскую воюющую сторону. Ещё век тому назад, как мы видели, евреи Западного края помогали

[1] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ): 1976 — ... [продолж. изд.]. Т. 2, Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1982, с. 313–314, статистика на 1900 год.

русским против Наполеона. Но к 1914 году — помогать армии ради *чего*? черты оседлости? Наоборот: не возбуждала ли война надежды на освобождение? Вот придут австро-германцы — и не объявится же никакая новая черта оседлости, упразднится процентная норма в учебных заведениях?

Как раз в западной части черты оседлости оставался сильным Бунд, и от Ленина узнаём в феврале 1915, что бундовцы «большей частью германофилы и рады поражению России»[2]. Узнаём и: что во время войны автономистский еврейский «Форвертс» занимал ярко германофильскую позицию. В наши дни еврейский автор метко замечает о том времени: «Если вдуматься в формулу "За Бога, Царя и Отечество"... невозможно представить себе лояльного еврея, который примет для себя эту формулу всерьёз», в прямом смысле[3].

Не то́ в столицах. Вопреки своему поведению в 1904–05, влиятельные столичные круги российского еврейства, да и русские либералы, в возникшем конфликте 1914 года предложили самодержавию свою поддержку, предложили — союз. «Патриотический подъём, охвативший Россию, не оставил в стороне и евреев»[4]. «Это было то время, когда... Пуришкевич, видя русский патриотизм евреев, целовался с раввинами»[5]. И в печати (не в «Новом времени», а в той самой либеральной, по Витте «полуеврейской», печати, выражающей и ведущей порывы общественности, буквально *требовавшей* в 1905 капитуляции всего строя) от первых дней войны вспыхнул вихрь патриотического энтузиазма. «Через голову маленькой Сербии меч поднят на великую Россию, защитницу неприкосновенного права миллионов на труд и на жизнь». На чрезвычайном однодневном заседании Государственной Думы, «представителей разных национальностей и партий в этот исторический день волновала одна мысль, одно великое чувство

---

2 *В.И.Ленин.* ПСС: В 55-ти т. 1958–1965. Т. 49, с. 64.

3 *А.Воронель* // "22": Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1986, № 50, с. 155.

4 КЕЭ, т. 7, с. 356.

5 *Д.С.Пасманик.* Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923, с. 143.

трепетно звучало во всех голосах... руки прочь от Святой Руси!... Мы готовы на все жертвы для охранения чести и достоинства нераздельного государства Российского... "Бог, Царь и народ!" — и победа обеспечена... В защиту нашей родины мы, евреи, выступаем... по чувству глубокой привязанности».

Даже если тут проявлялся и обоснованный расчёт на ответный благодарный жест — получить равноправие хотя бы по окончании войны, — правительству, принимая неожиданный союз, надо же было решиться выполнить, или обещать выполнить, свою сторону обязательств.

И действительно, для прихода равноправия разве требовалась непременно революция? Да поражение революции Столыпиным «привело к ослаблению интереса к политике как в русской, так и в еврейской среде»[6], — что по крайней мере значило отход от революции. Как выразился Шульгин: «Воевать одновременно с евреями и немцами русской власти было не под силу. С кем-то надо было заключить союз»[7]. Теперь нововозникший союз с российским еврейством надо было тут же закрепить формально: издать хотя бы обещающий документ, как был издан для поляков. Но такое мог охватить и на такое решиться — только Столыпин. Без него же теперь — это не было осмыслено, не было сделано. (А с весны 1915 — упущено и гораздо хуже.)

Конечно, у либеральных кругов, включая верхи российского еврейства, тут было и добавочное уверенное соображение. Ещё в 1907 (опять же безо всякой настоятельной надобности) Николай II дал втянуть себя в военный союз с Англией (и тем стянул на своей шее петлю будущего русско-германского столкновения). И ныне соображение всей российской передовой общественности было: что союз с демократическими державами и совместная с ними победа сделают неизбежной для России к концу войны всеобщую демократизацию, а значит, устойчивое еврейское равноправие. Был смысл российским евреям, и не только столичным, — стремиться в этой войне к победе России.

---

[6] КЕЭ, т. 7, с. 356.

[7] *В.В.Шульгин.* «Что нам в них не нравится...»: Об Антисемитизме в России. Париж, 1929, с. 67.

Но этот смысл был перевешен суматошным, безразборным и массовым *выселением* евреев из прифронтовой полосы, приказанным Ставкой при великом отступлении 1915. Что у Ставки вообще оказались на то полномочия — результат неуклюжих решений в начале войны. В горячечные дни июля 1914, мечась перед надвигающимся жребием войны, Государь между делом, как второстепенный документ, подписал Временное Положение о полевом управлении войск, по которому Ставке предоставлялись неограниченные права во всех прифронтовых областях, на большую глубину — и безо всякого согласования с Советом министров. Этот документ не казался в тот момент серьёзным, ибо всегда предполагалось, что Верховным будет сам Государь, и конфликтов с кабинетом министров возникнуть не может. Но и в те же июльские дни 1914 министры же и отговорили Государя принимать Верховное Главнокомандование. Государь проницательно предложил этот пост своему любимцу пустомеле Сухомлинову, военному министру. Сухомлинов, естественно, отпорхнул от такого почёта — и пост достался в. кн. Николаю Николаевичу, а тот не счёл возможным начинать с ломки уже назначенного штата и сменить начальника штаба Верховного, каким уже до него был назначен генерал Янушкевич. А Положение-то о полевом управлении — при этом не изменилось. И теперь всё кормило управления одной третью России досталось ничтожному, даже не военному, а административному генералу Янушкевичу.

В самом начале войны на местах возникали приказы к выселению евреев из фронтовой полосы[8]. В августе 1914 в газетах можно было прочесть: «Права евреев... Циркулярное телеграфное распоряжение всем губернаторам и градоначальникам приостановить акты массового или частичного выселения евреев». Но к новому 1915 году, как свидетельствует доктор Д. Пасманик, бывший всю войну на фронте врачом, «вдруг по всему фронту и во всех правительственных кругах заговорили об еврейском шпионаже»[9].

Именно Янушкевич, летом 1915, прикрывая отступление русских армий, казавшееся тогда ужасающим, стал из-

[8] КЕЭ, т. 7, с. 356.

[9] *Пасманик*, с. 144.

давать распоряжения о *массовых* высылках евреев из прифронтовой полосы — высылках огульных, безо всякого разбора личной вины. Удобный ход: свалить все поражения на евреев.

Может быть, это обвинение возникло и не без поджига от германского генштаба, издавшего воззвание к российским евреям: восставать против своего правительства. Но более принято мнение, которое развивают многие источники, — что это произошло под польским влиянием. Как раз перед войной в Польше вспыхнул, пишет Слиозберг, резкий антисемитизм, «борьба против еврейского господства в промышленности и торговле... Война застала агитацию против евреев... в зените и... поляки всячески старались опорочивать еврейское население в глазах Верховного командования распространением небылиц и легенд о еврейском шпионаже»[10]. — Тотчас после обещательного августовского (1914) воззвания Николая Николаевича к полякам — в Варшаве был создан поляками Центральный обывательский комитет, и в него не включили ни одного еврея, хотя в Польше евреев было 14%. В сентябре произошёл и еврейский погром в Сувалках[11]. — А при отступлении 1915 «возбуждённое настроение армии легко поддалось на польский навет»[12]. Пасманик утверждает, что он «в состоянии доказать, что первый слух о еврейском предательстве был пущен поляками», часть поляков «сознательно помогала немцам. Желая отвести от себя подозрения, они начали усердно распространять слух о еврейском шпионаже»[13]. Несколько источников подчёркивают именно в связи с выселением, что сам Янушкевич был «поляк, принявший православие»[14].

Да, он мог такое влияние испытать, но мы не считаем эти объяснения достаточными или как-либо оправдывающими русскую Ставку.

---

[10] *Г.Б. Слиозберг.* Дела минувших дней: Записки русского еврея: В 3-х т. Париж, 1933–1934. Т. 3, с. 316–317.

[11] *Я.Г. Фрумкин.* Из истории русского еврейства // [Сб.] Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до Революции 1917 г. (далее — КРЕ-1). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960, с. 85–86.

[12] *Слиозберг,* т. 3, с. 324.

[13] *Пасманик,* с. 144.

[14] Например: КЕЭ, т. 7, с. 357.

Конечно же, евреи прифронтовой полосы не могли разорвать свои связи с соседними посёлками, прекратить «еврейскую почту» и сделаться врагами своих же соплеменников. К тому же, евреям российской черты оседлости немцы казались тогда высоко-культурной европейской нацией, не то что русские и поляки (чёрная тень Освенцима ещё не легла на землю и не пересекла еврейского сознания...). В то время корреспондент «Таймс» Стивен Грэм сообщал, что как только на море появляется немецкий дымок, так еврейское население Либавы «забыло русский язык» и начинает говорить по-немецки. При необходимости эвакуироваться — евреи предпочитали в сторону немцев. — И неприязнь, испытываемая ими от российской армии, а затем выселение — только и могли вызывать ответную горечь, а кого подтолкнуть и к нарочитой помощи немцам.

К обвинению евреев-местных жителей добавлялось и обвинение против евреев-солдат в трусливости и дезертирстве. Протопресвитер российской Армии о. Георгий Шавельский, постоянно находившийся в Ставке, но ездивший и в части и осведомлённый в стекающихся новостях, в своих воспоминаниях пишет: «с первых же дней войны... начали усиленно говорить об евреях, что евреи-солдаты трусы и дезертиры, евреи-жители — шпионы и предатели. Рассказывалось множество примеров, как евреи-солдаты перебегали к неприятелю, или удирали с фронта; как мирные жители-евреи сигнализировали неприятелю, при наступлениях противника выдавали задержавшихся солдат, офицеров и пр. и пр. Чем дальше шло время и чем более ухудшались наши дела, тем более усиливались ненависть и озлобление против евреев. С фронта слухи шли в тыл... создавая настроение, уже опасное для всего русского еврейства»[15]. — Социалист-поручик М. Лемке, сидевший тогда в Ставке, списывал в свой тайный дневник из донесения с Юго-Западного фронта от декабря 1915: «усилилось до угрожающих размеров перебегание от нас к неприятелю евреев и поляков не только с передовых позиций, но и из тыловых учреждений»[16]. — В ноябре 1915 даже на

[15] *о. Георгий Шавельский.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2-х т. Т. 1, Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова, 1954, с. 271.

[16] *Михаил Лемке.* 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Пг.: ГИЗ, 1920, с. 353.

16—5080

заседании бюро Прогрессивного Блока можно было услышать (по милюковским записям заседания): «Какой народ доказал свой *непатриотизм?*» — «Евреи»[17].

В Германии и Австро-Венгрии евреи могли занимать видные государственные посты, не меняя при этом религии, в Австро-Венгрии — также и посты в армии. В российской же армии еврею, не перешедшему в христианство, не было хода стать офицером, и евреи со специальными знаниями чаще отбывали службу рядовыми. Естественно, что они не рвались служить в такой армии. (И несмотря на это находились же и евреи-георгиевские кавалеры. Капитан Г.С.Думбадзе вспоминает еврея, студента юридического факультета, получившего 4 георгиевских креста — но отказавшегося идти в школу прапорщиков, чтобы не креститься и тем не убить своего отца. Большевики потом расстреляли его[18].)

В то же время неубедительно и не реально было бы заключить, что все обвинения — сплошь выдумки. Шавельский пишет: «Вопрос этот слишком широк и сложен... не могу, однако, не сказать, что в поводах к обвинению евреев в то время не было недостатка... В мирное время их терпели на разных нестроевых должностях; в военное время... евреи наполнили строевые ряды армии... При наступлениях они часто бывали позади, при отступлениях оказывались впереди. Паника в боевых частях не раз была обязана им... Отрицать нередкие случаи шпионства, перебежек к неприятелю... со стороны евреев тоже не приходится... Не могла не казаться подозрительной и поразительная осведомлённость евреев о ходе дел на фронте. "Пантофельная почта" действовала иногда быстрее и точнее всяких штабных телефонов... В еврейском местечке Барановичах, рядом со Ставкой, события на фронте подчас становились известными раньше, чем узнавал о них сам Верховный со своим начальником Штаба»[19]. (Лемке отмечает еврейское происхождение самого Шавельского[20].)

---

17 Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. (продолж.) // Красный архив: Исторический журнал Центрархива РСФСР. М.: ГИЗ, 1922–1941. Т. 52, 1932, с. 179.

18 *Г.С.Думбадзе* [Воспоминания] // Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» (БФРЗ), ф. 1, А-9, с. 5.

19 *о. Георгий Шавельский*, т. 1, с. 272.

20 *Лемке*, с. 37.

В Ставку приезжал московский раввин Мазе, убедить Шавельского в том, «что евреи — как и все другие: есть... мужественные и храбрые, есть и трусы; есть верные Родине, бывают и негодяи, изменники», и приводил примеры из прошлых войн. «Как ни тяжело было мне, но я должен был рассказать ему всё известное мне о поведении евреев во время этой войны», «друг друга мы не убедили»[21].

А вот ещё свидетельство современника. Абрам Зисман, инженер, служивший тогда в эвакуационной комиссии, полувеком позже вспоминал: «к стыду своему, должен сказать, [что евреи близ германского фронта] вели себя весьма неблаговидно, помогая всячески германской армии»[22].

Были и обвинения против евреев-поставщиков, чисто экономические. Лемке скопировал и такой приказ, подписанный в Ставке уже Государем в день его вступления в должность Верховного (а значит подготовленный штабом Янушкевича): что поставщики-евреи злоупотребляют доставкой перевязочных средств, лошадей и хлеба для армии; получают от войсковых частей удостоверения, «что им поручена покупка для надобностей войск... но без указания количества покупаемого и района» покупки. Затем «евреи снимают с них в разных городах значительное число нотариальных копий, раздают их своим единомышленникам» — и так получают возможность производить закупки в любом районе Империи. «Благодаря еврейской сплочённости и значительным денежным средствам, ими захватываются обширные районы для скупки главным образом лошадей и хлеба», а это искусственно повышает цены и затрудняет деятельность правительственных заготовителей[23].

Однако и все эти случаи не могут оправдать поведение Янушкевича и Ставки. Русское командование, не разбираясь, размахнулось безрассудно выселять евреев массами.

Особенно выделялось обращение с евреями Галиции — жителями уже Австро-Венгрии. «С началом 1-й мировой войны десятки тысяч евреев бежали из Галиции в Венгрию,

21 *о. Георгий Шавельский*, с. 272, 273.

22 Новая Заря, Сан-Франциско, 1960, 7 мая, с. 3.

23 *Лемке* *, с. 325.

Богемию и Вену. Оставшиеся в Галиции евреи сильно пострадали в период русской оккупации края»[24]. «Издевательства над евреями, избиения, и даже погромы, которые особенно часто устраивали казачьи части, стали в Галиции обычным явлением»[25]. Пишет о. Шавельский: «В Галиции ненависть к евреям подогревалась ещё теми притеснениями, какие терпело в период австрийского владычества местное русское [т.е. украинское и русинское] население от евреев-панов»[26] (то есть оно теперь присоединялось к самоуправству казаков).

А «в Ковенской губернии выселение было поголовным: из Ковно вывозили больных, раненых солдат, семьи фронтовиков»[27]. Ещё бывало «требование заложников, в обеспечение будто бы против шпионажа», такие случаи «стали обычным явлением»[28].

Тогдашняя высылка евреев видится особенно разительной на фоне того, что в 1915 не было, как в 1941, массовой общей эвакуации городского населения. Армия отходила, гражданское население оставалось на местах, никого не гнали — но именно евреев, одних евреев изгоняли, иногда повально и в самые короткие сроки, — кроме естественной обиды ещё и фактическое разорение, потеря жилья, потеря имущества — действительно ещё один вид грандиозного погрома, и ведь уже от властей, а не от толпы? Как не понять еврейского горя?

А к тому же, распоряжения Янушкевича и действия подчинённых ему военачальников происходили вне какой-нибудь обдуманной и предсказуемой системы, были рассогласованы, судорожны, противоречивы и тем вносили ещё худшую сумятицу. Тем распоряжениям не ве́дена никакая сводная летопись или ведомость. Были о них разрозненные отзвуки в прессе тех лет, да вот в «Архиве Русской Революции» И.В. Гессена напечатана сводка документов[29] —

24 КЕЭ, т. 2, с. 24.

25 КЕЭ, т. 7, с. 356.

26 *о. Георгий Шавельский*, с. 271.

27 КЕЭ, т. 7, с. 357.

28 *Слиозберг*, т. 3, с. 325.

29 Документы о преследовании евреев // Архив Русской Революции, издаваемый И.В. Гессеном (далее — АРР). Берлин: Слово, 1922–1937. Т. XIX, 1928, с. 245–284.

правда вполне случайных, бессистемных, и тоже, как у Лемке, частных копий, списанных из документов. Однако и эти немногие данные дают возможность всё же судить о происшедшем.

В одних распоряжениях — выселять евреев из района боевых действий «в сторону противника» (то есть так понять, что — к австрийцам, через фронт?), галицийских евреев — назад в Галицию; в других — высылать в наши тылы, иногда — недальние, иногда — на левый берег Днепра, а то уже — и «за Волгу». То — «очистить от евреев 5-вёрстную полосу» прифронтовую, то — 50-вёрстную. Где на это выселение даётся пять суток, и с имуществом, где сутки, очевидно, уже почти без имущества, а не желающие эвакуироваться будут отправлены этапным порядком. То: не выселять, а, при нашем отступлении, брать с собой заложников из видных евреев, особенно раввинов, — на случай доносов евреев немцам об оставшихся русских и поляках, сочувствующих России; а при казни тех немцами будут казнены и заложники (на оккупированной немцами территории — как узнать? проверить? фантастическая система). То: заложники не берутся, а лишь назначаются среди местного еврейского населения нашей территории — и несут ответственность, чтобы не было еврейского шпионажа или сигнализации неприятелю. То: не допускать евреев даже присутствовать при рытье окопов в нашем тылу (чтобы не дали знать через своих к австрийцам об их расположении, — а румынские евреи переходили границу легко); то, наоборот: посылать гражданских евреев именно на рытьё окопов. То (командующий Казанским ВО известный самодур генерал Сандецкий): всех солдат иудейского вероисповедания — немедленно в маршевые роты и слать на фронт. То: недовольство от укомплектований боевых частей евреями, их «непригодность в качестве боевого материала».

Такое впечатление, что в своей антиеврейской кампании Янушкевич, Ставка уже теряли голову: чего же именно они хотят? И в эти самые страдные боевые недели, когда русские войска изнемогали от отступления без снарядов, — рассылался систематический (удобный лишь для тыловой жизни) «перечень вопросов» к командному составу: накоплять исследовательские данные о «нравственных, боевых, физических качествах евреев-солдат», о взаимоотношении их с местным еврейским населением. И теоретически гото-

вился проект о возможном после войны полном исключении евреев из военной службы.

Не знаем мы и точных цифр выселенных. В "Книге о русском еврействе" читаем, что в апреле 1915 было выселено из Курляндской губернии 40 тыс. евреев, в мае из Ковенской 120 тыс.[30] Тот же сборник, в другом месте, даёт цифру суммарную по всему времени и *вместе* с беженцами-евреями — за 250 тыс.[31], тогда на всех выселенных вряд ли придётся больше половины того. — Уже после революции в «Новом времени» было сообщение, что в результате эвакуации всех галицийских жителей рассеяно по России 25 тысяч, из них евреев около 1 тысячи[32]. (Это — уже неправдоподобно малые цифры.)

10–11 мая 1915 был издан приказ остановить выселения, и они прекратились. Жаботинский в итоге называл это выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 «катастрофой, кажется, беспримерной со времён Фердинанда и Изабеллы» испанских в XV в.[33] Но не жест ли Истории, что это массовое выселение — и само оно, и возмущённая на него реакция — послужили реальному и желанному уничтожению черты оседлости?

Привременно отозвался Леонид Андреев: «наше пресловутое "варварство", в котором обвиняют нас... всё целиком и исключительно основано на нашем еврейском вопросе и его кровавых эксцессах»[34].

Выселения евреев получили огласку всемирную. И петербургские еврейские правозащитники во время войны передавали сведения в Европу о положении евреев, «особенно проявил свою неутомимую деятельность Александр Исаевич Браудо»[35]. А.Г. Шляпников рассказывает, что и от Горького получал документы о преследовании евреев в Рос-

---

[30] *А.А. Гольденвейзер.* Правовое положение евреев в России // КРЕ-1, с. 135.

[31] *Г.Я. Аронсон.* В борьбе за гражданские и национальные права: Общественные течения в русском еврействе // КРЕ-1, с. 232.

[32] Новое время, 1917, 13 апр., с. 3.

[33] *Слиозберг,* т. 1 / Вступит. статья В. Жаботинского, с. xi.

[34] *Л. Андреев.* Первая ступень // Щит: Литературный сборник / Под ред. Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. 3-е изд., доп., М.: Русское Общество для изучения еврейской жизни, 1916, с. 5.

[35] *Слиозберг,* т. 3, с. 343–344.

сии, отвёз их в Америку. Такие сведения быстро и сильно отзывались в Европе и в Штатах и вызывали там высокую волну негодования.

И если «лучшие представители еврейского общества и интеллигенции» боялись, что «победа Германии... послужила бы только укреплению антисемитизма... и по этому одному не могло быть речи о симпатии к германцам и надеждах на их победу» [36], то из Дании уже слышим от русского военного агента в декабре 1915, что успеху антирусской пропаганды «способствуют и евреи, которые открыто заявляют о том, что не желают победы России и, как результат её, — обещанной автономии Польши, ибо знают, что последняя примет энергичные меры для изгнания евреев из её пределов» [37], — то есть что антисемитизма надо бояться польского, а не немецкого: в самостоятельной Польше евреев, может быть, ждёт жребий похуже российского.

Правительствам Англии и Франции было конфузно осуждать поведение своего союзника громко. Но тем временем на мировую платформу всё более всходили Соединённые Штаты. В ещё тогда нейтральной Америке в 1915 «симпатии разделились и... часть евреев, которая оказалась в Америке из бывших выходцев из Германии, проявляли, если не активную, то внутреннюю симпатию к немцам» [38]. Подпитывало их и настроение еврейских выходцев из России и Галиции, которые, как свидетельствует социалист Зив, желали (что уже и не могло быть иначе) поражения России в войне, а тем более осевших в Штатах российско-еврейских «профессиональных революционеров» [39]. Это налагалось на существующие в Соединённых Штатах антирусские настроения, — ведь ещё совсем недавно произошёл драматический разрыв в 1911 году 80-летнего американо-русского торгового договора. Американская общественность видела правительственную Россию — страной «развращённой, реакционной и невежественной» [40].

---

[36] Там же, с. 344.

[37] *Лемке**, с. 310.

[38] *Слиозберг*, т. 3, с. 345.

[39] *Д-р. Г.А. Зив.* Троцкий: Характеристика. По личным воспоминаниям. Нью-Йорк: Народоправство, 1921, с. 60–63.

[40] *Герман Бернштейн* // Речь, 1917, 30 июня, с. 1–2.

И это быстро и весомо сказалось на воюющей России. Уже в августе 1915 читаем в милюковских записях заседаний Прогрессивного Блока: «Американцы ставят условием [помощи России] свободный приезд [в Россию] американских евреев»[41], — снова тот конфликт с Т. Рузвельтом, 1911 года. — А когда русская парламентская делегация в начале 1916 поехала в Лондон и Париж просить денежной помощи, то она столкнулась с жёстким отказом. Это обильно представлено в докладе Шингарёва (20 июня 1916) в Военно-морской комиссии Государственной Думы по возврату делегации. Английский лорд Ротшильд ответил: «Вы мешаете нашему кредиту в Америке». Французский барон Ротшильд сказал: «В Америке огромная масса еврейских деятелей, они имеют большое влияние в Америке, и там настроение создалось враждебное для вас». (Затем «Ротшильд сказал ещё более резко», Шингарёв просит не заносить в протокол.) Это финансовое давление Америки, заключает докладчик, продолжение того, как был ими расторгнут торговый договор в 1911 (но, конечно, наложились недавние массовые выселения евреев). А Яков Шифф, так резко проявивший себя в 1905 против России, теперь сказал посланному в Америку французскому парламентарию Башу: «Мы дадим Англии и Франции кредит, если мы будем знать, что Россия что-нибудь сделает по еврейскому вопросу, а то вы занимаете деньги для России, а мы России давать не желаем»[42]. — Милюков рассказывал с думской трибуны о протестах «многомиллионного еврейского населения» США, находящих «в американском общественном мнении... широкий отклик. У меня в руках целый ряд свидетельств из американских газет... у меня есть описание митингов, которые кончались истериками и слезами, когда говорили о положении евреев в России. У меня есть копия постановления Президента американской республики Вильсона, который назначает еврейский день по всей Америке для сбора помощи пострадавшим евреям». И «когда к американским банкирам приходят с требованием денег, они говорят: позвольте, как мы будем давать деньги? Мы дадим

[41] Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив, 1932, т. 50–51, с. 136.

[42] Международное финансовое положение царской России во время мировой войны // Красный архив, 1934, т. 64, с. 5–14.

вам, Англии и Франции, но с тем, чтобы этими деньгами не пользовалась Россия... Известный руководитель нью-йоркского финансового мира, банкир Яков Шифф, решительным образом отказывается идти на какие бы то ни было займы...»[43].

Англоязычная Еврейская энциклопедия подтверждает, что Шифф, «использовавший своё влияние, чтобы предотвратить займы России от других финансовых домов... продолжил эту политику во время Первой Мировой войны»[44], и оказывал давление на другие банкирские дома — тоже не давать России.

А всё возбуждение от высылки, внутрироссийское и мировое, пришлось расхлёбывать российскому Совету министров, кого Ставка в своих действиях не спрашивала и на чьи протесты не обращала внимания. Обрывки страстных о том прений в Совете министров я уже приводил[45]. Вот и ещё оттуда. За временное открытие всех городов еврейскому поселению выступал Кривошеин: «Льгота евреям будет полезна не только с политической, но и с экономической точки зрения... До сих пор наша политика в этой области напоминала того скупого, который спит на своём золоте, сам не извлекая из него доходов и другим не позволяя». Но протестовал министр Рухлов: предлагаемое право евреям свободно расселяться по России «является коренным и бесповоротным изменением исторически сложившегося законодательства, имеющего целью оградить русское достояние от еврейских захватов, а русский народ — от разлагающего влияния еврейского соседства... Вы оговариваете, что льгота даруется только на время войны... такая оговорка ничто иное, как фиговый листик», после войны уже «не найдётся такой власти», чтобы «снова погнать евреев обратно за черту оседлости... Русские мрут в окопах, а евреи будут устраиваться в сердце России, извлекать выгоды из народного бедствия и всеобщего разорения. А как на это взглянет и армия, и весь русский люд?» — И ещё раз, на следующем заседании: «Русские люди несут невероятные лишения и страдания и на фронте, и в тылу, а еврейские банкиры по-

---

43 [Доклад П.Н. Милюкова в Военно-морской комиссии Госуд. Думы 19 июня 1916 г.] // Красный архив, 1933, т. 58, с. 13-14.

44 Encyclopedia Judaica, Jerusalem, 1971, vol. 14, p. 961.

45 *А. Солженицын.* Красное Колесо. Т. 3, М.: Воениздат, 1993, с. 259-263.

купают своим сородичам право использовать беду России для дальнейшей эксплуатации обескровленного русского народа»[46].

Но министры соглашались, что другого выбора — нет. Меру надо было «проводить в исключительно спешном порядке» — «в интересах обеспечения финансовых потребностей войны»[47]. И все, кроме Рухлова, подписались под циркуляром: открыть евреям свободное поселение (и с правом приобретения недвижимого имущества) — повсюду в Империи за исключением столиц, сельских местностей, казачьих областей и района Ялты[48]. Осенью 1915 был отменён и обязательный для евреев годичный паспорт, разрешено получать бессрочный. (За этим последовали частичное открытие образования вне процентной нормы и разрешение служить присяжными поверенными по процентной норме[49].) В обществе преградные аргументы доламывались под напором войны.

Так навсегда рухнула продержавшаяся век с четвертью черта еврейской оседлости. Причём, констатирует Слиозберг, «эта мера, столь важная по своему содержанию... означавшая отмену черты оседлости, к которой тщетно стремились в течение десятков лет русские евреи и русские либеральные круги, прошла незаметно»[50]. Незаметно — из-за общего размаха войны. Потоки беженцев и переселяемых наводняли Россию.

Правительственный Татьянинский комитет по беженцам отпускал деньги и на устройство еврейских переселяемых[51]. До самой Февральской революции «Совещание о беженцах продолжало функционировать и отпускать огромные суммы на национальные комитеты», в том числе на еврейский[52]. А само собой разумеется, текли деньги от многочисленных еврейских организаций, взявшихся за

---

46 Тяжёлые дни. Секретные заседания совета министров, 16 июля – 2 сентября 1915. / Сост. А.Н. Яхонтов // АРР, 1926, т. XVIII, с. 47–48, 57.

47 Там же, с. 12.

48 КЕЭ, т. 7, с. 358–359.

49 Там же, с. 359.

50 *Слиозберг*, т. 3, с. 341.

51 *Я.Л. Тейтель*. Из моей жизни за 40 лет. Париж: Я. Поволоцкий и Ко., 1925, с. 210.

52 *Слиозберг*, т. 3, с. 342.

помощь энергично и умело. Тут было действующее с 1880 (и в городах вне черты) хорошо налаженное ОРТ (Общество ремесленного труда среди евреев). ОРТ работал в кооперации с World Relief Committee и «Джойнтом» («Комитет по распределению фондов помощи евреям, пострадавшим от войны»). Все они широко помогали еврейскому населению России; «Джойнт оказал помощь сотням тысяч евреев России и Австро-Венгрии»[53]. ОРТ содействовал евреям и в эмигрировании и в сельском хозяйстве в Польше — так как «за время войны евреи, жители местечек, были втянуты, — не без понуждения со стороны немецких оккупантов, — к занятию земледелием»[54]. Тут и — возникшее в 1912 ОЗЕ (Общество охранения здоровья еврейского населения); оно ставило своей задачей заниматься не только прямым лечением евреев, но и открытием санаториев и амбулаторий для евреев, также и общей сангигиеной, уменьшать коэффициент заболеваемости, вести «борьб[у] с физической деградацией еврейского населения» (подобной организации ещё не было нигде в России). Теперь, с 1915, оно устраивало для еврейских переселенцев на их пути и местах назначения — питательные пункты, летучие врачебные отряды, госпитали, амбулатории, приюты, консультации для матерей[55]. — А с 1915 возникло и ЕКОПО (Еврейское Общество помощи жертвам войны); получая помощь от Татьянинского комитета, и от щедро субсидируемых казной Земского Союза и Союза Городов (вместе — «Земгора»), и из Америки, ЕКОПО создало разветвлённую сеть уполномоченных, обслуживающих еврейских беженцев в пути и на местах, подвижные кухни, столовые, снабжение одеждой, занятиями (бюро труда, технические курсы), сеть детских учреждений и школ. Великолепная организованность! — ведь вспомним, что обслуживали они примерно 250 тысяч беженцев и переселяемых; к августу 1916 зарегистрированных беженцев насчитывалось свыше 215 тысяч[56]. — А ещё, соглашением Еврейской Народной груп-

---

[53] КЕЭ, т. 2, с. 345.

[54] *Д. Львович.* Л. Брамсон и союз ОРТ // Еврейский мир: Сб. II. Нью-Йорк: Союз русских евреев в Нью-Йорке, 1944, с. 29.

[55] *И.М. Троцкий.* Самодеятельность и самопомощь евреев в России (ОПЕ, ОРТ, ЕКО, ОЗЕ, ЕКОПО) // КРЕ-1, с. 479–480, 485–489.

[56] *Аронсон.* В борьбе за... // КРЕ-1, с. 232; *И. Троцкий.* Самодеятельность... // Там же, с. 497.

пы, Еврейской Народной партии, Еврейской Демократической группы и сионистов, было образовано «Политическое Бюро» при депутатах-евреях 4-й Государственной Думы, во время войны оно развивало «большую деятельность»[57].

Несмотря на все ущемления, «война дала мощный толчок еврейской самодеятельности, вспрыснула энергию в дело самопомощи»[58]. В эти годы «обнаружились огромные подспудные силы, созревшие в еврейском национальном коллективе России... крупные резервы общественной инициативы в самых разнообразных областях»[59]. — Кроме средств от комитетов помощи, ЕКОПО получал прямо от правительства миллионную помощь. Особое Совещание по беженцам «ни разу не отклоняло наших представлений» о просимых ассигнованиях, за полтора года 25 миллионов рублей, во много-много больше, чем еврейские сборы (правительство оплачивало безрассудство Ставки), а поступавшие затем суммы с Запада комитет мог сохранить[60] на будущее.

Так — за счёт беженцев, выселенцев, но и немалых добровольных переселенцев — война значительно изменила расселение евреев по России, образовались большие еврейские колонии в городах дальнего тыла, особенно в Нижнем Новгороде, Воронеже, Пензе, Самаре, Саратове, да не меньше того и в столицах. Хотя снятие черты оседлости не относилось к столицам, теперь они практически открылись. Тянулись в них часто к родственникам или покровителям, уже давно осевшим на новых местах. В случайных мемуарах прочтём о петербургском зубном враче Флакке: квартира в 10 комнат, лакей, горничная и повар, — таких основательных жителей-евреев было немало, и в годы войны, при крайнем жилищном стеснении в Петрограде, — они открывали возможности вселения для приезжающих евреев. За эти годы произошло множество частных переездов — семей, семейных групп, которые не фиксированы в истории, лишь иногда выплывают в частных воспоминаниях, как родственники Давида Азбеля: «тётя Ида... поки-

---

[57] *Аронсон. В борьбе за...* // КРЕ-1, с. 232.

[58] *И. Троцкий.* Самодеятельность... // Там же, с. 484.

[59] *Аронсон. В борьбе за...* // Там же, с. 230.

[60] *Слиозберг*, т. 3, с. 329–331.

нула тихий и сонный Чернигов в начале Первой мировой войны. Она переехала в Москву»[61]. Приезжали и совсем незаметные, однако иные достигали серьёзных влиятельных постов — например, писарь Познанский, ведавший в петроградской военно-цензурной комиссии «всеми секретными делами»[62].

А из Ставки само собой катилась волна распоряжений, где исполняемых, а где пренебрежённых: изгонять евреев в армии с нестроевых должностей, особенно из писарей, хлебопёков, санитаров, телефонистов, телеграфистов. Например, «для предотвращения антиправительственной пропаганды, которую якобы ведут евреи-врачи и санитары, следует направлять их не в санитарные поезда и госпитали, а "в такие места, где условия мало благоприятствуют развитию пропаганды, как, например, на передовые позиции, уборку раненых с полей сражений"»[63]. Ещё отдельно — изгонять из персоналов Земсоюза, «Согора» (Союза городов), Красного Креста и Северопомощи, где евреи скапливаются в большом изобилии, уклоняясь от прямой военной службы (как, заметим, и десятки тысяч русских также уклонялись там) и используя свои удобные должности для разлагающей пропаганды в армии (как и каждый уважающий себя либерал, радикал или социалист занимался тем же самым), а особенно агитируют о «негодност[и] высшего командного состава» (что и во многом соответствовало истине)[64]. Иные циркуляры гласили об опасности держать евреев на постах, где они коснутся чувствительных сведений: в учреждениях Земсоюза Западного фронта в апреле 1916 «все важные отрасли канцелярского труда (в том числе и секретная часть) находятся в руках евреев» и называются евреи, ведущие регистрацию и подшивку документов, также и заведующий информационным отделом, имеющий «по обязанностям своей службы свободный доступ в разные тыловые армейские и районные управления»[65].

---

61 *Д. Азбель.* До, во время и после // Время и мы (далее — ВМ), Нью-Йорк–Иерусалим–Париж, 1989, № 104, с. 192–193.

62 *Лемке*, с. 468.

63 КЕЭ, т. 7, с. 357.

64 АРР, 1928, т. XIX, с. 274, 275.

65 *Лемке*, с. 792.

Всё же нет свидетельств, что грозные раскаты Ставки об изгнании евреев из учреждений Земгора исполнялись в заметном масштабе. Тот же осведомлённый Лемке свидетельствует, что «распоряжение военных властей об удалении евреев» там были встречены «несочувственно». И Земгором было издано распоряжение, что «все лица иудейского вероисповедания, увольняемые из учреждений [Земгора] по распоряжению властей, увольняются в 2-месячный отпуск с сохранением жалованья и суточных» и с правом первоочерёдного занятия мест в тыловых учреждениях Земгора[66]. (И у ведущей российской прессы Земгор был охраняемым любимцем. Например, пресса единодушно отказалась напечатать об источниках средств Земгорсоюза: за 25 месяцев войны, по 1 сентября 1916, — 464 млн. руб. получил Земгор от правительства (он и всё снабжение получал готовым с интендантских складов) и только 9 млн. руб. от земств, городов, общественности[67]. Отказалась, потому что это подорвало бы весь смысл деятельности благотворно-спасительного Земгорсоюза в противовес бездарному, глупому, ничтожному правительству.)

По экономическим и географическим обстоятельствам, не удивительно, что среди поставщиков оказывалось много евреев. Гневная письменная жалоба (которую подали «православно-русские круги г. Киева... в силу патриотического долга») указывает на Соломона Франкфурта: держит крупнейший пост «уполномоченного министерства земледелия по снабжению армии салом» (впрочем, на его дезорганизующие реквизиции звучали жалобы и в Государственной Думе). В том же Киеве «агроном киевского уездного земства» Зельман Копель случайно увековечился в истории тем, что под Рождество 1916 неумеренной реквизицией оставил на праздник без сахара Бородянскую волость (тут жалоба и на уездную земскую управу)[68].

В ноябре 1916 депутат Н. Марков возмущённо перечислял в Государственной Думе «мародёр[ов] тыла и грабител[ей]» казны и государственной обороны — и по своему

---

[66] *Лемке*, с. 792.

[67] *С.С. Ольденбург*. Царствование Императора Николая II. Т. 2, Мюнхен, 1949, с. 192.

[68] Из записной книжки архивиста. Сообщ. М. Паозерского // Красный архив. 1926, т. 18, с. 211-212.

известному пристрастию выделял евреев: в том же Киеве члена городской управы Шефтеля, задержавшего на складах и сгноившего больше 150 тыс. пудов городских запасов муки, рыбы и других продуктов — а в то же время «друзья этих господ продавали по сумасшедшим ценам рыбу не городскую, а частную»; члена ГД от Киева В.Я. Демченко, укрывавшего «масс[у] евреев, богатых евреев» (и перечисляет их) «для уклонения от воинской повинности»; или, в Саратове, «инженера Леви», «чрез комиссионера Френкеля» поставлявшего по завышенной цене товары для военно-промышленного комитета[69]. Однако заметим: и сами гучковские военно-промышленные комитеты занимались тем же относительно казны, что́ уж...

В докладе петроградского Охранного отделения, в октябре 1916, читаем: «В Петрограде вся без исключения торговля ведётся через евреев, прекрасно осведомлённых об истинных вкусах, намерениях и настроениях толпы»; но донесение перелагает и мнение правых, что в народе «та свобода, которой за время войны начали пользоваться евреи», всё больше вызывает недовольство, «правда, официально ещё и существуют некоторые русские фирмы, но за ними фактически стоят те же самые евреи: без посредника еврея ничего нельзя купить и заказать»[70]. (В большевицких изданиях, например в книге Каюрова[71], действовавшего тогда в Петрограде, не преминули приврать, что в мае 1915 при погроме немецких фирм и магазинов в Москве громили, якобы, и еврейские, — но это было не так, как раз наоборот: в момент немецкого погрома евреи вывешивали, из-за схожести фамилий на вывесках, охранительные надписи: «это магазин еврейский», и погромщики миновали их. Еврейская торговля в тыловой России за все годы войны никак не пострадала.)

На самых же верхах монархии — в болезненном окружении Григория Распутина — играла заметную роль маленькая группа весьма подозрительных лиц. Они вызывали

---

69 Государственная Дума — Четвёртый созыв (далее — ГД-4): Стенографический отчёт. Сессия 5, Пд., 1917, заседание 7, 22 нояб. 1916, с. 366–368.

70 Политическое положение России накануне Февральской революции // Красный архив, 1926, т. 17, с. 17, 23.

71 *В. Каюров*. Петроградские рабочие в годы империалистической войны. М., 1930.

негодование не только у правых кругов, — вот в мае 1916 французский посол в Петрограде Морис Палеолог записал в дневнике: «Кучка еврейских финансистов и грязных спекулянтов, Рубинштейн, Манус и др., заключили с ним [Распутиным] союз и щедро его вознаграждают за содействие им. По их указаниям, он посылает записки министрам, в банки и разным влиятельным лицам»[72].

И действительно, если раньше ходатайством за евреев занимался открыто барон Гинцбург, то вокруг Распутина этим стали прикрыто заниматься облепившие его проходимцы. То были банкир Д.Л. Рубинштейн (состоял директором коммерческого банка в Петрограде, но и уверенно прокладывал себе пути в окружение трона: управлял состоянием в. кн. Андрея Владимировича, через Вырубову был приглашён к Распутину, затем награждён орденом Св. Владимира и получил звание действительного статского советника, «ваше превосходительство»). И промышленник-биржевик И.П. Манус (директор петроградского Вагоностроительного завóда и член правления Путиловского, в руководстве двух банков и Российского Транспортного общества, также в звании действительного статского).

Рубинштейн приставил к Распутину постоянным «секретарём» полуграмотного, но весьма оборотистого и умелого Арона Симановича, торговца бриллиантами, богатого ювелира (и чтó б ему «секретарствовать» у нищего Распутина?...)

Этот Симанович («лутчий ис явреев» — якобы написал ему «старец» на своём портрете) издал потом в эмиграции хвастливую книжицу о своей сыгранной в те годы роли. Среди разного бытового вздора и небылых эпизодов (тут же прочтём о «сотн[ях] тысяч казнённых и убитых евреев» по воле в. кн. Николая Николаевича)[73], сквозь эту пену и залёты хвастовства просматриваются и некоторые фактические, конкретные дела.

Тут было и начатое ещё в 1913 «дело дантистов», большей частью евреев, «образовалась целая фабрика зубовра-

---

[72] *Морис Палеолог*. Царская Россия накануне революции. М.; Пд.: ГИЗ, 1923, с. 136.

[73] *А. Симанович*. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина // [Сб.] Святой чёрт. Тайна Григория Распутина: Воспом., Документы, Материалы следств. комиссии. М.: Книжная Палата, 1991, с. 106–107.

чебных дипломов», которые наводнили Москву [74], — а с ними получали тут поселение, не подвергаясь военной службе. Таковых было около трёхсот (по Симановичу — 200). Лже-дантистов приговорили к заключению на год, но, по ходатайству Распутина, помиловали.

«Во время войны... евреи искали у Распутина защиты против полиции или военных властей», и, хвастался потом Симанович, к нему «обращалось очень много молодых евреев с мольбами освободить их от воинской повинности», что давало им возможность в условиях военного времени и поступить в высшее учебное заведение; «часто совершенно отсутствовала какая-нибудь законная возможность» — но Симанович якобы находил пути. Распутин «сделался другом и благодетелем евреев и беспрекословно поддерживал мои стремления улучшить их положение» [75].

Говоря о кружке этих новых фаворитов, нельзя вовсе не упомянуть выдающегося авантюриста Манасевича-Мануйлова. Он побывал и чиновником м.в.д., и агентом тайной российской полиции в Париже; и он же продавал за границу секретные документы Департамента полиции; и вёл тайные переговоры с Гапоном; потом при премьер-министре Штюрмере исполнял «особые "секретные обязанности"» [76].

А Рубинштейн вступил в поле общественности, перекупив газету «Новое время» (о ней в гл. 8), прежде враждебную к евреям. (В этом была, шутливо говоря, историческая справедливость: ведь Суворин приобрёл «Новое время» в 1876 на деньги варшавского банкира Кроненберга, и первое время она была благожелательна к евреям, и в ней сотрудничал ряд еврейских авторов. Но, начиная с русско-турецкой войны, газета круто развернулась и «перешла в лагерь реакции», а «в еврейском вопросе... не знала границ для ненависти и недобросовестности» [77].) В 1915 премьер Горемыкин и министр внутренних дел Хвостов-младший по-

---

[74] *Слиозберг*, т. 3, с. 347.

[75] *Симанович* // [Сб.] Святой чёрт, с. 89, 100, 102, 108.

[76] *С.П.Мельгунов*. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. Париж, 1957, с. 263, 395, 397.

[77] Еврейская Энциклопедия (далее — ЕЭ): В 16-ти т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1906-1913. Т. 11, с. 758, 759.

мешали попыткам Рубинштейна купить «Новое время»[78], но позже покупка состоялась, — впрочем, уже близко к революции, так что мало и пригодилась. (Ещё одна правая газета «Гражданин» тоже была частично перекуплена Манусом.)

Эту группу С. Мельгунов наградил прозвищем «"квинтета", обделывавшего свои дела в царской "прихожей"»[79] — через Распутина. И при власти Распутина — то была уже не мелочь: в острейшей близости к трону и в опаснейшей силе влияния на ход общероссийских дел находились подозрительные фигуры. Английский посол Бьюкенен считал, что Рубинштейн связан с германской разведкой[80]. Не исключено, что так по сути и было.

Активное развитие германского шпионажа в России и связь его со спекулянтами тыла понудила генерала Алексеева летом 1916 испросить высочайшее соизволение на право расследования не только в районе, подведомственном Ставке, — и так создалась «Следственная комиссия генерала Батюшина». И первой мишенью её стал банкир Рубинштейн, подозреваемый в «спекулятивных операциях с немецким капиталом», финансовых операциях в пользу неприятеля, дискредитировании рубля, переплате заграничным агентам при заказах интендантства и в спекуляции хлебом на Волге. И Рубинштейн был распоряжением министра юстиции Макарова арестован 10 июля 1916 с обвинением в государственной измене[81].

Самым настойчивым ходатаем за Рубинштейна, которому грозило 20 лет каторги, была сама царица. Уже через два месяца после его ареста Александра Фёдоровна просила Государя, чтобы Рубинштейна «потихоньку услали в Сибирь и не оставляли бы здесь для раздражения евреев», «поговори насчёт Рубинштейна» с Протопоповым. Через две недели сам и Распутин шлёт телеграмму Государю в Ставку: что и Протопопов «умоляет, чтобы ему никто не

---

78 Письмо министра внутренних дел А.Н. Хвостова Председателю совета министров И.Л. Горемыкину от 16 дек. 1915 // Дело народа, 1917, 21 марта, с. 2.

79 *Мельгунов*, с. 289.

80 Там же, с. 402.

81 *В.Н. Семенников*. Политика Романовых накануне революции. От Антанты — к Германии. М.; Л.: ГИЗ, 1926, с. 117, 118, 125.

мешал», также и контрразведка... «Ласково беседовал об узнике, по-христиански». — Ещё через три недели А.Ф.: «Насчёт Рубинштейна, он умирает. Телеграфируй... немедленно [на Северо-Западный фронт]... передать Рубинштейна из Пскова министру внутренних дел», то есть всё тому же ласковому христианину Протопопову. И на следующий день: «Надеюсь, ты телеграфировал насчёт умирающего Рубинштейна». — И ещё через день: «Распорядился ли ты, чтобы Рубинштейн был передан министру внутренних дел? иначе он помрёт, оставаясь в Пскове, — пожалуйста, милый!»[82].

И 6 декабря Рубинштейн был освобождён — за 10 дней до убийства Распутина, в крайнее для себя время, как последняя распутинская услуга. Сразу же за убийством отставлен и ненавидимый царицею министр Макаров. (А большевиками вскоре расстрелян.) — Впрочем, с освобождением Рубинштейна следственное дело не было тотчас прекращено, он арестован снова, — но в спасительную Февральскую революцию Рубинштейн был, среди томимых узников, освобождён толпой из петроградской тюрьмы и покинул неблагодарную Россию, как, вовремя, и Манасевич, и Манус, и Симанович. (Впрочем, Рубинштейна ещё встретим.)

Весь этот тогдашний тыловой разгул грабежа государственного достояния — нам, жителям 90-х годов XX века, видится лишь малой экспериментальной моделью... Но общее — в самодовольном и бездарном правлении, при котором сама судьба России уплывала из рук её правителей.

На почве дела Рубинштейна Ставка санкционировала ревизию нескольких банков. Кроме того, началось и следственное дело против киевских сахарозаводчиков — Хепнера, Цехановского, Бабушкина и Доброго. Эти — получили разрешение на вывоз сахара в пределы Персии, и отправили

[82] Письма императрицы Александры Федоровны к Императору Николаю II / Пер. с англ. В.Д.Набокова. Т. 2, Берлин: Слово, 1922, с. 202, 204, 211, 223, 225, 227.

много сахара, но через персидские таможенные посты на персидский рынок прошло немного, остальной сахар «исчез», однако были сведения, что он прошёл транзитом в Турцию, союзницу Германии. А в Юго-Западном крае, центре российской свеклосахарной промышленности, сахар внезапно сильно вздорожал. Дело сахарозаводчиков начато было грозно, но комиссия Батюшина не доследовала его, перечислили к киевскому судебному следователю, тот — выпустил их предварительно из тюрьмы, а затем нашлись ходатаи у трона.

Да и саму комиссию Батюшина, столь важную, — не сумели составить достойно, добротно. О бестолковом ведении ею следствия по делу Рубинштейна пишет сенатор Завадский[83]. Пишет в воспоминаниях и ставочный генерал Лукомский, что один из ведущих юристов комиссии полковник Резанов, несомненно знающий, оказался картёжник и любитель ресторанной жизни с возлияниями; другой, Орлов, — оборотень, который после 1917 послужил и в петроградской ЧК, а затем — у белых, потом провокационно вёл себя в эмиграции. Состояли там, очевидно, и другие подозрительные лица, кто-то не отказался и от взяток, вымогали выкупы у арестованных. Рядом бестактностей комиссия возбудила против себя военно-судебное ведомство в Петрограде и старших чинов министерства юстиции.

Однако и не одна Ставка занялась вопросом о спекулянтах, и именно в связи с деятельностью «вообще евреев». 9 января 1916 временный директор Департамента полиции Кафафов подписал секретное распоряжение — циркулярно всем губернаторам, градоначальникам и губернским жандармским управлениям. Но «разведка» общественности почти сразу вырвала этот секрет — и уже ровно через месяц, 10 февраля, Чхеидзе в Государственной Думе, оттесняя все очередные и срочные вопросы, прочёл этот документ с кафедры. А было в нём не только что «евреи... заняты революционной пропагандой», но и «помимо преступной агитации... избрали ещё два важных фактора — искусственное вздорожание предметов первой необходимости и исчезновение из обращения разменной монеты» — скупают её, а через то «стремятся внушить населе-

---

[83] *С.В. Завадский.* На великом изломе // АРР, 1923, т. VIII, с. 19–22.

нию недоверие к русским деньгам»: что «русское правительство обанкротилось, так как не имеет металла даже для монеты». А целью всё это имеет, в оценке циркуляра, — «добиться отмены черты еврейской оседлости, так как настоящий момент они считают наиболее благоприятным для достижения своих целей путём поддержания смуты в стране». Никаких мер при этом Департамент не предлагал, а сообщал «для сведения»[84].

На это отозвался Милюков: «К евреям применяют растопчинский приём: их выводят перед раздражённой толпой и говорят: вот виновные, берите их и расправляйтесь как знаете»[85].

А в тех же днях в Москве полиция оцепила биржу на Ильинке, стала проверять документы оперирующих там, и обнаружила 70 евреев без права жительства в Москве; такая же облава произошла и в Одессе. Это тоже внеслось в думский зал — и, сотрясая его, разгорелось то, чего так опасался ещё годом раньше Совет министров: «в настоящих условиях недопустимо возбуждение в Государственной Думе прений по еврейскому вопросу, которые могут принять опасные формы и явиться поводом к обострению национальной розни»[86]. Но прения начались, и продолжались сквозь несколько месяцев.

С наибольшей силой и страстью, как он один умел говорить, передавая слушателям всё возмущение сердца, высказался о циркуляре Департамента полиции — Шингарёв: «Нет той гнусности, нет того безобразия, которого не проделало государство, надругаясь над евреем, и государство христианское... огульно клеветать на целую народность... Оздоровление русской жизни только тогда и возможно... когда вы вынете эту занозу, эту болячку государственной жизни — травлю национальностей... Больно за русское управление, стыдно за русское государство». Русская армия осталась в Галиции без снарядов — «это евреи что ли сделали?». И «дороговизна вызвана массою сложных причин... Почему же в циркуляре написали только про евреев, почему не написали про русских и др.?». Ведь дороговизна повсеместна. И то же — с исчезновением разменной

---

[84] АРР, 1928, т. XIX, с. 267-268.

[85] ГД-4, сессия 4, заседание 18, 10 февр. 1916, с. 1312.

[86] АРР, 1926, т. XVIII, с. 49.

монеты. «А ведь это написано в циркуляре Департамента полиции»![87]

Не оспоришь.

Хорошо писать циркуляры в глубинных канцеляриях — а как поёжисто выходить перед разгневанным парламентом. Никуда не денешься, вытащен на трибуну Думы и сам автор циркуляра Кафафов: да циркуляр же, мол, не сопровождался никакими распорядительными действиями, он был направлен не в гущу населения, а к властям на местах, для сведения, а не для принятия мер, — и возбудил страсти лишь после того, как был продан «малодушны[ми]» служащими и оглашён с этой трибуны. Но вот, жалуется Кафафов, почему-то же не оглашены здесь другие секретные циркуляры, наверно тоже известные общественности, например, в мае 1915, он же подписал и такой циркуляр: «Среди некоторой части населения Империи в настоящее время разжигается крайнее озлобление против евреев», и Департамент «просит принять самые решительные меры к недопущению каких-нибудь выступлений в этом направлении», насильственных действий населения против евреев, «самыми решительными мерами пресекать в самом зародыше начавшуюся в некоторых местностях агитацию, не давая ей развиться в погромные вспышки». Или вот, тоже месяц назад, в начале же февраля, распоряжение в Полтаву: усилить осведомлённость, дабы «иметь возможность своевременно предупредить попытку погрома евреев»[88].

Почему же, жаловался он, — *таких* распоряжений разведка общественности не берёт, пусть себе текут в тишине?

Выступая пламенно, Шингарёв, однако, тут же и предупредил, что Дума не должна «дать развиться прениям в этом огромном потоке безбрежного еврейского вопроса». Но — именно это и произошло от оглашения того циркуляра. Да и сам Шингарёв неосторожно толкнул прения к тому, отойдя от защиты евреев и назвав, что изменники-то — именно русские: Сухомлинов, Мясоедов да генерал Григорьев, позорно сдавший Ковенскую крепость[89].

---

[87] ГД-4, сессия 4, заседание 33, 8 марта 1916, с. 3037-3040.

[88] Там же, заседание 34, 10 марта 1916, с. 3137-3141.

[89] Там же, заседание 33, 8 марта 1916, с. 3036-3037.

А это вызвало свой ответ. Марков ему возразил, что о Сухомлинове он не имеет права высказываться, ибо тот лишь под следствием. (Много цветов успеха сорвал Прогрессивный Блок на Сухомлинове, но к концу уже Временного правительства и сами вынуждены были признать, что — с пустышкой носились, никакой измены не было.) Мясоедов уже был осуждён и повешен (а есть данные, что тоже дутая история), Марков только прибавил, что «Мясоедов был повешен в компании шести... евреев шпионов» (факт не известный мне, Мясоедов был судим в одиночку), и вот, мол, таков *процент*[90].

Среди нескольких пунктов с трудом склеенной в августе 1915 программы Прогрессивного Блока — «автономия Польши» уже звучала призрачно, когда вся Польша отдана немцам; «уравнение крестьян в правах» — не с правительства надо было требовать, Столыпин это уравнение уже давно провёл, а не утверждала его как раз Дума, именно в соревновании с равноправием евреев; итак, «вступление на путь постепенного ослабления ограничений в правах евреев», при всей оглядчивой уклончивости этой формулировки, выступало теперь как главный пункт программы Блока. Депутаты-евреи входили в Прогрессивный Блок[91], а в печати на идише оглашали: «Еврейство желает Прогрессивному Блоку счастливого пути!»

И вот теперь, после изнурительных 2-х без малого лет войны, после фронтовых потерь и при кипящем раздражении в тылу, крайне-правые бросали упрёки: «Вы поняли, что перед народом надо разъяснить своё умолчание о немецком засилье, своё умолчание о борьбе с дороговизной и своё излишнее рвение к равноправию евреев». Какие требования «вы предъявляете теперь, во время войны, к правительству, — иначе гóните его вон и только то правительство признаете, которое даст равноправие евреям». Но не «давать же равноправие сейчас, именно теперь, когда все накалены до бешенства против евреев; ведь этим вы наталкиваете на этих несчастных евреев»[92].

[90] Там же, заседание 53, 9 июня 1916, с. 5064.

[91] КЕЭ, т. 7, с. 359.

[92] ГД-4, сессия 4, заседание 19, 11 февр. 1916, с. 1456; заседание 28, 29 февр. 1916, с. 2471.

Против того, что якобы кипит народный гнев, возражает депутат Фридман: «На этом тёмном фоне еврейского гнёта светлым пятном выделяется одно бытовое явление, которое я не могу обойти молчанием: это есть отношение русского населения внутренних губерний к евреям-беженцам, которые прибыли туда». Эти беженцы-евреи «встречают гостеприимство и помощь». Это «залог нашего будущего, залог нашего единения с русским народом». Но настойчиво винит во всех еврейских злоключениях — правительство, и снова до той высоты обвинения, что «погромы никогда не происходили, когда этого не желало правительство». И, через членов Государственной Думы, «я обращаюсь ко всему 170-ти-миллионному населению России... вашими же руками хотят занести нож над еврейским народом в России»[93].

На это звучал ответ: да знают ли депутаты Думы настроение страны? «Страна не пишет в еврейских газетах, страна страдает, работает... и бьётся в окопах, вот там страна, а не в еврейских газетах, где сидят незнакомцы, работающие по неизвестным директивам». И уже вплоть до: «Зависимость печати от правительства это есть зло, но есть ещё бóльшее зло: зависимость печати от врагов русского государства»[94].

Как и предчувствовал Шингарёв, для либерального думского большинства теперь было бы нежелательно эти прения по еврейскому вопросу продолжать. Но уж как потянули цепь — её не остановишь. И потащился хвост и хвост выступлений — на 4 месяца, до полного закрытия осенней сессии, то и дело прорываясь между другими текущими делами.

Нет, обвиняли правые Прогрессивный Блок, в Думе не будет борьбы с дороговизной: «С банками, с синдикатами, стачками промышленников вы бороться не будете, ибо это значило бы, что вы стали бороться с еврейством». А вот, мол, продовольствие Петрограда «сдан[о] был[о] обновленческой управой на откуп двум иудеям — Левенсону и Лесману», Левенсону — снабжение столицы мясом, а Лесману —

---

93 ГД–4, сессия 4, заседание 19, 11 февр. 1916, с. 1413–1414, 1421, 1422.

94 Там же, с. 1453–1454; заседание 28, 29 февр. 1916, с. 2477.

продовольственные лавки, и он нелегально продавал муку в Финляндию. И ещё много других примеров поставщиков, вздувающих дороговизну [95]. (Обелять перекупщиков никто из депутатов не взялся.)

А дальше — не могло не докатиться обсуждение и до жгучей во время войны *процентной нормы*. Как мы видели, она была возобновлена после революции 1905 года, но шаги к ослаблению её начались широким применением практики экстерна за гимназию и разрешением сдавать государственные экзамены евреям-медикам, получившим заграничные дипломы; и с дальнейшими послаблениями — но не отменой — в 1915, когда рухнула черта оседлости. Министр просвещения П.Н. Игнатьев (1915–16), весьма популярный в обществе (и никак не преследуемый после Февраля), ещё ослабил процентную норму в высшие учебные заведения.

И вот, весной 1916, этот вопрос продолжительно зазвучал в прениях ГД. Обсуждается смета министерства народного просвещения, и депутат из Одессы, профессор Новороссийского университета Левашев сообщает, что положение Совета министров 1915 (о приёме вне нормы детей евреев, состоящих в Действующей армии) — министерством просвещения вот произвольно распространено и на детей служащих Земгора, учреждений по эвакуации, госпиталей, а также и на лиц, [ложно] объявляющих себя на иждивении родственника, служащего в армии. И что вот в Новороссийском университете в 1915 на первый курс медицинского факультета принято всего 586 человек — «и из них 391 евреев», то есть две трети, и только одна треть «оста[ё]тся для других народностей»; в Варшавский (Ростов-на-Дону): на юридический факультет принято евреев — 81%, на медицинский — 56%, на физико-математический — 54%[96].

Гуревич возражает Левашеву: так вот и доказательство, что процентная норма вовсе не нужна: «Какой же смысл процентной нормы, когда даже в этом году, при возвышенном приёме евреев, и то оказалось возможным принять всех христиан, которые хотели поступить»? так

[95] Там же, заседание 49, 23 мая 1916, с. 4518.

[96] Там же, заседание 36, 14 марта 1916, с. 3360–3363.

что вам — нужны пустые аудитории? В маленькой Германии большое число еврейских профессоров — и Германия не гибнет[97].

Возражение Маркова: «Университеты пусты, [оттого что] русские студенты взяты на войну, а туда [в университеты] шлют массу евреев». «Спасаясь от воинской повинности», евреи «в огромном количестве наполнил[и] сейчас Петроградский университет и выйд[ут] через посредство его в ряды русской интеллигенции... Это явление... бедственно для русского народа, даже пагубно», ибо всякий народ — «во власти своей интеллигенции». Русские «должны охранять свой верхний класс, свою интеллигенцию, своё чиновничество, своё правительство; оно должно быть русским» [98].

Ещё через полгода, осенью 1916, к этому вопросу вернётся депутат Фридман, спросит Думу опять: так что, «пусть лучше наши университеты пустуют... пусть Россия останется без интеллигентных сил... лишь бы там не было много евреев?» [99].

С одной стороны, конечно был прав Гуревич: зачем аудиториям пустовать? каждый пусть занимается своим делом. Но, так поставив вопрос, не подтвердил ли он правым их подозрения и горечь: значит, дело наше *не общее*? дело одних — воевать, а других — учиться?

(Да вот и мой отец — покинул Московский университет не доучась, добровольно пошёл воевать. Тогда казалось — жребий влечёт единственно так: нечестно не идти на фронт. Кто из тех молодых русских добровольцев, да и кто из оставшихся у кафедр профессоров? — понимал, что не всё будущее страны решается на передовых позициях войны. Куда идёт эпоха — вообще никто не понимал в России, да и в Европе.)

Весной 1916 прения по еврейскому вопросу были остановлены как вызывающие нежелательное возбуждение в обществе. Но к теме национальностей свернула и поправка закона о волостном земстве. Впервые создаваемое волостное земство обсуждалось зимой с 1916 на 1917, в последние

---

97 ГД-4, сессия 4, заседание 37, 15 марта 1916, с. 3392.

98 Там же, заседание 19, 11 февр. 1916, с. 1456; заседание 37, 15 марта 1916, с. 3421; заседание 53, 9 июня 1916, с. 5065.

99 ГД-4, сессия 5, заседание 2, 3 нояб. 1916, с. 90.

думские месяцы. И вот, когда главные думские ораторы что-то ушли в буфет или на квартиры уехали, в зале сидела лишь половина смирных депутатов, сумел добраться до трибуны и вятский крестьянин Тарасов, кого никогда тут и не услышишь. И робко пробирался к сути так: Например, поправка к закону «принимает всех, и евреев, скажу, и немцев — кто бы ни приехал в нашу волость. Так что этим какое право предоставляется?... Эти лица, приписавшиеся [к волости]... они ведь то место займут, а крестьяне остаются совершенно без всякого внимания... Если будет председателем волостной земской управы еврей, а его супруга делопроизводителем или секретарём, так что́ это, крестьянам дают право?... Что же будет, где будут крестьяне?... Вот, наши доблестные воины вернутся и какие будут им права предоставлены? Стоять на задней линии; а как во время войны — так на передовых позициях крестьяне-то все в серых шинелях... Не вноси́те вы таких поправок, которые совершенно противоречат быту практической крестьянской жизни, а именно, не давайте права участия в выборах в волостном земском самоуправлении евреям и немцам, ибо таковые народности, они не принесут не только какой-либо пользы населению, а громаднейший вред, и беспорядки будут чинимы в стране. Мы, крестьяне, не поддадимся этим национальностям»[100].

А тем временем — публичная кампания за еврейское равноправие продолжалась. В поддержку были привлечены и организации, прежде никак не касательные к этому, как например гвоздевская Рабочая группа, представлявшая интересы русского пролетариата. Весной 1916 Рабочая группа подтвердила, что ей известно: «реакция» (подразумевалось правительство и аппарат м.в.д.) «открыто подготовляет всероссийский погром» евреев. И Козьма Гвоздев повторил эту чушь на съезде военно-промышленных комитетов. — В марте 1916 Рабочая группа обращается с письмом к Родзянке, протестуя и против того, что Дума прекратила прения по еврейскому вопросу как вызывающие возбуждение; за это группа обвиняла уже и саму Думу в потворстве антисемитам: «Поведение большинства Государственной думы в заседании от 10 марта фактически явилось прямой поддержкой и подкреплением антисемитской погромной

[100] Там же, заседание 15, 13 дек. 1916, с. 1069-1071.

политики господствующего курса... Думское большинство своей поддержкой боевого антисемитизма господствующих кругов наносит опасный удар делу самозащиты страны»[101]. (Не согласовались, не поняли, что в Думе левая-то сторона и нуждалась погасить прения.) — Рабочих поддерживали и «еврейские группы», по донесению петроградского Охранного отделения в октябре 1916 «переполнившие ныне столицу и ведущие беспартийную, но резко враждебную власти политику»[102].

А что же власти? Прямые документы неизвестны, но в сменных министерских составах 1916 года, видимо, уже серьёзно готовился акт о еврейском равноправии. О том не раз упоминал Протопопов и ему, очевидно, уже удалось значительно уговорить Николая II. (Протопопов ещё и потому мог спешить, чтобы перекрыть начавшуюся против него кампанию от левых кругов.) — А последний к революции начальник петроградского Охранного отделения ген. Глобачёв в своих воспоминаниях пишет, со слов последнего же министра юстиции Добровольского, что «проект закона о равноправии евреев был уже приготовлен [в предреволюционные месяцы] и, по всей вероятности, закон был бы объявлен на Пасху 1917»[103].

Но Пасха 1917 наступила уже не при этих властях. Сбылись острые желания наших радикалов и либералов.

«Всё для победы!» — да, но «не с этой властью!» И русская и еврейская общественность, и пресса оставались вполне преданы Победе, даже первые раззадорщики её, — но только *не с этим правительством! не с этим царём!* Они были в запале всё того же уверенного соображения, с которым начали войну, простого и гениального: ещё на ходу этой войны (а то потом будет трудней) и непрерывно побеждая Германию, — сбросить царя и сменить государственный строй. А тогда — наступит и еврейское равноправие.

---

101 К истории гвоздевщины // Красный архив, 1934, т. 67, с. 52.

102 Политическое положение России накануне Февральской революции // Красный архив, 1926, т. 17, с. 14.

103 *К.И. Глобачёв.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего Начальника Петроградского Охранного Отделения. Декабрь 1922 / Хранение Колумбийского университета, машинопись, с. 41.

Мы рассмотрели во многих подробностях всеразличные обстоятельства, сопровождавшие 120-летнюю совместную жизнь русских и евреев в одном государстве. Одни из сложностей разрешались с ходом времени, другие возникали и набухли в последние годы — вот, к весне 1917. Но эволюционность развития определённо брала верх и обещала строительную основательность впереди.

И в этот самый момент разнесло взрывом вместе с государственным устройством России — и все плоды эволюции, и военное устояние, оплаченное многою кровью, и надежды на расцветную жизнь, — произошла Февральская революция.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Солженицын А.И.

С 60 Двести лет вместе: В 2 ч. Ч. 1. — М.: Русский путь, 2001. — 512 с.

ISBN 5-85887-110-0

Книга описывает историю еврейского народа в Российском государстве. Часть I охватывает период с 1795 по 1916.

ББК 63.3(2)

ЛР № 040399 от 03.03.1998
Подписано в печать 04.06.01. Формат 60×90/16.
Усл.печ.л. 32,0. Заказ № 5080

ЗАО «Издательство "Русский путь"»
109004, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2, стр. 1
Тел.: (095) 915-10-47. E-mail: moskvin.rp@mtu-net.ru
www.russkijput.nm.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Типография "Новости"»
107005, Москва, ул. Ф.Энгельса, д. 46

